

Иван Михайлович Концевич

И.М. КОНЦЕВИЧ

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ

*Печатается с разрешения
Свято-Троицкого монастыря
в Джорданвилле, США*

Свято-Введенская Оптиная Пустынь

2008

УДК 271.22-788-9
ББК 86.372
К 65

Разрешено к печати Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Концевич И.М.

Оптина Пустынь и ее время / Иван Михайлович Концевич. – Перепечатка с изд. Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), 1970, перераб. и доп. – Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2008. – 688 с. : ил., портр.

Книга «Оптина Пустынь и ее время» написана известным писателем и богословом русского зарубежья Иваном Михайловичем Концевичем (1893–1965). В вводных главах раскрывается понятие старчества и прослеживается его история в России в XVIII–XIX веках. Особое внимание автор уделяет жизни и подвигам преподобных старцев Оптинских. В книге содержатся их письма и поучения, драгоценные воспоминания современников и духовных чад, в числе которых был и сам И.М. Концевич. Его книга интересна, познавательна и поучительна до сих пор и очень востребована читателями. Понимая, как душеполезно для любого православного ее чтение, переиздаем этот труд, снабдив его необходимыми примечаниями и именованным указателем.

ISBN 978-5-86594-140-8

© Свято-Введенская Оптиная Пустынь,
редактирование, макет, оформление, 2008
© Свято-Троицкий монастырь
в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга И.М. Концевича «Оптина Пустынь и ее время» впервые была издана в 1970 г. Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле (США).

Сам автор при жизни не успел закончить работу над ней, и она была подготовлена к изданию его вдовой Е.Ю. Концевич и другом Г.Д. Подмошенским. С тех пор книга пользовалась неизменным интересом читателей и многократно переиздавалась, сначала за рубежом, а потом и у нас в стране.

Все вышедшие до сих пор издания не подвергались каким-либо исправлениям. Между тем автор и публикаторы, не имея под рукой всей необходимой литературы, допустили в работе ряд ошибок и неточностей, выявленных при подготовке настоящего издания и потребовавших серьезного редакционного вмешательства.

Была проведена текстологическая, литературная и научная редакция. При этом авторский текст подвергся следующим изменениям.

Были убраны многочисленные повторы, как например, дважды помещенный рассказ О.Н.Т. о посещении старца Анатолия (Потопова). Смеем предположить, что такого рода повторы вызваны тем обстоятельством, что автор параллельно с написанием книги выступал с лекциями, используя потом их записи как отдельные главы. Тем же могла быть вызвана встречающаяся иногда нелогичность изложения. Так, глава о Петре Киреевском, которая следует за главой об Иване Киреевском, содержала подробный рассказ о родителях братьев Киреевских, хотя логичнее было предварить им рассказ о самих братьях. Текст некоторых глав перекомпонован в соответствии с хронологической последовательностью описываемых событий, например биография архим. Феофана. В единичных случаях фрагменты авторского текста были перенесены в примечания.

Последовательность авторского оглавления была сохранена, но изменено деление на подглавы. Из заголовков убраны даты, а из подзаголовков – нумерация.

Авторский текст изобилует цитатами, поэтому проведенная научная редакция в первую очередь была связана с проверкой, уточнением и атрибуцией цитат, что, к сожалению, удалось сделать не всегда. Выверены имеющиеся и сделаны недостающие ссылки на цитаты из Священного Писания; выверено большинство авторских примечаний. Кроме того, часть внутритекстовых авторских примечаний перенесена в постраничные. Если примечание сделано автором цитируемого произведения, то оно снабжено соответствующей пометой, например – *Примеч. С.А. Нилуса*. Все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат автору. Авторские пояснения внутри цитаты приводятся в круглых скобках. Вновь найденные цитаты заключены в кавычки, их адреса, как и адреса атрибутированных цитат, даны в подстрочных примечаниях с пометой – *Примеч. ред.* В тех случаях, когда редакция не располагала указанными автором изданиями, цитаты выверялись по другим, современным изданиям. В связи с этим в примечаниях, кроме обычной библиографической записи, сообщается дополнительная информация о главах, датах дневниковых записей и т. п.

Встречающиеся в тексте фактические ошибки и неточности оговорены в примечаниях.

В тексте, где было возможно, раскрыты инициалы. В некоторых случаях сделаны подстрочные примечания о лицах, упоминаемых в тексте. Главным образом это касается насельников Оптиной Пустыни. Об остальных лицах содержатся краткие сведения в «Указателе имен», который помещен в конце книги.

Что касается литературной редакции, то в первую очередь следует отметить, что текст был переведен из старой орфографии в современную. При этом были устранены многочисленные опечатки и технические ошибки; исправлены невольные вкравшиеся грамматические ошибки, выявлены недостатки смыслового и стилистического характера. Пунктуация приведена в соответствие с нормами

современного русского языка. В нескольких случаях, следуя логике изложения, восстановлены пропуски слов и словосочетаний. Унифицированы разночтения, написание прописных и строчных букв, раскрыты сокращения. Курсивом выделены цитаты из Священного Писания, также курсивом даны слова и отрывки текста, выделенные в предыдущих изданиях полужирным прямым начертанием.

Н. Лазарева

ОБ АВТОРЕ

Иван Михайлович Концевич родился 19 октября 1893 г. в Полтаве, на Украине. Он был старшим сыном в семье нецерковных, но патриотически настроенных родителей. Его отец, служащий судебного, а потом и податного ведомства, был расстрелян в первые же годы советской власти. Средний брат, Владимир, погиб во время Первой мировой войны. Младший, Олег, со временем принял монашество с именем Нектарий и стал епископом. Мать, А.К. Концевич, после гибели мужа и среднего сына стала преданной духовной дочерью Оптинского старца Нектария, была пострижена в монашество с именем Нектария.

По окончании гимназии Иван Михайлович продолжил образование сначала на математическом факультете Киевского университета, а с 1915 г. – Харьковского. В Харькове Иван Михайлович жил в доме протоиерея Николая Сангушко-Загоровского, почитателя Оптиной Пустыни и духовного сына старца Анатолия (Потапова). Студенческие годы стали для Ивана Михайловича временем духовного становления. Он постоянно помогал о. Николаю в храме и всюду сопровождал его. После гибели среднего брата Иван Михайлович предложил семье поехать в Оптину Пустынь. Эта поездка Концевичей в Оптину в 1916 г. глубоко переменяла их жизнь. С тех пор Иван и Олег стали духовными чадами Оптинского старца Нектария.

В Гражданскую войну Иван Михайлович оставил четвертый курс университета и рядовым вступил в Добровольческую армию, участвовал в боевых действиях, получил контузию. С армией П.Н. Врангеля в 1920 г. он покинул Россию и первые годы эмиграции провел вместе со многими русскими воинами в военном лагере Галлиполи (Турция). Здесь он окончил военное Николаевско-Алексеевское инженерное училище и был произведен в офицеры. Затем И.М. Концевич некоторое время работал в Болгарии на прокладке туннеля, а потом переехал во Францию.

К 1920-м годам относится его переписка со старцем Нектарием Оптинским, который продолжал духовно окормлять Ивана Михайловича. Старец не благословил его на монашество и советовал продолжить образование. В 1930 г. Концевич окончил физико-математический факультет Сорбонны, а позднее — еще и технический институт по специальности электроинженера. Он хотел получить также и богословское образование, но осуществить этот замысел удалось только в 1940-е гг., поскольку приходилось зарабатывать на существование.

В 1935 г. Иван Михайлович женился на Елене Юрьевне Карцовой (1893–1989), которая стала его надежной спутницей в нелегкой эмигрантской жизни и незаменимой сотрудницей в научно-литературных трудах. Елена Юрьевна была дочерью Ю.С. Карцова, близкого друга русского мыслителя и писателя К.Н. Леонтьева, в монашестве Климента. С 8 до 15 лет, согласно последней воле рано умершей матери, Елена воспитывалась у своей двоюродной тети, фрейлины императрицы Александры Федоровны Е.А. Озеровой-Нилус, жены известного духовного писателя С.А. Нилуса. Верные ученики святых Оптинских старцев К.Н. Леонтьев и С.А. Нилус в разные годы жили подле обители, питаясь ее благодатным духом. Так еще в отрочестве в жизнь Елены Юрьевны навсегда вошла Оптина Пустынь. К моменту встречи с Иваном Михайловичем она думала о монашестве, но Оптина соединила Концевичей.

По взаимному согласию они отправились для заключения брака в Алжир для того, чтобы получить напутствие в семейную жизнь у ученика Оптинского старца Варсонофия протоиерея Василия Шустина. Духовная связь с о. Василием не прерывалась у семьи Концевичей все последующие годы.

После женитьбы супруги поехали на юг Франции, в Прованс (древнюю Галлию), где по своим служебным обязанностям Иван Михайлович должен был проводить электричество в глухие села. Работать при-

Иван Михайлович, студент Сорбоннского Университета

ходило в тех местах, где на заре христианства жили и подвизались великие подвижники свт. Афанасий Великий, прп. Кассиан Римлянин и другие. Иногда, не имея подходящего жилья, супруги Концевичи останавливались в пещерах и оставшихся в виде руин древних постройках, куда входили с благоговением, как паломники.

В годы Второй мировой войны Иван Михайлович поступил в Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, который закончил в 1948 г. со званием кандидата богословия. В своем кандидатском сочинении «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси» И.М. Концевич попытался осветить сущность подвига трезвения и умной молитвы, приводящих к Богообщению, и связанного с этим подвигом благодатного старчества. Автор сочетал богословский и исторический подходы, чтобы показать, как умное делание развивалось в древнем монашестве на Востоке и в России в X–XVII веках. Во время учебы в Свято-Сергиевском богословском институте неоценимую помощь Ивану Михайловичу оказывала Елена Юрьевна, собиравшая фактический материал для будущей книги в библиотеках Парижа. Концепцию и аргументацию развивал Иван Михайлович. В годы работы над этим трудом у Концевича родилась идея написать трилогию. Она виделась ему в трех книгах: «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси», «Старец Паисий и его ученики», «Оптина Пустынь и ее время». Идея И.М. Концевича нашла поддержку и одобрение у профессора А.В. Карташева.

Первая часть трилогии, «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси», была издана в 1952 году. Она во многом повторяла кандидатскую диссертацию Ивана Михайловича. Книга увидела свет благодаря стипендии Богословского института, помощи со стороны епископа Серафима и собственным средствам семьи Концевичей. Иван Михайлович с Еленой Юрьевной сами делали корректуру.

Работа над следующими томами трилогии продолжалась уже в США, куда Концевичи переехали в 1952 г. Сначала они жили в Нью-Йорке, в негритянском районе, в тяжелых условиях, потом смогли купить домик на берегу залива в университетском городке Берклей (штат Калифорния). Иван Михайлович продолжал работу над двумя следующими книгами и преподавал патрологию в Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Зарубежной Церкви. Кроме того, он подготовил к изданию книги «Старец Нектарий Оптин-

ский» (1953) и «Истоки душевной катастрофы Льва Толстого» (1960), а также ряд статей.

В 1954 г. супруги Концевичи переехали с Атлантического на Тихоокеанское побережье США, в Сан-Франциско. В Америке Концевичи много содействовали Братству преподобного Германа Аляскинского в просветительской, издательской и миссионерской деятельности среди американцев. Они сблизились с несколькими молодыми людьми — основателями братства, среди которых был Юджин Роуз, впоследствии известный духовный писатель и миссионер иеромонах Серафим, и Глеб Подмошенский, будущий игумен Герман.

Но свой труд об Оптиной Пустыни Иван Михайлович закончить не успел. Он скончался 6 июля 1965 г. в Сан-Франциско.

Его современник так вспоминает о последних днях писателя: «В июне 1965 года профессора Концевича мучила смертельная болезнь — рак.

— Пока не допишете два тома Вашей трилогии, Вам нельзя умирать, — говорил ему Глеб.

Уже написанную книгу «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси» Иван Михайлович намеревался продолжить томом об учениках старца Паисия Величковского и заключить еще одним томом — об Оптиной Пустыни.

— Брат Глеб, — с грустью отвечал профессор, — они у меня даже вчерне не написаны. Так, разрозненные записки.

Уже на смертном одре он обратился к Глебу с просьбой:

— Не оставьте жену. Помогите во всем, что она попросит. Уговорите ее продолжить мой труд»*.

После смерти писателя его вдове Е.Ю. Концевич и Г.Д. Подмошенскому удалось завершить трилогию профессора Концевича,

* *Дамаскин (Христенсен), иеромонах*. Не от мира сего: Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского. М., 1995. С. 302.

Елена Юрьевна Карцова
в юности

сведя материалы второго и третьего тома в одну книгу «Оптина Пустынь и ее время». Она впервые увидела свет в 1970 г., в типографии преподобного Иова Почаевского Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк).

Эта книга была и остается одной из лучших работ об Оптиной Пустыни. В ней передан высокий дух Оптиной Пустыни и ее старцев, их благотворное влияние на русское общество, русскую мысль и русскую литературу XIX века. Очень важно и то, что автор книги – талантливый и благочестивый человек, который застал еще старую Оптину, всю жизнь питался от ее животворных корней и сумел донести свой опыт общения с ее святыми старцами до нас. Это не только исследование богослова, но и живое свидетельство многих очевидцев и яркий памятник русской духовной литературы XX столетия.

*С.В. Бушуев,
ведущий научный сотрудник
Российской Государственной библиотеки,
старший преподаватель
Российского православного института
св. Иоанна Богослова*

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с христианством было перенесено на Русь и то духовное делание древних египетских пустынных, которое развивалось впоследствии среди монашества в Византийской империи на протяжении более 1000 лет ее существования.

В XV столетии, когда Русь потеряла связь с христианским Востоком вследствие нашествия турок, это внутреннее делание было забыто. И когда в конце XVIII века его возродил в Молдавии схиархимандрит Паисий Величковский, оно – это делание – многим показалось небывалым новшеством. С момента его проникновения в Россию Оптиная Пустынь явилась главным средоточием этого подвига и связанного с ним старчества.

В Оптиной оно передавалось около 100 лет из поколения в поколение и прервалось только с разгромом этого монастыря большевиками.

Этой теме я посвятил всю свою жизнь.

Когда в Духовной Академии¹ мне предстоял выбор темы для кандидатского сочинения, я хотел писать об Оптиной Пустыни и ее старцах. Для кандидатского сочинения необходимо было изучить всю литературу, касающуюся данной темы. При изучении ее я увидел, что вопрос о сущности старчества совершенно не освещен в богословской науке. Мало того, встречались неправильные и противоречивые мнения. Не было даже определения понятия старчества. Поэтому я начал с самого начала: с объяснения духовного делания и его возникновения в истории, а в частности – и в духовной жизни нашего народа, так как духовная жизнь народа связана с духовной жизнью монашества. Плодом этого явилась моя книга «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси». В ней выражено православное мирозерцание с исторической перспективой. Но эта книга служит только введением к главной теме.

¹ Имеется в виду Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. – *Примеч. ред.*

Глава I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА

Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать... А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение.

(1 Кор. 14, 1, 3)

Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское.

Непосредственно за апостолами стоят пророки (См.: Еф. 4, 11; 1 Кор. 12, 28). Их служение состоит главным образом *в назидании, увещании и утешении*. С этой именно целью, а также для указания или предостережения пророками предсказываются будущие события.

Через пророка непосредственно открывается воля Божия, а потому авторитет его безграничен.

Пророческое служение – особый благодатный дар, дар Духа Святаго (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением – прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, видит душу человека, его прошлое и будущее.

Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни и требовалась от пророка с первых времен христианства: «Он должен иметь “нрав Господа”. От нрава может быть познан лжепророк и (истинный) пророк», – говорит

древнейший памятник II века «Учение двенадцати апостолов» (Дидахе)².

Служения, перечисленные апостолом Павлом, сохранялись в Церкви во все времена. Апостольское, пророческое и учительское служения, являясь самостоятельными, могут совмещаться с саном епископа или пресвитера.

Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярче всего оно проявляется в монастырском старчестве.

Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех *назидали, увещевали и утешали*, исцеляли от болезней духовных и телесных. Предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Представляя собою прямое продолжение пророческого служения, старчество с этим именем и в этой форме появляется лишь в IV веке, вместе с возникновением монашества, как руководящее в нем начало.

Благодатное старчество есть одно из высочайших достижений духовной жизни Церкви – это ее цвет, это венец духовных подвигов, плод безмолвия и богосозерцания.

Оно органически связано с иноческим внутренним подвигом, имеющим цель достижения бесстрастия, а потому и возникает одновременно с монашеством на заре христианства.

² *Попов К.* Учение двенадцати апостолов. Киев, 1884. С. 21, 36. Профессор К. Попов, написавший об этом памятнике специальное исследование, относит его к концу I века. Следовательно, еще жив был тогда апостол Иоанн Богослов, а может быть, и другие апостолы. Благодаря этому памятнику мы узнаем многое из жизни первохристианской Церкви. Пять лет искал я, как оформить понятие о старчестве, так как в нашей современной богословской литературе его нет. И вот ответ на свое искание я нашел, хотя и под другим именем – не под именем старчества – в самом древнем христианском памятнике «Учение двенадцати апостолов».

Но в беге времен старчество процветает местами, достигая апогея своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы, может быть, снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова восстающей. Так забыто оно было и в России ко времени Паисия Величковского. Он возродил старчество, которое и стало процветать у нас во многих местах.

И хотя это было возрождением древней традиции той же России, но для большинства казалось малопонятным новшеством. Протоиерей Сергей Четвериков, писавший о старцах, говорит, что в нашем дореволюционном прошлом русское монастырское старчество мало было изучено и недостаточно оценено русским обществом. Последнее имело смутное представление о старчестве³.

Даже наша молодая богословская наука не успела разработать этот вопрос. «Вопрос о старчестве в древнерусских монастырях совершенно не затронут в научной литературе. Судя по житиям, оно было общераспространено», – говорит профессор Н.И. Серебрянский⁴.

Также и церковная иерархия нередко становилась в тупик перед этим явлением. Отсюда частые гонения, которым подвергались старцы: преподобный Серафим Саровский, о. Варнава Гефсиманский, Оптинские: о. Леонид, о. Амвросий, а на нашей памяти о. Варсонофий.

Конечно, далеко не все иерархи гнали старчество. Так, например, ему в свое время покровительствовали такие выдающиеся святители, как митрополит Гавриил или оба Филарета – Московский и Киевский, – которые сами были подвижниками и аскетами.

Но если непонимание старчества вызывало его гонение, то это непонимание было причиной и обратного явления, когда доверчиво

³ См.: Четвериков С., *прот.* Из истории русского старчества // Путь. 1927. № 1. С. 74.

⁴ Серебрянский Н.И. Очерки по истории монашеской жизни в Псковской земле. (Цит. по: Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 26, сноска 5.)

принимались всякие проходимцы, самозванцы или самопрельщенные, которые выдавали себя за старцев, но ничего общего с ними не имели.

Такое невежество и легкомыслие общества приносило вред не только потому, что подрывало веру и уважение к этому имени, но было и губительно, так как было причиной духовной смуты и даже разложения в политической жизни страны.

Отметим еще одно явление псевдостарчества, которое мы можем наблюдать и в современной действительности: современное духовничество, как мы вскоре увидим, родилось из древнего монастырского старчества и является его вторичной формой. Благодаря родственности этих двух явлений, духовничества и старчества, у малоопытных священников, знакомых с аскетической литературой только теоретически, всегда может возникнуть соблазн «превышения власти» – перехода грани духовничества, чтобы старчествовать, – в то время как они даже понятия не имеют, в чем сущность истинного старчества. Это «младостарчество» (по одному меткому выражению) вносит разлад в окружающую жизнь. Оно таит опасность причинить и непоправимый вред душе опекаемого. Известны случаи даже самоубийства как результат такого повреждения.

От иноков-учеников требовалось всецелое послушание старцам-учителям: «Если кто имеет веру к другому и сам себя отдает в подчинение ему, тот не имеет нужды внимать заповедям Божиим, а должен предать волю свою отцу своему, и не останется виновным перед Богом»⁵.

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Это лично на себе испытал пишущий эти строки. Старец – непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости и неопишуемого мира в

⁵ *Смирнов С.И.* Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2.

душе. Напротив того, лжестарец заслоняет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и – почти всегда – уныния. Мало того, всецелое преклонение ученика перед лжестарцем вытравливает в нем личность, хоронит волю, извращает чувство справедливости и правды и, таким образом, отучает его сознание от ответственности за свои действия.

О лжестарчестве Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) говорит так: «Страшное дело – принять по самомнению и самовольно на себя обязанности (старчество), которые можно исполнить только по повелению Святаго Духа и действием Духа, страшное дело – представлять себя сосудом Святаго Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто, и сосуд не перестает оскверняться действиями сатаны (т. е. еще не достигнуто бесстрастие). Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно оно перед Богом, богохульно»⁶.

Лжестарчество вызывает *гипноз идей*. И так как в основе лежит ложная идея, эта идея вызывает духовное ослепление. Когда ложная идея застилает реальность, то никакие доводы больше не принимаются, так как натываются на *idee fixe*, которая считается незыблемой аксиомой.

Человек движется вперед, как сомнамбула, пока не ударится лбом о стену. Он разбивает голову себе и зачастую тем, кто с ним связан. Подобная катастрофа постигает приверженцев лжестарчества. Оттого среди них так часты случаи самоубийств и всякого рода отчаяния.

Отчаяние есть первый симптом того, что человек болен духовной болезнью, которую мы именуем *гипноз идей*. Отчаяние – это неизбежный результат крушения тех построений, которые созданы на ложном основании. Отчаяние есть осязательное доказательство

⁶ Игнатий (Брянчанинов), *свт.* Сочинения. СПб., 1867. Т. 4. С. 94.

того, что человек попал в заколдованный круг, им же самим созданный, благодаря неверным, ложным предпосылкам. *Отец же лжи есть диавол* (Ср.: Ин. 8, 44).

Такая трагедия постигает приверженцев лжестарца. Поэтому лжестарчество есть явление антихристианское, ведущее к погублению душ.

Когда истинные старцы, можно сказать, отсутствуют, люди, жаждущие найти себе духовную опору, выбирают какое-либо духовное лицо, им почему-либо симпатичное, и говорят: «Я отношусь к нему, как к старцу». Если духовник окажется трезвым, духовно-честным, он резко отстранит такое отношение. Но сколько таких, которые охотно попадают в сети, им расставляемые. Ибо это «лицедейство», по выражению епископа Игнатия (Брянчанинова), ведет самозванного старца к духовной смерти. Он сам теряет почву под ногами и идет кривыми путями, растеряв все то, что собирал и приобретал за всю прошлую жизнь.

Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике *духовным таинством*, оно находится под водительством Духа Святаго. Всякие же подделки и фальсификации – суть явления с левой стороны. Если первое ведет к жизни, то второе, если человек вовремя не опомнится, ввергнет его в полное расстройство духовной жизни, имеющее концом всякого рода катастрофы.

Нельзя отнести к старчеству и другое, наблюдаемое в последнее время в монастырях: это установление так называемых монастырских старцев, которым поручается чисто внешнее руководство первоначальными и обучение их монастырским обычаям и послушаниям. Но здесь не подразумевается наставление о внутренней брани или благодатное руководство братьями.

В труде профессора В.Н. Малинина «Старец Филофей»⁷ мы находим целый ряд примеров употребления слова «старец» в раз-

⁷ Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

личных значениях по письменным памятникам XV и XVI веков. Так, слово «старец» обозначало:

1) вообще престарелого инока, независимо от его иерархического положения в среде братства монастыря, в противовес мирскому человеку (грамота архиеп. Феодосия в Псково-Печерский монастырь от 1543 г., а также в актах);

2) иногда под старцем разумеется монах, не имеющий никакой степени священства, и в этом случае старец противопоставляется игумену, священнику и диакону (грамота великого князя Василия Иоанновича от 1533 г.);

3) в некоторых многолюдных монастырях со временем выделялись старцы соборные, принимавшие участие в управлении делами монастыря вместе с игуменом, келарем и казначеем (уставная грамота Соловецкого монастыря от 1548 г. и др.);

4) старцем называется тот, кому поручено духовное руководство новоначального или падшего инока (грамота архиеп. Феодосия от 1543 г.);

5) эти старцы-руководители обыкновенно выбирались из лиц высокой нравственной жизни, назывались иногда духовными старцами. Они пользовались большим почетом и считались кандидатами не только на должности монастырские, но даже в митрополиты. Имело значение, конечно, и прежнее социальное положение инока в миру. Защищая монастырскую недвижимую собственность, преподобный Иосиф Волоцкий писал: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благоразумному человеку постричься, и аще не будет честных старцев, отколе взять на митрополию, или архиепископа, или епископа. А коли не будет честных старцев и благородных, то будет вере поколебание»;

6) в значении наставника, руководителя старцем является и игумен монастыря. Вот, например, древняя Триодь Волоколамского монастыря с надписью: «Триодь постная, письмо самого отца нашего преподобного старца Иосифа Чудотворца».

Наконец, прибавим от себя, слово «старец» как раньше, так и теперь может быть отнесено ко всякому монаху. Всякий монах как таковой

есть *ἱερόν* или *καλούγηρας*, т. е. «старец». Славяне это наименование употребляли или буквально: «калугер», или переводили: «старец»⁸.

Но все эти понятия, вкладываемые в слово «старец», не соответствуют тому понятию старца-харизматика, которое является предметом нашего исследования. Также и сам старец Филофей не относится к последнему типу – это обыкновенный учительный старец, не одаренный особыми харизмами.

С самого своего возникновения монашество ставило себе целью достижение бесстрастия. Вся аскетическая литература говорит о психологических законах, по которым протекает жизнь души, указывает пути очищения от страстей, разрабатывает методы к достижению бесстрастия, говорит о нем и связанных с ним безмолвии и богосозерцании. Создается целая наука о душе, и возникает целое исихастическое богословие. Новоначальный монах самостоятельно не в состоянии разобраться во всем этом огромном материале. На пути к бесстрастию должен быть руководитель, учитель-старец, сам прошедший эту школу и достигший уже бесстрастия.

Обратимся теперь к историческому исследованию происхождения современного духовничества и его связи с древнемонашеским старчеством, которое проводит профессор С.И. Смирнов в своем труде «Древнерусский духовник»⁹. Этот труд помогает нам, с одной стороны, раскрыть понятие старчества, а с другой – уяснить современное состояние духовничества, его происхождение, а также взаимоотношение и границы этих двух институтов Церкви.

Профессор Смирнов в своей магистерской диссертации «Духовный отец в древней Восточной Церкви»¹⁰ указывает, что харизматические явления первых веков христианства повторились среди

⁸ См.: *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 2. С. 170. – *Примеч. ред.*

⁹ *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. М., 1913. – *Примеч. ред.*

¹⁰ *Смирнов С.И.* Духовный отец в древней Восточной Церкви. Сергиев Посад, 1906. – *Примеч. ред.*

древнего монашества, что старцы были носителями этих харизм – особых даров Святого Духа, подаваемых человеку непосредственно от Бога по личной заслуге.

Духовные писатели устанавливают чрезвычайно высокую точку зрения на монашество. Подвижник в идеале есть существо богоносное, духоносное, бог. Как таковой он получает духовные дарования, изливаниями которых отличались первые времена христианства. Дары пророчества, изгнания бесов, исцеления болезней и воскрешения мертвых не являются исключительными. Они обнаруживают только нормальную степень духовного возраста инока.

Тайная исповедь и духовническое врачевание рассматривались тоже как благодатный дар *разсуждения духовом* (1 Кор. 12, 10). Он не связывался с иерархической степенью епископа и пресвитера, а был приобретаем пострижением в схиму¹¹. «Право вязать и решить», или «власть ключей», они трактовали, как совершенство дарований¹².

В древних монастырях Востока исповедь и покаяние слагаются в самостоятельную систему, отличную от современной ей церковной покаянной дисциплины.

Рассмотрим, какова эта монастырская практика. «Отец духовный» – «*πνευματικός πατήρ*»¹³ – обозначает собою не священника, не исполнителя епископского поручения; это «простой монастырский старец, обязательный наставник инока, самостоятельно поставленный в монастыре и свободно выбранный учеником, большею частию не

¹¹ См.: *Смирнов С.И.* Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2. С. 377–378.

¹² Там же. В древности не существовало взгляда на сакраментальную исповедь как на единственное и неизбежное средство для прощения грехов, допущенных человеком после крещения. Исповедь и покаяние представлялись только одним из многих способов очищения от грехов. Св. Иоанн Златоуст, например, указывает пять таких способов: 1) публичная исповедь; 2) путь плача о грехах; 3) смирение; 4) милостыня – царица добродетелей; 5) молитва.

¹³ Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам. Этот термин появляется уже с IV века и существует до половины IX века.

имевший священного сана... Он брал души учеников на свою душу, руководил ими в каждом шаге духовной жизни, а потому, принимая исповедь их помыслов и дел, поощрял и наказывал»¹⁴.

Нравственно-бытовые отношения старца и ученика – духовного отца и духовного сына – очень скоро и рано выработались внешне и внутренне в прочную и стройную систему, окрепли в монастырски-бытовую форму. Древний старец, как позднейший духовник, совершал исповедь и принимал покаяние. Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам, начиная с мимолетного помысла, слегка возмутившего монашескую совесть, кончая смертным грехом. Старческая исповедь и покаяние заменяли церковную исповедь и покаяние.

Распространение влияния старчества в мирской среде начинается очень рано, вероятно, с первых же лет установившегося монашества. На исповедь к старцам ходят миряне, минуя своих пастырей.

Причиной распространения монастырской покаянной дисциплины в Церкви надо признать ее сравнительную легкость, превосходство над церковной и большую жизненность, «строго-пастырский характер при наличии превосходного, популярного в Церкви органа – старчества, такого органа, которого не имела официальная церковная исповедь»¹⁵.

За иной канонический грех Древняя Церковь подвергала виновного сначала отлучению, а затем публичному покаянию. Старец же, принявший исповедь брата, тотчас примирял его совесть и налагал епитимию сравнительно более легкую, чем церковная, «решил и вязал».

Со временем монастырская исповедь по всему Востоку вытесняет церковную, которую совершала белая иерархия по канонам, и монастырские старцы – духовные отцы – превращаются в духовников.

¹⁴ *Смирнов С.И.* Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2. С. 377–378.

¹⁵ Там же. – *Примеч. ред.*

Каким же путем совершился переход старчества в духовничество, т. е. превращение монастырского института в общецерковный и сближение старческой исповеди с сакраментальной?

Начало этого явления мы можем уловить в Византийской Церкви только со времени гонения Льва Армянина (813–820) на иконопочитателей, когда монастырские старцы были признаны официально Константинопольским Патриархом Никифором Исповедником как законные совершители Таинства покаяния наряду с епископами и пресвитерами. Мера вызвана была нуждами времени: Православию грозила опасность, и оно опирается на содействие наиболее ревностных защитников иконопочитания – монахов, главным образом студитов. Будучи местной, эта мера пролагала путь к вытеснению белой иерархии из покаянной практики на всем православном Востоке и на долгое время, что произошло уже после эпохи Вселенских Соборов. В течение X–XII веков тайная исповедь окончательно завоевывает господствующее положение, вытеснив исповедь публичную и покаяние по канонам.

Итак, институт «духовного отца» сначала появляется в форме монастырского старчества. Термин «духовный отец» служит долгое время для обозначения монастырского старца. Затем эта церковно-бытовая форма целиком повторилась в позднейшем духовничестве. Монастырски-бытовая форма превратилась в форму церковно-бытовую и в таком виде просуществовала на Востоке почти неизменно целый ряд столетий¹⁶.

При возникновении христианства на Руси духовенство, пришедшее из Греции и из Болгарии, принесло с собою почти готовую дисциплину покаяния и институт духовничества в тех бытовых чертах своих, в которых они зародились и сложились на Востоке в период Вселенских Соборов.

¹⁶ См.: *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. М., 1913.

У нас дисциплина эта просуществовала почти нетронутой до начала XVIII века, так как древнерусская церковная власть, живя традицией и стариной, проявляла в этой сфере очень мало творчества.

Покаянные дисциплины Греческой и славянских Церквей несколько отличались между собой. По-видимому, у южных славян была допущена одна важная особенность – участие белого духовенства в духовничестве, чего не знала Греческая Церковь того времени. Возможно, что не в одинаковой степени сохранились остатки древнехристианской публичной дисциплины.

Хотя мы покаянную дисциплину получили из Греции и Болгарии, однако у нас, в отличие от них, в силу огромного пространства территории очень скоро перестал существовать отдельный класс духовников, и право на совершение исповеди стал получать каждый белый священник при своем поставлении.

Другой особенностью Русской Церкви явилось то обстоятельство, что духовник стал, таким образом, непременно и носителем пресвитерского сана.

Рассмотрим теперь, какова же была эта дисциплина. По обычаю того времени, всякий волен был выбирать себе духовника по своему желанию, но уже раз выбранного не имел права оставлять.

Отношение к последнему характеризуется безусловным, беззаветным и беспрекословным повиновением ему, постоянством и верностью до конца жизни. Духовник же, со своей стороны, принимает всю ответственность за грехи своего духовного сына и грехи его берет на свою душу. Приведем пример такой передачи грехов: выслушав исповедь и прочитав молитвы над преклоненным покаянным сыном, духовник подымает его с земли и возлагает правую его руку на свою шею со словами: «На моей вые согрешения твоя, чадо, и да не истяжет о сих Христос Бог, егда приидет во славе Своей на Суд Страшный».

Духовник «не точию свидетель есть» покаяния духовного сына пред Богом, но является как бы ответчиком за его грехи.

Грех сына, сообщаемый духовнику на исповеди, становился их общим грехом, они являлись как бы соучастниками преступления. Будучи «поручником стада» своего, древний русский духовник становился вождем его, ведущим в высший Иерусалим, должен был открыть ему Божие Царство и привести к Престолу Божию, чтобы сказать: *Се, аз и чада, яже ми еси дал* (Ср.: Ис. 8, 18). Духовный отец был безусловным и неограниченным руководителем своих духовных детей, подобно игумену или старцу в монастыре, и наложенная им епитимия была все равно что заповеди Божии, и что духовник связывал, то только он и мог один развязать.

Труды профессора С.И. Смирнова ценны для нас тем, что они вскрывают генезис старчества и современного духовничества. Они освещают эти явления с исторической и бытовой стороны.

Становится ясным, что быт и церковная дисциплина с самого начала возникновения христианства на Руси были благоприятны старчеству. И мы увидим в дальнейшем, что оно расцвело на этой почве и существовало на протяжении всей русской истории.

Из предыдущего мы уже знаем, что старец – руководитель своего ученика в трудной и крайне сложной духовной брани, цель которой – достижение бесстрастия. Чтобы руководить другими, старец сам должен быть в этом состоянии.

«Кто сподобился быть в сем устроении (т. е. бесстрастии), – говорит епископ Феофан Вышенский, – тот еще здесь, облеченный брэнною плотию, бывает храмом Живого Бога, Который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он по причине внутреннего просвещения познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас.

И вот, наконец, Богообщение и Боговселение, последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге, и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы, как Он в Отце, и Отец в Нем, так и всякий верующий был едино

с Ним (См.: Ин. 17, 21)... Таковые суть *храм Божий* (1 Кор. 3, 16), и *Дух Божий живет* в них (Рим. 8, 9).

Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов.

Богоявление же является источником множества других благодатных даров, и первое всего – пламенной любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: *Кто нас разлучит от Бога?* (Ср.: Рим. 8, 35).

А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного.

Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с *разумом*, то не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие *бесстрастия* и чрез то удостаивающиеся преискренного Богообщения и Боговселения изводятся оттуда на служение ищущим спасения, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими»¹⁷. – И далее продолжает Затворник Вышенский: «Достигшие совершенства слышат голос Божий явно в душе своей. На них начинает сбываться слово Господа: *Когда придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16, 13). И апостол Иоанн также пишет: *Помазание (от Духа) в вас пребывает, и вы не имеете нужды,*

¹⁷ Вот прямое указание, что при принятии на себя подвига старческого служения требуется особый зов Божий или непосредственно, как было с особо великими святыми (преподобный Серафим), или за послушание другому старцу, как мы видим в жизнеописании старца Варнавы или слепца старца Агапита Валаамского и лично нам известного, недавно скончавшегося старца, прот. Николая Загоровского (в тайном постриге Серафима), получившего благословение на старчество от Оптинского старца отца Анатолия. Такое же «послушание Божию велению» требуется и при взятии на себя подвига юродства. Как в прежнее время появлялось множество лжеюродивых, такое же бедствие постигло современную нам русскую эмиграцию в лице лжестарцев.

чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте (Ср.: 1 Ин. 2, 27)»¹⁸.

Рассмотрим теперь вопрос о старчестве по материалам, какие мы находим у профессора С.И. Смирнова в его труде «Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока»¹⁹.

По древним монашеским представлениям, старец – существо богоизбранное и богоодаренное. Всякий старец непременно обладает какими-нибудь духовными дарованиями. Прежде всего дар *различения духов* (*χάρισμα διακρίσεως τῶν πνευμάτων*), о котором говорит апостол Павел (См.: 1 Кор. 12, 10). Дар различения духов необходим для монаха. Еще Антоний Великий предписывает молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы *не всякому духу верить* (Ср.: 1 Ин. 4, 1). Дар различения получается путем подвига и с помощью старческих молитв. Варсануфий Великий заявляет: «Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Я молю Бога даровать тебе оное, но пусть и твое сердце поболезнует немного, и Бог подаст тебе это дарование... Когда Бог, по молитвам святых и за болезнование твоего сердца, даст тебе сие дарование, то всегда уже будешь в состоянии различать помыслы Духом Его»²⁰.

Различать внушения в душе человека со стороны Святаго Духа и Ангелов и со стороны духов злобы не так легко, потому что они не являются отличными, как свет и тьма. Действие благодати обнаруживается в мире и радости, в блаженном настроении, но и грех сладок, и сладкий недуг страсти, особенно

¹⁸ Цит. по: *Вениамин (Федченков), архиеп.* Всемирный светильник. Париж, 1932. С. 81. Ссылается на Феофана Затворника, «Лествицу», Исаака Сирина и «Добротолюбие».

¹⁹ См.: *Смирнов С. И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский вестник. 1905. № 2–4.

²⁰ *Варсануфий Великий, Иоанн, прпт.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 200 (Ответ 262). – *Примеч. ред.*

страсти духовной, нетрудно смешать с блаженством духовным. «Грех преобразается в светлого ангела и уподобляется почти благодати»²¹, – говорит Макарий Великий и указывает признаки того и другого. Внушения в душе человека обнаруживаются в виде тонких и порою сложных помыслов (*λογισμός*), в «сердце рождающихся» или «вкрадующихся в рассудок», порывающихся «откуда-то совне»²². Чтобы склониться к доброму внушению и исполнить его, чтобы пресечь худой помысл и сделать его бессильным, нужно открыть источник каждого внушения или помысла. Но в состоянии это сделать только человек, достигший высшей меры духовного возраста, внутреннее око которого очищено. «Если человек не достиг сей меры, то не может различать (оних помыслов), но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи, как хотят, особенно для тех, кто не знают козней их»²³.

Проявление в монашестве чрезвычайного дара различения духов встречается с первого его времени. Св. Афанасий сообщает о преподобном Антонии Великом, что он «имел дар различения духов» (*χάρισμα διακρίσεως πνευμάτων ἔχων*)²⁴. Преподобный Евагрий, известный писатель-подвижник, между другими благодатными дарованиями обладал даром различения духов и очищения помышлений (*gratia discernendorum spirituum et purgandarum... cogitationum*). Никто из братии не возвышался до такой степени духовных отношений. Он приобрел дар этот из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией (*per gratiam*

²¹ Макарий Египетский, *прп.* Духовные беседы... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 65 (Беседа 7, вопрос 3). – *Примеч. ред.*

²² Цит. по: Попов К.Д. Блаженный Диадокх (V века), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения. Киев, 1903. С. 68–84. – *Примеч. ред.*

²³ Варсануфий Великий, Иоанн, *прпт.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 44 (Вопрос 59). – *Примеч. ред.*

²⁴ Афанасий Великий, *свт.* Творения... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Ч. 3. С. 214–245. – *Примеч. ред.*

Dei)²⁵. Об авве Сериде рассказывается: «И помолился Богу даровать ему дарование рассуждения, приобретя которое он мог с помощью небесной благодати путеводить к жизни души, врачевать оскорбленных, преподавать целительное врачевство, слово, от Духа истекающее» (*χάρισμα*)²⁶.

«Затрудняемся сказать, – говорит дальше профессор С.И. Смирнов, – в каком отношении к дару различения духов стоит дар *прозорливости*, который между прочим выражается в способности проникать непосредственно в нравственное состояние другого человека, читать в душах других людей. Есть ли прозорливость самостоятельное духовное дарование или особый вид пророческого дара различать духов, говоря конкретнее – ощущать присутствие духов злобы или Ангелов, – мы не знаем. Только это дарование более редко, чем различение духов. Однако примеры обладания этим даром идут также с первых времен монашества. Пахомий Великий и Феодор Освященный обладали даром прозорливости. Каждый узнавал грехи братии или по Духу Божию, “Который был на нем”, или же по откровению от Ангела. Дар этот подвижники употребляют в интересах исправления людей. Преподобный Гелен поселился в одной обители, “некоторым он открывал тайные помышления и советы сердца: один увлекался духом прелюбодеяния, другой – духом гнева... в иных прозревал кротость, праведность, терпение... И те, которых он обличал, сами должны были признать, что он как бы читает в душах их, и сокрушались сердцем”²⁷. Преподобному Иоанну “открыто было поведение каждого брата в соседних монастырях, и он писал отцам, извещая, что вот такие-то и такие-то предаются нерадению и не исполняют в страхе Божиим положенного правила,

²⁵ *Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов. (Гл. 27. О старце Евагрии).* – Примеч. ред.

²⁶ *Варсануфий Великий, Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 360 (Повесть об авве Сериде. Ответ 572).* – Примеч. ред.

²⁷ *Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов. (Гл. 11. О Гелене).* – Примеч. ред.

а другие – преуспевают в вере и духовном совершенстве; писал и самим братьям... Деяния и самые поводы к ним, подвиги, равно как и нерадение, он заочно так изображал, что иноки, сознавая правду написанного про них, приходили в сокрушение совести”²⁸. Преподобный Стефан Савваит также в изобилии обладал этим даром – умел “видеть духом”. Он сам говорил: “Я удостоен от Бога дара прозорливости и понимаю по одному виду и зрению помыслы и тайные страсти души из всего, что мы зрим, или о чем нас спрашивают, или кто к нам попадает, я узнаю духовные и душевные нужды”²⁹.

Один из живых примеров старческого служения находим мы в житии преподобного Серафима. Это ярко выступает в рассказе о том, как к нему пришли одновременно владимирский купец и будущий наместник Сергиевой Лавры, тогда игумен Антоний. Этот рассказ читатель найдет ниже в жизнеописании митрополита Филарета Московского³⁰. Из этого случая видно, что преподобный Серафим готовил о. Антония к его будущему служению и раскрывал ему духовные законы. На просьбу о. Антония объяснить ему, каким образом происходит действие прозорливости, преподобный ответил ему следующее: «“Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, в таких случаях всегда делаются ошибки”

Весьма назидательную и многообъяснительную сию беседу Старец заключил так: “Как железо ковачу, так я передал себя и свою

²⁸ Там же. (Гл. 15. Об Апеллии и об Иоанне). – *Примеч. ред.*

²⁹ Vita St. Steph. Iulii, 522–538.

³⁰ См. гл. VI наст. изд. – *Примеч. ред.*

волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю»³¹.

Из сего видно, что Сам Всемогущий Господь говорил устами преподобного Серафима. Поэтому он, не задумываясь, сразу отвечал с полной несомненностью и говорил даже и то, что не приходило и на помысл его собеседнику, но что открывал Дух Святой.

Решительно то же самое говорил Оптинский старец о. Варсонофий своему духовному сыну Василию Шустину³²: «Отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Пойдешь к себе в келлию, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это и есть действительный ответ и совет, которого если не исполнит спрашивающий, то навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве после приобщения Святых Таин»³³.

Иначе говоря, это есть совет, преподанный не через человеческий разум, а через наитие Свыше, так называемое в аскетике сердечное извещение. Так бывает по отношению к внешним, но и между старцем и его учеником, когда отношения уже более интимны, старцу открывается об ученике гораздо больше. Тот же о. Варсонофий открывает эту тайну своему любимому духовному сыну: «Тут он задумался, видимо, чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества... “Нас называют прозорливцами, указывая, что мы можем видеть будущее; да, великая благодать дается старчеству – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас, кроме физических очей, имеются еще очи духовные,

³¹ *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 371. – Примеч. ред.*

³² Прот. Василий Васильевич Шустин (1886–1968), духовный сын св. прав. Иоанна Кронштадтского, после его кончины окормлялся у Оптинских старцев прпп. Варсонофия и Нектария; священный сан принял в эмиграции. – *Примеч. ред.*

³³ *Шустин В., прот. Из личных воспоминаний. Белая Церковь, 1929. С. 19.*

перед которыми открывается душа человеческая; прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени...”»³⁴.

«Интимная связь старца и ученика простирается до того, что старец принимает на себя его грехи после исповеди, что является возможным благодаря тем благодатным дарам старца, которые мы только что рассмотрели. “Монах, тревожимый демоном хулы, целых 20 лет напрасно боролся с искушением, наконец написал на хартии свою немощь и пошел на исповедь к старцу. Отдав ему свое писание, монах повергся на землю. Старец, как скоро прочел, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: “Возложи руку твою, чадо, на выю мою”. И когда инок сделал это, великий старец говорит: “На вые моей грех этот, сколько лет не действовал и не будет действовать в тебе, а ты уж после этого не ставь его ни во что”. И этот монах подтверждал, что прежде, нежели вышел он из келлии старца, немощь его прекратилась”³⁵.

Другим, и притом более обязательным, средством прощения грехов было молитвенное предстательство пред Богом за грешника со стороны лица, принявшего его исповедь. Авраам, ученик преподобного Сисоя, был однажды искушен от демона. Старец, увидя его падение, встал, простер руки к небу и сказал: “Боже, угодно ли Тебе или неужгодно исцелить, но я не отступлю от Тебя, пока Ты не исцелишь его...” И ученик тотчас исцелился³⁶. Когда старец принял исповедь инока, отрекшегося от веры и от святых своих иноческих обетов, он наложил на падшего епитимию и прибавил: “А я буду

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, в русском переводе... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 157 (Слово 23, отд. 54). Этот рассказ лег в основу исповеди в Древней Руси, как мы видели выше.

³⁶ Apoph. // *Migne*. PG. T. 25. Col. 3961.

умолять Бога за тебя”. Старец трудился за брата и молился Богу: “Господи, прошу Тебя, даруй мне душу эту и приими покаяние ее”. И услышал Бог молитву его³⁷.

Приводим аналогичный рассказ из “Лавсаика”. Авва Аполлос говорил предводителю разбойничьей шайки: “Если ты, друг, слушаешь меня, то я умолю Владыку простить тебе грехи”³⁸.

Молитвы старца в большей степени возбуждали милосердие Божие к грешнику и доставляли ему прощение, чем его собственные покаянные подвиги. По рассуждению преподобного Варсануфия, грешник, “будучи сам недостаточен к уплате долгов своих, приносит малое, а молитвы святых (т. е. старцев) – многое”. Но это не освобождает ученика от личного подвига: “Знак великого невежества, чтобы не сказать безумия, искать спасения молитвами святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами...”³⁹ Молитва в таких случаях бесплодна.

Связь старца и ученика не разрывается даже смертью. Молитвы старца о послушнике неизменно сопровождали его в пути жизни как этой, так и будущей, и на земле и за гробом. Инок спрашивает подвижника: “Как должно молить отцов о прощении грехов своих? Говорить ли: простите меня, или: испросите мне прощение? Когда молю Самого Господа, как должен я говорить?” Ответ дается такой: “Когда молим отцов, отошедших к Богу, то следует говорить: простите меня, когда же еще пребывающих с нами, то: помолитесь о нас, чтобы получить нам прощение. А когда молишь Самого Владыку, говори так: помилуй меня, Владыка, ради святых Твоих мучеников и ради святых отцов, и молитвами их прости мне согрешения мои”⁴⁰.

³⁷ Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 108–109 (Гл. 5, § 41).

³⁸ Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик... Св.-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992. С. 121 (Гл. 47. Об авве Аполлосе). – *Примеч. ред.*

³⁹ Ср.: Варсануфий Великий, Иоанн, прпт. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 403 (Ответ 622). – *Примеч. ред.*

⁴⁰ Там же. С. 439–440 (Вопрос 713 и ответ). – *Примеч. ред.*

Один брат, почувствовав приближение смерти, просил у преподобного Варсануфия прощения. Старец отвечал ему: «Не скорби, брат: смерть без грехов не смерть... Говорит же тебе Бог Великий Царь наш: прощаются тебе все грехи твои; преимущественно за молитвы и моления святых (т. е. старцев) и ради твоей веры в Него»⁴¹»⁴².

Высочайшие благодатные дары неразрывно связаны с глубочайшим смирением. Отца Амвросия Оптинского спросили: «Можно ли желать совершенствования в жизни духовной?» Ответ Старца: «Не только можно, но и должно стараться совершенствоваться в *смирении*, т. е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари»⁴³.

Старчество никогда не превозносилось своими духовными дарованиями и отнюдь не ставило себя выше духовной иерархии.

Вот что пишет в IV веке великий подвижник и старец св. Феодор Освященный о смирении: «Велик дар видений, как дар Святаго Духа, но велика должна быть при сем и осторожность. Да не мыслит о себе такой человек много, будучи сам ничто, и да не увлекается желанием владеть более даром видений, дабы все его благочестие и вера не обратились в дым и тень, что со многими случалось. Это говорю не тем только, которые не достигли высшей степени совершенства, но и тем, которые стоят на нем, дабы все мы о себе и своих делах думали смиренно и молились о том, чтобы избежать вечных мучений. Об этом молились и самые святые – Давид не говорит ли: *Сохрани душу мою и избави мя* (Пс. 24, 20). Св. Павел не говорит ли также: *И избавлен бых от уст львовых* (Ср.: 2 Тим. 4, 17).

⁴¹ Там же. С. 101 (Ответ 144). – *Примеч. ред.*

⁴² *Смирнов С.И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский Вестник. 1905. № 3. С. 475–478; № 4. С. 733–774.

⁴³ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 99.

Поистине мы имеем дело с врагом тонким и хитрым, который часто заблуждение и ложь прикрывает видом истины, так что, не имея особого дара различения, мы всегда в опасности обмануться. Но тот не будет прельщен, кто во всем без исключения повинуется Богу и его рабам.

Наблюдая сие, братья, каждый да хранит данную ему (от Бога) меру благодати, пастырь ли он или овца. Но все будем молиться, дабы быть в числе овец. Ибо один только есть истинный Пастырь – это Тот, Кто сказал о Себе: *Аз есмь Пастырь добрый* (Ин. 10, 14). Но после того, как Господь Бог явился, после того, как и Слово Божие приняло образ и подобие человека и по особой милости, чрез познание истинной веры, поставило нас на путь спасения, потом, восходя на небо, поставило преемниками Себе апостолов, мы и теперь имеем нужду в пастырях, чтобы пастись в Господе».

Несмотря на все благодатные дары Святаго Духа, св. Феодор смиряется перед епископом: «Знаем, что апостолам в достоинстве отцов преемствовали епископы. Те, которые в их голосе слышат голос Иисуса Христа, суть истинно сыны Божии, хотя бы не были из клира».

Профессор Казанский в своей книге «История православного монашества на Востоке», откуда приведены слова св. Феодора, комментирует их следующим образом: «Таким образом, сей святой человек, коего опытность в благодати видений и откровений не могла быть большею, научает нас судить о них только по сообразности с решениями Церкви, и суждение епископов, назначенных для наставления, предпочитает всем частным откровениям»⁴⁴.

По словам св. Афанасия, и св. Антоний Великий высказывал смирение, подобное сему: «Как ни был славен Антоний, но никогда слава не омрачала его смирения: смиренно наклонял он голову перед епископами и пресвитерами. Диаконов, приходивших к нему за наставлениями, назидал словом и вместе просил молиться за себя»⁴⁵.

⁴⁴ Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М., 1854. С. 215. – *Примеч. ред.*

⁴⁵ Там же. С. 80. – *Примеч. ред.*

Этот случай относился к древности, но такое же точно отношение видим мы и у современного нам Оптинского старца. В жизнеописании старца о. Варсонофия мы ниже приводим случай, когда он запретил С.А. Нилусу восставать на епископа, допустившего варварское реставрирование чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. «Только не идите войной на епископский сан, – заключил свою речь Старец, – а то вас накажет Сама Царица Небесная»⁴⁶.

Приведем теперь пример идеального отношения одного из величайших епископов Афанасия Великого к одному из величайших старцев, наставнику десятков тысяч монахов Феодору Освященному.

Последний «взял с собою более уважаемых в братстве и имеющих лучший голос в пении и пошел навстречу св. Афанасию, который, пользуясь миром Церкви, посещал Египет и в то время по Нилу плыл в Фиваиду. Он встретил его повыше округа Ермипольского. По обоим берегам реки было бесчисленное множество народа, среди коего находились епископы, великое число клириков и множество иноков, кои стекались туда из всех соседних мест.

Святой Афанасий, увидав Феодора с иноками, сказал словами пророка: *Кии суть, иже яко облацы летят, и яко голубие со птенцы ко мне?* (Ис. 60, 8). Он с любовью приветствовал Феодора и с отеческим участием спрашивал о состоянии его обителей.

Святой Афанасий, выйдя на берег, сел на осла, которого святой Феодор, взяв за узду, провел через толпу народа, шедшего с горящими факелами, при пении иноками псалмов и священных песен. Афанасий, видя смирение Феодора и ту радость, с которою совершал свое дело, сказал окружающим слова, свидетельствующие о смирении как Феодора, так и самого Афанасия: «Смотрите, с какою ревностию идет впереди нас сей начальник множества иноков. Вот истинные отцы, более заслуживающие носить сие имя, чем мы, по своему смирению и покорности ради любви Божией. Как блаженны и достойны уважения те, кто постоянно носят крест своего

⁴⁶ См. гл. XIV наст. изд. – *Примеч. ред.*

Спасителя, славу свою полагают в унижении, покой в труде до тех пор, пока воспримут венец из рук их Владыки...»⁴⁷.

В лице этих двух святых – старца и епископа – мы видим образец идеального отношения. Старец смиряется перед епископом, как если бы был пред ним Сам Христос, а епископ перед старцем, так как чрез него непосредственно открывается воля Божия. В этом сотрудничестве, в этом синергизме епископского, сакраментально-административного, служения и старческого, руководительно-пророческого, в их гармоническом сочетании-симфонии кроется залог расцвета духовной жизни Церкви. Разительный пример этого мы находим в сотрудничестве митрополита Гавриила (Петрова) с архимандритом Феофаном Новоезерским, что создало целую эпоху расцвета монашества и духовной школы⁴⁸.

Из свойств старца вытекает и безграничная его власть. По поводу власти старца профессор Смирнов говорит: «Неизвестно точно, с какого момента времени, но, по-видимому, очень рано, в монастырях и игуменским, и старческим епитимиям стали придавать большее значение, чем простому дисциплинарному наказанию. Епитимия признавалась не разрешимой никакой иной властью, кроме наложившей ее. Происходило это из представления об абсолютной игуменской и старческой власти, а также от того, что в епитимиях старцев стали видеть проявление связующей и решающей власти, данной Господом апостолам, хотя большая часть игуменов и старцев не имела иерархического сана»⁴⁹.

Наложенную старцем епитимию никто, кроме него, не может отменить. В подтверждение этого Феодор Студит приводит рассказ: «Один старец не раз приказывал ученику своему исполнить

⁴⁷ *Казанский П.С.* История православного монашества на Востоке. М., 1854. С. 221.

⁴⁸ См. гл. II наст. изд. – *Примеч. ред.*

⁴⁹ *Смирнов С.И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский вестник. 1905. № 4. С. 743.

некоторое дело, но тот все откладывал. Недовольный этим, в негодовании старец наложил на ученика запрещение не вкушать хлеба, пока не исполнит порученное дело. Когда ученик отправился исполнить порученное повеление, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от наложенного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец, ученик обратился с просьбой к Константинопольскому Патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев. Но ни Патриарх, ни собор⁵⁰ не нашли возможным разрешить епитимию старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищею из одних овощей»⁵¹.

Другой случай помещен в Прологе 15 октября. Приведем целиком эту необычайную повесть, которая ярко изображает всю силу власти старца «вязать и решить».

«В Скиту жил монах, который в продолжение многих лет был послушлив своему отцу. Наконец, по зависти бесовской, отпал от послушания и без всякой благословной причины ушел от старца, презрев и запрещение (епитимию) за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и принужден тамошним князем отречься от Христа, но он остался непоколебим в твердом исповедании веры и за то был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили в святом храме. Но в каждую Литургию, когда диакон возглашал: «Елицы оглашеннии,

⁵⁰ Ясно, что дело идет здесь о так называемых «*Εὐνοδος ἐνδύμοῦτα*»; это собор из епископов, случайно пребывающих по делам в данный момент в столице, созываемый Патриархом в случае нужды.

⁵¹ *Феодор Студит, прп.* Огласительные поучения и завещание. М., 1872 (Поучение 33). Этот пример приводит профессор Смирнов в своей статье «Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока». Наша работа произведена независимо от этого исследования профессора Смирнова. Несмотря на это, принципиальные взгляды и выводы совпадают.

изыдите”, рака с телом мученика, к удивлению всех, невидимую силою выносилась на паперть, а по окончании Литургии сама собою поставлялась опять в храме. Один александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения. И ему было открыто в видении, что замученный монах был учеником такого-то старца и за непослушание был связан запрещением старца. Как мученик, он получил венец мученический, а как связанный епитимией старца, не может оставаться при совершении Божественной Литургии, пока связавший не разрешит его. Тогда же отыскан был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже не трогалась со своего места».

Ссылаясь на эту повесть, профессор Смирнов делает следующие выводы. «Из этого рассказа выходит, – говорит он, – что старческая епитимия имеет полную каноническую силу. Она есть проявление апостольского права “вязать и решить”, и никакие личные подвиги связанного, даже мученическая смерть за Христа, не освобождают от ее уз»⁵².

Такой взгляд на власть старца мы находим не только в древние времена. Не изменился он и в наше время.

Вот 30-летний послушник Василий (будущий старец иеромонах Варнава, скончавшийся в 1906 г.) в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры находится на послушании старца Григория.

«Однажды во время предсмертной болезни старца Григория Василий зашел навестить болящего и долго в тот раз оставался у его одра, в последний раз утоляя мудрыми наставлениями старца свою жажду духовной жизни. В это-то время на него и возложен был подвиг старчества, который он подъял на себя после смерти своих наставников.

Давая Василию завет с любовью принимать всех приходящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий

⁵² Смирнов С.И. Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский Вестник. 1905. № 4. С. 744.

подал Василию две просфоры и сказал: “Сим питай алчущих – словом и хлебом, тако хочет Бог”. В конце же всего он присовокупил, открывая ему волю Божию, что им должна быть устроена женская обитель в отдаленной местности и сплошь зараженной расколом... При этом старец, с любовью и жалостью взглянув на своего ученика, не скрыл от него, что много придется потерпеть и понести скорбей и неприятностей». В 1865 г. послушник Василий лишился другого старца – Даниила, «который, умирая, подтвердил своему ученику прежний завет – принять и продолжать после него подвиг старчества. Когда же Василий со слезами просил освободить его от этой тяготы, из уст старца Даниила пошла кровь... и он тихо скончался на руках своего любимого ученика...

Вступление Василия на путь народного наставничества совершилось естественно. Еще при жизни старца Даниила послушник Василий... по поручению старца и от его имени давал посетителям ответы и советы на их различные запросы»⁵³.

Таким образом, о. Василий начал старчествовать и скоро приступил к созданию Иверского-Выксунского женского монастыря. Не миновал он и скорбей. Дошло до того, что невинного старца судили на лаврском Соборе. «Заступился тогда за него пред Собором наш схимник о. Александр. Мудрое он сказал слово, и все умолкли после того. “Если кто может, – сказал о. Александр, – снять с него старческий завет – устроить обитель и заботиться о ней, – то и он... станет в стороне; а если нельзя никому снять с него этого послушания, завещанного старцем, то нельзя и запрещать ему нести его”. Молча выслушали старцы мудрое слово уважаемого всеми схимника и также молча оставили собрание, чем и был положен тогда же конец всем нареканиям их на баяшку»⁵⁴.

⁵³ Жизнеописание в Бозе почившего старца-утешителя о. Варнавы... Сергиев Посад, 1907. С. 20–23.

⁵⁴ Там же. С. 83–84.

Воля старца обязательна была не только для духовных его чад, но и для всего монастыря. Вот к каким печальным последствиям приводили нарушения завещанных ими традиций.

«Прошел слух, что кто-то из оптинских советует о. архимандриту спилить для лесопилки вековые сосны, что между Скитом и монастырем: все равно-де на корню погниют от старости.

Приходил сегодня наш скитский друг о. Нектарий (последний Оптинский старец)⁵⁵.

– Слышали? – спрашиваю.

– О чем?

Я рассказал о слухе.

– Этому, – с живостью воскликнул о. Нектарий, – не бывать, ибо великими нашими старцами положен завет не трогать вовеки леса между Скитом и обителью; кустика рубить не дозволено, не то что вековых деревьев.

И тут он поведал мне следующее:

– Когда помирал старец о. Лев, то завещал Скиту день его кончины поминать утешением братии и печь для них в этот день олады. По смерти же его нашими старцами – отцами Моисеем и Макарием – было установлено править на тот же день соборную по нему панихиду. Так и соблюдалась заповедь эта долгое время, до дней игумена Исаакия и скитоначальника Илариона. При них вышло такое искушение. Приходит накануне дня памяти о. Льва к игумену пономарь Феодосий и говорит:

– Завтрашнее число у нас не принято собором править.

Игумен настоял:

– А я хочу!

И что же после этого вышло? Видит во сне Феодосий: батюшка Лев схватил его с затылка за волосы, поднял на колокольню на крест и три раза погрозил:

⁵⁵ Последний из соборно избранных (в 1912 г.) старцев Оптинских, Нектарий (Тихонов; 1853–1928), прп., иеросхим. См. о нем гл. XVII наст. изд. – *Примеч. ред.*

– Хочешь, сейчас сброшу?

И в это время показал ему под колокольной страшную пропасть. Когда проснулся Феодосий, то почувствовал боль между плечами. Потом образовался карбункул. Более месяца болел, даже в жизни отчаялся. С тех пор встряхнулись, а то было хотели перестать соборно править.

А в Скиту в тот же день келейник о. Илариона, Нил, стал убеждать его отменить олады.

– Батюшка! – говорит. – Сколько на это крупчатки уходит, печь их приходится на рабочей кухне, рабочего отрывать от дела, да и рабочих тоже надо потчевать: где же нам муки набраться?

И склонил-таки Нил скитоначальника – отменили олады. Тут вышло нечто посерьезнее Феодосиева карбункула: с того дня заболел о. Иларион и уже до конца жизни не мог более совершать Божественную службу; а Нила поразила проказа, от которой он и умер, обессилев при жизни до того, что его рабочий возил в кресле в храм Божий. Мало того: в ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмена утешения, на рабочей кухне в Скиту угорел рабочий и умер. Сколько возни с полицией-то было! А там и боголюбцы муку крупчатую в Скит жертвовать перестали... “Видите, что значит для нас преслушание старческой заповеди?” – добавил о. Нектарий к своему рассказу и заключил его такими словами:

– Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие хибарки, повесят замки на двери их келлий, ну – тогда... всего ожидать будет можно, а теперь *не у прииде время* (Ин. 7, 6).

Батюшка помолчал немного, затем улыбнулся своей светлой, добродушной улыбкой и промолвил:

– А пока пусть себе на своих местах красуются наши красавицы-сосны. Действительно – красавицы»⁵⁶.

⁵⁶ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 49–51 (запись 25 июля 1909 г.). – *Примеч. ред.*

«*Не у прииде время*», – сказал старец в 1909 году... но, увы! – «время прииде»...⁵⁷

Итак, благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший благодаря этому в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способным руководить новоначальным иноком в его «невидимой брани» на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть само зарождение зла, причины этого зарождения, установить точный диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец – искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устройство своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и различения духов, так как ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться в *Ангела света* (См.: 2 Кор. 11, 14). Но, как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как например, преподобный Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих

⁵⁷ Но вот что передает современный очевидец: «Хочу вам рассказать один эпизод поругания оптинских святынь. Уже после закрытия монастыря я с мамочкой по дороге к Батюшке (старцу о. Нектарию) в Холмищи заходил часто в Оптину Пустынь, которая была преображена в лесопильную артель, а Скит – в дом отдыха. Безжалостно спиливали великолепные сосны оптинского леса, визжали пилы, слышна была ругань рабочих, нет ни одного монаха. Грустно и тяжело было видеть настоящее, вспоминая духовный расцвет Оптиной в прошлом. Поклонившись тогда еще существовавшим могилкам старцев, мы с мамочкой пошли к Скиту, чтобы побывать возле благодатной хибарки Старца. Подойдя к святым воротам Скита, мы остановились и молча думали о Батюшке, вспоминая, как в хибарке преподавал святое благословение Старец. Вы помните, что в Скит женщинам входить было нельзя, и можете себе представить наш ужас, когда мы увидели, что из Скита святыми воротами Иоанна Предтечи выходит жирный брюнет, с курчавой головой, в трусах, его толстая супруга в купальном костюме и голый их отпрыск... трудно писать и говорить об этом».

проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но в нем *живет Христос* (См.: Гал. 2, 20), и все его действия в Духе Святе, а потому всегда в гармонии с Церковью и ее установлениями.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви – это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ: например, Игнатий (Брянчанинов) или Антоний Воронежский – великий современник преподобного Серафима. Из иереев назовем св. Иоанна Кронштадтского, о. Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре.

Истинное старчество есть особое благодатное дарование – харизма – непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно повиноваться во всем старцу, так как через последнего открывается непосредственно воля Божия⁵⁸. То же самое вопрошать старца ни для кого не обязательно, но спросив совета или указания, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собою наказание.

⁵⁸ Такое иноческое послушание, в том виде или характере, как оно проходило среди древнего монашества, епископ Игнатий называет «высоким духовным таинством».

Глава II

РАСПРОСТРАНЕНИЕ УМНОГО ДЕЛАНИЯ НА РУСИ

С древних времен христианский мир разделяется на две главные ветви: восточную и западную – Византию и Рим.

По восточному мирозерцанию главой Церкви является Христос; мистическим телом ее – совокупность верующих, объединяемых Духом Божиим, пребывающим в Церкви, как в живом организме, и живущим в каждом члене ее.

Древняя Византия осуществила построение государства на идее Православия. Профессор А.В. Карташев следующим образом характеризует такое государство: «Государству, царству и народу вручены величайшие, вечные заветы: служение, входящее в план Божественного мироправления. Оно имеет вечное значение. Поэтому власть государственная установлена Богом. Она служит целям Царствия Божия и ответственна перед Богом за приведение управляемого ею народа в чистой, неповрежденной еретиками вере, к порогу Царства Христа грядущего»⁵⁹. Управление государством представлялось в теократической симфонии двух властей – царской и патриаршей. Каждый в своей области – царь в светской, патриарх в духовной – стремятся к осуществлению этой единой цели. Так было на Востоке.

На Западе христианство получает от умирающей языческой Римской империи идею мирового господства, претворяет ее в свою плоть и кровь и уже на этом основании созидает свою идеологию. Идея вселенскости Церкви обращается в идею церковного зем-

⁵⁹ *Карташев А.В.* «Святая Русь» в путях России: 3-я лекция. Париж, 1938. С. 8.

ного государства. Мистическое единство Церкви в этом аспекте осуществляется в сосредоточении всей власти, как духовной, так и политической, в одном лице ее главы. Это лицо воплощает в себе всю полноту идеи Церкви. Папа становится единственным носителем откровения, ему постоянно присуща непогрешимость. Идея Церкви как единого живого организма ослабляется. Все ее члены становятся простыми подданными Папы.

Тяжелым гнетом лежала власть Римско-Католической Церкви на германских народах. Их свободолюбивый дух являл как раз обратное – стремление каждой личности к самостоятельному, свободному развитию. И протестантизм освободил государство и науку от сковывающего влияния римского деспотизма. Но, отвергнув ложные притязания Рима, протестантизм исказил понятие Церкви и ее соборности и должен был признать изолированное стремление каждой личности к Богу – собирательную религиозность. И, естественно, протестантизм не мог удержаться от распада на множество сект, безнадежно потеряв способность к единомыслию и единству. Протестантизм уже не имел духовного главы и собственного органа власти. Обычно во главе реформации становились светские власти и, естественно, подчиняли государству всю церковную сферу. Ею уже заведует государственное учреждение. Церковь становится частью государства. Под влиянием гуманизма появились новые идеи «естественного права». Целью государства является теперь достижение здесь, на земле, «всеобщего блага». Осуществлению этого блага должна подчиняться и Церковь, как и все в государстве. Власть светская становится абсолютной, самодовлеющей, все исключаящей. Так возникла протестантская система абсолютного государственного верховенства над Церковью. Разделившись, Запад вступил в бесконечную и безнадежную междоусобную борьбу.

С необычайной легкостью восприняла Русь от Византии Православие. Сама того не подозревая, Византия готовила себе в русском народе достойного исторического наследника.

С момента политической гибели Константинополя Московское государство принимает от него в наследие миссию «нового Израиля» – единственного во всем мире государства – хранителя истинной религии. По этому мировоззрению, «василевс» есть канонически полный попечитель Церкви. Царь – защитник неповрежденных догматов и всякого благочестия. Он один носит этот вселенский православно-церковный сан для всех других православных народов.

Мировой центр из Рима, согласно этой идеологии, перемещается в Византию, а затем, когда Византия теряет свое первородство, приняв унию на Флорентийском соборе, этот центр переходит в Москву. Под влиянием Православия и идеи «третьего Рима – Святой Руси» – выковывается могучий культурно-исторический тип русского народа, который и начал создавать великую империю.

Но вот этому мирозерцанию приходится выдерживать ряд испытаний. После внешнего натиска «ветхого Рима» и Смутного времени, в эпоху Петровских реформ наступает враг, или конкурент гораздо более могущественный, – это мировая секуляризация европейской культуры, смена теократии антропократией, боговластия – человековластием, христианства – гуманизмом, права Божественного – правом человеческим, абсолютного – относительным, снятие запрета с мысли и воли. Целью Святой Руси было небо, здесь – земля. Там законодателем был Бог через Церковь, здесь – автономный человек через вооруженную научным просвещением государственную власть. Там критерием поведения был мистический страх греха, здесь – утилитарный мотив «общего блага»⁶⁰.

В то время в русское Православие проникли католические и протестантские начала, причем каждое стремится подчинить его себе.

Русь была совершенно не подготовлена встретить натиск врагов, совпавший с периодом ее духовного упадка, а кроме того, богословская мысль ее еще не успела ни развиться, ни окрепнуть.

⁶⁰ *Карташев А.В.* «Святая Русь» в путях России: 3-я лекция. Париж, 1938. С. 20.

Не было своих ученых, не было своей самобытной школы. Просвещение шло с запада или юга. Ученые богословы были призываемы главным образом из Киева. Это были выученики академии Петра Могилы или получившие образование в европейских богословских школах. Методы образования в академии Петра Могилы были взяты также с западного образца. Таким ученым западной формации и явился Феофан Прокопович, автор «Духовного регламента», в котором торжественно была провозглашена церковная реформа.

В сущности, этот «Регламент» является программой русской реформации. Творцами его были Петр Великий и Феофан Прокопович. В лице Феофана Петр нашел понятливого и исполнительного истолкователя своих пожеланий, идейного помощника, который не только создал «Регламент», но сохранил реформу и после смерти Петра.

Петр тщательно изучил церковное управление в протестантских странах и ввел его у себя по образцу скандинавских государств. Органом управления Церкви стало не церковное, а государственное учреждение. В своем объяснении «Что есть Духовное Коллегиум»⁶¹ Феофан исходит из государственной пользы, игнорируя церковные примеры и каноны. Необходимость этой реформы Феофан аргументирует в «Регламенте» доводами о государственной безопасности: «Велико и се, что от соборнаго правления не опасатися отечеству мятежей и смущений, яковые происходят от единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великаго, высочайшаго пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то вторый Государь, самодержцу равносильный или больший его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство»⁶².

⁶¹ «Что есть Духовное Коллегиум, и каковыя суть важныя вины такового правления» – название первой части «Духовного регламента» (СПб., 1721). – *Примеч. ред.*

⁶² Цит. по: *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович, как проповедники // *Собр. соч. М., 1880. Т. 5. С. 288.*

Феофан желает подорвать в народе «высшее представление о первосвятителе» и для этого показывает народу подчиненное положение духовного сана: «А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским приговором установлено есть, то и паче пребудет в кротости своей, и весьма отложит надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовнаго»⁶³.

В своей брошюре «Исторический розыск»⁶⁴ Феофан называет царя епископом, играя софистически на буквальном переводе этого слова, что значит «надзиратель»: «И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный Государь в государстве своем есть во истину епископ епископов»⁶⁵, как будто епископы так называются по своей должности, а не по своему сану. «Так Феофан и думал в действительности... – замечает по этому поводу протоиерей Георгий Флоровский. – Есть только “власть”, и вовсе нет никакой особой духовной власти (“папешский се дух”）」⁶⁶.

Эта доктрина была типична для той эпохи и вытекала из реформатского принципа: «*cuius regio, eius religio*»⁶⁷. Государю принадлежала вся полнота власти над его страной и над всем, что там находится, а следовательно, и над Церковью.

Этим «Регламентом» канонический статут монархов, как сынов Церкви, подменяется немецким еретическим правом, которое поглощает свободу Церкви, так как монарх становится уже главою ее и деспотом.

⁶³ Там же. С. 289. – *Примеч. ред.*

⁶⁴ Розыск исторический, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии понтифексами или архиереями многобожнаго закона; а в законе христианстем христианстии государи могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме. СПб., 1721. – *Примеч. ред.*

⁶⁵ Цит. по: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 87.

⁶⁶ Там же. – *Примеч. ред.*

⁶⁷ «Чье правление, того и религия» (лат.), принцип, в силу которого подданные должны были следовать вере своего правительства. – *Примеч. ред.*

«Духовный регламент» был направлен не только против патриаршества, но и против монашества.

В России издавна монашество пользовалось высоким авторитетом: в монастырях спасались прославленные подвижники земли Русской, монастыри были очагами веры и патриотизма, несокрушимыми твердынями против нашествия врагов, рассадниками просвещения, воспитателями народа, русские цари перед смертью принимали схиму.

На Западе монашество развивалось у католиков в связи с учением об оправдании личными заслугами. Протестанты отвергали монашество, так как, по их учению, не дела оправдывают человека, а вера.

Феофан Прокопович о монашестве рассуждал по-протестантски, считая, что вести богоугодную жизнь можно и в миру, и часто указывая на лицемерие, суеверие, гордость, связанные, по его мнению, с монашеством. В этом отрицательном отношении к монашеству Феофан вполне сходил с Петром. «Можно сказать, что Петр в каждом монахе склонен был видеть праздного человека, готового при удобном случае сделаться бунтовщиком, Феофан – католика, возлагающего упование на свои личные заслуги»⁶⁸.

В изданном в 1724 г. пространном «Объявлении о звании монашеском», написанном Феофаном, содержится резкое осуждение монашества. В духе этого «Объявления» написаны Феофаном Прокоповичем постановления о монашестве, содержащиеся во второй части прибавления к «Духовному регламенту» и сводящиеся к значительным стеснениям монашества.

Приведем некоторые из них: «Не принимать в монахи ниже тридцатого году возраста; женщин моложе пятидесяти не постригать; скитков пустынных строить не попускати; монахам никаких писем, как и выписок из книг не писать, чернил и бумаги не держать».

⁶⁸ Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович, как проповедники // Собр. соч. М., 1880. Т. 5. С. 289.

По поводу этого последнего Гиляров-Платонов говорит: «Когда Петр I издал указ, запрещавший монаху держать у себя в келлии перо и чернила... духовенство должно было почувствовать, что отселе государственная власть становится между ним и народом... и старается разрушить... то взаимное доверие, какое было между пастырями и паствою»⁶⁹.

В дополнение к постановлениям о монашестве был издан в 1723 г. следующий указ: «Во всех монастырях учинить ведомость, колико в них монахов и монахинь обретаются, и впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат»⁷⁰.

Двумя указами управление монастырскими вотчинами было передано особому Приказу, а монахам было повелено выдавать жалованье. «Указы Петра I (ПСЗ. Т. 7. № 4455, 4456, 4572), Анны Иоанновны (ПСЗ. Т. 9. № 6585) и Екатерины II (ПСЗ. Т. 16. № 12 060) ограничивали число поступающих в монашество. Монастыри обезлюдели с отнятием земель и вотчин. Богатые обители обеднели до крайности, а средние закрылись. Во многих монастырях церкви нередко стояли без глав и крестов, крыши их прорастали мхом, келлии, подкосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными»⁷¹. Отсутствовали иеромонахи, и приходилось приглашать белого священника. В монастырях доживали престарелые и больные, а иногда все «разбродились розно», и монастырь закрывался. В одном синодальном донесении говорится: «В монастырях монахов весьма недостаточно, в числе же наличных многие к употреблению в священнослужение и прочие монашеские послушания совершенно неспособные. Как в мужских, так и в девичьих монастырях таков же недостаток» (ПСЗ. Т. 11. № 8303).

⁶⁹ Цит. по: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 103. – *Примеч. ред.*

⁷⁰ Цит. по: *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович, как проповедники // *Собр. соч. М., 1880. Т. 5. С. 289.*

⁷¹ Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. Сентябрь. С. 166.

Теперь монашество перестало являться идеалом общества, как было в Древней Руси, когда оно привлекало к себе одухотворенные элементы. Высшие слои общества увлекались идеями, принесенными с Запада; среди простонародья распространились всевозможные секты. Монашество же, обескровленное и обездоленное, в большинстве являет собою картину распада. Так, назначенный благочинным игумен Валаамского монастыря Назарий в 1795–1796 гг. жалуется на общее бродяжничество монашествующих. Но еще в 1786 г. и сам митрополит Гавриил делает распоряжение, чтобы монашествующие по дворам не шлялись. Настоятели смотрят на свою должность, как на источник дохода. Пьянство является общим бичом⁷².

Но вместе с тем в середине XVIII столетия при этом полном упадке и вымирании неожиданно наступают признаки весны. Так после строгой и суровой зимы вдруг начинают пробиваться из недр земли новые, молодые побеги свежей растительности. Пролился теплый благодатный дождь. Повеяло духом. Началось Воскресение. И яркая, благоуханная весна вступила в свои права.

Две сильные личности дали толчок этому возрождению: один – архимандрит Паисий Величковский за пределами России возобновляет учение о духовной молитве, другой – Преосвященный Гавриил, митрополит Санкт-Петербургский, создает питомники, откуда это учение могло распространяться. Переведенное Паисием Величковским и изданное митрополитом Гавриилом «Добротолюбие» послужило основанием этому движению.

Настоящий труд позволяет нам только вкратце коснуться того великого значения, какое имел Паисий Величковский для жизни всей религиозной России за два последних столетия. Повторим слова оптинского составителя его жизнеописания: «Мы, россияне, должны чувствовать излившую на нас Промыслом

⁷² Сведения взяты из «Христианского чтения» за 1901 г. (Ч. 2. С. 500 и др.).

Божиим через него духовную пользу не для одного монашества, но и для укрепления всей Православной Церкви»⁷³.

Схиархимандрит Паисий, в миру Петр Иванович Величковский (1722–1794), сын священника, был, как он сам любил выражаться, «родимец Полтавский».

«Старец Паисий, – говорит профессор протоиерей Георгий Флоровский, – не был самостоятельным мыслителем; и был вообще скорее только переводчиком, чем даже писателем. Однако в истории русской мысли у него есть свое место, и видное место... Есть что-то символическое в том, что, совсем юноша, он уходит из Киевской Академии, где учился, странствует и идет в молдавские скиты, и дальше на Афон. В Киеве он твердо отказывается и перестает учиться, ибо не хочет учиться той языческой мудрости, какой только и учили в Академии: “Слыша бо в нем часто воспоминаемых богов и богинь еллинских и басни пиетическия, возненавидех от души таковое учение” (здесь разумеется, очевидно, просто чтение древних авторов, – Паисий не пошел в Академии дальше синтаксимы: “Точию грамматическому учению латинскаго языка отчасти научился бех”). Это было в ректорство Сильвестра Кулябки; по преданию, Паисий упрекал его за то, что в Академии мало читают отцов... Из *латинской* школы Паисий уходит в *греческий* монастырь. Это не был уход или отказ от знания. Это был возврат к живым источникам отеческого богословия и богомыслия... Паисий был, прежде всего, устройтелем монастырей – на Афоне и в Молдавии. И в них он восстанавливает лучшие заветы византийского монашества. Он как бы возвращается в XV век. И не случайно так близок был старец Паисий к преподобному Нилу Сорскому: он возобновляет и продолжает именно его прерванное дело (литературная зависимость старца Паисия от преподобного Нила вполне очевидна). Это было возвратное движение русского духа к византийским отцам... Еще на Афоне Паисий начал собирать

⁷³ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского... М., 1847. С. XVI.

и проверять славянские переводы аскетических памятников. Это оказалось трудной работой, – по неискусству древних переводителей и еще более по нерадению переписателей. Очень нелегко оказалось собрать и греческие рукописи. Нашел Паисий нужные ему книги не в больших обителях или скитах, но в небольшом и удаленном ските св. Василия, недавно пред тем устроенном пришельцами из Кесарии Каппадокийской. И там ему объяснили, “яко книги сия самым чистым еллино-греческим языком суть написаны, егоже ныне кроме ученых лиц едва кто от греков мало что разумеет, множайши же и отнюдь не разумеют; того ради и книги таковыя мало не в всесовершенное приидоша забвение”... С переселением в Молдавию переводческая работа старца Паисия становится планомерной, особенно в Нямецком монастыре (с 1779 г.). Паисий очень ясно понимал все трудности переводческого дела и всю необходимость глубокого знания языков для этого. В первое время он опирался на молдавские переводы. Он собирает у себя большой кружок писцов и переводчиков, посылает своих учеников учиться по-гречески даже в Бухарест. И сам с большим увлечением входит в эту литературную работу. “Како же писаше, удивлятися подобает: немощен бо телом отнюд бяше, и во всем правом боку бяху ему раны: на одре убо, идеже почиваше, окрест облагаше себе книгами: ту положени бяху словари разноязычнии, Библия Греческая и Словенская, Грамматика Греческая и Словенская, книга из нея же превод творяше, посреди же свещи: сам же аки малое отроча, сея согнувшися всю ночь писаше, забывая и немощь тела и тяжкия болезни и труд”. Старец был очень строг к своим переводам, боялся их широко распространять, – “аки по всему храмлющи и несовершенни”... Переводили у него и с латинского... Нямецкий монастырь становится при старце Паисии большим литературным центром, очагом богословски-аскетического просвещения. Литературная деятельность органически здесь сочеталась с духовным и умным деланием. О старце Паисии писатель жития замечает: “Ум же его всегда соединен бе любовию с Богом, свидетель сему слезы”... И в тот

век душевной раздвоенности и разорванности проповедь духовного собрания и цельности получала особую значительность. Издание словено-русского “Добротолубия” было событием не только в истории русского монашества, но и в истории русской культуры вообще. Это был сдвиг и толчок... – Интересно сравнить: Феофан Прокопович был весь в ожиданиях и в новизне, в будущем, в прогрессе. И старец Паисий – он весь в прошлом, в преданиях, в предании. Но именно он был пророком и предтечей... Возврат к истокам был открытием новых путей, был обретением новых кругозоров»⁷⁴.

«Подвиги, наставления и писания молдавского старца Паисия, – говорит оптинский издатель его жития, – имели великое влияние на российские монастыри, пример жизни и свет учения его пролился обильно на российское монашество. Ибо многие из россиян, ищущих спасения и отрекшихся мира и яже в мире, странствуя в Палестине, Афонской Горе и Молдовлахии и собирая, подобно пчелам с цветов, мед спасительного учения от обитавших в тамошних местах подвижников, находили особенно в обители старца Паисия величайшую духовную пользу, научаясь примером его высокой жизни и медоточивыми наставлениями подвигам монашеским и внутреннему деланию умной молитвы. По возвращении в Россию они передавали приобретенное ими там духовное сокровище и другим ищущим спасения, некоторые начальствуя над обителями, а другие находясь в числе братства»⁷⁵.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Протоиерей о. Сергей Четвериков в жизнеописании своем старца Паисия Величковского⁷⁶ разделяет сферу проникновения и распространения его учения на три округа: 1) северный, 2) центральный

⁷⁴ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 125–127.

⁷⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского... М., 1847. С. I.

⁷⁶ См.: Четвериков С., прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Петсери, 1938. – *Примеч. ред.*

и 3) южный. В северном он отмечает следующие центры: Соловки, Валаам и Александро-Невскую Лавру, которая, собственно, и была главнейшим средоточием всего. В Соловках насадителем Паисиевых преданий был иеросхимонах Феофан⁷⁷. По смерти киевского старца Досифея Феофан переселился на Соловки, куда и перенес заветы старца Паисия. На Валааме и в Александро-Свирском монастыре трудились ученики старца Паисия – схимонах Феодор и иеросхимонах Клеопа⁷⁸. От них учение перешло в Оптину Пустынь через старца Леонида. Но вся душа северного движения сосредоточена была в Петербурге. Оттуда исходит назначение настоятелей-возобновителей. Так, например, на Валаам выписан из Сарова игумен Назарий и из иных мест и другие настоятели. В руках митрополита Гавриила соединились все нити, и он дает нужный толчок и направление. У него же в Лавре

⁷⁷ Иеросхимонах Феофан († 1819) первоначально подвизался в Киево-Печерской Лавре, был келейником затворника Досифея, паломничал в Молдавию, жил в обители прп. Паисия Величковского. После кончины старца Досифея († 1776) по его благословию удалился в Соловецкий монастырь. – *Примеч. ред.*

⁷⁸ Рассказывает о случайном нахождении мощей о. Клеопы игумен Уссурийский о. Сергей. «13 октября 1893 г., вступив на священный остров Валаам, я вскоре был принят на послушание в скит Всех Святых. Прежде меня поступившие братья-послушники рассказали мне, что незадолго до моего прихода в скит скончался там о. Арсений. Когда они рыли для него могилу за алтарем храма, примерно на двух аршинах глубины начали ощущать некое благоухание. Не доверяя своему чувству, они сначала не говорили об этом друг другу, но, по мере углубления могилы, благоухание усиливалось и, наконец, стало настолько ясным, что ощущалось всеми, о чем они тогда и заговорили между собой. Когда работа их близилась к концу, то сбоку из соседней могилы выпал человеческий череп. Благоухание еще больше увеличилось. Братья послали за старцем о. Феофилом, управлявшим в то время скитом. Последний пришел и распорядился позвать о. Алексия и других скитских старцев. Отец Алексей, подойдя к могиле, взял благоухавшую главу в руки и, осенив себя крестным знаменем, благоговейно облобызал ее, причем сообщил всем присутствующим, что это глава святопочившего старца о. Клеопы, ученика знаменитого подвижника XVIII века схиархимандрита Паисия Величковского. Тут же по блаженном старце была отслужена панихида, после которой глава с благоговением была возложена на свое место. Иеросхимонах Клеопа, как известно, поселился на Валааме в 1811 г., а почил о Господе в 1816 г. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего иеросхимонаха Клеопы и его святыми молитвами помилуй меня грешного. Игумен Сергей» (*Янсон М. Большой скит на Валааме. Таллинн, 1940. С. 70–71*).

первоначально появляется Филарет (впоследствии Новоспасского монастыря старец), который в дальнейшем руководил братьями Путиловыми, из которых схиархимандрит Моисей был великим Оптинским настоятелем. Тот же Филарет руководит в Москве четой Киреевских – сотрудников старца Макария Оптинского по изданию святоотеческой литературы. Наконец, в Александро-Невской Лавре пребывает о. Афанасий (из сенатских секретарей), принесший митрополиту Гавриилу «Добротолюбие» от старца Паисия.

Теперь бегло рассмотрим центральный округ: главные пункты его – Москва, Владимирская и Калужская епархии и Брянский монастырь Орловской епархии, Рославльские леса. Наиболее выдающейся здесь личностью является о. Клеопа, настоятель Введенской пустыни Владимирской епархии. Этот о. Клеопа жил долгое время со старцем Паисием, сначала на Афоне, затем в Драгомирнском монастыре и, может быть, в Секуле, и вышел в Россию еще до 1778 года. Мы приведем ниже о нем подлинный рассказ его ученика – архимандрита Феофана Новоезерского, входящий в автобиографию последнего. Учениками о. Клеопы были: упомянутый архимандрит Феофан, друг его архимандрит Игнатий, полагавший с ним начало в Санаксарской обители. Архимандрит Игнатий был после о. Клеопы строителем Введенской пустыни, позднее Пешношской, и в 1788 г. он возобновляет Тихвинский монастырь в Новгородской епархии. Кончает жизнь он свою в 1796 г. в Симоновом монастыре, будучи также его возобновителем. Другой ученик старца Клеопы – Макарий Пешношский (заместитель Игнатия после его перевода в Тихвин). Его монастырь был рассадником, откуда было взято 24 настоятеля в разные монастыри, и, между прочим, оттуда взят был Авраамий – воссоздатель Оптиной Пустыни. Макарий Пешношский был в духовной переписке со старцем Паисием. Другим важным пунктом, откуда развилось Паисиево движение, была Москва и в ней Симонов и Новоспасский монастыри. В первом подвизался ученик Паисия монах Павел, пострадавший от фран-

цузов в 1812 г., и другой ученик Паисия – Арсений. Настоятелем был, как мы упоминали, архимандрит Игнатий, ученик старца Клеопы. В Новоспасском монастыре жили иеромонахи Филарет и Александр – ученики Паисиева ученика Афанасия (Захарова), бывшего ротмистра гусарского полка (не надо смешивать с другим о. Афанасием, принесшим «Добротолюбие»).

Схимонах⁷⁹ Афанасий (Захаров) жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский образ. Занимался выписками из отеческих книг о молитве, смирении, послушании, терпении и любви. И сам преуспевал в этих добродетелях. В 1777 г. о. Афанасий вернулся в Россию и жил во Флорищевой пустыни, откуда ездил в Москву, где и общался с иеромонахами Филаретом и Александром (последний был в переписке с самим старцем Паисием). Скончался о. Афанасий в 1823 г.⁸⁰ в Площанской пустыни Орловской епархии. Другим важным местом, где переплетаются духовные нити, шедшие от старца Паисия, был Брянский Свенский монастырь. Там подвизался схимонах Афанасий из сенатских секретарей (тот самый, который доставил митрополиту Гавриилу «Добротолюбие»). Схимонах Афанасий, оставив мир, странствовал по Святой Афонской Горе и Молдавии, был у старца Паисия, который поручил его своему ученику Софронию. В оптинском жизнеописании старца Паисия имеется замечательное письмо старца Софрония к о. Афанасию о том, как хранить мир душевный⁸¹. Он скончался в 1811 г. на руках о. Афанасия (Захарова). Первый о. Афанасий руководил братьями Путиловыми (настоятель Оптинский Моисей), а второй о. Афанасий (Захаров) руководил в бытность в Площанской пустыни будущим старцем Оптинским Макарием. От первого о. Афанасия в Свенском

⁷⁹ У Концевича ошибочно указан иеромонахом – *Примеч. ред.*

⁸⁰ По другим источникам схимонах Афанасий (Захаров) скончался в 1825 г. См., например, *Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария*. М., 1997. С. 333 и гл. VII наст. изд. – *Примеч. ред.*

⁸¹ См.: *Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского...* М., 1847. С. 269–274.

монастыре имел возможность узнать о духовном делании и настоятель монастыря, впоследствии ректор Московской Духовной Академии, Калужский епископ и Киевский митрополит, покровитель монашества и старчества знаменитый Филарет, который был создателем Оптинского Скита в 1822 году. Он убедил подвижников, живших в Рославльских лесах, основать Скит при Оптиной Пустыни. Таким образом, прибыли в Оптину Пустынь о. Моисей с братом своим Антонием и пустынники Иларион и Дорофей. Оптина явилась как бы чашей, куда сливалось все драгоценное духовное вино.

Теперь скажем о третьем, южном центре. Из непосредственных учеников старца Паисия известны на юге монах Герасим, пострижник старца Паисия и др. В Екатеринославской епархии подвизался иеросхимонах Ливерий. Его учеником был инспектор духовной семинарии инок Макарий (Глухарев), впоследствии знаменитый начальник Алтайской Миссии. Широкое влияние на юге России имел известный иеросхимонах Василий (Кишкин). Он имел счастье слушать беседы Тихона Задонского и был другом Антония Воронежского. Его учеником был также Моисей Оптинский. Другим его учеником (и одновременно архимандрита Феодосия, пришедшего из Молдавии в Софрониеву пустынь) был знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет. От него идет глинская линия старчества. Там был после него не менее известный архимандрит Илиодор, имевший пророческие видения о судьбах России, и последним там старцем был Иассон, в схиме Иоанн, писатель жития схиархимандрита Илиодора.

Такова схема: север, центр и юг. Но главным нервом, откуда шел двигательный ток распространения Паисиева движения, был север – Александро-Невская Лавра в Петербурге, где пребывал великий митрополит Гавриил, который планировал, насаждал, укреплял и возвращал свой духовный сад, принесший столь блистательные плоды.

Поэтому мы коснемся в своем повествовании главным образом северного округа и попутно тех лиц, которые входили в соприкосновение с его главными деятелями.

МИТРОПОЛИТ ГАВРИИЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ

Вот краткая биография митрополита Гавриила. Он был сыном синодального иподиакона (в миру Петр Петрович Петров). Родился в Москве 18 мая 1730 года. Обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии. Кончил курс в 1750 г. В следующем поступил справщиком в московскую Синодальную типографскую контору. В 1758 г. принял монашество и назначен учителем в лаврскую семинарию. Затем последовательно проходит должности: ректора этой семинарии, наместника Лавры и ректора Славяно-греко-латинской академии. В 1763 г. назначен на Тверскую кафедру, где и оставался до 1770 г., когда он был переведен архиепископом в Петербург. 1 января 1775 г. его ведению была подчинена и Новгородская епархия. В 1783 г. ему дан был титул митрополита. Обеими епархиями управлял до 1799 г., когда назначен был митрополитом Новгородским и Олонецким с увольнением от управления Петербургской епархией. 19 декабря 1800 г. уволен на покой по болезни. Скончался 26 января 1801 г. в Новгороде.

Личность митрополита Гавриила носила, в силу обстоятельств, двойственный характер. Великий аскет и подвижник, он для внешних был пышный сановник екатерининского времени, кавалер ордена Андрея Первозванного. Однажды, сопровождая крестный ход из Казанского собора в Александро-Невскую Лавру (около трех верст), Екатерина всю дорогу провела в разговоре с митрополитом и нашла, что он «муж острый и резонабельный». Она ему посвящает перевод Мармонтелева Велизария и заказывает его портретный мраморный барельеф для лаврского собора, строителем которого он был.

Митрополит несет еще на себе и чисто светское почетное звание: он состоит вице-президентом Академии наук, где часто председательствует в отсутствие Е.Р. Дашковой. Он много потрудился и при издании словаря⁸², куда вложил и свой личный труд. Он охраняет

⁸² Имеется в виду толковый словарь русского языка: Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6. – *Примеч. ред.*

Гавриил (Петров),
митрополит Новгородский
и Санкт-Петербургский

церковные древности и археологические ценности, спасает древние книги.

Но, с другой стороны, в своей келейной жизни этот пышный вельможа и ученый муж является смиренным подвижником: «всё молится в землю», питается гретыми щами, говоря, что, быть может, скоро и этого не будет. Он не вступает в открытую борьбу с правительством, не пытается переубедить власть имущих и внушать им свою точку зрения, но он твердо ведет свою линию: созидает, возрождает и обновляет церковную жизнь. Мы здесь не будем входить во все детали его широкой деятельности, его забот по созданию Невской Академии, которую он поставил на

должную высоту, его забот о семинариях и низших школах. Скажем лишь, что он не только занимался учебной программой, но входил сам во все мельчайшие подробности быта подведомственных ему учебных заведений. Церковная проповедь, раскол, богослужение, духовенство – все было предметом его величайших забот.

Келейник митрополита Гавриила, архимандрит Феофан, приводит случай обращения в Православие ожесточенного раскольника. Случай этот дает понятие о духоносности и силе молитвы Преосвященного Гавриила.

«Митрополит Гавриил, видя, что никакими убеждениями вразумить его (раскольника) нельзя, обратился к образу Божией Матери с такою молитвою: “Не могу этого жестокого сердца привести в чувство; Ты уж Сама, имиже веши судьбами, обрати его”. Тот смягчился и стал просить посмотреть, как служат Литургию. Старичок игумен Нифонт служил; вдруг превеличайшее благоухание услышал Ксенофонт и видит свет, а этот свет явился и опустил в потир. После этого обратился, а прежде и слышать

не хотел, – сядет и шапку нахлобучит; пошел на Валаам и там постригся»⁸³.

Кроме внешней деятельности, митрополит Гавриил трудился еще как проповедник и церковный писатель. В проповедях он действовал на разум слушателей в отличие от митрополита Платона, который действовал на чувствительность и воображение. Однажды в день тезоименитства Екатерины митрополит Гавриил имел смелость говорить против крепостного права в ее присутствии и, разумеется, всей придворной знати. Он был плодотворным писателем, и труды его имели большое значение в его эпоху. Но главным детищем митрополита Гавриила было монашество, на восстановление которого он и положил все свои силы.

Митрополит Гавриил, бесспорно, является центральной фигурой в эту эпоху возрождения. Расцвет монашества обязан ему в большой степени. Его келейник старец Феофан метко о нем выразился: «Монашество, даром что все по школам учился, знает лучше нашего»⁸⁴. Это был святой подвижник и аскет. Путь святости был ему оттого не чужд, что этим путем шел он сам.

Из автобиографии его келейника мы узнаем подробности его домашнего быта. «Вот и Преосвященный Гавриил муж был добродетельный, премудрый, богослов и философ, а больше всего то, что угоден Господу Богу. Я сподобился послужить ему, недостойный. Господь Бог привел меня послужить такому великому мужу; десять лет жил я у него... Преосвященный Гавриил прозорлив был и великий святитель был»⁸⁵. И далее он говорит о своем владыке: «Преосвященный Гавриил был все в слезах, все плакал. Когда служил, все со слезами служил... У Преосвященного Гавриила положено было раздавать нищим каждый день 50 рублей – это медных только, а

⁸³ Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913. С. 221. – *Примеч. ред.*

⁸⁴ Там же. – *Примеч. ред.*

⁸⁵ Там же. С. 208, 212. – *Примеч. ред.*

ассигнациями и золотом сам раздавал, да по 300 рублей каждый месяц на тюрьмы. Медные деньги раздавал я, и по всем тюрьмам я же развозил.

А как был воздержан Преосвященный, то это видно из следующего: когда он кушал один, то всегда было два блюда – кусок свежепросольной осетрины и уха, а когда архимандриты обедали, то четыре блюда, и не более. В каждый постный день ел только однажды. Приехал однажды к Преосвященному Псковский Иринеи, а у Преосвященного рыбного-то кушанья не было приготовлено. Подают пироги с горохом, тот говорит:

– Что это такое?

Преосвященный смеется:

– Пироги с горохом. Ты, я думаю, едал. Что, разве забыл?

Ну, перекрестился Преосвященный Иринеи:

– Благослови, Господи, есть нового изобретенья кушанье – пирожки с горошком.

В постный день стол был: щи с грибами и с постным маслом. Я говорю Преосвященному:

– У нас есть всякие масла, даже миндальное, – не угодно ли с теми готовить кушанья?

Преосвященный изволил сказать:

– Надобно, брат, привыкать к этому, может быть, со временем и этого не будет. Однажды говорит:

– Навари-ка ты мне щей на неделю, только бы можно было разогреть.

А я говорю:

– Чтобы заморозить – ведь это не так-то хорошо.

– То-то, – говорит, – я это примечаю, нет уже вкусу-то никакого.

После ранней обедни никогда не кушал. В девять часов уедет в Синод, а в третьем приедет. К вечерне и к утрене всегда ходил. Он любил строиться. Троицкий собор в Лавре при нем украшен...

Когда во дворец ездая, то прежде всего молился Богу, все в землю.

Однажды кладет поклоны земные, – я пришел, он говорит мне:

– Дай Бог, чтоб сегодняшней день так прошел»⁸⁶.

«Перед смертью своей в Новгороде также говорил:

– О, это столетие-то страшное начинается.

Умер он без меня, в то время послал меня с Лаврою рассчитыватья.

Умер сидя. Секретные письма перед этим я все писал: он не доверял никому другому. Я за неделю до кончины был у него с о. Назарием; сидел с нами за столом, только уже мало кушал. За год предчувствовал свою кончину и, когда я был у него, говорил мне:

– Близка моя кончина.

Приобщался перед смертью почти каждый день. Перед самую смертью послал за Преосвященным Антонием – тогда бывшим викарным в Новгороде – и за другим кем-то из консистории, призвал их и говорит:

– Ведь у меня ничего спрятанного нет – не ищите.

Отставлен он был 24 декабря 1800 г., а в 1801 г., января 28-го, скончался, а император Павел на 12 марта того же года скончался, только что шесть недель прошло после смерти митрополита»⁸⁷.

АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН НОВОЕЗЕРСКИЙ

Надо сказать несколько слов об архимандрите Феофане, записки которого мы только что приводили. Феофан – это талантливая и даровитая русская натура. Речь его простонародная, но вместе с тем крайне образная, остроумная и живописная, она дает нам живые порт-реты и верные картины тогдашнего быта. Меткими и мастерскими штрихами рисует он свои наброски. Где он только не был и кого он только не встречал! Начиная со святителя Тихона Задонского, он имел близкие отношения ко всем многочисленным подвижникам своей эпохи, поэтому митрополит Гавриил – человек

⁸⁶ Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913. С. 214–215.

⁸⁷ Там же. С. 222–223.

книжный и не имевший случая путешествовать и общаться с разнообразными людьми – очень ценил его в этом отношении и пользовался связями своего келейника с миром истинных подвижников. При воссоздании обителей Феофан оказывал неоценимые услуги, рекомендуя в соответственное место соответственного человека. Таким образом, все тайные рабы Божии, укрывавшиеся по глухим захолустьям, были выдвинуты вперед и поставлены на свещнице – *да светят всем в доме* (Ср.: Мф. 5, 15).

Архимандрит Феофан, в миру Феодор Соколов (1752–1832), из мелкопоместной дворянской семьи. По тому времени образования большого он не получил, кроме простой грамотности. Он читает духовные книги и с детства стремится к монашеству. Девятнадцати лет сначала уходит в Саров, где знакомится с о. Назарием, на которого он впоследствии указывает митрополиту Гавриилу для возобновления Валаамской обители. Саров показался молодому послушнику еще недостаточно «жестоким», и он поступает к о. Феодору в Санаксар.

Вот что рассказывает архимандрит Феофан: «Мы искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали – в Саровской пустыни; нет, еще слабо! Пошли к о. Феодору в Санаксар. Обитель без ограды, забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили! Балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал. Начало-то недостаточное и трудное! В лаптях ходили – одни были мелко плетены, другие крупно; так и лежали: одна кучка – маленькие, другая – крупные. Ноги обертывали онучами из самых толстых изгребней, а босиком не ходили. Придут к о. Феодору:

–... Благословите взять ступни.

И велит самому выбрать – из маленьких и выберут. Отец Феодор позовет:

– Поди-ка сюда.

И возьмет у него. Случалось это и с о. Игнатием: и у него отбирал частые ступни и бранивал за то, что на лапти прельстился, а Игнатий был из придворных. Начнут (братия) говорить:

– Живи, живи, а и в этом-то утешения не сделают, в каких-нибудь ступнях.

Услышит это о. Феодор, призовет:

– Что вы там?

– Да вот, Батюшка, какое смущение, и в этом-то утешения не сделаете.

Начнет представлять:

– Что вы из эдакой безделицы теряете спасение!

Да, мы жили у старцев духовных. Я с Макарием в одной келлии жил. Ему больше всех искушения было от о. Феодора. Отец Феодор нарочно искушал братию... давал балахоны, худо сшитые, с долгою спиною или с заплатами. Один из таких балахонов о. Феодор и дает о. Макарию – тот смущается, придет к о. Феодору, показывает, как на нем сидит балахон, какая спина несоразмерная. Отец Феодор начнет увещевать:

– Зачем пришел в монастырь? Да есть ли разум? Что вы, чем занимаетесь! Лишаетесь милости Божией! Что вы, занимаетесь чем? – Тряпками! А надобно заниматься, душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься.

А после и привыкли. А чтобы при себе что-нибудь иметь – ничего уж не было! Огня в келлии никогда не бывало. А послушание было такое, что я сам и полы мыл, и щепки собирал, и ложки мыл, и пищу варил; сами караулили по ночам, походим, да поклонов несколько земных и положим – помолимся. А всенощная продолжалась в Санаксаре семь часов. Когда закладывали в Санаксаре церковь, где алтарю-то надобно быть, вдруг прилетел рой пчел; о. Феодор велел о. Герасиму огрести в улей, и с того времени все пчелы в монастыре. Смущались некоторые, что о. Феодор двумя монастырями управлял: своим и женским Алексеевским, который он завел. Ходили к знаменитому

схимнику Досифею в Киев, говорили, что о. Феодор два монастыря – мужеский и женский – имеет под своим управлением.

– Вы слабости какие в нем заметили?

– Нет, он строгой жизни.

– Недостатки что ли какие есть?

– Нет никаких.

– За кого вы его почитаете?

– За святого.

– Что, он грамоте знает?

– Ученый.

– Что вы сомневаетесь! Не сомневайтесь. Умная голова не только два стада, и десять может пасти.

Так и успокоились.

А отец-то Игнатий раза два к Преосвященному при мне уже бегал, и когда был поставлен иеродиаконом, то с вечера примочил волосы, заплел, да после и расчесал, надел парчовый стихарь, а в лаптях. Как стал на амвон, о. Феодор его подозвал.

– Ты, – говорит, – павлин, хвост-то распустил, посмотри на ноги-то; подиними стихарь-то.

Тот оскорбился и убежал ночью к Преосвященному Иерониму жаловаться, что пристыдил, посрамил меня, а Преосвященный и прислал его к о. Феодору, чтобы на поклоны поставил. Отец Феодор никого из братии не удерживал в монастыре силою и говорил:

– У меня ворота открыты для всех, кто хочет выходить.

А уж не терпел слова “не хочу”, и слышать не мог»⁸⁸.

Взгляды о. Феодора характеризует и следующий случай. «Однажды о. Феодору необходимо было, по монастырским нуждам своим, поехать в Москву, где и пробыл он месяца два. В это время приходили к нему усердствующие всякого звания люди, ради совета и пользы душевной, а благородные господа почти каждый день

⁸⁸ Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913. С. 199–201. – *Примеч. ред.*

приглашали его к себе кушать, присылая за ним своих лошадей. У одного господина случилось о. Феодору таким образом встретиться и кушать вместе с другими настоятелями и игуменами московских монастырей. Зашел между ними разговор о монашеских одеждах. Вероятно, старец, как пустынный, одет был скудно, и тем невольно как бы укорял московских отцов, одетых не по-пустыннически. Московские отцы говорили, что им, в столичном городе, нельзя носить одежды из простой и дешевой материи, и спрашивали у о. Феодора мнение его об этом. Отец Феодор сказал: «Могли бы вы, святые отцы, иметь благословное себе оправдание, если бы при пострижении, пред Святым Евангелием, давали свои обеты о претерпении нищеты по другим каким правилам; но как чин пострижения один и обеты одни, то немного требуется толкования. По страстям же толковать и послаблять себе – это в свое время послужит только в осуждение таковым себе потакателям. Неприлично духовным людям иметь богатое платье, келейных служителей светских с пуклями, также богатые кареты, как знак любви к пышности»⁸⁹.

«Между тем в 1774 г. случилось обстоятельство, имевшее важное значение для всего братства Санаксарской обители: о. Феодора неожиданно постигло тяжкое испытание. Виновником его бедствия был тогдашний темниковский воевода Нилов. За несколько лет перед этим он упросил о. Феодора быть его духовным отцом, на что последний согласился, но не иначе как под условием, чтобы духовный сын повиновался ему во всем, что касается спасения души. Сначала он, действительно, был послушен своему духовному отцу но потом стал нарушать посты, делать притеснения городским жителям и при каждом удобном случае брать с них поборы. Все увещания и обличения о. Феодора были тщетны. Наконец, одно обстоятельство до крайности огорчило старца: в самую горячую пору полевых работ воевода заставил крестьян строить ему покои; крестьяне пришли к о. Феодору с просьбой заступиться за них перед воеводой,

⁸⁹ Там же. С. 420. – *Примеч. ред.*

выпросить им позволение убрать поля, чтобы не погибнуть с голода. Тронутый их бедствием, старец поехал в Темников. Воевода, давно наскучив его наставлениями и упреками, велел позвать его в канцелярию: здесь старец не затруднился высказать ему все, что считал своим долгом сказать, по поводу незаконных поступков своего духовного сына, а этот последний приказал немедленно составить протокол, что настоятель Санаксарской пустыни перед зеркалом⁹⁰ называл его грабителем и другими оскорбительными именами. Началось дело, по которому состоялось определение: Санаксарского настоятеля, как человека беспокойного, отправить в Соловецкий монастырь в число братства. В виде снисхождения к виновному приказано было отпустить с ним в сундуках его имение, сделав ему предварительно опись. Когда явился чиновник для описания имущества, о. Феодор показал ему шерстяной войлок с жесткой подушкой, овчинную шубу, мантию, рясу и сказал: «Описывайте». В этом состояло все его богатство»⁹¹. В Соловках о. Феодору пришлось пробыть лет десять, пока о. Феофан не попал в келейники к митрополиту Гавриилу, который добился пересмотра этого дела и реабилитации о. Феодора.

Вернемся теперь к прерванному рассказу об архимандрите Феофане. После того как был сослан о. Феодор, обитель Санаксарская совсем сиротеет: ее оставляют о. Игнатий и о. Макарий, перейдя во Введенскую пустынь к знаменитому старцу Клеопе. К ним решил присоединиться и о. Феофан. Настоятель о. Клеопа получил воспитание иноческое на Афоне, упражняясь в умной молитве и духовном делании вместе с великим старцем Паисием Величковским. Здесь юный послушник – будущий архимандрит Феофан – получил новые, еще более совершенные уроки монашеской жизни.

⁹⁰ Введенная Петром I эмблема «законности», помещавшаяся на столе в судебных и др. учреждениях. – *Примеч. ред.*

⁹¹ См.: Жизнеописания подвижников XVIII и XIX веков. М., 1910. Декабрь. С.107.

Это тот же чисто евангельский дух, который мы наблюдали в XV и XVI веках у созерцательных подвижников Северной Фиваиды. Вот подлинный рассказ самого архимандрита Феофана о своем тогдашнем настоятеле.

«Сколько случалось мне знать мужей добродетельных! Великие старцы были, от которых я учился: Тихон Воронежский, о. Феодор, о. Клеопа, можно сказать, что чудотворцы... Да, о. Клеопа жизни подлинно святой был. Он всегда был в молитве и читал книги Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника. Общее правило о. Клеопы – полтора-ста поклонов поутру и после вечерни полтора-ста поклонов... Клеопа скончался более 70-ти лет. Виду он был такого: лицом кругловат, сед, сух, всегда плакал. Он сам записался в синодик и сказал, в какое время умрет. Он любил день 40 мучеников – в этот день и умер. Жизнь он прежестокую вел, был из малороссиян, из Киева, жил в Афонской Горе. О себе сказывал, что в юности чистоту соблюл и никаких плотских грехов не знал, потому исполнен был благодати Божией»⁹².

«В Введенской пустыни однажды случилось вот что: один послушник сказал, что он видел очевидно явление. Отец Клеопа велел искутить его, немножко пожуричь со стороны, тот смутился, почел за оскорбление, пришел к о. Клеопе и говорит:

– Я не могу жить, – меня оскорбляют.

– Как же ты говоришь, что удостоился видения, а не можешь терпеть. Следовательно, это прелесть. В голову камень класть, поститься, на голой земле спать, – это пустое, – *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), – сказал Господь, а не чудес и явлений каких-нибудь обещал...»⁹³.

«У о. Клеопы позволялось с белым хлебом, кто мог, на трапезу ходить, и сам идет на трапезу с белым хлебом, другие не роптали, и блины у него пекли. Одинаково нельзя вести всех, иных грубая

⁹² Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913. С. 208, 207, 206.

⁹³ Там же. С. 207–208. – *Примеч. ред.*

пища может привести в изнеможение. Одни пришли из бедности, от трудов в покой, другие от богатства, от нежного воспитания, для последних и то за велико вменится, что они оставили богатство. А брашно и питье не поставит нас пред Богом»⁹⁴.

«Преосвященный Сильвестр, когда был у Потемкина в Москве, тогда тот рассказывал:

– В Молдавии какие отцы! Высокой жизни, почтенные! Здесь таких нет.

Преосвященный Сильвестр говорит:

– Нет, есть, да только они не видны.

– Кто такой?

– А вот Клеопа.

Светлейший говорит:

– Представьте мне.

Преосвященный сказал ему, где его искать: у купца Матвеева квартирует. У Матвеева стол открытый был для всех странных. Светлейший карету послал, они обедали. Спрашивают:

– Который тут из вас Клеопа?

– Я. На что?

– Да Светлейший прислал за Вами.

Удивляется, почему узнал Светлейший.

– Хорошо, – говорит, – я приеду; у меня есть своя повозочка.

– Нет, без вас не велено приезжать.

Принужден был ехать. Увидел Преосвященного:

– Это вы меня, Ваше Преосвященство, затащили сюда старика?

Начали говорить – понравился Потемкину. Светлейший хотел его представить Государыне, а он скорее убрался во Введенскую пустынь. На дороге, когда он ехал туда, солдат жестоко бил его. Офицер, знакомый Клеопе, это увидал и спрашивает:

– За что он бьет? – и хотел этого солдата наказывать, но о. Клеопа упросил его:

⁹⁴ Там же. С. 207. – *Примеч. ред.*

– Не троньте. – Бог приказал. Клеопа, не тщеславься! Ездил в карете! Был во дворце.

Отец Клеопа в лесу жил, было с ним двое учеников: один – Лука, в Давидовской пустыни живущий, а другой – Матфей – после удалился на Афонскую Гору. Хлеба не достало – стали проситься ученики:

– Батюшка, отпустите нас в деревню попросить хлеба.

– Подождите.

День прошел, другой, и третий настал, – просят опять, чтобы отпустил их.

– Подождите, завтра отпущу вас.

На третий день к вечеру на паре лошадей приезжает человек и спрашивает:

– Где это Клеопа?

Всего навез: и пшеничной муки, и ржаной, и масла коровьего, и постного, и крупы. Смотрят, каким образом он приехал – дороги-то нет, лес превеличайший, частый, по зарубам ходили. Да много на него (о. Клеопу) и искушений-то было. Был иеромонах Паисий – такой простой-препростой был. Поехал он в Москву покупать, лошадей-то у него и увели. Да вор-то и приезжает на них в монастырь, увидели, узнали их, спрашивают:

– Где вы их взяли? Ведь это монастырские лошади.

Привели их к о. Клеопе.

– Где вы их взяли? – спрашивает их о. Клеопа.

– Виноваты – увели.

– Ведь вот вас теперь надобно под суд отдать. Да что вы, нужные что ли?

– Недостаточные.

– Ну, так возьмите одну себе.

В другой раз в полночь пришли воры в церковь, но как только они вступили, то как будто гром какой сделался, и они все попадали и лежали так до рассвета, а поутру приходят и раскаиваются о. Клеопе, и говорят:

– Нечего нам делать.

Воронцов, генерал-губернатор, прислал спрашивать о. Клеопу, чего ему надобно: земли, рыбных ловлей.

– Кланяйтесь господину генерал-губернатору, благодарю за усердие, скажите, что для меня нужно земли три аршина – более не надобно, так у нас столько-то есть, а рыбу мы у мужиков покупаем.

Хотел им один купец строить каменную ограду, 30 тысяч давал.

– Кланяйтесь, благодарю за усердие. Если ему угодно, пускай строит, – тому показалось обидно, в Сарову пустынь и отдал»⁹⁵.

Вот рассказы, которые подлинно переносят нас к преподобным Кириллу Белозерскому и Корнилию Комельскому – эпохе расцвета нестяжателей.

Если в Санаксарской обители молодой послушник, будущий архимандрит Феофан, научился терпению, трудолюбию, строгому исполнению монашеских правил и беспрекословному послушанию, то жизнь в Введенской пустыни имела для него важное значение: здесь он вступает в духовное общение с великой семьей иноков, средоточием которых был в то время великий старец Паисий Величковский. Рассказы настоятеля об Афоне, о старце Паисии возбудили в молодом послушнике желание лично побывать в этих местах, особенно он имел желание посетить Святую Землю. С пятнадцатью спутниками в 1776 г. отправляется он сначала в Молдо-Валахию. Но дальше ему ехать не пришлось. За святое послушание игумену Феодосию, настоятелю Тисманского монастыря, остается он там в числе братии. На третий день вступления его в Тисманскую обитель его постригают в монашество и нарекают Феофаном. Настоятель Тисманского монастыря о. Феодосий был одновременно со старцем Паисием учеником великого старца, схимонаха Василия Поляномерульского, и потому о. Феодосий мог быть для Феофана достойным заместителем старца Паисия, и тот факт, что он остался в Тисманской обители, не явился для него духовной потерей. Однако настоятель был вынужден вскоре

⁹⁵ Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913. С. 204–206.

отправить Феофана в Россию, чтобы хлопотать о перемещении всей обители туда. Они не могли оставаться в Валахии из-за изменившихся политических обстоятельств: «Нам в Валахии нельзя было жить, как с турками замирье сделалось»⁹⁶. Вскоре удалось перевести Тисманский монастырь в Россию, в Софрониеву пустынь. Там пробыл Феофан только полтора года. Потребовались строгие и надежные иноки для Александро-Невской Лавры. В их число попал и Феофан.

Вскоре он делается келейником митрополита Гавриила и на этом скромном поприще оказывает величайшие услуги всему русскому монашеству, содействуя воссозданию запустевших монастырей, указывая на опытных настоятелей, лично ему известных. Таким образом был восстановлен Валаам, Тихвин, Пешношский и Клопский монастыри.

Вот подлинный рассказ архимандрита Феофана о возобновлении Тихвинского монастыря. «Малороссы меня не любили – и вот за что: прежде монастыри вверялись им – всех малороссиян определяли в архимандриты, – и все монастыри опустели. Преосвященный тужил о сем и пекся об их исправлении, спрашивал меня о духовных старцах, нет ли мне известных, годных для сего, а я говорил ему о всех своих знакомых, с которыми вместе жил у старцев в послушании, в Петербург перетаскивал их, например вот отца Назария, отца Игнатия, отца Иону и прочих.

В Новгородской епархии все монастыри опустели. Клопский монастырь упразднить хотели, в Тихвинский монастырь приехал Преосвященный (и я был с ним), посмотрел, увидел его в великом упадке и сказал:

– О! Как запустел!

Архимандрит тут был старичок Евфимий. Преосвященный, возвратясь из сего монастыря в Петербург, спрашивает меня:

– Кого бы сделать архимандритом в Тихвин?

Я отвечал:

⁹⁶ Там же. С. 209. – *Примеч. ред.*

– Ежели угодно будет Вашему Преосвященству, то Пешношского строителя отца Игнатия.

Изволил спросить меня:

– Ты знаешь его?

Я сказал, что вместе жили в Санакарской пустыни. Он приказал написать в Синод доклад, взял его с собою и предложил Синоду, что нужно Тихвин монастырь поправить, как сам лично видел, в каком он великом упадке, и находит способным к тому Пешношского строителя Игнатия. Но как он не учился богословию и прочим наукам, хотя с великими природными дарованиями был, то Синод не соглашался неученого в архимандриты произвести. Так продолжалось это с полгода. Напоследок, приехавши из Синода, Преосвященный был весел и сказал мне:

– Ну, слава Богу! Синод согласился.

Итак, первый неученый, о. Игнатий произведен был в архимандриты, и с того времени началось производство в архимандриты неученых. Он завел порядок в Тихвине, при нем началось стенное расписание живописью соборной Тихвинской церкви. Потом о. Игнатий переведен в Московский Симонов монастырь, который был упразднен, и стоял в нем конный полк. Он его возобновил попечением именитого московского гражданина А. И. Долгова»⁹⁷.

Другой выдающейся личностью, выдвинутой архимандритом Феофаном, был о. игумен Назарий – саровский подвижник. Митрополит Гавриил поручил ему восстановление Валаамской обители. Из епархии и Саровской пустыни, не желая его отпускать, дали отзыв, что он человек малоумный. Митрополит ответил: «У меня много умников, пришлите своего глупца». В 1782 г. он вступил в должность строителя Валаамского монастыря.

Отец Назарий, в миру Николай Кондратьевич, сын причетника села Аносова, Тамбовской губернии, родился в 1735 году. На 17-м году ушел в Саровскую пустынь, в 1760 г. пострижен и в 1776-м посвящен

⁹⁷ Там же. С. 212–214.

во иеромонаха. Отец Назарий строжайшим образом соблюдал устав. Чтение Священное было пищею его души. Его мысль настолько была проникнута Божественным, что для дел мирских он не знал и слов, как говорить о них. Когда же говорил он о Боге, то слушатели забывали время. Все свои беседы он основывал всегда на изречении Священного Писания. Слово его было прямо, право и резко. С виду он был строг и как бы неприступен, но сила его слов привлекала к нему сердца. Одежда его была близка к рубищу. Обитель Валаамская, куда был назначен строителем о. Назарий, расположенная на острове среди Ладожского озера, представляла особое удобство для иноческой жизни. Эта обитель на протяжении своей истории дала немало великих угодников, как Герман, и Савватий, и Александр Свирский. Теперь она пришла в полный упадок. Обитель состояла за штатом, средств к содержанию не было, здания рушились, немногочисленное братство состояло из престарелых людей. Некому было служить, некому петь на клиросе.

В день закладки собора, с церковью в нижнем этаже во имя преподобных Сергия и Германа, было следующее видение иноку Иннокетию: «В монастыре необычайное стечение разного народа, и все ожидают прибытия митрополита Гавриила для положения основного камня. Вскоре явился сам владыка, облаченный в мантию и с жезлом архиерейским в руке; по обе его стороны шли два светолепных схимника. Приблизились к месту, где почивают многоцелебные мощи преподобных Сергия и Германа, они остановились, осенили крестным знаменем святую могилу и все пространство, назначенное под строение, и стали невидимы»⁹⁸.

При о. Назарии возник внутренний четырехугольник обители, состоящий из каменных сооружений: собора, двух церквей, ризницы, трапезы и келлий. Монастырь был включен в число штатных монастырей, и штат определен в 30 человек, строитель возведен в сан игумена.

⁹⁸ Сказание о жизни преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. СПб., 1908. С. 26.

Императором Павлом пожалованы монастырю кюменские рыбные ловли – главный источник его содержания. По воле митрополита Гавриила о. Назарий ввел на Валааме общежительный устав Саровской пустыни и установил три рода жизни: общежительный, скитский и пустынный. Слава о Валааме стала расходиться по православному миру; даже приходившие туда афонские иноки смотрели на него с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских монастырей.

Отец Назарий подавал всем пример своей жизнью. Строгий исполнитель устава, он во всех трудах общежития подвизался впереди всех. Особенно любил он безмолвие и удалялся на целые недели в уединенную пустынь. Кроме восстановления древнего Валаама, о. Назарий оказал великую услугу делу православной проповеди в русских североамериканских владениях. По благословию Синода он избрал из братии Валаама десять человек миссионеров. Из них особенно памятны архимандрит Иоасаф, начальник миссии, возведенный в сан архиерея и утонувший, иеромонах Ювеналий, принявший мученическую кончину, и монах Герман. Последний был ярким носителем Паисиевой традиции: несмотря на все трудности миссионерской работы среди дикой Аляски, идя путем внутреннего делания и уча этому других, он достиг святости в такой мере, что был в общении с миром духов и с природой: молитвой останавливал наводнение, пожар, кормил из рук диких зверей, творил чудеса и даром прозорливости видел на десятки и сотни лет вперед.

Вот два случая из жизни о. Назария. В царствование Екатерины II у Петербурга произошло морское сражение со шведами. Весь город был в страхе, митрополит молился, заключившись в келлию. В это время о. Назарий настоятельно потребовал свидания с митрополитом и уверил его в победе и безопасности. В подтверждение своих слов показал на стороне моря души убитых воинов, восходящие на облаках к небу. Другой случай такой. Сановник К. подвергся царской немилости. Его жена умоляла о. Назария молиться за мужа. Тот обещал попросить царских приближенных.

– Всех уж просила, – отвечала жена опального.

– Да не тех, кого надо, – ответил о. Назарий и, взяв у К. много мелких денег, отправился раздавать их бедным. Только к вечеру он роздал все и вернулся в обеспокоенную семью со словами:

– Ну, слава Богу, обещали все приближенные царские просить за вас.

Вслед за тем пришло известие, что дело кончилось благополучно. Тогда, отвечая на вопрос, объяснил о. Назарий, кто те приближенные, которых он просил и какого царя.

Когда был предпринят перевод-пересмотр перевода «Добротолубия», присланного митрополиту Гавриилу старцем Паисием, проверяли таковой учитель Александро-Невской Академии, знающие греческий язык. Митрополит предписал ученым переводчикам во всем советоваться с духовными старцами и прежде всего указал на о. Назария. «Они из опыта лучше вас понимают духовные истины», – сказал митрополит.

В 1801 г. о. Назарий испросил себе увольнение на покой. Он вернулся в Саров, где полагал начало монашеству. Там он устроил себе пустынную келлию в лесу при речке Саровке. Когда хватало сил, он в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие 12-ти псалмов, и к рассвету возвращался в келлию. Не раз встречался он с медведями, которые его не трогали, и он их не боялся. Многие отшельники поверяли ему свои помыслы⁹⁹.

В Тамбовском и Нижегородском краях образовалось под руководством о. Назария много женских общежитий. «Имея дар прозорливости, о. Назарий видел обнаженными человеческие мысли и грехи. Делатель умной молитвы, так писал о ней старец: «Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: *Хощу реци лучше пять*

⁹⁹ Одним из таковых был и преподобный Серафим. Эти годы соответствовали центральному периоду подвига преподобного Серафима, когда он жил в лесу пустынником. Можно с уверенностью предположить, что не без участия о. Назария познакомился преподобный Серафим с «Добротолубием», на которое он многократно впоследствии ссылается. В одном жизнеописании преподобного Серафима есть прямое указание на его близость с о. Назарием.

слов умом, нежели тысячу языком (Ср.: 1 Кор. 14, 19). Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить. Что за радость! Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного. Вообразите-ка: Господи, Кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого вся силы небесные трепещут. Ум и сердце собрать воедино, глаза закрыть, мысленные очи возвести к Господу. О сладчайший и дражайший, Господи, Иисусе Христе Сыне Божий”.

После пятилетнего пребывания в Сарове о. Назарий скончался 74 лет – 23 февраля 1809 г. – и погребен у алтаря теплой церкви»¹⁰⁰.

Вернемся к архимандриту Феофану Новоезерскому, так много способствовавшему возрождению древних обителей. Сам о. Феофан возобновил сначала Моденский монастырь, а потом в течение 36 лет управлял Новоезерским. Обитель он нашел в крайнем упадке. И за время своего игуменства он создал чудеса в смысле возведения новых построек, ограды, сооруженной на сваях. Был создан многолюдный, благоустроенный подвижнический монастырь. Он получал при украшении храмов пожертвования от всех царствовавших царей: Екатерины, Павла, но более всех его почитал Александр I, который ценил его заслуги.

Архимандрит Феофан являлся старцем и для многих мирских лиц. Он вел со многими переписку. Кроме того, он духовно руководил монахинями Горицкого женского монастыря. Вышедшая оттуда его духовная дочь мать Феофания (Готовцева) была основательницей Санкт-Петербургского Новодевичьего монастыря. В 1829 г. архимандрит Феофан вышел на покой и предался всецело молитве и приготовлению к смерти. 1832 год был последним в его жизни. Когда келейник его монах Антоний, 30 лет ему верно служивший, говорил, что ему необходим отдых, старец отвечал ему: «А вот скоро отдохну». С Иисусовой молитвой на устах тихо и мирно предал он дух Богу 3 декабря 1832 года¹⁰¹.

¹⁰⁰ *Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. СПб., 1910. С. 124–125.

¹⁰¹ См. там же. С. 136–145.

Наставления архимандрита Феофана

«§ 118. Нам тщеславиться и гордиться нечем: что имеем, то все Божие, а только одна наша собственность: грехи. А что на первый случай, вступая в духовную жизнь, ни в чем не успеваете, пример нам новосаждение: сперва только покажется, потом произрастает лист, цвет и плод. То же и в духовной жизни. Не ужасайтесь, что не успеваете. Должно прилагать только попечение ко исправлению и просить Господа Бога: *Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой* (Пс. 142, 10).

§ 171. Духовная жизнь должна быть проста, чистосердечна, кратка, благопокорлива и паче смиренна.

§ 187. Ежели пожелаешь смириться, проси Господа: Господи, даждь ми смирение. Потом себя укори, себя уничижи, тогда удостоишься и милости Божией. Смирение столь велико, что может благодать Божию в душу привлечь.

§ 192. Не надобно думать, любят ли нас или не любят. А лучше думать, что недостойна быть любимой, сама же люби всех: потому что нам не сказано быть любимыми, но велено всех любить. Даже не надобно и замечать, кто сердится или кто как посмотрел. Не нужно даже проникать в их намерения.

§ 218. Иные уходят в затворы, другие носили тяжелые вериги, но этого не взыщется от нас, а надобно смиряться, терпеть, иметь послушание, вот чего требуется. Скорбное слово претерпишь – вот и вериги твои.

§ 251. Не мысли, что некому вразумлять нас. – Да Евангелие разве не учение? Это глас Божий. А Апостол? Это дух Божий. По них должны наставлять себя.

§ 383. Небесную мысль с нуждою приобрести можно, а дурная сама приходит, и отогнать ее можно только молитвою.

§ 393. Мы бегаем скорбей, а святые-то скорбели о том, что нет скорбей: можно ли, говорили, спастись без них?

§ 400. Праведницы просветятся, яко солнце, в Царствии Отца Небесного: какое воздаяние за малое терпение.

§ 408. Если Господь на одну минуту оставит нас, куда мы гонимся?

§ 441. Отец Клеопа говаривал: мысль одну надобно иметь, что я только один на земле да Бог, – никого больше не воображать. Не с кем ссориться, когда один я на земле. Были такие, которые это и исполняли.

§ 466. Кто на земле лежит, тому нет опасности, что упадет и разобьется, а вот кто по верхам-то лазит, тому угрожает такая опасность.

§ 473. Вся сила в смирении. Сколько поклонов ни клади, а будешь мечтать о себе, что я жестокою жизнь веду, так в этих трудах никакой пользы нет. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Нестяжание, раздаяние милостыни, пост и молитва без смирения – ничто. Без смирения хотя бы власяницу носил, хотя бы вериги, хотя бы чрезмерный пост имел, – все не принесет никакой пользы: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*. А Кто Учитель-то?

§ 535. Если кому ради послушания и придется не быть в церкви, Господь не взыщет. Изо ста человек – кто на послушании, кто на молитве. Если пяток, десяток соблюдают себя в чистых мыслях, они восполняют недостаток других. Кто обленился, тот исправится, кто бодрствовал, может впасть в леность; общий-то недостаток и восполняется за общие молитвы.

§ 536. Надобно думать, что я на земном небе, на руках Божией Матери. “Десною Твоею рукою приим, Ты, Слове, сохрани мя, соблюди, да не огонь мя опалит греховный”. Видите ли: грехи-то огонь!

§ 549. Вот я передаю вам то, что сам слышал, как сам научился: слышанное от старцев простых и неученых, и говорит вам неученый»¹⁰².

В приведенных нами наставлениях архимандрита Феофана мы видим как бы отраженным весь дух древнего заволжского монашества. Евангельский дух любви, кротости и смирения является

¹⁰² Из кн.: Старческие советы подвижников XVIII и XIX веков. М., 1913.

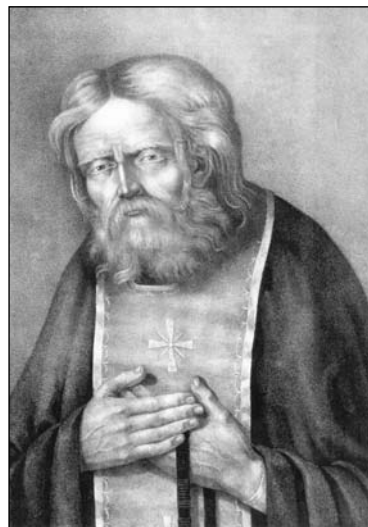
как там, так и тут основным мотивом, ибо это плод того же умного делания.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Преподобный Серафим Саровский (1759–1833) был самым ярким и самым современным представителем вновь возрожденной подвижнической школы внутреннего делания. Какими путями достигло до него это новое веяние?

Хотя школа умного делания к тому времени почти всюду была забыта, но живая струя, ведущая начало от древнего времени, окончательно не иссякла. Сведения о духовном

делании передавались в виде поучений из поколения в поколение. Во многих монастырях должны были уцелеть и древние рукописи отеческих творений. Пример киевского старца Досифея и духовных столпов саровских о. Назария и о. Пахомия показывает, что такие опытные подвижники существовали и тогда. По преданию, о. Досифей дает юному Прохору наставление о творении непрестанной умно-сердечной молитвы. Когда последовало явление Богоматери преподобному Серафиму и монахине Евпраксии, ей было сказано, что она удостоилась этого видения за молитвы отцов Серафима, Марка, Назария и Пахомия, представлявших собою единую духовную семью. Как мы уже упоминали в жизнеописании о. Назария, оба подвижника – преподобный Серафим и о. Назарий – одновременно отшельничают в Саровском лесу. Преподобный Серафим возвращается в 1810 г. в монастырь, т. е. на следующий год после кончины о. Назария. В лесу они пробыли одновременно восемь лет. Зная касание о. Назария к делу печатания «Добротолюбия», можно с уверенностью сказать, что не без его участия стала известна эта книга и преподобному Серафиму. Привез ли он ее в Саров в 1801 г.,

Прп. Серафим Саровский

прислал ли он ее ранее – об этом можно только гадать. Утверждать можно лишь одно: что в лице преподобного Серафима книга эта встретила добрую, подготовленную почву. Преподобный Серафим всецело проникается духом «Добротолубия», и многие его наставления и советы взяты оттуда. Он осуществляет на деле весь путь умного делания и в достижениях своих превосходит многих святых. «Сей от роду нашего», – говорит о нем Божия Матерь. Преподобный Серафим – это живое откровение того совершенства, к которому может прийти земнородный. И путь его тот же, что и у древних отцов, и у наших отечественных подвижников, описанных нами в предшествующей главе, занимавшихся умным деланием.

Вот что он сам говорит о подвижническом пути: «Путь деятельной жизни (*πραξις*) составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни (*θεωρία*) состоит в возвышении ума ко Господу в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных, – и далее следует ценнейший аскетический совет. – Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную: ибо она содействует умосозерцательной и ее возвышает...»¹⁰³ Так толковал подвижническую жизнь преподобный Серафим.

Но сам он был духовным наследником и о. Пахомия, и о. Назария, не бывших типичными представителями саровского духа. Их нужно отнести к тем редким единицам, понимавшим и практиковавшим внутреннее делание, которое сохранилось в глубине монашества с древних времен. Величавый же Саров воплощал в себе всецело ту суровую школу аскетического внешнего делания, которая господствовала до Паисия Величковского: уставной строгой

¹⁰³ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 146–147.

службы и жестокой жизни, но без истинного понимания внутреннего делания.

Серафим Саровский был, может быть, самым ярким и самым совершенным представителем, как мы только что сказали, вновь возрожденного внутреннего делания; настолько ярким, что за ним как бы даже скрываются величайшие аскетические подвиги, предпринятые им, как например, 1000-дневно-нощное стояние на камне, невероятный пост и другие подвиги. (Все виды подвигов древних отцов-пустынников.) Наиболее типичное и характерное столкновение этих двух течений, старого и нового, мы видим в том непонимании и в том непризнании преподобного Серафима братией монастыря и его настоятелями, которые, несмотря на всю парадоксальность, продолжались не только при жизни Преподобного, но и по его смерти.

В Дивеевской летописи многократно упоминается о недоверчивом и неприязненном отношении к Преподобному со стороны монастырского начальства¹⁰⁴. К нему вторгаются ночью с обысками. Такие же обыски постигают и приходящих к нему дивеевских сестер. Характерен случай (уже после смерти Преподобного), когда батюшка Серафим является в видении исцеленной им монахине Магдалине, приехавшей в Саров на богомолье. В видении он говорит ей:

- Теперь иди в Дивеев.
- Зачем же идти мне туда, там нечего делать.

Но Батюшка несколько раз повторил приказание идти в Дивеев и добавил:

- Все мое там, и я сам постоянно и более всего там пребываю.

Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала саровскому пещернику о. Парфению, прося записать все случившееся исцеление. Он решительно отказался, говоря:

– Ступайте в Дивеев, там запишут непременно; иди, иди в Дивеев, это великая благодать, тебе и сам о. Серафим на то указал. Там

¹⁰⁴ См. там же. С. 187, 248.

запишут, потому что там более всего почитают его. И Бог знает, что еще будет из нас и из Дивеева. У нас вот три раза видели горящие свечи на могиле его, да и то мы не верим, пока на гробе его разве что-либо ясно случится¹⁰⁵.

Читатель невольно спросит нас: как же это так – господствующая школа ставит во главу угла внешние аскетические подвиги, устав, быт; но ведь преподобный Серафим превосходит их всех своими подвигами? Да, это все так. Но никто из представителей господствовавшего в то время уклада еще не дорос до понимания умозрительного подвига. Потому все касающееся преподобного Серафима для них остается загадкой и вызывает у них одно лишь подозрение и полное недоверие. Сам взгляд на подвиг у старого и нового течения не совпадает. Возрожденная школа не против подвигов, а только не переоценивает их: это не цель, а средство; сами по себе они – ничто. Неправильно же применяемые и поставленные как цель, они могут только повредить, явившись причиною духовной прелести. Но, кроме того, на лестнице духовного восхождения у подвижника могут встретиться величайшие испытания. Это борьба с духом злобы, обычно людьми не аскетами даже и не подозреваемая. Тогда подвижник прибегает к величайшим подвигам соразмерно с силою борьбы.

Здесь можно привести случай из жизни схимонахини Платониды (родилась в 1802 г. в Ставрополе) со слов ее духовника: «Засуха или сухость сердца – это самое тяжелое положение в подвижнической жизни. Но это испытание застало Платониду не врасплох: она встретила его благодушно. Когда почувствовала у себя сухость сердца и некоторое расстройство духовной жизни, она не опустила рук, не впала в уныние. Напротив, она порешила в душе своей поститься и молиться дотоле, пока Господь снова не коснется ее сердца Своею благодатью и не устроит по-прежнему ее духовную жизнь. Подвиг этого нарочитого по-

¹⁰⁵ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 581–582.

ста (неядения) и молитвы начался... День за днем повторился уже 10 раз. Старица постится и молится, но душа ее все еще *яко земля безводная* (Пс. 142, 6)... Иссохли у ней язык и гортань, грудь надрывалась от стонов и воздыханий, но на очах все еще ни слезинки. На сердце лежит словно камень какой, а в нем ожесточение и страх: уж не действительно ли Господь отринул ее от лица Своего и отверг навсегда?.. Вот и враг издевается над нею, открыто говорит ей:

– Где же Бог твой?

Так шло до 14-й ночи, но тут положен был и конец испытанию. Не допускающий искушений сверх сил наших, Господь явил рабе Своей знамение Своего благоволения и благоугодности Ему подвигов ее. Когда в полуночный час, в растерзанном сердце своем, произнесла она слова:

– Слышишь ли Ты меня, Господи, слышишь ли стоны мои и страдания сердца моего?

В это мгновение она почувствовала некую теплоту в сердце и во всем существе своем. В это же мгновение отверзлись и ее духовные очи. Она увидела двух Ангелов, из которых один стоял по правую, а другой по левую ее сторону. Оба они писали, каждый в своей книге.

– Смотри, – сказал один из них, указывая на книги, – мы записали каждый вздох твой, каждый стон и слово твое.

Позади же себя увидела толпу демонов. Ближе других стоявший к ней был в изорванной одежде. Когда стоявшие поодаль хотели подойти к нему на помощь, он закричал:

– Куда лезете! Смотрите, как я изорван.

Ангелы стали невидимы, демоны бежали. С тех пор до самой кончины своей блаженная Платонида не знала уже искушений и наслаждалась всегда невозмутимым миром души, радуясь о Господе»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Декабрь. С. 342–343.

Серафимово стояние на камне – столпничество – бесконечно превосходящее по суровости и долговременности только что описанный подвиг Платониды (по времени в 70 раз более продолжительный). Подвиг этот превышает человеческое разумение. По поводу его можем мы лишь заметить, что некоторые биографы неправильно понимают и по-своему истолковывают это боренье: то полагают, что здесь была брань с плотью, то с помыслами честолюбия и т. д. Но такие гадания не вяжутся с той духовной высотой преподобного Серафима, на которой он уже находился в то время (1804–1807). Здесь только могло быть место борьбе не против плоти и крови, а непосредственно с духами злобы поднебесными. Из беседы с Мотовиловым выясняется эта тайна: «Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами и силою своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности»¹⁰⁷.

Выйдя победителем из этой страшной борьбы, преподобный Серафим вознесся на высоту древних величайших подвижников.

Итак, мы видим, что тот ключ живой воды, который сохранился в глубине монашества с древних времен и почти уже совсем иссякавший, в преподобном Серафиме сливается с вешними водами возрожденного Паисием Величковским учения святых отцов о внутреннем делании и обращается в его лице в такой мощный и сильный поток, который поражает и до наших дней своим величием и державностью весь духовный мир.

¹⁰⁷ *Нилус С.А.* Служка Божией Матери и Серафимов // Угодник Божией Серафим. М., 1993. Т. 2. С. 45. – *Примеч. ред.*

Профессор протоиерей о. Георгий Флоровский в немногих словах охватывает всю неизмеримую глубину значения преподобного Серафима: «Начало прошлого века в судьбах Русской Церкви отмечено и ознаменовано каким-то внутренним и таинственным сдвигом. Об этом свидетельствует пророческий образ преподобного Серафима Саровского (1759–1833), его подвиг, его радость, его учение. Образ вновь явленной святости оставался долго неразгаданным. В этом образе так дивно смыкаются подвиги и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешнего света. Старец... с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа...

Преподобный Серафим еще более напоминает древних тайновидцев, преподобного Симеона больше других, с его дерзновенным призывом искать даров Духа. Преподобный Серафим был начитан в отцах... В его опыте обновляется исконная традиция взыскания Духа...

“Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия” ... Все другое должно быть только средством. Под елеем, которого не достало у юродивых дев евангельской притчи, преподобный Серафим разумел не добрые дела, но именно благодать Всесвятаго Духа. “Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское... а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было”¹⁰⁸.

Так со властью противопоставляется морализму – духовность... Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг, стяжание. И подаваемая благодать открывается в некоем неизреченном свете (ср. описание Мотовилова в его известной записке о преподобном

¹⁰⁸ Толкование притчи о десяти девах взято преподобным Серафимом у преподобного Макария Египетского, который двукратно разбирает эту притчу и под елеем подразумевает благодать Св. Духа (См.: *Макарий Египетский, прп. Духовные беседы, послание и слова...* Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 25, 405).

Серафиме)... Преподобный Серафим внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой»¹⁰⁹.

В своем исследовании «Духовные предки св. Григория Паламы» профессор архимандрит Киприан тоже говорит о непрерывной преемственности православной мистики: «Путь православной мистики и цель ее – стяжание Святаго Духа, а не подражание страдающему Христу и не жертвенное самоистязание. В этом совершается для него личная встреча с Параклитом и заключается им его личный завет со Святым Духом, почему ему и чуждо ожидание третьего Завета и третьего Откровения всему человечеству. Это откровение совершается на его личном пути, личным стяжанием благодати. Эта традиция нашей мистики идет от древнейших духовидцев Востока, эта линия тянется от псевдо-Дионисия через Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Паламу к подвижникам и мистикам наших дней, когда еще раз расцветает в лице преподобного Серафима Саровского и опытно раскрывает в его беседе с Мотовиловым то, что было драгоценным сокровищем в мистической ризнице Востока; видение обоженной полноты человеческого существа»¹¹⁰.

¹⁰⁹ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 391.

¹¹⁰ *Киприан (Керн), архим.* Духовные предки св. Григория Паламы: (Опыт мистической родословной) // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 130.

Глава III

ИСТОРИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДУХОВНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Оптина Пустынь находится в нескольких верстах от Козельска Калужской губернии. Она расположена на берегу быстрой речки Жиздры, отрезающей ее от остального мира, и окружена девственным бором. Оптинский монастырь представляет собой величественный белый кремль с четырьмя храмами, крепостными стенами и башнями.

Высокая духовная жизнь Оптиной гармонирует с ее внешней красотой. Н.В. Гоголь после посещения Оптиной описывает ее исключительную духовность и благотворное ее влияние на все с ней соприкасающееся. «Из Долбина от И.В. Киреевского Гоголь с М.А. Максимовичем съездил в соседнюю обитель Оптину. За две версты Гоголь со своим спутником вышли из экипажа и пошли пешком до самой обители. На дороге встретили они девочку с миской земляники и хотели купить у нее землянику, но девочка, видя, что они люди дорожные, не захотела взять от них денег и отдала им свои ягоды даром, отговариваясь тем, что нельзя брать с дорожных, т. е. странствующих людей. “Пустынь эта распространяет благочестие в народе”, – заметил Гоголь, удивленный этим трогательным проявлением ребенка. “И я не раз, – продолжал он, – замечал подобное влияние таких обителей”.

О посещении своем Оптиной Пустыни (в июне 1850 г.) вот что писал Гоголь графу А.П. Толстому: “Я заехал по дороге в Оптиную

Оптина Пустынь.
Внешний вид монастыря

Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание.
Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше.

Благодать видимо там присутствует. Это слышится и в самом наружном служении... Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышим ее благоуханье: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце к тамошнему игумену, который родной брат Оптиному игумену и славится также своею жизнью; третий же их брат игуменом Саровской обители и тоже, говорят, очень достойный настоятель»¹¹¹.

¹¹¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.Н. Погодина. СПб., 1890. Кн. 11. С. 145–146.

Теперь хочу перейти от исторических воспоминаний к своим личным и изобразить читателю ту картину, которая однажды раскрылась передо мной на пути при приближении к монастырю: каждый раз, когда я подъезжал к Оптиной Пустыни, уже издали она производила на меня своим видом неотразимое впечатление; но был такой случай, когда я увидел нечто необыкновенное и незабываемое: я ехал с вокзала к монастырю – и вдруг за поворотом увидел я как бы в воздухе белый город-кремль – белые крепостные стены с башнями, белые храмы, над которыми господствовала, уходя далеко ввысь, белая колокольня. И все это высилось на фоне зубчатой стены многовекового девственного бора.

Белое облако-туман расстилалось у подножия стен монастыря, символически отделяя его от земли и унося в «горня». А другое белое облако далеко на горизонте вздымалось над монастырем, и в нем, этом облаке, непрестанно сверкали беззвучные зарницы – прообраз того небесного, нетварного света фаворского, носительницей которого была Оптина Пустынь.

То было внешнее впечатление. А когда я поселился внутри стен и стал оптинским богомольцем, мои внутренние ощущения превзошли все мои ожидания, несмотря на то, что я был достаточно подготовлен к этому и уже знал многое из книг и слышал рассказы о старцах от очевидцев! Передать это впечатление тому, кто не испытал его лично, невозможно!

Вот раннее летнее утро! Вы идете в церковь. Прохлада. Кругом чудный шум вековых сосен. Их аромат разливается повсюду. А перед вами на фоне девственного бора красуется величественный белый кремль – это Оптина с ее крепостными стенами, башнями, церквями. И в то же время вы испытываете реальное ощущение присутствия Божия, а отсюда страх за каждую мысль, действие, чувство – и одновременно ощущаете непостижимый мир на душе и радость, которая так дивно гармонирует с внешней обстановкой.

Значение Оптиной Пустыни очень велико в духовной жизни России. Она является лучшим представителем духовного возрождения, возникшего в конце XVIII века в России. Расположенная у опушки девственного соснового бора, отрезанная от мира рекой Жиздрой, она была превосходным местом для отшельнической созерцательной жизни. Это был чудный духовный оазис, где повторялись благодатные дары первых веков монашества. Они, эти дары, получили полное выражение в особом служении – старчестве. Действительно, Оптинские старцы отличались высшим из всех даров – даром рассудительности, а также прозорливостью, даром исцелений и чудотворений. Это служение пророческое – как в апостольские времена это творили пророки, так и теперь старцы утешали страждущих, возвещали по воле Божией будущее ¹¹².

Старчество в Оптиной Пустыни берет начало от схииархимандрита Паисия Величковского – молдавского старца, возродителя духовного делания в монашестве, выходца из Полтавской губернии. Из Рославльских лесов в Оптину переселились его последователи во главе с иеросхимонахом Львом. Старец Лев, могучий и властный, открывает ряд старцев. Его ученик и соотцаинник о. Макарий возглавляет группу ученых и литераторов – монахов и мирских лиц, которые обрабатывают и перекладывают на литературный язык сделанные старцем о. Паисием с греческого языка переводы писаний величайших аскетов древности, как Исаак Сирий, Макарий Великий, Иоанн Лествичник. Под влиянием о. Макария русский философ И. В. Киреевский закладывает основание философии «цельности духа», которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры.

При старце о. Амвросии – ученике о. Льва и о. Макария – Оптина достигает расцвета. Слава о Старце гремит по всей России. К нему устремляются со всех концов ее. Необычайно сострадательный и

¹¹² См. в гл. I определение понятия старчества.

благодатно одаренный, он умеет скрыть свою прозорливость и благодатную помощь под покровом шутки. Он всегда говорит краткими афоризмами стихотворной формы.

Во время расцвета России и Оптиной Пустыни тысячи и тысячи людей находили у него поддержку и наставление. Следующие старцы: о. Анатолий (Зерцалов), ученик старца Амвросия – Иосиф, старец Варсонофий, в миру полковник Генерального штаба, – по благодатной одаренности подобны своим учителям. Последние старцы: Феодосий-мудрец, Анатолий-утешитель (Потапов) и дивный Нектарий продолжают ту же традицию. Последний из них – старец Нектарий – во дни огненного испытания Родины утоляет духовную жажду верующих, сам находясь в изгнании.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

От древнейших времен местность, где расположены город Козельск и Оптина Пустынь, была уже обитаема. Так, археологические раскопки 1899 г. обнаружили здесь предметы каменного века. В исторические времена ее населяли племена вятичей, просвещенные св. Кукшей (пострадавшим в Мценске в 1213 г.).

Город Козельск впервые упоминается в летописи под 1146 годом. В 1238 г. он был взят татарами. Город мужественно сопротивлялся в течение семи недель. Все жители были перебиты. По преданию, двухлетний князь Василий утонул в крови. Татары прозвали Козельск «злым городом».

В начале XV века Козельск перешел в руки Литвы и в течение полувека переходил из рук в руки, пока окончательно не утвердился за Москвой.

Когда возникла Оптина – точно не известно. По преданию, ее основал в древние времена покаявшийся разбойник Опта. Есть предположение, что она была основана монахолюбивым князем Владимиром

Храбрым или ближайшими его наследниками. Но вероятнее всего, что основателями ее были неизвестные отшельники, избравшие для своих подвигов глухое место в лесу, вдали от всякого жилья, у пограничной засеки с Польшей, – место неудобное для хлебопашества, никому не нужное и никому не принадлежащее. Таким образом, Оптина принадлежит к числу древнейших монастырей. Известно, что в 1625 г. ее игуменом был Сергей. В 1630 г. там была деревянная церковь, шесть келлий и 12 человек братии, управлял ею иеромонах Феодорит¹¹³. Царь Михаил Федорович пожаловал Оптиной мельницу и землю в Козельске под огороды. В 1689 г. братья Шепелевы (местные бояре) построили Введенский собор. Вскоре наступило время реформ Петра I. В 1704 г. отобрали в казну мельницу, перевоз через Жиздру и рыбные ловли, а в 1724 г. обедневшая обитель указом Синода и совсем была упразднена, как «малобратный монастырь». Но уже в 1726 г. по ходатайству стольника Андрея Шепелева она была восстановлена. При закрытии совершенно разоренная, она теперь медленно восстанавливалась. Указом 1727 г. ей была возвращена мельница.

Но ее полное восстановление началось лишь с 1795 г., когда на нее обратил внимание Московский митрополит Платон и назначил туда строителем иеромонаха Иосифа, а через год был назначен вместо него строителем о. Авраамий.

Произошло это так. Митрополит Платон решил устроить в Оптиной общежительный монастырь наподобие Пешношского монастыря и просил его настоятеля о. Макария выбрать из своей братии для этой цели способного человека. Отец Макарий ответил: «Да у меня нет таких, владыка, – а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» Авраамий был представлен митрополиту. Болезненный и смиренный, он пробовал отказаться, но старцы Самуил Голутвинский и Иоанн Пешношский сказали, что это зов Божий, и о. Авраамий отправился в Оптину.

¹¹³ Неточность: у Концевича ошибочно назван иеромонах Феодор. – *Примеч. ред.*

Обитель нашел в крайнем запустении: «Не было полотенца руки обтереть служащему». Братии было три престарелых монаха. В скорби своей о. строитель отправился к своему старцу в Пешношь. Отец Макарий повез его с собой по окрестным помещикам-благотворителям, и о. Авраамий привез в Оптину два воза разных вещей. Кроме того, с благословения о. Макария из его монастыря в Оптину перешло 12 братий. Число монашествующих стало быстро возрастать. Отец Макарий все время ободрял о. Авраамия и руководил им. Вскоре о. Авраамий привел в порядок хозяйство, огородил обитель, закончил судебные дела в пользу обители. Построил колокольню, Казанскую больничную церковь, братские келлии, развел сад. В 1812 г. он, в ожидании неприятеля, скрыл церковное имущество в земле под церковью и приискал для братии в дремучем лесу недоступный овраг с пещерой. Но враг не дошел до Оптиной. Скончался о. Авраамий в 1817 году. После него настоятелем был о. Маркелл, а затем о. Даниил.

Но расцветом своим и славой Оптина Пустынь обязана следующему своему настоятелю архимандриту Моисею. При нем перестроены были и увеличены храмы, построены и новые. Старые братские корпуса надстроены, прибавлено семь новых корпусов, каменная ограда с семью башнями, новый большой корпус для братской трапезы, библиотека, гостиницы (восемь корпусов с тремя флигелями), два конных двора, скотный двор, заводы черепичный и кирпичный, мельница близ монастыря выстроена вновь, братское кладбище, весь Скит с его церковью, келлиями и службами, – все это возникло при о. Моисее. Кроме того, разведены огромные огороды, фруктовые сады, и земельные владения Оптиной увеличены вдвое, причем лес занимал 188 десятин. Приток средств шел со стороны богомольцев, которых привлекала Оптина Пустынь с ее особым духом, напоминающим времена древнего подвижничества.

Прп. Моисей,
старец Оптинский

АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ

Отец архимандрит Моисей родился 15 января 1782 г. в благочестивой семье Путиловых в г. Борисоглебске. Он и его два брата приняли монашество и были настоятелями обителей. Все три брата были великие подвижники христианского духа¹¹⁴.

Значение о. Моисея не только в том, что он создал внешний расцвет Оптиной Пустыни, но и возможность ее духовного расцвета создавалась благодаря его сотрудничеству со старцами Львом и Макарием. Сам он с молодых лет понял сущность и глубину духовной жизни. С ним

беседует в Москве прозорливая старица Досифея и направляет его в Саровскую обитель, где он принимает духовные наставления от самого преподобного Серафима. Далее о. Моисей подвизался среди пустынников в Рославльских лесах, наподобие древних египетских отцов, проводя шесть дней в одиночестве, в вычитывании ежедневного круга богослужений и в умной молитве и сходясь в воскресный день с другими старцами для совместной молитвы. На Пасху, Рождество и другие великие праздники приходил священник и приобщал всех запасными Дарами. В 1812 г. нашествие французов прерывает пустынножителство о. Моисея, который поступает в Белобережскую пустынь и здесь встречает трех выдающихся подвижников: о. Феодора, Клеопу

¹¹⁴ В городе Мологе Ярославской губернии на городском кладбище близ алтаря церкви во имя Всех Святых стоит скромный, осененный крестом мраморный памятник, на котором с одной стороны такая надпись: «Под сим камнем погребено тело московского купца Ивана Григорьевича Путилова. Жития его было 57 лет, скончался 1809 года января 2-го дня», а с другой стороны написаны имена его детей, воздвигнувших памятник: «Путиловы дети Моисей, игумен Оптиной Пустыни, Исаия, игумен Саровской Пустыни, Антоний, игумен Малоярославецкого Никольского Монастыря». (Цит. по: Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 7).

(учеников Паисия Величковского) и их сподвижника о. Леонида, незадолго перед этим бывшего строителем этой обители. Это три великих имени в истории русского монашества.

Встреча с о. Леонидом была промыслительна. Когда о. Моисей после основания им Оптинского Скита (1821) сделался настоятелем всей обители (1826), в Скит прибыл о. Леонид (1829) и положил начало старчеству. Благодаря тому что о. Моисей прошел тот же духовный путь внутреннего делания, что и о. Леонид, между обоими строгими подвижниками было глубокое взаимное понимание, полное единодушие в полном смысле этого слова. И если епархиальное начальство не понимало сущности старчества и преследовало старца Леонида (в схиме Льва), то о. Моисей, бывший сам на одинаковом духовном уровне со старцем Львом, понимал великое значение старчества, и между Старцем и настоятелем никогда не бывало ни малейшего трения. Таким образом, старчество, процветавшее в Оптиной, обязано всецело своим существованием отцу Моисею¹¹⁵.

Сам строгий постник и подвижник, о. Моисей преисполнен был самой нежной любовью к людям и был сострадателен к их погрешностям. Вот один из множества примеров. В обители работал печник, плутовавший и неисправно работавший. Отец архимандрит решил его расчитать, но печник просил прощенья и обещал исправиться. Отец архимандрит простил его и снова нанял. Эконом, узнав об этом, говорит о. Моисею:

– Батюшка! Вы опять того печника наняли, ведь он плут, как и вам хорошо известно.

– Да ведь он бедный человек, я видел, что на нем и рубашки-то нет, а только кафтан, надобно ему помочь, притом он обещал исправиться

– Батюшка, когда же он исправится? Он известный негодяй!

¹¹⁵ Далее до конца главы автор кратко пересказывает «Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея» (М., 1882. С. 51–158). – *Примеч. ред.*

– Как! Человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй. Сам ты негодяй! Ступай!

Так эконом и ушел.

Неподражаемо было искусство о. архимандрита говорить с каждым в его тоне; с образованными – на их языке, а со средними – сообразно с их понятиями и их образом речи. Он хорошо понимал потребность каждого. С удивительным искусством старался он всегда избегать среди бесед разговора о людях в смысле их осуждения. «Да кто же может это одобрить», – скажет он мягко.

«Слово его было сладко, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, так всегда было обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа ни перед кем не оставалась в долгу», – писал о нем игумен Антоний (Бочков)¹¹⁶.

Сострадание к бедным о. Моисея не имело предела. Разорившийся торговец привез продавать негодную сбрую. Отец Моисей ее купил, а на упрек эконома:

– Все гнилье, на что вы это купили?

Ответил:

– Экой ты, брат, какой, ведь продавал-то человек бедный, и у него пятеро детей, все равно надобно ему и так помочь.

Таких случаев множество. Не отказывая бедным в помощи, питая множество странников и в трапезе, и на гостинице, и все бесплатно, когда монастырь сам нуждался в средствах, о. архимандрит нередко предпринимал и новые постройки с целью прокормить бедных людей из окрестных жителей. Он построил огромную ограду вокруг монастыря. «Ничего нет, хлеба даже у братии нет, а он этакую огромную постройку ведет. И повел, и повел, да так без перерыва и довел ее до конца. А ограда-то какая. Несколько домов каменных можно из нее выстроить».

¹¹⁶ Письмо о. игумена Антония (Бочкова) // Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 224. – *Примеч. ред.*

Однажды был пожар, сделавший убыток на две тысячи. Вынесли на пожар чудотворную Казанскую икону Божией Матери. Стали с ней против ветра, и последний изменил свое направление, обратился в лес, и пожар был потушен. Отец Моисей после выразился о пожаре так:

– Да, уж нельзя не подумать, что это плоды моих грехов. Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятен Богу человек в печи смирения. И так благо мне, что смирил меня Господь.

Иоанн Лествичник говорит: «Где не присутствует свет, там все мрачно, и где нет смиренномудрия, там все нечисто и суетно»¹¹⁷. Вся жизнь о. архимандрита можно выразить такими словами: он жил сокровенно в Боге. Среди непрестанных забот и попечений внешних, в нем был *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (Ср.: 1 Пет. 3, 4)¹¹⁸.

Одна игуменья, окруженная сестрами, встретила о. Моисея на дороге. Все они ему поклонились, прося благословения, но он, всегда приветливый, шел, не замечая никого. Игуменья громко назвала его имя, он очнулся, удивился, что около него целая толпа людей, стал извиняться. Но выражение лица его, орошенного слезами, свидетельствовало, в каком состоянии его застигли. Он настолько углубился в молитву, что не заметил монахинь. «Сам-то я хуже всех, – часто повторял о. архимандрит, – другие,

¹¹⁷ Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, в русском переводе... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 166 (Слово 25, отд. 17). – *Примеч. ред.*

¹¹⁸ После кончины о. Моисея были найдены отрывки его дневника, написанного в его молодости в бытность его отшельничества в Рославльских лесах: «1819. Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожительства со мною братьев, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться, как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Равномерно и им мои погрешности должно принимать на себя, с исповеданием перед Богом. И так да даст Господь разум и силы *друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов* (Ср.: Гал. 6, 2), любовь и мир. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои». (Цит. по: Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 33. – *Примеч. ред.*.)

может быть, только думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознал, что я хуже всех». Сбывались на нем слова преподобного аввы Дорофея: «Как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их... так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными»¹¹⁹. На вопрос одного иеромонаха о келейном правиле о. Моисей сказал: «Да, я прежде различные правила исполнял, а теперь мне осталось одно только правило – мытарево: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13)».

Так смиренно выражался о себе Старец, но близко знавшим и понимавшим его жизнь было очевидно в нем не только «деяние», но «в видение восход», т. е. созерцательная молитва и богатство дарований.

Отец архимандрит Моисей успел благополучно скрыть себя от людей, потому что при жизни его многие, не знавшие его близко, считали его хотя и хорошим, но обыкновенным человеком: только духовные мужи, *востязующие вся*, по слову Апостола (1 Кор. 2, 15), ощущали благоухание добродетелей о. Моисея и считали его высокодуховным старцем, не напрасно проведшим жизнь свою в трудах и подвигах. На нем исполнились слова св. епископа Нифонта: «В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями»¹²⁰.

¹¹⁹ *Дорофей, авва, прп.* Душеполезные поучения и послания... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 43–44 (Почтение 2). – *Примеч. ред.*

¹²⁰ *Варсануфий Великий, Иоанн, прпт.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 495 (Из жизни св. Нифонта Цареградского. Ответ 4).

*Письмо отца архимандрита Моисея Оптинского
к сестре своей монахини Максимилле*

Отец архимандрит Моисей писал письмо к двоюродной сестре своей Максимилле, монахини Московского Вознесенского монастыря.

«Пречестнейшая в монахинях, любезнейшая сестрица, Максимилла Ивановна. Возмогай о Господе. К удовольствию моему, ваше приятное для меня писание получил исправно. Усерднейше за все благодарю. Не оставляйте впредь писывать ко мне и не затрудняйтесь в том: пишите ко мне просто, что только чувствуете, и таким образом, как говорите. Не нужно мне изъяснений о расположении вашем и любви ко мне: я об этом и без того давно знаю. Мне пишите больше всего о себе, в каких вы немощах и злостраданиях бываете по духу, чтобы и я мог с своей стороны оказать вам участие, единственно, ради пользы душевной вашей, а не в тщетное ласкание.

Нам с вами, немощным, о крепких подвигах и высокотворных добродетелях, видно, нечего разговаривать, разве только что о немощах и злострадательной жизни. Нынешним письмом вашим я доволен: оно самое то, каким и всегда быть должно. Вы пишете с искреннею прямою и доверенностию ко мне о вашем немоществовании. Сие изъяснение ваше приятно для меня, потому что и апостол Павел пред целым светом изъяснился за себя, что он ежели силен, то благодатию Христовою, о себе же немощен. *Сладце*, – говорит, – *похваляю паче в немощех моих* (Ср.: 2 Кор. 12, 9) и, *окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 7, 24), *яко не живет в теле моем доброе* (Ср.: Рим. 7, 18).

Послушайте, сестрица. Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может статься, и не имеете, однако уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они по-видимому не велики, будто ничего не значат, однако могут быть ко спасению не

только не малы, но и довольны. Я вам хоть отчасти перечту те самые, которых вы не чужды, но они точно бывают в вас при случаях:

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете – за что *помилованы* будете.

Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие) – *с мученики счисляетесь*.

Если простите обидящего, и за сие не только все грехи ваши простятся, но *дщерью* Отца Небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении – хотя и мало – и спасешься.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, и за то *оправдана* будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом – и за сие вам *прощение и мзда*.

Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, – и воздыхание твое не утаится от Него: “Не таится бо от Него, – глаголет св. Симеон, – капля слезная, ниже капли часть некая”. А св. Златоуст глаголет: “Аще посетуеши точию о гресех – и то примет Он в вину твоего спасения”.

Видите ли, сколько дел вы исправили, о которых и не знаете. Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их праведный Мздовоздаятель, а мы только на грехи свои смотреть будем и о них каяться во все дни, и о прощении их пецисья»¹²¹.

¹²¹ Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 249–250. – *Примеч. ред.*

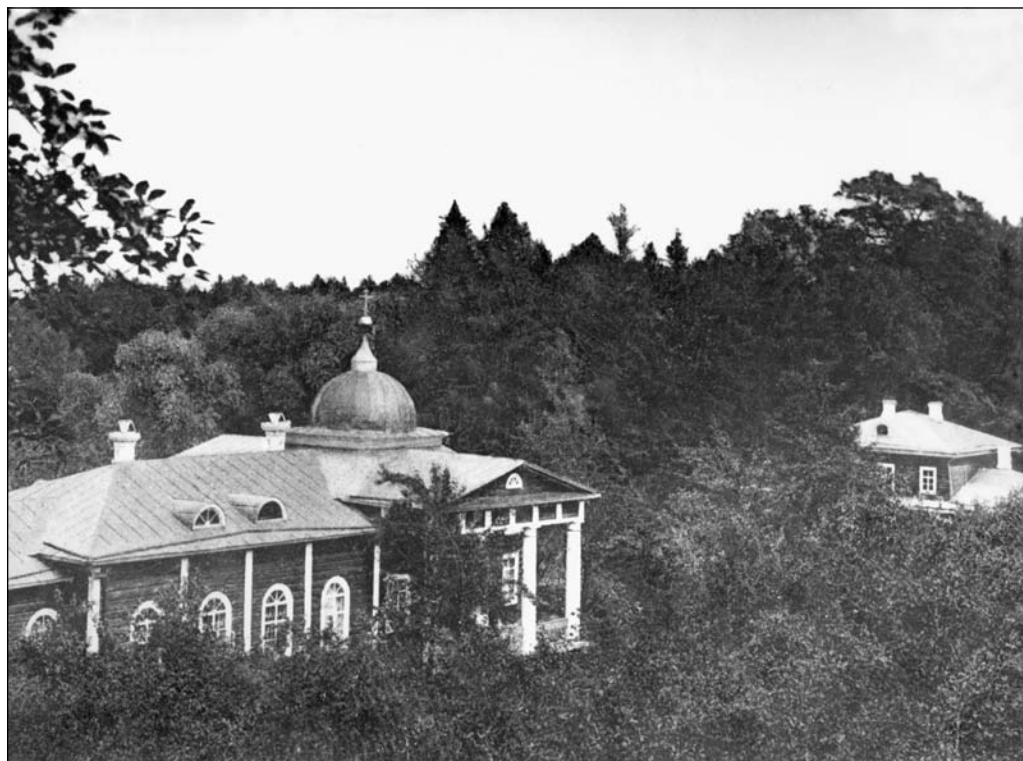
Глава IV

ОСНОВАНИЕ СКИТА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. ИГУМЕН АНТОНИЙ

Сердцем Оптиной Пустыни – местом, где бился пульс ее жизни, откуда исходила та благодатная сила, которая освящала жизнь насельников монастыря, – был знаменитый Оптинский Скит – место пребывания святых Оптинских старцев. Скит создал историческую славу Оптиной Пустыни ¹²².

Основание Скита произошло следующим образом. Отец Моисей, в то время пустынножитель Рославльских лесов, ездил по делу в Москву и оттуда на обратном пути заехал в Оптину Пустынь. Настоятель о. Даниил, зная желание Преосвященного Филарета, тогда епископа Калужского, основать вблизи Оптиной Пустыни лесной Скит, представил ему о. Моисея, который в это время был далек от мысли расстаться с пустынножизнью в Рославльских лесах. Владыка и о. Даниил усердно его убеждали о преимуществе жизни вблизи монастыря, и он уехал, увезя с собой письмо владыки Филарета к рославльским пустынножителям, приглашавшее их перебраться в Калужскую епархию под его воскрылие. Прибыв на место, о. Моисей рассказал своим сопостникам свои впечатления. Отшельники, выслушав его, одобрили план переселения, тем более что в этот момент им угрожали неприятности от земской власти. С о. Моисеем отбыли в Оптину Пустынь его брат о. Антоний и два монаха: Иларион и Савватий. Отец Афанасий, ученик

¹²² В этой главе автор пересказывает «Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея (М., 1882. С. 44–50) и «Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония» (М., 1870. С. 27–112). – *Примеч. ред.*

Внутренний вид
Скита с храмом во имя
Иоанна Предтечи, Пророка
и Крестителя Господня

о. Паисия Величковского, и о. Досифей должны были прибыть в Скит после его устройства. Отец Досифей прибыл только в 1827 г.

и вскоре скончался, а о. Афанасий окончил свои дни в Свенском монастыре в 1844 г., другие отшельники продолжали оставаться в Рославльских лесах.

По прибытии в Оптину Пустынь в 1821 г. о. Моисею с братией предстоял огромный труд: надо было расчистить от вековых сосен огромную площадь для постройки Скита. Оба брата – о. Моисей и о. Антоний – вместе с наемными рабочими валили сосны и корчевали пни. Скит был расположен в 170 саженьях от обители. План Скита был одобрен владыкой Филаретом, который начертал: «1821 г., июня 17-го... Строить Скит да благословит Бог благодатию Своею, да поможет совершить».

Благочестивые местные граждане помогли деньгами. Сначала поставили дом, в котором поселились начальные насельники. 26 октября о. Моисей писал родственнику, что они около трех месяцев строили келлии и святой храм. «Благодарим Бога, что привел нас сюда», – закончил этими словами свое письмо о. Моисей. В другом письме, написанном вскоре после этого, о. Моисей извещает одного иеромонаха, что «выстроены уже три келлии и храм во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня». Но средства оскудевали, и о. Моисей поехал за сборами в Москву. Он вернулся с переполненным поклажею возком, которая состояла из церковной утвари. 5 февраля 1822 г. состоялось освящение храма.

Епископ Филарет предложил о. Моисею принять сан священника. Отец Моисей наотрез отказался. Но владыка ему пригрозил, что, в случае отказа, он будет с ним судиться на Страшном Суде, и о. Моисею пришлось уступить. После сего о. Моисей был назначен духовником скитской братии. Постепенно возникали по сторонам храма отдельные домики братских келлий. Были посажены плодовые деревья, кедровые орехи, которые превратились в стройные деревья и дали плоды через 25 лет. Также было посажено множество ягодных кустарников. Было выкопано два пруда. Отец Моисей был вынужден сделать долги и поехал вторично в Москву за сбором для погашения их, но был вскоре вызван назад, так как владыка Филарет, принимая Киевскую епархию и покидая Калужскую, назначил его настоятелем Оптинского монастыря, и он должен был к нему явиться для принятия прощального благословения. Это знаменательное событие совершилось в 1825 году.

Прп. Антоний,
старец Оптинский

После о. Моисея скитона начальником стал его младший брат о. Антоний.

Новый начальник Скита о. Антоний родился в 1795 году. С юных лет, подобно братьям, стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 г. он оказался в Москве и жестоко пострадал от них. Еле спасся. После многих мытарств он присоединился к о. Моисею, жившему пустынником в Рославльских лесах. Здесь он навывк истинному подвижничеству смирению, послушанию. Он вместе с братом, как было уже сказано, собственными руками выстроил Скит в Оптиной Пустыни. Начальником Скита он стал в тридцатилетнем возрасте.

В Оптиной Пустыни в скитском братстве не было такого смиренного послушника, каким был молодой скитона начальник о. Антоний, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения своего старца и брата о. Моисея. В сохранившихся его помянниках мы читаем: «Помяни, Господи, господина моего духовного отца и благодетеля всечестнейшего игумена иеромонаха (в других – игумена, схиархимандрита) Моисея». Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью и каким тактом надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений. Ввиду малочисленности братства сам начальник исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, который исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. «Как самый бедный бобыль, – писал о. Антоний в 1832 г. одному родственнику, – живу в келлии один: сам и по воду, сам и по дрова... Чином священства почтенных, теперь у нас в Скиту собралось пять человек; но все они престарелы и многопомощны, почему и тяготу служения за всех несуд один».

Он жил *всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9, 22). Этот текст в прямом смысле относится к старческому служению. Однако ни о. Антоний, ни о. Моисей не брали на себя прямой обязанности

душепопечения лиц монастырской братии. Но, будучи сами духоносными старцами, они понимали значение старчества и представили тем великим старцам, которых они привлекли в Оптинский Скит, самое широкое поле деятельности. Таким образом, насаждение в Оптиной Пустыни старчества было всецело обязано этим двум братьям. И не только насаждение, но и процветание.

Вот какое впечатление оставил по себе Скит в воспоминании лица, бывавшего там в юности при скитона начальнике о. Антонии.

«Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором вспоминаю и теперь с благоговением и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати невольно заставляло забывать все, что вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратностей его. С каким умиленным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник Скита о. Антоний, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобного которому после того я нигде уже не слышал, за всем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, – а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вождеднейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником Скита о. Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность,

кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквах»¹²³.

Отец Антоний пробыл начальником Скита 14 лет, когда епископ Калужский Николай, враждебно относившийся к старчеству и причинивший много горя о. Моисею, назначил его родного брата о. Антония настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. В это время о. Антоний переступил сорокалетний возраст, и на ногах его открылись раны, как последствие его подвигов и трудов. Ему было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами уединенным Оптинским Скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем. Начальствование в чуждых ему условиях жизни являлось для него тяжчайшим и величайшим крестом. Однажды, пишет он, «сильно уны во мне дух мой, и, воздремавшись, вижу в тонком сне лик отцов, и один из них, якобы первосвятитель, благословляя меня, сказал: ведь ты был в раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись! И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи! Даруй мне конец благий!»

Больной настоятель игумен Антоний часто мог только лежать давать приказания и был не в состоянии следить за точным исполнением своих распоряжений. Он многократно просил отпустить его на покой, но епископ Николай был неумолим.

Четырнадцать лет продолжалось его злострадание. Иногда он должен был ездить в Москву за сборами пожертвований на окончание монастырских построек. В Москве о. Антоний пользовался особым вниманием со стороны митрополита Филарета, который понимал духовное устройство смиренного подвижника-страдальца. Он полюбил его и приглашал его к сослужению с собой, оказывал ему знаки отеческой милости и утешал его беседами. Наконец, ми-

¹²³ Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония. М., 1870. С. 27.

трополит вступился за него перед епархиальным архиереем, который, наконец, согласился его отпустить на покой в Оптину Пустынь, что состоялось в 1853 году. Возвратившись в Оптину Пустынь, о. Антоний прожил еще 12 лет.

В течение этого времени он жил в Оптиной Пустыни как лицо, находящееся «на покое», и не вмешивался во внутренние дела монастыря и Скита и даже избегал давать советы. Только утешал в скорбях приходивших к нему.

Ему пришлось пережить кончину брата своего схиархимандрита Моисея, что было для него тяжелой потерей. Два месяца провел он в затворе в непрестанной молитве за усопшего. Он не мог говорить о брате без слез и потому отказывался сообщить сведения, ему известные, о сокровенной, внутренней жизни покойного. Это осталось нераскрытым.

У о. игумена Антония было много духовных чад среди мирян, многие знали его в бытность его настоятелем Малоюрославецкого монастыря. После кончины удалось собрать и издать сборник его писем к этим лицам. Выбраны были письма, содержавшие общее написание. «Письма эти, – говорит его жизнеописатель, – отличались теми же достоинствами, как и устные его беседы, тем же естественным красноречием и сладкоречием, тою же назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слог его совершенно особенный, свойственный одному о. Антонию. В них ясно отпечатлелись все высокие душевные свойства любвеобильного Старца. Читая их, как будто слышишь саму его беседу». Отец Антоний обладал даром прозорливости и часто, не ожидая получения писем, писал утешения и наставления. Отец Макарий – Оптинский старец – называл о. Антония «и по сану и по разуму старшим и мудрейшим себя».

В жизнеописании о. Антония приведено немало совершенных им чудес. Приведем один случай. Одна девица, не пожелавшая выйти замуж за определенного человека, подверглась влиянию чар от колдуна. Отец Антоний, не будучи приглашенным, явился в этот

дом. «Когда пришел час воле Божией быть мне у вас, – пишет он этой девице, – то вначале целую толпу бесов встретил я, с бранью воспрещающих вход, но Господь разогнал их». Отец Антоний вошел в дом совершенно бледный. Молитвами о. Антония девица получила облегчение и поступила в монастырь, но окончательное освобождение от недуга получила от Преосвященного митрополита Филарета Московского, к молитвам которого, вероятно, прибежал о. Антоний, ибо между этими подвижниками существовала связь и близость. Митрополит явился страждущей в сонном видении, прочел псалом 60-й и приказал читать его ежедневно. С тех пор монахиня Р. освободилась от вражеских нападений¹²⁴.

Отец Антоний непрерывно почти всю жизнь жестоко страдал от ран на ногах.

День преставления старца о. Антония 7 августа 1865 года. Он погребен рядом с братом о. Моисеем.

¹²⁴ См.: Жизнеописание настоятеля Малоарославецкого Николаевского монастыря игумена Антония. М., 1870. С. 101–103.

Глава V

НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА. ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ

НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА

Приступая к истории Оптинского старчества, мы еще раз повторим: «Оптина явилась как бы чашей, куда сливалось все драгоценное духовное вино». Или, другими словами, напомним читателю о той предварительной связи, которая существовала между братьями Путиловыми, о. Моисеем и о. Антонием, и теми старцами, которых они призвали старчествовать в построенный ими Скит. Все они были «одного поля ягоды» – люди одного и того же духовного воспитания и закала. И именно этим и объясняется то полное единодушие и взаимное понимание, которое царило между ними. Как во всей церковной истории между святыми отцами не случалось идеологического разномыслия, таким же образом не существовало такового и между этими святыми подвижниками. На этом согласии и взаимном понимании между строителями Скита и прибывшими старцами и могла установиться прочно жизнь Скита. И это согласие явилось как бы фундаментом и твердым цементом, крепко скреплявшим духовное здание.

Мы знаем, что о. Моисей в течение 14 лет проводил пустынножизнь в Рославльских лесах. Нашествие французов в 1812 г. заставило его перебраться в Свенскую обитель, откуда он перешел в Белобережскую пустынь, и здесь он встретился с бывшим строителем этой пустыни о. Леонидом – в схиме Львом – и его сопостниками о. Клеопой и о. Феодором. «А потом я перешел, – пишет игумен Моисей, – в монастырь, где ходил за добродетельным старцем схимонахом Афанасием, учеником молдавского старца Паисия,

скончавшим дни свои в Площанской пустыни в 1823 г. на руках иеромонаха Макария»¹²⁵, второго Оптинского старца.

Житие старца Клеопы уже известно читателю из предыдущего¹²⁶; нам остается его теперь познакомить с кратким жизнеописанием старца Феодора, неразрывно связанного с житием старца Льва.

СХИМОНАХ ФЕОДОР¹²⁷

Одним из родоначальников старчества Оптиной пустыни надо считать после старца Паисия Величковского его ученика старца схимонаха Феодора¹²⁸.

Родился он в Карачеве Орловской губернии в 1756 году. Лишившись рано отца, он был отдан в обучение местному протоиерею. Феодор обладал чудным голосом, любил чтение святых отцов и церковные службы. В юношеском возрасте стал заниматься вместе с матерью небольшой торговлей. Но его тянуло к монашеству. Дважды он уходил в монастырь, но каждый раз мать возвращала его домой. Вернувшись в мир, он не избежал и падений. Хотя он и женился, но, вкусивши в юности от сладости духовного жития, он уже не был в состоянии найти удовлетворение в миру и умиротворение своей совести.

¹²⁵ Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 22–23. – *Примеч. ред.*

¹²⁶ Неточность: старец иеромонах Клеопа († 1778), о котором рассказывал архим. Феофан Новоезерский (см. гл. II наст. изд.), был одним из первых учеников прп. Паисия, около 1760 г. ушел в Россию, был настоятелем Островской Введенской пустыни. Старец прп. Льва Оптинского, иеромонах Клеопа († 1816), также ученик и постриженник прп. Паисия, в 1801 г. ушел в Россию вместе со старцем Феодором. Они вместе подвизались в разных русских монастырях. Этот старец Клеопа почил о Господе в Валаамском монастыре (см. гл. II наст. изд.). – *Примеч. ред.*

¹²⁷ В этой главе автор излагает «Житие и подвиги схимонаха Феодора», записанное С.А. Нилусом. См.: *Нилус. С.А. На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 278–305* (запись 19–23 мая 1909 г.) – *Примеч. ред.*

¹²⁸ Схимонах Феодор (Перехватов, † 1822), постриженник прп. Паисия, духовный отец прп. Льва Оптинского, подвизался во многих русских монастырях, почил о Господе в Александро-Свирском монастыре. – *Примеч. ред.*

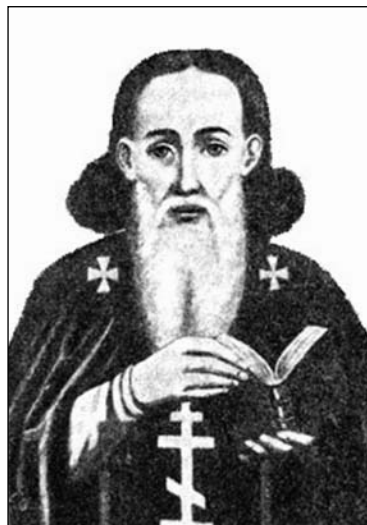
Вскоре, оставив жену и младенца-дочь, он уходит на богомолье в Киев. А оттуда направляется к старцу Паисию в Молдавию. Истощенный долгим путем, без денег и без теплой одежды, глубокой осенью прибыл Феодор в Нямецкий монастырь, в котором в то время имел пребывание старец Паисий со своей братией. Но ему отказывают в приеме из-за недостатка места и скудости монастыря. Феодор умоляет разрешить повидать старца Паисия, дабы принять его благословение. Увидев Феодора, о. Паисий глубоко пожалел его и принял в монастырь.

Тяжкими физическими подвигами и безропотным послушанием суровому старцу на пчельнике Феодор искупает свои падения. Затем он переселился к пустынникам Онуфрию и Николаю, ученикам старца Паисия, монахам высокой духовной жизни. К Онуфрию, благодаря его дару рассудительности, стекались монахи за наставлением и руководством. Феодор ухаживал за престарелым Онуфрием до самой его смерти.

Вернувшись после этого к старцу Паисию, Феодор помогал ему, переписывая книги его переводов, пел на клиросе и, под руководством великого старца, обучился «искусству всех искусств» – умному деланию, умно-сердечной непрестанной молитве. С этого времени его всю жизнь преследовала страшная клевета и зависть.

Феодор присутствовал при кончине старца Паисия в 1794 году.

В 1801 г. был издан манифест императора Александра I, разрешивший вернуться всем бежавшим из России. Старец Софроний, преемник старца Паисия, посоветовал Феодору вернуться на родину. Перед отъездом он постриг его в схиму. По возвращении в Россию

Старец Феодор,
ученик прп. Паисия
Величковского

Феодору вследствие клевет и зависти приходилось вести жизнь скитальческую, переходя из одного монастыря в другой, много терпя от злобы людской.

Сначала он поселился в Чолнском монастыре, оттуда перешел в Белобережский монастырь, но и здесь не укрылся он от зависти, ибо, по словам людей духоносных, «возвышался духовным совершенством, не имеющим пределов духовной высоты». Беспреестанно стекались в его келлию братия, отягощенные бременем страстей, и от него, как от искусного врача, получали исцеление и руководство в призывании «страшного имени Иисусова, которым христианин испепеляет сперва терние страстей, потом разжигает себя любовью к Богу и вступает в океан видений». Самым ревностным учеником старца Феодора был строитель Белобережский о. Леонид, будущий основатель старчества в Оптиной.

Здесь старца Феодора постигла болезнь (горячка), которая проявлялась жаром в теле и слабостью. Феодор был в памяти, и на лице его обнаруживалось действие внутренней сердечной молитвы. С ним началось состояние исступления, и он выступил из самого себя. Тогда «ему явился некий *безвидный* юноша, *ощущаемый и зримый одним сердечным чувством*, и юноша этот повел его узкою стезею в левую сторону. Сам о. Феодор, как потом рассказывал, испытывал чувство, что уже умер, и говорил себе:

– Я скончался. Неизвестно, спасусь ли или погибну.

– Ты спасен! – сказал ему на эти помыслы незримый голос.

И вдруг какая-то сила, подобная стремительному вихрю, восхитила его и перенесла на правую сторону.

– Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня, – провещал невидимый голос.

С этими словами о. Феодору показалось, что Сам Спаситель положил десницу Свою на его сердце, и он был восхищен в неизреченно приятную как бы обитель *совершенно безвидную, неизъяснимую словами земного языка*.

От этого чувства он перешел к другому, еще превосходнейшему, затем к третьему, но все эти чувства, по собственным его словам, он мог помнить только сердцем, но не мог понимать умом. Потом он увидел как бы храм и в нем близ алтаря как бы шалаш, в котором было пять или шесть человек.

– Вот, для этих людей, – сказал мысленный голос, – отменяется смерть твоя. Для них ты будешь жить».

Феодору даже были показаны все великие скорби, которые ему предстояли на земле.

Феодору устроили келлию в лесу, где с ним жили иеросхимонах Клеопа, вышедший, как и он, из Молдавии. Вскоре к ним присоединился и о. Леонид, сложивший с себя настоятельство (будущий Оптинский старец).

Но и там они не обрели тишины и решили перебраться на север. Но здесь начались те великие скорби, которые были предсказаны Феодору в его видении. В Палеостровской пустыни его держали взаперти, как в тюрьме. Два года он жил без одежды и обуви, и ему еще грозили посадить его в погреб и кормить травой. На эту угрозу Феодор отвечал: «Верую Милосердному Богу моему: мне сделать могут только то, что Он попустит за грехи мои».

Далее Феодор попал на Валаам, где его ждали его ученики Клеопа и Леонид. Валаам посетил министр князь Голицын, который все внимание свое уделил старцам и даже доложил о них Государю Александру I. Это возбудило зависть и злобу, тем более что к их руководству устремились и монахи, и мирские. Старцам было бы несдобровать, если бы за них не вступились Филарет Московский и Иннокентий Пензенский. Хотя старцы и были оправданы, но они предпочли перебраться в Александро-Свирский монастырь, где Феодор после тяжелой полуторалетней болезни скончался.

«За день до кончины он имел видение: он видел себя в некоей великолепной церкви, исполненной белоризцев, и из их среды, с

правого клироса, услышал торжественный голос покойного друга своего, иеросхимонаха Николая: “Феодор! Настало время твоего отдохновения – приди к нам”.

Это совершилось в пятницу Светлой седмицы 1822 года. В девятом часу вечера заиграла на устах Феодора радостная улыбка, лицо его просветилось, черты изменились божественным изменением. Ученики, окружавшие одр старца, забыли слезы и сетования и погрузились в созерцание величественной, необыкновенной кончины. Благоговейный страх, печаль, радость, удивление овладели вдруг их чувствами: они ясно прочитали на челе отца своего, что душа его с восторгом излетела в объятия светоносных Ангелов».

Рукописное житие так кончается: «Отче святыи! Ты ныне обитаешь в райских чертогах и ненасытимо наслаждаешься хлебом небесным, пролей о нас молитву перед Царем царей, не предай чад твоих челюстям вражиим, будь нам помощником в страшные смертные минуты и представь нас Лицу Всевышнего, да и мы соединим с ликующим гласом твоим наши слабые гласы и удостоимся с трепетом прославлять в вечные веки Триипостасного Бога, славимого всею вселенною. Аминь».

ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ – ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ ¹²⁹

Первый приснопамятный Оптинский старец родился в городе Карачеве Орловской губернии и в святом крещении наречен был Львом. В миру он вращался в купеческом быту и служил приказчиком в пеньковом деле. Он возил пеньку для сбыта на дальние расстояния, делая большие разъезды. Однажды он подвергся нападению от волка, который вырвал у него из ноги огромный кусок тела. Будучи необычайно сильным и смелым, юноша Лев засунул кулак в глотку волка, а другой рукой сдавил ему горло.

¹²⁹ В этой главе автор пересказывает житие старца Льва по кн.: Первый великий старец Оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917. – *Примеч. ред.*

Обессиленный волк упал с воза. Отец Лев прихрамывал после этого всю жизнь.

Сметливый и в высшей степени способный приказчик во время этих переездов сталкивался с представителями всех классов общества, он хорошо освоился с манерами и бытом каждого из них. Этот опыт пригодился ему в годы его старчества, когда к нему приходили и раскрывали ему душу самые разнообразные люди, знатные и незнатные.

Начало монашеской жизни о. Лев положил в Оптиной Пустыни, но потом перешел в Белобережскую пустынь, где в то время настоятельством известнейший афонский подвижник о. Василий (Кишкин)¹³⁰. Вскоре о. Лев принял монашеский постриг с именем Леонида. Здесь он прошел искус обучения монашеским добродетелям: послушанию, терпению и всем внешним подвигам. В 1804 г. о. Леонид стал преемником о. Василия. Еще до назначения своего настоятелем о. Леонид прожил некоторое время в Чолнском монастыре, где встретился с учеником старца Паисия Величковского о. Феодором и стал его преданным последователем. Старец Феодор стал обучать о. Леонида высшему монашескому деланию, этой «науке из наук и искусству из искусств», как зовется подвиг непрестанной молитвы, посредством которой происходит очищение сердца от страстей. В описываемое время о. Леонид также встретился с инспектором Орловской семинарии игуменом Филаретом, будущим митрополитом Киевским, и имел с ним духовное общение. Это обстоятельство имело для Старца значение в его последующей жизни.

Как только о. Леонид был назначен настоятелем Белобережской пустыни, о. Феодор перешел к нему на жительство. Впоследствии оба подвижника во многих скитаниях прожили совместно от 15 до

¹³⁰ Иеромонах Василий (Кишкин, † 1831) подвизался в Ильинском скиту на Афоне, в Нямецком монастыре, строитель Белобережской пустыни в 1800–1804 гг. – *Примеч. ред.*

20 лет. Под руководством о. Феодора о. Леонид достиг высоких духовных дарований.

В Белых Берегах о. Феодора постигла продолжительная болезнь, после которой построили ему уединенную келлию в лесной глуши, в двух верстах от обители, где он и поселился с о. Клеопой, о котором читатель знает из предыдущего¹³¹. К этим великим подвижникам вскоре присоединился и сам о. Леонид, сложивший с себя звание настоятеля в 1808 году. Здесь в пустынном безмолвии он принял келейно пострижение в схиму и наречен был Львом. Как уже известно из предыдущего жизнеописания о. Феодора, он перешел в Новоезерский монастырь, откуда митрополит Амвросий перевел его в Палеостровскую пустынь. Там он провел три скорбных года и в 1812 г. переселился в Валаамский монастырь. Здесь его встретили о. Клеопа и о. Леонид, которые ранее его переселились туда же.

Около шести лет прожили великие старцы в Валаамском скиту, где им вначале жилось хорошо, как об этом писал о. Феодор: «Взаправду можно похвалиться милосердием Божиим, на нас недостойных явленным: привел нас в место безмолвное, спокойное, от человеков удаленное, молвы свободное». Тамошний юродивый Антон Иванович сказал: «Торговали хорошо». То есть привлекли мудростью и смирением многих братий, которые к ним стали ходить за духовным руководством. Им удалось спасти от глубокого отчаяния келлиарха о. Евдокима¹³², который, исполняя внешние подвиги, не мог справиться с такими страстями, как гнев и пр. Старцы указали ему истинный путь к отвержению сердца, и он понял смиренную науку отцов, начал смиряться, возрождаться и впоследствии сам стал учителем братии. Имена Феодора и Леонида всегда были на его устах. Игумен монастыря о. Иннокентий вознегодовал, что старцы отняли у него его ученика, и обратился с жалобой к Петербургскому

¹³¹ См. гл. V наст. изд. – *Примеч. ред.*

¹³² Иеромонах Евдоким († 1829), в схиме Евфимий, впоследствии духовник Валаамского монастыря. – *Примеч. ред.*

митрополиту Амвросию. В результате старцы были оправданы, а игумену было сделано строгое внушение. Но, зная человеческую природу, старцы побоялись оставаться на Валааме, в особенности после посещения монастыря князем Голицыным. После этого старцы перебрались в Александро-Свирский монастырь.

В 1820 г. Государь объезжал северные свои владения. Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря. Жившие там старцы о. Феодор и о. Леонид почтительно предложили своему настоятелю о. архимандриту приготовиться к встрече Государя, хотя в маршруте монастырь этот не был обозначен. Отец настоятель принял это предложение и в часы, назначенные для проезда императора, ожидал его у ворот. Между тем Государь на пути, по своему обыкновению, расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков иногда сам, иногда через кучера Илью, неизменного своего возницу. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест в знак близости монастыря и для указания к нему пути, Государь спросил:

– Что это за крест?

Узнав же, что недалеко Свирский монастырь, он велел туда ехать. При этом он начал расспрашивать, каково в монастыре и каковы братия. Ямщик, нередко туда ходивший, отвечал, что ныне стало лучше прежнего.

– Отчего? – спросил Государь.

– Недавно поселились там старцы о. Феодор и о. Леонид; теперь и на клиросе поют получше, и во всем более порядка.

Государь, слыхавший от князя Голицына эти имена, пожелал со старцами познакомиться. Между тем ожидавшие царя испытанные скорбями старцы сотворили между собою краткое совещание, как поступить, если Государю угодно будет обратить на них внимание.

– Если из-за Голицына было нам искушение, – сказал о. Феодор, – то что будет из-за Государя? Потому, о. Леонид, не будь велеречив, а всячески помалкивай и не выставляйся.

Подъехав к монастырю, Государь удивился встрече:

– Разве ждали меня?

Настоятель сказал, что вышел навстречу по совету старцев.

Приложившись к мощам, царь спросил:

– Где здесь о. Феодор и о. Леонид?

Старцы несколько выдались, но на все вопросы императора отвечали сдержанно и отрывисто. Государь это заметил и прекратил вопросы, но пожелал принять благословение от о. Феодора.

– Я монах непосвященный, – сказал смиренный старец, – я просто мужик.

Царь вежливо откланялся и поехал в дальнейший путь.

Во время пребывания в Александро-Свирском монастыре о. Лев однажды ездил по делам в Петербург, и из рассказа о его пребывании в столице видно, что уже тогда он был истинным старцем, обладателем духовных дарований и между ними прозорливостью. Он посещал одну духовную дочь, которую он спас от неправильного духовного состояния, именуемого прелестью. Однажды он пришел к ней и потребовал, чтобы она немедленно переехала на новую квартиру, которую ей предлагали и от которой она отказывалась. Старец настоял на своем. Ночью в старую ее квартиру забрался ее бывший слуга с целью ограбления и убийства. Его намерение было потом доказано.

Когда скончался великий старец о. Феодор, о. Лев не сразу прибыл в Оптину Пустынь, куда его призывали епископ Филарет Калужский и о. Моисей – настоятель обители. Сначала Старца удерживали в Александро-Свирском монастыре, потом он пробыл некоторое время в Площанской пустыни, где находился о. Макарий – его будущий помощник во время старчества в Оптином Скиту и впоследствии его заместитель. Можно сказать, там подготовил он себе преемника.

Наконец в Оптину Пустынь (1829) прибыл основатель знаменитого ее старчества, той духовной школы, откуда вышла вся плеяда последующих старцев. Но заслуга о. Льва не ограничивается

только основанием старчества: им был дан тот импульс, который вдохновлял последующие поколения старцев в течение целых ста лет до самого конца жизни и процветания знаменитой Оптиной Пустыни.

Последующие старцы о. Макарий и о. Амвросий, будучи также великими старцами, были его присными учениками.

Отец Лев прибыл в Оптину Пустынь уже на склоне лет. Он был большого роста, величественный, в молодости обладавший баснословной силой, сохранивший до старости лет, несмотря на полноту, грацию и плавность в движениях. Вместе с тем его исключительный

ум, соединенный с прозорливостью, давал ему видеть людей насквозь. Душа Старца была преисполнена великой любви и жалости к человечеству. Но действия его иногда были резки и стремительны. Старца Льва нельзя обсуждать, как обыкновенного человека, потому что он достиг той духовной высоты, когда подвижник действует, повинуюсь голосу Божию. Вместо долгих уговоров он иногда сразу выбивал у человека почву из-под ног и давал ему сознать и почувствовать свою несостоятельность и неправоту, и таким образом своим духовным скальпелем он вскрывал гнойник, образовавшийся в огрубевшем сердце человека. В результате лились слезы покаяния.

Старец, как психолог, знал, каким способом достигнуть своей цели. Вот пример. Жил недалеко от Оптиной один барин, который хвастался, что как взглянет на о. Леонида, так его насквозь и увидит. Приезжает раз к Старцу, когда у него было много народа. Был он высокий, тучный. А у старца о. Леонида был обычай, когда он хотел произвести на кого особое впечатление, то загородит глаза левой рукой, точно от солнца, приставив ее козырьком ко лбу. Так поступил он при входе этого барина и сказал:

Прп. Лев, старец Оптинский

– Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Льва, а сам, шельма, 17 лет не был у исповеди и Святого Причащения.

Барин затрясся как лист и после каялся и плакал, что он грешник неверующий и действительно 17 лет не исповедовался и не причащался Святых Христовых Таин. Другой случай. Приехал в Оптину помещик П. и, увидев Старца, подумал про себя:

– Что же это говорят, что он необыкновенный человек! Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно.

Вдруг Старец говорит ему:

– Тебе все дома строить. Здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо такое-то!

Нужно заметить, что П. по пути в Оптину увидел такую красивую местность, что вздумал выстроить там дом и составлял в уме план, какой он должен быть и сколько окон, в чем и обличил его Старец. Когда П. стал исповедоваться, о. Лев напомнил ему забытый им грех, который он даже за грех не считал. Тогда П. признал Старца за необыкновенного человека.

Еще однажды был случай, когда один приезжий господин объявил Старцу, что приехал на него «посмотреть». Старец встал с места и стал поворачиваться перед ним:

– Вот, изволите посмотреть меня.

Господин пожаловался на Старца настоятелю, который ему возразил, что Старец святой, но по его словам был ему и ответ. Приезжий после этого немедленно вернулся к Старцу, кланяясь ему земно и говоря:

– Простите, Батюшка, я не сумел вам объяснить о себе.

Старец выслал из келлии присутствующих и беседовал с приезжим два часа. После этого последний прожил в Оптиной месяц, часто ходил к Старцу, потом писал ему письма, объясняя, что он был в отчаянном положении и что Старец оживил и воскресил его.

Славный и знаменитый герой Отечественной войны, находясь по пути со своей частью поблизости от Оптиной Пустыни, заглянул в Скит к старцу отцу Льву. Старец спросил у него его фамилию.

– Кульнев, – отвечал генерал, – я остался после отца малолетним, поступил в учебное заведение, окончил курс наук и с того времени нахожусь на службе.

Старец:

– А где же ваша матушка?

Кульнев:

– Право, не знаю, в живых ли она находится, или нет. Для меня, впрочем, это все равно.

Старец:

– Как так? Хорош же вы сынок.

Кульнев:

– А что же? Она мне ничего не оставила, все имение раздала, потому я и потерял ее из виду.

Старец:

– Ах, генерал, генерал! Что мелешь? Мать тебе ничего не оставила, а все прожила. И как это ты говоришь, что все она раздала? А вот об этом-то ты и не подумашь, что она едва могла перенести удар лишения твоего родителя, а своего супруга; и с этого времени и до настоящего стоит перед Богом, как неугасимая свеча, и, как чистая жертва, посвятила свою жизнь на всякое злострадание и нищету за благо своего единственного сына Николушки. Вот уже около тридцати лет она проходит такой самоотверженный подвиг. Неужели же эти ее молитвы для своего Николушки не наследство? У многих генералов, при всех изысканных средствах, дети не лучше прохвостов, а Николушка и без средств, да вот генерал!

Глубоко потрясли Кульнева эти простые, но и правдивые старческие слова. Обратившись к святым иконам, он зарыдал. Затем генерал при бесчисленных благодарностях спросил адрес своей матери. А прибывши к ней, он пал на колени и на коленях подполз

к ее кровати и расцеловал у нее руки и ноги... Старушка чуть не умерла от радости...

Очень характерен рассказ одного афонского монаха¹³³, посетившего старца Льва. Монах был одет в мирскую одежду, однако Старец, называя его афонским монахом, запретил ему становиться перед собой на колени, как это делали миряне. Среди присутствующих был человек, который сознался, что не исполнил старческое приказание. Он не бросил курение, как приказал ему Старец. Отец Лев грозно приказал вывести этого человека вон из его келлии. Потом пришли три женщины в слезах. Они привели одну ума и рассудка лишившуюся... Они просили о больной помолиться. Старец надел на себя епитрахиль, возложил конец епитрахили и свои руки на голову болящей и, прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестил и приказал отвести ее на гостиницу. «Сие делал он сидя, потому что уже не мог встать, был болен и доживал последние свои дни». Когда о. Парфений пришел к Старцу на другой день, вчерашняя больная пришла совершенно здоровой, а выгнанный господин пришел просить прощения. Старец его простил, но повторил свое приказание. Афонский монах ужаснулся, что Старец, не боясь вреда для себя, творит исцеления. Старец ответил:

– Я сие сотворил не своей властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святаго Духа, данная мне при рукоположении, а сам я человек грешный.

Чудеса, совершаемые Старцем, были бесчисленны: толпы обездоленных стекались к нему, окружали его. «Случилось мне однажды, – писал иеромонах Леонид (Кавелин), будущий наместник Троице-Сергиевой Лавры, – проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. На дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об о. Леониде. На вопрос, почему вы его знаете, они отвечали:

¹³³ См.: Сказание о странствии инока Парфения. М., 1856. Ч. 1. С. 275–280. – *Примеч. ред.*

– Помилуй, кормилец, как нам не знать о Леониде? Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые».

Но совсем иначе относились к Старцу некоторые духовные лица, в том числе Калужский епархиальный архиерей Преосвященный Николай, который творил много неприятностей Оптиной Пустыни. Этот епископ имел твердое намерение сослать старца Льва в Соловецкий монастырь для заключения. И если бы не сильное заступничество митрополитов Филаретов – Киевского и Московского, – старцу Льву было бы несдобровать.

Но не все епископы мыслили одинаково. Были между ними и духовные. Однажды, в бытность о. Льва в Калуге, встречные лица, узнав его, становились на колени и кланялись ему в ноги. Увидев это, начальник полиции решил, что дело нечисто, и сделал соответствующее донесение епископу Никанору, будущему митрополиту С.-Петербургскому. Владыка вызвал к себе Старца, и на вопрос, как он верует, Старец спел ему «Верую» по-киевски, т. е. начиная с низкой ноты и повышая тон до самой высокой. По пословице «Рыбак рыбака видит издалека» добрый владыка понял, кого он видит перед собой и почему Старцу кланяются в землю. Он задержал Старца у себя в течение нескольких дней, ухаживал за ним, угощал его, так что Старец два дня не ел, вернувшись домой. К сожалению, этот добрый архипастырь правил недолго, тогда как епископ Николай правил долго и даже пережил Старца.

Здесь надо сделать некоторое отступление для тех, кто не знаком с первой частью нашей работы¹³⁴. Нами было показано, что вскоре после крещения Руси и до падения Византии бесчисленные толпы паломников устремлялись на Восток, воспринимая там дух и традиции подлинного Православия и привозя с собой святоотеческую литературу. Так было до Флорентийской унии, когда поколебался греческий

¹³⁴ См.: *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Париж, 1952.

авторитет, и до скоро последовавшего за тем падения Византии. По справедливому выражению английского ученого Дональда Николь в его книге «Метеоры», «исихазм не был доктриной XIV века – его происхождение исходит из подлинных корней византийской духовности»¹³⁵. Этой духовностью и питались наши древние святые. Когда же прекратилась связь с православным Востоком, русское подвижничество замкнулось само в себе. Духовных школ тогда не существовало. После светлой эпохи XIV и XV столетий, связанных с преподобным Сергием и плеядой его учеников, наступил период духовного застоя. Вместо подвига, указанного святыми отцами, состоявшего в очищении сердца от страстей с помощью непрестанной молитвы, настало время внешних подвигов, время железных цепей и пудовых вериг. Число святых уменьшилось. После же царствования императора Петра, в течение ста пятидесяти лет, монашество вообще подвергалось преследованиям со стороны правительства. Наступил полный упадок. Когда же в начале XIX столетия ученики схииархимандрита Паисия Величковского вновь насадили на Руси святоотеческую традицию, плодом которой является благодатное старчество, число святых умножилось необычайно. Жития этих неканонизированных подвижников собрал в четырнадцати объемистых томах епископ Никодим незадолго до Первой мировой войны. Многократно в житиях этих упоминается о преследовании подвижников полицией. Пустынникам приходилось скрываться. Игумен Оптинский Моисей с братом о. Антонием, как было выше сказано, скрывались с другими пустынниками в Брянских лесах. Чисто духовное начало встречало полное непризнание со стороны гражданской власти. Также и молодая наша богословская наука еще не вышла на самостоятельный, независимый православный путь и находилась под влиянием западной науки. А потому и старчество не было изучено с православной точки зрения. Естественно, что многие архиереи гнали старчество, не постигая его сущности и значения.

¹³⁵ *Николь Д.* Метеоры. Лондон, 1963. С. 39.

Такова была судьба преподобного Серафима, старца Льва, старца Амвросия, старца Анатолия, старца Варсонофия. Блаженный о. Иоанн Кронштадтский, яркий представитель старчества, также встречал непонимание со стороны Санкт-Петербургского митрополита.

Теперь вернемся к старцу Льву. Старчествование его продолжалось в Оптиной Пустыни с 1829 г. и до года его кончины – 1841, т. е. всего 12 лет. Этот промежуток времени Старец переживал как почти непрерывное гонение. Когда о. Лев прибыл в Оптину Пустынь, игумен Моисей передал ему духовное руководство братией, а сам занялся исключительно хозяйственной частью и ничего не предпринимал без старческого благословения. Так же относился к о. Льву и брат игумена скитоначальник о. Антоний.

Против Старца восстал некто о. Вассиан¹³⁶, который себя считал старожилом в монастыре и не признавал старческого руководства. Этот о. Вассиан был крайне неразвитый и грубый человек. Подобный ему инок описан Достоевским в романе «Братья Карамазовы» под именем Ферапонта. Отсюда пошли интриги, доносы.

Однако в течение первых шести лет гонения на Старца еще не принимали крутого характера. Но с течением времени дело стало принимать более угрожающий оборот. Так, еще к начальному периоду относится запись некой Паши Труновой, сестры Павла Трунова, старцева ученика. Она рассказывает, что однажды, в бытность ее в Оптиной Пустыни, Старец запретил ей прийти к нему на завтрашний день, так как «будет суд».

– Кого же будут судить? – спросила Паша.

– Да меня же, – ответил Старец.

На другой день следователи допрашивали весь монастырь, но все показания благоприятствовали Старцу. Это было начало. Но с 1835 г. и особенно в 1836 г. гонения усилились. Кроме всех ложных

¹³⁶ Схимонах Вассиан (Гаврилов, † 1857), насельник Оптинского Скита, постриженник митр. Филарета (Амфитеатрова). – *Примеч. ред.*

донесений, Калужский Преосвященный получил еще через московскую тайную полицию анонимный донос с обвинениями по адресу Старца и настоятеля. Говорилось, что последний несправедливо оказывает скитским старцам предпочтение перед живущими в монастыре и что Скит причиняет монастырю большой подрыв; и если он не уничтожится, то древняя обитель разорится и т. д. Следствием этого доноса было то, что настоятель был вызван для объяснений. А Старцу было запрещено носить схиму, так как он был пострижен келейно, и строжайше запрещено принимать посетителей.

Старца перевели из Скита в монастырь и там переселяли из келлии в келлию. Старец относился к этим невзгодам с полным благодушием, и с пением «Достойно есть» он переносил на новое место самолично Владимирскую икону Божией Матери – благословение о. Паисия Величковского старцу Феодору.

«Однажды игумен Моисей, – говорит жизнеописатель Старца, – проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед келлией Старца, между тем как недавно последовало из Калуги повеление никого не пускать к нему. Отец игумен вошел к Старцу в келлию и сказал:

– Отец Леонид! Как же вы принимаете народ? Ведь владыка запретил принимать. Вместо ответа Старец, отпустив тех, с кем занимался, велел келейникам внести к себе калеку, который в это время лежал у дверей его келлии. Они принесли его и положили перед ним. Отец игумен с недоумением смотрел на него.

– Вот, – начал Старец свою речь, – посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены телесные поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то-то и то-то, и за все это он теперь страдает – он живой в аду. Но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли его не принимать? Что вы на это скажете?

Слушая о. Леонида и смотря на лежавшего перед ним страдальца, о. игумен содрогнулся.

– Но Преосвященный, – промолвил он, – грозит послать вас под начал.

– Ну так что ж, – ответил Старец, – хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие духовные нужды?

Отец игумен Моисей ничего не мог на это возразить и молча удалился, предоставляя Старцу жить и действовать, “как укажет ему Сам Бог”».

Старцу, как уже сказано, не удалось бы сдобровать, если бы не заступничество обоих митрополитов Филаретов. Митрополит Киевский заступился за Старца, находясь на чреде в Синоде, а также посетил Оптину Пустынь, где оказывал о. Льву в присутствии епархиального архиерея особые знаки уважения. К митрополиту Филарету Московскому прибег письменно старец о. Макарий через епископа Игнатия (Брянчанинова). Митрополит Филарет написал Калужскому епископу: «Ересь предполагать в о. Леониде нет причины».

Незадолго до смерти Старца опять возникли гонения на него и на монашествующих женских обителей, где находились духовные дочери Оптинских старцев. Монахини были изгнаны.

Это гонение было основано на невероятном невежестве. Старца называли масоном, а святоотеческие книги, как авва Дорофей, им данные монашествующим – чернокнижием. Однако перед самой кончиной Старца монахини были оправданы, так что Старец вздохнул свободно. Впоследствии выдающиеся ученицы о. Льва заняли начальственные должности.

С первых чисел сентября 1841 г. Старец стал ослабевать и проболел пять недель. Молодой келейник Старца о. Иаков¹³⁷ слышал

¹³⁷ Рясофорный монах Скита Иаков (Миляев), с 1847 г. насельник Киево-Печерской Лавры. – *Примеч. ред.*

его молитву: «Благодарю Тебя, милостивый Создатель мой, Господи, что я избежал тех бед и скорбей, которых ожидает грядущее время, но не знаю, избежите ли вы их.

– Поди сюда, Яша!

Я подошел. Старец благословил меня и еще повторил те самые слова. Я, как был в то время млад и неопытен, не спросил Батюшку, какие это беды и скорби. А после его кончины и желал бы знать, да уж было поздно».

Такова была запись келейника Иакова, впоследствии иеромонаха Иоакима Киево-Печерской Лавры.

После жестоких страданий великий старец о. Лев отошел ко Господу 11 октября 1841 года. Общая скорбь была неопишима, и велико было стечение народных масс у гроба усопшего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Образ великого старца иеросхимонаха отца Льва менее знаком русскому боголюбивому читателю, чем образ старца о. Амвросия. Автор книги «Оптина Пустынь» (Париж, 1926) протоиерей Сергей Четвериков различает в жизни Скита три периода: весну при жизни о. Льва, лето при жизни о. Макария и, наконец, плодоносную осень при о. Амвросии. С его легкой руки профессор И.К. Смолич в своем труде «*Leben und Lehre der Starzen*» (Wien, 1936) повторил подразделение протоиерея Четверикова, причем изобразил старца Льва как человека почти невежественного.

Но между тем если о. Лев и употреблял простонародные выражения, то ими он попадал в цель и совершал перевороты в человеческих душах. Старцы Лев и Амвросий жили, вернее сказать, действовали в разные эпохи. При жизни о. Льва не было регулярного почтового и телеграфного сообщения, не было железных дорог, как позднее во время жизни о. Амвросия, о котором еще при его жизни были сообщения в печати. При этом доступ к нему народный не бывал никогда закрытым. Тогда как о. Лев

был гоним еще в первые годы XIX столетия, когда братия Белобережского монастыря была недовольна его простотой в жизни, по их мнению, не соответствующей сану игумена. Когда же он удалился в лесной скит к о. Феодору, новый настоятель изгнал обоих старцев из-за стечения к ним народа. Мы знаем о гонении на Валааме и в Оптиной Пустыни. Доступ к отцу Льву далеко не всегда был для всех открыт, и слава о нем не могла греметь повсеместно. Образ же старца Амвросия достойно сиял, как солнце, по просторам русского царства. Но не нам судить, кто из них был выше. Это известно одному Богу.

Глава VI

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ

Митрополит Филарет, в миру Василий Михайлович Дроздов, родился 26 декабря 1782 г. в семье диакона московского пригорода Коломны. Это было чуть позднее полувекового периода после смерти Петра I. Было еще свежо упразднение патриаршества, обезглавившего Церковь, и недавнее учреждение на протестантский манер Синода, ломка православного быта и учреждение духовных школ по католическому образцу. Это было смутное, переходное, неустойчивое время. Нужен был новый Моисей, который бы мог вывести народ Божий на истинный путь, закрепить истинные православные устои, не дать им исказиться на недолжный лад, как легко могло случиться в создавшихся условиях.

В такой критический момент Богом был послан духовный вождь, соединивший в себе и гений, и святость. Такого другого Филарета не было и не будет, возгласила о нем народная молва!

Мы здесь не в состоянии коснуться, хотя бы даже кратко, жизнеописания митрополита. Мы только можем попытаться отметить его значение касательно интересующей нас темы, т. е. распространения святоотеческого учения о внутреннем делании в России. Мы скажем предварительно только несколько слов о том, какое выдающееся место занимал митрополит Филарет в церковной жизни своего времени.

С 24 марта 1821 г., еще в сане архиепископа, Филарет занял Московскую кафедру. Ему было тогда 39 лет. Здесь он пробыл до самого гроба. В течение этих 46 лет (1821–1867), как утверждает

его жизнеописатель Н.И. Барсов, ни один вопрос догматический, канонический, церковно-законодательный, ни одно административное распоряжение Святейшего Синода, имевшее значение для Церкви, не решались и не воспроизводились без предварительной справки о том, как думает об этом вопросе или решении Филарет, и редко что-нибудь делалось в Синоде иначе, нежели думал Филарет¹³⁸. И это положение существовало даже несмотря на то, что вследствие несогласий с 1843 г. митрополит раз и навсегда отказался от присутствия в Синоде. Но, по верному замечанию профессора архимандрита Константина, «в этой обособленности и мог возвыситься митрополит Филарет до значения, близкого к положению главы Церкви, с которым надо было договориться обо всем значительном в области церковного»¹³⁹. Из Синода ему посылались на рассмотрение все затруднительные дела. Он рассмотрел до 1000 таких дел и дал на них свое решение. Эти решения по церковным и общегосударственным вопросам были отпечатаны в 1885–1887 гг. в восьми томах¹⁴⁰ и служили образцами для дальнейших решений. Единственное, что митрополит Филарет, несмотря на свое желание, не мог провести в жизнь, – это восстановление живого единства поместного епископата, осуществляемого в постоянном совещательном общении сопастырей и епископов, закрепляемом по временам малыми

Свт. Филарет (Дроздов),
митрополит Московский
и Коломенский

¹³⁸ См.: Барсов Н.И. Взгляд на жизнь и деятельность Московского митрополита Филарета. СПб., 1883. – Примеч. ред.

¹³⁹ Вероятно, Константин (Зайцев), архим. Черты личности митрополита Филарета. Джорданвилль, 1958. – Примеч. ред.

¹⁴⁰ Неточность: имеется в виду изд.: Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений и отзывов... по учебным и церковно-государственным вопросам: Т. 1–6. М., 1885–1888. – Примеч. ред.

съездами и соборами. Как известно, в синодальный период Церковь не имела до самого конца свободы действия.

«Авторитет Филарета, – говорит профессор Е. Сумароков, – особенно ценен в тех случаях, когда погрешности в учении исходят от лиц священного сана. Тот или другой отрывок из Филарета обнаружит всякую ошибку. И вот почему лица, имеющие более пристрастия к самочинию, чем к мнениям Церкви, относятся к Филарету с трудно скрываемым озлоблением, чувствуя в нем вечного и строгого судью, стоявшего на страже Православия...

Бог послал Филарета Русской Церкви, чтобы пред теми днями, когда умножатся лжеучения, отлить содержание Православия в металлические незыблемые формы, ясности очертания которых нельзя закрыть никакими чуждыми придатками от глаз тех, кто прежде всего станет искать в жизни верности своей Церкви... В своих бесчисленных трудах, – продолжает Сумароков, – митрополит Филарет выразил в полноте все истины Православия, дав современной и будущей России основанный на многовековом опыте церковной жизни и в творениях всей совокупности учителей церковных совершенный кодекс того, “како веровати”¹⁴¹.

Таким образом, отрезок времени, проведенный митрополитом Филаретом на кафедре Московской, может быть назван филаретовским веком. И если в свое время Санкт-Петербургский митрополит Гавриил, возобновитель монастырей, последователь святоотеческого учения о внутреннем делании, посеял повсюду семена этого учения, то содействие и внимание со стороны митрополита Московского Филарета во многом благоприятствовало произрастанию этих семян.

Мы здесь пытались обрисовать Филарета как гениального церковного деятеля, но мы оставили в стороне его столь же великий дар церковного оратора и проповедника. Вот как В.Н. Лосский в кратких и сжатых словах касается этой темы.

¹⁴¹ *Сумароков Е.* Лекции по истории Русской Церкви. Харбин, 1944. Т. 2. С. 356.

«Не будучи до сих пор канонизованным¹⁴², Филарет Московский принадлежит к великой линии епископов-богословов, которых Церковь прославляет, именуя их отцами. Действительно, можно сказать, что он был отцом богословской мысли в России.

После екатерининского века просвещения, после смущения от “религии сердца пиетистов”, Филарет обращается к мысли, призывая ее исследовать бездонные тайны Откровения. “Христианство не есть юродство или невежество, но Премудрость Божия”. Подобно самым величайшим между отцами Церкви, он настаивает на необходимости богословского рассуждения, на бдительности мысли, которая должна приступать без страха к разрешению умственных затруднений. Проповеди Филарета напоминают гомилии св. Григория Назианзина своим богословским богатством, также св. Василия – безупречным мастерством, которым он сдерживает полет своей мысли, требуя от нее точной меры. В классической своей проповеди на Великий Пяток (1816) Филарет развивает свою любимую тему – искупление. После рассуждения о Кресте, воздвигнутом “ненавистью иудеев и буйством язычников”, он переходит к поклонению Кресту как символу Божественной любви, укорененной в предвечном святилище Святой Троицы. Это *тайна, сокрытая от веков и родов* (Кол. 1, 26). *Тайна Агнца, закланного от создания мира* (Откр. 13, 8). *Так Бог возлюбил мир* (Ср.: Ин. 3, 16)»¹⁴³.

Обычный день митрополита рисует нам Н.В. Сушков. «День его был насыщен до отказа. Когда он отгоняет сон, когда уступает сну, т. е. в каком часу прерывает труды, молитвы, бдение и в каком покидает ночное ложе, – этого никто не знает. После утрени и обедни – чай. После чая служебные занятия, доклады письмово-

¹⁴² Митрополит Филарет был причислен к лику святых в 1994 г. – *Примеч. ред.*

¹⁴³ Вероятно, *Лосский В.Н.* Искупление и обожение // Вестник русского западноевропейского экзархата. 1953. – *Примеч. ред.*

дителя, объяснения с просителями и т. д.; к двум или трем часам пополудни кончен труд питания: легкий, неизысканный обед. После обеда час-два отдыха, а отдыхом называется чтение книг, газет, журналов. После такого отдохновения – опять дела, переписка, доклады. Два дня в неделю – вторник и пятница – работа с обоими викариями, независимо от частых с ними занятий и утром и вечером по другим дням. Если бы возможно было исчислить время, которое употребляется им на личные и письменные сношения по епархии и консистории с духовенством, с ректорами и инспекторами Духовной Академии и семинарии, с начальствующими в мужских и женских обителях, с благочинными и членами разных учреждений, не говоря о переписке с Синодом, с наместником Троице-Сергиевой Лавры, с епископами и частными лицами, да если присовокупить к этому частое служение, соборное и домашнее, освящение церквей, приготовление проповедей, встречи царственных посетителей, испытания воспитанников Академии и семинарии, посещение светских училищ и т. д., то сколько же остается досуга на успокоение от забот, на пищу, сон и редкие беседы с посетителями. Как кратка его ночь!»¹⁴⁴.

Внешний облик митрополита Филарета рисует нам его викарий епископ Леонид (Краснопевков). «Вчера долго молча смотрел на него, когда он рассматривал каталоги, и стоял перед ним. Пройдут века: имя его вырастет необыкновенно. Мысль будет искать в прошедшем его великого образа, и счастлив тот, кто увидит его несовершенный портрет, а я, недостойный, стою от него в полуаршине и смотрю на эту чудно-правильную, кругленькую головку, покрытую редкими, мягкими темно-русскими волосами, на это высокое, выпуклое чело, этот резко очертанный нос и дивно-правильные губы, на эти бледные, худые, осанистой бородой покрытые щеки. Под прекрасно очеркнутыми бровями не вижу его глаз, но замечаю, что

¹⁴⁴ Вероятно, *Сушков Н.В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. – *Примеч. ред.*

какую-то особенную выразительность придает его благородному лицу эта черепаховая оправа очков»¹⁴⁵.

Обозначив кратко то высокое место, которое занимал митрополит Филарет в церковной истории своего времени, справедливо именуемым филаретовским веком, мы теперь перейдем к его значению касательно нашей темы о старчестве.

Нашей целью будет раскрыть то содействие, которое оказывал митрополит в процветании умного делания и связанного с ним старчества. Для этого нам нужно показать принадлежность самого Филарета к этому духовному движению.

Митрополит Филарет был необычайно скрытным во всем, что касалось его лично. Вот отрывок из письма к его духовнику – наместнику Троице-Сергиевой Лавры: «Нужно, чтобы борьба и отвлечения, которые нам доставляют дела, не мешали бы нам уединяться в нашу внутреннюю клеть и втайне молиться Отцу. Да, дела внешнего мира нас расстраивают, преследуют, и кто входит в свою клеть, недостаточно закрывает за собою дверь. Но Ты, Который сказал *Я есмь дверь* (Ср.: Ин. 10, 7), дай нам войти вовнутрь и закрой за нами дверь»¹⁴⁶.

Дверь, за которой хранились тайники его души, была действительно закрыта, но плодом его внутренней жизни на склоне лет был дар чудотворений и дар пророческий, т. е. святость. Где же и как было положено начало этой святости?

Некоторый ключ нам дают жития близких ему людей, а именно старца Филарета Новоспасского, его школьного сверстника и близкого друга епископа Иннокентия Пензенского – человека исключительной святости, и, наконец, архимандрита Макария – алтайского миссионера, его ближайшего ученика. Эти три жития являются среди лучших украшений 14-томного собрания житий русских подвижников XIX столетия.

¹⁴⁵ Душеполезное чтение. 1907. Ч. 2. Кн. 7. С. 347.

¹⁴⁶ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1877. Т. 1. С. 168.

Василий Дроздов, как уже сказано, родился в городе Коломне, пригороде Москвы, а как мы знаем из предыдущего, Москва являлась одним из центральных округов по распространению учения об умном делании. Новоспасский монастырь являлся средоточием, откуда исходило это учение. Здесь жили о. Филарет и о. Александр. Сюда приезжал о. Афанасий (Захаров), ротмистр гусарского полка, семь лет живший при старце Паисии. Он имел беседы об умном делании с о. Филаретом и о. Александром, которые имели великую любовь к духовному вождю – старцу Паисию. Отец Афанасий переписывал творения святых отцов, впоследствии переданные в Оптину Пустынь.

Отец Филарет, в миру Феодор (1758–1842), начал в юности монашескую жизнь в Александро-Невской Лавре, но его старец, видя его рвение к монашеским подвигам, направил его в Саровскую пустынь. В то же самое время там же начал свою подвижническую жизнь будущее светило Церкви Русской – преподобный Серафим. Через некоторое время о. Филарета затребовал в Невскую Лавру митрополит Гавриил в качестве примерного подвижника.

Из Петербурга о. Филарет перебрался в Москву, где тогда в Симоновом монастыре подвизался его брат Аполлинарий. Когда же Симонов монастырь обратили в больницу, о. Филарет окончательно обосновался в Новоспасском монастыре. После ряда подвигов сосредоточенной жизни он принял на себя подвиг старчества. К нему устремились толпы людей. Нередко случалось, что старец не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдыха. Каждая человеческая душа была ему несравненно дорога. Он обладал исключительной прозорливостью и той духовной любовью, которая является венцом совершенства. И.В. Киреевский, знавший его лично, пишет о нем: «Никто страждущий не оставлял его порога, не получив отрады: недоумевающий находил у него спасительный совет, ищущий поучения – высокое назидание, ожесточенный – умиление, отчаянный – молитву, маловерный – прояснение истины, слабо-

душный – подкрепление сил. В беседе его особенно ясно выражалась удивительная кротость его души, крайнее смирение, горячая любовь к ближнему, сострадательность, терпение, и красота, и сила глубокого духовного ведения»¹⁴⁷. В его житии приведено несколько фраз, им произнесенных.

– Сядь, друг, – говорит он плачущей старушке, – полно плакать, твой сын не пропал, он в хорошем месте...

А когда этот пропадавший юноша пришел просить благословение на поступление в монастырь, он говорит ему:

– погоди, дитя мое, погоди... Ты не вынесешь.

Девушке, пришедшей просить благословение на брак, он тихо сказал, что ее ждет жених лучший: она простудилась и через три дня умерла¹⁴⁸.

Он же, старец Филарет, был ангелом-утешителем и наставником августейшей затворницы Ивановского монастыря монахини Досифеи. Блаженная Досифея (1746–1810) – затворница Ивановского монастыря, в миру княжна Разумовская, законная дочь императрицы Елисаветы Петровны, насильно была пострижена в 1785 году. В житии ее сказано, что духовник ей был назначен по выбору митрополита Платона. И, очевидно, выбран им из лучших священников в Москве. Сам митрополит был другом отца ее и бывал у него в доме во дни молодости, будучи еще диаконом. Оба были любителями церковного пения и вместе певали. Митрополит сочувствовал невинной страдальнице и считал долгом являться к ней с поздравлением в праздничные дни. Когда же со смертью Екатерины II затвор узицы был ослаблен, в ее жизнь, возможно, очень скоро вошел старец Филарет Новоспасский. Как и когда это произошло – мы не знаем. Знаем только, что блаженная Досифея пожелала быть похороненной в Новоспасском

¹⁴⁷ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского... М., 1847. С. X.

¹⁴⁸ *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Август. С. 531. – *Примеч. ред.*

монастыре, чтобы старец видел ее могилу из окна своей келлии. Только общением с таким дивным подвижником и можно объяснить те высокие духовные дары, которыми обладала смиренная затворница. К ней потянулся народ за наставлениями и утешениями, которые она подавала через окно своей келлии.

Некто г-жа К. овдовела и была безутешной. Она хотела непременно быть принятой монахиней Досифеей, но та уже прекратила прием людей ввиду своей близкой кончины. Однако о. Филарет все же посоветовал г-же К. добиваться приема у затворницы. Она простояла у дверей ее келлии с утра до вечера. Наконец двери отворились, и горестная вдова получила желаемое утешение. Когда г-жа К. упомянула, что знает о. Филарета, она (затворница) поклонилась до земли и велела передать о. Филарету, что скоро и он поклонится ей. Это вскоре сбылось при погребении блаженной. Г-жа К. увидела о. Филарета в клобуке, кланяющимся останкам умершей. Но когда она тут же вошла в сени о. Филарета, то он сам открыл ей двери. Оказалось, что он не выходил наружу.

На погребении была вся московская сановная знать и родня по отцу почившей. Хоронил монахиню Досифею епископ Августин, так как митрополит Платон был болен.

Мы уже упоминали в житии старца Моисея, что он с братом Ионой¹⁴⁹ был у монахини Досифеи, которая приняла их у себя в келлии и направила к Новоспасским старцам Филарету и Александру, провидя в них своей прозорливостью будущих светильников Церкви. Юношам тогда было 20 и 14 лет. Она вела переписку с о. Моисеем.

Так было заложено духовное начало Оптиной Пустыни.

Как от одной свечки загорается другая, пока не загорится целое море света, подобно сему распространялось и разгоралось духовное

¹⁴⁹ Иона Путилов, в монашестве Исаия († 1858), впоследствии игумен Саровской пустыни, родной брат преподобных Оптинских старцев Моисея и Антония. – *Примеч. ред.*

влияние о. Филарета Новоспасского. Благодаря многим собранным им рукописям святоотеческой литературы возникла у его духовных чад Ивана Васильевича и Натальи Петровны Киреевских мысль об их издании в Оптиной Пустыни, что осуществилось благодаря содействию и помощи митрополита Филарета.

Между двумя соименными Филаретами существовала несомненная духовная связь. Когда Василий Дроздов был студентом, старец Филарет шагал уже к полувековому возрасту. Глубоко религиозный юноша не мог не знать того, кого почитала вся верующая Москва. Когда же наступила кончина старца Филарета (1842), его посетил сам митрополит Московский. Его приход вызвал слезы радости у умирающего подвижника. Обильными слезами проводил старца погребавший его митрополит. Он так плакал, что вызвал общий плач всех присутствующих.

Рядом с именем старца Филарета стоит имя о. Александра Арзамасского. Он был уроженцем Малороссии. Родился в 1758 году. Учился светским наукам в Киевской Духовной Академии и поступил пономарем в Московский Новоспасский монастырь. В 1793 г. настоятель монастыря взял его в качестве секретаря в Петербург. Здесь митрополит Гавриил, прозрев его высокое духовное устроение, постриг его в монашество и рукоположил во иеромонаха. Это был год выхода в свет «Добротолюбия». «Митрополит Гавриил, – говорит о. Александр, – сверх всех любимцев любил меня по духу». Отец Александр, еще будучи мирянином, был истинным подвижником и делателем молитвы Иисусовой. Он был в переписке с самим старцем Паисием и впоследствии с его учениками. Митрополит Гавриил предлагал ему архимандритство в Новгородской епархии, но о. Александр вернулся в свой монастырь, и когда настоятель получил епископство, он был назначен наместником Новоспасского монастыря. Но через год он по болезни уволился на покой и причислился к больничным иеромонахам. Он вел сосредоточенный, подвижнический образ жизни и пребывал в непрестанной молитве Иисусовой.

Отец Филарет (в схиме Феодор) и о. Александр в теплые летние вечера обходили стены монастыря, ведя между собой боговдохновенную беседу. Позже о. Александр был переведен в Арзамас, где он посвятил свое служение воспитанию молодежи духовного звания.

Мы здесь касаемся только жизни будущего митрополита Филарета в Москве, чтобы передать ту атмосферу, среди которой слагалась его духовная жизнь, а также его школьного товарища Иннокентия, будущего епископа Пензенского. Они оба в петербургский период их жизни были не только коллегами по педагогической деятельности, но были соединены единомыслием и дружбою. Отец Иннокентий был назначен настоятелем Сергиевой пустыни, преподавателем в Академии, а также духовным цензором.

Александровская эпоха была прообразом нынешнего экуменизма, когда было общим стремлением уравнивать все религии, чтобы создать некую общую ложно-христианскую религию. В начале XIX века был издан следующий указ: «Всякое творение (книга), в котором, под предлогом защиты или оправдания одной из церквей христианских, порицается другая, яко нарушающая союз любви всех христиан единым духом во Христе связующей, подвергается запрещению»¹⁵⁰. Следовательно, каралась защита Православия против еретиков. Некто Станевич осмелился нарушить это запрещение, выступив на защиту Православия¹⁵¹. Архимандрит Иннокентий, несмотря на совет митрополита Филарета, дал разрешение на выход в свет этой книги. Последовала высылка автора из столицы и опала цензора архимандрита Иннокентия. Он был выслан в Пензу епископом. Сломленное аскетическими подвигами, петербургским нездоровым климатом и душевными потрясениями слабое здоровье

¹⁵⁰ Цит. по: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 134. – *Примеч. ред.*

¹⁵¹ *Станевич Е.* Беседа над гробом младенца о бессмертии души, тогда только утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и церкви. СПб., 1818. У Концевича ошибочно указан Станкевич. – *Примеч. ред.*

епископа Иннокентия не выдержало, и ранняя смерть унесла этого земного ангела ¹⁵².

Еще ранее митрополит Филарет (тогда тоже архимандрит) говорил своему другу: «Мы, оба архимандрита, не можем изменить положение». Но архимандрит Иннокентий не признавал компромиссов. В первых годах XIX столетия оба друга – влиятельные столичные архимандриты, – как было сказано, спасли гонимых на Валааме старцев: отцов Феодора, Клеопу и Леонида. Им обоим, несомненно, было вполне ясно духовное значение гонимых.

Третье житие, проливающее свет на духовную сущность тогда еще весьма молодого ректора Духовной Академии о. Филарета, – это жизнеописание о. Макария (Глухарева), будущего знаменитого миссионера алтайского. В Академии он был под духовным влиянием своего ректора – человека волевого и блестящего лектора, которому он ежедневно исповедовал свои помыслы. Архимандрит Филарет, будучи чуждым господствовавшей в столице лжемистической литературы, запретил юноше Глухареву чтение духовно нездоровых книг и тем спас его от сетей сектантских обществ, царивших в столице. Он внушил своему ученику чтение «Добротолюбия».

Окончив курс наук, молодой Глухарев был послан в Екатеринослав наставником в семинарию. Здесь он встретился с епископом Иовом (Потемкиным), постриженником молдавских старцев, и через него сблизился с о. Каллиником и о. Ливерием, монахами из Молдавии. Под их влиянием он принял постриг и вошел в круг последователей старца Паисия. Отец Макарий известен как великий алтайский миссионер. На Алтае он пробыл около 15 лет и был вынужден из-за болезни вернуться в европейскую Россию. Здесь он был назначен настоятелем Болховского монастыря Орловской губернии. Будучи благодатным и прозорливым старцем, он целыми днями принимал народ, обо всех молясь, бедным помогая, печальных

¹⁵² Епископ Иннокентий (Смирнов) почил о Господе в 1819 г. – *Примеч. ред.*

утешая, больных исцеляя. Для этой цели он пользовался святой водой, освященным маслом, антидотом. Преставился 19 мая 1847 г. со словами: «Свет Христов просвещает всех». «Осуществленное Евангелие», – говорил о нем архиепископ Смарагд. «Макарий был истинный слуга Христа Бога», – писал о нем после его смерти в 1847 г. митрополит Филарет¹⁵³.

Важной проблемой того времени было печатание и распространение в народе слова Божия. В допетровской Руси духовное воспитание народных масс шло от скитов, пустынь, монастырей, густо покрывавших широкие просторы земли Русской. Но после того как все эти источники народного образования были пресечены, прошло более полутора веков. Простой народ оказался в крепостной зависимости, а столичные господа стали подражателями европейской культуры. Со стороны государственной власти не проявлялось и малейшей заботы о духовном просвещении народа¹⁵⁴. Православие, хотя и было господствующей религией, однако терпело немало унижений. Такое положение видели иностранцы, готовые вмешаться в народное просвещение с коварной целью: «в нескрываемом намерении привести Греко-Российскую Церковь к своеобразной “реформе”: к безразличному объединению со всеми другими исповеданиями и сектами»¹⁵⁵. Библейское общество было открыто в 1813 году. В следующем году была напечатана славянская Библия.

¹⁵³ Цит. по: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 169; а также: *Харламович К.* Новое об архим. Макарии Глухареве // Приб. к Церковным ведомостям. № 25.

¹⁵⁴ Относительно заботы правительства о народном просвещении митрополит Филарет выразил мысль, что это дело обоюдоострое. Он ссылается на Гизо, который писал, что в Голландии, где царила Библия, явился полезный результат, а в безбожной Франции получается обратное действие. «У нас, – дополняет митрополит, – запрещено издавать переводы житий святых, и с тех пор стали появляться сказки и глупые романы» (Из записок Преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского // Душеполезное чтение. 1905. Ч. 3. Кн. 9. С. 37). Ту же самую мысль высказывал в своих письмах и Оптинский старец о. Макарий.

¹⁵⁵ *Маевский В.* Новое Русское Слово. 1968. 8 декабря.

Одним из видных деятелей Библейского общества был А.Ф. Лабзин, открывший в Санкт-Петербурге ложу «Умиравший Сфинкс». Это был кружок розенкрейцеров. Вместе с изданиями Священного Писания они высылали свою собственную литературу. «Издательская деятельность Лабзина была, во всяком случае, согласована с работами Библейского общества, – и его издания распространялись обычно именно через налаженный аппарат Библейского общества... Это издание “мистических” книг видными членами Библейского общества ложилось роковой тенью и на самое библейское дело»¹⁵⁶. Князь Голицын был во главе главного Почтового департамента, где редкий чиновник не был масоном. Таким образом, было обеспечено распространение литературы Лабзина вместе со Священным Писанием, что впоследствии и послужило закрытию Библейского общества. Это общество почитало себя всеконфессиональным – все конфессии были представлены, как равно владеющие словом Божиим. Члены его участвовали в кружке Татариновой, где происходили хлыстовские радения. Они декламировали против церковности и читали Штиллинга, который писал о «тьме нелепостей и суеверий, называемых Греко-Католическим Восточным исповеданием»¹⁵⁷.

В 1816 г. был постановлен перевод Священного Писания на русский язык, «дабы предложить Святейшему Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются»¹⁵⁸.

Однако «Синод не принял на себя руководства библейским переводом и не взял за него ответственности на себя... Перевод был

¹⁵⁶ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 149. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁷ Там же. С. 150.

¹⁵⁸ Там же. С. 153.

отдан в ведение Комиссии духовных училищ, которой надлежало избрать надежных переводчиков...

Ведение перевода от Комиссии духовных училищ было поручено Филарету, тогда архимандриту и ректору Санкт-Петербургской Академии. Филарет сам взял на себя Евангелие от Иоанна. От Матфея переводил протоиерей Г.П. Павский, от Марка – архимандрит Поликарп (Гайтанников), тогда ректор Санкт-Петербургской семинарии, а вскоре и Московской Академии, и от Луки архимандрит Моисей (Антипов-Платонов), ректор Киевской семинарии, а потом и Академии... впоследствии Экзарх Грузии»¹⁵⁹. Евангелие было отпечатано в 1819 г. в числе 18 тысяч экземпляров. После этого началась работа над Пятикнижием Моисея, которое в отпечатанном виде при «обратном ходе» было сожжено на кирпичных заводах Александро-Невской Лавры.

«Обратный ход» – это выражение самого митрополита Филарета; оно обозначает то обратное движение, которое сменило увлечение Библейским обществом после того, как архимандрит Фотий раскрыл глаза императору Александру I на коварные цели этого общества. Князь Голицын был замещен другим министром – адмиралом Шишковым, который оказался ярким противником перевода Священного Писания на русский язык под предлогом, что якобы русский язык, господствовавший тогда по всей империи и уже успевший стать языком прекрасной нашей литературы, достигшей в это время своей высшей точки расцвета, является языком пошлым, непригодным для перевода на него Священного Писания. Шишков и его сторонники считали достаточным для мирян слышание Евангелия на церковных богослужениях, опасаясь, что в домашнем быту Священные книги могут подвергнуться неблагоговейному обращению, а также что при знакомстве с Евангелием могут возникнуть ереси. Такая точка зрения является чисто католической. Этим путем евангельская проповедь была исключена из домашнего быта русских людей, и это

¹⁵⁹ Там же. С. 154.

при наличии вредной для души западной литературы, наводнявшей беспрепятственно книжный рынок. Печатание житий святых было также запрещено. Но еще в XVIII веке св. Тихон Задонский находил необходимым распространение Священного Писания на общепонятном языке. И чем дальше, тем более в этом была нужда... В результате немудрено, что часть духовно одичавшего русского общества вылилась в атеистически настроенное поколение «шестидесятников». И выступила соответствующая светская литература в лице Чернышевского и подобных ему. Раздвоение в русском обществе мешало объединению всех сил страны, чтобы общим усилием стремиться к осуществлению духовных и государственных целей и заданий и в особенности в те моменты, когда в истории представлялись к этому благоприятные условия. Она же, эта двойственность, распатывала наши древние государственные устои.

Мудрость Филарета охватывала все значение распространения Священного Писания среди русского народа, тогда еще не отравленного ядом ложного просвещения, кроме высших его классов. И по этой причине он принял участие в работах Библейского общества, ибо ему казалось, что за библейское дело должны взяться церковные силы, *да не отыметя хлеб чадом* (Ср.: Мк. 7, 27). В обновляющую силу слова Божия он твердо верил. С библейским делом он неразрывно и самоотверженно связал свою жизнь и свое имя. Его библейский подвиг трудно оценить в должной мере. Для него лично он был связан с великими испытаниями и скорбями... «В каждой черте Слова Божия, – говорил он, – скрывается свет, в каждом звуке премудрость. Достоверность Священного Писания простирается далее пределов нашего разумения»¹⁶⁰.

Но прошло почти полвека, и только стареющему митрополиту Филарету удалось увидеть осуществление заветного желания всей своей жизни: выхода в свет Священного Писания на русском языке.

¹⁶⁰ Там же. С. 178.

Прп. Антоний (Медведев),
архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Это событие совершилось уже в царствование императора Александра II. Государь этот был с ним в переписке, и в его царствование митрополит пользовался всегда неизменным почетом. Митрополит Филарет редактировал по поручению Государя Манифест об освобождении крестьян.

В 1824 г., через три года после вступления митрополита Филарета на Московскую кафедру, произошло значительное событие в его жизни: ему представился иеромонах Антоний (Медведев), который в качестве богомольца объезжал святые места в России и прибыл для поклонения в Сергиеву Лавру. Беседа с о. Антонием

произвела на митрополита Филарета глубокое впечатление, и ровно через семь лет он вызвал его для того, чтобы назначить наместником Троице-Сергиевой Лавры. Архимандрит Антоний пробыл на этой должности 46 лет.

Митрополита и наместника связывала всю их жизнь совершенно исключительная духовная близость. Это объясняется тем, что оба они были истинными монахами в самом глубоком смысле этого слова и, кроме того, оба были последователями святоотеческого учения о внутреннем делании. В письме митрополита к наместнику мы читаем: «Суждениям старца Паисия и старца Серафима покоряюсь... Прекрасный совет о. Серафима не бранить за порок, а только показывать его срам и последствие. Молитвы старца да помогут нам научиться исполнением»¹⁶¹.

¹⁶¹ Филарет (Дроздов), митр. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1877. Т. 1. (Письмо № 95. 7 февраля 1834 г.).

«Как это нередко встречается в особенных натурах, – писал профессор П.С. Казанский в своем “Очерке жизни архимандрита Антония”, – в (митрополите) Филарете совмещались по-видимому несовместимые свойства. При глубоком критическом уме, он от детства до могилы сохранил детскую веру; при строгости и малодоступности к подчиненным, при величавости в официальных отношениях, был прост в домашней жизни и искренно смирен в мнении о себе; при сухости и холодности внешнего обращения, он имел любящее, доверчивое сердце. Тонкий политик в делах, он мало знал практическую жизнь и людей и жил в своего рода идеальном мире. В заветной черте, которою оградил он себя как начальник, была тропа, которою можно было дойти прямо до его сердца, – он был монах. В своей частной нравственно-религиозной жизни он охотно становился в ряды последних послушников; с благоговением внимал словам лиц, которых считал высокими в духовной жизни; счастьем считал их молитвенную память о нем; юродивые, блаженные находили у него свободный доступ. Образы древнего иночества постоянно носились пред его духовным взором, и сердце его стремилось к общению с этим миром патериков и древних житий... С этой стороны нашел близкий и скорый доступ к сердцу митрополита Филарета архимандрит Антоний, именно как к монаху... Порывами духа своего он (о. Антоний) и сам часто стремился сблизиться с этим миром избранных подвижников, идти их путем к Царствию Небесному... Внимательно следил он за особыми опытами духовной жизни и проявлениями благодати Божией в Сергиевой Лавре и делился своими наблюдениями с митрополитом Филаретом, сочувствовавшим глубоко всем таким явлениям»¹⁶².

Для ищущих пустыни и безмолвия о. Антоний устроил в трех верстах от Лавры Гефсиманский скит. Одна за другой возникали

¹⁶² Казанский П.С. Очерк жизни архимандрита Антония, наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. С 25–27. У Концевича автором ошибочно указан Казанцев. – *Примеч. ред.*

уединенные келлии в лесу, и в них совершались подвиги поста, молитвы, молчания...

Обмен мыслей о близком для их сердца предмете, постоянные их сношения так сблизили святителя Филарета с о. Антонием, что, помимо дружбы, он избрал его своим духовником. В переписке между ними, изданной в двух томах (М., 1878–1885)¹⁶³, всюду явствует со стороны митрополита выражение глубокого уважения и смирения по отношению к подчиненному ему лицу. «Благодарю, что утешаете меня, – пишет он 27 июня 1835 г., – но больше учите...»¹⁶⁴; «Благодарю за искренние слова, я нуждаюсь в поучении...» (4 августа 1842 г.); «Скажите, как поступить в этом случае...»; «Поспешите сказать мне ваши мысли...»; «Тя рекох друга давно в расположении сердца моего, – писал святитель к о. Антонию, – когда же Провидение Божие устроило, что ты нарекох и отца в таинстве, то уже твоей душе остается рещи, до какой степени она не чуждается уничиженной души моей».

Из этой переписки видно, что ни одно важное решение как в деле управления епархией, или в государственных делах ему порученных, или касавшихся его личной жизни, не было предпринято и не обходилось без обсуждения с о. Антонием.

Вот случай из жизни митрополита, характеризующий взаимные отношения между ним и наместником Лавры. Вопреки мнению большинства, митрополит Филарет следует совету своего духовника, как дорого ему это ни стоит.

Готовилось освящение триумфальных ворот в Москве. На них были изображения языческих богов, и митрополит Филарет отказался их освящать. Царь решил приехать в Москву на торжество. Флигель-адъютант отправился к митрополиту передать желание

¹⁶³ Неточность, имеется в виду изд.: *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию: Т. 1–4. М., 1877–1881. – *Примеч. ред.*

¹⁶⁴ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1877. Т. 1. С. 165. – *Примеч. ред.*

Государя видеть его лично на торжестве. Выслушав сообщение, митрополит произнес только одно слово:

– Слышу.

Посланец повторил свое сообщение. Ничего в ответ не последовало, кроме того же слова:

– Слышу.

На вопрос, что же передать Государю, пришедший в полное недоумение посланец получил ответ:

– А что слышите.

Когда посланец, доложив о своем недоумении, передал точно сказанное митрополитом Государю, тот сказал:

– А, так я понимаю. Приготовьте лошадей: я сегодня уезжаю.

Государь уехал. Но вот что по сему поводу как тайну сообщил епископу Леониду (Краснопевкову) наместник Лавры о. Антоний.

«Когда владыке (Филарету) объявлено было, чтобы святил ворота (триумфальные со статуями языческими), владыка приехал в Лавру и передал мне (о. наместнику), что он в борьбе помыслов. Ему говорит совесть: не святи, а все говорят: святи!

– Ты что скажешь?

– Не святить.

– Будет скорбь.

– Потерпите.

Возвратился владыка из Москвы в Лавру крайне смущенный.

– Вот какая скорбь пришла!

– Это и прежде видно было.

– Да уж хорошо ли я поступил: раздражил Государя. Я не имею достоинств св. Митрофана.

– Да и не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно: разойтись с волею Иисуса Христа.

До глубокой ночи толковали; но владыка остался в смущении. Поутру рано присылает за мной. Я испугался, ибо знал, что смуще-

ние уже перешло в телесную болезнь. Однако прихожу и невольно улыбнулся, взглянув на владыку.

– Что ты?

– Да виден орел по полету.

Владыка, уже сияющий, сказал мне:

– Пойдем, поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чуток, проснулся, привстал: дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась, и вошел Преподобный, старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили и, наклонясь к кровати, сказал мне: *“Не смущайся, все пройдет”* ... И скрылся.

– Спасибо, – сказал мне владыка, – ты один говорил мне против всех.

И оправдались слова Преподобного! (Слышал от о. наместника 16 августа 1853 г. в Скиту за всенощной в алтаре)»¹⁶⁵.

Еще за два месяца до назначения строителя Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонаха Антония наместником Сергиевой Лавры, когда жив был прежний наместник архимандрит Афанасий и не было речи о его замещении, о. Серафим предсказал это назначение. Рассказ об этом предсказании записан самим о. Антонием.

«В январе 1831 г. о. Антоний отправился к о. Серафиму в Саров для совета по случаю сильно смущавших его неотвязчивых мыслей о смерти.

Приехавши в Саров вечером и никуда не заходя, Антоний пошел прямо к келлии старца Серафима. Не доходя до нее, он встретил некоторых из братии Саровской пустыни, которые сказали ему, что о. Серафим в монастырь не возвратился еще из своей пустыни. Было уже около пяти часов вечера, и темно. Приехавший остановил-

¹⁶⁵ Из записок Преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского // Душеполезное чтение. 1905. Ч. 3. Кн. 9. С. 35–36.

ся в раздумье: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоящая с ним братия, завидев издали грядущего старца, повестила: вот о. Серафим идет. Старец шел в обыкновенной своей одежде с мешком за плечами, опираясь на топор. Отец Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

– Что ты? – спросил его старец.

– К вам, Батюшка, со скорбною душою, – отвечал Антоний.

– Пойдем, радость моя, в келлию, – приветливо сказал старец.

В келлии наедине Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно: совершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы? Не приближается ли в самом деле смерть его?

– Сижу ли я в келлии, – говорил Антоний, – выйду ли на монастырь, мне представляется, что последний раз вижу обитель. Из сего я заключаю, что скоро умру, и потому указал уже и место могилы для себя. Желаю знать о смерти единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию.

– Извещение о смерти, – прибавил Антоний, – не будет страшно для меня.

Отец Серафим слушал рассказ, не изменяя положения и держа за руку о. Антония. Когда же сей окончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал:

– Не так ты думаешь, радость моя, не так: Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру.

Отцу Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей, поэтому, прерывая речь его, сказал:

– Батюшка! Это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов; я умоляю вас, скажите мне прямо: мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением.

Отец Серафим с ангельскою улыбкою отвечал:

– Неверны твои мысли, я говорю тебе, что Промысл Божий вверяет тебе лавру обширную.

Строитель же сказал на это:

– Где же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит.

К большому удивлению Антония, старец Серафим, не перемня своих мыслей, стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, кто придет в лавру или кого он пришлет. Оставаясь в прежнем впечатлении, Антоний продолжал:

– Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно; да на деле сего не может быть.

Отец Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал:

– Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время.

Не выдержал строитель Антоний и в порыве беспредельной любви и уважения к старцу бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове “сирот”: ему казалось что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал:

– Поминай моих родителей Исидора и Агафию.

Затем стал советовать покоряться во всем воле Господней, быть прилежну к молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии... и вообще ко всем быть милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность, говорил он, есть красота добродетелей. Потом о. Серафим несколько раз обнял строителя, благословил висевшим на груди его крестом и сказал:

– Теперь гряди во имя Господне. Время уже тебе: тебя ждут.

Во время возвратного пути Антоний слышит, что едущий с ним монах начал плакать. О чем он плачет, спросил Антоний. Инок от-

вечал, что в Сарове он встретил о. Серафима, возвращающегося из пустыни в монастырскую свою келлию, который сказал ему:

– Ну вот и вам предстоит разлука с вашим строителем.

Между тем время шло: прошел январь, февраль, наступил март и Великий пост. На второй день сего месяца, в понедельник первой недели поста, отправив чреду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель стал на свое место. Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. Отец Антоний пошел в свою келлию. При письме, приглашающем Антония в наместники Сергиевой Лавры, приложен был конверт к Нижегородскому Преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении о. Антония от должности строителя Высокогорской пустыни и отправлении его в Москву.

По получении письма митрополита Филарета о. Антоний немедленно отправился в Нижний и, представив Преосвященному Афанасию отношение митрополита Московского, 4-го числа получил увольнение от должности настоятеля Высокогорской пустыни; 5-го и 6-го сдал монастырь казначею; 7-го, в субботу первой недели, совершил Литургию и, причастив Святых Таин братию, простился с нею и, проехав в Арзамас, простился со знакомыми; 10-го числа прибыл в Москву и остановился в Симоновом монастыре и в тот же день явился к митрополиту. В домовой церкви митрополита приведен был к присяге на служение в должности наместника; 15-го посвящен в сан архимандрита Вифанского монастыря; 19 числа, в четверг, во время часов, приехал в Лавру и прямо вошел в алтарь без всякой встречи, одетый по-пустынному в манатейную рясу, с которою не скоро расстался и на новом месте служения»¹⁶⁶.

Кем же был новоприбывший в Лавру ее новый наместник? Архимандрит Антоний, в миру Андрей Гаврилович Медведев, был сыном крестьянина Нижегородской губернии. Родился в 1792 году.

¹⁶⁶ См.: *Казанский П.С.* Очерк жизни архимандрита Антония, наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. С. 19–21.

В молодости был аптекарским учеником и певчим, а в 1812 г. получил право на врачебную практику. Был принят в Саровский монастырь в 1818 году. В 1820 г. перешел в Высокогорскую пустынь. Пострижен в монашество в 1822 г. и рукоположен во иеромонаха. Путешествовал по святым местам и в 1826 г. назначен строителем означенной пустыни. Привел таковую в благоустройство. В 1831 г. назначен митрополитом Филаретом в наместники Троице-Сергиевой Лавры, где пробыл 46 лет и привел Лавру в цветущее состояние: расширил здания, украсил церкви, устроил гостиницы и больницы, дом призрения, училище для детей, иконописную мастерскую; поднял уровень монашеской жизни, много издал аскетических и духовно-нравственных книг. Скончался в 1877 году¹⁶⁷.

В бытность свою в Сарове о. Антоний был почитателем преподобного Серафима и посещал его. В Дивеевской Летописи рассказывается случай, когда в келью преподобного Серафима одновременно вошли строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и владимирский купец.

Отца Антония о. Серафим попросил сесть обождать, а с купцом начал разговаривать.

– Все твои недостатки и скорби, – сказал он, – суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои.

И затем кротко и ласково начал обличать его в пороках, но с такой теплотой сердца, что оба его слушателя заливались слезами. В заключение велел купцу отговориться в Сарове, обнадеживая его, что в случае искреннего покаяния Господь не отнимет от него Своей благодати и милости. Купец с умилением поклонился ему в ноги, обещая исполнить все его советы, и в слезах, но с облегченной душой вышел от него.

Удивленный прозорливостью старца, о. Антоний сказал потом:

– Батюшка! Душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале в моих глазах: не выслушав духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы ему все высказали.

¹⁶⁷ См.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900. Т. 1. С. 906.

Отец Серафим не сказал ни слова. Строитель продолжал:

– Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничего не сокрыто в сердце ближнего.

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

– Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог – сердцеведец; а *человек приступит, и сердце глубоко* (Пс. 63, 7).

За сим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что он приблизил к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог вещает тайны сердца человеческого; а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня – велико».

Строитель опять спросил:

– Да как же, Батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию. Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий: что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе; а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решив умом: в таких случаях всегда делаются ошибки ¹⁶⁸.

Епископ Леонид (Краснопевков), викарий, записал в 1849 г. замечательный рассказ, слышанный о. Феодором от наместника и ему переданный. Отец Антоний рассказывает, что, когда постригся

¹⁶⁸ См.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 370–371. – *Примеч. ред.*

он в монахи, было у него пламенное желание того жития, образец которого встречал он в книгах отеческих, им прочитанных: ему хотелось, по примеру древних, начать с того, чтобы волю свою бросить в горн послушания, совершенно отречься от себя и предать волю свою в волю избранного старца. С этой мыслию пошел он к о. Серафиму (это было в Сарове). Выслушав его, о. Серафим взял его за руку и вложил в руку старца, который случился в его келлии. «Я так и обмер», – говорит о. наместник, потому что, как нарочно, судьба свела его в келлии о. Серафима в такую важную минуту с человеком, слабости которого были ему известны и которого особенно не хотелось бы ему иметь своим наставником, что было бы делом неизбежным, если бы так решил о. Серафим, ибо о. Антоний решил во всем повиноваться его воле. «Если бы знал о. Серафим, – был помысл Антония, – что этот, впрочем, добрый старец так часто приглашает меня к себе, чтобы только полакомиться со мною, между тем как я, оставив в мире и то, что было гораздо поважнее, так мало имел расположения ввязываться в эти пустяки; или если бы о. Серафим заметил теперь, как одобряет он движение о. Серафима соединить меня с ним, конечно, узами послушания». Все эти мысли толпились в голове о. Антония, возмутили его. Но скоро дело выяснилось. Отец Серафим сказал старцу: «Возьми ты этого молодого брата, введи его в церковь, поставь перед местным образом Спасителя, вели сделать три земных поклона и скажи: “Вот тебе наставник и покровитель; все, что Он скажет тебе, делай и спасешься”. Так и к местному образу Божией Матери и скажи: “Вот тебе наставница и покровительница – иных тебе не нужно”». После этого распоряжения он сделал о. Антонию как бы пояснение следующего содержания: «Ты хорошую взял мысль всецело подчинить свою волю воле другого, но посмотри, чего ты хочешь: хочешь ты, чтобы тебя, как свечу, поставили в светлый, крепкий фонарь, где ты безопасен от ветра, и несли тебя бережно; или хочешь ты, чтобы через реку перевез тебя надежный челн?.. Сам умей

укрыватья от ветра, чтобы не потух пламень; сам борись с волнами, чтобы перебраться за реку». И указал только, кого можно выбрать в советники.

Духовное общение с преподобным Серафимом, «любезнейшим его сердцу», не прерывалось о. Антонием до самого конца. Однажды, идучи по лаврскому сосновому лесу, о. Антоний нашел плоский и гладкий камень, наподобие аспидной дощечки, и велел написать на нем явление Божией Матери преподобному Сергию, освятил этот образ на мощах угодника Божия и послал в благословение о. Серафиму. Подвижник за неделю до смерти вручил его одному из монахов с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу: он прислан мне честным архимандритом Антонием, наместником святой Лавры, от мощей преподобного Сергия». Завещание старца было исполнено.

Отец Антоний, который духом и жизнью подражал древним подвижникам и всегда носил в сердце слова преподобного Серафима: «Будьте милостивы, к милости прибегайте и в словах, и в делах, и в помышлениях, ибо милость есть жизнь души», – неоднократно был сподоблен благодатных явлений: причащая братию, он увидел, как два старца-инока, со страхом приступившие к Чаше со Св. Тайнами, причастились из нее небесного огня. Умирая в 85 лет и лежа в тяжком недуге, о. Антоний увидел наяву своего покойного друга митрополита Филарета:

– Тяжко тебе? – спросил он его.

– Да, владыка святой.

– Читай пять раз «Христос Воскресе» и один раз «Отче наш», – сказал иерарх и стал невидим. Отец Антоний почил 12 мая 1877 г. Посмертным явлением о. Антоний исцелил одну монахиню, жестоко страдавшую судорожными припадками. Это засвидетельствовано священником, начальницей обители и доктором, и было напечатано в «Нижегородских епархиальных ведомостях» (1888. №16).

В 1833 г. преставился преподобный Серафим, и стало вскоре сбываться его пророчество о Дивееве. Его ложный ученик о. Иоасаф вмешался в жизнь обители и стал отменять заповеди Преподобного, данные ему Самой Царицей Небесной. Обитель стала принимать другой характер. Он отстранил «Серафимовых сирот» и возвысил группу своих последовательниц. Н.А. Мотовилов, которому преподобным Серафимом было поручено попечение о сестрах, поехал в Москву и обратился к наместнику Лавры, которому, в свою очередь, было поручено заступление за «сирот». Вследствие этого между наместником и митрополитом последовал ряд писем, посвященных этому делу. Митрополит откликнулся самым горячим образом. Он помогал «сиротам» из своих средств. Дело тянулось годами. Но митрополит в конце настоял, чтобы иоасафовские сестры были удалены. Они основали собственный Понетаевский монастырь. Дивеевская обитель была отчислена в Тамбовскую епархию, где тогда епископом был Феофан, будущий затворник Вышенский. Игуменьей Дивеевской стала Елисавета, родом Ушакова, согласно предсказанию Преподобного, в монашестве игуменья Мария. В Дивееве спасалось единовременно до 1000 монахинь. Игуменья Мария дожила до прославления Преподобного.

Другой заботой митрополита было издание житий отцов Марка, Серафима и Георгия Затворника, а также отдельное издание наставлений старца Серафима Саровского. Митрополиту пришлось пройти через бесконечный ряд препятствий, чинимых синодальными архиереями. Их пугал присущий этим писаниям элемент чудес.

Как известно, чисто православной богословской науки во времена митрополита Филарета не существовало. Недавно возникшие академии пользовались иностранными, иноверными учебниками. Чистое восточное православное учение хранилось главным образом в незатронутых ученостью недрах народных, разумеется среди монашествующих, и прежде всего – среди обителей, куда успели проникнуть ученики старца Паисия и занести учение святых от-

цов о внутреннем делании. Поэтому совершенно неудивительно, что среди образованных архиереев господствовал протестантский образ мышления.

По поводу этого дела тоже возникла переписка между митрополитом и наместником. Пишет митрополит от 28 июля 1838 г. за № 199: «А я хотя через порог посмотрел в безмолвие, прочитав житие о. Серафима, и, как вам хотелось, поправил несколько слов, где они казались поставленными не очень правильно. Если думать о напечатании, то затруднение представляют некоторые сказания о видениях. Цензура едва ли согласится пропустить в свет чудесное в жизнеописании без высшего свидетельства церковного. Но исключить из жизнеописания сказания сего рода, мне кажется, было бы похоже на святотатство. Если хотите, поговорите с цензурой...»¹⁶⁹

От 2 августа 1838 г. митрополит пишет: «Посылаю вам, о. наместник, просмотренные мною поучения, или духовные наставления о. Серафима. Я позволил себе переменить или дополнить некоторые выражения, частию, чтобы язык был правильнее, частию, чтобы мысли, не довольно полно или не довольно обыкновенно выраженные, оградить от неправильного разумения или от прекословия. Посмотрите и скажите мне: можно ли подумать, что я не переименовал или не повредил где-либо мыслей старца...»¹⁷⁰ От 11 августа 1838 г. он пишет: «*Духовные наставления* лучше цензуровать отдельно, чтобы в случае затруднения для жития не затруднить и им дорогу...»¹⁷¹. От 20 ноября 1838 г. он пишет: «Сказание об онемевшем диаконе едва ли не останется в архиве. Я опасался быть неуступчивым в части, чтобы не испортить целого дела»¹⁷². От 31 декабря 1839 г.: «Дело о

¹⁶⁹ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1877. Т. 1. С. 289. – *Примеч. ред.*

¹⁷⁰ Там же. Т. 1. С. 291. – *Примеч. ред.*

¹⁷¹ Там же. Т. 1. С. 292. – *Примеч. ред.*

¹⁷² Там же. Т. 1. С. 301. – *Примеч. ред.*

житии о. Серафима и затворника Георгия молчит. Я не напоминаю о сем в ожидании Преосвященного Киевского, которого мнение благоприятно сему делу»¹⁷³. Наконец, в письме от 6 декабря 1840 г. митрополит жалуется: «Владыка Новгородский опять восстал со своими недоумениями о чудесных событиях». Также восстал митрополит Иона. «Видно, согрешил Саровский игумен, написав к митрополиту Ионе свои несветлые мысли»¹⁷⁴. Однако, по милости Божией и благодаря настойчивости митрополита Филарета, эти драгоценные документы, наконец, увидели свет¹⁷⁵.

Митрополиту Филарету также принадлежала другая великая заслуга: его «усердным старанием» дважды было переиздано в 1822 г. и в 1832 г. «Добротолюбие»¹⁷⁶, впервые напечатанное в 1793 г. митрополитом Гавриилом. Это «усердное старание» Филарета является неоспоримым доказательством его приверженности с ранних пор к святоотеческому учению о внутреннем делании.

Кроме попечения о Серафимовом наследии, митрополит Филарет не меньше усердия вкладывал в покровительство Оптиной Пустыни. Мы уже говорили, что Оптиному старцу Льву угрожала ссылка в Соловки за его подвиг старчества, причем Скиту грозило закрытие. По этому случаю митрополит Филарет написал Калужскому архиерею, что о. Лев отнюдь не является еретиком. С другой стороны, митрополит Киевский Филарет в бытность свою в Оптиной Пустыни оказал старцу Льву знаки глубокого уважения в присутствии враждебно настроенного епископа и тем заставил его

¹⁷³ Там же. Т. 1. С. 339. – *Примеч. ред.*

¹⁷⁴ Там же. Т. 1. С. 383. – *Примеч. ред.*

¹⁷⁵ Имеются в виду: «Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка» (М., 1839), в котором помещены «Духовные наставления старца Серафима», и «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника» (М., 1841). – *Примеч. ред.*

¹⁷⁶ См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского... М., 1847. С. II.

смириться, так что старчество в Оптиной не было нарушено. Известно, что митрополит Филарет Московский имел личную встречу со старцем Львом в бытность его в Москве. Отец Лев остановился в Симоновом монастыре, где настоятелем был о. Мельхиседек, бывший казначей Белобережской пустыни, из-за интриг которого о. Лев уступил ему настоятельскую должность. Архимандрит Мельхиседек повез о. Льва, чтобы его представить митрополиту. Владыка охотно принял о. Льва, а о. Мельхиседеку сказал, что он ему не нужен и может, если понадобится, прийти в другой раз. Кроме о. Льва, расположением митрополита пользовался о. Макарий, который по его приглашению приезжал в Москву. С ним митрополит имел постоянные сношения во время печатания святоотеческой литературы. Но особой любовью митрополита пользовался о. Антоний Малоярославецкий, брат игумена Моисея – поистине святой старец. Отношения с Оптиной Пустынью поддерживались также через о. наместника Троицкой Лавры о. Антония. О посещении им Оптиной Пустыни в первой половине XIX века сохранилась запись в оптинском дневнике.

«21 октября. Пяток. Пополудни, в восемь часов вечера, неожиданно прибыл в монастырь наш о. наместник Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит и кавалер Антоний с Малоярославским о. игуменом Антонием¹⁷⁷.

22 октября. Храмовой праздник явления иконы Богоматери Казанской. Божественную службу совершал о. игумен Моисей соборне. Высокие гости – о. архимандрит Антоний с о. игуменом Антонием – утром посетили все монастырские службы: братскую трапезу, хлебопекарню, рухольную и пр.; потом слушали позднюю Литургию.

¹⁷⁷ Не из числа обыкновенных смертных были эти оба посетителя – наместник Лавры архимандрит Антоний и Малоярославский игумен Антоний. Первый был близок к преподобному Серафиму и к великому митрополиту Московскому Филарету; второй – родной брат великого Оптинского игумена (впоследствии архимандрита) Моисея и Саровского игумена Исаии, отличался великим подвигом личной духовной жизни. Оба были яркими представителями духовной силы истинного монашества первой половины XIX века. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

Трапезовали обще с братией. Отец архимандрит Антоний, по смирению своему, не согласился в трапезе сесть на приготовленном стуле возле настоятеля, но сидел вместе с братиею, почитая себя странником и ничтоже глаголаше.

Пополудни, в три часа, о. наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит, посетили скитона начальника о. Макария, церковь и прочие в Скиту места.

23 октября. Воскресенье. Отец наместник с о. игуменом Антонием паки отправились в Скит к обедне в семь часов утра и до одиннадцати часов время проводили в духовной беседе со скитона начальником – старцем о. Макарием. Оттуда все трое прибыли в обитель к настоятелю, о. игумену Моисею, и трапезовали четверо. Отец наместник при трапезе, казалось, более насыщал – питал своею любвеобильною, смиренномудрою беседою души слушающих, нежели пища – тело: так он сладкоглаголив, что, слушая его, не почувствуешь усталости и в целые сутки.

Пополудни, в три часа, паки о. наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит; отправили панихиду в скитской церкви по иеросхимонаху Иоанну и прочим почившим старцам, записанным о. наместником, и вновь продолжали беседу с о. скитона начальником, о. Макарием, о душевной пользе. Вечером же в настоятельских келлиях продолжали духовную беседу до 12 часов ночи.

24 октября. Понедельник. Отец наместник и старцы были у ранней Литургии, после которой назначен отъезд из обители. Беседуя в последний раз в настоятельских келлиях, о. наместник сказал:

– Время, старцы Божии, расстаться нам!

Трогательны были минуты прощания их. Отец наместник прочитал молитвы с отпуском на путешествие; все четверо поверглись смиренно друг другу в ноги, плакали и просили взаимных молитв друг о друге.

До монастырского парома шли все пеши. На берегу, прощившись со старцем о. Макарием, убедили его не входить в

паром, опасаясь для него простуды, ибо он, забыв свою недавнюю болезнь и старость, провожал легко одетый. Когда паром двинулся от берега, отец наместник сказал с поклонением старцу о. Макарию, стоявшему на берегу:

– Простите, батюшка о. Макарий, перекрестите нас!

Батюшка, в свою очередь, поклонился и, смиренно повинувшись, осенил знамением крестным плывших на пароме и сказал:

– Не пойду, пока не увижу благополучной переправы вашей.

Когда же паром пристал к другому берегу, старец о. Макарий сказал:

– Теперь радуюсь, видя благополучно достигших берега. Благословите же и меня, отец архимандрит!

Оптина Пустынь.
Переправа через р. Жиздру

Повинуясь Старцу, и отец наместник сделал на Старца знамение креста и умиленно сказал:

– Буди с вами благословение Божие. Простите, Батюшка, и помолитесь.

И оба они на разных берегах низко поклонились друг другу.

Отец игумен Моисей провожал отца наместника с о. игуменом Антонием до сельца Кожемякина, за 20 верст от обители, где посетили помещика Николая Ивановича Хлюстина, который нарочито приезжал в нашу обитель и убедительно просил заехать к нему в дом. Там расстались и с о. игуменом Моисеем, который возвратился в монастырь в девятом часу вечера; а отец наместник с о. игуменом Антонием отправились до Перемышля на обительских лошадях; из Перемышля же того же вечера, в восемь часов, отправились в Калугу, поспешая из опасения осенней ненастной погоды.

Посещение достоуважаемого о. архимандрита Антония, изъясненное им архипастьерское благословение Высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского, и доставленные неоценимые дары на благословение монастырю и Скиту пребудут неизгладимо в памяти. Трогательно видеть обращение между собою таких, соединенных духовным союзом любви о Христе, мужей; еще более назидательно и утешительно было слышать духовную их друг с другом беседу.

Вот как о сем посещении выразился батюшка, старец наш о. Макарий, в письме от 25 октября к знакомым: “Все эти дни были мы в приятных хлопотах: в пятницу вечером, т. е. 21-го числа, утешили нас своим посещением почтенно-любезные гости – лаврский наместник о. архимандрит Антоний с Малоярославским игуменом о. Антонием. Ласковому, приятному его обращению с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоящим, надо было удивляться. Кажется, он любвию дышал, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово его любвеобильной беседы запечатлевалось в сердцах наших, а описать оные тупое мое перо с таким же умом не имеет

способности. Наградил Скит наш святынею и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие Скита нашего – ложечки и точеные штучки – надо было удивляться! И хотел представить оные митрополиту. Ну, словом, оставил память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его, Господи!»¹⁷⁸.

В жизни Оптиной важной страницей в истории ее является работа Скита по изданию святоотеческих творений. Участие в этом деле митрополита Московского имело решающее значение. Без этого участия оно оказалось бы невысказано. Филарет даже лично работал над переводами, и Киреевский к нему обращался в случаях недоумений. Протоиерей Ф.А. Голубинский, профессор Академии, был цензором, и благодаря этому печатание совершалось без вмешательства со стороны Святейшего Синода и могло безболезненно осуществиться. Это издательство в жизни Церкви имело беспрецедентное значение.

Мы видим из всего вышеизложенного, что век митрополита Филарета был веком, когда лучшие церковные силы пытались, вопреки светскому модернизму и европеизму, вернуть сердца русских людей к прежней Святой Руси, к «стяжанию Духа Святаго», по выражению преподобного Серафима. Центральным лицом в этом деле был Московский митрополит Филарет, покровитель Серафимова наследия и Оптиной Пустыни. В его время и его век возрос и созрел другой великий пророк и деятель на ниве Христовой – о. Иоанн Кронштадтский – истинный сосуд Духа Святаго, преисполненный благодати Божией, также бывший последователем святоотеческого учения о внутреннем делании. «Хотя о. Иоанн священствовал в миру и не имел монашеского пострижения, но внутренняя жизнь его была вся в монашеском подвиге, согласно святоотеческой традиции. Он

¹⁷⁸ *Нилус С.А.* Святыня под спудом. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. С. 39–41.

постоянно говорит о внутреннем духовном делании, о “невидимой брани” – не только против страстей, но и против *духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12), говорит об умно-сердечной молитве и силе и действенности имени Иисусова»¹⁷⁹.

Как уже было ранее сказано, внутренняя духовная жизнь митрополита Филарета была глубоко сокрыта от его современников; дверь его спальни запиралась на замок, так что никто не знал, когда он ложился или вставал, как провел ночь. Тем не менее *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14), так и святость митрополита Филарета открылась в его исцелениях, пророчествованиях, откровениях, ему бывших, и также из бывших ему явлений из потустороннего мира. В письмах к наместнику он неоднократно упоминает об откровениях «в сонном бдении». В письме от 1 апреля 1838 г. он пишет: «Молитва без любви не бывает услышана, сказал некто во сне наяву». В письме от 30 декабря 1836 г. он пишет: «В прошедшем ноябре, около дня Михаила Архангела, сказано кем-то кому-то во сне: земля празднует их дни, и они горькую обязанность имеют быть на земле. Потому надобно с ними соединяться. Они просят наших молитв и говорят: мы принесем ваши молитвы, уже очищенные нашим посредством перед Престолом Всевышнего. Предстательство святых есть звено, соединяющее слабое существо земных с небом... О, если бы и все со вниманием, а не по памяти только именовали дневного святого»¹⁸⁰. В письме от 25 февраля 1843 г. на вопрос своего духовника – наместника, знавшего о том, что многие тайны духовного

¹⁷⁹ Концевич И.М. Отец Иоанн Кронштадтский и духовный кризис России: 50-летие преставления приснопамятного Иоанна Кронштадтского. Нью-Йорк, 1958. С. 95.

¹⁸⁰ Филарет (Дроздов), митр. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1877. Т. 1. С. 223–224. В сохранившейся после митрополита Филарета памятной книжке под 11 ноября 1836 г. записано: «1836. По случаю не довольного внимания к празднику Михаила Архангела сказано во сне». Далее следуют переписанные в сем письме слова.

мира ему открыты, митрополит Филарет отвечает: «Не умею я говорить не только о светлом небесном, но и о темном, о чем Вы спрашиваете. Что-нибудь скажу, а Вы рассуждайте. Что степени духов тьмы различны, в том нет сомнения. Приметно, что между ними есть низшие роды, подобные тому, что между людьми мало-смысленные и дикие, или как будто скот духовного мира. Входя в соприкосновение с здешним миром, они делают ребячества и глупости, но едва ли можно сказать, что вреда не сделают... но какой вред могло бы сделать другому подобное привидение, трудно определить. Посему искушаемому не то должно говорить, что совсем не могут сделать вреда, но что Бог не попустит... повредить верующему, призывающему имя Божие и крестом ограждающемуся. Для ободрения можно присовокупить, что по признакам действий видно уже хранение Божие в том, что попущено не сильным врагам нападать, а незначачим». Далее говорится о том, что человек должен испытывать себя, не удерживает ли он в совести «страстного помысла, или чего темного в совести, что открывает дорогу и доступ обитателям тьмы», а также «волнение и раздражение нервов усиливает способность принимать впечатление темного невидимого»¹⁸¹. В письме от 28 октября 1846 г. сказано: «...Апостол говорит о духах злобы поднебесных и что духам свойственно быть в аде, то не придется ли заключить, что наш бедный мир, с одной стороны, по дару творения и благодати искупления пронизываемый благодатною светлою атмосферою неба, а с другой – по бедственному греховному повреждению не совсем заперт для расширившейся в нем темной атмосферы ада? Души, облагодатствованные и совершившиеся, исходя от тела, отражают сию атмосферу вселившимся в них благодатным светом и, не ощущая ее, идут на небо; к душам, менее очищенным, менее сильным в свете, она приражается – и вот мытарства... Слава Божией Матери есть боголепная и беспримерная, и с сим сообразно

¹⁸¹ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. М., 1878. Т. 2. С. 70–71. – *Примеч. ред.*

будет представить, что, когда слава сия открылась в духовном мире, преизобильный свет Ее не только прошел до пределов чистого духовного мира, но, может быть, молнией проторгся и в некую часть... атмосферы темной»¹⁸².

Как нами выше упомянуто, митрополит, особенно в последние годы своей жизни, обрел дар пророческого предвидения. «Однажды, – говорит епископ Леонид (Краснопевков), – я сказал митрополиту Филарету (1865), что было бы желательно закрепить письменно его взгляды, касающиеся до расхождения со старообрядцами. Филарет ответил:

– Для чего?

– Для будущего, – был мой ответ.

Митрополит отвечал горячо и волнуясь, что он чувствует, что будущее покрыто темным облаком и что, когда буря разразится, люди, потрясенные громовыми ударами, забудут обо всем, что было до этой бури»¹⁸³.

Тот же епископ Леонид пишет: «Муравьев говорил, что печален взгляд владыки на будущее, и передал его подлинными словами: “Когда я смотрю на малолетних детей, я не могу остаться равнодушным от мысли, что они должны будут, бедные, вытерпеть в сию пору”. И при этих словах заплакал»¹⁸⁴.

«За два месяца до его смерти, он сказал наместнику Лавры, что он стал видеть свое собственное прошлое яснее, чем раньше. Архимандрит ему сказал:

– А будущее тоже?

– Будущее тоже, – ответил митрополит.

– Что видите в будущем?

– Ужасную бурю, которая к нам идет с Запада»¹⁸⁵.

¹⁸² Там же. С. 273–274. – *Примеч. ред.*

¹⁸³ Ср.: Русский Архив. 1901. Кн. 8. С. 523.

¹⁸⁴ Душеполезное чтение. 1906. Ч. 1. Кн. 4.

¹⁸⁵ *Arsenief N.S. La Sainte Moscou. Paris, 1948.*

Другое пророчество, подобное сему, встречается в словах старца Оптинского Амвросия: «Не хлопочи о ризе; я передумал, решил, что лучше теперь не делать ризу на Калужскую икону Божией Матери. Первое – у нас денег мало... Второе – вспомнил я слова покойного митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, потому что приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон»¹⁸⁶.

Каковы же были те потрясающие видения, если митрополит Филарет узрел во всех подробностях то, что последовало ровно через 50 лет после его кончины?

Великий старец и великий пророк Божий не мог не обладать и даром исцелений. Не будучи в состоянии вместить весь материал, касающийся сего, в нашу работу, мы отсылаем читателя к книге Поселянина «Русские подвижники XIX века» (СПб., 1910); а также к «Жизнеописаниям отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков». (М., 1910. Ноябрь. С. 483–488). В этой книге кратко упомянуты четыре случая.

«Одна восьмилетняя девочка, бывшая в полном расслаблении, тотчас стала ходить, как только мать поднесла ее под благословение святителя Филарета. Девица, бывшая в продолжение 13 лет немой, тотчас заговорила, как только святитель, благословив, спросил ее:

– Как тебя зовут? – и заставил ее тут же прочитать молитву Господню.

У одного купца появился на руке антонов огонь; доктора уже решили отнять руку, но болящий, через своего приходского священника, попросил с верою молитв у святителя Филарета и вслед за тем увидел во сне, что владыка благословил его; проснувшись, он почувствовал себя лучше, и когда явились врачи для операции, то рука, к их изумлению, оказалась совершенно белой, так что ни в какой операции не было надобности. Один купец, заблудившийся

¹⁸⁶ Амвросий (Гренков), иеросхим. Собрание писем... к мирским особам. Сергиев Посад, 1908. Ч. 1. С. 207 (№ 225).

в киргизской степи во время страшного бурана, призвал в молитве святителя, задремал и в дремоте увидел святителя, который, благословив его, промолвил: “Бог благословит тебя, продолжай путь благополучно”. И купец был спасен. Много и других подобных случаев было с благоговейными читателями памяти святителя Филарета»¹⁸⁷.

Но есть исключительное чудо, которое не вошло в общеизвестные книги. Это исцеление митрополитом девицы монахини Р., духовной дочери игумена о. Антония Малоярославецкого, у которого была особая духовная близость с митрополитом, желавшим иметь его старцем в одной из пустынь в Лавре. Юная монахиня страдала от чар, наведенных на нее, подобно тому как от таких же чар страдала св. мученица Иустина. Митрополит исцелил ее, явившись ей во сне. Он прочитал 60-й псалом и велел ей повторять за ним каждый стих и затем читать этот псалом ежедневно¹⁸⁸.

Вот как говорил о последних днях митрополита его духовник архимандрит Антоний. Владыка ему сказал 17 сентября:

– Я ныне видел сон, и мне сказано: «Береги 19-е число».

На это о. Антоний ответил:

– Владыка святой, разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения?

Выслушав это, он с чувством сердечной уверенности сказал:

– Не сон я видел: мне явился родитель мой и сказал те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин.

Я сказал, что это желание доброе.

Митрополит служил Литургии 19 сентября и 19 октября, а также в ноябре. В это роковое 19 число он скончался.

¹⁸⁷ *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Ноябрь. С. 487–488.

¹⁸⁸ См.: *Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония.* М., 1870. С. 101–103. – *Примеч. ред.*

«Лицо митрополита Филарета, – рассказывает епископ Леонид, – всегда сияло, и дух его ликовал при совершении Литургии. Все знали, и особенно кому это было нужно, что после обедни он был кроток и доступен; когда же он сам совершал св. Литургию, он обыкновенно плакал. Но при освящении Св. Даров в день своей кончины его умиление было исключительное и слезы его были обильны»¹⁸⁹.

В этот день митрополит совершал Литургию так бодро и громко, как давно уже не служил, потом принимал в покоях своих нового московского губернатора. Перед обедом писал, как говорят, ответ Антиохийскому Патриарху на его приветствие по случаю юбилея. Через 10 минут пришли напомнить ему об обеде и нашли его на полу в коленопреклоненном положении, упершимся в пол руками. Он уже не мог говорить и в исходе второго часа в Бозе почил. И когда торжественно переносили его тело из Троицкого подворья в Чудов монастырь, народ собирал с пути можжевельник, и притом с таким усердием, что опоздавшие не могли уже найти для себя ни одной ветки. Так любила своего святителя и так благоговела перед ним его паства.

¹⁸⁹ Ср.: Русский Архив. 1901. Кн. 8. С. 527.

Глава VII

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ

Иеросхимонах Макарий – старец Оптиной Пустыни, в миру Михаил Николаевич Иванов, из дворян Дмитровского уезда, Орловской губернии, родился 20 ноября 1788 г. и скончался 7 сентября 1860 года. Он старчествовал в Оптиной Пустыни совместно со старцем Леонидом, в схиме Львом, а затем до самой смерти нес единолично великий и святой подвиг старчества в обители.

Начнем с описания первой встречи одного инока¹⁹⁰ со Старцем. Она произошла в ранней его юности, когда жаждал он монашеского жития.

«В те времена... скитский лес был куда гуще и величественнее, чем теперь, и, в вечном полусумраке его святой тайны Божия девственного создания, догорающий день быстро сменялся мраком ночи, и ночная тень ложилась плотнее и гуще, чем на простор обширного оптинского монастырского двора. Красотой был в то время скитский лес, когда в благоговейном трепете подходил я со своим путеводителем к святым вратам, скрывавшим за собой, казалось мне, истинных небожителей, временно и только для назидания людям сошедших с горнего неба на грешную землю... Вспомнил я по дороге, что о. Герасим, прощаясь со мной в Сергиевой Лавре, сказал мне:

– А ты постарайся найти, как придешь в Оптину, в Скиту двух рясофорных монахов, отца с сыном, – они ваши, саратовские. Зовут отца Никитой, а сына Родионом; они, наверное, к тебе будут ближе других.

¹⁹⁰ Имеется в виду Феодор (Попов, † 1903), будущий игумен Феодосий. – *Примеч. ред.*

И вот, идя дорожкой по лесу в Скит, я и думал: “Ах, если бы мне найти своих земляков – все бы было лучше...”

Когда ушел мой старец-путеводитель, я, еще не входя в святые ворота, бросился на колени перед изображением святых отцов на стенах святого входа и слезно им помолился, чтобы они меня приняли в скитскую братию, и затем трепетно переступил порог Скита, осенив себя крестным знаменем... Меня сразу обдал густой, чудный запах резеды и всей роскоши скитских цветов благовонной вечерней зари догоревшего знойного летнего дня... Прямо передо мною, пересекая мне дорогу, смотрю, идут два инока... В скитском храме звонили во все колокола... Я поклонился инокам в землю...

– Откуда, брат?

Я назвал свою родину. Иноки переглянулись между собой...

– Не знаете ли, – спросил я, – где мне здесь найти двух монахов, отца с сыном, из Саратовской губернии, по фамилии, кажется, Пономаревых?

– А что ж, они родственники тебе, что ли?

– Нет, – говорю, – не родственники, а как у меня здесь никого нет, то я и ищу хоть земляков.

– Ну и слава Богу: твои земляки с тобой-то и разговаривают – я отец, а это – мой сын...

При этом они мне дали братское целование. Это были Никита и Родион Пономаревы, в монашестве Нифонт и Иларион. Сильно обрадовался я этой встрече, в которой не мог, конечно, не усмотреть промыслительного о мне, грешном, Божия усмотрения. Скит мне сразу сделался родным.

– А где бы мне увидеть старца Макария? – спросил я земляков. Отец Родион, сын старика Никиты, сказал мне:

Прп. Макарий,
старец Оптинский

Прп. Иларион,
старец Оптинский

– Пойдем за мной в церковь – он там, и я тебя поведу к нему под благословение.

Батюшку Макария мы, действительно, застали на молитве в церкви. Шло бдение. Доложили ему обо мне:

– Какой-то странник, Батюшка, вас спрашивает. Желает вас видеть и сказывает, что наш земляк, – доложил Старцу о. Родион.

Надо сказать, что Пономаревым я при встрече не успел ничего другого объяснить, кроме того, что я их земляк; ни имени моего, ни фамилии они не знали, да и во всей Оптиной меня никто знать не мог.

– Где он? – спросил Старец.

– Стоит у церкви.

– Приведите его сюда ко мне...

И меня ввели в церковь к Старцу. Я упал ему в ноги с замирающим от волнения сердцем, и когда встал, Старец, благословляя меня, сказал:

– Э, да это, знать, Феодор!

Дивное прозрение...

– Откуда ты сегодня пришел?

– Прямо из Калуги, – ответил я, вне себя от изумленной радости, представ перед дивным Старцем.

– Так веди ж его скорей в трапезу, – сказал Батюшка о. Родиону. – Да скажи повару, чтобы он хорошенько, чем Бог послал, его накормил... Да, ты уж, – обратился ко мне Старец, – после ужина-то не ходи ко бдению, а ложись спать, а то ты устал, голодный!»¹⁹¹.

Старец среднего роста, лицом некрасив, со следами оспы, но было оно белое, светлое. Взгляд был тих и полон смирения. Нрав

¹⁹¹ *Нилус С.А.* Игумен Феодосий (Попов) // Сила Божия и немощь человеческая. Сергиев Посад, 1908. С. 50–51.

его был чрезвычайно живой и подвижной. Память прекрасная: после первой исповеди на всю жизнь запоминал он человека. Был он косноязычен: не хватало дыхания при разговоре. Это его смущало всю жизнь. Одет был всегда бедно.

С тех пор, как появился в Скиту о. Макарий, где его возвели в настоятели, жизнь его приняла характер, не изменявшийся до самой смерти. Она была полна попечений как чисто пастырских, так и о внешнем благоустройении, с раннего утра до поздней ночи. В церкви им было установлено пение киевского распева, введена должность канонарха, плавное чтение и пение «на подобны». Вокруг храма благоухали массы цветов, расходясь по бокам многочисленных скитских дорожек. Внутренность Скита, превращенная в плодовый сад ее основателем о. Моисеем, усердно поддерживалась заботами о. Макария, и нередко зимою городские и сельские жители просили плодов для болящих. Сам о. Макарий, хотя и был иеромонахом, не служил по физическому недостатку косноязычия, но более по глубокому своему смирению. Но зато с усердием певал он часто и со слезами. Особенно любил он «Чертог Твой».

О его внешности так говорит жизнеописатель.

«Лицо – ничем не поражающее с первого взгляда, вовсе некрасивое по обыкновенным понятиям о красоте физической, даже неправильное, по недостатку в глазах, с печатью постоянного углубления в себя, следовательно, на вид более строгое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркалом чистой, любвеобильной и смиренной души, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека, плодов духа, исчисленных Апостолом. Вообще в нем было редкое соединение детской простоты, тихости и смирения, делавшее его приступным всем и каждому»¹⁹².

¹⁹² *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Сентябрь. С. 120.

А вот что пишет один светский человек, как мы узнаем из дневника иеромонаха Евфимия.

«Первая наша встреча со Старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказ о К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами; оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же косноязычный. Я положительно был разочарован; но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей своей душой...

В следующую осень мы опять посетили Оптину Пустынь. Отец Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно расспрашивал нас о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, о. Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходе его, соревнуя друг другу, записали чудную речь старца Божия...

Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии; в груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали! И сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах...

Отец Макарий посоветовал нам поговорить и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Во все время приготовления нашего к исповеди и Св. Причащению Старец ежедневно навещал нас и назидал духовно»¹⁹³.

¹⁹³ *Нилус С.А.* Святыня под спудом. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 272–275. – *Примеч. ред.*

Иеросхимонах Макарий происходил из дворянской семьи Орловской губернии. Семья отличалась благочестием. Прадед его, Иоанн, стал иноком. Родители, коллежский асессор Николай Михайлович Иванов и мать Елисавета Алексеевна, нарекли старшего сына Михаилом, в честь св. князя Тверского, память которого 22 ноября; после было еще трое сыновей и одна дочь. Жили они в окрестностях Калуги, весьма красивом месте, близ Лаврентиева монастыря, архимандрит которого, Феофан, духовно окормлял их. «Среди впечатлений, приятных для зрения, и отрадно мирных для сердца видов сельской природы, имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился до слуха обитателей Железников звон колоколов, призывавший иноков к молитве, возрастал будущий инок и молитвенник, еще тогда неведомый миру»¹⁹⁴, – так описывает жизнеописатель первые впечатления мальчика.

Когда Михаилу было пять лет, скончалась любившая его больше других детей мать, не раз говорившая про тихого и кроткого сына: «Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное!» В связи с болезнью матери семья меняла место жительства. В городе Карачеве он начал и окончил школьное образование, а уж на 14-м году поступил на нелегкую службу бухгалтера, с чем отлично справился, обратив на себя внимание. Однако Михаил продолжал жить своим мирком. Много читал, ища разрешения важнейших вопросов ума и сердца. Любил музыку, отлично играл на скрипке, находя в ней большую отраду. На 24-м году жизни, уже по смерти отца, вышел в отставку и поселился в деревне. Управлял хозяйством плохо. Однажды мужики покрали множество гречихи. Михаил их долго вразумлял, ссылаясь на Священное Писание. В результате мужики пали на колени в искреннем раскаянии, на посрамление родным

¹⁹⁴ *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Сентябрь. С. 101. – *Примеч. ред.*

Михаила, которые над ним смеялись. Была сделана попытка его женить, но как и лицом он был непригляден, да и стремления не имел, то так это и осталось. Съездил он на Коренную ярмарку, купил там книг духовного содержания и в них зарылся. Изредка выходил в столярню, там работал до усталости, покаяя юную плоть духу.

В 1810 г. осенью он поехал на богомолье в Площанскую пустынь, где познал свое давнишнее влечение, и решился посвятить жизнь Богу. Он там и остался. Прислав братьям отречение от имения, он одно лишь просил: построить на тысячу рублей часовню на могиле родителя.

В то время в Площанской пустыни находился ученик великого старца Паисия Величковского Афанасий, который не мог не заинтересовать юного молитвенника. Под его полное руководство он и отдал себя, получив тем правильное начальное направление. К сожалению, почти нет материалов, проливающих свет на эту дивную личность. У него было много переводов аскетических творений древних отцов монашества, сделанных о. Паисием. Они потом перешли в Оптину и были изданы в переводе со славянского на русский.

Тут послушник Михаил изучил церковный устав и нотное пение. Помогал в письмоводстве. 7 марта 1815 г. был пострижен в мантию с именем Макария, в честь преподобного Макария Великого. Пешком, с посохом, ходил в Киев. На обратном пути был в Глинской пустыни, где познакомился со старцем Филаретом, игуменом. В 1824 г. ездил в Ростов на поклонение мощам св. Димитрия Ростовского, после чего впервые был в Оптине. На другой год умирает его старец. Макария назначают духовником Севского девичьего монастыря. Так начинается его духовническая деятельность.

Трудно было Макарию без своего учителя. Но вот происходит замечательная встреча. В его обитель приезжает со своими учениками о. Леонид, который был под руководством у схимонаха

Феодора, ученика того же молдавского архимандрита Паисия. Отец Макарий вновь обрел себе руководителя. Это был ответ на его молитвы, ибо духовное сиротство тяжелее плотского. Хотя о. Леонид считал о. Макария сотоварищем в деле монашеском, но, уступая просьбам и смирению его, решил с ним обращаться как с учеником. Впрочем, их совместное пребывание скоро прекратилось: о. Леонид был отправлен в Оптину. Шла переписка, кончившаяся переездом о. Макария в Оптину, что стоило немалых затруднений. К Площанской пустыни он долго хранил любовь.

Старец Леонид был необыкновенный человек. Он вел постоянную внутреннюю борьбу, творил Иисусову молитву, имел дар прозрения и исцеления. Чтоб укрыться от суетной славы, слегка юродствовал. Он не терпел неискренности, сомнения, теплохладности. Отец Макарий был постоянно при нем до самой его смерти. Оба они «вынянчили» великого старца Амвросия, прозорливца и чудотворца. Это была атмосфера, насыщенная благодатью, совершающая чудеса. Стопами страждущих и убогих, физически и духовно, была истоптана тропинка к Оптине еще с большей силой, чем к обычным монастырям. Старец Леонид принимал всех с огромной любовью, он научил и учеников своих целить недуги проходящих, не гнушаясь ничем, но презирая один лишь грех. Под его руководством они отдавались всецело к ним проходящим: выслушивали все, что открывали им возмущенные грехом души, принимали откровение помыслов, отвечали и на письменные вопрошения. Старец нередко прозревал, где кроется что недоброе, обличал их, но для того лишь, чтоб потом таким теплом любовным обдать их, что им особо запоминалась радость обретения чистой совести. Отец Макарий был более мягкого склада души. Он много занимался корреспонденцией. По смерти о. Леонида вся тяжесть подвига духовного руководства легла на него. Тихая радость о Господе никогда не покидала этого святого

делателя, целившего и души, и тела. «Помазуя елеем из лампы, горевшей в его келлии перед чтимою им Владимирскою иконою, Старец приносил великую пользу больным телом, и случаи таких исцелений немалочисленны. Особенно часты были исцеления бесноватых»¹⁹⁵.

Старец жил в келлии с левой стороны у самых скитских врат, разделенной коридором на две половины – для него и келейника. Старцева половина состояла из приемной и спальни, т. е. маленькой келлии с одним окном на юг, откуда открывался вид на дорожку, ведущую от скитских врат к церкви, а перед ним – стол. На нем в полном порядке лежали кучами письма, спешные и неспешные, письменный прибор, новые духовные журналы и всегда две-три святоотеческие книги на главном месте. Перед ним – кресло с подушкой. В восточном углу – иконы, виды монастырей и т. д. Главная тут была Владимирская икона Божией Матери с неугасаемой лампадой, а под ней – деревянный угольник вместо аналогия для совершения правила, со Следованной Псалтирью и Св. Евангелием и другими книгами. Вдоль западной стены – узкое ложе с распятием у изголовья, а выше – образ Спасителя с овцой на руках. Вдоль стены портреты: св. Тихона Задонского, Симеона Белобережской пустыни, иеромонаха Филарета Новоспасского монастыря, старцев Афанасия, Феодора, Леонида. В этой келлии он пробыл 20 лет. Все свидетельствовало о его тайных воздыханиях и о духе, отрешенном от уделов земли. Тут проводил он частые бессонные ночи и вставал, как правило, при ударе скитского колокола в два часа утра; часто сам будил своих келейников. Прочитывали: утренние молитвы, 12 псалмов, первый час, Богородичный канон с акафистом. Ирмосы пел он сам. В шесть часов ему вычитывали «часы с изобразительными», и он выпивал одну-две чашки чаю. Скрипела затем дверь в переднюю, и появлялись посетители. Женщин принимал за вратами Скита

¹⁹⁵ *Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. СПб., 1910. С. 240.

в особой келлии. Тут внимал он горю людскому. У него явно был дар духовного рассуждения, а также сила смирения и любви, что делало его слово особенно властным. После беседы с ним люди обновлялись. Приемная была увешана портретами святителей и подвижников, живых еще или недавно минувших дней.

В 11 часов звонили к трапезе, и Старец туда шел, после чего отдыхал, а затем опять принимал посетителей. В два часа Старец, с костылем в одной руке и четками в другой, шел в гостиницу, где его ждали иногда сотни народа, каждый со своими нуждами, духовными и житейскими. Всех он с любовью выслушивал – одних вразумлял, других возводил от рва отчаяния. Он понимал и разрешал современные вопросы: об улучшении народного быта, грамотности, воспитании. Когда ему сообщили о безнадежном состоянии Севастополя, он зарыдал и упал на колени с мольбой пред образом Владычицы. Он был глубоко тронут кончиной Государя Николая Павловича.

Следующий случай стоит внимания.

«Один образованный человек подвергся припадкам беснования, проявлявшимся при приближении к священным предметам; долго родные, не хотевшие признать сущность болезни, лечили его за границей, у докторов и на водах; пользы не было. Один верующий товарищ привез его в Оптину и из гостиницы послал потихоньку просить Старца. Больной, не слыхавший о нем никогда, стал беспокоиться и заговорил: “Макарий идет, Макарий идет!” И едва вошел Старец, бросился на него с неистовым криком, зашил его. Великий подвижник, познав козни врага, употребил сильнейшее орудие – смирение и быстро подставил ему другую ланиту. Опаленный смирением, бес вышел из страждущего, который в оцепенении лежал долго у ног Старца, а потом, не помня о своем поступке, встал исцеленным»¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Там же. С. 340.

Измученный, едва переводя дыхание, возвращался он с ежедневного подвига. Время подходило слушать правило, состоявшее из девятого часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу-хранителю. Звонят к вечерней трапезе. Иногда ее ему приносят. Но и в это время он принимает монастырскую и скитскую братию, если кто из последних не успел побывать днем на ежедневном откровении помыслов. Если долго не бывает кто-либо из относящихся к нему постоянно, он беспокоивается, сам приходит к тому в келлию, и притом всегда вовремя, оставляя после себя успокоение и веселие. Он же давал послушание – чтение святоотеческих книг, назначая это по мере духовного возраста каждого. Начинал он с книги аввы Дорофея, называя ее «монашеской азбукой». Праздности не терпел. Завел он поэтому в Скиту рукоделья: токарное, переплетное и др. Каждый из братии знал и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей разделяется любвеобильным и мудрым отцом. Он так умел утешать и ободрять, что виновный выходил из келлии его, себя не помня от радости.

Поэтому подвижническая жизнь казалась легкой.

Заканчивая день, выслушивали правила: малое повечерие, молитвы на сон грядущим, две главы Апостола, одну – Евангелия, потом краткое исповедание, Старец благословлял и отпускал. Было уже поздно. Старец входил в свою келлию, где мерцала лампада перед образом Заступницы. На столе лежала кипа писем, требующих ответа. Тело ныло от изнеможения, а сердце – от впечатлений обильно открывавшегося человеческого страдания. Глаза орошались слезами, а в уме звучало дивное песнопение:

«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя».

За окном огоньки скитских келлий давно уже потухли. Воцарилась молитвенная ночь. Старец опускался к столу. Он писал. Вот одно письмо.

«Как можно мимолетное чувство умиления и слез считать уже любовью Божией? Ум тайно увлекается сам и стяжевает высокоумие и гордость, и всего одного лишается, а смирения тут не бывало. Бог показал вам, что есть благодать Его с нами, и отнял, да не превозносимся; впрочем, не лишил совершенно, но скрыл от нас, чтобы мы смиренно к Нему припадали. Ему угодно иногда попускать на нас протяжную тьму и мрак духовный, холодность и окаменение, чтобы мы считали себя последнейшими и худшими всех и не искали бы духовных утешений, считая себя оных недостойными; в этом-то и состоит совершенная, смиренная преданность Спасителю. Он шел скорбным путем и даже в молитве Своей к Отцу Своему произнес: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26, 38), но предавался воле Его и нам повелел идти путем креста, а не отрады. Вы, думая найти в утешительных чувствах любовь Божию, ищите не Бога, а себя, т. е. своего утешения, а прискорбного пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими, не имея духовных утешений; напротив, лишение оных нас смиряет, а не возвышает»¹⁹⁷.

Потухла свеча. Старец стал на молитву... Молитва в нем не прекращалась, будь он в многолюдствии, за трапезой, в беседе или в тиши ночи. Она источала елей его смиренномудрия.

За год до своей смерти Старец предсказал одной тяжело болящей помещице: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе». Она скончалась 23 августа 1860 года. Спустя три дня Старец внезапно заболел. 30 августа его соборовали. Он раздавал свои вещи, прощаясь и наставляя. Народ стекался. За два дня до смерти, по его желанию, его вынесли в переднюю и положили на пол, чтоб посетители смогли видеть его через окно.

«К вечеру больному сделалось значительно хуже, и он вновь пожелал приобщиться Святых Таин, что и исполнил в восемь часов, сидя в креслах. Около полуночи Старец потребовал к себе духовника и, после получасовой беседы с ним, попросил читать отходную.

¹⁹⁷ Старец Макарий Оптинский. Харбин, 1940. С. 100.

– Слава Тебе, Царю мой и Боже мой! – восклицал Старец при чтении отходной, обращая свои взоры то на стоявшую у его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, то на особенно чтимую им Владимирскую икону Божией Матери.

– Матерь Божия, помози мне! – так молился Ей отходящий в путь всея земли Батюшка, прося скорейшего разрешения от уз тела»¹⁹⁸.

Ночь была очень тяжелой, но и тут через пожатие рук, благословением и взглядами выражал он свою благодарность ухаживающим за ним. В шесть часов 7 сентября он приобщился Святых Христовых Таин в полном сознании и умилении, а через час, на девятой песни канона на разлучение души от тела, великий старец Макарий тихо и безболезненно отошел ко Господу в Чертог Небесный.

Такова краткая история миру чуждого, великого смиренно-мудрца¹⁹⁹.

ОПТИНСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Отцу Макарию принадлежит неопенимая заслуга и подвиг его в издании святоотеческой литературы. Дело этого издания было событием первостепенной важности, и вот почему: в силу «Духовного регламента» Петра I и указами 1787 и 1808 гг. печатание книг духовного содержания предоставлено было на усмотрение Святейшего Синода, а согласно цензурному уставу 1804 г. они могли печататься только в духовной типографии. Всего лишь одна аскетическая книга – «Добротолюбие» – была напечатана в 1793 г. по распоряжению Святейшего Синода. Таким образом, читатель был лишен духовной литературы. Например, Исаака Сирского можно было достать лишь в рукописи или в заграничном издании Паисия Величковского, и тоже как редкость, тогда как светская печать по-

¹⁹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹⁹ *Подмошенский Г.* Православная жизнь. 1960. № 9. (Сост. по: *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Сентябрь. С. 98–137. – *Примеч. ред.*)

родила большое количество переводных произведений западного лжемистического направления, и многие из них, печатавшиеся с дозволения гражданской цензуры, были прямо враждебны Православию. При таком положении вещей начало издательства святоотеческих творений было делом, имеющим историческое значение. Совершилось оно только благодаря покровительству мудрого митрополита Филарета Московского. Эта работа объединила вокруг себя духовно устремленные интеллектуальные силы. В ней участвовали профессора Шевырев, Погодин, Максимович, писатель Гоголь, братья Киреевские, издатель «Маяка» Бурачок, Аскоченский, Норов, А.Н. Муравьев и впоследствии Л. Кавелин (архимандрит Леонид), Карл Зедергольм (иеромонах Климент) и Т.И. Филиппов. Но центром этого дела была Оптина Пустынь, душою же всего, и инициатором и возглавителем был старец Макарий при ближайшем участии И.В. Киреевского, который служил знанием и греческого языка и философских терминов. Он и жена держали корректуру, причем издания делались большею частью на их средства.

Все эти лица, помимо литературных отношений, пользовались и духовным руководством старцев. Началось это дело при следующих обстоятельствах. Иван Васильевич Киреевский – редактор учено-литературного журнала «Москвитянин» – предложил старцу Макарию напечатать статью духовного содержания. Отец Макарий пожелал поместить жизнеописание старца Паисия. Таковая статья появилась в 12-й книге «Москвитянина» за 1845 г. и была украшена портретом старца Паисия²⁰⁰.

В 1847 г. о. Макарий гостил у Киреевских в их имении Долбино, где, обсуждая общее духовное положение, Старец коснулся недостатка духовных книг, руководствующих в деятельной христианской жизни. Он упомянул, что у него имеются рукописи творений св. отцов, переведенных с греческого старцем Паисием.

²⁰⁰ Неточность: «Житие молдавского старца Паисия Величковского» было опубликовано во 2-й части № 4 «Москвитянина» за 1845 г. – *Примеч. ред.*

Н.П. Киреевская сказала, что и она хранит рукописи, доставшиеся ей в наследство от ее покойного старца Филарета Новоспасского. Супруги Киреевские тут выразили пришедшую им на сердце мысль: «Что мешает явить миру эти духовные сокровища?» Старец с обычным смирением отвечал, что он никогда таким делом не занимался и что, может быть, не пришло еще время и нет воли Божией... Киреевские предложили попробовать просить о сем владыку митрополита, и если не будет удачи, то тогда и они готовы признать, что нет воли Божией. И с этими словами великое дело Божие и было начато; было постановлено, что прежде всего необходимо написать предисловие. Принесена была бумага и прочее, и все трое помолились Богу. Хозяева удалились, оставив Старца одного в комнате. Через час он позвал их к себе: первая страница была написана и прочтена. Киреевские, близко знавшие старца Филарета Новоспасского, присоединили сведения о нем. Макарий взял этот листок и показал о. игумену Моисею, который присоединил сведения об архимандрите Александре.

Игумен Моисей и брат его о. Антоний также представили для издания свои рукописи, списанные ими во время их подвижнической жизни в Рославльских лесах, где они подвизались совместно с прямыми учениками старца Паисия, доставившими в Россию списки его переводов. Это были монах Феофан²⁰¹, иеросхимонах Афанасий и его сопостник Досифей; с ними-то, и даже в одной келлии, поселился Тимофей, как звали до пострига о. Моисея.

Собрав все рукописи, их начали переписывать и готовить для печати.

Киреевские написали профессору Московского университета С.П. Шевыреву, прося его взять на это дело благословение митрополита Филарета. Митрополит не только благословил, но

²⁰¹ Имеется в виду монах Феофан (Танулин) († 1819). У Концевича ошибочно указан схимонахом. – *Примеч. ред.*

обещал свое покровительство. Чтобы иметь некоторое представление о том, как митрополит Филарет принимал близко к сердцу дело оптинского издания, мы приведем выдержку из письма к старцу Макарию Н.П. Киреевской, которая подносила Митрополиту только что вышедший печатный экземпляр Варсануфия и Иоанна: «Владыка с большим удовольствием принял книгу, – пишет она, – и сказал: “У старцев как все поспекает, удивительно! Очень им благодарен”. Я просила владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и владыка все очень, очень одобрил. Любезно говорил. Я подала владыке (экземпляр) третьей сотницы перевода Фалассия. Владыка спросил: “Что это? ” – “Остальная сотница Фалассия – самые последние главы четвертой сотницы батюшка о. Макарий не перевел, потому что боялся погрешить в изложении сих высоких предметов и оставил это на волю Вашего Высокопреосвященства, и как Вам Господь возвестит”. – “Напрасно, лучше бы перевели и мне бы помогли. – Погодите, сейчас”, – пошел владыка в другую комнату.

Владыка возвратился, держа в руках первую сотницу св. Фалассия. “Вот первая сотница, я ее прочитал, некоторое изменил, в одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в Лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что я ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно потому, что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки? Я озабочивался и не знал, как мне им переслать эту сотницу, очень рад, что могу Вам отдать ее!” Потом я спросила: “Когда старцы перепишут, то позвольте к вам обратно доставить?” – “Можно и в цензуру отдать – как хотите”»²⁰².

Великое дело издательства творений св. отцов началось с выпуском в свет книги «Житие и писания молдавского старца

²⁰² *Витропский Е.К.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. Сергиев Посад, 1902. С. 205. – *Примеч. ред.*

Паисия Величковского»²⁰³. К материалу, напечатанному перед этим в «Москвитянине», было прибавлено: а) предисловие, заключающее в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых ему современных старцев духовной жизни, с которыми он был в духовном и единомысленном общении, и б) всех известных писаний старца Паисия.

Это святое дело продолжалось и при преемнике старца Макария – старце Амвросии.

Бог, как говорил о. Макарий, посылал средства на благое дело через добрых людей, и одно за другим было издано большое количество книг.

Занятия о. Макария состояли в приготовлении к печатанию славянских переводов (снабжение примечаниями малопонятных мест) и переводе некоторых на русский язык. Деятельность в этом отношении о. Макария была изумительна. Он жертвовал для этого дела своим кратким отдыхом, и, не отказываясь от своего старческого подвига в отношении приходящего народа, он неотступно следил за своими помощниками из скитской братии. Всякое слово взвешивалось, обсуждалось, и без благословения Старца ни одно не вписывалось в рукопись, приготовляемую для типографии. Сотрудниками Старца были о. Ювеналий, о. Леонид и о. Амвросий. Впоследствии – о. Климент (Зедергольм), магистр греческой словесности.

Ввиду того что издания эти совершались на средства благотворителей, старец Макарий и игумен Моисей щедро рассылали книги во все библиотеки, как академические, так и семинарские, почти всем архиереям, ректорам, инспекторам семинарий и академий, а также во все общежительные монастыри на Афоне.

Вот заглавия изданий, вышедших с 1847-го по 1860 год:

²⁰³ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, Старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847. – *Примеч. ред.*

1. «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского».
2. «Четыре слова огласительных к монахине».
3. «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском».
4. «Восторгнутые класы в пищу души».
5. «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников» (по-славянски).
6. «Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена и пресвитера... словеса зело полезные» (12 слов).
7. «Огласительные поучения... преподобного Феодора Студита».
8. «Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву “Отче наш” и его же слово постническое по вопросу и ответу».
9. «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни...» (в русском переводе).
10. «Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни».
11. «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания...».
12. «Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова...».
13. «Преподобного и богоносного отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижнические слова...».
14. «Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, учение об устройении монашеского жительства».
15. «Преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова...».

Просветительная деятельность Оптиной Пустыни была значительна. В XIX веке ею выпущено свыше 125 изданий в количестве 225 000 экземпляров. Библиотека, собранная о. Моисеем, состояла из 5 000 книг.

ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ

Старец Макарий – великий учитель смирения. «Ибо, – как говорит преподобный Исаак Сирский, – смирение и без дел многие прегрешения делает простительными, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание»²⁰⁴.

Старец Макарий не сказал ничего нового от себя, но в его учении, как в тихой водной глади, отразилось все звездное небо святоотеческого учения.

Его духовное учение главным образом запечатлелось в сборниках его писем. Интересно отметить его личные взгляды на современность. Эти взгляды можно назвать «оптинскими». Их разделяли духовные лица «оптинского духа», как например, о. Антоний (Бочков), так думали и мирские «оптинцы», как братья Киреевские, и многие другие. В «Письмах к монашествующим» (письмо № 165) Старец пишет: «Сердце обливается кровию при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве России, нашей матушке; куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое; оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом; и долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А кажется, настает то время, по предречению отеческому: “Спасаяй да спасет свою душу!”»²⁰⁵ В письме № 172 Старец говорит: «Нам надобно, оставя европейские обычаи, возлюбить Святуя Русь и *каяться* о прошедшем увлечении во оныя, быть твердым в Православной вере, молиться Богу, приносить

²⁰⁴ *Исаак Сирин, прп. ...Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893. С. 202 (Слово 46).*

²⁰⁵ *Макарий (Иванов), иеросхим. Собрание писем... М., 1862. Отделение 1: Письма к монахам. С. 262.*

покаяние о прошедшем»²⁰⁶. В следующем письме он пишет: «Благотельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет Православную веру; деньги к себе притягивает»²⁰⁷.

Подобное неодобрение Старцем погони за европейскими обычаями и презрения обществом добрых нравов прежней Святой Руси можно не раз встретить в письмах о. Макария.

Что касается Алексея Степановича Хомякова, который неизвестно, бывал ли в Оптиной Пустыни и, во всяком случае, не может считаться послушником Оптиных старцев; о нем или о его мировоззрении не встречается никаких отзывов в старческих письмах. Славянофилы относились отрицательно к византизму. Для Оптиной же Пустыни святые византийские служили базой и основой ее веры и идеологии. Киреевский, который был совершенно единомыслен со старцами и был одного духа с ними, принимал личное и деятельное участие в издательстве святоотеческой литературы, не может быть назван «славянофилом». Это доказывает незнание истории Оптиной Пустыни и ее значения.

Письма старца Макария вышли в двух книгах:

1. «Собрание писем блаженной памяти Оптиного старца иеросхимонаха Макария. Отделение первое: Письма к монахам» (М., 1862. 400 с.). В приложении две статьи, составленные Старцем на основании слова Божия и писания св. отцов и выписки о смирении.

2. «Собрание писем блаженной памяти Оптиного старца иеросхимонаха Макария. Письма к мирским особам» (М., 1862. 760 с.)²⁰⁸.

Мы ниже предлагаем читателю семь первых писем из последнего собрания, разобранных И.М. Концевичем незадолго до смерти²⁰⁹.

²⁰⁶ Там же. С. 275. – *Примеч. ред.*

²⁰⁷ Там же. С. 277. – *Примеч. ред.*

²⁰⁸ Неточность, издано также: «Собрание писем блаженной памяти Оптиного старца иеросхимонаха Макария. Отделение второе: Письма к монахиням» (М., 1862–1863. Ч. 1–4). – *Примеч. ред.*

²⁰⁹ Приводимые автором в сокращении письма редакция сочла целесообразным дать значительно полнее. – *Примеч. ред.*

Введение

Будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо голое знание наддымает человека.

Марк Подвижник

В основу всякого созидания надо класть правильное основание: от этого зависит доброкачественность и прочность творимого. Будь это постройка дома в мире материальном, или в сфере умственной приобретение знаний, творчество, или в духовной жизни внутреннее делание, одним словом, – во всем, где происходит созидание, все зависит от основания, от фундамента, на котором оно строится. Дом может быть выстроен на камне или на песке; в последнем случае падение его бывает великое, как говорит нам Евангелие (См.: Мф. 7, 26, 27).

Мы имеем намерение изучать творения святых отцов, а в ближайшее время – письма старца Макария, органически связанные с этими творениями. Что же мы должны положить в основание этого нашего изучения?

Прежде всего, мы должны дать себе ясный отчет в том, что такое представляют собою творения святых отцов. Кроме канонического и литургического богатства, в них заключен благодатный многовековой психологический опыт православных подвижников. На протяжении веков восточные аскеты при содействии благодати Святаго Духа в совершенстве изучили душу человека, законы ее жизни и путь к духовному ее восхождению. В их творениях разработан и указан правильный и единственный путь к высшему совершенству святости и боговедению на все времена и для всех народов.

В этих творениях дивное единомыслие, и все органически вытекает одно из другого. Святые отцы в благодати Святаго Духа говорили только истину, а потому авторитет их для нас должен быть абсолютным.

Теперь разберем, с каким настроением мы должны подойти к этому делу.

Господь говорит: *Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6). Здесь открывается нам закон познания высших духовных истин: целью познания должна быть истина ради самой истины, ради правды Божией, в ней заключенной, ради желания ее и любви к ней; и тогда, и только тогда, она будет открываться нам. Но может быть и иной подход, когда истина уже не является целью самой по себе, а средством для иных целей.

В этом случае может быть много различных побуждений: и честолюбное стремление достигнуть успеха в жизни, и простое тщеславие – блеснуть богатством своих познаний; может быть и простое любопытство – нахватать побольше всяких сведений. Может быть много еще и иных побуждений.

Во всех этих случаях знание остается поверхностным, внешним; оно не проникает в глубь души и не приносит плода, подобно приточному зерну, упавшему на каменистую почву, и может причинить только вред. Истинное познание правды Божией – евангельских заповедей – непременно влечет и к исполнению их. «Будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо голое знание надымает человека»²¹⁰.

От такого поверхностного восприятия истины не спасает человека никакое его положение: он может быть и ученым богословом, и ректором Духовной Академии, и высоким иерархом в Церкви, и подвижником в монастыре и так далее, не говоря уже о тех, кто живет всецело мирской жизнью.

Принимая это во внимание, мы не будем удивляться тому, что и богословы, и иерархи впадали в ереси и учиняли расколы и смуты в Церкви, а прославленные подвижники впадали в прелесть (прельщение) и гибли.

Все это происходит оттого, что *строители отвергают камень, который должен лечь во главу угла* (Ср.: Пс. 117, 22). Камень же –

²¹⁰ *Марк Подвижник, прп.* К тем, которые думают оправдаться делами // Добротолюбие, в русском переводе. М., 1895. Т. 1. С. 538 (Гл. 7).

Христос и заповеди Его! Пренебрежение заповедей Божиих ведет к остращенности; всякая же страсть, как дым, застилает умственный взор, и он не может уже постигать истину.

Самый разительный пример этого дает нам Евангелие в лице Иуды-предателя; даже исключительная близость к Спасителю, его апостольское звание не спасли его от гибели. Иуде, как и другим апостолам, была дана власть творить чудеса, изгонять бесов; он был свидетелем бесчисленных чудес и дивных деяний Самого Господа; как апостол, Иуда знал сокровенный смысл притчей и учения Христа, ему были открываемы тайны Царствия Божия. И, несмотря на все это, страсть сребролюбия осталась неисцельной; мало того, она возросла до таких чудовищных размеров, что даже подвигла Иуду на предательство своего Учителя.

Семь писем старца Макария к мирянину

Первые сорок писем²¹¹ относятся к одному лицу и охватывают собою период почти в 11 лет: с мая 1840 г. по январь 1851-го.

Это лицо – молодой богатый помещик. Он служит чиновником, но не по нужде, а ради принесения пользы ближним. Он читает духовные книги, стремится достигнуть бесстрастия, но оно ему не дается: постоянные «поползновения». Он унывает: «Увы мне! *Раб лукавый и ленивый есмь* (Ср.: Мф. 25, 26), и потому добыча ада и смерти... *погибшее овца* аз есмь (См.: Пс. 118, 176)».

В душе его смущение и борьба: он никак не может решить, какой избрать путь в жизни: идти ли в монастырь или оставаться в миру.

Затем замечен в переписке некоторый пробел; может быть, по интимности содержания писем получатель не решился предать их гласности, но возможно, что писем и вовсе не было вследствие личных встреч со Старцем.

²¹¹ Имеется в виду изд.: *Макарий (Иванов), иеросхим. Собрание писем... Письма к мирским особам. М., 1862. – Примеч. ред.*

После этого уже иной период жизни: он женат. Умирает сын-первенец; следуют и другие скорби, и в духовной жизни затруднения и борьба.

По поводу всего этого духовный сын Старца обращается к последнему за советом и утешением. Прозорливый Старец видит его устройство и дает совет, точно соответствующий нужде; но не от себя; не от своего мудрования, но от святых отцов, которых он знает в совершенстве. Прозорливость свою старец Макарий так искусно прикрывает, что очень легко ее и вовсе не заметить.

Письмо 1

Приносимая Вами малая жертва, возжжением *лампады* пред иконою Пречистой Девы Богородицы со изображением Предвечного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, да будет благоприятна пред Богом!

Она есть символ токмо Вашего усердия, а не и дел Ваших благих, о коих надобно иметь старание, дабы исправить сердце свое *по заповедям Божиим*, просить же на сие Его помощи, потому что без Него не можем *творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Но супостат наш и враг *диавол, яко лев рыкающий и ищущий кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), сопротивляется благу нашему произволению, употребляет против нас свою брань и *привлекает к страстям*; когда же не успеет сего, то вводит во *мнение о своих добродетелях*, и, просто сказать, десными и шуими ратует воина Христова.

Несносное для него оружие – *смирение*, о котором *всемерно* должны иметь мы попечение как при исправлениях, так и при наших немощах душевных.

Вы, изъясняя свои язвы, упоминаете и о *осуждении* ближних и приписываете оное *гордыне*. Сие неоспоримо; но и другие грехи, и особенно *гнев*, есть порождение сей богоненавистой страсти.

Желающие себя исправить и побеждающиеся страстями, *смотрительно* искус сей приемлют, чтобы смиряли себя хотя *неволью*, и сим *благодать Божию* к себе *привлекали*.

Имейте и Вы всегдашнее *смирение*, то и гнев Вами не пообладает; побеждаясь же оным, *не смущайтесь*, но кайтесь и смиряйтесь, и с помощью Божиею оный от вас отыдет...

Письмо 2

...Предпринимаю предложить Вам малое рассуждение... не от моего скудного разума, но уповая на Бога разумов и Господа, дающего слово и бессловесным к пользе людей Своих; – от слова Его и от писаний боговдохновенных отцов, кои, после *деятельной жизни*, оставили нам в руководство свое *учение*.

Вера есть основание всех благих, и *без веры невозможно угодили* Господу (Евр. 11, 6), она же и дар Божий. Господь, по Воскресении Своем, посылая святых апостолов на проповедь, повелел: *Шедшие в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 15–16). И паки: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19–20).

И св. апостол Иаков учит: Кая польза, братие моя, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать; еда может вера спасти его? Вера, аще дел не имать, мертва есть о себе... и якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть (Иак. 2, 14, 17, 26).

...Ко спасению нашему нужна не одна вера, но и дела. Слово же святого апостола Павла: *От дел закона не оправдится всяка плоть* (Рим. 3, 20) относится к ветхозаконным обрядовым делам, а не к новоблагодатным заповедям. Оное же мудрование, что оправдание приобретается только одною верою, без дел, есть *лютеранское*, не православное, которого наша Церковь не приемлет. Кто во оном убежден, что не нужны дела, а одна вера, тот и не печется о делах, а чрез сие может впасть в бóльшие заблуждения, противные истине, и отпасть от веры; равно и *на дела свои кто надеется, хотя и при вере*, – заблуждается...

По крещении непременно нужно делание заповедей Божиих, коими сохраняется данная во оном благодать, и по мере успения,

в оных умножается; преступая же заповеди, покаянием паки восстанавливаем и приобретаем ее. А все сие действуется чрез веру, и к делам покаяния без оной не приступили бы; везде вера и дела!..

...Вредно думать делами своими заслужить спасение: нам оное доставили заслуги Спасителя. Должно делать, но не полагать на дела надежду. Когда ж мы думаем делами заслужить, показывается сим наше *самонадеяние*; тогда и не подает Господь нам силы к исполнению добродетелей, но паче попускает на нас укрепиться страстям, чтобы мы познали свою немощь и смирились пред Богом, помня оную заповедь Божию: *Аще и сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Ср.: Лк. 17, 10). Прочтите в «Добротолубии» у Марка Подвижника в главах «О мнящихся от дел оправдаться» (1–7, 11–24), увидите, как согласуются вера и дела. Я полагаю, что Вы, видя необходимость в делах, к снисканию спасения, и желая исполнить оные, но не видя в себе достижения сей цели, а паче побеждение разными страстями, – смущаетесь и недоумеваете, что делать? Конечно, возложение надежды на Бога и на молитвы благоугождающих Ему много может вспомоществовать в деле нашего спасения; но в смущении, при поползновениях, видно, что происходит оное от духовной гордости... Хотящие благоугождать Богу и ищущие спасения имеют сопротивляющихся сему невидимых врагов... *супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8).

...Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

С такими-то борцами боровшись, надобно на них и оружие крепкое имети, а оное есть, со всеми известными, – *смирение*, которому никак не могут они сопротивиться, а без оногo, сражаясь с ними самонадеянно и гордо, всегда бываем побеждаемы. Для того-то Господь попускает нам и падать, чтобы смирились. *Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), и паки: *Близ Господь*

сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет (Пс. 33, 19). Написал Вам от многого малое; ежели ощутите пользу, воздайте хвалу Богу, и сами, прочитывая отеческие деятельные учения, познавайте в оных истинный разум и правое рассуждение; и при свете веры и помощи Божией тецете, подвигом добрым подвизаясь, в надежде на милосердие Божие, и Он управит путь Ваш к преднамеренной цели, – спасению души.

Письмо 3

...Отсечение своей воли... есть первое средство к стяжанию смирения, а от оногo – рассуждения; враг, не хотя Вас до сего допустить, представляет Вам в ужасных видах сие спасительное средство; рассуждая только об оном, возмущаетесь умом и сердцем, корень же сего есть самолюбие и гордость.

Вы до сих пор на своем мнении и разуме и своею волею основывали свое исправление и спасение; оттого и силы Ваши в противоборстве изнемогают, что по причине оногo самомнения имеет враг свободный и сильный к Вам приступ... Вы на опыте дознали, что делая не рассуждая с повинованием, исполняете весьма легко и спокойно с пользою. В удостоверение, сколько враг не терпит того, кто находится в покорении отеческом, и какие совершает козни, дабы удалить от повинования, прочтите в четвертой части «Добротолюбия» св. Феодора Эдесского главу 44.

Далее в письме Вашем следует: «Надобно меньше рассуждать, а стараться, чтобы мысли были заняты молитвою». Но вся ваша беда в том, что вы, все это зная, не исполняете, и притом еще чувствуете, что совершенно *будете безответны на Страшном Суде*. Если сие последнее сильно на вас действует и смущает, то и паки скажу вам, что это суть козни вражии и плод гордости.

Вы, сознавая себя грешным, не должны отчаяваться, а паче *смиряться* и дивиться человеколюбию Божию, терпящему вас и ожидавшему вашего обращения и покаяния.

...Случилось мне прочесть 8-ю Беседу св. Иоанна Златоустого («О покаянии»)... из коей часть выписываю:

«Покаяние есть пластырь прегрешений, потребление беззаконий, отъятие слез, дерзновение к Богу, оружие на диавола, меч, главу его отсекающий, спасения надежда, отчаяния истребление. Оно человеку отверзает небо; оно в рай вводит, оно диавола одолевает... Грешен ли ты? Не отчаявайся: не известно бо мне, какое оружие противу диавола есть *неотчаяние ваше*... Ежели во всяк день согрешаешь, по всяк день ты и каятися должен. Обветшал ли ты сегодня от греха? Обнови себя покаянием... Всю жизнь в грехах провел я и, аще покаюся, буду ли спасен? Конечно будешь. Чем сие доказывается? Человеколюбием Господа твоего. И если бы едино покаяние было, то бы по справедливости опасался: понеже с покаянием милость Божия сопряжена есть, а человеколюбие Божие безмерно есть, и благость Его словом изрещи не можно. Ибо твоя злоба меру имеет, твой грех, каков бы ни был, есть грех человеческий, а милосердие Божие есть неизреченное; то надейся, что оно преодолет злость твою: вообрази себе искру, в море впадшую, может ли она устоять или являться? Сколь мала есть искра против моря, столь мал есть грех противу человеколюбия Божия; паче же и не столький, но зело меньший, поелику море, хотя и велико есть, однако меру свою имеет; Божие же человеколюбие есть беспредельно».

...Вы просите научить Вас, как бы стяжать дар *молитвы*. Это похоже на то, как бы у нищего кто просил богатства. Я сознаю себя в сем отношении весьма в нищенском положении; как же могу научить тому, чего сам не имею? Но предлагаю Вам от *учения отцов святых*...

Молиться мы должны и обязаны по долгу нашему, по заповеди Божией и апостольской и учению святых отцов, о всем, как-то: о сохранении нас, о спасении нашем, о прощении грехов, о ближних наших и о прочем многом, – но *с великим смирением, и не искать в себе дара*. Оный Сам Господь дарует, но достойным того, как пишет св. Исаак Сирий: «Яже Божия, сама от себе проходят тебе не ощущающую; ей, но аще место будет чисто, а не скверно. Аще ли

же зеница очесе души твоя чиста несть, да не посмееш воззрети на округ солнца, да не лишишия и самыя тоя зари, яже есть простая вера, и смирение, и исповедание сердечное, и малая дела яже по силе твоей, и отвержен будеш во едино место мысленных, еже есть тма кромешная, внешняя от Бога, образ носящая ада, якоже он, обесстудствовавыйся внити на брак в скверных ризах» (Слово 2).

...Святой Макарий Египетский: «Глава всякия добродетели и верх исправляемых дел есть непрестанное в молитве пребывание, чрез что и прочия добродетели испрошением у Бога ежедневно получить можем. Но аще смиренномудрием, простодушием и благодистию украшени не будем, образ молитвы ничтоже нас воспользует» (Слово 1, гл. 8–9). И как надобно иметь пребывание в молитве, далее учит: «Сице должен есть начати: во-первых, веровати Господу твердо, и предати всего себя глаголам заповедей Его, и отрещися мира во всем, дабы ни в чем же из видимых вещей обращался ум, и выну пребывати непоколебимо в молитвах, и не отчаяватися в ожидании Господня призрения и помощи на всякое время, предложение ума своего всегда в Нем имея» (Слово 1, гл. 13).

«Аще же кто насилует себя к молитве, донележе не получит дарования некоего от Бога; к сим же, яко-то: к смиренномудрию, к любви, к кротости и к прочим добродетелям, тем же образом насилия себе не творит, и леностию одержим есть, таковому хотя иногда по прошению его и дается благодать Божия: благ бо есть и милостив Бог, и просящим Его дает по их прошениям; но зане не приуготовил себе, и не приобыкл к реченным добродетелям, то или погубляет благодать, или приемлет, и абие падает, или ничтоже успеваает, впадая в высокоумие. Селение бо и покой Духа Святаго смиренномудрие есть, любовь и кротость и прочие заповеди Господни» (Слово 1, гл. 14).

«Аще со смиренномудрием и любовию, простодушием же и благодистию, совокуплена не будет в нас молитва, не сама молитва

сия, но маска паче молитвы есть, ни единыя же пользы принести нам могущая» (Слово 3, гл. 5).

...*Видите*, какое должно быть приготовление к молитве и прохождение оной, к достижению дара ея... Рассмотрите же себя, на той ли степени Вы стоите, и Вашей ли меры достигнуть к высоте такой добродетели, которой стяжание дара и удалившиеся мира, и все презревшие, немногие достигали, о чем пишет св. Исаак Сирин: «Яко же едва от тем человек един обретается, исполненный заповеди и законная мало недостаточне, и достиг в чистоту души; тако един от тысящи обретается сподоблься достигнути со многим охранением, в чистую молитву, и расторгнути предел сей, и получитьи оно таинство. Зане же мнози и чистыя молитвы никако сподобишася, но мали. К таинству же оному еже по оней и на об он пол достигнувый, едва обретается в роде и роде благодатию Божию» (Слово 16)²¹².

А о прежде времени желающих достигнуть в какое-либо дарование пишет св. Иоанн Лествичник: «Загляни в помышление неискусных послушников и обрящешь тамо мысль заблужденную: обрящешь в ней желание крайняго безмолвия, жесточайшаго пощения, неразвлекаемая от разных мыслей молитвы, совершеннаго славы суетныя отвержения, незабвенныя смертныя памяти, беспрестаннаго о грехах сокрушения, наикротчайшаго безгневия, глубокаго молчания и превосходнейшаго целомудрия. Они, при вступлении в иноческий подвиг, сих добродетелей, *по особенному Божию Промыслу, не достигнув*, напоследок в намерении своем обманувшись, вовсе от него отпадают. *Ибо враг внушает им искать их прежде времени, с тем*

²¹² Перевод: Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты; так из тысячи разве один найдется при великой осторожности, сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство; потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие, сподобились же весьма редкие; а достигшие того таинства, которое уже за сею молитвою, едва по благодати Божией, находятся и из рода в род (*Исаак Сирин, прп. ...Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893. С. 69*).

да по довольном в оных обращении в настоящую пору оных не получают» (от 4-й Степени).

К сему еще сами прочтите в первой части «Добролюбия», у св. Григория Синаита, из числа 15 глав, на 84-м листе 8-ю главу с половины: «простых убо»... а в других главах, 89 листа: на обороте, *О прелести* главу 7; увидите, что память Божия, или молитва умная высша всех деланий есть, и какое бывает наказание дерзающим самочинно проходить оную.

Все сие я Вам написал не отводя Вас от молитвы, но предлагая, как опасно искать дара ее прежде времени и самочинно, и выше своей меры; видите, какая бывает прелесть от сего. Ибо по словам св. Макария, «чем кто о большем даре прилежит, тем большим усилением нападение чинит лукавый, почему и нужно пещись о плодах любви, смиренномудрия и прочих» (Слово 3, гл. 2). А как думаю, Вы сознаетесь в неимении еще смирения, *то и опасно высоких искать*.

Молитесь просто в определенное время, количеством со смирением, *от чего рождается и качество*, понуждая себя к молитве; о чем пишет св. Зосима: «Еже бо с нуждею молитися и терпети, раждает и с покоем молитися. И еже с нуждею молитися от произволения есть, а еже с покоем, се от благодати есть» (Восторгнутые класы. М., 1848. С. 166).

Святой же Петр Дамаскин, во 2-й книге, в 24-м Слове, пишет (См. «Добролюбие», ч. 3): «Даяй молитву молящемуся, сиречь *молящемуся добре телесною молитвою, дает Бог умную молитву...*»

В случае же рассеянности мыслей на молитве не надобно смущаться, но смирять себя и окаевать, что может нас успокоивать, в чем св. Иоанн Лествичник укрепляет, научая: «Старайся всегда бродящия твои мысли собрать воедино. Бог не взыскивает того, чтобы ты во время молитвы совсем никаких не мог иметь других мыслей; не отчаявайся, будучи мыслями расхищаем, но благодушествуй, созывая всегда бродящие свои помыслы: никогда бо не быти расхищаему мыслями единому Ангелу свойственно» (Степень 4).

Можно молиться и не в определенное время, а и всегда; но только, принимая меч сей против врагов, надобно остерегаться, чтоб не обратить оный на себя, не у пришедшу времени.

Хотя многие отцы пишут о молитве и действиях ее, но к тем, кто пришли в меру сию, и по чину оную проходили. Между тем смотрите, какие делали и предосторожности, зная многое множество подсад вражиих, являемых в виде истины и прельщавших тех, кои дерзостно приступают к сему священному умному деланию. Представляю вам еще во уверение учение св. Исаака Сирина к одному желающему и ищущему в себе дарований: «Молю убо тя, святе, да не въздет на помысл твой сие, но стяжи, паче неже вся, терпение находящихся. И со смирением великим и сокрушением сердца, о делах наших и помыслах наших, попросим у Господа прощения грехов наших и смирения души. Иже не помышляет себе быти грешна, у Господа молитва его несть благоприятна. Аще ли же речеши, яко неции от отец написаши о сих, что есть чистота души и что есть здравие, и что безстрастие, и что видение; то не да възщем та прежде времени, с чаянием, написаша. Занеже писано есть, яко *не приидет Царствие Божие с наблюдением чаяния* (Ср.: Лк. 17, 20). Обретшиися бо с сим намерением гордыню и падение стяжаша. Но мы поставим место сердца в делах покаяния, и жительствех сущих благоугодных Богови; Господняя же сама о себе приходят, аще место оно сердца чисто и нескверно будет. Она же, ихже ищем с наблюдением, высокая глаголю Божия, отметно есть Церковию Божиею; и приемшии то, гордыню стяжаша, и падение. И несть знамение сие, еже любити кому Бога, но недуг души» (Слово 55). Подобно и во 2-м Слове он же, пиша о сугубом делании креста, говорит: «Кийждо убо, прежде совершеннаго обучения в первой части, преходя ко оной второй, за сладость ея рачительне, а не от лености, гнев Божий находит нань, за еже не умертвити прежде *уды своя, яже на земли* (Ср.: Кол. 3, 5), т. е. еже исцелити немощь помыслов, терпением делания досады креста. Дерзнул бо есть возмечтати

во уме своем славу креста». Выше сего первую часть называет он «деяние, исполняемое действием яростных части души, ко еже претерпети скорби плотския, очищающее страдательную часть души силою ревности; а вторую, видение, совершаемое тонким деланием ума, и Божественным присно-поучением, и пребыванием молитвы, и прочими»²¹³. – Не знаю, удовлетворительно ли будет для Вас сие писание, в коем изложено не мое мнение, но учение святых отцов, которых молитвами да поможет Вам Господь идти путем истинным, смиренным, непрелестным, и получить спасение души...

²¹³ Перевод: Посему умоляю тебя, святой, да не входит тебе и на помысел это, но больше всего приобрети терпение для всего, что ни бывает с тобою, и в великом смирении и сокрушении сердца о том, что в нас и о помыслах наших, будем просить отпущения грехов своих и душевного смирения. Одним из святых написано: «Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота, что такое здравие, что такое бесстрашие, то писали не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени, ибо написано, что *не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20) ожидания. И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение; а мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же приидет само собою, если место в сердце будет чисто и неосквернено. Чего же ищем с *соблюдением*, разумею Божии высокие дарования, то не одобряется Церковью Божией; и приемшие это приобретали себе гордость и падение, и то не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь» (Слово 55). Кто прежде совершенного обучения в первой части – а именно полного очищения сердца от страстей внешними подвигами и исполнением заповедей Божиих, – стремится перейти ко второй части, т. е. уже умозрительной, ищет высоких духовных дарований, того постигает гнев Божий за то, что не умертвил прежде *уды свои яже на земли* (Ср.: Кол. 3, 5) терпеливым упражнением в делании *крестного поношения*, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. (Другими словами, сначала Голгофа подвига, а потом уже слава Воскресения: утешение в молитве и высокие дарования). И еще: «Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части, переходит к сей второй, привлекаемый ее сладостию, не говорю уже своею леностию, постигает гнев за то, что не умертвил прежде *уды свои яже на земли*, т. е. не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании *крестного поношения*, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной». Первая часть есть «деяние, исполняемое действием яростной части души в претерпении скорбей плотских, очищающее страдательную часть души силою ревности; а вторая – видение, совершаемое тонким деланием ума и божественным приснопоучением и пребыванием в молитве и прочими» (Слово 2) (*Исаак Сирин, прп. ...Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893. С. 258, 20*).

Письмо 4

...Предлагаю Вам сии скудоумные рассуждения, не могут ли оные, при помощи Божией и при свете разума, рассеять мрак, наводящий сердцу вашему смущение и беспокойства.

Упомянув о Причащении Святых Таин, говорите: «Но если на мое окаянство назрит Господь, то едва ли и когда-нибудь буду я допущен к причащению от источника бессмертия. Увы мне! *Раб лукавый и ленивый есмь* (Мф. 25, 26), и потому добыча ада и смерти!»

Ежели бы Вы подумали или сказали, что достойно причащаетесь сей святыни, то уж и было бы знаком недостойнства Вашего... Василий Великий и Иоанн Златоуст в молитвах говорят о себе: «Вем, Господи, яко недостойне причащаюся...» А второй: «Несмь доволен, Господи, да внидеши под кров души моя...»

И когда мы сами себя осуждаем, каемся о наших грехах и приступаем с верою, страхом и смирением к сей величайшей святыне, то силен Господь потребить, и огнем Божества поглотить все грехи наши и очистить нашу душу от всякия скверны, ибо Он пришел не праведников, но грешников спасти...

Когда вы видите себя в неисправлении, то неволью должна мысль смириться; вы себя осуждаете, но Бог оправдывает. Напротив, при вашем себе оправдании не будет ли от Бога отвержения, подобно фарисееву?..

Св. Иоанн Лествичник в 26-й Степени пишет, что, по особенному Божию смотрению, за священные подвиги и труды получают награды: некоторые при начатии подвигов, другие в прохождении оных, иные при окончании, а некоторые при самой смерти. Спрашивается, кто из них смиреннее? Явно, что те, кои скорее удостоиваются дарования; но другим дать оное не вовремя послужило бы не на пользу, но на погибель.

Вы спрашиваете меня, как возбуждать в себе ревность к исполнению заповедей? На сие отвечаю – страхом Божиим, ибо *начало Премудрости страх Господень* (Притч. 9, 10), и *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27)...

Учитесь же смирению от Самого Господа, глаголющего: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

Письмо 5

Мнение Ваше о себе, что вы – погибшая овца, не должно повергать Вас в отчаяние... К успокоению Вашему потребно смирение и благонадежие; на смирение призывает Господь и ниспосылает Свою милость.

Выписываю св. Петра Дамаскина из 1-й Книги... «Обаче не подобает нам отчаяватися, не сущим якоже быти подобает. Зло убо сие, яко согрешил еси человеце: что же ты Бога прогневляеши и от неразумия немощна вменяеши Его? Еда ли не может спасти души твоя, сотворивый толикий, его же видеши, тебя ради мир? Аще же глаголеши, яко и сие паче осуждение ми есть, якоже и Его снисхождение, покайся, и примет покаяние твое, якоже блуднаго и блудницы. Аще ли же ни сие можеша, но по навикновению согрешаеши, в них же бы и не хотел еси, имей смирение, яко же мытарь, и довлеет ти во спасение: ибо непокаянне согрешаяй, и не отчаявайся, по нужде худша всей твари имать себе, и не дерзает осудити или укорити коего человека, но паче дивится человеколюбию Божию, и благодарен ко благодетелю обретается, и ина многая благая имети может. Аще и диаволу в согрешении повинуся, но паки страха ради Божия преслушает врага, понуждающего его к отчаянию и *от сего часть Божия есть*»... И паки: «Обаче егда кто восхоцет, паки полагает начало покаянием. Пал ли еси, глаголет, востани; и паки пал ли еси, паки востани, не отчаяваяся отнюдь о своем спасении, аще что-либо и будет; ниже волею предавай себе врагу, и довлеет ти терпение сие с самоукорением во спасение»...

«Ты убо отнюдь да не отчаешися, не ведя Божией помощи, может бо елико хоцет сотворити, но уповай на Него и едино от сих имать сотворити или яко некими искушениями, или другими

образом, ими же Он вест, устроит твое исправление, или примет твое терпение и смирение вместо делания; или иным образом, его же не веси, по упованию соделает человеколюбно, во еже спасти бездерзновенную твою душу; точию *да не оставляеши врача*, зане люте терпети имаши сугубую смерть за неведение сокровенного Божия намерения»...

Кажется, сие должно Вас восставить от рва отчаяния. Я вспомнил Вам, что смущение ваше происходит от духовной гордости, на которое мнение представляю учение св. Дорофея: «И страсть, аще стужает нам, не должны есмы ни в сем смущатися: еже бо смущатися кому стужаему от страсти, безумия есть и превозношения; и от еже не ведети свое устроение; и от еже *бегати труда*, яко же реща отцы»...

Желаю Вам умудряться в духовных бранях, познавать козни вражии и более всего смиряться. Смирение есть сильнейшее оружие против врага и его стрел. Да укрепит Вас Господь на брани сей, и да увенчает в день он, а теперь не ищите в себе воздаяний; смиренный не видит себя того достойным, а пред Богом велик. Святые имели себя хуже всей твари в своих помыслах, а Бог их прославил...

Письмо 6

Слава Богу, даровавшему Вам с жизнью и возможность пользоваться благами оной. Чувствуя неисповедимую благодарность к щедротам Его, должны стараться, исполнением святых Его заповедей, стяжать любовь Его, по слову святых уст Его: *Любяй Мя, заповеди Моя соблюдает* (Ин. 14, 23).

Из письма Вашего вижу как бы жалобу на недосуги, на волны житейского моря и невозможность заняться, как бы следовало, своею душою. Но кажется, и в самых житейских волнах и соображениях есть средство к занятию своею душою, т. е. к исполнению заповедей Божиих. Как же мы оные исполним, не имея с людьми сообщения?

Вы еще не такой меры, чтобы могли вести жизнь совершенно отшельническую и уединенную, и бороться с одними бесами, или

наслаждаться умозрением сокровенных таинств. О сем предмете довольно Вас научит обитавший некогда в Сирских странах св. старец Исаак в 55-м Слове и во 2-м Слове его книги. А также и св. Иоанн Лествичник, который имеющему о себе мнение ниже след безмолвия видеть попускает.

...За исполнение заповеди Божией должно много потерпеть от мира, плоти и диавола. Святой Апостол пишет: *а хотящии благочестно жити, гоними будут* (2 Тим. 3, 12); *и хотящий быти друг мира, враг Божий бывает* (Иак. 4, 4). *Мудрование плотское вражда на Бога* есть: *закону бо Божию не покаряется, ниже бо может* (Рим. 8, 7). *А хотящии во плоти жити Богу угодили не могут* (Рим. 8, 8). *Диавол же, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Вот Вам от многих малые свидетельства Писания о препятствии нам, от сих трех врагов, к исполнению заповедей Божиих. И не только в мире, но и в монастыре они противятся исполнению воли Божией, мир суть страсти, плоть с нами и диавол борет.

Однако ж в монастыре не столько есть соблазнов и поводов к поползновению; потому древние святые отцы, видя невозможность или паче немощь свою, умыслили избрать путь сей бегая мира, и всего яже в мире, чтобы удобнее в малолюдстве исполнить заповедь Божию, как пишет о сем св. авва Дорофей в первом поучении «Об отвержении мира».

Но Вы находите себя еще не могущим к оставлению житейских вещей, то что ж делать в таком случае? – Подражать св. Петру, утопавшему в волнах: *Господи, спаси мя*, погибаю (Мф. 14, 30), и св. Давиду, вопиющему: *скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду* (Пс. 142, 8), и *путь неправды отстави от мене* (Пс. 118, 29).

...Всех Ваших поползновений причина и корень – *гордость*; отрасли ее: превозношение, о себе мнение, зазрение людей, уничижение и осуждение их. – Как бы мы ни старались делать добродетели, но при сих действиях *они мрачны* и не приносят пользы, ибо оные-то и суть преступление и сопротивление воле Божией; Его святое

учение и самая жизнь есть кротость и смирение; коим и повелел нам научиться от Себя... Всех наших зол причина – гордость, а всех благ ходатай – смирение!

Когда при исполнении благих дел должны мы иметь *сердце сокрушенно и смиренно* и дух сокрушен, коих *Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19), кольми же паче, в нищете нашего устройства, должны повергать себя в бездну смирения...

Занимайтесь чтением отеческих книг, но более деятельных, ибо при вашем устройении умозрительные могут принести больше вреда, нежели пользы; а из оных (деятельных) Вы познавать будете свою немощь и смирать свое сердце, на которое призирает Бог и посылает Свою помощь к исполнению воли Его.

А то хотя весь разум Писания будете иметь, но с самомнением никакой пользы не обряцете; ибо враг умеет строить подсады и прельщать таковых мнимым утешением, как он является и во образе *Ангела света* (2 Кор. 11, 14), так и в мысленных и душевных деланиях производит свои действия, от которых да избавит Вас Господь, хотящий *всем человеком спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4).

Он печется о тварях Своих и промышляет по премудрому Своему Промыслу и предведению – кого наказует, и кого награждает. Судьбы Его нам непостижимы...

Письмо 7

...Извещаете о упражнении Вашем в чтении книг и о находящем Вам унынии чрез то, что, понуждая себя на пост, бдение и молитву, думаете, будто бы делаете это, сами не знаете для чего; а надобно делать сие из любви к Богу, которой в себе не ощущаете. Когда же мысль сия отходит, занимает место ее другая, и страсти одна другой передают бедное Ваше сердце. Просите от меня на сие недоумение совета...

Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией, ибо отцы, читая слово Божие, в Святом Писании нам пре-

данное, исполнили оное и прошли деятельною жизнью, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, не знаете образа жизни и борьбы, и думая, что читая сам слово Божие, могу оное исполнять, и не смиряетесь; а читая, познаете путь, тщитесь к исполнению, но, не достигая мер их, познаете свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается. О чем в «Отечнике» пишется так: «Брат вопроси старца, глаголя: “Что сотворю, яко чту писания отец и не творю?” Отвеща старец: “Чтя словеса отеческия и не творя, смиряется и получает милость Божию, а не чтя не смиряется и не получает милости Божией”». Посему немалая польза читать деятельные их учения.

Исполняемые Вами телесные делания нельзя сказать, чтоб Вы делали сами не зная для чего; а точно от любви к Богу, но несовершенной, а как зародыш малый в сердце имея, от веры происходящий.

Читая слово Божие и примеры жизни отцов, победивших страсти и достигших в любовь Божию, веруем сему и понуждаемся исполнять прежде деяния телесные и показать делом любовь к ближнему.

Когда исполняем их правильно и со смирением, переходим к видению или умозрению, получаем душевное утешение, и любовь Божия показывается нам явственнее²¹⁴.

²¹⁴ Макарий (Иванов), иеросхим. Собрание писем... Письма к мирским особам. М., 1862. С. 1–34.

Глава VIII

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ

Ивану Васильевичу Киреевскому одновременно со старцем Макарием принадлежит инициатива великого предприятия – издания святоотеческих писаний. Благодаря этому начинанию и смогло произойти снабжение этими книгами академий, семинарий, правящих епископов, ректоров и инспекторов, и чтение этой доселе недоступной аскетической литературы могло стать доступным монашествующим и всем духовно настроенным русским людям. Истина Православия воссияла, утвердилась и укрепилась в противовес западным книгам ложного направления. Явление миру этих рукописей – событие, не поддающееся оценке простыми словами.

Другая заслуга Киреевского, как признано в истории русской философии, – это положенное им начало независимой мысли в русской философии, и, как утверждает профессор Н.О. Лосский, Киреевский и Хомяков «хотя не выработали системы в философии, но они установили духовное философское движение, которое составляет самое оригинальное и ценное достижение в русской мысли»²¹⁵.

Основное положение философии Киреевского было следующее: «Учение о Святой Троице не потому только привлекает мой ум, что является ему как высшее средоточие всех святых истин, нам Откровением сообщенных, но и потому еще, что, занимаясь сочинением о философии, я дошел до того убеждения, что направление философии

²¹⁵ *Lossky N.O. History of Russian philosophy. London, 1952. P. 13.*

Иван Васильевич Киреевский

зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»²¹⁶.

Иван Васильевич Киреевский был сыном прекрасных русских людей. Его отец Василий Иванович Киреевский в молодости служил при Павле, вышел в отставку с чином секунд-майора гвардии и поселился в родном Долбине, где выстроил себе новый дом – огромный, на высоком фундаменте, с мраморной облицовкой стен внутри, со множеством надворных строений и великолепными садами. Это был, по-видимому, сильный и оригинальный человек, нравственно из одного куска.

Его образованность надо признать редкою для его времени: он знал пять языков, любил естественные науки, имел у себя лабораторию, занимался медициною и довольно успешно лечил. На смертном одре он говорил старшему сыну о необходимости заниматься химией и называл ее «божественной наукой». Он много читал, и знания его, говорят, были очень многосторонни. Пробовал он и писать, и переводил повести и романы, и даже сам сочинял. Он был англоман – любил английскую литературу и английскую свободу. Вместе с тем был очень набожен, ненавидел энциклопедистов и скупал в Москве сочинения Вольтера с тем, чтобы жечь их.

При всей своей добродетели Василий Иванович был большой оригинал. Любил читать лежа на полу и мало заботился о своей внешности. Когда они жили в Москве из-за родов его молоденькой жены, он целыми днями пропадал в книжных лавках, оставляя по рассеянности жену без денег, не знавшую, как накормить многочисленную дворню.

²¹⁶ *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 100.

Свой дом он вел строго по заветам старины; занятия химией и англоманство нисколько не поколебали в нем патриархального духа и не заставили с пренебрежением отвернуться от народного быта; напротив, он сохранил во всей силе ту близость усадьбы с народом, тот открытый приток народного элемента в господскую жизнь, который отличал помещичий быт старого времени. Из пятнадцати человек комнатной прислуги (мужской) шестеро были грамотны и охотники до чтения; книг и времени у них было достаточно, слушателей много. Во время домовых богослужений, которые бывали очень часто (молебны, всенощные и т. д.), они заменяли дьячков, читали и пели стройно старым напевом: нового Василий Иванович у себя не терпел, даже в церкви.

В летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня деревенских и сенных девушек, кружевниц и швей водили хороводы и разные игры: в коршуны, в горелки, «заплетись плетень, заплетися, ты завейся, труба золотая» или «а мы просо сеяли», «я еду в Китай-город гуляти, привезу ли молодой жене попку» и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльце, любовались и внушали чинность и приличие. В известные праздники все бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то в роще крестить кукушек, завивать венки, пускать их на воду и пр. Вообще народу жилось весело, телесных наказаний никаких не было. Главные наказания в Долбине были земные поклоны перед образами до сорока и более, смотря по вине, да стул (дубовая колода, к которой приковывали виновного на цепь).

Крестьяне были достаточны, многие зажиточны. К утехам деревенской жизни надо еще прибавить, что сюда к Успеневу дню (в церкви села Долбина, при которой было два священника, имелась чудотворная икона Божией Матери) стекалось множество народа из окрестных сел и городов, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палаток с красным и всяким товаром, шли длинные, густые ряды с фруктами и ягодами;

не были забыты и горячие оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василий Иванович не допускал у себя. Даже на этот ярмарочный день откупщик не мог сладить с ним и отстоять свое право «по цареву кабаку». Никакая полиция не присутствовала, но все шло порядком и благополучно. Накануне праздника смоляные бочки горели по дороге, ведущей в Долбино, и освещали путь, а в самый день Успенья длинные, широкие, высокие, тенистые аллеи при церкви были освещены площадками, фонариками, и в конце этого сада сжигались потешные огни: солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты поодиночке и снопами, наконец, бурак. Все это приготавливал и этим распоряжался Зюсьбир (немец из Любека, управлявший сахарным заводом Киреевского). Несмотря на все эти великолепия, постромки у карет, вожжи у кучера и поводья у форейтора были веревочные²¹⁷.

Семейные предания изображают Василия Ивановича человеком твердой воли и непреклонных убеждений. Рассказывают, что вскоре после его женитьбы в 1805 г. заехал в Долбино губернатор Яковлев, объезжавший губернию и пожелавший в Долбине переночевать; с ним была многочисленная свита, в том числе его возлюбленная. Василий Иванович не впустил ее в свой дом, и губернатор принужден был уехать дальше искать ночлега, и потом он не решился мстить Киреевскому.

Одно время Василий Иванович был судьей в своем уезде по выборам; он и здесь внушил к себе уважение своей справедливостью и страх своей строгостью. «Нерадение в должности – вина перед Богом», – говорил он и назначал неисправным чиновникам земные поклоны, как и своим дворовым. В его записной книжке есть две записи: в одной он упрекает себя в несправедливости однажды по отношению к дворовому, которого разбранил; другой раз – к крестьянину, которому запретил ехать лугом. Это непоколебимое

²¹⁷ Изложено по: *Петерсон А.П.* Черты старинного дворянского быта // Русский Архив. 1877. Кн. 2. Вып. 8. С. 479–482. – *Примеч. ред.*

сознание нравственного долга простиралось в нем далеко за пределы семейного и помещичьего обихода: он чувствовал себя гражданином и при случае умел поступать, как гражданин. Сохранилось его черное прошение на имя Государя, где он предлагал способы борьбы с повальными болезнями.

В 1812 г. он приехал в Орел, близ которого у него была деревня, и оба своих дома – городской и деревенский – отдал под больницы для раненых, приютив, кроме того, многие семейства, бежавшие от неприятеля со Смоленской дороги. Он самовольно принял на себя заведование городской больницей в Орле, куда во множестве свозили раненых французов. В госпитале царили вопиющие неурядицы и злоупотребления; не щадя сил и денег, всех подчиняя своей твердой воле, Киреевский улучшил содержание раненых, увеличил число кроватей, сам руководил лечением, – словом, работал неутомимо; попутно он обращал якобинцев на христианский путь, говорил им о будущей жизни, о Христе, молился за них. Здесь в госпитале он заразился тифом и умер 1 ноября 1812 г., в день бессребреников Косьмы и Дамиана, исполнив до конца заповедь Христову.

Если Василий Иванович представлял собою моральный тип, то супруга его, Авдотья Петровна (урожденная Юшкова), олицетворяла собою тип эстетический. Она принадлежала к родовитой семье и воспитывалась у бабушки – вдовы Вельского воеводы, дамы богатой, важной, начитанной и культурной.

Внучке своей бабушка дала прекрасное образование; с одной стороны, благодаря гувернантке, французской эмигрантке, она освоилась с французской классической литературой. С другой стороны, живя зимой в Москве и вращаясь в дружеском кружке Тургеневых и Соковниных, она разделяла восторг перед Дмитриевым и Карамзиным. Последний на правах родства бывал в доме ее бабушки. Но главное литературное влияние исходило от В.А. Жуковского – побочного сына ее деда. Они выросли вместе, и он руководил ею в занятиях.

Шестнадцати лет она вышла за В.И. Киреевского, которому было более 30 лет. Муж внушил ей глубокую религиозность, которую она сохранила всю жизнь. Но до глубокой старости она сохраняла свой светлый, живой нрав. Она любила цветы, рисовала и вышивала их, любила поэзию, живопись, обладала чувством юмора и остроумием; ее письма к сыновьям и друзьям очаровательны. Кроме того, она занималась переводами с иностранных языков, которые составили бы много томов, если бы были напечатаны полностью.

После смерти Василия Ивановича Киреевского Жуковский прожил более года у своей племянницы. Его личность оставила глубокий след в душе осиротевшего отрока Вани. Близость между ними сохранилась на всю жизнь.

Овдовев и выйдя за Елагина, Авдотья Петровна создала в своем московском доме знаменитый салон, где объединялись для обмена мыслей все выдающиеся и замечательные лица. Это продолжалось многие десятки лет, вплоть до ее смерти.

Отчим, А.А. Елагин, дал прекрасное образование своим пасынкам. Они основательно изучили математику, языки – французский и немецкий – и перечитали множество книг по словесности, истории, философии из библиотеки, собранной их отцом. В 1822 г. вся семья для окончания их учения переехала в Москву, где профессора университета давали им частные уроки. Кроме того, Иван слушал публичные лекции по природоведению, читанные М.Г. Павловым, последователем Шеллинга. Товарищем его по учению был А.И. Кошелев. В это время братья Киреевские выучились английскому языку и древним языкам. Но знание таковых было не столь велико, так что Иван Васильевич доучивался впоследствии, когда начались в Оптиной Пустыни переводы св. отцов, в чем он принимал деятельное участие. Вскоре Киреевский сдал государственный экзамен, как тогда говорилось, «при комитете» и поступил на службу в архив Иностранной коллегии²¹⁸.

²¹⁸ Имеется в виду Московский архив Государственной коллегии иностранных дел. – *Примеч. ред.*

Первое литературное выступление Киреевского началось со статьи о Пушкине в «Московском вестнике» в 1828 г. под заглавием «Нечто о характере поэзии Пушкина». Статья его была едва ли не первой в России попыткой критики серьезной и строго художественной, вызвавшей одобрение Жуковского. В следующем 1829 г. он напечатал в альманахе М.А. Максимовича «Денница» «Обозрение русской словесности за 1829 год».

В том же году сделав предложение Н.П. Арбеневой²¹⁹ и получив отказ, он заболел и поехал доучиваться за границу, где слушал лекции в Берлине и Мюнхене по богословию, философии и истории. В числе профессоров были Гегель и Шеллинг, с которыми он лично познакомился. Вернувшись через год на родину, он издает журнал «Европеец». Вышло два номера. Журнал был самый благонамеренный, но был заподозрен правительством в скрытой революционной пропаганде. Жуковский едва спас Ивана Васильевича от административной высылки. С тех пор на Киреевского легла черная тень подозрения в неблагонадежности, которая в течение всей его жизни не дала ему возможности проявлять свои таланты и силы.

В 1834 г. он женится, наконец, на любимой им девушке. После женитьбы Киреевский в течение 12 лет своей жизни в Долбине ограничил свою общественную деятельность исполнением обязанности почетного смотрителя Белевского народного училища²²⁰, добросовестно относясь к этому делу. Эта жизнь в деревенской тиши казалась одному недоброжелательному «биографу» каким-то сном и бездействием. Но эти годы для него не были потерянными, они прошли в духовном и умственном самоуглублении. Если в юные годы он верил в европейский прогресс и был западником (журнал «Европеец»), то теперь его мировоззрение круто изменилось. Иван Васильевич стал самим собой, тем Киреевским, образ которого запечатлен в истории нашей духовной культуры. Годы, проведенные в

²¹⁹ У Концевича ошибочно указано: Н.П. Арбениной. – *Примеч. ред.*

²²⁰ Неточность: имеется в виду Белевское уездное училище. – *Примеч. ред.*

Супруги Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские

чтении научных книг, расширили его познания. В сороковых годах он делает попытку вновь выступить на арену общественной деятельности, но опять неудачно. Он ищет кафедры при Московском университете и получает отказ. Желание высказать вполне созревшие и глубоко продуманные в деревенской тиши философские убеждения в нем было, однако, настолько настойчиво, что он решается взяться за редактирование журнала «Москвитянин», издаваемого Погодиным.

Цензура и тяжелый характер издателя, впрочем, заставляют Ивана Васильевича отказаться от этого дела после трех первых книжек журнала ²²¹.

Здесь надо сказать несколько слов по поводу тех воздействий, которые способствовали и помогли окончательному образованию мировоззрения Ивана Васильевича. С одной стороны, то был брат его Петр Васильевич ²²², с которым его соединяла самая тесная дружба, а с другой – его жена Наталья Петровна.

Мысли Петра Васильевича не прошли даром для его старшего брата. Что касается религиозного отношения, здесь было влияние Натальи Петровны. Иван Киреевский никогда не был неверующим. Еще в бытность в Германии в 1830 г. он советует в письме своей сестре, чтобы она ежедневно читала Евангелие. Но, будучи христианином, Иван Васильевич не был православным церковником. Он был далек от Церкви, как и почти вся среда тогдашнего передового образованного общества. Другое дело была его супруга – духовная дочь о. Филарета Новоспасского. Она в юности ездила в

²²¹ И.В. Киреевский выпустил в свет три номера «Москвитянина» за 1845 г. и подготовил к печати четвертый с житием старца Паисия Величковского. – *Примеч. ред.*

²²² О П.В. Киреевском см. гл. IX наст. изд. – *Примеч. ред.*

Саровскую пустынь и имела общение с преподобным Серафимом. Поэтому наместник Троицкой Лавры, архимандрит Антоний, в своем письме к ней именует ее «сестрой». Встреча с о. Филаретом Новоспасским была решающим моментом в жизни И.В. Киреевского: он стал его преданным духовным сыном. Но дни жизни Старца были уже сочтены. После его кончины старцем четы Киреевских стал о. Макарий Оптинский. Киреевский пишет своему другу Кошелеву: «Существеннее всяких книг и всякого мышления – найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов»²²³. Такое исключительное счастье он имел в лице о. Макария!

Из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной Пустыни, Киреевский ближе всех других подошел к ее духу и понял, как никто иной, ее значение как духовной вершины, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемый изобилием благодати даров стяжания Святаго Духа, и одновременно служение миру во всей полноте как в его духовных, так и в житейских нуждах. Он видел в Оптиной претворение в жизнь мудрости святоотеческой. Будучи философом, он почувствовал, что и высшее познание истины связано с цельностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Но это восстановление достигается внутренним подвигом, духовным деланием. И Киреевский в своих философских исследованиях, а именно в учении о познании (гносеологии), указал на внутреннюю зависимость (функциональную связь) познавательных способностей человека от духовного подвига, претворяющего естественное, низшее состояние сил человека в духовный высший разум (связал философию с аскетикой)...

При своем служении делу оптинского издательства Иван Васильевич имел возможность в совершенстве изучить святоотеческую

²²³ Киреевский И.В. Письмо к А.И. Кошелеву 10 июля 1851 г. // Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 257. – *Примеч. ред.*

литературу, а ранее получив прекрасное домашнее философское образование и еще дополнив его во время пребывания в Германии, он, таким образом, был также в совершенстве знаком и с западной культурой; в его лице встретились западная философская традиция с традицией Восточной Церкви. Чем же разрешилась эта встреча двух враждебных начал?

Ответ на этот вопрос дает статья «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», напечатанная в 1852 г. в «Московском сборнике», издаваемом славянофильским кружком. Эта статья навлекла цензурное запрещение на сборник, но ничего антиправительственного в ней не было. Смысл статьи таков.

Будучи выучеником Запада, зная его в совершенстве, Иван Васильевич сурово критикует его культуру. Запад зашел в духовный тупик. Духовная болезнь западной культуры – это «торжество рационализма». В этом ее сущность, как свидетельствует профессор В. Зеньковский: «Обвинение в рационализме всего Запада возникло еще в XVIII веке на Западе же как во Франции, так и в Германии»²²⁴. Киреевский об этой болезни Запада говорит подробно: «Европейское просвещение, во второй половине XIX века, достигло той полноты развития, где его особенное значение выразилось с очевидною ясностью для умов, хотя несколько наблюдательных. Но результат этой полноты развития, этой ясности итогов, был почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды... Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений... самая жизнь лишена была своего существенного смысла... Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития; так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло (т. е. христианство), сделались для него

²²⁴ Ср.: Зеньковский В., *прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 200.

посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам; между тем как прямою собственностью его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластный рассудок, или, как вернее назвать эту логическую деятельность, отрешенную от всех других познавательных сил человека»²²⁵. Но Запад, как и Восток, изначально жил верой, но произошло повреждение в самой вере, когда Рим поставил «силлогизм выше живого сознания всего христианства»²²⁶. Киреевский показал, что из этого повреждения «развились сперва схоластическая философия внутри веры, потом реформация в вере и, наконец, философия вне веры»²²⁷. «...То, что Западная Церковь подменила внутренний авторитет истины внешним авторитетом иерархии (когда самовольно, без согласия с Востоком, изменила Символ веры), привело к... рационализму, т. е. торжеству “автономного” разума»²²⁸ повлекшему неизбежно распад духовной цельности. «Раздвоение и рассудочность – последнее выражение западной культуры»²²⁹.

Запад просмотрел восточную мудрость. Его ученые до тонкости изучили все философии с древнейших времен: египетскую, персидскую, китайскую, индусскую и т. д. Но мистика православного Востока для них была закрыта. Мы же унаследовали от Византии сокровища этой духовной мудрости, заключенной в творениях святых отцов. И наша историческая задача была построить на богатом византийском наследии новую духовную культуру, которая бы оплодотворила весь мир. Киреевский поставил проблему во всей ее полноте. Он

²²⁵ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 231–232.

²²⁶ Там же. С. 285. – *Примеч. ред.*

²²⁷ Там же. С. 284. – *Примеч. ред.*

²²⁸ Зеньковский В., прот. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 230.

²²⁹ Цит. по: Зеньковский В., прот. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 232.

указывает, что русская философия должна строиться на глубоком, живом и чистом любомудрии святых отцов, представляющих зародыши высшего философского начала²³⁰. «Путь русской философии лежит не в отрицании западной мысли, а в восполнении ее тем, что раскрывается в высшем духовном зрении... где достигается вновь целостность духа, утерянная в грехопадении, затем ущербленная в западном христианстве торжеством логического мышления»²³¹.

Статья Киреевского, как сказано, была напечатана в славянофильском «Московском сборнике», и хотя сам Иван Васильевич, отойдя от западников, очутился в окружении славянофилов, из которых Хомяков и особенно Кошелев были его близкими друзьями, но тем не менее, на наш взгляд, причисление Киреевского к «ранним славянофилам» является ошибкой. Во всем собрании его сочинений нет ни единого слова, дающего право на такое наименование. Он боролся, как и его брат, за сохранение черт русской самобытности. Ему, подобно К.Н. Леонтьеву, дороги византийские наши корни, на которых основано Православие. В той же статье им сказано: «Учения св. отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта»²³². А в более ранней статье («Ответ Хомякову», 1838) он пишет: «Эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущелиях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший»²³³. Это созвучно словам К.Н. Леонтьева: «Византийский дух, византийские

²³⁰ См.: *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 332. – *Примеч. ред.*

²³¹ *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 230.

²³² *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 259.

²³³ *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 199.

начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникает насквозь великорусский общественный организм... Им обязана Русь своим прошлым...» («Византизм и славянство») ²³⁴.

Неудивительно, что западники считали Киреевского славянофилом по недоразумению. «Я от всей души уважаю Киреевских, – пишет Грановский, – несмотря на совершенную противоположность наших убеждений. В них так много святости, прямоты, веры, как я не видел ни в ком» ²³⁵. Герцен с грустью выразился по поводу Киреевского: «Между нами были церковные стены» ²³⁶. Братья Киреевские не примыкали всецело ни к одному из существовавших тогда идеологических течений. Об этом свидетельствует тот же Герцен: «Совершенной близости у него (И.В. Киреевского) не было ни с его друзьями, ни с нами. Возле него стоял его брат и друг Петр. Грустно, как будто слеза еще не обсохла, будто вчера постигло несчастье, появлялись оба брата на беседы и сходки» ²³⁷. Печаль эта понятна: ни тогда, ни после Киреевские не были должным образом поняты и оценены. Они до сих пор ждут своего беспристрастного исследователя...

В 1856 г. в славянофильском сборнике «Русская беседа» вышла в свет последняя статья Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии». Это и была та статья, которая положила начало независимой мысли в русской философии. Через несколько месяцев после выхода в свет этой статьи последовала неожиданная кончина (11 июня 1856 г.) ее автора. Иван Васильевич умер от холеры в Петербурге, куда он поехал навестить своего сына, окончившего лицей. Смерть его сильно потрясла всех его близко знавших. Петр Васильевич умер в том же году.

²³⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 36. – *Примеч. ред.*

²³⁵ Цит. по: Лясковский В.Н. Братья Киреевские. СПб., 1899. С. 61. – *Примеч. ред.*

²³⁶ Герцен. А.И. Былое и думы. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 452. – *Примеч. ред.*

²³⁷ Там же. – *Примеч. ред.*

Поэт Хомяков посвятил И.В. Киреевскому еще в 1848 г. следующие стихи:

Ты сказал нам: «За волною
Ваших мысленных морей
Есть земля; над той землею
Блещет дивной красотой
Новой мысли эмпирей».
Распусти ж свой парус белый –
Лебединое крыло –
И стремися в те пределы,
Где тебе, наш путник смелый,
Солнце новое взошло.
И с богатством многоценным
Возвратившись снова к нам,
Дай покой душам смятенным,
Крепость волям утомленным,
Пищу алчущим сердцам²³⁸.

Французский писатель Грасье, биограф Хомякова, заканчивает свою книгу такими словами: «Он так же, как Иван Киреевский, скончался внезапно от холеры, так же, как и он, оставил неоконченным труд, им унаследованный, и эта двойная судьба, прерванная тем же случаем, в преследовании той же цели, – должна была бы показать, что истинное величие человека состоит, скорее, в искании, чем в нахождении, более в попытках, чем в завершении, более в начинании, чем в окончании. Забота о дальнейшем – дело самого Хозяина. И это должно служить утешением доброму труженику, который отходит, чтобы заснуть в мире»²³⁹.

²³⁸ Хомяков А.С. К И.В. Киреевскому // Стихотворения. М., 2005. С. 205. – *Примеч. ред.*

²³⁹ Gratieux A. A. Khomiakov et le mouvement slavophile des Hommes. Paris, 1939. P. 194.

АНТРОПОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ КИРЕЕВСКОГО²⁴⁰

Это учение должно быть рассматриваемо в связи с аскетикой, как имеющее непосредственное отношение к ней, связывающее ее с философией и утверждающее вековечное значение аскетического подвига.

В своем учении о душе Киреевский указывает на ее иерархический строй. В основу учения он кладет «исконный христианский антропологический дуализм»²⁴¹, различение внешнего и внутреннего человека. Он различает, выражаясь современными психологическими терминами, эмпирическую сферу души с ее многочисленными функциями и ее глубинную сферу, лежащую ниже порога сознания, центральное средоточие которой можно назвать «глубинным Я». Это те силы духа, которые отодвинуты внутрь человека (за порог сознания) грехом, благодаря чему нарушена та исконная цельность, в которой таится корень индивидуальности и ее своеобразия. Эти силы, этот внутренний человек, закрыт от сознания властью греха. Преодолением греха и «собираанием» сил души надо стремиться связать эмпирическую сферу с глубинным центром, этим «внутренним средоточием», подчиняя ему эту сферу. «Главный характер верующего мышления, – говорит Киреевский в этом замечательном отрывке, – заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, и удивительное, и желаемое, и справедливое и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом *восстанавливается* существенная личность человека в ее первозданной неделимости»²⁴². В этой восстановленной цельности сил иерархический примат при-

²⁴⁰ Эта глава включена также в книгу И.М. Концевича «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси». – *Примеч. ред.*

²⁴¹ *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 222.

²⁴² *Киреевский И.В.* Отрывки // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 336–337.

надлежит моральной сфере, от здоровья которой зависит здоровье всех других сторон или свойств души²⁴³.

Основное положение в своем учении о познании (гносеологии) Киреевский выражает так: «Тот же смысл, которым человек понимает Божественное, служит ему и к разумению истины вообще»²⁴⁴. Другими словами, «познание реальности есть функция Богопознания»²⁴⁵.

Это чрезвычайной важности свойство познавательной способности души и лежит в основе гносеологических построений Киреевского и дает ключ к разумению последних. «В основной глубине человеческого разума, в самой природе его, заложена возможность сознания его коренных отношений к Богу»²⁴⁶, т. е. веры. Вера, Богопознание – это есть глубокое таинственное единение не только духа человека, но и всей его личности в ее цельности с Богом, этой высшей единственно истинной реальности.

Подобно этому и познание реальности вторичной, тварной должно касаться не только одного разума, но и всем существом своим в его целом приобщаться реальности. «Сила познания, возможность овладения реальностью, той истиной, которая в ней скрыта, определяется не познанием, как таковым, а свечением смысла, его осуществлением во внутреннем средоточии человека»²⁴⁷. Это возможно только в цельности духа, собранности всех его сил.

Но в грехопадении строй души поврежден, и хотя ущерблена также и вера и отодвинута в глубь души, но ей все же осталась

²⁴³ *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 225.

²⁴⁴ *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 306.

²⁴⁵ *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 228.

²⁴⁶ *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 322–323.

²⁴⁷ См.: *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 228.

присуща та сила, которая может восстановить утерянную цельность духа, и в той мере, в какой вера сохранилась во внутреннем средоточии духа, она восполняет естественную работу ума и «вразумляет ум, что он отклонился от своей нравственной цельности, и этим вразумлением побуждает к возвращению на степень высшей деятельности», т. е. подняться выше своего естественного состояния. «Ибо православно верующий знает, что для цельной истины нужна цельность разума, и искание этой цельности составляет постоянную задачу его мышления»²⁴⁸. Таким образом, «в мышлении православно верующего совокупляется всегда двойная деятельность: следя за развитием своего разумения, он, вместе с тем, следит и за самым способом своего мышления (контролирует правильность его деятельности), постоянно стремясь возвысить разум до того уровня, на котором бы он мог сочувствовать вере»²⁴⁹; и благодаря этому поврежденность нашего ума по причине распада цельности восполняется тем, что вносит в наш дух вера. Здесь нет места насилью над разумом, которое подрывало бы его свободу и творческие силы, но возведение разума с низшей ступени на высшую.

«Живые истины – не те, которые составляют мертвый капитал в уме человека, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и по природе своей не могут быть явными и общими для всех; ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного прикосновения»²⁵⁰. Познание истины должно быть пребыванием в истине, т. е. делом не одного

²⁴⁸ *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 311.

²⁴⁹ Там же. С. 312.

²⁵⁰ *Киреевский И.В.* Отрывки // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 340. – *Примеч. ред.*

лишь ума, а всей жизни. Знание живое приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в душе одну наружность своей формы. Таким образом, духовное просвещение в противоположность логическому знанию связано с нравственным состоянием души и потому требует подвига и нравственного напряжения. «Его можно погасить в себе, если не поддерживать постоянно того огня, которым оно загорелось»²⁵¹. Одно лишь отвлеченное познание влечет за собой отрыв от реальности и обращает самого человека в «существо отвлеченное»²⁵². Разрыв с реальностью начинается в области веры: заболевание духа, распад его сил отражается прежде всего в области веры и вызывает как следствие возникновение «отвлеченного мышления». «Отделенное от других познавательных сил логическое мышление составляет естественный характер ума, отпавшего от своей цельности»²⁵³. Это отпадение разума вызывает и утерю высшей познавательной способности, связанной с верой, и естественный разум неизбежно опускается ниже своего первоестественного уровня. Разрыв с духовными силами, эта аморальность западного просвещения, сообщает ему своеобразную устойчивость, тогда как знание духовное по природе своей динамично, как непосредственно зависящее от все время меняющегося состояния моральной сферы.

Таким образом, Киреевский разрешает основную проблему в гносеологии – согласования веры и разума. Как уже говорилось, вдохновения свои он черпал у св. отцов. Приведем их учение о степенях разума в изложении св. Димитрия Ростовского, чтобы еще полнее осветить это учение о познании.

§ 1. Разум невозделанный и долгим временем не очищенный есть разум неразумный – неправый и неистинный разум. В разуме

²⁵¹ Там же С. 327.

²⁵² *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 305.

²⁵³ *Киреевский И.В.* Отрывки // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 337–338.

бывает различие, как и во всех внешних вещах. Бывает разум совершенный – духовный, бывает разум посредственный – душевный, бывает и разум весьма грубый – плотский.

§ 2. Кто не позаботится самолично пройти тесным путем евангельским и будет иметь небрежение об очищении ума, тот слеп душою, хотя бы и всю внешнюю мудрость изучил, он держится только буквы убивающей, а оживляющего духа не принимает.

§ 3. Правый и истинный разум не может быть удобно углублен в душу без великого и долговременного труда и подвига, а насколько умерщвляется похоть, настолько возрастает и процветает истинный разум. Но подвиг у всех должен быть сугубый, состоящий из внешнего труда и умного делания: один без другого не совершается.

§ 4. Все те, которые научились внешнему наставлению, о внутреннем же духовном делании – о просвещении и очищении разума – вознерадели, те совершенно обезумели, развратились различными страстями или впали в пагубные ереси». *Не искусиша, не познаша имети Бога в своем разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28).

§ 9. Ум, будучи очищен и просвещен, может разуместь все внешнее и внутреннее, ибо он *духовен и судит обо всем, а о нем самом судить никто не может* (Ср.: 1 Кор. 2, 15)²⁵⁴.

Философия – это наука о познании истины. Но истина лишь одна. *Аз есмь Путь и Истина и Живот*, – говорит Господь (Ин. 14, 6). Этот путь и для философской мысли единственный, кто идет иным – *прелазит инуде*.

Нагруженный верблюд только на коленях с трудом мог протискиваться сквозь низкие, тесные иерусалимские врата, именуемые «Игольные уши», но еще труднее, несмотря на все усилия, мыслителю, богатящемуся *лжеименным разумом* (Ср.: 1 Тим. 6, 20), войти в Царствие Божие истины и духовной свободы: *Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17). *Если пребудете в слове*

²⁵⁴ См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Алфавит духовный. М., 1909. С. 38–43.

Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 31–32).

Основываясь на законе динамичности знания по причине его органической связи с духовной сферой, Киреевский предполагает, что и упадок «самобытной русской образованности» хотя и произошел при неблагоприятных внешних условиях, но и «не без внутренней вины человека». «Стремление к внешней формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках, дает повод думать, что в первоначальном направлении русской образованности произошло некоторое ослабление еще прежде Петровского переворота»²⁵⁵. Здесь важно отметить, что начало упадка Киреевский относит к XV и XVI векам, что совпадает с началом упадка духовного делания, согласно и нашему исследованию.

Итак, Киреевский положил начало новой одухотворенной философии «цельности духа», которая могла бы стать основанием для развития самобытной русской культуры²⁵⁶.

В его лице русское самосознание достигает уже своего полного раскрытия. Русская мысль освобождается от многовекового плена чуждых ей начал, выходит на самостоятельный исконный путь, обращаясь к истокам своего возникновения. Она возвращается в

²⁵⁵ Киреевский И.В. Отрывки // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 327.

²⁵⁶ Жизнь Киреевского была подтверждением его учения. «Сердце, исполненное нежности и любви, – говорит о нем близко его знавший Хомяков, – ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стремление к истине, необычайная тонкость диалектики в споре, сопряженная с самою добросовестною уступчивостью, когда противник был прав, и с какой-то нежною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку; врожденное отвращение от всего грубого и оскорбительного в жизни, в выражении мысли или в отношениях к другим людям; верность и преданность в дружбе, готовность всегда прощать врагам и мириться с ними искренно; глубокая ненависть к пороку и крайнее снисхождение в суде о порочных людях; наконец, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрения на себя, но искренно страдавшее от всякого неблагородства, замеченного в других людях, – таковы были редкие и неоцененные качества И.В. Киреевского» (Цит. по: Русский биографический словарь. СПб., 1897. С. 695).

отчий дом. Но Киреевский не успел совершить задуманный им труд – написать философию²⁵⁷, он положил лишь ее основание и указал путь.

Смерть унесла его в расцвете сил. Он погребен в Оптиной Пустыни рядом со старцем Львом. Старец Макарий лег здесь же вскоре. Все, что совершалось в Оптиной, имеет таинственный смысл. Сам митрополит Филарет удивился, какой чести удостоился Киреевский.

Писатели и философы следующего поколения хотя и посещали Оптину, но подлинного ее духа уже не охватывали.

Могло казаться, что продолжателем дела Киреевского был Владимир Соловьев. И действительно, в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» он взял у Киреевского целиком его мировоззрение: «Синтез философии и религии, взгляд на западную философию как на развитие рационализма, идеи о цельности жизни, о метафизическом познании. Но он исключил все русские мессианские мотивы и западной мысли противопоставил не русское Православие, а туманные умозрения (нехристианского) Востока»²⁵⁸. И в дальнейшем творчестве Вл. Соловьев остается не только вне любомудрия св. отцов, но и вне Православия: он мнил себя выше исповедных разделений и говорил о себе, что он скорее протестант, чем католик. Он приемлет идею спасения по-протестантски: не от дел, а от веры. Отсюда отрицание духовного делания: «Греша постоянно и не кайся никогда»²⁵⁹. Естественно, что познание истины уже не связывается с состоянием моральной сферы и с цельностью духа, как у Киреевского. И Соловьев, благодаря исключительному своему влиянию на современников,

²⁵⁷ В 1856 г. в журнале «Русская беседа» Киреевский опубликовал свою статью «О необходимости и возможности новых начал для философии». Статья была задумана Киреевским как введение к большой работе, но в действительности оказалась его последней работой. – *Примеч. ред.*

²⁵⁸ *Мочульский К.* Владимир Соловьев. Париж, 1951. С. 52.

²⁵⁹ Там же. С. 254.

использовав вначале идеологию Киреевского, отвел затем пробуждающуюся русскую религиозную мысль от того пути, который указывал ей этот последний.

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» мы находим лишь внешнее описание, сходное с виденным им в Оптиной Пустыни. Старец Зосима вовсе не списан со старца Амвросия, как полагали некоторые.

Сердцем ближе других к Оптиной был Леонтьев²⁶⁰, тайный постриженник ее. Там жил он несколько лет, там сложил бремя ошибок и грехов молодости, которые он искупал болезнями и искреннейшим покаянием. Леонтьев – художник слова и один из выдающихся русских мыслителей, о чем свидетельствует его глубокое понимание современной ему жизни и ее проблем и прозрение судеб России. В своей идеологии он отстаивает греко-российское Православие, утверждая, что сущность русского Православия ничем не отличается от византийского. Те выводы о русской святости, к которым мы пришли в нашем исследовании, находят подтверждение и в словах Леонтьева: «Византийской культуре вообще принадлежат все главные типы той святости, которой образцами пользовались русские люди... Афонская жизнь, созданная творческим гением византийских греков, послужила образцом нашим первым киевским угодникам Антонию и Феодосию... Возгоревшейся сердечной верой, еще и долгою политической деятельностью в среде восточных христиан, я понял почти сразу и то, что я сам лично вне Православия спасен быть не могу, и то, что государственная Россия без строжайшего охранения православной дисциплины разрушится еще скорее многих других держав, и то, наконец, что культурную самобытность нашу мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших»²⁶¹.

²⁶⁰ О К.Н. Леонтьеве см. гл. XI наст. изд. – *Примеч. ред.*

²⁶¹ *Леонтьев К.Н.* Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 332–333, 337.

Из мыслителей, общавшихся со старцами, дальше всех от оптинского духа был Лев Толстой. По причине его крайней гордости о. Амвросию было всегда трудно вести с ним беседу, которая сильно утомляла Старца. После своего отлучения Толстой больше со старцами не виделся. Так однажды, подойдя к Скиту, он остановился: какая-то невидимая сила задерживала его у святых врат. Ясно было, что в нем шла сильная борьба со страстью гордости; он повернулся обратно, но нерешительно вернулся опять. Вернулся он и в третий раз уже совсем нерешительно и затем, резко повернувшись, быстро ушел оттуда и уже больше никогда не делал попыток войти в Скит. Только в последние дни своей жизни, можно думать, почувствовав близость конца и что ему не уйти от суда Божия, Толстой рванулся в Оптину, бежав от своего ближайшего окружения, но был настигнут. И когда Оптинский старец о. Варсонофий, по поручению Святейшего Синода, прибыл на станцию Астапово, дабы принести примирение и умирение умирающему, он не был допущен к нему теми же лицами. Отец Варсонофий до конца своей жизни без боли и волнения не мог вспомнить об этой поездке.

ПИСЬМО И.В. КИРЕЕВСКОГО К СТАРЦУ МАКАРИЮ

(Из книги С.А. Нилуса «На берегу Божьей реки»)

«1855 года²⁶². 6 июля. Полночь. Искренне любимый и уважаемый Батюшка! Сейчас прочел я Ваше письмо из Калуги к Наталье Петровне и теперь же хочу поздравить Вас с получением наперсного креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличие не составляет для Вас ничего существенного и что не такие отличия Вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь

²⁶² Письмо датировано неточно: старец Макарий был награжден наперсным крестом в 1854 г. (См.: *Агатит (Беловидов), архим.* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 162). – *Примеч. ред.*

желали их, однако же всё почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому что это будет приятно для всех любящих Вас. Мы всегда видели, как Вы внутри сердца Вашего носите Крест Господень и сострадаете Ему в любви к грешникам. Теперь та святая, которая внутри любящего сердца Вашего, будет очевидна для всех на груди вашей. Дай, Боже, чтобы на многие, многие и благополучные лета! Дай, Боже, многие лета за то и благочестивому архиерею нашему.

Другая часть письма Вашего произвела на меня совсем противоположное действие. Вы пишете, что страдаете от бессонницы и что уже четыре ночи не могли заснуть. Это кроме того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья... Думаю... что сон Ваш отнимают заботы о всех нас, грешных, которые с нашими страданиями и грехами к Вам относимся. Вы думаете, как и чем пособить требующим Вашей помощи, и это отнимает у вас спокойствие сердечное. Но подумайте, милостивый Батюшка, что душевное здоровье всех нас зависит от Вашего телесного. Смотрите на себя как на ближнего. Одного вздоха Вашего обо всех нас вообще к милосердному Богу довольно для того, чтобы Он всех нас прикрыл Своим теплым крылом. На этой истинной вере почивайте, милостивый Батюшка, на здоровье всем нам. Отгоните от себя заботные мысли, как врагов не только Вашего, но и нашего спокойствия, и, ложась на подушку, поручите заботы о нас Господу, Который не спит. Ваша любовь, не знающая границ, разрушает тело Ваше»».

Знакомство И.В. Киреевского с благостным старцем нашим, о. Макарием, произошло, по словам супруги Ивана Васильевича, Натальи Петровны, при следующих обстоятельствах.

«Сама я, – так поведала нам Наталья Петровна, – познакомилась с о. Макарием в 1833 г. через другого приснопамятного старца, его предшественника о. Леонида, тогда же сделалась его духовною дочерью и с тех пор находилась с ним в постоянном духовном обще-

нии. Иван Васильевич мало был с ним знаком до 1846 года. В марте того года Старец был у нас в Долбине²⁶³, и Иван Васильевич в первый раз исповедовался у него; писал же к Батюшке в первый раз из Москвы в конце октября 1846 г., сказав мне:

– Я писал к Батюшке, сделал ему много вопросов, особенно для меня важных; нарочно не сказал тебе прежде, боясь, что, по любви твоей к нему, ты как бы нибудь чего не написала ему. Мне любопытно будет получить его ответ. Сознаюсь, что ему будет трудно отвечать мне.

Я поблагодарила Ивана Васильевича, что он мне сказал, что решился написать к Старцу, и уверена была, что будет от Старца действие, разительное для Ивана Васильевича.

Не прошло часа времени, как приносят письма с почты, и два, надписанные рукою Старца, – одно на имя мое, другое на имя Ивана Васильевича. Не распечатывая, он спрашивает:

– Что это значит? Отец Макарий ко мне никогда не писал!

Читает письмо, меняясь в лице и говоря:

– Удивительно! Разительно! Как это? В письме этом ответы на все мои вопросы, сейчас только посланные”.

С этой минуты замечен стал зародыш духовного доверия в Иване Васильевиче к Старцу, обратившийся впоследствии в усердную и беспредельную любовь к нему, и принес плоды в 60 и во 100, ибо, познав, *яко не инако одержится премудрость, аще не даст Господь*, он, при пособии опытного руководителя, *шел к Господу* (Ср.: Прем. 8, 21).

Иван Васильевич Киреевский и брат его Петр вместе с супругой Ивана Васильевича Натальей Петровной погребены у Введенского храма Оптиной Пустыни, рядом с могилами великих старцев Леонида (в схиме Льва), Макария и Амвросия. На памятнике Ивану Васильевичу начертана надпись:

²⁶³ Имение Киреевского в Белевском уезде, Тульской губернии. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

«Надворный советник Иван Васильевич Киреевский. Родился 1806-го года, марта 22-го дня. Скончался 1856-го года июня 11-го дня.

Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу (Ср.: Прем. 8, 2, 21).

Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь (Ср.: Прем. 4, 17).

Господи, прими дух мой!»²⁶⁴

²⁶⁴ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 330–334 (запись 5 марта 1910 г.). – *Примеч. ред.*

Глава IX

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ – ПРАВЕДНИК В МИРУ

Собиратель древних духовных стихов, былин и народных песен Петр Васильевич Киреевский родился 11 февраля 1808 года.

Тем, кому дорога наша русская сущность, русские черты, русская душа, – тем должна быть дорога память того, кто беззаветно любил Россию и отдал ей все свои силы. Петр Васильевич был борцом за сохранение черт русскости в русских людях. В этом был весь смысл его существования; личной жизни у него не было: как его характеризовал поэт Языков, это был «ветхопещерник» или «своенародности подвижник просвещенный»²⁶⁵.

«Полнота национальной жизни может быть только там, – говорит Петр Киреевский, – где уважено предание и где простор преданию, следовательно, и простор жизни. У нас она парализована нашим пристрастием к иностранному. Большая часть из нас в детстве воспитываются иностранцами, в обществе говорят не иначе как по-французски, и когда читают, то исключительно книги иностранные. А потому не удивительно ли, если все родное больше или меньше становится нам чуждым? Кто не слышал русской песни еще над своей колыбелью и кого ее звуки не провожали во всех переходах жизни, у того, разумеется, сердце не встрепенется при ее звуках. Она не похожа на те звуки, на которых душа его выросла. Либо она будет ему неприятна, как отголоски грубой черни, с которой он в себе не чувствует ничего общего; либо, если уж в нем есть особенный музыкальный талант, она ему будет

²⁶⁵ Так Н.М. Языков отозвался о Петре Киреевском в своем стихотворении 1835 г. «П.В. Киреевскому». – *Примеч. ред.*

Петр Васильевич Киреевский

любопытна, как нечто самобытное и странное: как пустынная песнь араба; как грустная, может быть последняя, песнь горного кельта в роскошной гостиной Англии. Она ему ничего не напомнит. Подражание уже средоточит безжизненность. Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем лицо его выразительнее, не похоже на других. То, что называется общечеловеческой физиономией, значит не что иное, как *одно лицо со всеми*, т. е. физиономия пошлая».

Из этого видно, как глубоко сознавал П. Киреевский важность сохранения русскими людьми черт своего своеобразия, своих отличительных черт, чтобы не быть «на одно лицо со всеми» и не утратить своего национального характера.

Тяжелая травма была нанесена полтора века перед этим всему русскому народу внезапной и насильственной европеизацией всего его быта. После Петровских реформ все иностранное предпочиталось русскому, русский быт ушел в глубокую провинцию, сохраняясь в низших слоях общества.

Но пушкинская эпоха была эрой возрождения национального самосознания. Это сознание возникло на почве патриотических чувств, вызванных войною 1812 года. Характерен рассказ Гоголя, видевшего слезы на лице Пушкина при чтении стихотворения Языкова, посвященного Денису Давыдову, герою войны 1812 года, в котором описывается пожар Москвы.

Пушкин крепко сознавал себя русским. Он был много обязан русской деревне и старушке няне. По мере роста и зрелости его таланта создаются его чудесные, несравненные русские сказки и «Повести Белкина». В «Капитанской дочке», – по словам Гоголя, – в первый раз выступили истинно русские характеры: про-

стой комендант крепости, комендантша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей...»²⁶⁶. Пушкин высоко ценил подлинный народный русский язык: «Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»²⁶⁷, – замечает он.

В то же время Лермонтов творит бессмертную «Песнь о купце Калашникове», Крылов – свои единственные в своем роде басни. Гоголь сказал о нем: «Всюду у него Русь и пахнет Русью... даже осел, несмотря на свою принадлежность климату других земель, явился у него русским человеком»²⁶⁸. В музыкальном мире раздалась чарующие звуки русской музыки, творцом которых был Глинка.

Но эпоха, в которой рождались русские гении, не была им благоприятна. После декабрьского восстания русское дворянство погубило себя в глазах правительства и возбудило недоверие. Опорой государственности явилась остзейская знать. Такие лица, как граф Бенкендорф, были всеильны. Пушкин по неосторожности вызвал вражду со стороны надменного шефа жандармов и сделался жертвой подстроенной интриги.

Потрясенный смертью Пушкина Лермонтов за стихотворение «На смерть Пушкина»²⁶⁹ угодил на Кавказ, где, тоскуя в глухом гарнизоне, погубил себя на дуэли. Лермонтов не сочувствовал декабристам. Наоборот, он был одним из пророков, предвидевших ужас революции. Но, как русский националист, вознегодовал против иностран-

²⁶⁶ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Сочинения. М., 1889. Т. 4. С. 186. – *Примеч. ред.*

²⁶⁷ Пушкин А.С. Опровержение на критику // Сочинения. М., 1986. Т. 3. С. 469. – *Примеч. ред.*

²⁶⁸ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Сочинения. М., 1889. Т. 4. С. 186. – *Примеч. ред.*

²⁶⁹ Неточность: стихотворение называется «Смерть Поэта». – *Примеч. ред.*

ца – Дантеса, дерзнувшего поднять руку на великого русского гения. Между тем в то время всякое слово против иностранцев вменялось в преступление. Цензура была свирепа и придирчива и читала часто между строк даже то, что не снилось авторам. Как пример строгости можно привести случай с Погодиным, который был оштрафован и посажен на год в тюрьму за то, что по случаю смерти Гоголя выпустил журнал с траурной каймой.

В следующем царствовании наступила сразу, без всякой постепенности эра широких свобод, для восприятия которых общество еще не созрело. Это привело к царевубийству и заставило Государя Александра III могучей рукою удержать русскую «тройку», бешено мчавшуюся в пропасть.

Последние два Государя воплощали в себе все чисто русские черты. Мученик-император Николай II любил все русское до самозабвения. Бывший преобразенец А.Ф. Гирс рассказывает в своих мемуарах, что, когда профессор С.Ф. Платонов в речи своей офицерам Преображенского полка стал говорить об основателе полка, царе Петре, как о величайшем преобразователе, не имевшем в мире себе равного, наследник (будущий император Николай II) заметил: «Царь Петр, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадил и здоровые ростки, укреплявшие народное самосознание. Не все в допетровской Руси было плохо, не все на Западе было достойно подражания. Это почувствовала императрица Елисавета Петровна и с помощью такого замечательного самородка, каким был Разумовский, ею было кое-что восстановлено».

Любимым предком императора Николая II был царь Алексей Михайлович, в память которого было дано имя царевичу. Перед японской войной графом Шереметевым был устроен бал, на который вся знать явилась в боярских одеяниях XVII века. Государь и императрица были одеты в царские одеяния царя Алексея Михайловича и царицы. Государь любил древние иконы, соборы и всю старину.

Необычайной красоты в смысле архитектуры и внутреннего убранства был построен в Царском Селе Феодоровский собор Сводно-гвардейского полка, который одновременно служил и придворным храмом. Для этого, зная вкус Государя, походный иконостас этого полка был написан в древнем стиле... Увидев его, Государь сказал: «Вот, наконец, где можно молиться!» Вслед за этим был воздвигнут упомянутый собор во владими́ро-суздальском стиле. Это чудо архитектурной красоты со своим золотым куполом отражалось в прозрачных водах большого пруда. Поодаль находилось здание военного музея в стиле псковско-новгородском XV века и здания казарм Сводно-гвардейского полка в стиле XVI века.

Генерал Спиридович в своих воспоминаниях говорит, что редкий из людей так горячо любил русское искусство, как покойный Государь. «Много раз он выражал сожаление, что русские художники пренебрегали своим национальным искусством и русским стилем, который открывает дорогу творческим возможностям к сокровищу дивной, неистощимой красоты».

Только незадолго до Первой мировой войны, благодаря изучению археологами древнего церковного искусства Ближнего Востока, проникло в Россию понимание красоты и значения старых икон. Профессора брата князя Трубецкие²⁷⁰ читали свои знаменитые лекции о древней русской иконописи. До этого стенописи в церквах забеливались известкой, и только старообрядцы были ценителями древнего иконописания.

Кроме старины, Государь ничего так не любил, как русские народные песни, и, когда он обедал в полковых собраниях, туда приглашались исполнители русских народных песен. Государь любил общение с народом и при удобном случае (например, Полтавские торжества) по несколько часов беседовал с окружавшими его крестьянами, обнаруживая дар простоты и сердечности, вызывавшей

²⁷⁰ Неточность: имеется в виду Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), князь – философ, исследователь древнерусской иконописи. – *Примеч. ред.*

доверие и откровенность со стороны народа. Восстановление патриаршества в России было делом только времени, и сам Государь был готов, пожертвовав своей семейной жизнью, взять на себя это высокое служение.

Из вышесказанного легко заключить, как были бы оценены братья Киреевские, живи они при последних двух Государях. Но, к несчастью, в их времена – реакции против декабризма – все факты проявления национального самосознания принимались за бунт против существующего порядка вещей. И всякая личная инициатива заранее была обречена на гибель.

Такая участь постигла при жизни Петра Васильевича его многотысячное собрание народного творчества. Из всего количества только 55 духовных стихов и десятка два песен при нем увидели свет. Очень многое вовсе пропало. Былины позже издал Бессонов со своими комментариями, и уже в конце прошлого века случайно обрели в архивном шкафу забытые народные песни – те, что уцелели; они вошли в позднейшие издания народных песен, и то, по-видимому, далеко не все.

«Великий печальник Древней Руси» – духовный сын Оптинских старцев, Петр Васильевич Киреевский унаследовал черты своего своеобразного характера от своих замечательных родителей. Особенно много общего у него с отцом: как и отец, Петр Васильевич представлял собою яркий моральный тип – та же внутренняя цельность, та же верность долгу, та же глубина натуры.

От матери Петр Васильевич унаследовал влечение к прекрасному, поэтическое чувство. Сам он рисовал, вырезывал силуэты, играл на рояле. В молодости он любил шутку, но впоследствии потерял жизнерадостность.

Петр Васильевич остался 5-летним сиротой после смерти отца. Он воспитывался со старшим братом Иваном и сестрой Марией. Им было дано блестящее образование матерью и отчимом Елагиным. В 1822 г. для окончания их учения семья переехала в Мо-

скую. Братья брали уроки у профессоров университета Мерзлякова, Снегирева и др.

По окончании образования старший брат поступил служить в Московский архив иностранных дел. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят»²⁷¹, – сказал Пушкин об этой золотой московской молодежи. В ее среде нашлось немало высококультурных и идеалистически настроенных молодых людей, из которых некоторые остались на всю жизнь друзьями Киреевских, как например, Веневитинов и Титов. Образовался кружок молодежи, куда вошли Кошелев, Максимович – собиратель малороссийских песен, князь Одоевский, гр. Комаровский²⁷² и братья Хомяковы. С последними на религиозной почве особенно сблизился Петр Васильевич.

В 1828 г. Петр Киреевский поехал за границу слушать лекции знаменитых немецких профессоров. В Мюнхене он застал Ф.В. Тирша, Л. Окена и др., а также знаменитого Ф.В. Шеллинга, у которого Киреевский бывал на дому. Шеллинг отзывался с похвалой о молодом студенте, как о многообещающем юноше. Петр Васильевич также в это время посещал дом поэта Тютчева, который был тогда посланником в Баварии.

Между тем оставшийся в Москве старший брат Иван Васильевич, человек, обладавший столь же горячим и глубоким сердцем, подвергся душевной ране: любимая девушка, ставшая позднее его женой, отказала ему в своей руке. Замечательно письмо, написанное по этому случаю Петром Васильевичем старшему брату, которое характеризует внутренний мир писавшего: «С какой гордостью я тебя узнал в той высокой твердости, с которой ты принял этот первый тяжелый удар судьбы! Так! Мы родились не в Германии,

²⁷¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. М., 1986. Т. 2. С. 311 (Гл. VII, строфа XLIX). – *Примеч. ред.*

²⁷² Имеется в виду граф Егор Евграфович Комаровский (1802–1875). У Концевича ошибочно указан гр. Комаров. – *Примеч. ред.*

у нас есть *Отечество*. И может быть, отдаление от всего родного особенно развило во мне глубокое *религиозное* чувство, – может быть, даже и этот жестокий удар был даром неба. Оно мне дало тяжелое мучительное чувство, но вместе – чувство глубокое, живое; оно тебя вынесло из вялого круга вседневных впечатлений обыкновенной жизни, которая, может быть, еще мучительнее. Оно вложило в твою грудь пылающий уголь; и тот внутренний голос, который в минуту решительную дал тебе силы, сохранил тебя от отчаяния, был голос Бога:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей²⁷³.

Ты хорошо знаешь все нравственные силы России: уже давно она жаждет живительного слова, – и среди всеобщего мертвого молчания какие имена оскверняют нашу литературу!

Тебе суждено горячим энергическим словом оживить умы русские, свежие, полные сил, но зачерствелые в тесноте нравственной жизни. Только побывавши в Германии, вполне понимаешь великое значение русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоит поговорить с любым немецким простолудином, стоит сходить раза четыре на лекции Мюнхенского университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы их опередим и в образовании...» Затем он описывает немецких студентов, спящих на лекциях великих ученых профессоров или читающих романы. «И это тот университет, где читают Шеллинги, Окены, Гёрресы, Тирши! Что, если бы *один* из них был в Москве! Какая жизнь кипела бы в университете!»

Далее Петр Васильевич говорит о себе. «Что тебе сказать о том, что я делаю в Мюнхене? Я, хотя и занимаюсь довольно деятельно,

²⁷³ Пушкин А.С. Пророк // Сочинения. М., 1985. Т. 1. С. 385. – Примеч. ред.

но сделал очень немного; главные мои занятия: философия, латинский язык и отчасти история; но медленность моего чтения не переменялась, и я прочел очень немного: больше пользы получил от виденного и слышанного, и вообще от испытанного.

Самые замечательные из моих впечатлений в Мюнхене были свидание с Шеллингом и Окенем и три концерта Паганини, который уехал отсюда на прошедшей неделе. Действие, которое производит Паганини, невыразимо: я ничего не слышал подобного, и хотя, когда шел его слушать, готовился ко всему необыкновеннейшему, но он далеко превзошел все, что я мог вообразить, и это воспоминание останется на всю жизнь. Довольно взглянуть на него, чтобы сказать, что это человек необыкновенный, и, хотя черты совсем другие, в выражении глаз его много сходного с Мицкевичем»²⁷⁴.

Из письма этого виден характер 23-летнего Петра Васильевича; таким он остался до гроба: религиозность, непоколебимая вера в Россию, горячая любовь к брату и убежденность в его высоком призвании и собственная скромность, трудолюбие, постоянство в работе, любовь к музыке.

Старший брат вскоре присоединился к младшему. В сентябре 1830 г. Петр Васильевич с общим их приятелем Рожалиным уехал в Вену, где они весело провели время в осмотре произведений искусства и толкотне по городу и его окрестностям. Между тем до них дошла весть об эпидемии холеры в Средней России. Иван Васильевич первым бросил свои занятия в Мюнхене и поскакал домой, опасаясь за участь своих родных. Возвратясь в Мюнхен, Петр Васильевич уже не застал там брата и помчался вслед за ним. Еще из Вены, перед отъездом домой, пишет он матери: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался! Это говорится не даром: и я в полноте узнал это вместе и греющее, и возвышающее чувство молитвы только здесь, вне России, вдалеке от вас. Только здесь, где я раздвоен, где лучшая

²⁷⁴ Цит. по: *Лясковский В.Н.* Братья Киреевские. СПб., 1899. С. 22–24. – *Примеч. ред.*

часть меня за тысячи верст, вполне чувствуешь, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою, и перед ней благоговеешь, чувствуешь полную бессмысленность мысли, чтобы она была без значения, без разума, и остается только один выбор между верою и сумасшествием. Что до меня касается, то я спокоен, как только можно быть, и делаю все, что могу, чтобы вытеснить из сердца всякое бесплодное беспокойство, оставя одну молитву»²⁷⁵.

Всех родных по приезде Киреевский застал здоровыми.

Вернувшись в Москву, Петр Васильевич поступил на службу в Архив, где ранее служил его брат. Порученное ему дело (свидетельство иностранных паспортов) его увлечь не могло. Но зато в то же время он имел возможность знакомиться с историческими документами прошлого России, и он постепенно начинает втягиваться в изучение русских исторических памятников и становится глубоким знатоком в области истории Древней Руси.

Начало собирания Киреевским былин, духовных стихов и народных песен относится к 1830-м гг., т. е. сразу после возвращения из-за границы. И это навсегда осталось делом его жизни.

Он глубоко верил, что в жизни Древней Руси заложены те начала, которые могут служить залогом для славной будущности России. Он искал эти черты прошлого, еще не совсем исчезнувшие среди народного быта.

Горячо любя русскую народность во всей ее первобытности и простоте, он не гнушался ее в нищенской одежде и относился к простому нищему брату точно так же, как к ученому и богатому, сильному. С палкой в руке и котомкой на плечах странствовал Киреевский пешком по селам и деревням, вдали от больших дорог, там, где следы старины сохранились живее и ярче, – неумоимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей русской жизни. В феврале 1832 г. Авдотья Петровна пишет Жуковскому

²⁷⁵ Там же. С. 32. – *Примеч. ред.*

о своем сыне Петре, что он издаст «собрание песен, какого ни в одной земле еще не существовало, около 800 одних легенд, то есть стихов по-ихнему. Когда он в нынешнее лето собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушивание их не райских песен, то городничему показался он весьма подозрительным, он послал рапорт губернатору; то же сделали многие помещики, удивленные поступками слишком скромного такого чудака, который, по несчастью, называется студентом».

После поездок 1831 и 1832 гг. для собирания песен Киреевский летом 1834 г. предпринял еще одну, последнюю такую поездку в больших размерах. Исходным пунктом был, по-видимому, опять Осташков, уже знакомый ему по прежним розыскам; отсюда он неумоимо разъезжал по ближним и дальним местам с мая до осени. Дошел до него слух о ярмарке где-то в Новгородской губернии, которая должна продолжаться целых четыре дня, – «стало быть, можно надеяться на добычу», – он отправляется туда, плывет 40 верст по Селигеру, потом едет 25 верст на лошадях; вернувшись из этого похода, оказавшегося неудачным, он через два дня плывет верст за 12 от Осташкова на какой-то сельский праздник, проводит там три дня и вывозит оттуда 20 свадебных песен и т. д. В конце июля, оставив Осташков, он пустился по Старорусской дороге, свернул в сторону, чтобы посмотреть верховье Волги, заехал в Старую Руссу и оттуда на пароходе добрался до Новгорода. Здесь он не искал ни песен, ни преданий: «Здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже тень поэзии несовместна»; но он хотел познакомиться с богатой *каменной поэзией* Новгорода. И как он умел чувствовать поэзию прошлого! Он сам становится поэтом, когда описывает впечатление, произведенное на него Новгородом. Он увидел его с Волховского моста, в первый раз – при заходе солнца; верст за сорок в окрестностях горели леса, и дым от пожара доходил до города.

«В этом дыме, соединившемся с волховскими туманами, пропали все промежутки между теперешним городом и окрестными монастырями, бывшими прежде также в городе, так что город мне показался во всей своей прежней огромности; а заходящее солнце, как история, светило только на городские башни, монастыри и соборы и на белые стены значительных зданий; все мелкое сливалось в одну безличную массу, и в этой массе, соединенной туманом, было также что-то огромное. На другой день все было опять в настоящем виде, как будто в одну ночь прошли 300 лет, разрушивших Новгород». Он и комнату себе нанял в Новгороде, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, с видом на Кремль и Софийский собор, «самое прекрасное здание, какое я видел в России».

Дело собирания народных песен нашло живой отклик в среде лучших людей того времени: Пушкин прислал песни из Псковской губернии, Гоголь – из разных мест России, Кольцов – из Воронежа, Снегирев – из Тверской и Костромской губерний, Шевырев – из Саратовской губернии, Попов – из Рязанской губернии, Кавелин – из Тульской и Нижегородской, Вельтман – из Калужской, Даль – из Приуралья, Якушкин – из разных мест, Ознобишин – свадебные песни из Псковской губернии. Таким образом, собрание Киреевского обнимало почти все великорусские губернии и захватывало часть южных; кроме того, в состав его вошло значительное количество песен белорусских. «Киреевский своим личным трудом или за плату из своих личных средств при помощи местных сил собрал и записал до 500 народных песен из белорусских областей: “от Чудского озера до Волыни и Сурожа (Крым), от литовского Берестья до Вязьмы и под Можайск”»²⁷⁶.

Еще в 1833 г. пишет Петр Васильевич поэту Языкову: «Знаешь ли ты, что готовящееся собрание русских песен будет не только лучшая книга нашей литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени и будет ими понято, то

²⁷⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1897. С. 698. – *Примеч. ред.*

должно их ошеломить так, как они ошеломлены быть не ожидают!» Далее он говорит, что «в большей части западных государств живая литература преданий почти изгладилась». Он перечисляет европейские сборники народных песен: Вальтер Скотт собрал 77 номеров шотландских песен. Шведских собрано и переведено на немецкий язык 100 номеров. Датский сборник не превосходит этого количества. Французских песен не существует. Итальянский беден в поэтическом отношении и включает 100 номеров; испанских существует два: в одном 68 номеров, в другом 80. Англия известна своей бедностью, и немецкий сборник ничтожен. А «у нас, если выбрать самоцветные камни из всех наших песенников, загроможденных сором (а это, по моему мнению, необходимо), то будет 2000!». Здесь он не считает те песни, которые ему привезет Пушкин, кроме доставленных ему 40 номеров и других из Рыльска от некоего Якимова. Затем он сообщает, что предисловие к сборнику обещано самим Пушкиным. Издать берется Смирдин на свои средства. Цифры, указанные выше, соответствовали началу собирания. Под конец жизни Петра Васильевича число номеров увеличилось в несколько раз.

В течение 25 лет Петр Васильевич с неослабевающей любовью трудился над песнями. Этот труд сопровождал его всюду; он корпел над песнями и в симбирской деревне Языкова, и на водах за границую. А было от чего охладеть! Сам способ его работы – установление идеального текста песни с подведением всех вариантов – требовал невероятной усидчивости и крайне утомительного напряжения мысли: работа подвигалась черепашьям шагом. Добро бы еще он мог, по мере накопления материала, беспрепятственно выпускать его на свет, но при тогдашних цензурных условиях это оказалось невозможным. Через 12 лет после первого замысла о печатании дело не продвинулось ни на пядь; в 1844 г. брат Иван Васильевич писал ему из деревни в Москву: «Если министр будет в Москве, то тебе непременно надобно просить его о песнях, хотя бы к тому времени и не возвратили экземпляров из цензуры. Может

быть, даже и не возвратят, но просить о пропуске это не мешает. Главное, на чем основываться, – это то, что песни *народные*, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною, и цензура в этом случае столько же сильна, сколько Перевощиков над погодою. Уваров верно это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив *народные* песни, и еще старинные. Это будет смех во всей Германии... Лучше бы всего тебе самому повидаться с Уваровым, а если не решишься, то поговори с Погодиным»²⁷⁷. Наконец в 1848 г., после многих хлопот, удалось напечатать 55 духовных стихов в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских». К этим стихам Киреевский предпослал предисловие. «Русские песни, – говорил он здесь, – можно сравнить с величественным деревом, еще полным силы и красоты, но уже срубленным: бесчисленные ветви этого дерева еще покрыты свежей зеленью, его цветы и плоды еще благоухают полнотою жизни, но уже нет новых отпрысков, нет новых завязей для новых цветов и плодов. А между тем прежние цветы уже на некоторых ветвях начинают сохнуть. Уже много из прежних листьев и цветов начинают облетать или глхнуть под бледной зеленью паразитных растений»²⁷⁸.

Киреевский объясняет, что в его собрание вошли только песни старинные, настоящие; те, на которых сказалось влияние городской моды, исключены. Кроме того, были напечатаны еще в «Московском сборнике» в 1852 г. в первом выпуске четыре песни и во втором выпуске двенадцать песен. Таким образом, при жизни Киреевского свет увидела только всего 71 песня из нескольких тысяч им собранных. Как раз после 1848 г. очень усилилась строгость в отношении печатания памятников народного творчества. «Великому печальнику Древней Руси», как называл Петра Васильевича Хомяков, не удалось завершить того дела, на которое он положил все свои силы.

²⁷⁷ Там же. – *Примеч. ред.*

²⁷⁸ Там же. С. 699. – *Примеч. ред.*

После его смерти его сотрудник Якушкин приступил к разбору его бумаг и заметил страшный недочет: по крайней мере, двух или трех стоп бумаги, исписанной песнями, не оказалось. «Потом я узнал, что сверх этой страшной потери, – пишет Якушкин, – пропало еще множество бумаг покойного Петра Васильевича, оставленных в Москве». А потом Якушкин был оттерт от этой работы, драгоценное собрание попало в бесконтрольное ведение Бессонова, и если бы Киреевский, пишет его биограф Гершензон, «мог, встав из гроба, увидеть, как издал Бессонов, он, может быть, пожалел бы, что не все пропало».

Вот перечень содержания этого сборника (1860–1870): «Песни, собранные П.В. Киреевским». Первая часть.

Вып. 1. Песни былевые. Время Владимирово. «Илья Муромец – богатырь-крестьянин».

Вып. 2. «Добрыня Никитич, богатырь боярин. Богатырь Алеша Попович. Василий Казимирович – богатырь дьяк».

Вып. 3. Богатыри: Иван Гостиный сын, Иван Годинович, Данило Ловчанин, Дунай Иванович и др.

Вып. 4, дополнительный. Богатыри Илья Муромец, Никита Иванович, Поток, Ставр Годинович, Соловей Будимирович и др.

Вып. 5. Новгородские и Княжеские.

Вып. 6. Песни былевые исторические: «Москва. Грозный царь Иван Васильевич».

Вып. 7. «Москва. От Грозного до Петра».

Вып. 8. «Русь Петровская. Государь царь Петр Алексеевич».

Вып. 9. «XVIII век в русских исторических песнях после Петра I».

Вып. 10. «Наш век в русских исторических песнях».

Кроме того, в сборнике Бессонова «Калики перехожие»²⁷⁹ около одной пятой части взято из собрания Киреевского. И, как уже было

²⁷⁹ Калики перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова. М., 1861. Вып. 1–6. – *Примеч. ред.*

сказано, в конце прошлого века были обнаружены в архивном шкафу «Общества любителей... древностей» бытовые народные песни, собранные Киреевским, которые вошли в позднейшие издания.

Народное творчество является не только ценностью для историка, изучающего древний быт, или для поэта, как источник вдохновения, но значение его, этого творчества, в том, что в нем выявляется дух народа.

В своих песнях и былинах, рассыпая, подобно сверкающим драгоценным камням, свои эпитеты, как «красное солнце», «сине море», «мать сыра земля», народ недаром назвал свою родину «Святой Русью» или «Святорусской землей».

«И то, во что излился дух, – говорит профессор И.А. Ильин, – и человек, и картина, и напев, и храм, и крепостная стена – становится священным и дорогим, как открывающийся мне и нам, нашему народу и нашей стране, лик Самого Божества». И он продолжает: «Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живет духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него навсегда темной загадкой и странной ненужностью. На безродность обречен тот, у которого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа. И если религия прежде всего призвана раскрыть души для божественного, то интернационализм безродных душ коренится прежде всего в религиозном кризисе нашего времени».

Так точно мыслил и Петр Васильевич Киреевский, отдавший свою жизнь служению идее Святой Руси.

Свои взгляды на историческое прошлое России Киреевский высказал в печати единственный раз в 1845 г. в неоконченной статье в третьем выпуске «Москвитянина» под заглавием «О древней русской истории» в ответ на взволновавшую его статью Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств»²⁸⁰. Погодин развивал здесь модную тогда на Западе теорию (Тьерри, Гизо), которая выводила все формы общественной

²⁸⁰ См.: Москвитянин. 1845. № 1. С. 1–18. – *Примеч. ред.*

и государственной жизни западных народов из начального факта – завоевания. Исходя, как из некой аксиомы, что норманнские князья были пассивно призваны славянами, Погодин отсюда выводил, что древний славянин отличался покорностью и равнодушием и что климат холодный делал человека апатичным и не заботящимся о делах общественных, поэтому славяне легко отреклись от веры отцов и приняли христианство.

Такой хулы на предков Киреевский снести не мог. Он верил и видел в истории, что русский человек именно и велик между всеми народами своей нравственной горячностью; без этой веры мог ли он ждать обновления родины?

На статью Киреевского Погодин возразил: «Вы отнимаете у нашего народа терпение и смирение – две высочайшие христианские добродетели». Но терпение и смирение нельзя смешивать с равнодушием и апатией. Погодин не понимал сущности православной аскетики. «Если бы ваше изображение русского народа было верно, – говорит Киреевский Погодину, – это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства; из его среды никогда не могло бы выйти ничего великого. Если бы он был таков в первые два века своих летописных воспоминаний, то всю последующую историю мы были бы должны признать за выдумку, потому что откуда бы взялась у него энергия и благородство? Или они были привиты ему варяжскими князьями?».

Далее Киреевский приводит героические моменты из русской истории: отчаянное сопротивление татарскому нашествию, Смутное время, 1812 год и борьбу за Православие на Западе. Он говорит, что национальный характер не меняется. Этого не понимали Шлецер и другие немецкие исследователи, которые изучали историю по скудным летописным сведениям без связи с предыдущим и последующим. Широко пользуясь аналогиями с древнейшей историей чехов, поляков, сербов и хорватов и пр.,

Киреевский рисует яркую картину первобытного устройства Руси и показывает, что и до Рюрика были князья, существовало единство племени.

Среди наших ученых большинство составляют норманисты, признающие первых князей варягами. Этот взгляд не разделял великий Ломоносов, который был всеведущ и гениален не только в области наук естественных. По словам одного писателя, «русская история, родившаяся на односторонней почве византийских хроник и воспитанная на еще более тенденциозных взглядах немецкой исторической науки, должна черпать сведения о древнейших эпохах русской народной жизни в богатом запасе восточных историков и писателей, которые имели с древними скифами и россами гораздо больше общения, нежели наши западные и многопозднейшие соседи». По арабским хроникам, россы являлись смелым, воинственным и предприимчивым народом.

Что же касается «призвания князей», профессор В.О. Ключевский, рассматривая эту легенду, говорит, что это не более как «схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста... Факт состоял из двух моментов, – продолжает он, – из наемного договора с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами». Этот «захват власти», если он и был, однако не оставил никакого отпечатка на культуре наших предков. Профессор Рязановский говорил недавно на одной из своих лекций студентам Берклейского университета, что из десяти тысяч славянских слов, какие были в обороте в Киевской Руси, нашлось всего лишь шесть слов скандинавского происхождения. Это вполне доказывает полное отсутствие скандинавского воздействия и влияния на жизнь населения Киевской Руси.

И в отношении принятия христианства дело обстояло иначе, чем утверждал Погодин: если на юге оно было принято легко благодаря продолжительным сношениям с христианскими странами,

то, наоборот, в Новгородской области Добрыня и Путята «крестили огнем и мечом», и язычество изживалось медленно.

Таким образом, хотя изучение русской истории в те времена и находилось, можно сказать, в зачаточной стадии, но Петр Киреевский своим светлым умом и чистой душой прозревал дальше своих современников и пытался упорным трудом научно обосновать свою веру.

Профессор П.Н. Милюков (человек диаметрально противоположных взглядов с Киреевским) так говорит о достоинстве статьи П.В. Киреевского: «В литературе он, кроме нескольких статей, выступил только с одной значительной статьей в “Москвитяине” в 1845 г., в которой обнаружил хорошее знакомство с древней историей, и на основании этого знакомства положил первое основание теории патриархального быта. К родовой теории западников эта теория стояла ближе, чем общинная теория славянофилов».

Братья Киреевские не примыкали всецело ни к одному из существовавших тогда идеологических течений. Оба брата горячо желали отмены крепостного права и необходимых реформ. Но сколь они чуждались лаического европейского либерализма, точно так же осуждали они и возвращение ко всяким отжившим формам, называя такую искусственность «китайством». Они жаждали духовного обновления национальной жизни. «Что такое национальная жизнь? – спрашивает Петр Киреевский. – Она, как и все живое, неуловима ни в какие формулы. Предание нужно...». Предание же, как понимал он, есть закрепление русской культуры и преобразование ее духом Православия.

Сделав попытку изложить в кратких чертах идеологию Петра Киреевского, перейдем теперь к его характеристике как человека и закончим его биографию.

Еще в период их общей юности Иван Киреевский писал в Москву родным по приезде своем в Мюнхен (1830) о младшем брате, который, по его словам, «остался тот же глубокий, горячий, несо-

крушимо одинокий, каким был и будет во всю жизнь». Эти слова показывают проникновенное понимание старшим братом внутреннего мира Петра Васильевича. Не менее верны и другие слова его же, написанные немного ранее из Берлина: «Сегодня рождение брата (Петра). Как-то проведете вы этот день? Как грустно должно быть ему! Этот день должен быть для всех нас святым: он дал нашей семье лучшее сокровище. Понимать его возвышает душу...»²⁸¹

Действительно, Иван Васильевич много обязан младшему брату своим духовным обновлением. Один из биографов братьев Киреевских (В. Лясковский) говорит так о совершившемся перевороте в душе Ивана Васильевича: этот «переворот следует назвать не обращением неверующего, а скорее удовлетворением ищущего. Рядом с изменением настроения религиозного совершалось в нем и изменение взглядов исторических. Надобно думать, что здесь вместе с Хомяковым и, вероятно, еще сильнее, чем он, действовал на И.В. Киреевского брат Петр Васильевич, с которым они постоянно и горячо спорили. Таким образом, если старец Филарет оживил в нем... веру, то Петру Васильевичу принадлежит честь научного переубеждения брата, которому он сам отдавал преимущество перед собою в силе ума и дарований...»²⁸². Окончательный же духовный облик Ивана Васильевича сформировался под влиянием Оптинского старца отца Макария. Он созрел духовно, и его богатейшая западно-философская эрудиция получила новое просветленное освещение под действием боговдохновенных святых отцов. Как известно, в период их возмужалости оба брата достигли полного единомыслия во всем. Петр Васильевич ежегодно гостил у брата в Долбине, находившемся всего лишь в 40 верстах от Оптиной Пустыни. Семья Киреевских была в непрерывном общении с Оптиной и в полном духовном послушании Старцу.

²⁸¹ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 23. – *Примеч. ред.*

²⁸² Лясковский В.Н. Братья Киреевские. СПб., 1899. С. 51. – *Примеч. ред.*

Кроме поездок в Долбино, Петр Васильевич навещал свою мать в ее имении Петрищево и бывал в Москве, где у него был свой небольшой дом. Зимой в Москве встречалась вся семья. «Дом Авдотьи Петровны Елагиной у Красных ворот, – пишет В. Лясковский, – в продолжение нескольких десятков лет был одним из умственных центров Москвы и, быть может, самым значительным по числу и разнообразию посетителей, по совокупности умов и талантов... Если б начать выписывать все имена, промелькнувшие за 30 лет в елагинской гостиной, то пришлось бы назвать все, что было в Москве даровитого и просвещенного, – весь цвет поэзии и науки. В этом незабвенная заслуга Авдотьи Петровны, умевшей собрать этот блестящий круг.

Время движется своим неудержимым ходом: умирают люди, бледнеют воспоминания. Немногие страницы, написанные живым пером очевидца, сохраняют нам очерки и краски минувшего. Рассказы о елагинских вечерах разбросаны в записках современников; а один из них сохранил нам и облик ее гостей. В числе их бывал талантливый портретист Э.А. Дмитриев-Мамонов. В его рисунках, составляющих так называемый елагинский альбом, оживает перед нами этот достопамятный век, эти достопамятные люди.

Вот один из рисунков... В просторной комнате у круглого стола перед диваном сидит Хомяков, еще молодой и бритый, и, наклонившись, что-то читает вслух. Влево от него спокойный и сосредоточенный И.В. Киреевский слушает, положив руку на стол. Еще дальше виден затылок Попова²⁸³ и характерный профиль Валуева. У самого края слева, отделенный перегородкой дивана, – полный Д.Н. Свербеев, в жабо и в очках, засунув руки в карманы, тоже внимательно слушает – сочувствуя, но, очевидно, не вполне соглашаясь. Вправо от Хомякова старик Елагин, с трубкою, в большом кресле... Шевырев в беседе с молодым Елагиным; а А.Н. Попов с видом некоторой нерешительности, и рядом с ним, у правого

²⁸³ У Концевича ошибочно указан Панов. – *Примеч. ред.*

края, П.В. Киреевский – спокойно набивающий трубку, и около него огромный бульдог Болвашка. Картинка эта, как большинство мамоновских рисунков, немного карикатурна, но чрезвычайно выразительна и живописна»²⁸⁴.

Однако если Петр Васильевич ездил к брату или к матери, или бывал в Москве, то бывал он всюду недолго. Его постоянным местопребыванием была его деревня Киреевская Слободка возле города Орла, где умер в 1812 г. его отец. Это имение досталось ему после семейного раздела в конце 1837 года. Производство этого раздела выпало на долю Петра Васильевича и стоило ему много сил и забот. «Каков Петрик? – пишет его сестра Мария Васильевна. – Совсем деловой человек сделался»²⁸⁵. Действительно, он хотя и был, с одной стороны, человеком «не от мира сего», но, с другой стороны, свойственная ему исполнительность заставляла его действовать толково и аккуратно.

Таким он был и в отношении собственных дел. «...Петр Васильевич, – пишет В. Лясковский, – всей душой полюбил свою Слободку. С первых же лет своей одинокой деревенской жизни принялся он за разведение сада и леса. И теперь еще приносят плоды его яблони и мелькают в березовых перелесках с любовью посаженные им купы елок; вблизи дома еще качает длинными ветвями один из выращенных им грецких орехов... и цветут его любимые персидские сирени... (написано в конце XIX столетия). Но не одному саду посвящал свои заботы внимательный хозяин. Сохранилась небольшая его записка, на которой отмечен счет *всех* растущих в имении деревьев, дубов и берез – более 20 тысяч – с подробным указанием, в каком логу сколько чего растет. А о хозяйственной порядливости Петра Васильевича говорят приходо-расходные книги, которые он сам вел до копейки и до пуда хлеба в течение 20 лет.

²⁸⁴ Там же. С. 59–60. – *Примеч. ред.*

²⁸⁵ Там же. С. 54. – *Примеч. ред.*

Но в те времена, еще более чем теперь, вся сила и весь смысл хозяйства заключались не в счетоводстве и не в полеводстве, а в живой связи с крестьянином, в умении разумно пользоваться его трудом и в искреннем желании отдавать в свою очередь свой труд на пользу ему. И тогда, как и теперь, немногие понимали эту задачу во всей ее широте; в числе этих немногих был Петр Васильевич. Близкий к народу с детства, он знал его, любил и привык входить в мелкие нужды крестьян»²⁸⁶. А в голодный 1840 г. он роздал не только своим, но и чужим все содержимое своих амбаров.

Здесь, в Слободке, Киреевский ушел с головой в книжные занятия. Это был труд, напоминающий труд одинокого рудокопа, который по одному ему известным признакам отыскивает золотonosную жилу. Точно груды земли, выброшенные из глубины на поверхность лопатой, накопились целые корзины выписок и заметок – результат пристального изучения и сличения летописей, актов, исследований. Накоплялись огромные знания, глаз изощрялся видеть в подземной тьме прошлого, и, что главное, все явственнее обозначались пред взором основные линии этого прошлого – строй *национального русского духа*, чего именно и искал Киреевский. Он интуитивно знал этот строй в его целостной полноте и любил его во всех его проявлениях, но ему нужно было еще узнать его иначе – то есть сознательно, или научно, – и показать его другим и заставить их полюбить его, как он любил. Оттого он изучал летописи и оттого собирал песни, чтобы сохранить их, чтобы познакомить с ними русское общество, – именно с этой двоякой целью.

Не подлежит сомнению, что в результате этих многолетних розысков и размышлений он выработал в себе определенный взгляд на прошлое русского народа, т. е. по-своему ретроспективно вывел это прошлое из основных свойств русского национального духа. Но восстановить его мысль невозможно, потому что он откладывал изложение своих мыслей «в связном виде». «Частью... от самого

²⁸⁶ Там же. С. 56. – *Примеч. ред.*

свойства моих занятий, – как объясняет он Кошелеву – т. е. раскапывания старины, при котором нельзя ни шагу двинуться без тысячи справок и проверок и без ежеминутной борьбы с целой фалангой предшественников, изувечивших и загрязнивших ее донельзя»²⁸⁷. Смерть его унесла рано – в расцвете умственных и духовных сил, – и не было ему суждено довести до конца кропотливых трудов своей жизни... Петр Васильевич говорил и писал на семи языках. В его библиотеке (если считать славянские наречия) заключалось 16 языков. «Ни на чем так не отпечатлелся характер Петра Васильевича, как на его библиотеке, которую он старательно собирал в течение всей жизни. Это огромное количество книг, более всего исторических, тщательно подобранных, заботливо переплетенных, с надписью почти на каждой бисерным почерком “П. Киреевский”, со множеством вложенных в них листочков, исписанных замечаниями (и нигде не исписанных по полям), – все это свидетельствует о щепетильной точности, о любви к порядку и изяществу, о неимоверной усидчивости и трудолюбию...»²⁸⁸. «Своенародности подвижник просвещенный», как его назвал Языков, был действительно подвижником, и не только в своей работе. Тому, кто не читал его писем, невозможно дать представление об удивительной простоте и скромности этого человека, о его врожденной, так сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно – что случайно есть, то и хорошо. Мысль о личном счастье, вероятно, никогда не приходила ему в голову: он жил для других и для дела своей совести.

А он обладал богатыми задатками для радости и счастья не только потому, что был умственно одарен, но потому, что сердце у него было горячее и нежное. Если он кого любил, то любил безраздельно. Так любил он, прежде всего, брата Ивана, мать, ее детей от Елагина – слишком любил, с постоянной тревогой за них. Он никогда не был женат, и не потому, что так случилось, а потому,

²⁸⁷ Там же. С. 57. – *Примеч. ред.*

²⁸⁸ Там же. С. 58. – *Примеч. ред.*

что он так решил. Он как-то писал брату: «Ты знаешь, что других детей, кроме твоих, я не хочу, и у меня не будет»²⁸⁹. Надо полагать, он боялся взять на себя крест новой любви, к жене и детям, потому что всякая любовь обходилась ему слишком дорого... Так любил он и друзей. Еще в молодые годы, сразу после семейного раздела, он увез из симбирской деревни больного Языкова в Москву, а оттуда – за границу и там многие месяцы выхаживал его. После отъезда Киреевского Языков писал о нем: «Итак, год жизни пожертвовал он мне, променял сладостные труды ученого на возню с больным, на хлопоты и заботы самые прозаические. За терпение, которым он побеждал скуку лазаретного странствования и пребывания со мной, за смирение, с которым он переносил все мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми я умилялся в минуты своих страданий и болезненной досадливости, за все, чем он меня бодрил, укреплял и утешал, – за все да вознаградит его Бог Своею благостью».

И точно так же ухаживает он за Титовым, захворавшим в пути, и довозит его до Касселя, уклоняясь от своей дороги; нянчится с Погодиным, когда была больна жена этого последнего.

Но доброта Петра Васильевича простиралась и на совершенно чужих людей. 15 лет прожил в Слободке некий землемер, который попросился всего лишь перезимовать одну зиму. «А я, – жалуется Киреевский, – не нашел в голове благовидной причины ему отказать; и именно теперь, когда я желал не видеть ни одного человеческого лица». Мало того, бедные родственницы этого землемера заняли помещение в московском его доме. Впечатление, которое производил Петр Васильевич на людей, его знавших, кто бы они ни были – друзья или политические противники, – было одинаковым: все были совершенно единокорны: все находились под обаянием его личности. И точно, не только Хомяков называл его «чудной и чистой душой», но и Герцен преклонялся перед его

²⁸⁹ Там же. С. 54. – *Примеч. ред.*

благородством. В 1840 г. Герцен писал о нем: «Странный, но замечательно умный и благородный человек»²⁹⁰. И еще в 1855 г., когда они давно разошлись и принадлежали к враждебным лагерям, Грановский еще за ним да за И.С. Аксаковым признавал «живую душу и бескорыстное желание добра». Другой «враг», И.С. Тургенев, в те же поздние годы дружил с Киреевским. «На днях я был в Орле, – пишет он, – и оттуда ездил к Петру Васильевичу Киреевскому и провел у него три часа. Это человек хрустальной чистоты и прозрачности – его нельзя не полюбить»²⁹¹. Но еще больше выигрывал он, что редко бывает, при близком знакомстве; людям, которые имели с ним в течение долгого времени ежедневное общение, он внушал чувство, близкое к благоговению, как это видно по воспоминаниям А. Марковича и П.И. Якушкина. В газетном некрологе К.Д. Кавелин писал о нем: «Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, беспримерное и неизменное его прямоту и простота делали этого замечательного человека образцом, достойным всякого подражания, но которому подражать было очень трудно».

«С внешней стороны Петр Васильевич был простой степной помещик – с усами, в венгерке, с трубкой в зубах и с неотступно следовавшим за ним всюду водолазом Кипером, которого крестьяне называли “ктитором”. Он любил охоту, и к нему часто приезжали московские друзья поохотиться. Надобно было поговорить с ним, чтобы угадать ту громаду знаний, которая скрывалась за этой обыденной внешностью»²⁹².

Он начал серьезно хворать уже с конца 40-х гг., а с 1853 г. у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болезни, которую врачи определяли то как ревматизм, то как болезнь

²⁹⁰ Эта фраза принадлежит Т.Н. Грановскому. См.: *Герцен А.И.* Былое и думы. М.; Л., 1932. Т. 3. С. 440. – *Примеч. ред.*

²⁹¹ Цит по: *Русский биографический словарь.* СПб., 1897. С. 700. – *Примеч. ред.*

²⁹² *Лясковский В.Н.* Братья Киреевские. СПб., 1899. С. 58. – *Примеч. ред.*

печени. Он переносил эти припадки один в своей Слободке, иногда подолгу дожидаясь врача, без всякой мнительности, только досадуя каждый раз на болезнь, как на помеху, и огорчаясь, что она делает его «кислым» или «пресным». Родным он в это время писал трогательные письма, в которых заверял, что говорит всю правду о своей болезни, и умолял не беспокоиться. Его письма к родным вообще удивительно хороши – столько в них любви, нежности, доброты. В одном из них, к матери, есть такие строки (обращенные к Екатерине Ивановне Елагиной, жене его единутробного брата Василия): «А это как же могло быть, чтобы я сердился, голубушка Катя? Хотя уже давно ты ко мне не писала, но я из этого не заключал, чтобы ты обо мне забыла, а только ждал, что авось-либо, дескать, захочется и ей написать». Таков тон его писем.

11 июня 1856 г. внезапно умер в Петербурге И.В. Киреевский. Этой потери Петр не мог перенести. 4 ноября в «Петербургских ведомостях» появился некролог, написанный Кавелиным: «25 октября в 5 часов утра скончался в своей орловской деревне П.В. Киреевский, пережив своего брата И.В. Киреевского лишь несколькими месяцами. Короткое письмо, из которого заимствовано это печальное известие, содержит немногие об этом подробности: Петр Васильевич умер с горя от кончины брата, которого нежно любил. В течение двух месяцев и четырех дней он страдал разлитием желчи, страшно мучился от этой болезни и находился в мрачном состоянии духа; но до конца всегдашняя чрезвычайная кротость ему не изменяла. Он умер в совершенной памяти, с полным присутствием ума; за минуту перед смертью перекрестился и сам сложил на груди руки в том положении, как складывают их обыкновенно покойникам».

Его последние слова были: «Мне очень хорошо». При нем была мать, братья Елагины и др. Похоронили в Оптиной Пустыни, рядом с братом.

Глава X

СТАРЕЦ АМВРОСИЙ²⁹³

Старец иеросхимонах Амвросий родился 23 ноября 1812 г. в селе Большая Липовица Тамбовской губернии и того же уезда от пономаря Михаила Федоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Новорожденного назвали во святом крещении Александром в честь благоверного великого князя Александра Невского, память которого пришлась на сам день рождения младенца. Имя это носил и Благословенный царь Александр Павлович, и ввиду того, что в это самое время происходило отступление из России Наполеоновской армии, причинившей столько разрушений и горя, есть основание думать, что в этот день многострадальная Русь особо праздновала день святого, тезоименного царю Благословенному. Среди крестьян села Липовица наблюдалось большое праздничное движение. Перед рождением младенца к деду его, священнику этого села, съехалось много гостей. Родительница была переведена в баню. 23 ноября в доме о. Феодора была большая суматоха – и в доме был народ, и перед домом толпился народ. Старец шутливо приговаривал: «Как на людях я родился, так все на людях и живу».

У причетника Михаила Федоровича всех детей было восемь человек: четыре сына и четыре дочери; Александр Михайлович был шестым из них.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смысленный мальчик. Он предан был детским забавам, так сказать, всем своим существом; и потому в доме ему не сиделось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного из младших детей своих.

²⁹³ В этой главе автор пересказывает «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» (М., 1900). – *Примеч. ред.*

Мальчик обыкновенно садился за скучную для него работу, но лишь до тех пор, пока мать, занятая домашними делами, не упускала его из виду. Тогда осторожно пробирался он к окну, так же осторожно открывал его и мгновенно исчезал из комнаты, чтобы порезвиться со своими сверстниками. Рассказывал сам Старец и еще о некоторых своих детских проказах. Как однажды он было полез под крышу за голубями, но упал и ободрал себе спину, между тем никому из домашних не посмел сказать об этом, боясь еще наказания за шалость. А в другой раз, несмотря на замечание матери, не переставал стегать у себя на дворе одну смирную лошадку, которая, выйдя из терпения, поранила его копытом в голову. Понятно, что за подобное поведение Александра не любили в семье. К нему не имели особенного расположения ни дед, ни бабка, ни даже родная мать, которая более всего любила старшего своего сына Николая и младшего Петра.

Смышленный Саша очень хорошо понимал свое неловкое положение среди не любившей его родной семьи, хотя, может быть, и не знал тому причины, а может быть, отчасти и знал, да не мог и не умел вести себя так, чтоб заслужить любовь старших членов семьи. Тем не менее по временам ему досадно было, что его младший братишка пользуется, сравнительно с ним, особенною все семейною любовью. «Однажды, – так впоследствии передавал сам Старец, – очень раздосадованный этим, я решился отомстить брату. Зная, что дед мой не любит шума, и если мы, дети, бывало, расшумимся, то он нас всех без разбора, и правого и виноватого, отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня, и его. А последнее-то мне и нужно было. Впрочем, мне и помимо деда досталось за это порядком и от матери, и от бабки». Рассказывая про свои детские проделки, смиренный Старец укорял себя перед слушателями: «Покаюсь перед вами, делал я то-то и то-то».

На самом деле он был просто живой ребенок, которому просто не сиделось на одном месте, как требовалось в строгой патриархальной семье.

По обычаю того времени учился он читать по славянскому букварю, Часослову и Псалтири. Каждый праздник он вместе с отцом пел и читал на клиросе. Он никогда не видел и не слышал ничего худого, так как воспитывался в строгой церковной и религиозной среде.

При наступлении поры учения юноша был определен сначала в духовное училище, а потом в семинарию. Из строгой семейной обстановки он попал, по тому времени, в еще более строгую – школьную. Способности его были исключительные. Говорил его товарищ по семинарии: «Тут, бывало, на последние копейки купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же (Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать – точно как по писаному, лучше всех». В июле 1836 г. Александр Гренков прекрасно окончил курс наук при добром поведении.

Сначала Александр Михайлович служил домашним учителем, а потом поступил наставником в Липецкое духовное училище.

Вскоре он тяжело заболел. Надежды на поправление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь.

Хотя он и выздоровел, но внутренняя борьба продолжалась еще долго. Александр Михайлович был по природе жизнерадостным, веселым, душою общества. Вот как сам Старец рассказывает об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости... Придешь домой – на душе непокойно, и подумаешь; ну, теперь уже все кончено навсегда – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости, и опять наболтаешь. И так я мучился целых четыре года». Для облегчения душевного он стал по ночам уединяться и молиться, но это вызывало насмешки товарищей, над ним издевались.

Летом 1839 г. по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру Александр Михайлович вместе с другом своим П.С. Покровским заехали в Троеруково к известному затворнику о. Илариону. Святой подвижник принял молодых людей отечески и дал Александру Михайловичу вполне определенное указание: «Иди в Оптину, ты там нужен». Впоследствии сам старец Амвросий полагал, что о. Иларион указал на Оптину вследствие процветавшего там старчества. Как известно, у преподобного Серафима, скончавшегося за шесть лет до этого, не было учеников среди саровских монахов, и потому в Сарове не существовало преемственного старчества.

Покровскому о. Иларион дал разрешение еще пожить в миру. Он поступил в Оптину позднее²⁹⁴.

Вернувшись в Липецк, Александр Михайлович, по его словам, продолжал еще «жаться» и не сразу мог решиться порвать с миром. Случилось это, однако, после одного вечера в гостях, когда он был особенно в ударе, смешил всех присутствующих до упаду. Все были веселы и довольны и в прекрасном настроении разошлись по домам. Что же касается Александра Михайловича, если и раньше в таких случаях он чувствовал раскаяние, то теперь его воображению живо представился его обет, данный Богу, вспомнилось ему горение духа в Троицкой Лавре и прежние долгие молитвы, воздыхания и слезы, определение Божие, переданное через о. Илариона; и после всего этого такое неожиданное и весьма нежелательное поползновение – измена Богу... Горько!

Наутро решимость на этот раз твердо созрела. Александр Михайлович решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства.

Будучи уже в Оптиной, он доложил о своем намерении Тамбовскому архиерею. Он опасался, что уговоры родных и знакомых поколеблют его решимость, и потому ушел тайно.

²⁹⁴ Впоследствии иеромонах Скита Оптиной Пустыни о. Платон († 1889). – *Примеч. ред.*

Мы видим из этого рассказа, какими чертами характера обладал по натуре о. Амвросий: его невероятную живость, сметливость, выдающиеся способности все схватывать на лету, общительность, остроумие. Это была сильная, творческая, богатая натура.

Впоследствии все эти качества, составлявшие его сущность, не исчезли в нем, но по мере его духовного возрастания преображались, одухотворялись (сублимировались), проникались Божией благодатью, давая ему возможность, подобно Апостолу, стать *всем вся, чтобы приобрести многих* (Ср.: 1 Кор. 9, 20).

Прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал при жизни самый цвет ее монашества, таких ее столпов, как игумен Моисей, старцы Лев (Леонид) и Макарий. Начальником Скита был равный им по духовной высоте иеросхимонах Антоний, брат о. Моисея, подвижник и прозорливец.

Кроме них, среди братии было немало выдающихся подвижников:

1. Архимандрит Мельхиседек, древний старец, в свое время удостоенный бесед со св. Тихоном Задонским.

2. Флотский иеромонах Геннадий, подвижник, бывший дважды духовником императора Александра I.

3. Иеродиакон Мефодий, прозорливый, лежавший 20 лет на одре болезни.

4. Бывший валаамский игумен Варлаам, имевший дар слез и добродетель крайнего нестяжания. Приходили воры. «А вас, Батюшка, воры обокрали?» – спросили его. «Что же красть-то? Щепки что ли?!» – улыбнулся старец. Он был сотаинник преподобного Германа Аляскинского в юные их годы на Валааме.

5. Иеродиакон Палладий. Тоже нестяжатель. Созерцатель. Знарок церковного чиноположения.

6. Иеросхимонах Иоанн. Из раскольников. Незлобивый. С детской простотой. С любовью давал советы. Всеми любимый.

7. Иеромонах Иннокентий – духовник старца Макария. Любитель безмолвия. И другие.

Вообще, все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей: простота (нелукавство), кротость и смирение были отличительными признаками оптинского монашества. Младшая братия старалась всячески смиряться не только перед старшими, но и перед равными, боясь даже взглядом оскорбить другого, и при малейшем поводе немедленно просили друг у друга прощения.

В такой высокого духовного уровня монашеской среде оказался новоприбывший молодой Гренков.

Сначала он жил в гостинице, переписывая для старца Льва книгу о борьбе со страстями «Грешных Спасение».

В январе 1840 г. он перешел жить в монастырь, пока еще не одеваясь в подрясник.

В это время шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения и еще не последовал от Калужского архиерея указ настоятелю Оптинскому о принятии в обитель учителя Гренкова.

В апреле 1840 г. Александр Михайлович Гренков был, наконец, одет в монашеское платье. Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом (правило и службы). Работал на хлебне, варил хмелины (дрожжи), пек булки и был здоров.

Затем в ноябре 1840 г. его перевели в Скит. Оттуда молодой послушник не переставал ходить к старцу Льву для назидания.

В Скиту он был помощником повара целый год. Ему часто приходилось по службе приходиться к старцу Макарию то благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным поводам. При этом он имел возможность сказать Старцу о своем душевном состоянии и получить ответы. Цель была: чтобы не искушение побеждало человека, а чтобы человек побеждал искушение.

Старец Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных побуждений испытывал при людях его смирение. Делал вид, что гремит против него гневом.

С этой целью дал ему прозвище «Химера». Под этим словом он подразумевал пустоцвет, который бывает на огурцах. Но за глаза про него говорил: «Великий будет человек».

При конце жизни старец Лев призвал батюшку о. Макария и сказал ему об о. Амвросии:

– Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь.

Думается, что эти полы великих старцев были для близкого к ним ученика подобием милоти Илииной, брошенной на Елисея.

После смерти старца Льва брат Александр стал келейником (1841–1846) старца Макария. В 1842 г. он был пострижен в мантию и наречен Амвросием (память 7 декабря). Затем последовало иеродиаконство (1843), а через два года (1845) – рукоположение во иеромонаха.

Для этой цели (посвящения) о. Амвросий поехал в Калугу. Был сильный холод. Отец Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду, отразившуюся на внутренних органах. С этих пор он уже никогда не мог поправиться по-настоящему.

Вначале, когда о. Амвросий еще как-то держался, однажды приезжал в Оптину Преосвященный Николай Калужский. Он сказал о. Амвросию:

– А ты помогай о. Макарию в духовничестве. Он уж стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская.

Отцу Амвросию было тогда 34 года. Ему часто приходилось иметь дело с посетителями, передавать Старцу их вопросы и давать от Старца ответы. Так было до 1846 г., когда после нового приступа своего недуга о. Амвросий был вынужден по болезни выйти за штат, будучи признан неспособным к послушаниям, и стал числиться на иждивении обители как инвалид. Он с тех пор уже не мог совершать Литургии; еле передвигался, страдал от испарины, так что переодевался и переобувался по нескольку раз в сутки. Не выносил

холода и сквозняков. Пищу употреблял жидкую, перетирал теркой, вкушал очень мало.

Несмотря на болезнь, о. Амвросий остался по-прежнему в полном послушании у Старца, даже в малейшей вещи давал отчет ему.

Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовление к изданию святоотеческих книг. Им была переведена на легкий, общепонятный славянский язык «Лествица» Иоанна, игумена Синайского.

«Можно думать, – говорит составитель его жития, – что эти книжные занятия имели для о. Амвросия и весьма важное воспитательное значение в жизни духовной. Один из

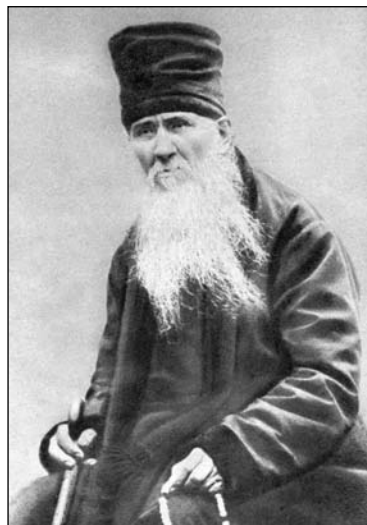
участников этих занятий, между прочим, пишет: “Как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объяснения старца Макария на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его; а если бы и дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ:

– Я не знаю сего, это не моей меры; может быть, ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце, тогда и поймешь”»²⁹⁵.

Этот период жизни о. Амвросия был самым благоприятным для прохождения им искусства из искусств – умной молитвы. Однажды старец Макарий спросил своего любимого ученика о. Амвросия:

– Угадай, кто получил свое спасение без бед и скорбей?

Сам старец Амвросий приписывал такое спасение своему руководителю старцу Макарию. Но в жизнеописании этого Старца

Прп. Амвросий,
старец Оптинский

²⁹⁵ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 51. – *Примеч. ред.*

сказано, что «прохождение им умной молитвы, по степени тогдашнего духовного возраста его, было преждевременным и едва не повредило ему»²⁹⁶.

Главною причиною сего было то, что о. Макарий не имел при себе постоянного руководителя в этом высоком духовном делании. Отец же Амвросий имел в лице о. Макария опытнейшего духовного наставника, восшедшего на высоту духовной жизни. Поэтому он мог обучаться умной молитве действительно «без бед», т. е. минуя козни врагии, вводящие подвижника в прелесть, и «без скорбей», приключаящихся вследствие наших ложноблаговидных желаний, которыми мы себя часто обманываем. Внешние же скорби (как болезнь) считаются подвижниками полезными и душеспасительными. Да и вся, с самого начала, иноческая жизнь о. Амвросия, под окормлением мудрых старцев, шла ровно, без особых преткновений, направляемая к большему и большему совершенствованию духовному.

А что стяжание, при помощи Божией, высокой умной молитвы есть, так сказать, венец или завершение спасения, содеваемого на земле человеком, можно видеть из слов св. Иоанна Лествичника, который определил молитву «пребыванием и соединением человека с Богом»²⁹⁷; ибо кто соединился с Богом и пребывает в Нем, тот, хотя еще находится в сем брэнном теле, но уже спасен.

Что слова о. Макария относились к о. Амвросию, можно видеть еще и из того, что о. Амвросий в последние годы жизни своего Старца достиг уже высокого совершенства в жизни духовной. Ибо, как в свое время старец Лев называл о. Макария святым, так же теперь и старец Макарий относился к о. Амвросию. Но это не мешало ему подвергать его ударам по самолюбию, воспитывая в нем строгого подвижника нищеты, смирения, терпения и других иноческих добродетелей. Когда однажды за о. Амвросия заступились:

²⁹⁶ Там же. С. 52. – *Примеч. ред.*

²⁹⁷ *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, в русском переводе... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 232 (Слово 28, отд. 1). – *Примеч. ред.*

– Батюшка, он человек больной!

– А я разве хуже тебя знаю, – скажет Старец. – Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; а без сего монах заржавеет.

Еще при жизни Старца, с его благословения, некоторые из братии приходили к о. Амвросию для откровения помыслов.

Вот как об этом рассказывает о. игумен Марк (впоследствии окончивший жизнь на покое в Оптиной): «Сколько мог я заметить, – говорит он, – о. Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему почти ежедневно для откровения помыслов и всегда почти заставлял его за чтением святоотеческих книг; если же не заставлял его в келлии, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в переписке с относившимися к Старцу за духовными советами, или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил перед Богом или как бы всегда ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: *Предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Через сие он всегда был сетованен, боясь, как чем не оскорбит Господа, что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне по обыкновению пред ним на колена и получившему благословение он, бывало, весьма тихо сделает вопрос:

– Что скажешь, брате, хорошенького?

Озадаченный его сосредоточенностию и благоумилием, я, бывало, скажу:

– Простите, Господа ради, Батюшка, может быть, я не вовремя пришел?

– Нет, – скажет Старец, – говори нужное, но вкратце.

Прп. Исаакий (Антимов),
старец Оптинский

И, выслушав меня со вниманием, преподаст полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовно относившихся к нему, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение святых отцов»²⁹⁸. Если же о. Марк жаловался о. Амвросию на кого-либо обидевшего его, Старец, бывало, скажет плачевным тоном:

– Брате, брате! Я человек умирающий.

Или:

– Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом – и успокоишься.

Такой ответ вызывал в душе о. Марка самоукорение, и он, смиренно поклонившись Старцу и испросив прощения, уходил успокоенный и утешенный, как на крыльях улетал²⁹⁹.

Кроме монахов, о. Макарий сближал о. Амвросия и со своими мирскими духовными чадами. Видя его беседующего с ними, старец Макарий шутливо промолвит:

– Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает.

Так старец Макарий постепенно готовил себе достойного преемника. Когда же старец Макарий преставился (7 сентября 1860), хотя он не был прямо назначен, но постепенно обстоятельства так складывались, что о. Амвросий стал на его место.

²⁹⁸ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 54–55. – *Примеч. ред.*

²⁹⁹ См. там же. С. 55. – *Примеч. ред.*

После смерти архимандрита о. Моисея настоятелем был избран о. Исаакий, который относился к о. Амвросию как к своему Старцу до самой его смерти. Таким образом, в Оптиной Пустыни не существовало никаких трений между начальствующими лицами.

Старец перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин. И целых 30 лет (до отъезда в Шамординскую женскую общину) он простоял на Божественной страже, предавшись служению ближним.

Старец был уже тайно пострижен в схиму, очевидно, в момент, когда во время его болезни жизнь его была в опасности.

При нем было два келейника: о. Михаил и о. Иосиф (будущий старец). Главным письмоводителем был о. Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в Православие, учнейший человек, магистр греческой словесности.

Для слушания утреннего правила поначалу он вставал часа в четыре утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келей-

Святые врата Иоанно-Предтеченского Скита с колокольней и «хибарка» старца Амвросия

ники и прочитывали утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, Старец слушал часы: третий, шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он выслушивал стоя.

После молитвы и чаепития начинался трудовой день, с небольшим перерывом в обеденную пору. Пища съедалась Старцем в таком количестве, какое дается трехлетнему ребенку. За едой келейники продолжали ему задавать вопросы по поручению посетителей. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить отуманенную голову, Старец приказывал прочесть себе одну или две басни Крылова. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся – и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнее обессиление и болезненность Старца, день всегда заключался вечерним молитвенным правилом, состоявшим из малого повечерия, канона Ангелу-хранителю и вечерних молитв. От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к Старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам Старец временами лежал почти без чувств. После правила Старец испрашивал прощения, елика согреши делом, словом, помышлением. Келейники принимали благословение и направлялись к выходу. Зазвонят часы.

– Сколько это? – спросит Старец слабым голосом.

Ответят:

– Двенадцать.

– Запоздали, – скажет.

Через два года Старца постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, совсем ослабело. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и должен был причащаться в келлии.

В 1868 г. состояние его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на поправление. Была привезена Калужская чудотворная икона Божией Матери. После молебна и келейного бдения и

затем соборования здоровье Старца поддалось лечению, но крайняя слабость не покидала его во всю его жизнь.

Такие тяжелые ухудшения повторялись не раз. Старец говорил о себе:

– Иногда так прижмет, что думаю – вот конец!

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденный к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: *Сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой гигантский труд не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать здесь явно присутствовала и содействовала.

Таким просветленным, пронизанным насквозь Божией благодатью и был в действительности великий старец о. Амвросий. «Совершенно соединивший чувства свои с Богом, – говорит Лествичник, – тайно научается от Него словесам Его». Это живое общение с Богом и есть дар пророческий, та необыкновенная прозорливость, которой обладал о. Амвросий. Об этом свидетельствовали тысячи его духовных чад. От Старца не было сокрыто ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Приведем слова о Старце одной его духовной дочери: «Как радостно забьется сердце, когда, идя по темному лесу, увидишь в конце дорожки скитскую колокольню, а с правой стороны – убогую келлийку смиренного подвижника! Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете! Сколько людей перебывало здесь! И приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные – утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся – верными чадами Церкви. Здесь жил “Батюшка” – источник стольких благодеяний и утешений»³⁰⁰.

³⁰⁰ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 96. – *Примеч. ред.*

Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах, нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. С утра и до вечера, удрученный недугом, Старец принимал посетителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались с верою и были законом. Благословение его или особое внимание считалось великим счастьем; и удостоившиеся этого выходили, крестясь и благодаря Бога за полученное утешение.

С утра и до вечера к нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъясняя его и давая ответ. Но в продолжение 10–15 минут такой беседы решался не один вопрос, в это время о. Амвросий вмещал в своем сердце всего человека – со всеми его привязанностями, желаниями – всем его миром внутренним и внешним. Из его слов и его указаний было видно, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех любимых этим человеком, его жизнь, все, что ему дорого. Предлагая свое решение, о. Амвросий имел в виду не просто одно само по себе дело, не зависимость могущих возникнуть от него последствий как для лица, так и для других, но имея в виду все стороны жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряжение, чтобы разрешать такие задачи? А такие вопросы предлагали ему десятки человек мирян, не считая монахов и полсотни писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. Слово Старца было с властью, основанной на близости к Богу, давшей ему *всезнание*. Это было пророческое служение.

Для него не существовало тайн – он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь, и его обстоятельства, и зачем он сюда пришел. Отец Амвросий расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку по тому, как и какие вопросы он ставит, было ясно, что Батюшке все известно.

Но иногда по живости природы это знание выказывалось наружу, что всегда приводило Старца в смущение. Однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У Старца был еще один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить:

– Болит, шибко болит, – как Старец его перебил:

– И будет болеть, зачем мать обидел? – но сразу смутился и продолжал. – Ты ведешь-то себя хорошо ли? Хороший ли ты сын?

Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело, тепло и хорошо, без заботливого взора, который говорит, что вот он сейчас для вас придумывает и скажет что-нибудь очень хорошее, без того оживления во всем – в движениях, в горящих глазах, – с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе.

От живости Батюшки выражение лица его постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами одушевленным молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление. Когда вы хотели, чтобы он сказал, как вам поступить, то решительно принимался качать головой; когда он отсоветовал какую-нибудь вещь, то, разумно и подробно глядя на вас, все ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

Во все время беседы на вас зорко глядят выразительные черные глаза Батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видят вас насквозь со всем, что в вас дурного и хорошего, и вас радует, что это так, что в вас не может быть для него тайны.

Голос у Батюшки был тихий, слабый, – а за последние месяцы он переходил в еле слышный шепот.

Чтоб понять хоть сколько-нибудь подвижничество о. Амвросия, надо себе представить, какой труд говорить более 12 часов в день,

когда язык от усталости отказывается действовать, голос переходит в шепот и слова вылетают с усилием, еле выговариваемые. Нельзя было спокойно смотреть на страшно изнеможенного Старца, видя его голову, падающую на подушку; слыша, как язык его еле говорит, когда он при этом старался подняться, подробно рассуждать о том, с чем к нему приходили.

Созидающая деятельность была у него в крови. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь частные люди, он с горячностью принимался обсуждать и давать свои пояснения. Он любил бодрых, сообразительных людей, соблюдающих слова «сам не плошай», и давал благословение, а с ним и веру в удачу самым смелым предприятиям.

Один помещик, зять оптинского монаха, часто посещавший Оптину и Старца, однажды пришел к Батюшке, который к нему обратился со словами:

– Говорят (Батюшка очень любил употреблять слово «говорят» для прикрытия своей прозорливости), говорят, около тебя выгодное имение продается, – купи.

Помещик удивился.

– Продается, Батюшка, – и как бы хорошо купить, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами – хоть дешево, а у меня денег нет.

– Денег... – повторил тихо Батюшка, – деньги-то будут.

Потом они перешли к другим разговорам. На прощание о. Амвросий сказал:

– Слышишь – имение-то купи.

Помещик отправился домой на своих лошадях. По дороге жил его дядя, богатый, но страшно скаредный старик, избегаемый всей родней. Так случилось, что пристать было негде и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает:

– Отчего ты не купишь имение, которое около тебя продается – хорошая покупка!

А тот отвечает:

– Что спрашиваешь, дядюшка! Откуда мне столько денег взять?

– А если деньги найдутся? Хочешь, займы дам?

Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло еще и недели, барину докладывают, что пришли купцы торговать лес. Лес этого имения они хотели купить не весь, а часть его. Стали говорить о цене:

– Мы с тобой, барин, торговаться не будем – цену сразу поставим.

И назвали ту цену, за которую было куплено все имение.

Приходит к Батюшке состоятельный орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Батюшка уже весь охвачен этим водопроводом.

– Люди говорят, – начинает он со своих обычных в подобных случаях слов, – люди говорят, что вот как всего лучше...

И подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете; оказывается, что Батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной.

– Ну, что водопровод? – спрашивает Батюшка.

Вокруг яблоки гнили, а у этого помещика – богатый урожай яблочек.

Приехала к Старцу почтенная женщина, о которой сочли нужным немедленно доложить ему.

– У меня все равны, – сказал Старец, – мышка и маленькая, да пойдешь поймай ее.

Мелочей для Старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет цену и свои последствия, и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однажды

остановила Старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то колели, и хозяйка хотела ее расчитать.

– Батюшка! – обратилась она к нему со слезами. – Сил моих нет; сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу, а колеют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый.

Присутствующие смеялись над ней. А Старец с участием спросил ее, как она их кормит, и дал ей совет, как их содержать иначе, благословил ее и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индюшки у бабы уже не колели.

Что касается исцелений, им не было числа, и перечислить их в этом кратком очерке невозможно. Эти исцеления Старец всячески прикрывал. Посылал больных в пустынь к преподобному Тихону Калужскому, где был источник. До старца Амвросия в этой пустыни не было слышно об исцеленных. Можно думать, что преподобный Тихон стал исцелять по молитве Старца. Иногда о. Амвросий посылал больных к св. Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцелялись на пути туда и возвращались назад благодарить Старца. Иногда он, как бы в шутку, стукнет рукой по голове, и болезнь проходит. Однажды чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг Старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец, верно, сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Зная такую повадку Старца, некоторые бабы обращались к нему:

– Батюшка Абросим! Побей меня, у меня голова болит.

Люди исцелялись не только от немощей, но и от неисцельных болезней.

Приведем лишь один случай. Рассказывала монахиня Шамординской общины Агриппина. «Весной 1882 г. на Пасху заболело у меня горло – образовалась в нем рана, и я не могла ни есть, ни пить. Доктор объявил, что у меня горловая чахотка, и я должна

ожидать смерти. Отправилась к Батюшке. Он и говорит мне: “Из колодезя, что за Скитом, бери в рот воды и ежедневно полощи горло до трех раз”. Через три дня он сам позвал меня к себе. Достав из-под подушки три яйца и скушав желтки, вложил белки один в другой. Потом благословил о. Иосифу, келейнику, принести воды из колодезя. Благословив воду, он велел ею растереться, вернувшись к себе в келлию, а яичные белки съесть.

По приходе в келлию меня растерли водой и дали мне яичные белки, которые я проглотила без боли. После этого я спала целые сутки, а проснувшись, почувствовала, что болезнь моя прошла и я совершенно выздоровела. Не медля, я отправилась к Старцу. Монахини меня не узнали, подумав, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же меня встретил и благословил, сказав, что меня исцелил св. Тихон Калужский. С тех пор я не страдала горлом. Когда я объявила доктору о своем исцелении, он сказал, что это совершилось надо мною чудо и что болезнь моя естественными средствами не могла быть излечена».

Автор настоящей книги Иван Михайлович Концевич во время войны, в 1915 г., провел летние каникулы в Оптиной Пустыни. Ежедневное хождение в Скит всегда было поучительно для молодого студента, но старцы, занятые приезжими посетителями, которые к ним приходили со всякими скорбями, специально не уделяли времени юному пришельцу. Они отдали его «на воспитание» отцу Иосифу (Полевому), опытному в духовной жизни, прожившему в Оптиной десятки лет³⁰¹. В миру – директор банка, он был широко образованным человеком. В течение двух месяцев, проведенных Иваном Михайловичем в Оптиной, часто после церковных служб о. Иосиф приглашал Ивана Михайловича в свою келлию. В беседе с ним перед молодым студентом раскрывался духовный мир.

От о. Иосифа Иван Михайлович услышал случай из жизни старца Амвросия, не попавший в его жизнеописание.

³⁰¹ Иеродиакон Иосиф (Полевой) подвизался в Оптиной Пустыни с 1907 г., сначала в Скиту, потом в монастыре. – *Примеч. ред.*

Однажды старец Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в Скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьянском быту ведь сущая беда! Приблизившись к павшей лошади, Старец стал трижды медленно ее обходить. Потом, взяв хворостинку, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка!» – и лошадь послушно поднялась на ноги.

Старец поучал народ народными же пословицами и поговорками с присущим ему юмором. Самую глубокую мудрость вкладывал он в меткие и остроумные слова, для более легкого усвоения и запоминания. Например:

«Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного».

«Не хвались, горох, что ты лучше бобов: размокнешь – сам лопнешь».

«Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет нечто, тот потеряет».

«Благое говорить – серебро рассыпать, а благоразумное молчание – золото».

Одной особе, стыдившейся признаться в грехе, он сказал: «Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывают?» Она залилась слезами, бросилась Старцу в ноги и призналась в своем грехе.

«Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных – Сама Царица Небесная».

В день Всех святых Батюшка сказал: «Все они были, как и мы, грешные люди, но покаялись и, принявшись за дело спасения, не оглядывались назад, как жена Лотова». На замечание, что мы все смотрим назад, Батюшка пояснил: «За то и подгоняют нас розгами и бичом, т. е. скорбями да неприятностями, чтобы не оглядывались».

Осуждавшей других Старец сказал: «...у них, может быть, есть такое тайное добро, которое выкупает все другие в них недостатки, которых и ты не видишь. В тебе же много способности к жертве. Но Господь сказал: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13). А милости-то у тебя и мало... Свои жертвы видишь и ими превозносишься. Смиряться больше духом – смирение и дела заменяет. Терпи все невзгоды и предавайся Богу».

Таковыми и многими другими словами поучал и спасал проходящий к нему народ.

Но Старцу, как и другим святым, было свойственно являться, по мере нужды, людям, находившимся в обстоянии, или наяву, или во сне, для оказания им помощи. Вот несколько случаев.

Прибыл к Старцу в Шамордино человек Божий, именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, кого Господь уподобил детям, сказав, что *таковых есть Царствие Божие* (Лк. 18, 16). Он жил в Ливенском уезде Орловской губернии и был расслаблен, трясясь всем телом и еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали; он лежал и молился Богу. Замечали, что ему многое открыто. Последнюю весну ему явился о. Амвросий, и он встал на ноги и объявил, что идет в Шамордино. Но так как ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать хотела его везти по железной дороге, но он пошел пешком. Старца он встретил под Шамордином. Тот тихо ехал откуда-то. Вокруг него был народ.

– Батюшка! – закричал Гаврюша своим малопонятным языком. – Ты меня звал, я пришел.

Батюшка тотчас вышел из экипажа, подошел к нему и сказал:

– Здорово, гость дорогой! Ну, живи тут.

Передавал скитский иеромонах Венедикт: г-жа Карбоньер была тяжело больна и лежала на одре несколько дней, не вставая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к постели, берет ее за руку и говорит: «Вставай, полно тебе болеть». Она в то же время почувствовала себя настолько крепкою,

что могла встать, и на следующий день отправилась пешком из города Козельска в Шамордино, где проживал тогда Батюшка, поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил.

Другой рассказ. «Выйдя из ограды, я обратил внимание на какое-то особое движение в группе женщин. Какая-то довольно пожилая женщина, с болезненным лицом, сидя на пне, рассказывала, что она шла с больными ногами пешком из Воронежа, надеясь, что старец Амвросий исцелит ее, и, что, пройдя пчельник, в семи верстах от монастыря, она заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно, но что к ней подошел какой-то старичок в подряснике и скуфейке, спросил о причине ее слез и указал ей клюкою направление пути. Она пошла в указанную сторону и, повернув за кусты, тотчас увидела монастырь. Все решили, что это монастырский лесник; в это время на крыльце показался келейник, который спросил:

– Где тут Авдотья из Воронежа?

Все молчали, переглядываясь. Келейник повторил свой вопрос громче, прибавив, что ее зовет Батюшка.

– Голубушки мои! Да ведь Авдотья из Воронежа я сама и есть! – воскликнула рассказчица с больными ногами.

Все расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в его дверях. Она вышла через 15 минут и на вопросы, рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу, был не кто иной, как сам о. Амвросий или кто-либо уж очень похожий на него. Что ж это такое? Сам о. Амвросий зимой никогда не выходил из келлии, а похожего на него в монастыре нет. И как он мог в самый момент ее прихода к его хибарке знать, кто она и откуда пришла?» – спрашивает себя очевидец.

Отец Амвросий, явившийся наяву трижды, настойчиво будил одну сельскую матушку, говоря, что сейчас ее мужа убьют. Бросившись к мужу, она действительно смогла помешать совершиться

убийству. Этот рассказ стал известен в Оптиной Пустыни от нее лично, когда она приехала благодарить Старца за спасение.

А вот рассказ слепого монаха о. Иакова, взятый из дневника «На берегу Божьей реки», печатавшегося в Троице-Сергиевской Лавре.

«Было это, – говорит он, – лет двадцать пять тому назад. В то время я еще был только рясофорным послушником и нес послушание канонарха. Как-то раз случилось мне сильно смутиться духом, да так смутиться, что хоть уходи вон из монастыря. Как всегда бывает в таких случаях, вместо того чтобы открыть свою душевную смуту Старцу – а тогда у нас старцем был великий батюшка о. Амвросий, – я затаил ее в своем сердце и тем дал ей такое развитие, что почти порешил в уме уйти и с послушания, и даже вовсе расстаться с обителью. День ото дня помысел этот все более и более укреплялся в моем сердце и, наконец, созрел в определенное решение: уйду! Здесь меня не только не ценят, но еще и преследуют; нет мне здесь места, нет и спасения! На этом решении я и остановился, а Старцу, конечно, решения своего открыть и не подумал... В случаях, подобных моему, теряется и вера к старцам – такие ж, мол, люди, как и мы все, грешные... И вот, придя в келлию от вечернего правила, – дело это было летом, – я в невыразимой тоске прилег на свою койку и сам не заметил, как задремал. И увидел я во сне, что пришел я в наш Введенский собор, а собор весь переполнен богомольцами, и все богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся к правому углу трапезной собора, туда, где у нас обычно стоит круглый год плащаница до выноса ее к Страстям Господним.

– Куда, – спрашиваю, – устремляется этот народ?

– К мощам, – отвечают, – святителя Тихона Задонского!

– Да разве, – думаю я, – святитель у нас почивает? Ведь он в Задонске!

Тем не менее и я направляюсь вслед за другими богомольцами к тому углу, чтобы приложиться к мощам великого угодника Божия.

Подхожу и вижу: стоит передо мною на возвышении рака; гробовая крышка закрыта, и народ подходит и прикладывается к ней с великим благоговением. Дошла очередь и до меня. Положил я перед ракой земной поклон и только стал восходить на возвышение, чтобы приложиться, смотрю – открывается передо мною гробовая крышка и во всем святительском облачении из раки поднимается сам святитель Тихон. В благоговейном ужасе падаю я ниц и, пока падаю, вижу, что это не святитель Тихон, а наш старец Амвросий, и что он уже не стоит, а сидит и спускает ноги на землю, как бы желая встать мне навстречу...

– Ты что это? – прогремел надо мной грозный старческий голос.

– Простите, Батюшка, Бога ради, – пролепетал я в страшном испуге.

– Надоел ты мне со своими “простите”! – гневно воскликнул Старец.

Передать невозможно, какой ужас объял в ту минуту мое сердце, и в ужасе этом я проснулся.

Вскочил я тут со своей койки, перекрестился... В ту же минуту ударили в колокол к заутрени, и я отправился в храм, едва придя в себя от виденного и испытанного.

Отстоял я утренью, пришел в келлию и все думаю: “Что бы значил поразивший меня сон?” Заблаговестили к ранней обедне, а сон у меня все не выходит из головы. Я даже и отдохнуть не прилег в междучасие между утреней и ранней обедней. Все, что таилось во мне и угнетало мое сердце столько времени, все это от меня отступило, как будто и не бывало, и только виденный мною сон один занимал все мои мысли.

После ранней обедни я отправился в Скит к Старцу. Народу у него в это утро было, кажется, еще более обыкновенного. Кое-как добрался я до его келейника о. Иосифа и говорю ему:

– Мне очень нужно Батюшку видеть.

– Ну, – отвечает он, – вряд ли, друг, ты ныне до него доберешься: сам видишь, сколько народу! Да и Батюшка что-то слаб сегодня.

Но я решил просидеть хоть целый день, только бы добиться Батюшки. Комнатку, в которой, изнемогая от трудов и болезней, принимал народ на благословение Старец, отделяла от меня непроницаемая стена богомольцев. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдет. Помысел мне стал нашептывать: “Уйди! все равно не дождешься!..” Вдруг слышу голос Батюшки:

– Иван (меня в рясофоре Иваном звали), Иван, пойди скорей ко мне сюда!

Толпа расступилась и дала мне дорогу. Старец лежал весь изнемогший от слабости на своем диванчике.

– Запри дверь, – сказал он мне еле слышным голосом. Я запер дверь и опустился на колени перед Старцем.

– Ну, – сказал мне Батюшка, – а теперь расскажи мне, что ты во сне видел!

Я обомлел: ведь о сне этом только и знали, что грудь моя да подоплека. И при этих словах изнемогший Старец точно сразу ожил, приподнялся на своем старческом ложе и бодрый и веселый стал спускать свои ноги с дивана на пол совсем так, как он их спускал в моем сновидении. Я до того был поражен прозорливостью Батюшки, особенно тем способом, каким он открыл мне этот дар благодати Божественной, что я вновь, но уже въяве, пережил то же чувство благоговейного ужаса и упал головою в ноги Старца. И над головой услышал я его голос:

– Ты что это?

– Батюшка, – чуть слышно прошептал я, – простите, Бога ради!

И вновь услышал я голос Старца:

– Надоел ты мне со своими “простите”!

Но не грозным, как в сновидении, укором прозвучал надо мною голос Батюшки, а той дивной лаской, на которую он один и был способен, благодатный Старец.

Я поднял от земли свое мокрое от слез лицо, а рука отца Амвросия с отеческой нежностью уже опустилась на мою бедную голову и кроткий голос его ласково мне выговаривал:

– Ну, а как мне было иначе вразумить тебя, дурака? – кончил такими словами свой выговор Батюшка.

А сон мой так и остался ему не рассказанным; да что его было и рассказывать, когда он сам собою в лицах рассказался! И с тех пор и до самой кончины великого нашего Старца я помыслам вражиим об уходе из Оптиной не давал воли...»

– Батюшка, – обратился к о. Иакову слушатель его повествования, – ну, а после о. Амвросия к кому вы прибегаете со своими скорбями и помыслами?

– Куда теперь, мой батюшка, ходить убогому Иакову? – ответил он на этот вопрос. – Храм Божий да келлия – только и есть у слепого две привычные дороги, по которым он ходит с палочкой и не спотыкается. А в больших скорбях Сам Бог не оставляет Своею милостью. Было это, скажу я вам, осенью позапрошлого года. В моей монашеской жизни совершилось нечто, что крайне расстроило весь мой духовный мир. В крайнем смущении, даже в гневе, провел я тот день, когда мне эта скорбь приключилась, и в таком состоянии духа достиг я времени совершения своего келейного молитвенного правила. Приблизительно в девять часов вечера того памятного дня, нимало не успокоившись и не умиротворившись, я без всякого чувства, только лишь по 36-летней привычке, надел на себя полумантию, взял в руки четки и стал на молитву в святом углу, перед образницей. К тому времени, когда со мной случилась эта скорбь, я уже почти совсем ослеп – мог видеть только дневной свет, а предметов уже не видел... Так вот, стал я на молитву, чтобы совершить свое правило, хочу собраться с мыслями, хочу привести себя в молитвенное настроение, но чувствую, что никакая молитва мне не идет и не пойдет на ум. Настроение моего духа было приблизительно такое же, как тогда, двадцать пять лет тому назад, о чем

я вам только что рассказывал. Но тогда жив был еще о. Амвросий, думал я, старец мой от дня моего поступления в обитель, ему была дана власть надо мною, а теперь я и убог, и совершенно одинок духовно. – Что мне делать? Осталось одно: изливать свои гневные чувства в жестких словах негодования, что я и делал. Укорял я себя в этом всячески, но остановить своего гнева не мог.

И вот совершилось тут со мною нечто странное и необычайное: стоял я перед образами, перебирая левой рукой свои четки, и внезапно увидел какой-то необыкновенный ослепительный свет... Глазам моим представился ярко освещенный этим светом цветущий луг. И вижу я, что иду по этому лугу сам, и трепещет мое сердце от прилива неизведанного еще мною сладкого чувства мира души, радости, совершеннейшего покоя и восхищения от красоты и света этого, и этого неизобразимо прекрасного луга. И когда я в восторге сердечном созерцал всю радость и счастье неземной красоты этой, глазам моим в конце луга представилась невероятно крутая, высочайшая, совсем отвесная гора. И пожелало мое сердце подняться на самую вершину горы этой, но я не дал воли этому желанию, сказав себе, что человеческими усилиями не преодолеть страшной крутизны этой. И как только это я помыслил, в то же мгновение очутился на вершине горы, и из вида моего пропал тот прекрасный луг, по которому я шел, а с горы мне открылось иное зрелище: насколько мог обнять взор мой открывшееся предо мною пространство, оно все было покрыто чудной рощей, красоты столь же не изобразимой человеческим языком, сколь и виденный ранее луг. И по роще этой были рассеяны храмы разной архитектуры и величины, начиная от обширных и величественных соборов, кончая маленькими часовнями, даже памятниками, увенчанными крестами. Все это сияло от блеска того же яркого, ослепительного света, при появлении которого представило восхищенным глазам моим это зрелище. Дивясь великолепию этому, я иду по горе и вижу, что предо мною вьется, прихотливо изгибаясь, узкая горная тропинка. И говорит мне внутреннее чувство

сердца моего: тебе эта тропинка хорошо знакома, – иди по ней смело, не заблудишься! Я иду и вдруг на одном из поворотов вижу: сидит на камне незнакомый мне благообразный старец – таких на иконах пишут. Я подхожу к нему и спрашиваю:

– Батюшка, благословите мне сказать, что это за удивительная такая роща и что это за храмы?

– Это, – ответил мне старец, – обители Царя Небесного, *ихже уготова Господь любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

И когда говорил со мною старец, я увидел, что из всех этих храмов ближе всех стоит ко мне в этой дивной роще великолепный, огромных размеров храм, весь залитый сиянием дивного света. Я спросил старца:

– Чей это, батюшка, храм?

– Этот храм, – ответил он мне, – Оптинского старца Амвросия.

В это мгновение я почувствовал, что из рук моих выпали четки и, падая, ударили меня по ноге. Я очнулся.

И как стал я в девять часов на молитву, в том же положении я и... очнулся от бывшего мне видения: стою в полумантии пред своими иконами, только стенные часы мои мерно постукивают маятником. Заблаговестили к заутрени: был час пополуночи.

Видение мое продолжалось, таким образом, четыре часа. И отпала от меня всякая скорбь, и со слезами возблагодарил я Господа, утешившего меня за молитвы того приснопамятного, чей храм в обителях Царя Небесного стоял ко мне ближе всех остальных виденных мною храмов»³⁰².

Но далеко не всем давалось видеть старца Амвросия во время его жизни в ореоле его святости и понимать все его действия, как совершаемые по наитию Свыше. Требовалась духовная восприимчивость. Но вот несколько рассказов тех лиц, которые сподобились видеть Старца в состоянии благодатного озарения.

³⁰² *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М., СПб., 1999. Т. 1. С. 333–342 (запись 27 мая 1909 г.). – *Примеч. ред.*

Отец Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Читали молебный канон Богородице. Один из скитских иеромонахов решил в это время подойти к Батюшке. Глаза о. Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью, яркое сияние почилло на нем, так что этот священноинок не мог его вынести.

Такие случаи, когда исполненное дивной доброты лицо Старца чудесно преображалось, озаряясь благодатным светом, почти всегда происходили в утренние часы во время или после его молитвенного правила.

Однажды Старец с вечера назначил прийти к себе двум супругам, имевшим к нему важное дело, в тот час утра, когда не начинал еще приема. Они вошли к нему в келлию. Старец сидел на постели в белом монашеском балахоне и в шапочке. В руках у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно как-то просветлело, и все в келлии его приняло вид какой-то торжественности. Пришедшие почувствовали трепет, и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить ни слова и долго стояли в забытии, созерцая лик Старца. Вокруг было тихо, и Батюшка молчал. Они подошли под благословение. Он безмолвно осенил их крестным знаменем. Они еще раз окинули взором эту картину, чтобы навсегда сохранить ее в сердце. Старец, все с тем же преображенным ликом, был погружен в созерцание. Так они и вышли от него, не сказав ни слова.

Другой случай. Пришел, по обычаю, к Старцу в конце утреннего правила его письмоводитель скитский иеромонах Венедикт. Старец, отслушав правило, сел на свою кровать. Отец Венедикт подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо Старца светящимся. Но лишь только он получил благословение, как этот дивный свет скрылся.

Спустя немного времени о. Венедикт опять подошел к Старцу, когда уже тот находился в другой келлии и занимался с народом, и в простоте своей спросил:

– Или вы, Батюшка, видели какое видение?

Старец не сказал ему ни слова, только слегка стукнул по голове его рукой – знак старческого благоволения.

Еще рассказ вышеупомянутого о. игумена Марка. «В бытность Старца в Шамординской обители, – пишет он, – однажды на Страстной неделе я, как готовивший к Причастию Божественных Таин, вхожу к нему в келлию для исповеди и, к изумлению моему, вижу на его лице полную сосредоточенность, глубокое внимание к чему-то им созерцаемому и трепетное благоговение. Лицо его при этом было покрыто радостным румянцем. Увидев сие, я подался обратно из келлии и только спустя некоторое время вошел к Старцу».

А шамординские монахини рассказывают, что им нередко приходилось видеть лицо Старца прославленным неземною славою. Преданная духовная дочь записала следующее.

«Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг, я вижу, из глаз его, на кого-то устремленных, вышли два луча, как бы солнечных. Я замерла на месте. И все время так было, пока старец смотрел на кого-то».

«В келлии его горели лампадки и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила:

– Батюшка, что сказать вам еще? В чем покаяться? – Забыла.

Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей келлии. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост; поднял голову и воздел свои руки кверху, как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келлии как будто не было, он разошелся, а голова Старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту Батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова:

– Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай.

Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром нам подали лошадей, и мы уехали. При жизни Старца я никому не смела рассказать этого. Он мне раз и навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой:

– А то лишишься моей помощи и благодати».

ОСНОВАНИЕ ШАМОРДИНСКОГО МОНАСТЫРЯ И КОНЧИНА СТАРЦА

Шамордино расположено в восхитительной местности – на широкой луговине над крутым обрывом. Густой лиственный лес лепится по почти отвесному скату. А там, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой речка Сирена. За нею привольные луга, а дальше взбегающая кой-где холмистыми перекатами равнина сливается с горизонтом, оттенками в иных местах далекими борами или перелесками.

Усадьба Шамордино в версте от деревни того же имени и в стороне от большой Калужской дороги принадлежала небогатому помещику Калыгину, жившему здесь со старушкой женой. В 1871 г. имение это в 200 десятин земли было куплено послушницею Старца, вдовою помещицей Ключаревой (в иночестве Амвросией). И она, и покойный ее муж, богатый помещик Ключарев, чрезвычайно уважали Старца и во всем ему подчинялись. Они по благословию Старца, разлучась друг с другом, проходили жизнь иноческую. Вот эта мать Амвросия и стала владельницею Шамордина. За год до продажи имения старику Калыгину было видение: ему представлялась в его имении церковь в облаках. У матери Амвросии были две внучки-близнецы от ее единственного сына. Потеряв первую жену, мать этих девочек, молодой Ключарев женился вторично, а девочки жили у бабушки. Для этих внучек мать Амвросия и отвела Шамординскую усадьбу, где все было поновлено, поставлен новый дом. Мать Амвросия часто приезжала в Шамордино из Оптиной, где она постоянно жила в особом корпусе в окрестно-

стях монастыря. Посещал усадьбу и Старец, от которого не раз слышали тут слово:

– У нас здесь будет монастырь.

Ходит, бывало, Старец по усадьбе, осматривает все, вдруг останавливается на каком-нибудь месте, велит вымерить его длину и ширину и поставит колышки. Уже тогда, зная по прозорливости своей, что здесь возникнет обитель, Старец обдумывал и прикидывал, где какие будут постройки.

В Шамордине вместе с маленькими барышнями Ключаревыми поселились некоторые бывшие крепостные матери Амвросии, искавшие тишины и молитвы, так что жизнь здесь шла вроде монашеской.

Бабушка, уверенная, что внучки ее будут жить в миру, старалась дать им хорошее светское воспитание. Когда они стали подрастать, бабушка просила Старца благословить ей приискать для них французенку, чтобы их обучить бегло говорить по-французски и следить, чтобы они одевались наряднее. Но Старец не позволил ей этого сделать, что ее сильно огорчило.

Девочки были крестницами Старца и с раннего детства отличались глубокой набожностью. Они часто молились, очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали порядок богослужения, что сами проводили всенощные. Они подвижничили, отказывались от мяса и ели лишь по убеждению отца Амвросия. Бабушка выражала опасения, что они повредят тем свое здоровье, а Старец отвечал ей:

– Пусть молятся – они слабого здоровья.

Старушка не понимала слов прозорливого старца, который другим прямо говорил о своих крестницах:

– Ничего, они знают, что готовятся туда.

Желая обеспечить благосостояние внуков и вследствие настойчивых советов Старца, мать Амвросия приобрела еще три дачи: Руднево, Преображенское и Акатово, не совсем понимая, к чему покупается такое количество леса, точно собираются строить це-

лый город. Положила она на имя внучек и капиталец, причем было оговорено, что, в случае смерти их, в Шамординской усадьбе должна быть устроена женская община, и для обеспечения ее дела послужат три упомянутые дачи и капитал, положенный на имя барышень Ключаревых.

13 марта 1881 г. мать Амвросия скончалась, и оставшиеся после нее еще в большем сиротстве десятилетние внучки, унаследовав эти имения, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами в Шамордине.

Так прошел год. Сиротки – сестры Вера и Любовь – жили тою же тихою жизнью, горячо любя друг друга, и никогда не расставались. Они не знали детских шалостей, одевались просто, ценили иноческую жизнь, монашеское богослужение. В крестницах Старца все сильнее разгорался огонек любви к Богу. Не раз говорили они своим няням:

– Мы не хотим жить более двенадцати лет: что хорошего в этой жизни?

Между тем отец их не одобрял уединенную жизнь сестер и определил их в Орел в пансион; на лето 1883 г. была приготовлена для них дача. Всей душой рвались сиротки из непривычного для них мира под крылышко старца Амвросия. В мае они, прежде чем поселиться на даче, приехали в Оптину. Тридцать первого мая обе они заболели дифтеритом. Их положили в разных комнатах, исповедовали, приобщили. Пока хватало у них сил, они часто писали к Батюшке записочки, в которых просили его святых молитв и благословения.

4 июня скончалась Вера, а за нею последовала Любовь.

Теперь нужно было во исполнение воли матери Амвросии учредить в Шамордине женскую общину.

Шамординская обитель прежде всего удовлетворяла ту горячую жажду милосердия к страждущим, которою всегда полон был о. Амвросий. Сюда он посылал многих беспомощных.

Приходит к Батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовою в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит:

– Ты, горемычная, хоть бы удавилась: тебе не грех.

Старец выслушивает ее, всматриваясь в нее, и говорит:

– Ступай в Шамордино.

Муж бросил тяжко больную жену; ее летом привезли к Старцу. Батюшка вышел к ней, благословил и шутливо проговорил:

– Ну, этот хлам-то у нас сойдет: отвезите ее в Шамордино.

Из бесприютных детей составилась обширный Шамординский приют. Старец любил, бывая в Шамордине, приходить в этот приют. Дети нежно теснились к нему, и он садился среди них на лавку. Они запевали ему сочиненную в честь его песнь «Отец родной» или пели тропарь Казанской иконе, которой посвящена обитель. При детском пении переполненное любовью сердце Старца трепетало и слезы ручьем текли по бледным, впавшим щекам его.

Число сестер старцевой обители под конец превысило пять сотен. Был воздвигнут громадный многоглавый храм, замечательная трапеза, и благотворительная деятельность все более и более расширялась.

Первой настоятельницей обители была Софья Михайловна Астафьева, урожденная Болотова, окончившая жизнь в подвигах. Затем игумения Евфросиния, усердная послушница Старца. Последняя была мать Валентина.

Скажем несколько слов о первой шамординской игумении Софии, урожденной Болотовой, сестре оптинского иеромонаха-художника о. Даниила (Болотова).

Мать София была незаменимой помощницей Старца по устройению юной обители его, что называется – правой рукой. К сожалению, ее управление продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную, и дела хозяйственные, всею душой преданная Старцу, она, под его непосредственным руководством вступив на путь иноческой жизни и приняв самое тяжелое в обители послуша-

ние начальницы, стала подвизаться с великою ревностью. В мокрую, холодную погоду в осеннее время, случалось, по целому дню, с утра и до вечера, ходила она сама по всей обители, следя за всеми монастырскими работами, и уже к ночи возвращалась в свою келлию, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы, в соединении со строгой подвижнической жизнью, вскоре сломили ее крепкое здоровье. Кроме того, мать София несла еще личный крест: отрекшись от мира, она пожертвовала своим материнским чувством к дочери, которую теперь уже не она воспитывала. Много было ею пролито слез в ночной тиши. Она постепенно стала чахнуть и малопомалу таяла, как свеча; наконец 24 января 1888 г. уснула вечным сном праведницы, получив от Господа воздаяние, соответствующее ее великой ревности и трудам. Старец Амвросий при воспоминании о ней говаривал нередко с особенным чувством умиления:

– Ах, мать! Обрела милость у Бога!

Ввиду увеличивающегося все время числа сестер в обители старец Амвросий не мог сам быть духовником каждой из них. Потому он передал многих духовничеству отца иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), который относился к ним с самой заботливой отеческой любовью, как это видно из его «Писем к монахиням»³⁰³.

В начале своей деятельности мать София нашла в Шамордине всего лишь очень скромные строения: деревянный дом с домашней церковью и несколько изб для жилья сестер. Вот все! Ни денег, ни имущества, ни запасов. А между тем население обители с каждым днем увеличивалось. Старец посылал в обитель не только работоспособных сестер, но еще больше больных и калек. Кроме того, к нему приносили детей, брошенных на произвол судьбы. Бедные дети, покрытые грязными тряпками, часто с золотушными ранами на теле, – всех их он посылал в Шамордино. Население все увеличивалось, а средства уменьшались. Но мать София не падала духом. Как магнит

³⁰³ *Анатолий (Зерцалов), иеросхим. Собрание писем... к монахиням. Сергиев Посад, 1910. – Примеч. ред.*

притягивает железо, так обаятельная личность матери Софии стала привлекать в обитель самых разнообразных лиц: дворян, купцов, ремесленников, благотворительниц, занимавших всевозможное положение в обществе. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться зданиями, твердо водворился устав Оптиной Пустыни. Но увы! Как выше сказано, недолго наслаждалась обитель миром и духовной радостью под ее водительством.

По кончине матери Софии Старец избрал настоятельницей мать Евфросинию (Розову). Столь же глубоко верующая, столь же преданная Старцу, она не имела блестящих талантов администратора и духовного вождя, какими отличалась мать София. И Старцу пришлось взять на себя все хлопоты по устройству обители, для чего он посещал лично обитель не один раз, и где он и скончался в 1891 г. 10 октября, зазимовав там по случаю болезни.

Старец отбыл в Шамордино летом 1890 года. Жизнь его там была сопряжена со многими трудностями.

– Матери и сестры, я у вас здесь на кресте! – говорил он монахиням.

И действительно, жизнь его, по словам близких лиц, была в это время невозможно трудная. Ни днем, ни ночью он не имел покоя и по неудобству помещения (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавливалось), и от множества дел и окружавшего его народа. Болело сердце его и за оптинцев, оставшихся без своего духовного руководителя. Когда являлся к нему кто-нибудь из них, Батюшка уже не заставлял его долго ждать, а с особенною любовью принимал и утешал.

После Пасхи 1891 г. настоятельница обители тяжело заболела и ослепла. Она хотела подать в отставку, но Старец не благословил.

– Сама не подавай, а если велит подать начальство, то подай.

К довершению всех скорбей епархиальное начальство негодовало на него за его отлучку из Оптиной, что особенно обострилось к концу его жизни. Были придуманы всякие клеветы на Старца.

Уже в начале 1891 г. Старец знал, что ему предстоит скоро умереть. 1 января, рассказывают сестры, в самый первый день 1891 г., утром, после обедни, Батюшка вышел к сестрам особенно задумчивым, серьезным; сев на диван, он неожиданно начал читать стихотворенье «Лебедь на берегах Меандра песнь последнюю поет»³⁰⁴. А мы, шутливо заметил Старец, могли бы переделать так: «Лебедь на берегах Шамандра песнь последнюю поет», – и объяснил, что лебедь поет только одну песнь – это перед своей кончиной.

Тогда никто не понял, что он говорил о себе, о своей кончине в том году. Предчувствуя ее, он особенно поспешно старался устроить монастырь. Так, было построено много новых келлий в Шамордине, благоустроен хутор в Рудневе, в котором Старец предсказал, что будет церковь, что и совершилось после его кончины. В конце сентября Старец заболел болезнью ушей, соединенной с инфлуэнцией, и постепенно начал таять... Между тем недовольный архиерей собирався лично явиться в Шамордино и в своей карете вывезти Старца. К нему обращались сестры с вопросами:

– Батюшка! Как нам встречать владыку?

Старец отвечал:

– Не мы его, а он нас будет встречать!

– Что для владыки петь?

Старец сказал:

– Мы ему пропоем «аллилуйя».

И действительно, архиерей застал Старца уже в гробу и вошел в церковь под пение «аллилуйя».

Траурная процессия с гробом Старца сопровождалась более чем тысячной толпой. Шел дождь, но свечи не гасли. По дороге из Шамордина в Оптину Пустынь останавливались у каждой дерев-

³⁰⁴ Цитата неточная: «Как лебедь на водах Меандра / Поет последню песнь свою...» (*Херасков М.М.* Ода Его Императорскому Величеству Великому Государю Александру Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, на всерадостное Его на Престол вступление. М., 1801. [С. 3]). – *Примеч. ред.*

ни и служили литию. На другой день было совершено отпевание архиерейским служением и произнесен ряд знаменательных слов. Смерть Старца была всероссийским горем, но для Оптиной и Шамордина и для всех духовных чад оно было безмерно.

Шамординский монастырь со строящимся собором, с его множеством насельниц, детским приютом и призреваемыми калеками остался без своего попечителя и прилива средств. Но вот что нам стало известно из бесед с шамординской монахиней матерью Александрой (Гурко). Чайный торговец Перлов с семьей были в числе духовных чад Старца. Ему явилась во сне Божия Матерь и велела принять на себя попечение о Шамординской обители. Перлов отвечал, что на нем лежит бремя чайной торговли. Но Матерь Божия обещала ему взять на Себя эту торговлю. После этого Перлов уже не щадил ни сил, ни средств для помощи Шамординской обители. Туда потек его капитал.

В Оптиной Пустыни было принято пить перловский чай, этому следовали и верные оптинские посетители.

Пишущие эти строки обратились к протоиерею о. Иоанну Григору-Клочко, который хоронил в Париже госпожу Перлову, с просьбой написать нам все, что ему о ней известно. Ответ был такой:

«Письмо от 5 сентября 1956 г. Относительно старушки Перловой (она была в тайном постриге), умершей от молниеносной грудной жабы, то она, как мне рассказывали дети, в течение полчаса разговаривала с необычайной радостью на лице с Оптинскими старцами, называя их поименно. Дети думали, что она бредит, и всячески лаской старались успокоить ее, а она, переводя на них совершенно ясный взгляд, говорила: “Ну как вы не понимаете, как там хорошо”. И опять взгляд в неведомую даль и продолжение восторженной беседы. Я немало видел покойниц, старых людей, но такого светлого лица, как было у покойной, не запомню, – оно точно светило, как освещенный фарфор».

Глава XI

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

Константин Николаевич Леонтьев нашел покой и умиротворение у ног старца Амвросия, как раньше у ног старца Макария их нашел другой оптинец – Иван Васильевич Киреевский.

Это были совершенно разные люди: Киреевский был воплощением кротости и внутренней гармонии, Леонтьев, наоборот, при личной глубокой доброте, был с молодых лет обуравем многими страстями, на борьбу с которыми ушла вся его зрелая жизнь. Началом этому послужило чудо исцеления его от холеры в Салониках. Он тогда же хотел принять монашество, но афонские старцы, о. Иероним и о. Макарий, не согласились его постричь, находя это преждевременным.

Медик, дипломат, философ, литератор и под конец – монах, Константин Николаевич был человеком исключительной глубины и блеска ума. Как о нем выразился Бердяев, «К. Леонтьев был необычайно свободный ум, один из самых свободных русских умов, ничем не связанный, совершенно независимый»³⁰⁵. Между тем он при жизни не встретил в русском обществе ни признания, ни понимания. «Может быть, после моей смерти обо мне заговорят, – сказал он, – а, вероятно, теперь на земле слава была бы мне не полезна, и Бог ее мне не дал». Розанов выразился о нем так: «Прошел великий муж по Руси и лег в могилу. Ни звука при нем о нем. Карканьем ворон он встречен и провожен». Какая же была тому причина? Тот же Розанов в той же статье в «Новом Времени», посвященной

³⁰⁵ Вероятно, *Бердяев Н.* Константин Леонтьев. Париж, 1926. – *Примеч. ред.*

вышедшему тогда сборнику по случаю 20-летия со дня смерти Леонтьева, говорит о нем следующее: «Вот эта нравственная чистота Леонтьева – что-то единственное в нашей литературе! Все (почти и великие!) писатели имеют несчастное и уничижительное свойство быть несколько “себе на уме”, юлить между Сциллою и Харибдою, между душой своей и массою публики, между литературным кружком, к коему принадлежат, и ночными своими думами “про себя”: ничего подобного не было у Леонтьева с его “иду на вас”. Он шел сразу на всех!».

По образованию он был медик и прикладывал специально патологические наблюдения и наблюдательность к явлениям мировой жизни, и прежде всего, будучи эстетом, он понимал все явления пошлости и измельчания, как симптомы конца и увядания культуры. «К. Леонтьев, – говорил в 1926 г. Бердяев, – уже более 50 лет тому назад открыл то, что теперь на Западе по-своему открывает Шпенглер». И далее говорит Бердяев о Леонтьеве: «Он острее и яснее других почувствовал антихристову природу революционного гуманизма с его истребляющей жаждой равенства».

Знаменитая теория о «триедином процессе развития» жизни государства блестяще изложена Леонтьевым в лучших философских публицистических произведениях его – в «Византизме и славянстве» (1875) и посмертном «Среднем европейце как идеале и орудии всемирного разрушения» (1872–1884).

Иногда он надеется, что после того как человечеством будет испытана «горечь социалистического устройства», в нем начнется глубокая духовная, религиозная реакция, и тогда в самой науке явится «чувство своего практического бессилия, мужественное покаяние и смирение перед правотой сердечной мистики и веры». Но в год своей смерти в статье «Над могилой Пазухина» он крайне пессимистически выражает взгляд на будущее: «... Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмещения*

и – кто знает? – подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *Новой Веры*, – и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, – родим... антихриста?»³⁰⁶

Леонтьев был человеком строго православным, исповедуя византийское, филаретовское, оптинское Православие. И спрашивается, может ли нечто отличное от этого Православия называться по справедливости православным?

Леонтьев говорит: «Византийскому православию выучили меня верить и служить знаменитые афонские духовники Иероним и Макарий... Лично хорошим, благочестивым и добродетельным христианином, конечно, можно быть и при филаретовском, и при хояковском оттенке в православии; и были и есть таковые... А вот уже *святым* несколько вернее можно стать на старой почве, филаретовской, чем на новой славянофильской почве»³⁰⁷. Приведя эти слова, Бердяев от себя добавляет: «Образ св. Серафима – совсем не византийский и не филаретовский, – опровергает Леонтьева»³⁰⁸, и «своеобразия русского Православия он (Леонтьев) не видел. Он не знал белого христианства св. Серафима, христианства Воскресения»³⁰⁹. Мы же в настоящем изложении достаточно показали, какая живая связь существовала между митрополитом Филаретом и преподобным Серафимом через посредничество его ученика, наместника Лавры о. Антония. А еще

Константин Николаевич Леонтьев

³⁰⁶ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 291. – Примеч. ред.

³⁰⁷ Цит. по: Бердяев Н. Константин Леонтьев. Париж, 1926. С. 238.

³⁰⁸ Там же. – Примеч. ред.

³⁰⁹ Там же. С. 206.

ранее показано влияние на преподобного Серафима аскетической византийской литературы.

Где же признаки «своеобразия русского Православия»? Где же расхождение между серафимовским и филаретовским Православием?

Держась православного учения, Леонтьев отвергал хилиазм, как церковную ересь. Между тем вера в Царствие Божие, основанная на мечтательной любви к всечеловечеству, стала после «Пушкинской речи» Достоевского общим модным верованием. Леонтьев назвал эту восторженную любовь – «розовой любовью». Этого ему до сих пор простить не могут.

Ему приписывают, будто он вообще отвергал любовь к Богу и полагал основы спасения, руководствуясь лишь животным страхом перед адскими мучениями. В письме к одному студенту Леонтьев пишет о своем обращении: «...Пришла, наконец, неожиданно минута, когда я, до тех пор вообще смелый, почувствовал незнакомый мне дотоле *ужас*, а не просто страх. Этот ужас был в одно и то же время... и ужас греха, и ужас смерти. А до этой минуты я ни того, ни другого сильно не чувствовал. Черта заветная была пройдена. Я стал бояться Бога и Церкви (как Его выражения). С течением времени физический страх опять прошел, духовный же остался и все вырастал»³¹⁰. Страх Божий обязателен для всех христиан. Только у великих святых совершенная любовь изгоняет страх.

Не признанный никем, кроме нескольких ближайших друзей, измученный и больной, Леонтьев нашел душевный покой, поселившись в Оптиной Пустыни в усадьбе, построенной бывшим учеником старца Льва архиепископом Ювеналием, составившим его жизнеописание. Годы жизни в Оптиной Пустыни были самыми мирными и покойными в его жизни и даже плодотворными

³¹⁰ Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 346. – *Примеч. ред.*

в смысле его писаний. Здесь можно привести четверостишие из «Пророка» Лермонтова:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи³¹¹.

Здесь его духовником и руководителем был о. Климент Зедергольм, сын пастора, магистр греческой словесности.

После его кончины Леонтьев составил о нем прекрасную монографию³¹². Лишившись друга и духовника, он стал непосредственным духовным сыном старца Амвросия. В 1891 г. старец Амвросий постриг его в монашество с именем Климент и отправил на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, зная, что о. Климент не способен подвизаться в Оптиной Пустыни в качестве рядового оптинского монаха, выполняя все возложенные на него послушания. Прощаясь с о. Климентом, старец Амвросий сказал ему: «Мы скоро увидимся». Старец скончался 10 октября 1891 г., а 12 ноября того же года последовал за ним его постриженник о. Климент. Он умер от воспаления легких.

³¹¹ Лермонтов М.Ю. Сочинения. М., 1988. Т. 1. С. 224. – Примеч. ред.

³¹² Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни. Варшава, 1880. – Примеч. ред.

Глава XII

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ ИОСИФ

Старец Иосиф, в миру Иван, родился 2 ноября 1837 г., умер 9 мая 1911 года. Это был ближайший ученик великого старца иеросхимонаха Амвросия, – ближайший не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и любви. Это было поистине «чадо любимое» старца Амвросия. Это чадо послушания воспитывалось в стенах смиренной, убогой хибарки старца Амвросия, проникнутой заветами великих старцев Льва и Макария и молитвами их продолжателя – старца Амвросия. Здесь, в этой тесной келлии, сделавшейся для него «училищем благочестия», он прошел делом самую высшую из наук – монашество и стал в свое время сам наставником монахов. И как это было все просто, скромно, даже для многих незаметно...

Отличительной чертой характера о. Иосифа была необыкновенная скромность, деликатность, уступчивость; а со временем эти качества глубоко проникли во все его существо и претворились в великие добродетели смирения, любви и ангельской кротости. Смирренная поступь, опущенные глаза, краткий ответ с поклоном и всегда неизменная скромно-приветливая улыбка... Еще в бытность его келейником старца Амвросия все как-то безотчетно проникались к нему особым уважением; в нем чувствовалось что-то особенное.

Иван родился в Харьковской губернии. Родители его были люди простые, но благочестивые. Они очень любили читать духовные книги и ходить в храм Божий. Мать водила детей с собой в церковь и дома заставляла их молиться. Маленький Иван пел на клиросе. Иван рос

веселым, резвым и ласковым ребенком. Своей чуткой душой он чувствовал чужое горе, но по застенчивости не мог выразить свое сочувствие. Ване было 8 лет. Однажды, играя во дворе, он вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и упал без чувств. Когда он пришел в себя, его стали спрашивать, что с ним случилось. Он ответил, что видел в воздухе Царицу Небесную, около Которой было солнце. Законоучитель Вани говорил, что из него выйдет что-то необыкновенное. Отец Вани хотел, чтобы кто-нибудь из детей пошел в монастырь. Первой ушла его старшая сестра Александра – монахиня Леонида.

Прп. Иосиф, старец Оптинский

Ване было четыре года, когда у него умер отец. Матери он лишился в 11 лет. Она умерла от холеры. Ваня остался круглым сиротой. Он поселился у старшего брата – Семена. Но Семен страдал запоем и скоро спустил все отцовское имущество. Он должен был идти работать в чужие люди; брата Ивана он тоже определил на место. Много мест пришлось переменить юному Ивану. Он испытал и холод, и голод, иногда побои и разные опасности.

Хотя он жил в развращенной и грубой среде, ничто плохое не пристало к нему. Молитва была неизменной спутницей его скорбной жизни, а храм – единственным местом утешения. Наконец ему удалось попасть на хорошее место к купцу Рафаилову, который полюбил Ивана за его кроткий нрав и даже хотел выдать за него замуж свою дочь. Но земные привязанности были далеки от Ивана. Его чистую душу влекло в монастырь. Любимым чтением его с детства было чтение житий святых. Он собирался пойти на богомолье в Киев на поклонение святым местам. Когда купец предложил ему жениться на его дочери, он повторил свою просьбу отпустить его помолиться. Остальное он предоставил воле Божией. Добрый его

хозяин, видя горячее стремление юноши к Богу, не посмел его удерживать. И вот Иван отправился к святым местам. По дороге он зашел в Святые Горы, а затем в Борисовскую женскую пустынь, где его сестра была монахиней. Эта обитель отличалась строгостью устава. Там схимонахиня Алипия посоветовала ему не ходить в Киев, а пойти в Оптину к старцам. Иван послушался ее совета и поехал в Оптину. Придя к старцу Амвросию, он рассказал ему всю свою жизнь и просил благословения на поездку в Киев. Но Старец посоветовал ему остаться в Оптиной. Иван верил, что в словах Старца заключается указание воли Божией, и остался. Это было 1 марта 1861 года.

Первым его послушанием в Оптиной была работа на кухне. Но уже вскоре ему предложили перейти к старцу Амвросию, оценив его добрые качества: беспрекословное послушание, скромность и молчаливость. В хибарке старца Амвросия он прожил ровно 50 лет. Первое время близость к Старцу, с одной стороны, утешала его, а с другой – постоянная суета и прием посетителей смущали и тяготили его. Он опять стал мечтать о Киеве и об Афоне. Однажды о. Амвросий застал его за такими размышлениями. Читая его мысли, он сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне, оставайся с нами». Эти слова так поразили молодого послушника, что он понял, что его помыслы были только искушением. С этих пор он стал самым преданным и любимым учеником о. Амвросия. Не только воля Старца, но каждое его слово было для него законом.

Старшим келейником о. Амвросия был человек суровый и угрюмый, который не показывал новичку, как и что надо делать, а когда тот ошибался, он укорял его. Вот эта-то школа терпения и сделала старца Иосифа таким кротким и смиренным. Она же выработала в нем самоукорение. Несправедливость раздражает обыкновенно человека; но когда он через внимание к своей совести научится находить вину в себе, тогда он прежде всего осуждает

себя и принимает суд ближнего как заслуженное от Бога за грехи наказание и не раздражается, но еще и благодарит ближнего.

Неизменное благодушное настроение о. Иосифа влияло на всех. Он со всеми был мирен и умел всех смирять своим смирением, кротостью и уступчивостью.

В 1872 г. он был пострижен в монашество с именем Иосиф. Его серьезное настроение с той поры стало еще более сосредоточенным и глубоким. Он сохранил полное послушание своему Старцу и без его благословения ничего не делал.

Через пять лет он был посвящен во иеродиакона. Его жизнь не изменилась после этого, наоборот, прибавилось еще работы и забот. А спал он в приемной старца Амвросия. Эта комната иногда освобождалась от приема посетителей поздно ночью, так что о. Иосиф не имел времени отдохнуть. Нередко старец Амвросий по завету св. Иоанна Лествичника испытывал терпение и смирение своего ученика; он предлагал ему показать случай монашеского безгневия.

В 1884 г. была торжественно открыта Шамординская женская обитель, находившаяся недалеко от Оптиной. За Литургией о. Иосиф был посвящен во иеромонаха. С первого же дня он начал свое священнослужение твердо, внятно, неторопливо и благоговейно. Сам он в дни служения делался каким-то радостным.

По болезни о. Амвросий не выходил в церковь. Отец Иосиф начинает служить в его келлии всенощные. Он становится старшим келейником и получает келлию вместе с другим келейником. Как старший келейник, он считал своей главной обязанностью заботиться о спокойствии старца Амвросия. Поэтому он часто выходил в приемную и внимательно выслушивал посетителей. Ответ Старца он передавал в точности, ничего не прибавляя от себя. Этим он заслужил уважение и любовь всех приезжающих. Прием у Старца иногда затягивался до 11 часов ночи. Видя усталость Старца, о. Иосиф деликатно начинал заводить часы в его комнате, напоминая этим, что пора кончать.

Несмотря на большую занятость, о. Иосиф находил время для чтения творений святых отцов, особенно «Добротолюбия». Он был человек глубокого внутреннего делания, проходивший так называемую Иисусову молитву. Старец же Амвросий постепенно подготовлял его к старческому служению, уча его словом и собственным примером. Он любил его и доверял, называя его своей правой рукой, и никогда не разлучался с ним в течение 30 лет. После смерти о. Амвросия о. Иосиф остался таким же смиренным, как был. Он никогда не придавал себе никакого значения и говорил: «Что я значу без Батюшки? Нуль и больше ничего».

Отец Иосиф был слабого здоровья и очень воздержан в пище. Он никогда и ничем не выдавался. Тихо и скромно он делал свое дело. Он был истинным помощником Старца, но держал себя так, как будто и не был так высоко поставлен. Обращение его было непринужденное и духовно простое. Любовь о. Иосифа к старцу Амвросию была так глубока, что он готов был отдать за него свою жизнь. Ни словом, ни делом, ни мыслию он не противоречил Старцу.

В последние годы жизни старца Амвросия к нему стало приходиться так много посетителей, что он не мог принять всех. Многих он посылал к о. Иосифу. В 1888 г. о. Иосиф сильно заболел и готовился к смерти. Ему уже прочитали отходную. Старец Амвросий очень скорбел о своем любимом ученике и, конечно, горячо молился о нем. Наконец о. Иосиф поправился. После выздоровления он стал помогать о. Амвросию тем, что исповедовал народ. В этом же году летом о. Амвросий благословил его съездить в Киев, куда он так стремился 30 лет тому назад. Проездом туда он заехал в монастырь, где жила его сестра, монахиня Леонида. Радости ее не было конца при виде своего «братика».

Через два года о. Амвросий совсем переселился в обитель Шамордино, а о. Иосифу он велел оставаться в Оптиной. Отец Иосиф сильно скучал без Старца, но, покорный воле Божией и Старца, примирился со своим новым положением. Еще через год, в 1891 г.,

старец Амвросий тяжело заболел и скоро умер. Все близко знавшие о. Амвросия тяжело переносили эту смерть, но тяжелее всех ее переносил о. Иосиф. Однако он не потерялся и не упал духом, а еще утешал других. После смерти о. Амвросия духовное окормление Шамординской обители перешло к о. Иосифу. А вскоре после смерти скитона начальника о. Анатолия о. Иосиф занял и эту должность и с нею стал старцем для всей братии Оптиной Пустыни.

Итак, хибарка о. Амвросия, свидетельница стольких молитв и подвигов, не опустела. Духовные чада о. Амвросия видели в о. Иосифе его преемника.

Распорядок дня о. Иосифа был заведен раз и навсегда. С утра он принимал посетителей. После трапезы немного отдыхал, а затем опять принимал народ. К себе он был всегда строг и никогда не позволял себе никаких послаблений. В обращении он был ровен со всеми. Его краткие ответы и сжатые наставления были действеннее самых продолжительных бесед. Кроме влияния своим благодатным словом на душевное расположение человека, о. Иосиф имел еще несомненный дар исцеления болезней душевных и телесных. Случаев, в которых ясно обнаруживался его дар прозорливости, так много, что невозможно их передать. Вот два примера. Одна козловская помещица решила поехать в Оптину Пустынь и пригласила своих дочерей ее сопровождать. Младшая согласилась, а старшая предпочла остаться дома, чтобы развлекаться с ожидавшимися гостями. Оптина понравилась помещице, и она собиралась здесь подольше пожить. Но о. Иосиф послал ее немедленно домой, говоря, что надо торопиться, «а то, пожалуй, и гроба не застанете». Подъезжая к дому, помещица действительно увидела гроб, который выносили из дома: ее старшая дочь разбилась, упав с лошади при верховой езде.

Другой пример прозорливости о. Иосифа приводится нами впервые. В книге «На берегу Божьей реки», изданной в Троице-Сергиевой Лавре в 1916 г., написано следующее.

«25 сентября. День преподобного Сергия Радонежского и вся Россия чудотворца. День моего Ангела. Вчера с вечера у нас в доме служили всенощную, и как же это было умирительно! И весь сегодняшний день сердце праздновало какую-то особенную, праздничною радостью.

Ходили к старцам. Старец о. Иосиф поразил меня некоею неожиданностью, какой я от него никогда не видел и ожидать не мог. Принял он нас в своей комнатке. Сидел он слабенький, но очень благодушный, на своем диване, одетый в теплый подрясник серого цвета из какого-то очень мягкого, пушистого сукна. Подрясник был опоясан довольно тонким шнурком, сплетенным из нескольких шнурков – белых и красных. Мы стали перед Старцем на колени, чтобы принять его благословение. Батюшка благословил и вдруг порывистым движением снял с себя шнурок и со словами: “Ну вот, на тебе!” – надел мне его на шею и ловко завязал его мне на груди узлом, на редкость красивым и искусным. Что бы это могло значить?»³¹³.

Автор, С.А. Нилус, недоумевал и спрашивал себя, что значит это действие старца-пророка?

Объяснение этому связыванию пришло в голову гораздо позднее. Связывание поясом символически обозначает темничное заключение, что и произошло с Нилусом приблизительно через 20 лет. В Деяниях Апостолов пророк Агав поясом апостола Павла связал себе руки и ноги: *Мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников* (Деян. 21, 11).

Уча других терпению, смирению, незлобию, старец Иосиф сам первый подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние не догадывались о переживаемых им испытаниях. Он призывал своих духовных чад к творению Иисусовой молитвы,

³¹³ Нилус С.А. На берегу Божьей реки. М., СПб., 1999. Т. 2. С. 123–124 (запись 25 сентября 1909 г.). – *Примеч. ред.*

указывая при этом, что при этой молитве необходимо смиренно вести себя во всем: во взгляде, в походке, в одежде. Молитвою достигается даже сама молитва.

Отец Иосиф пробыл на своем посту скитоначальника и старца братии 12 лет. Последние пять лет он стал ослабевать и иногда по два дня не принимал никого. С 1905 г. он стал особенно часто прихварывать, но духом был все так же бодр и ясен. Напоследок ему пришлось отказаться от должности скитоначальника. В Шамординской обители умерла умная и способная настоятельница. Сразу усилился приток дел, вопросов и хлопот. Старец Иосиф слег и больше уже не вставал. Простившись с оптинской братией и с шамординскими и белевскими сестрами, он скончался 9 мая 1911 года.

В жизнеописании старца о. Иосифа приведен рассказ протоиерея Павла Левашева³¹⁴, который сподобился видеть старца о. Иосифа, озаренного фаворским светом, сопровождающим высокую степень умно-сердечной молитвы, как о том пишут святые отцы в «Добротолубии». Вот прямой текст рассказа о. Павла.

«В 1907 г. я первый раз посетил Оптину Пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, я же поспешил в Скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в Скит, а там келлию старца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки. Приемная – это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями св. отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник

³¹⁴ Прот. Павел Никанорович Левашев (1866–1937) до революции служил в Санкт-Петербурге; духовный писатель, ученик о. Иоанна Кронштадтского. – *Примеч. ред.*

Старца и пригласил чиновника к Батюшке, сказав мне: “Он давно ждет”. Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из Скита выносили Калужский чудотворный образ Божией Матери, Батюшка выходил из хибарки и молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него, молящегося. Через несколько минут и меня позвали к Старцу. Вошел я в убогую его келлийку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой. В это время я увидел глубокого старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; чрез мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоты, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок келлии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо Старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости – это отличительные качества Старца, – стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав: “Батюшка! Я великий грешник”. Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову, скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в момент, когда вошел в келлию. Так продолжалось недолго. Опять заблестал свет вокруг головы, и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я со-

вета его об открытии в своем приходе попечительства и просил его святых молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с Батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину Пустынь, много раз был у батюшки о. Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над Старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. д.; иначе, подобного в видимой природе я не видел.

Я объясняю себе это видение тем, что Старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к Старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, переживаю умиление и восторг. Мой рассказ *иудеям* будет *соблазн, эллинам безумие* (Ср.: 1 Кор. 1, 23), маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере – выдумкой, фантазией, и в лучшем случае его объяснят галлюцинацией. В наше время неверия, безверия и религиозного развала подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что ж? Молчать ли нам, служителям истины? Да не будет! Приснопамятный старец Иосиф поистине светильник горящий и светящий, – *светильник же не ставят под судом, а на свещнице, чтобы он светил всем* (Ср.: Мф. 5, 15), находящимся в истинной Церкви Христовой. Прошу

всех верующих христиан молиться за него, чтобы и он помолился за нас пред Престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю, как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью»³¹⁵.

Отец Павел пишет: «В 1907 г. я... посетил Оптину Пустынь как-то случайно...» И действительно, целью его путешествия не было намерение посетить Оптину Пустынь. Он там оказался, будучи в гостях у моей тетушки, которая в то время с мужем своим жила там постоянно. Отца Павла я помню еще в детстве, когда он приезжал на праздник со святой водой к той самой моей тете, Елене Александровне Озеровой³¹⁶, бывшей тогда попечительницей Рождественских фельдшерских женских курсов, где о. Павел был настоятелем церкви. К ней-то он и поехал погостить в Оптину Пустынь. Отец Павел, будучи прекрасным священником, как и большинство белого духовенства в России, был противником монашества. И вот какое потрясение ожидало его по прибытии в Оптину Пустынь! Он стал тогда послушником Оптинских старцев.

В 1916 г. мне пришлось зимовать в Петербурге, и там я ходила на исповедь к о. Павлу. Передо мной был человек необычайно углубленный, сосредоточенный, боящийся произнести лишнее слово. Это был строгий монах, хотя и без пострига. Он часто участвовал во всенощных бдениях, которые совершались ночью на Карповке в церкви-гробнице о. Иоанна Кронштадтского. Там же он служил еженедельно акафисты в странноприимнице. Во время упоминания

³¹⁵ Оптинский старец Иосиф. Джорданвилль, 1962. С. 117–120.

³¹⁶ Елена Александровна Озерова (1855–1938) – фрейлина императрицы Александры Федоровны; посвятила себя благотворительной деятельности. Она была председателем Общества Красного Креста и возглавляла Общину христианского милосердия. Выйдя замуж за С.А. Нилуса, Елена Александровна лишилась своего престижного положения при дворе. По совету о. Иоанна Кронштадтского они посетили Оптину Пустынь, у стен которой и прожили несколько лет безвыездно. – *Примеч. ред.*

имени Божией Матери принимались выть злые духи, сидевшие в одержимых, приходивших туда в надежде исцеления. Вой этот – тончайший, мистический, не похожий на голос человеческий. Он неопишуем, острый и ледяной, леденящий ужасом душу. Я еле могла удержаться от крика ужаса, когда они испускали свой вой. Душа трепещет, как птица, слыша голос своего лютого врага.

В описываемое время о. Павел был настоятелем церкви при Главном штабе. После революции он переехал в Москву и священствовал в Новодевичьем монастыре. Дальше я не знаю³¹⁷.

³¹⁷ Конец этой главы составляют воспоминания Елены Юрьевны Концевич, супруги И.М. Концевича. – *Примеч. ред.*

Глава XIII

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ СТАРШИЙ

Старец иеросхимонах Анатолий родился 24 марта 1824 г. в селе Боболи Калужской губернии. Он был сыном диакона о. Моисея Копьева и его супруги Анны Сергеевны. Родители его были на редкость богобоязненными и желали видеть детей своих в иноческом звании. Они воспитывали своего единственного сына Алексея в известной строгости. С пятилетнего возраста отец обучал Алексея грамотности и хотел, чтобы его сын мог читать на клиросе. Но у мальчика был слишком слабый голос. В свое время Алексей был отдан в Боровское духовное училище, а когда окончил курс учения, был переведен в семинарию в Калугу. В 14 лет он заболел горячкою и пропустил год учения. Здоровьем он не отличался. Стремление к монашеству в нем было развито рано, и он чуть не ушел в Рославльские леса к пустынникам. Страшная гроза, которая захватила его в дороге, дала ему понять, что Господь препятствует его намерению. Окончив семинарию, Алексей Моисеевич Зерцалов, как его переименовали в семинарии, поступил на службу в Казенную палату. Но вскоре чудо выздоровления от чахотки привело его навсегда в стены Оптиной Пустыни. Он пришел туда с матерью. «Благословенна ты, добрая женщина, на какой хороший путь отпустила сына», – сказал ей там старец Макарий. Он стал обучать молодого послушника Иисусовой молитве и с любовью им руководить.

Когда Старец бывал занят, он благословил Алексея обращаться к о. Амвросию, объяснив свой выбор: «Он пошустрее». Кроме этого, брат Алексей обращался за духовным руководством и к о. Антонию

(Путилову) с ведома и одобрения о. Макария. Он называл в шутку будущего о. Анатолия «высочайшим» из-за его высокого роста, но также имея в виду его духовное устройство. Несмотря на доброе расположение к нему его руководителей, жизнь брата Алексия в монастыре была полна скорбей и трудностей. Отец Макарий вел его тропой иноческого подвига. Сначала он работал на кухне, где приходилось ему мало спать, да еще спать на дровах. Затем его переводили из келлии в келлию; не успеет он привести свое помещение в порядок, как его снова переводят. Наконец, его поселили в башне, где его собрат не признавал старчества и был с ним груб. От непривычки мало спать и из-за тяжелого физического труда у него сильно болела голова. Целыми днями он лежал с больной головой, и некому было подать ему воды, и он оставался без пищи. А внизу под башней кололи дрова. Таких и подобно этому скорбей было не перечесать. Путем этих огорчений в нем вырабатывался дух смирения, терпения, кротости и твердости духа. Однажды приехал в Оптину Пустынь Преосвященный Игнатий (Брянчанинов), пожелал видеть того из иноков, кто бы опытно проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой, и беседовать с ним. Ему указали на о. Анатолия. Епископ долго беседовал с иноком. Беседа с ним очень ему понравилась. Прощаясь с о. Анатолием, Преосвященный не мог не выразить своего удивления и уважения к иноку и говорил об удовольствии своем встретить инока образованного и опытного в духовной жизни³¹⁸. Был же о. Анатолий у епископа только после двукратного приглашения и по приказанию старцев. Но когда он встретил о. Макария и простосердечно все ему пересказал, Старец при всем народе стал его бить палкой и говорить: «Ах ты, негодяй! Вообразил, что он хороший! Ведь Преосвященный аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!» Со стыдом пошел к себе

³¹⁸ Отец Анатолий, имея семинарское образование, совместно с о. Амвросием и о. Климентом (Зедергольмом) трудился при о. Макарии в переводах святоотеческих книг. – *Примеч. ред.*

Прп. Анатолий (Зерцалов),
старец Оптинский

инок... А о. Макарий сказал после его ухода: «Как не пробрать? Долго ли загордиться!» Отец Анатолий тогда был уже иеродиакonom.

Когда умер о. Макарий, о. Анатолий и о. Амвросий особенно сблизились между собой, потеряв любимого ими обоими старца и руководителя. Отец Амвросий, увидев, что о. Анатолий стал уже достигать меры высокого духовного устроения и созрел, чтобы наставлять других, постепенно стал вводить его в свой старческий труд, делая его своим сотрудником, подобно тому как и его вел в свое время о. Макарий. Еще когда о. Анатолий был иеродиакonom, о. Амвросий посылал его на гостиницу утешать скорбных и печальных, куда о. Анатолий ходил и беседовал с ними.

В 1870 г. о. Анатолий был посвящен во иеромонаха. В следующем году он был назначен Синодом указом от 3 августа 1871 г. настоятелем Спасо-Орловского монастыря Вятской губернии, с возведением в сан архимандрита, но, ради трудов старчества и послушания о. Амвросию, отец Анатолий отказался от служебной карьеры.

Видя духовное возрастание о. Анатолия, о. Амвросий выпросил его сначала к себе в помощники, потом в благочинные Скита³¹⁹. Это назначение последовало скоро по посвящении о. Анатолия во иеромонаха, и наконец, по просьбе о. Амвросия, о. Анатолий был назначен скитоначальником. Будучи таковым, он входил во все нужды скитской братии и заботился о благосостоянии каждого. Все эти назначения о. Анатолий принимал из послушания своему Старцу и нес их смиренно и трудолюбиво.

³¹⁹ Неточность: о. Анатолий с 1870 по 1873 г. был благочинным монастыря, а в 1873 г. назначен скитоначальником и духовником в помощь старцу Амвросию. – *Примеч. ред.*

«Почти все посетители, бывшие у старца Амвросия на благословении, приходили за благословением и советами также к о. Анатолию; он был старцем и некоторых братий Пустыни и Скита, и у большинства сестер Шамординской общины», – так повествует о. Пимен³²⁰. И добавляет: «Он настолько предан был умной молитве, что оставлял всякие заботы о вещественном, хотя и нес звание скитоначальника».

Здесь мы приведем случай, отмеченный Нилусом в его оптинском дневнике, озаглавленном «На берегу Божьей реки». Случай указывает на духовную бдительность, требуемую от скитоначальника.

«11 мая. Заходил сегодня к старцу о. Иосифу и не дозвонился. Должно быть, пришел слишком рано, и келейники Старца отдыхали послеобеденным сном. Подергал я раза три за ручку дверного колокольчика, подождал, прислушался к звонку. Я уже собрался уходить, как вдруг взгляд мой остановился на изречениях подвижников духа, развешанных по стенам первой прихожей келлии Старца. Стал читать и, к немалому для себя изумлению и даже, не скрою, соблазну, прочел написанные четким полууставом слова: “Егда внидеси к старцу, то удержи сердце свое от соблазна. Аще даже узриши старца твоего и в блуд впадша, не ими веры и очесем твоим”.

Дословно ли так я записал эти смутившие меня слова, я не могу поручиться; за точность смысла ручаюсь.

И было мне это изречение в соблазн немалый. Хотел я позвониться к отцу своему духовному и старцу о. Варсонофию, но поопасался потревожить и его послеобеденный отдых. Так и ушел из Скита с соблазном в сердце.

Хорош тот старец, которого глаза мои застигнут на блудодеянии!.. Очень удобное изречение для ханжей и лицемеров!.. И как только оно могло приютиться в таком святом месте, как келлия наших чистых от всяких подозрений и праведных старцев?..

³²⁰ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877.

Горько мне было... И вдруг я вспомнил... Было это в прошлом октябре. На день памяти одного из великих ветхозаветных пророков были именины одного из старых, почитаемых скитских монахов, о. Иоиля, сподвижника и помощника великого старца Амвросия по постройке Шамординского монастыря. Я был приглашен на чай к этому хранителю оптинских преданий. Собралось нас в чистенькой и уютной келлии именинника человек шесть монахов да я, мирской любитель их и почитатель. За весело кипящим самоварчиком, попивая чаек с медком от скитских пчелок, повели старцы, убеленные сединами, умудренные духовным опытом, свои тихие, исполненные премудрости и ведения монашеские беседы...

Господи мой, Господи! Что за сладость была в речах тех для верующего сердца!..

И вот тут-то, за незабвенной беседой этой, и поведал нам сам именинник о том, что было с ним в те дни, когда, после кончины старца Амвросия, управлял Скитом и нес на себе иго старчества скитоначальник о. Анатолий.

“Призывает он меня как-то раз к себе наедине, да и говорит:

– Отец Иоиль, скажи мне всю истинную правду, как перед Богом: никто не ходит к тебе по ночам из мирских в келлию?

– Помилуйте, – говорю ему, – Батюшка! Кому ходить ко мне, да еще ночью? Да где и пройти-то? Ведь Скит кругом заперт, и все ключи у вас в келлии.

– А калитка, что в лес, на восток?

– Так что ж, что калитка? И от нее ключ у вас.

– Вот, – говорит, – то-то и беда, то-то и горе: ключ у меня, а к тебе все-таки какая-то женщина ходит.

Я чуть не упал в обморок. Батюшка увидел это и говорит:

– Ну-ну! Успокойся. Я тебе верю, раз ты это отвергаешь. Это, видно, поклеп на тебя. Ступай с Богом!

– Батюшка, – спрашиваю, – кто донес вам об этом?

– Ну, что там, – говорит, – кто бы ни донес, это не твое дело; будет с тебя того, что я тебе верю, а доносу не верю.

Ушел я от него, а на сердце обида и скорбь великая: жил, жил монах столько лет по-монашески, а что нажил? Нет, при батюшке Амвросии такого покору на меня не было бы... Горько мне было, лихо!

Прошло сколько-то времени. Опять зовут меня к скитоначальнику. Прихожу. Встречает меня гневный.

– Ты что же это? Ты так-то!

– Что, Батюшка?

– Да то, что я теперь сам, своими глазами, видел, как к тебе из той калитки сегодняшней ночью приходила женщина. Сам, понимаешь ли ты, – сам!

А я чист, как младенец. Тут мне кто-то будто шепнул: да это враг был, а не женщина. И просветлело у меня сразу на сердце.

– Батюшка! Верьте Богу: невинен я! Это нас вражонок хочет спутать, это он злодействует.

Отец Анатолий взглянул на меня пристально-пристально, в самую душу сквозь глаза заглянул и, видимо, успокоился.

– Ну, коли так, так давай с тобой вместе помолимся Богу, чтобы Он извел правду твою, яко полудне. Давай молиться, а ночью, часам к двенадцати, приходи ко мне: увидим, что речет о нас Господь.

Усердно помолился я в тот день Богу. Пришел близ полуночи к Старцу, а уж он меня ждет одетый.

– Пойдем! – говорит.

И пошли мы к той калитке, из которой, он видел, ходит ко мне ночью женщина. Стали в сторонке; ждем. Я дрожу, как в лихорадке, и творю молитву Иисусову. И что ж вы думаете? Около полуночи, смотрим, калитка в лес отворяется, и из нее выходит закутанная с головой женщина, выходит, направляется прямо к двери моей келлии, отворяет ее и скрывается за ней в моей келлии.

– Видишь? – говорит Батюшка.

А я, ни жив ни мертв, отвечаю:

– Вижу.

– Ну, – говорит, – теперь мы ее поймаем!

Подошли к двери, а она заперта. Была перед нашими глазами открыта, и тут вдруг заперта!.. Отворяю своим ключом. Входим. Никого!.. Осмотрели всюду, все норки мышинные оглядели: нигде никого. Перекрестились тут мы оба, и оба сразу поняли, от кого нам было это наваждение. С той поры о той женщине уже не было никакого разговора”.

Этот рассказ о. Иоиля вспомнил я сегодня, и отошел от меня сразу соблазн на изречение, прочитанное мною в прихожей старца Иосифа.

Мне-то ясно это. Ясно ли будет тем, кому попадутся на глаза эти строки?..»³²¹.

К старцу Амвросию, став скитоначальником, о. Анатолий продолжал относиться с тем же почтением, как и прочие; когда бывал у Старца, становился перед ним на колени. Однажды о. Амвросий, указывая на коленопреклоненного о. Анатолия, сказал присутствующим: «Рекомендую: вот мой начальник!» Келлия о. Амвросия находилась по правую сторону святых врат Скита, а келлия о. Анатолия – по левую. К той и другой были пристроены снаружи хибарки для приема посторонних посетителей, в особенности женского пола. Все посещавшие о. Амвросия считали долгом посетить и о. Анатолия – иных сам о. Амвросий передавал для духовного руководства о. Анатолию, иные через о. Анатолия обращались к о. Амвросию. К о. Анатолию, еще при жизни о. Амвросия, обращались столь многие, что иногда ему приходилось сразу отвечать на полтораста и более писем, не говоря уже о том, что в хибарке у него постоянно толпились духовные дети, жаждавшие личной беседы.

Но вот наступило время основания Шамординской обители. Отец Амвросий, прикованный болезненным состоянием к одру и

³²¹ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. 261–265 (запись 11 мая 1909 г.). – *Примеч. ред.*

к своей келлии, особенно стал нуждаться в своем помощнике и правой руке о. Анатолии, который и стал ему самым верным и преданным сотрудником. Его труды охватывали все стороны жизни обители и ее насельниц... Отец Амвросий не раз говаривал шамординским сестрам: «Я редко вас беру к себе (на беседу) потому, что я за вас спокоен: вы с о. Анатолием».

Двадцать один год служил Старец своим чадам – насельницам юной обители, и неудивительно, что все привыкли к нему. Слова и утешения имели такую силу, что многие сестры остались в монастыре и не покинули его только благодаря силе старческого влияния.

Сам пламенный молитвенник – делатель молитвы Иисусовой – о. Анатолий всегда внушал сестрам непрестанно творить эту молитву и при этом напоминал им о необходимости соблюдать чистоту сердца. Отец Амвросий называл о. Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой: «Ему такая дана молитва и благодать, – говорил он, – какая единому от тысячи дается», т. е. умносердечная молитва. Отец Анатолий на склоне дней своих имел те же дары духовного совета, прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, чем были так богаты его наставники – великие старцы Макарий и Амвросий. Он предугадывал о смерти близких его духовных детей, их болезнях и невзгодах и осторожно предупреждал тех, к кому приближалось испытание. Воспоминания его духовных детей полны описанием подобных событий. Одной инокине и одному иноку еще задолго он предрекал ожидавшие их настоятельства, а одной девушке приоткрыл скорую кончину; монахине – болезни ног. Предупреждая о готовящихся испытаниях, он внушал своим чадам принимать таковые с покорностью воле Божией.

Когда же скончался старец Амвросий, о. Анатолий тяжело почувствовал свое духовное сиротство и сам стал быстро приближаться к закату своей жизни. К скорби о разлуке с о. Амвросием прибавилась еще другая скорбь: ему епархиальный епископ, не расположенный к о. Амвросию и ко всему его делу, запретил въезд в Шамордино.

Этот нравственный удар оставил на нем тяжелый след. Здоровье его окончательно пошатнулось. В 1892 г. он ездил в Петербург и Кронштадт повидаться с о. Иоанном, с которым они оба чувствовали взаимное уважение друг к другу. Они сослужили вместе 10 октября в день памяти о. Амвросия. Столичные врачи нашли у о. Анатолия слабость сердца и отек легких. В следующем году болезнь эта стала принимать еще более тяжелую форму. 15 октября 1893 г. о. Анатолий тайно принял схиму, о чем знал только его духовник о. Геронтий и самые близкие. Через три с половиной месяца после этого, 25 января 1894 г., старец о. Анатолий преставился и был погребен недалеко от могил своих великих наставников.

Смерть любимого Старца вызвала в его преданном ученике, будущем великом старце Варсонофии, нижеследующие бесхитростные стихи, как бы запечатлевшие надгробный плач погребавшей своего старца осиротевшей братии:

Он, как Ангел небесный, служил,
Полный веры, пред Господом Сил,
Как светильник сияя средь нас!..
Все мы помним торжественный час,
Когда в схиму его облачили
И с слезами во гроб положили,
И почтили молитвенно память его,
Песнь воспевши над ним погребальную,
Песнь святую и грустно-прощальную:
«Упокой, Христе, душу раба Твоего,
Со святыми, где нет въздыхания,
Ни болезни, ни гласа стенания,
Всеблаженная жизнь бесконечная!»
О, возлюбленный, Авва родной,
Верим мы, что чистой душой,
Совершивши путь истины правый,
Предстоишь ты пред Господом Славы

В вечном свете небесных обителей
В лике Его верных служителей!
Нас, истомленных душевной борьбой,
Помяни ты в молитве святой.

ПИСЬМА СТАРЦА АНАТОЛИЯ

Краткое жизнеописание старца Анатолия, нами предложенное, не может охватить всего его образа и хотя бы отчасти передать тот светлый, пасхальный дух, отличительные черты, которые были присущи Старцу.

Благоухание этого духа сохраняют его письма, главным образом к монашествующим сестрам, подвизавшимся в целом ряде монастырей шести епархий: Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, а может быть, и других. Все эти монахини, по благословию о. Амвросия, обращались к о. Анатолию за духовным руководством.

Конечно, еще до возникновения переписки все эти монахини стремились лично побывать в Оптиной Пустыни, в Скиту, в батюшкиной хибарке, чтобы раскрыть перед ним свою душу, чтобы сообщить о горестях и немощах, о тягости борьбы со страстями и о несправедливости со стороны людей, но иной раз и о горечи монашеского жития. Старец все выслушает, успокоит, обласкает, добродушно пошутит, а иной раз строго, но с любовью укорит, даст нужный совет, снабдит полезной книгой и отпустит с миром восвояси.

Но не всегда возможна поездка в Оптину Пустынь. И вот возникает письменное общение со Старцем – до двухсот и больше писем в сутки, получаемых им, конечно, не только от одних монахинь. И на них Старец отвечает помимо ежедневного приема посетителей, круга церковных служб и монашеского правила. Пишет он языком в высшей степени ясным, простым, задушевым, увлекательным.

В письмах о. Анатолия каждое слово направлено к одной цели – спасению души тех, кому они писаны! При этом Старец нередко

входит во все подробности монашеской жизни, и дает необходимые указания, и бедных снабжает деньгами на почтовые марки, на поездку в Оптину и другие их нужды.

«Ты просишь наставления и назидательного урока, – пишет Старец одной монахине, поздравляя ее с принятием иноческого пострига, – как бы тебе не сбиться с истинного пути? Начни со смирения, делай со смирением и кончай смирением, и вчинишься со святыми. Этот путь, т. е. путь смирения, самый надежный и, как говорят отцы, “непадетельный”. Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех?»

«Не унывай, что ты еще не достигла (совершенства), а старайся; начинай не сверху, а с нижней ступени – т. е. со смирения и самоукорения».

«Страсти искореняются понемногу... и долгое время надо работать над собой... Страсти искоренять начинай с самоукорения, познания своих (а не сестринских) немощей».

«Ты все жалуешься на скорби, – пишет о. Анатолий одной духовной дочери. – А великий старец Серафим Саровский сказал: не имеющий скорбей не имеет спасения».

«Не унывай! Помни, что все святые сим путем, т. е. путем скорбей, шли и дошли до врат Царствия. Другого пути нет!»

«Сказываю тебе лучшее средство приобрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, *потерпеть*... Начни, так и увидишь. Главное, ты не понимаешь, что эта-то боль, это-то самое горькое острое жало, укальывающее чувствительность сердца, и есть настоящий источник милостей Божиих и смирения. В них-то сокровенна есть милость Божия. Отыми от тебя болезни эти, томноту твою, оскорбления, укоры, недостатки, и ты останешься совсем нагая! Прощай тогда и порфира царская (мантия), и корона царская, и жемчуга, и драгоценные камни, и древа райские, и Ангелы, и Сам Бог с Пречистой Матерью – все это отлетит от тебя. А теперь все это с тобою».

«Что больна, – пишет Старец другой монахине, – не беда; грешным людям это очищение; как огонь очищает железо от ржавчины, так и болезнь врачует душу».

Ни смирения, ни терпения нельзя достигнуть без постоянного молитвенного обращения к Богу. Молитву Иисусову он почитал главным средством ко спасению, глубже всего запечатлевающим в душе нашей постоянную память о Боге и, как огонь, очищающим и воспламеняющим ее.

«Лучше всего, – пишет он, – вырисовывать на мягком юном сердце Сладчайшее имя – светозарную молитовку: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную. Вот тогда-то будет верх радостей, бесконечное веселие! Тогда, т. е. когда утвердится в сердце Иисус, не захочешь ни Рима, ни Иерусалима. Ибо Сам Царь, со всепетюю Своею Материю и всеми Ангелами и святыми придут Сами к тебе и будут жить у тебя. *Аз и Отец к нему придем и обитель у него сотворим* (Ср.: Ин. 14, 23)».

«Христос Воскресе! – пишет Старец. – Желаю тебе проводить святые дни сии в радости о Воскресшем Спасе нашем и быть достойною праздновать тот великий день, когда истая Пасха-Иисус не в гаданиях и представлениях, но ясно и существенно явится в славе Отчей. И мы узрим Его лицом к лицу. И внидем к Нему не как грешники и непотребные рабы, но как друзья, как дети! О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О, Мудросте!.. Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего! Отчего этот день невечерний? Оттого, что его Солнце не тварь, а Иисус Христос. Взойдет это Солнце единожды и уже во веки и веки бесконечные не зайдет, не померкнет, ни облачко Его не застенит, ни луч не опалит! Там немерцающий свет! Красота непостижимая. Веселие вечное. Аминь»³²².

³²² Душеполезное чтение. 1903. Июнь. С. 200–204; Июль. С. 466–469.

Глава XIV

СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

(Воспоминания протоиерея Василия Шустина)

Он носил в миру имя Павла, и чудо, с ним бывшее, напоминает чудесное призвание его небесного покровителя апостола Павла.

О своем возрождении он говорит так:

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
От пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья ³²³.

³²³ Преподобный Варсонофий Оптинский. Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2005. С. 470. – *Примеч. ред.*

Драгоценные крупицы биографических сведений, оставшихся о великом Старце, были записаны его духовным сыном Василием Шустинным, впоследствии священником, словами которого мы и начнем нашу повесть о старце Варсонофии. Все остальные данные, собиравшиеся все эти долгие годы, буквально, как говорится, с миру по нитке, впервые появляются собранными воедино и составляют полное жизнеописание Старца.

Отец Василий пишет: «В миру о. Варсонофия звали Павлом Ивановичем Плиханковым. Он происходил из оренбургских казаков, кончил Полоцкий кадетский корпус и в офицерском чине вышел из Оренбургского военного училища. В Петербурге он окончил казачьи офицерские штабные курсы. Участвовал в пограничных боях в Туркестане. Служил в штабе Казанского округа...

Родился он 5 июля и считал преподобного Сергия Радонежского своим покровителем. “Приходилось, – говорил Батюшка, – делать по службе приемы, приглашать оркестр, устраивать танцы; были карты, вино. Меня это очень тяготило. Лучше бы те деньги, которые затрачивали на эти парадные приемы, использовать на другие цели. Но моя служба по штабу заставляла меня так поступать”.

Отец Варсонофий рассказал про свою встречу с о. Иоанном в Москве. “Когда я был еще офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что о. Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время о. Иоанн переносил Св. Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись

Прп. Варсонофий,
старец Оптинский

и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах”. При этом батюшка о. Варсонофий сказал между прочим: “Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом”.

Другой оптинский иеромонах, Варсис, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что и со мной, когда о. Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. Отец Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что-то важное. Вообще, Старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится. “Бывало со мной несколько раз, – говорил Старец, – отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келлию, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя худшую беду”. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве, после приобщения Святых Таин.

И вот заболел Батюшка воспалением легких. Доктора определили положение безнадежным. Да и Батюшка, а тогда полковник Павел Иванович Плиханков, почувствовал приближение смерти, велел своему денщику читать Евангелие, а сам забылся... И здесь ему было чудесное видение. Он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Глубоко был он проникнут сознанием покаянности за всю свою жизнь, и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину

Пустынь. Здесь у него открылось духовное зрение. Он уразумел глубину слов Евангелия.

Я слышал несколько раз, как говорил старец о. Нектарий: “Из блестящего военного, в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем”. Это была тайна Батюшки. Говорить о ней стало возможным только после его смерти.

К удивлению всех, больной полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину Пустынь. Старцем в Оптиной был в это время о. Амвросий. Он велел ему покончить все дела в три месяца с тем, что если он не приедет к сроку, то погибнет.

И вот тут у Батюшки начались различные препятствия. Приехал он в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задерживают отставку³²⁴. Товарищи смеются над ним, уплата денег задерживается, он не может расплатиться со всем, с чем нужно, ищет денег взаймы и не находит. Но его выручает старец Варнава из Гефсиманского скита, указывает ему, где достать денег, и тоже торопит исполнить Божие повеление. Люди противятся его уходу, находят ему даже невесту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. С Божиею помощью он преодолел все препятствия и явился в Оптину Пустынь в последний день своего трехмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу в церкви, и Батюшка приник к его гробу³²⁵.

Преемник старца Амвросия, старец Анатолий, дал Батюшке послушание быть служкой при старце Нектарии. Около о. Нектария

³²⁴ Из кн. архим. Антония (Медведева) «Немногочетный старец» (Православный путь. Джорданвилль, 1952) мы узнаем, что о. Варсонофий в день своего ухода в монастырь был произведен в генералы. Кроме того, там говорится о даре, который был присущ о. Варсонофию, – это дар исповедовать «так, что ни одна душа не отходила от него, не открывшись ему вполне, не оставив чего-либо невыясненным по недоумению высказаться или по забывчивости». – *Примеч. ред.*

³²⁵ Неточность: П.И. Плиханков (о. Варсонофий) прибыл в Оптину Пустынь 24 декабря 1891 г., под Рождество Христово, а старец Амвросий отошел ко Господу 10 октября 1891 г. – *Примеч. ред.*

о. Варсонофий прошел в течение десяти лет все степени иноческие, вплоть до иеромонаха, и изучил теоретически и практически святых отцов. В 1904 г. был послан на Дальний Восток обслуживать лазарет имени преподобного Серафима Саровского, а по возвращении с фронта был назначен игуменом Оптиного Скита. Здесь я его и застал.

Бывая на религиозных студенческих собраниях в Петербурге, я познакомился с одним студентом Духовной Академии – Василием Прокоповичем Тарасовым. Мне чрезвычайно нравились его захватывающие душу проповеди. Один раз он в своей проповеди коснулся вопроса о старчестве. Я как раз в это время перечитывал «Братьев Карамазовых», и меня очень интересовал тип старца Зосимы. Я подошел к Тарасову и спросил, не знает ли он, существуют ли в настоящее время такие благодатные старцы. Он мне ответил, что старчество, по преемственности, и сейчас существует, и находятся такие старцы в Оптиной Пустыни. Об Оптиной Пустыни я не имел понятия. Для ознакомления он мне посоветовал прочитать жизнеописание старца о. Амвросия. Я прочитал, и у меня возгорелось желание непременно повидать этих старцев. Это было не одно только любопытство, но и внутреннее какое-то тяготение; я чувствовал особенное сиротство духовное после смерти о. Иоанна Кронштадтского.

В одно из посещений Тарасовым нашей семьи я ему предложил съездить вместе в Оптину Пустынь. Он согласился. К нам присоединился еще один – студент Горного института Иван Михайлович Серов. И вот мы втроем, в начале летних вакаций 1910 г., отправились в Оптину Пустынь.

Пустынь находится в Калужской губернии в двух верстах от города Козельска. Она расположена в живописной местности, на высоком берегу реки Жиздры, и окружена вековым сосновым бором. Последний подъезд к ней – на пароме. К нашему приезду утром свободных комнат в гостинице не оказалось, и нам монах-гостиник

предложил остановиться в одной пустой даче, принадлежавшей генеральше М.Н. Максимович. Это было еще удобнее для нас; здесь уже мы никого не стесним. Мальчик-подросток принес нам самовар, и мы отдохнули, напившись чаю с особыми булками из просфорного крутого теста.

Было девять часов утра. Мы решили тотчас же идти к Старцу. Сначала зашли к гостинику и спросили, где здесь живет Старец. Нам рассказали, как пройти в Скит и где можно увидеть старца о. Иосифа, бывшего келейника о. Амвросия. Мы сначала думали, что это и есть единственный старец Оптинский. К Скиту монастыря вела извилистая дорожка среди густого бора. По дороге нам встречались послушники, монахи, и все они, опустив глаза, кланялись в пояс. Эта тишина, эти безмолвные поклоны как-то таинственно действовали на душу, подготавливая ее к чему-то большему. Вот показался и Скит, обнесенный деревянной стеной. Прямо были большие глубокие ворота, над которыми высилась колокольня. В глубине ворот по обеим сторонам были нарисованы изображения св. Иоанна Крестителя и египетских пустынножителей. С наружной стороны стены, по обеим сторонам ворот, находились крылечки, через которые входили к старцам женщины. Внутри Скита женщин не впускали. Мы же, через маленькую калиточку в воротах, вошли внутрь Скита и сразу были поражены благоуханием воздуха; оно было от кустов роз и цветников. Везде была безукоризненная чистота. К нам тотчас же из келлии вышел привратник и спросил, кого мы хотим видеть. Узнав, что мы пришли к старцу Иосифу, он указал нам направо его домик. Дверь была заперта – мы постучали. К нам вышел келейник и сказал, что Батюшка очень слаб и вряд ли примет, но все-таки пошел и доложил, что приехали три студента из Петербурга. Старец Иосиф разрешил нас впустить в приемную. Через некоторое время мы увидели седого, слабенького, маленького роста Старца. Он вынес нам три листочка издания Троице-Сергиевской Лавры и просил его простить, что он очень слаб и не может с нами побесе-

довать. Он благословил нас, каждого в отдельности, и дал нам по листочку. Мы вышли, сели на скамеечку среди цветников и стали читать листочки. Мне попался листочек под заглавием “Что такое культура”, где высказывалась мысль о вреде ложной культуры на духовное развитие человека, так как она действует расслабляюще на человеческую волю.

Сидя в садике, мы не видали ни одного монаха. Оказывается, по уставу скитские монахи не имеют права посещать друг друга без разрешения Старца. У каждого монаха и послушника была отдельная келлия, причем таких келлий было по две в каждом домике. Домики были разбросаны среди фруктовых деревьев, маленькие, беленькие, с зелеными крышами. Тут же было и кладбище.

Посидев на скамеечке среди полной тишины с полчаса, мы отправились к себе на дачу. На обратном пути мы встретили молодого, с интеллигентным лицом монаха, который, поздоровавшись с нами, остановился и спросил, откуда мы. “Приятно видеть, – сказал он, – таких молодых людей-студентов, стремящихся к единой Божией Истине, и поэтому хочется с вами познакомиться. Нас здесь часто посещают студенты-толстовцы. Некоторые из них, закоренелые, упорные, с большим самомнением, так и остаются недоступными для благодати Божией, а люди искренние, благодаря молитвам и беседам великого старца о. Варсонофия, делаются истинными сынами Православной Церкви. Вы не видали этого старца?” Мы ответили, что не знали о нем, а были у старца Иосифа. “Старец Иосиф не даст вам того, он слаб очень здоровьем и руководит только сестер Шамординского монастыря, который основал старец Амвросий. Нашим же старцем, старцем братии, является игумен Скита о. Варсонофий. Он сейчас утром занят хозяйственными распоряжениями и письмами, а принимает с 2 1/2 часов. Непременно посетите его, получите великое утешение”. С этими словами он пошел дальше.

Вернулись мы к себе в 11 часов, как раз к обеду. Мужчины-богомольцы могут ходить на общую монашескую трапезу. Но нам,

Оптина Пустынь.

Казанский собор

для первого раза, принесли обед в комнату.

Обед состоял из перлового супа, вареной рыбы и гречневой каши; порции давали очень большие, вместе с черным ржаным сладковатым хлебом. Для питья принесли чудный квас. После обеда мы полежали немножко и отправились осматривать монастырь. Он занимал довольно большую площадь, обнесенную каменной стеной, на четырех углах которой были водружены сделанные из металла ангелы с трубами; ангелы при ветре вращались и издавали особый скрипящий звук, который постоянно будил внимание богомольцев.

Внутри ограды монастырской было три больших храма. Главный храм был посвящен Казанской иконе Божией Матери. Около алтаря этого храма были похоронены Оптинские старцы: Макарий, Леонид (в схиме Лев), Анатолий, Амвросий (впоследствии Иосиф и Варсонофий). Над каждой могилой была воздвигнута гробница,

горели неугасимые лампы. Здесь, почти в продолжение целого дня, совершались панихиды очередными иеромонахами. Тут же рядом, между храмами, среди фруктовых деревьев, погребались и остальные члены монастырской братии. При осмотре монастыря меня удивило, что я не видел нигде никакой тарелки или кружки для сбора. Раньше, под влиянием суждений нашего общества, у меня укоренилось убеждение, что монахи – тунеядцы и стараются всеми мерами обирать богомольцев, страдая их будущими муками, если они не выявят своей щедрости. Здесь же царил дух любви, нестяжательности, и все безмездно старались услужить тебе, хотя никто тебя не знал. Но почему-то нас все спрашивали, не толстовцы ли мы.

Осмотрев монастырь, побывав в храмах, мы, через восточные ворота, отправились в Скит к Старцу – игумену Скита о. Варсонофию. Прием у него уже начался, и двери были открыты. Через малый стеклянный балкончик мы вошли в коридор, по стенам которого стояли скамейки. Обыкновенно по временам выходил сюда к посетителям келейник Старца и спрашивал, кто они такие и откуда, и докладывал Старцу. Но сейчас мы этого не увидели. Как только мы втроем вступили в коридор, дверь из келлии Старца отворилась, и он, в необыкновенной красоте, предстал пред нами: высокого роста, статный, величественный, с головой, покрытой белыми серебристыми волосами без всякого оттенка желтизны. На лице его была ласковая улыбка. Он распростер руки и сказал:

– Наконец-то давно ожидаемая мной троица ко мне явилась. Что вы так долго собирались приехать сюда? Я вас ждал. Пожалуйста, пожалуйста сюда.

И принял нас к себе в келлию. Мы с трепетом подошли к нему под благословение, он потрепал каждого по голове. Сам встал в дверях, а нам велел пройти вперед и разместиться, кто где хочет. Я сел в кресло около иконостаса и стал осматривать келлийку. Она была небольшая; в углу помещалось несколько образов с лампадой,

перед ними стоял аналой. Обстановка комнаты состояла из стола, дивана и трех кресел. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой помещалась кровать Старца. По стенкам висели портреты прежних старцев.

Как только мы разместились, Старец вошел в комнату и сразу подошел ко мне:

– Ишь ты какой! Я встал в дверях и смотрю, кто куда сядет, а ты взял да и сел на место старца!

Я в смущении встал и говорю:

– Простите, Батюшка, я не знал, сейчас пересяду.

А он положил мне руки на плечи, и посадил опять, и говорит:

– Старцем захотел быть, а может быть, им и будешь.

И сам поднял глаза и стал смотреть кверху... Потом посмотрел на меня и продолжает:

– Болит мое сердце за тебя, ты не кончишь института. Почему – не знаю, но не кончишь.

Позже, в другие мои посещения Оптиной, он мне говорил:

– Брось институт и помогай отцу.

Но я был увлечен институтом, мне хотелось приобрести знания, я и говорю Батюшке:

– Дайте мне поучиться, меня интересует это.

Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

– Ну, если хочешь, учись, только все равно не кончишь.

Так оно и сбылось: сначала болезнь моя, затем немецкая война и, наконец, гражданская не дали мне кончить институт.

Батюшка позвонил в колокольчик. Явился келейник, и он велел ему поставить самовар и приготовить чай. А сам сел с нами и стал беседовать. Сначала он вспоминал о Петербурге, где он был, когда учился на офицерских курсах.

– Давно это было, я тогда был прикомандирован к Преображенскому полку и все ходил в церковь, в Преображенский собор... Я каждый день ходил к ранней обедне. Так приучила меня мачеха,

и как я теперь ей благодарен! Бывало, в деревне, когда мне было только пять лет, она каждый день будила меня в шесть часов утра. Мне вставать не хотелось, но она сдергивала одеяло и заставляла подниматься, и нужно было идти, какова бы ни была погода, полторы версты – к обедне. Спасибо ей за такое воспитание! Она показала свою настойчивость благу, воспитала во мне любовь к Церкви, так как сама всегда усердно молилась.

После этих воспоминаний он перешел к теме о Толстом. Великое зло – это толстовское учение, сколько оно губит молодых душ. Раньше Толстой, действительно, был светочем в литературе и светил во тьме, но впоследствии его фонарь погас, и он очутился во тьме, и, как слепой, он забрел в болото, где завяз и погиб. (При кончине Толстого о. Варсонофий был, по приказанию Синода, командирован на станцию Астапово для принятия раскаяния умиравшего и сопричисления его снова в лоно Церкви, но не был допущен к Толстому в комнату окружавшими Толстого лицами.) Отцу Варсонофию всегда трудно было рассказывать об этом, он очень волновался³²⁶.

Пока Батюшка беседовал с нами, келейник принес чай в стаканах; поставил на стол мед из собственных скитских ульев, варенье и маслины. Батюшка стал угощать, как радушный хозяин, сам накладывал на тарелочки и мед, и варенье. Велел принести еще доброхотного жертвования паюсной икры, намазывал ее на белый хлеб толстым слоем, убеждал нас не стесняться. Сам он пошел на женскую половину, чтобы благословить собравшихся, а из мужчин больше никого не принимал для беседы, а давал только благословенье. Узнав, что мы прибыли сюда недели на полторы, он распределил дни нашего гуляния и дни нашего говения. Благословил нас также съездить и в Шамординскую обитель. Затем, при прощании, он взял мою голову и прижал к своей груди, лаская меня с великой любовью и высказывая сожаление, что я не кончу института. Такое обращение

³²⁶ См. об этом в гл. XIV «Старец Варсонофий и Лев Толстой» наст. изд. – *Примеч. ред.*

Старца со мною удивило меня и тронуло до слез; я не знал родительской ласки.

На следующий день мы опять пришли к о. Варсонофию в приемный час. Опять он нас пригласил в свою келлию, велел келейнику, о. Григорию³²⁷, приготовить нам чай, а сам пошел в приемную исповедовать говеющих. Мы сидели в его келлии тихо, с благоговением, изредка лишь перекидываясь словами. Наконец Батюшка опять появился светлым, радостным и стал нас угощать. Потом он повел беседу насчет различных сект: хлыстов, баптистов и др. Вот баптисты-перекрещенцы какой ужасный грех совершают против Духа Святаго, перекрещивая взрослых; они смывают первое крещение и уничтожают благодать печати дара Духа Святаго! Побеседовав с час времени, он поднялся и сказал:

– Я имею обычай благословлять своих духовных детей иконами. У меня их в ящичке много и самые разнообразные, и вот я с молитвою беру первую попавшую икону и смотрю, чье там изображение. Другой раз оно говорит многое.

Так Старец вынул иконку и для меня и смотрит, какое там изображение. Оказывается, ему попало изображение иконы “Утоли моя печали”.

– Какие же такие великие печали у тебя будут? – И, держа икону, задумался. – Нет, Господь не открывает.

Благословил меня ею и опять с лаской прижал мою голову. И вот тут, на груди у старца, чувствуешь глубину умиротворения и добровольно отдаешься ему всем сердцем. Эта его любовь охватывает тебя и ограждает и пленяет...

– Завтра, – говорит, – воскресенье, сегодня идите ко всенощной, а утром в шесть часов приходите в Скит к обедне. Он проводил нас до крыльца и еще раз благословил.

Придя к себе, мы услышали звон в монастырской трапезной к ужину. Вот мы и отправились туда. Трапезная занимала очень

³²⁷ Вероятно, рясофорный монах о. Григорий (Ермаков). – *Примеч. ред.*

обширное помещение, так как монахов в монастыре было около 400 человек. Столы были расставлены большим четырехугольником; посредине, на возвышении, помещался аналой. На этом возвышении монахи по очереди читают жития святых во время обеда и ужина. На столе у каждого стоял прибор из деревянной тарелки, ложки и вилки. Черный хлеб лежал у каждого на тарелке. Кроме того, на столе было поставлено много сосудов с квасом и при них лежали ковшики. По звонку настоятеля или его келейника совершалась молитва, а по второму звонку открывались двери из кухни, которая находилась рядом; целый ряд послушников разносил по столам большие миски. Каждая миска полагалась на четырех монахов. Кто хотел, тот откладывал себе на тарелку, а то, большей частью, четверо ели из одной миски.

После трапезы мы отправились к себе, чтобы посидеть, набраться сил для стояния во время всенощной. Всенощная началась в 6 1/2 часов вечера и кончилась в 1 1/2 ночи. Ко всенощной должны были собраться все монахи, оставляя свои работы. В церкви, вдоль стен, были расположены поднимающиеся сидения. Почти у каждого монаха было определенное место. Ближайшие к нам монахи уступили нам свои сидения, потому что, говорили они, служба долгая, и мы очень устанем. Как ни было нам тяжело с непривычки, но мы все-таки достояли и досидели до конца. Утром поднялись в начале шестого часа и пошли к обедне в Скит. Служил как раз сам старец Варсонофий. Служил он спокойно, ровным, тихим голосом. Сама обстановка – некоторый мрак, темные позлащенные иконы – способствовала возникновению молитвы.

После обедни, давая целовать нам крест, он пригласил нас тотчас же зайти к нему испить чашку чаю. Тут он нас опять угощал, как радушный, гостеприимный хозяин. Расспрашивал нас о нашей городской жизни и с кем мы ведем знакомство. Опять с великой лаской и добротой отпустил нас, пригласив к обеду в скитскую трапезную к 11 1/2 часам, чем мы и воспользовались.

Порядок в скитской трапезной был такой же, как и в монастыре. Только постнический устав был здесь строже. Молочное в Скиту разрешалось только на масленую и Светлую неделю, а в остальное время все было на постном масле; в среду и пятницу была пища вовсе без масла. Отец Варсонофий присутствовал за трапезой и посадил нас троих возле себя, и ели мы с ним из одной миски.

– У нас здесь пища здоровая, – говорил он, – потому что все делается с благословения и с молитвой. Каждое утро, в пять часов, приходит повар и просит благословения растопить печь. Получив это благословение, он идет с фонариком в храм Божий, молится и берет огонь от неугасимой лампы перед чудотворной иконой Божией Матери и затем растапливает этим огнем печь.

После обеда Старец пошел к себе отдохнуть и нам велел идти отдыхать, а на следующий день благословил съездить в Шамординский монастырь. Вернувшись из Шамордина, мы приступили к говению. По монастырскому уставу миряне должны были за два дня до Св. Причастия есть пищу без масла. Там всегда специально для говеющих готовили особый стол. Во время говения нужно ходить ко всем монастырским службам. А службы там в будни распределялись таким образом. От 3 1/2 до 5 1/2 шла вечерня и читались каноны. Затем в семь часов ужин, а в 8 1/2 часов вечерние молитвы в особом храме. Потом идут и отдыхают до 12 1/2 часа ночи. В половине первого раздается звон к утрени. Последняя продолжается до четырех часов утра. От четырех до пяти часов читались каноны и молитвы перед Причастием. Мы так утомились за ночь, что прямо засыпали. После ранней обедни, которая окончилась в семь часов, мы пошли к о. Варсонофию. Он положил руку на голову, и усталость вся исчезла, и появилась бодрость. Исповедал он нас днем. Сначала перед исповедью он обыкновенно вел общие беседы. При помощи различных случаев в жизни он указывал на забытые или сомнительные грехи присутствующих.

Со мной был один случай. Наша семья имела свой абонемент в Петербурге на оперные спектакли в Мариинском театре. И вот –

это было за год до моего приезда в Оптину – на наш абонемент давали “Фауста” с Шаляпиным как раз накануне 6 декабря – дня святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всеобщей мне не придется идти, так я встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром, с опозданием, отслушал утреню, а затем раннюю обедню и думал: “Ну, почтил я сегодня память угодника Божия, святителя Николая”. Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось. И вот Батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как например, вместо того чтобы почтить память такого великого угодника Божия, как Николай Чудотворец, 6 декабря и сходить ко всеобщей, а тут идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен.

Затем другой случай был в Голутвином уже монастыре. Там женщины и мужчины говели вместе, и Батюшка беседовал в одной приемной: говело, должно быть, человек 15 мужчин и женщин. И вот Батюшка говорит:

– Полюбила одна барышня молодого человека, а он не отвечал ей взаимностью и ухаживал за другой. Тогда в барышне возникло чувство ревности, и она захотела отомстить молодому человеку. Она воспользовалась тем обстоятельством, что он ходил постоянно кататься на коньках на тот же каток, куда ходила и она. У нее пронеслась мысль: “Искалечу его, пускай он не достанется и моей сопернице”. И вот, когда он раскатился, она ловко подставляет ему подножку, тот упал назад и сломал себе руку. Но это еще слава Богу, мог бы получить сотрясение мозга и умереть. И было бы смертное убийство. И такие случаи часто забываются на исповеди.

Во время этого рассказа я почувствовал, что в мои плечи впились чьи-то пальцы. Я оглянулся и увидел, что ухватила за меня

одна девушка 18 лет, моя родственница, побледневшая, как полотно. Я подумал, что ей просто дурно сделалось от духоты, и поддержал ее. А она потом мне говорит:

– Да ведь это Батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!

Такие беседы Батюшка вел всегда перед исповедью, открывая души присутствующих; при этом он и не смотрел ни на кого, чтобы не смущать и явно не указывать. После беседы Старец производил общую исповедь. Давал одному из говеющих требник, где был описан порядок исповеди и исповедальная молитва, где перечисляются общие каждому человеку грехи. При этом Батюшка требовал и придавал большое значение тому, чтобы говеющий прослушивал в церкви молитву перед исповедью. Он отказывался исповедовать, если эта молитва не была выслушана. Но иногда он снисходил к человеку и сам ее читал перед исповедью, что делал и для меня, грешного.

После этой общей исповеди он уже исповедал каждого отдельно, очень внимательно и с любовью относясь к каждому, врачуя душу каждого.

– Если бы, – говорил он, – придерживаться постановлений Вселенских Соборов, то на всех надо наложить епитимию, а многих и отлучить временно от Церкви, но мы немощны, слабы духом и поэтому надеемся на бесконечное милосердие Божие.

Благословляя говеющих, он советовал после вечерни, на которой читают каноны, не вкушать ничего до Причастия Святых Таин. В исключительных случаях разрешал выпить одного чая. Я рассказал Старцу случай со мной у о. Иоанна Кронштадтского, когда меня, евшего днем мясо, о. Иоанн допустил на следующий день к Причастию. Отец Варсонофий сказал:

– Да, о. Иоанн был великий молитвенник, подвижник дерзновенный; он мог у Господа просить всего и замолить все, а я грешный человек, не имею такого дерзновения, – и поэтому не решаюсь допустить в монастыре нарушения устава для мирян. Да ведь не трудно

поговеть два дня, да к тому же часто это бывает и полезно. А теперь идите с миром, Господь да поможет вам приобщиться Св. Тайнам, а после обедни приходите пить чай ко мне.

И мы пошли покойные и умиротворенные в душе.

В 3 1/2 часа пошли к вечерне, в 8 часов – на вечерние молитвы и тотчас же легли спать, так как в 12 часов нужно было вставать к утрени. Благодаря молитвам Батюшки мы отгвели легко, приобщились Святых Таин за ранней обедней и пошли пить чай прямо к Старцу. Тот встретил нас с радостью и с благодарением Богу. Угощал нас и предупредил, что иногда в день Причастия бывает тягостное настроение, но на это не надо обращать внимания и не надо отчаиваться, так как в этот день диавол особенно ополчается на человека и действует на него гипнозом. При этом Батюшка сказал, что гипноз – злая, нехристианская сила. Благодаря этому гипнозу диавол смущает нас, священнослужителей, когда мы совершаем Литургию. Он не может приблизиться к жертвеннику, который окружен Ангелами, вот диавол внушает мысли сомнения и богохульные мысли. Но молитвой и Божией помощью они отгоняются. Точно так же вновь появившаяся игра футбол... Не играйте в эту игру и не ходите смотреть на нее, потому что эта игра также введена диаволом, и последствия ее будут очень плохие. После чаю он послал нас погулять. Ложиться днем спать в день Св. Причастия не советовал. По совету Батюшки мы и отправились до обеда погулять, а в монастыре зашли еще к одному иеромонаху, Анатолию, духовнику простонародья. Это тоже дивный старец, похожий на преподобного Серафима, сгорбленный и с постоянно веселым лицом, потому как бы чудится, что сейчас скажет, как преподобный Серафим: “Радость моя”. Он принял нас очень приветливо и ввел в свою комнату. Келлия его была довольно обширная, но все столы и стулья были у него заняты листочками духовного содержания и образами. Он переспросил нас, откуда мы, благословил нас и дал нам листочки. Когда он благословляет, так сразу видна

его благоговейная сосредоточенность. Он обыкновенно благословляет истово, несколько раз, касаясь пальцами лба, для возбуждения к сосредоточению.

После говения мы прожили еще дня два и разъехались. Я поехал в Москву, потом в Казань и Саровскую пустынь. Перед отъездом я спрашивал у Старца благословения, но он на мою просьбу молчал. Я три раза повторил свою просьбу. Тогда он нехотя сказал: “Ну, Бог благословит”. Меня это несколько озадачило, и когда я приехал в Саров, то оказалось, что там была черная оспа, и были умирающие из паломников и монахов. Пробыл я там два дня, а в Дивееве так и не был, так как возница мой отказался везти, говоря, что дорога очень плохая. Тогда я понял нерасположенность Старца к этой поездке.

Месяца через два я опять приехал в Оптину с сестрой, по ее личным делам. Я был в Оптиной не один раз. Однажды, когда я приехал туда, Старец почувствовал себя нехорошо и просил меня

Кедровая роща
и братские келлии Скита
Оптиной Пустыни

пройтись с ним по Скиту. Так как он был слаб, то положил свою руку мне на плечо и, опершись на меня, вышел в сад. Тут он мне показал ряд деревьев – кедров, посаженных под какими-то углами. “Эти деревья, – говорил он, – посажены старцем Макарием в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана, при помощи деревьев, великая тайна, которую прочтет последний старец Скита”. Затем он указывал на деревья, посаженные им самим. Наконец, он остановился перед гробницами монахов и стал благословлять могилы. “Это могилки моих духовных детей. Вот здесь похоронен приват-доцент Московского университета Л. Он был математик и астроном! Изучая высшие науки, он преклонился перед величием творения и их Создателя. Товарищ, профессор, и его жена, которая была доктором медицины, насмеялись над ним. Он был ученик знаменитого профессора Лебедева. Жена Л., работая в клинике, влюбилась в одного профессора и бежала в Париж вместе со своими детьми. Л. очень горевал и по прошествии нескольких лет приехал к нам, чтобы найти здесь облегчение своему горю, и здесь он по Божиему соизволению опасно заболел воспалением легких. Случай был очень тяжелый. Я видел, что он скоро умрет, и предложил ему удалиться совсем от мира и принять пострижение. Уже очень много времени он не имел никаких сведений о семье. Л. подумал и согласился; через несколько дней он, постригшись, скончался, приняв схиму. Теперь он среди ликов ангельских! Через несколько месяцев явилась в Скит одна очень экзальтированная дама и стала кричать:

– Дайте мне моего супруга!

Сначала я не понял, что она хочет, но потом разобрал, что она говорит о Л. Я сказал ей, что муж находится среди Ангелов. Она с раздражением изъявила желание посмотреть на могилу своего супруга. Но я сказал, что вход в Скит женщинам воспрещен, и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она начала говорить о себе, гордиться своими знаниями.

– Я изучила двенадцать иностранных языков и приобрела известность своими работами за границей.

Она думала, что ее научный ценз откроет двери Скита. Я ей сказал, что хотя она и знает много языков, но одного, самого главного языка не знает, – это языка ангельского. Она иронически спросила:

– Где такой язык?

– Чтобы знать его, – сказал я, – нужно читать Священные Писания. Это и есть язык ангельский.

Она объявила, что здесь ей более нечего делать и что она сейчас же отправляется за границу читать лекции в швейцарском университете. Я просил ее прислать мне письмо, когда жизнь ее будет для нее тяжела, и сказал, что она еще раз приедет сюда. Она засмеялась и удалилась. Через несколько месяцев она прислала мне письмо из Швейцарии, где писала, что она очень несчастна. Ее гражданский муж изменил ей и покинул ее, уведя с собой ее детей. Она уже, по моему совету, начала читать Евангелие и нашла много интересного. В письме она предложила мне несколько вопросов. Для разрешения их я предложил ей приехать к нам. Она приехала и прожила у нас довольно долгое время, а затем стала приезжать по нескольку раз в год. И сделалась верующей, доброй”. (Впоследствии я видел ее. Она сделалась очень скромною, и когда Батюшка входил в приемную, она всегда подходила к нему, бросалась в ноги.) Она была очень богата и все имущество раздала бедным. Какая перемена произошла в ней! *Мудрость мира явилась безумием перед Богом* (Ср.: 1 Кор. 3, 19).

Потом Старец показал другую гробницу и сказал: “Вот здесь лежит схимонах Николай, прозванный Турком. Вот удивительная судьба человека... Это был генерал, паша, командующий турецкими войсками. Думал ли он, что будет покоиться здесь в России, да еще в монастыре, в ангельском чине! Это современный великомученик.

Во время войны турок с русскими он командовал турецкой армией. Турки были фанатики и мучили русских пленных. Паша

смотрел на эти мучения и удивлялся стойкости христиан и расспрашивал солдат, почему они так радостно умирают? Он пожелал ближе познакомиться с христианской религией. Втайне призвал он православного священника и потом крестился, удалившись в Персию. Но турки, узнав о его измене мусульманству, схватили его и на груди и на спине вырезали кресты на коже и поломали кости. Паша потерял сознание. Думая, что он мертв, турки бросили его на растерзание собакам. Но Бог хранил его. Он пришел в себя благодаря Богу, Которого он возлюбил от всего сердца. Русские купцы проезжали мимо и подняли его. Он рассказал им, что разбойники напали на него, ограбили и избили. Купцы, из сострадания, отвезли его в Россию, на Кавказ, и передали одной женщине, чтобы она выходила его. Он поправился и сделался неузнаваемым. Это был сгорбленный старик, опирающийся на палку, одетый бедно, но имеющий душу богатую, одаренную духовными способностями. Ему удалось переправиться с Кавказа в Одессу, и отсюда он пошел путешествовать по России в качестве странника по святым местам. Направляясь в Москву, он попал в Оптину. Здесь ему очень понравилось. Он здесь задержался и неожиданно заболел. Положили его в монастырскую больницу. По-русски он говорил очень плохо и спросил, не знает ли кто здесь французского языка. Я был тогда в затворе, но меня позвали его исповедовать. Турок рассказал мне свою жизнь, но запретил открывать его тайну, пока он жив. Во время болезни он принял монашество и потом выздоровел. Он поселился здесь в Скиту. Однажды, гуляя со мной, он вдруг говорит:

– Слышишь, Батюшка, музыку ангельскую?.. Это великое блаженство слушать ее.

Я не слышал ничего, и он с простотой удивлялся моей глухоте. Действительно, этот простой монах был возносим к небу еще при земной жизни. Он видел райские обители и слушал небесную музыку. Это была ему награда за его мучения. Через три месяца он снова заболел и умер в схиме. Только после его смерти братия

увидела, как истерзано было его тело; это действительно был святой мученик, и тайна его жизни была открыта. Его могила в Скиту не заросла травой”³²⁸.

Батюшка перекрестился и сказал:

– Знай, что не должно говорить: “Вот если я останусь девственником и пойду в монастырь, то спасусь”. В монастыре очень много соблазнов и легко можно погибнуть. Молись просто: “Спаси меня, Боже, имиже путями Сам веси!” Вот, ты завтра хочешь приобщиться Святых Таин Христовых, и не говори: я завтра буду приобщаться; а говори: если Господь сподобит приобщиться мне, грешному. Иначе бойся говорить.

“Вот какой был случай у вас в Петербурге. Жил на Сергиевской улице очень богатый купец. Вся жизнь его была сплошная свадьба, и в продолжение 17 лет не приобщался он Святых Таин. Вдруг он почувствовал приближение смерти и испугался. Тотчас же послал своего слугу к священнику сказать, чтобы он пришел приобщить больного. Когда Батюшка пришел и позвонил, то открыл ему дверь сам хозяин. Батюшка знал о его безумной жизни, разгневался и спросил, зачем он так насмехается над Св. Дарами, и хотел уходить. Тогда купец со слезами на глазах стал умолять Батюшку зайти к нему, грешному, и исповедать его, так как он чувствует приближение смерти. Батюшка наконец уступил его просьбе, и он с великим сокрушением в сердце рассказал ему всю свою жизнь. Батюшка дал ему разрешение грехов и хотел его приобщить, но тут произошло нечто необычайное: вдруг рот у купца сжался, и купец не мог его открыть, как он ни силился. Тогда он схватил долото и молоток и стал выбивать себе зубы, но рот сомкнулся окончательно. Мало-помалу силы его ослабели, и он скончался. Так, – заметил Старец, – Господь дал ему возможность очиститься от грехов, может быть, за молитвы

³²⁸ См. о нем: *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. Сан-Франциско, 1969. Т 2. С. 47. (Схимонах Николай (Абрулах) почил о Господе 18 августа 1893 г. – *Примеч. ред.*)

матери, но не соединился с ним”. И с этими словами Батюшка вернулся со мною в келлию».

ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ

Батюшка о. Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. В нем этот дар как-то особенно открыто выражался. Во всем его облике есть что-то подобное великим пророкам или апостолам, отражавшим ярким светом славу Божию на себе.

О внутреннем облике в двух словах сказать трудно. Истинный старец, а он был таковым, является носителем пророческого дара. Господь ему непосредственно открывает прошлое, настоящее и будущее людей. Это и есть прозорливость. Этот дар – видеть человеческую душу – дает возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов. Все это было свойственно о. Варсонофию. Такой дар требует непрерывного пребывания в Боге, святости жизни. Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Видели и старца Варсонофия как бы в пламени во время Божественной Литургии. Об этом нам было передано изустно живой свидетельницей... Поистине он уподобился своим великим предшественникам и встал «в победные ряды великой рати воинства Христова», как сам же писал в своем «Желании» еще в 1903 г., поставив под заглавием слова из тропаря Преполовению: «Жаждай да грядет ко Мне и да пьет»:

Давно в душе моей желание таится –
Все связи с миром суетным прервать,
Иную жизнь – жизнь подвига начать:
В обитель иноков навеки удалиться,
Где мог бы я и плакать и молиться!
Избегнувши среды мятежной и суровой,
Безропотно нести там скорби и труды,
И жажду утолять духовной жизни новой,
Раскаянья принесть достойные плоды,

И мужественно встать в победные ряды
Великой рати воинства Христова³²⁹.

Прозорливость о. Варсонофия была исключительна. Многие случаи описаны о. Василием Шустиным в его воспоминаниях. Мария Васильевна Шустина, сестра протоиерея, прислала нам следующий рассказ, касающийся их покойной сестры.

«Моей девятилетней сестре Ане батюшка о. Варсонофий продекламировал стихотворение:

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долголетнего гнезда³³⁰.

Затем он продолжал: “К старцу Амвросию приехала богатая помещица со своей красавицей дочкой, чтобы испросить его благословение на брак с гусаром. Старец Амвросий ответил:

– У нее будет Жених более прекрасный, более достойный. Вот увидите. Он Сам приедет в пасхальную ночь.

Наступила Пасха. Все в волнении, всего напекли, нажарили. Когда вернулись из церкви, столы ломились от яств. Мать девицы села на веранду, с которой открывался чудный вид. Солнышко начало всходить.

– Вот едет тройка по дороге, – воскликнула она – Наверно, жених?

Но тройка промчалась мимо. За ней показалась вторая тройка, но и та мимо проехала. Дочь вышла на веранду и говорит:

– Мне что-то грустно!

Послышались бубенцы. Мать бросилась распорядиться, но тут же, услышав громкий возглас дочери: “Вот мой прекрасный

³²⁹ Преподобный Варсонофий Оптинский. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. С. 468. – *Примеч. ред.*

³³⁰ Цитата неточная, у Пушкина – «Долговечного гнезда» (См.: *Пушкин А.С. Цыганы // Сочинения. М., 1986. Т 2. С. 64*). – *Примеч. ред.*

Жених!” — она вбежала обратно. И что же представилось ее взору: дочь ее воздела руки к небу и упала замертво”».

Этот рассказ, как и стихи о птичке Божией, которая “не свивает долголетнего гнезда”, явились пророческими для Ани. Когда ей минуло 19 лет, ей нравился один молодой человек, затем второй, еще лучше, но счастью ее не было дано осуществиться: во время гражданской войны ей с родителями пришлось покинуть хутор в Полтавской губернии и двинуться на юг. По дороге, приближаясь к Крыму, Аня захворала брюшным тифом и скончалась. Перед смертью ей удалось приобщиться Святых Таин. Вот как сбылось предсказание о Варсонофия».

«В другой раз, — пишет та же Мария Васильевна, — Старец предупредил одну молодую монахиню не быть самоуверенной. Но вскоре она сама вызвалась читать Псалтирь в церкви по умершему и отказалась от сотрудничества других монахинь. В полночь она почувствовала страх, бросилась бежать и защемила дверью свою одежду. Утром ее нашли на полу в нервной горячке. Пришлось ее поместить в лечебницу, где она пробыла год и вернулась с седой головой».

Нам удалось собрать четыре случая прозорливости о. Варсонофия, обнаруженные в нем при исповеди его духовных чад.

Елена Александровна Нилус рассказывала нам, что однажды, когда они пришли с мужем исповедоваться к Старцу (а он их исповедовал одновременно, зная, что у них нет тайн друг друга), он спросил Сергея Александровича, совершил ли он такой-то грех.

— Да, — ответил тот, — но я это и за грех не считал.

Тут Старец объяснил Нилусу грешность его деяния или помысла и воскликнул:

— Ну, и векселек же вы разорвали, Сергей Александрович.

Молодая девица Софья Константиновна, приехавшая гостить к Нилусам в Оптину Пустынь, на исповеди пожаловалась Старцу, что, живя в чужом доме, она лишена возможности соблюдать посты.

– Ну, а зачем же вы теперь в пути в постный день соблазнили колбасой? – спросил ее Старец.

Софья Константиновна ужаснулась:

– Как мог это узнать Старец?

Подобный случай произошел с Софьей Михайловной Лопухиной, урожденной Осоргиной. Она рассказывает, что в Оптину Пустынь она приехала 16-летней девицей. Ее поразила тысячная толпа вокруг старческой хибарки, как там назывались деревянные домики, где жили старцы. Она встала на пень, чтобы взглянуть на Старца, когда он выйдет. Вскоре Старец показался и сразу ее поманил. Он ввел ее в келлию и рассказал ей всю ее жизнь год за годом, перечисляя все ее проступки, когда и где она их совершила, и назвал действующих лиц по их именам. А потом сказал:

– Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я захотел тебя научить, как надо исповедоваться.

Больше Софья Михайловна не была в Оптиной Пустыни. В следующий раз она увидела Старца, когда он остановился в Москве, проездом в Голутвин. Он сильно постарел, осунулся, стал согбенным... Он сказал, что, видно, Бог его любит, если послал такое испытание. Прошел год. Она уже вышла замуж за Лопухина. Старец скончался. Неожиданно в ее квартире раздался звонок; вошел монах очень высокого роста. Он передал ей от покойного Батюшки две иконы: они по его распоряжению были положены в его гроб и завещаны ей и ее двоюродной сестре С.Ф. Самариной. Со своей Казанской иконой Божией Матери Лопухина не расстанется никогда. Исключительный случай был только тогда, когда она ее дала мужу, сидевшему в тюрьме.

Четвертый случай со столь же чудесной исповедью произошел в Голутвине с Николаем Архиповичем Жуковским, ныне преклонного возраста, но еще здравствующим и живущим во Франции, так же, как здравствует С.М. Лопухина, которая дала полное разрешение на обнаружение бывшего с нею общения со Старцем (сообщено монахиней Таисией).

Отец игумен Иннокентий (Павлов), положивший начало своему монашеству в Оптиной с конца 1908 г., поведал нам о своей первой исповеди у Старца. В то время начальником Скита и старцем был о. Варсонофий. Из Бразилии ныне покойный о. игумен писал: «Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя пред собою не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лица и пр. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал:

– Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить».

О своем старце, о. Варсонофии, в письме от 16 сентября 1957 г. о. Иннокентий выразился еще так: «Это был гигант духа. Без его совета и благословения и сам настоятель монастыря о. Ксенофонт ничего не делал, а о его духовных качествах и великом обаянии, которое он имел на всех своих духовных чад, можно судить по краткому выражению из надгробного слова: “Гиганта малыми деревцами не заменишь”».

Продолжая свою речь, о. Иннокентий говорил так: «В Оптиной во все посты, а в Великий два раза: на первой и Страстной седмицах, вся братия без исключения должна была говеть – исповедоваться и причащаться, а кто желает, особенно старики, и чаще. Неотразимое, благодатное действие производила на всех исповедь и еще так называемая исповедь – откровение помыслов, каковая в Оптиной установлена была по четвергам. Один раз в неделю, именно в четверг, Старец никого из мирян не принимал, и этот день у него был назначен исключительно для монашествующей братии монастыря и Скита. Ангелоподобный Старец, облаченный в полумантию, в епитрахили и поручах с великой любовью принимал каждого, не спеша задавая вопросы, выслушивая и давая наставления. При этом он имел совершенно одинаковое

отношение как к старшим, так равно и к самым последним. Все ему были беззаветной любовью преданы, и он знал до тонкости душевное устройство каждого. Бывало, после исповеди или такого откровения помыслов какая бы скорбь, печаль и уныние ни угнетали душу, все сменялось радостным настроением, и, бывало, летишь от Старца, как на крыльях, от радости и утешения. И действительно, это были незабываемые минуты не только для меня лично, но, как известно, и все его духовные чада испытывали подобное».

Монахине Таисии мы также обязаны сообщением слышанных ею еще в бытность ее в России рассказов шамординской монахини Александры (Гурко) – тоже духовной дочери старца о. Варсонофия. В миру она была помещицей Смоленской губернии. «Собрал однажды, – рассказывала мать Александра, – батюшка о. Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей, и повел с нами беседу о брани с духами поднебесными. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, в то время, как Батюшка говорил о том, каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: “Ну, что же? Ты теперь знаешь?” Прочие же сестры ничего не видели и не понимали того, что произошло».

Другой рассказ матери Александры был такой: «Однажды я присутствовала при служении о. Варсонофием Литургии. В этот раз мне пришлось увидеть и испытать нечто неопишное. Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона.

После службы я была с другими монахинями у Батюшки. Он имел очень утомленный вид. Обращаясь к одной из нас, он спросил ее:

– Можешь ли ты сказать: слава Богу?

Монахиня была озадачена этим вопросом и сказала:

– Ну, слава Богу.

– Да разве так говорят: слава Богу! – воскликнул Батюшка.

Тогда я подошла к Батюшке и говорю:

– А я могу сказать: слава Богу!

– Слава Богу! Слава Богу! – радостно повторил Батюшка».

Вникая во все эти дивные свидетельства, так и рвется из сердца:
«Воистину слава Богу!»

ЗАПИСИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НИЛУСА

Как у ног старца Макария был И.В. Киреевский, а у старца Амвросия – К.Н. Леонтьев, так у старца Варсонофия был Сергей Александрович Нилус (1862–1929), муж большого ума, многосторонней одаренности и пламенно любящего, верующего православного сердца. Ему Господь судил больше всех потрудиться в деле увековечения просиявшей святости в бессмертной Оптине. С благословения старцев Сергей Александрович с супругой поселился возле Оптины в доме, где ранее жил Леонтьев, и занялся исследованием неизданных агиографических материалов в монастырской библиотеке. Результатом его трудов появились дивные книги, свидетельствующие о духовной мощи подвижников на Святой Руси, а именно: «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом», «Жатва жизни. Пшеница и плевелы» и его оптинский дневник «На берегу Божьей реки»³³¹, в двух частях (во второй дана его биография). В этом дневнике имя старца Варсонофия встречается нередко. Он был старцем четы Нилусов, их духовником, и они постоянно приходили к нему на благословение.

Иногда Старец поручал им отвечать на те письма, ответ на которые был прост и несложен. Таким образом, общение между ними не прекращалось.

³³¹ Изд. упомянутых соч. С.А. Нилуса: Сила Божия и немощь человеческая (Сергиев Посад, 1908); Святыня под спудом (Сергиев Посад, 1911); Жатва жизни. Пшеница и плевелы (Сергиев Посад, 1908); На берегу Божьей реки (Сергиев Посад, 1916. Ч. I; Сан-Франциско, 1969. Ч. II). – *Примеч. ред.*

В бытность Нилуса в Опти-не пребывал там и вышеупомянутый о. Иннокентий, несший свое послушание и в монастырской канцелярии.

Делясь с нами своими оптинскими воспоминаниями, он упоминал и о С.А. Нилусе. «Часто приходилось мне, – писал о. Иннокентий, – помогать Нилусу упаковывать книги его сочинений и из домика, где они жили с женой, носить эти книги в иконно-книжную лавочку. Почти каждый день приходил Нилус к нам в канцелярию, беседовал, работал с нами. Помню случай, кажется в 1909 г., во время такой беседы канцелярский послушник о. Павел Крутиков сказал ему:

– Сергей Александрович, вы наводите на нас такую жуть: ведь сейчас в России ничего не ощущается, быть может, это и будет, но теперь нет основания так беспокоиться.

С.А. сказал:

– Эх, отцы, отцы! Эти стены скрывают от вас ту ужасную обстановку, среди которой мы живем; и слава Богу, что вы всего не знаете, но я не пророк, а скажу вам, что вы сами на себе испытаете все то, что я вам говорю.

И действительно, не много нам пришлось мирно пожить в монастырской ограде».

В Оптиной Нилус жил в самые яркие годы старчества о. Варсонофия. Ниже приводятся несколько записей этого времени, которые освещают некоторые стороны духоносности этого старца:

Супруги Сергей Александрович и Елена Александровна Нилусы в их оптинские годы

Язык имен и цифр

Как-то раз о. Варсонофий спросил меня:

– Знаете ли вы, что значит «калуга»?

Я подумал на город Калугу и, не поняв хорошо вопроса, ответил незнанием.

– «Калуга», – сказал Батюшка, – значит огражденное место. Таков и наш город Калуга. А чем он огражден, как вы думаете?

– Скажите, Батюшка!

– Святыней нашего края: монастырями, где почивают святые мощи Калужских чудотворцев преподобного Тихона Калужского, праведного Лаврентия и преподобного Пафнутия, игумена Боровского; нашей святой обителью с ее почившими старцами Львом, Макарием, Амвросием и прочими сокровенными Оптинскими угодниками Божиими.

Все это – калуга, и счастливы вы, что Господь привел вас пожить в таком огражденном месте. И знайте, что очень часто название местности, в которой вы живете, фамилия лица, с которым вы встречаетесь, – словом, название или имя в себе носят некий таинственный смысл, уяснение которого часто бывает не бесполезно. Смотрите, в Ветхом Завете почти всякое имя что-нибудь да означает: Ева – жизнь, *ибо она стала матерью всех живущих* (Быт. 3, 20); Сам Бог повелевает Авраму называться Авраамом, *ибо*, – говорит, – *Я сделаю тебя отцом множества народов* (Быт. 17, 5), а Сару – Саррой, не «госпожою моею», а «госпожою множества»...

И так по всей Библии – название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл. Сам Господь преднарек Себе имя человеческое – *Еммануил, что значит с нами Бог* (Мф. 1, 23), и Иисус, *ибо Он спасет людей Своих от грехов их* (Мф. 1, 21). Видите, как это значительно и важно.

– Вижу, Батюшка.

– Но кроме этого, так сказать, языка имен и названий, существует еще и язык цифр, тоже сокровенный, значительный и важный, но только не всякому дано расшифровать его тайну. На что была

великая тайна воплощения Бога Слова, а и она была заключена в таинственном счислении родов потомства Авраама: *От Авраама до Давида*, – говорит св. евангелист Матфей, – *четырнадцать родов; и до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов* (Мф. 1, 17). Замечаете цифру 14? Она повторяется трижды.

– Замечаю.

Она составлена из удвоенной цифры 7, а семь есть число в Библии священное и означает собою век настоящий, а веку будущему усвоена цифра 8, которою век этот и обозначается. Видите, что и цифры имеют свой язык?

– Вижу, Батюшка.

– Ну и хорошо делаете, что видите: быть может, это вам когда-нибудь и пригодится³³².

Встреча в трамвае

«Сей пшеницу, отче Тимоне!»

Годовой праздник Оптиной Пустыни. Ходили поздравлять старцев с праздником. Отец Варсонофий сообщил жене следующее:

– Приходит сегодня ко мне молоденькая монашенка и говорит: «Узнаете меня, Батюшка?»

– Где, – говорю, – матушка, всех упомнить? Нет, не узнаю.

– Вы меня, – говорит, – видели в 1905 г. в Москве на трамвае. Я тогда еще была легкомысленной девицей, и вы обратились ко мне с вопросом: что я читаю? А я в это время держала в руках книгу и читала. Я ответила: Горького. Вы тогда схватились за голову, точно я уж и невесть что натворила. На меня ваш жест произвел сильное впечатление, и я спросила: «Что ж мне читать?» И тогда вы посоветовали мне читать священника Хитрова, а я и его, и его мать знала, но о том, что он что-либо писал, и не подозревала. Когда вы мне дали

³³² *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 188–189 (запись 27 марта 1909 г.). – *Примеч. ред.*

этот совет, я вам возразила такими словами: «Вы еще, чего доброго, скажете мне, чтобы я и в монастырь шла». – «Да, – ответили вы мне, – идите в монастырь!» Я на эти слова только улыбнулась – до того они мне показались ни с чем не сообразными. Я спросила, кто вы и как ваше имя? Вы ответили: «Мое имя осталось в монастырской ограде». Помните ли вы теперь эту встречу?

– Теперь, – говорю, – припоминаю. Как же, – спрашиваю, – ты в монастырь-то попала?

– Очень просто. Когда мы с вами простились, я почувствовала, что эта встреча неспроста, глубоко над ее смыслом задумалась. Потом я купила все книги священника Хитрова, стала читать и другие книги, а затем дала большой вклад в X-в монастырь, и теперь я там рясофорной послушницей.

– Как же, – спрашиваю, – ты меня нашла?

– И это было просто. Я про встречу с вами рассказала все своему монастырскому священнику, описала вашу наружность, а он мне сказал: «Это, должно быть, Оптинский старец Варсонофий». Вот я приехала сюда узнать – вы ли это были, или другой кто? Оказывается – вы! Вот радость-то!

И припомнились мне тут слова преподобного Серафима, сказанные им иеромонаху Надеевской пустыни Тимону³³³: «Сей, отче Тимоне, пшеницу слова Божия, сей ее и на камени, и на песце, и при дорозе, сей ее и на тучной земле: все где-нибудь и прозябнет семя-то во славу Божию». Вот и прозябает³³⁴.

Смерть оптинского благочинного о. Илиодора

Сегодня виделся с одним из близких к покойному о. Илиодору монахов и от него узнал, что умерший благочинный за несколько

³³³ Преподобный Тимон (Тихон Федоров, † 1840), ученик и духовный друг преподобного Серафима Саровского. Прославлен в лике местночтимых святых Костромской епархии. – *Примеч. ред.*

³³⁴ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 179–181 (запись 21 ноября 1909 г.). – *Примеч. ред.*

дней до своей смерти был предварен о ней знаменательными снами-видениями, которые я под свежим впечатлением и записываю.

Отец Илиодор скончался в день Рождества Христова, пришедшийся в истекшем году на четверг. В воскресенье, за четыре, стало быть, дня до смерти, о. Илиодор после трапезы прилег отдохнуть на диване в своей келлии... Было это около полудня... Не успел он еще как следует заснуть, как видит в тонком сне, что дверь его келлии отворяется, и в нее входят – скитский монах Патрикий и с ним иеродиакон Георгий³³⁵. У монаха Патрикия в руках был длинный нож.

– Давай нам деньги, – крикнул Патрикий.

– Что ты, шутишь? – испуганно спросил его о. Илиодор. – Какие у меня деньги?

– А, когда так, – закричал на него Патрикий, – так вот же тебе! – И вонзил ему по рукоятку нож в самое сердце.

Видение это было так живо, что о. Илиодор вскочил со своего ложа и, уклоняясь от ножа, сильно ударился затылком о спинку дивана. От боли он тотчас проснулся и кинулся смотреть, кто входил к нему в келлию. Но ни в келлии, ни за дверями келлии никого не было.

Это было одно видение.

За день до смерти, в таком же полусне, о. Илиодор увидел скончавшегося летом 1908 г. иеромонаха Савву, бывшего одним из трех духовников Оптиной Пустыни. Отец Савва явился ему благодушный и радостный.

– А что, брат, – спросил его о. Илиодор, – страшно тебе, небось, было, когда душа разлучалась с телом?

– Да, – ответил о. Савва, – было боязно; ну, а теперь, слава Богу, совсем хорошо!

Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший Оптинский архимандрит Исаакий, и за о. Исаакием – его

³³⁵ Георгий – один из главных бунтовщиков против архим. Ксенофонта. Оба монаха – и Патрикий, и Георгий ничего общего с оптинским духом не имеют, люди немирные, хитрые и плотские. – *Примеч. С.А. Нилуса.* Об этом см. ниже.

преемник, тоже умерший, архимандрит Досифей. Отец Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей – два.

– Неспроста мне это было, – говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху. – Я, брат, должно быть, скоро умру.

В день смерти о. Илиодор был послан за послушание служить в одно село Литургию; накануне у своего духовника, как служащий, исповедовался, а за Литургией совершил Таинство и причастился.

Вернувшись в тот же день домой, о. Илиодор, по случаю великого праздника, был на так называемом «общем чае» у настоятеля, со всеми крайне был приветлив, более даже, как замечено, обыкновенного, и оттуда со всеми иеромонахами пошел в Скит к старцам славить Христа. В это время мы с женой выходили от старцев и у самых скитских ворот встретили и его, и все оптинское иеромонашеское воинство. Отец Илиодор шел несколько позади, и мне показался в лице чересчур красным.

– Вот жарко что-то! – сказал он мне при встрече и засмеялся. На дворе стояли рождественские морозы.

Это была последняя моя с ним встреча в этом мире.

Говорил мне после старец о. Варсонофий:

– У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальностью, и то только по делу. В день же его смерти, после славления, я – не знаю почему – обратился вдруг к нему с таким вопросом:

– А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь? – Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов – праздничное монашеское утешение – и сунул ему в руку со словами:

– Это тебе на дорогу!

И подумайте – какая вышла ему дорога!

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптинской святыни, я многому перестал дивиться...³³⁶

Реставрация Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери

Сегодня прочел в «Колоколе», что престарелый архиепископ одной из древнейших русских епархий, запутавшись ногами в ковре своего кабинета, упал и так разбил себе голову и лицо, что все праздники не мог служить, да и теперь еще лежит с повязкой на лице и никого не принимает.

В конце октября или в начале ноября прошлого года был из епархии этого архиепископа на богомолье в Оптиной один офицер, заходил он и ко мне и рассказал следующее:

– Незадолго перед отъездом моим в Оптину я был на празднике в одной обители, ближайшей к губернскому городу, где стоит мой полк, и был настоятелем ее приглашен к трапезе. Обитель эта богатая, приглашенных к трапезе было много, и возглавлял ее наш местный викарный епископ; он же и совершал в тот день Литургию. В числе почетных посетителей был и некий штатский «генерал» из синодской канцелярии. Между ним и нашим викарным зашла речь о том, что получено благословение откуда следует, по представлению архиепископа, на реставрацию лика одной чудотворной иконы Божией Матери, находящейся в монастыре нашей епархии. Иконе этой верует и поклоняется вся православная Россия, и она, по преданию, писана при жизни на земле Самой Царицы Небесной св. апостолом и евангелистом Лукой. Нашло, видите ли, монастырское начальство, что лик иконы стал так темен, что и разобрать на нем ничего невозможно. Тут явились откуда-то реставраторы со своими услугами, с каким-то новым способом реставрации, и старенького

³³⁶ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 59–62 (запись 12 января 1909 г.). – *Примеч. ред.*

нашего епархиального владыку уговорили дать благословение на возобновление апостольского письма новыми вапами³³⁷.

– Как же это? – перебил я. – Неужели открыто, на глазах верующих?

– Нет, – ответил мне офицер, – реставрацию предположено было совершать по ночам, частями: выколупывать небольшими участками старые краски и на их место, как мозаику, вставлять новые под цвет старых, но так, чтобы восстанавливался постепенно древний рисунок.

– Да ведь это кощунство, – воскликнул я, – кощунство не меньшее, чем совершил воин царя-иконоборца, ударивший копьем в пречистый лик Иверской Божией Матери!

– Так на это дело, как выяснилось, смотрел и викарный епископ, но не такого о нем мнения был его собеседник – «генерал» из синодальных приказных. А между тем слух об этой кощунственной реставрации уже теперь кое-где ходит по народу, смущая совесть последнего остатка верных... Не вступитесь ли вы, Сергей Александрович, за обреченную на поругание святыню?

Я горько улыбнулся: кто меня послушает?!

Тем не менее по отъезде этого офицера я собрался с духом и написал письмо тоже одному из синодских «генералов», а именно Скворцову, с которым мне некогда пришлось встретиться в Орле во дни провозглашения Стаховичем на миссионерском съезде пресловутой масонской «свободы совести». Вслед за этим письмом, составленным в довольно энергичных выражениях, я написал большое письмо к первому викарию той епархии Андронику, впоследствии замученному архиепископу Пермскому, где должна была совершиться «реставрация» святой иконы. Епископа этого я знал еще архимандритом, видел от него к себе знаки расположения и думал, что письмо мое будет принято во внимание и, во всяком случае, благожелательно. Тон письма был почтительный, а содержание исполнено теплоты сердечной, поскольку она доступна моему малочувственному сердцу. Написал я

³³⁷ Вапы (слав.) – краски. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

епископу и вдруг вспомнил, что, приступая к делу такой важности и живя в Оптиной, я не подумал посоветоваться со старцами. Обличил я себя в этом недомыслии, пожалел о том, что «генералу» письмо уже послано, и с письмом к епископу отправился к своему духовнику и старцу о. Варсонофию в Скит. Пошел я с женой в полной уверенности, что растрогаю сердце моего старца своею ревностью и уже, конечно, получу благословение выступить на защиту чудотворной иконы.

Батюшка-старец не задержал меня приемом.

– Мир вам, Сергей Александрович! Что скажете? – спросил меня Батюшка.

Я рассказал вкратце, зачем пришел, и попросил разрешения прочесть вслух мое письмо к епископу. Батюшка выслушал внимательно и вдруг задал мне такой вопрос:

– А вы получили на это письмо благословение Царицы Небесной?

Я смутился.

– Простите, – говорю, – Батюшка, я вас не понимаю?

– Ну да, – повторил он, – уполномочила разве вас Матерь Божия выступать на защиту Ее святой иконы?

– Конечно нет, – ответил я, – прямого Ее благословения на это дело я не имею, но мне кажется, что долг каждого ревностного христианина заключается в том, чтобы на всякий час быть готовым выступать на защиту поругаемой святыни его веры.

– Это так, – сказал о. Варсонофий, – но не в отношении к носителю верховной апостольской власти в Церкви Божией. Кто вы, чтобы восставать на епископа и указывать ему образ действия во вверенной его управлению Самим Богом поместной Церкви? Разве вы не знаете всей полноты власти архиерейской?.. Нет, Сергей Александрович, бросьте вашу затею и весь суд предоставьте Богу и Самой Царице Небесной – Они распорядятся, как Им Самим будет угодно. Исполните это святое послушание, и Господь, целующий даже намерения человеческие, если они направлены на благое, дарует вам сугубую

награду и за послушание, и за намерение; но только не идите войной на епископский сан, а то вас накажет Сама Царица Небесная.

Что оставалось делать? Пришлось покориться.

– А как же, Батюшка, – спросил я, – быть с тем письмом, которое я уже послал синодальному «генералу»?

– Ну, это уже ваше с ним частное дело; «генерал», да еще синодальный, – это в Церкви Божией не богоутвержденная власть, это вам ровня, с которой обращаться можете, как хотите, в пределах, конечно, христианского миролюбия и доброжелательства.

«Предоставьте суд Богу!» – таков был совет Старца. И суд этот совершился: не прошло со дня этого совета и полных двух месяцев, а уж архиепископ получил вразумление и за лик Пречистой ответил собственным ликом, лишившись счастья совершать в великие рождественские дни Божественную Литургию.

Призамолкли что-то и слухи о реставрации святой иконы³³⁸. Хотел было я разразиться обличительными громами по поводу кипячения воды для великой агиасмы, но после старческого внушения решил и над этим суд предоставить Богу³³⁹.

ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВЕДНЫМ ОТЦОМ ИОАННОМ КРОНШТАДТСКИМ И СТАРЦЕМ ВАРСОНОФИЕМ

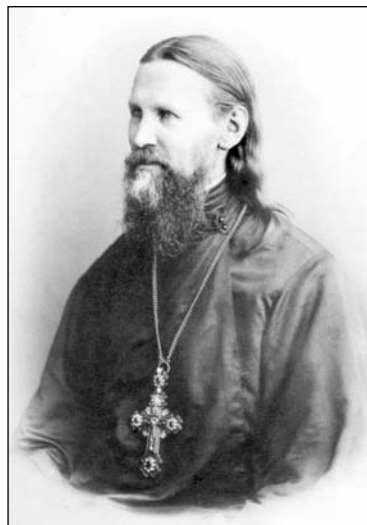
Отец Иоанн Кронштадтский провидел духом в лице о. Варсонофия истинного подвижника. В воспоминаниях о. Василия Шустина

³³⁸ Икона Пресвятой Богородицы Тихвинская была все-таки реставрирована описанным способом при архимандрите Иоанникии. Результат реставрации оказался таков, что ничего от древней святой иконы не осталось, и ее уже нельзя было выставлять для поклонения. Самого архимандрита тут же вслед разбила болезнь, и он не мог уже служить. Его удалили на покой в Валдайский Иверский монастырь, где его обокрал келейник, тысяча на 40 или 60 (стяжание настоятельское), – и он умер с горя 3 июня 1913 г. «А был раньше здоров как бык», – сказывал мне Валдайский архимандрит, впоследствии епископ Иосиф. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

³³⁹ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 38–43 (запись 9 января 1909 г.). – *Примеч. ред.*

передано, как о. Иоанн поцеловал в алтаре Андреевского собора в Кронштадте руку молодому офицеру – будущему старцу и схимнику.

Далее мы узнаем из проповеди архиепископа Феофана Полтавского, произнесенной им 21 августа 1929 г. в Болгарии в городе Варне, о том, как о. Иоанн, явившись посмертно Павлу Ильину, посылает его для полного исцеления в Оптину Пустынь, к старцу Варсонофию, и этим самым прославляет его, указывая, что ему дан Богом дар чудотворения. Близкие чада Старца были уже не раз свидетелями этого дара. Вот пример. Чета Нилусов, придя однажды на благословение к старцу Варсонофию, при-

Св. прав. Иоанн
Кронштадтский

существовала при изгнании им беса из приведенного к нему человека. В этот раз потребовалось от Старца немало духовных сил. Бесноватый был в неистовой ярости, изрыгал на о. Варсонофия злейшую брань, называя его все время полковником и готовый наброситься на него. Старец потом объяснил Нилусам, что это был редкий и трудный случай, когда пришлось иметь дело с бесом полуденным, который является одним из наиболее лютых и трудно изгоняемых. Об этом бесе упоминается в 90-м псалме в славянском тексте: *от сряща, и беса полуденнаго*. В русском переводе текст изменен, там сказано: *заразы, приходящей в полдень* (Ср.: Пс. 90, 6).

История же Павла Ильина такова.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Позде же бывши, приведоша к Нему бесны многи: и изгна души словом и вся болящия изцели (Мф. 8, 16). Такие слова присоединяет евангелист Матфей к своему повествованию в ныне чтенном Евангелии об исцелении расслабленного слуги капернаумского сотника. Могут спросить: а существуют ли бесноватые в настоящее время, и если существуют, то возможно ли их исцеление?

На этот вопрос мы ответим не отвлеченными рассуждениями, а изложением того, что действительно произошло в наши не столь отдаленные времена и чему современниками и свидетелями мы сами были.

В 1909 г. по всему Петербургу разнесся слух о том, что 16-летний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к Литургии в Иоанновский Петроградский монастырь на Карповке и здесь чудесно исцелился у гробницы о. Иоанна Кронштадтского. Произошло это так. Во время Херувимской песни он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, и затем пронесся по воздуху над народом к западным вратам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного, его взяли и принесли к гробнице о. Иоанна. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему о. Иоанн, дал наставление, исповедал и велел ехать в Валаамский монастырь.

Что происходило во сне? Больной, проснувшись, не хотел говорить об этом, и если бы не отрывочные слова, сказанные вслух во время сна:

– Отец Иоанн, прости, помолись, исполню, – то, возможно, больной все скрыл бы.

Но когда он услышал от окружающих его эти слова и понял, что они знают о происшедшем, – все открыл. Вот что произошло с ним. Он увидел о. Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. Отец Иоанн сказал ему:

– Ты видишь меня в таком виде, в каком никто меня не видел. Служи по мне панихиды, как это установлено Церковью. Но великому Богу угодно меня прославить. Придет время, и по мне служить будут молебны.

Затем дунул на больного, благословил его и добавил:

– В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать для полного исцеления.

И после этих слов скрылся. Окружавшие видели в это время, как больной грыз зубами своими мраморную гробницу о. Иоанна и диким голосом кричал:

– О, великий угодник и пророк Иоанн! Выхожу, выхожу... но не совсем...

Конечно, кричал это не больной, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоровел. В том же 1909 г. он переехал в Выборг, записался в послушники Валаамского монастыря и жил при архиерейском доме в городе Сердоболе (в имении Хюмпеля). Здесь он исполнял послушание на огороде и прислуживал в качестве чтеца при церкви. В 1911 г. 19 октября, в день памяти преподобного Иоанна Рыльского и тезоименитства о. Иоанна Кронштадтского, Господь благоволил явить новую милость Свою болящему Павлу чрез о. Иоанна.

На этот раз с ним произошло следующее. Вечером в этот день, после всеобщего бдения, брат Павел во время чтения акафиста Божией Матери пришел в состояние восхищения. Его духовному взору открылось дивное видение. Первоначально во славе явился о. Иоанн Кронштадтский с преподобным Иоанном Рыльским. Затем – св. Павел Фивейский и св. Афанасий Афонский и множество других преподобных отцов. Все они приветствовали друг друга радостными возгласами:

– Радуйся, Иоанне; радуйся, Павле; радуйся, Афанасие!..

А наконец за ними явилась Сама Богоматерь в неопикуемой славе, при появлении Которой хор преподобных отцов торжественно воспел песнь “Взбранной воеводе победительная”. После этого о. Иоанн Кронштадтский подошел к брату Павлу и сказал:

– А теперь выйди из тела и душой последуй за нами.

Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил его и последовал за святыми отцами.

– Они мне показывали, – говорил Павел, – первоначально райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных,

а затем мучения грешников. Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию. Когда было все показано, о. Иоанн Кронштадтский стал наставлять меня, как жить, и для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в свое тело и отправиться в Оптину Пустынь к старцу о. Варсонофию.

Такими словами закончил свое повествование о виденном им в состоянии восхищения брат Павел. В ноябре того же 1911 г. он ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона именем Варсонофий же. Старец был предупрежден о приезде больного, принял его, исповедал и причастил, и после этого последовало окончательное исцеление. До 1912 г. исцеленный Павел, уже совершенно здоровый, жил по-прежнему в Сердоболе, а затем призван был к отбыванию воинской повинности. В 1914 г. участвовал в великой войне. Жив ли он в настоящее время или погиб во время этой войны и последовавшей за нею революции – остается неизвестным. Но он через иеромонаха валаамского Варсонофия, некогда сопровождавшего его в Оптину Пустынь, переслал мне свои записки для обнародования их через десять лет после своего исцеления.

Из этих написанных им собственноручно записок видно, какую болезнью болел он и по какой причине. Во время пребывания своего в Москве Павел впал в тяжелую нужду. Нигде он не мог найти работы для себя, и все близкие и знакомые отказались от него. Тяжелая нужда доводила его до уныния и до отчаяния; неоднократно приходили ему мысли о самоубийстве. В одну из таких минут внезапно явился ему таинственный старец и сказал:

– Я помогу тебе, если ты собственной кровию письменно удостоверишь, что будешь верен мне и здесь на земле, и по смерти твоей.

– Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя и довериться тебе? – спросил Павел.

– Я тот самый, – ответил явившийся, – которого ненавидит ваша Церковь!

– Хорошо, я буду верен тебе! – заявил ослепленный отчаянием юноша и дал требуемую подписку.

– Ну, а теперь ты должен сбросить со своей шеи лишнюю обузу, – сказал таинственный старец и указал при этом на крест.

Юноша снял крест и таким образом отрекся от Христа и продал душу свою диаволу. За это отречение от Христа и предательство диаволу вселился в него злой дух, и с тех пор он стал бесноватым. От этого-то духа беснования и исцелил его о. Иоанн Кронштадтский, частью непосредственно, а отчасти через посредство Оптинского старца Варсонофия. Из всего сказанного видно, что бесноватые или одержимые нечистыми духами существуют и в настоящее время. Духу беснования предаются они за нечестивую жизнь и особенно за грехи богоотречения и богохульства. Но существуют в настоящее время и праведники, угодившие Богу, которые имеют силу и власть изгонять злых духов.

Величайшим из таких чудотворцев последнего времени является о. Иоанн Кронштадтский. Он настолько угодил Господу своею святою жизнью, что уже ныне числится в райских обителях в лике преподобных наряду со св. Антонием Великим, св. Павлом Фивейским, св. Афанасием Афонским и св. Иоанном Рыльским. Великому Богу угодно, как он сам сказал, в скором времени прославить его и на земле, как прославлен он уже на небесах. Глубоко поучительное же повествование об отроке Павле, помимо своего непосредственного значения, имеет и более глубокий символический смысл. Этот бесноватый отрок прообразует собою нашу несчастную и многострадальную Россию. И она, несчастная, как этот отрок Павел, предана духу беснования за свои грехи и за свое нечестие. Предана не по причинам оставления ее Богом, а по причине особенной любви Его к ней. Ибо *егоже любит Господь, наказует: бьет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6), *да дух спасется* (1 Кор. 5, 5). Мы имеем

на небесах многочисленный сонм святых чудотворцев, и древних и новых, имеющих власть над злыми духами. Будем усердно молиться им, да избавят нашу несчастную страну от насилия демонского. Лик преподобных молитвенников на небесах возглавляет Сама Пречистая Богоматерь. Будем молиться и Ей: “Пречистая Дево, яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся, Невесто Невестная!” Аминь»³⁴⁰.

Говоря о духовной связи между о. Иоанном и о. Варсонофием, нельзя не привести сон Старца, переданный им Елене Андреевне Вороновой, председательнице тюремного комитета в Санкт-Петербурге, близкой его духовной дочери. Он берется опять-таки из оптинского дневника С.А. Нилуса.

«Ходили с женой на благословение к о. Варсонофию. Е.А. Воронова слышала от него, что он в ночь со среды 17 февраля на четверг 18-е видел сон, оставивший по себе сильное впечатление на нашего Батюшку.

– Не люблю я, – говорил он Елене Андреевне, – когда кто начинает мне рассказывать свои сны, да я и сам своим снам не доверяю. Но бывают иногда и такие, которых нельзя не признать благодатными. Таких снов и забыть нельзя. Вот что мне приснилось в ночь с 17 на 18 февраля. Видите, какой сон – числа даже помню!.. Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности и знаю, что цель моего путешествия – получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромную как бы залу из белого мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими площадками, устремляются, как стрела, прямо

³⁴⁰ Православная Русь. 1952. Январь. С. 7–9.

в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. Отец Иоанн берет меня за руку и говорит:

– Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? Ведь о. Иоанн умер: как же это я иду с ним, как с живым? – С этой мыслью я и говорю ему:

– Батюшка! Да ведь вы умерли?

– Что ты говоришь? – воскликнул он мне в ответ. – Отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом я проснулся...

– Не правда ли, какой удивительный сон? – спросил Елену Андреевну о. Варсонофий. – И какая это радость услышать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»³⁴¹.

СЛУЧАИ ИСЦЕЛЕНИЙ

В той же второй части оптинских дневников мы встречаем поразительные случаи исцеления двух болящих святых подвижниц: княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой и Елены Андреевны Вороновой.

«Елена Андреевна... была помощницей княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой, тоже рабы Божией, какую не часто можно встретить на этом свете. Родная сестра бывшего наместника Кавказа, она и по происхождению своему, и по связям принадлежала к высшему обществу и, несмотря на это, оставила “вся красная мира” во имя любви к Богу и ближнему. Замуж она не пошла и всю себя отдала на служение страдающему меньшому брату. В родовом дундуковском имении она устроила лечебницу для сифилитиков,

³⁴¹ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. Сан-Франциско, 1969. Т. 2. С. 77 (запись 7 марта 1910 г.).

в которую преимущественно принимались так называемые “жертвы общественного темперамента”. Забывая себя, врожденную брезгливость, эта чистая, сострадательная душа сама обмывала им отвратительные гнойные раны, делала перевязки, не гнушаясь никакой черной работой около этих несчастных страдалец. Она же стояла и во главе Петербургского благотворительного тюремного комитета. Живя всем существом своим только для других, она о себе настолько забывала, что одевалась чуть не в рубище и часто бывала жертвой паразитов, которыми заражалась в местах своего благотворения. К сожалению, вращаясь с молодых лет в обществе, где проповедовали свои и заморские учителя, вроде Редстока, Пашкова и других, она заразилась иргвинизмом – сектой крайнего реформаторского толка, отрицающей веру в угодников Божиих и даже в Пресвятую Богородицу. Это очень огорчало православно верующую душу Елены Андреевны, но что ни предпринимала она для обращения княжны в Православие, ничто успеха не имело, потому, главным образом, что княжна, несмотря на чисто сектантские свои суждения о вере, сама себя считала вполне православной, ходила в церковь, говела и причащалась... Одно близкое к ней лицо, узнав, что она приступала к Св. Тайнам, и зная ее заблуждения, спросило ее:

– А исповедовали ли вы, Мария Михайловна, свое заблуждение?

– Какое?

– Да что вы – иргвинистка.

– Да я этого, – отвечала княжна, – и за грех не считаю.

Конечно, при таком образе мыслей мудрено было Елене Андреевне действовать на княжну словом убеждения, и пришлось ее любви обратиться к иному способу воздействия – к помощи свыше.

Приехала она как-то в Оптину к своему старцу о. Варсонофию и к нам и рассказывает, что, уезжая из Петербурга, она оставила княжну опасно больною, с сильнейшим воспалением легких, – а шел княжне тогда уже восьмой десяток.

– Прощалась с ней, – говорит, – я думала, что не застану ее больше в живых!

Отцу Варсонофию Елена Андреевна и раньше говорила о своей скорби, что не может вдохнуть в святую душу княжны разумения ее заблуждения и потому боится за ее участь в загробном мире. Отец Варсонофий обещал за нее молиться. В этот свой приезд Елена Андреевна, рассказав о том, в каком ныне состоянии оставила она княжну в Петербурге, усиленно просила Старца усугубить за нее молитвы.

Перед отъездом из Оптиной обратно в Петербург приходит Елена Андреевна прощаться с о. Варсонофием и принять его благословение на путь, а Батюшка выносит ей в приемную из своей келлии и подает икону Божией Матери и говорит:

– Отвезите эту икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этой иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия...

– Да застану ли я ее еще в живых? – возразила Елена Андреевна.

– Бог даст, – ответил о. Варсонофий, – за молитвы Царицы Небесной не только живой, но и здоровой застанете.

Вернулась Елена Андреевна в Петербург и первым долгом к княжне. Звонит. Дверь отворяется, и в ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и как не болевшая.

– Да вы ли это? – глазам своим не веря, восклицала Елена Андреевна. – Кто же это воскресил вас?

– Вы, – говорит, – уехали, мне было совсем плохо, а там все хуже, и вдруг третьего дня около десяти часов утра мне ни с того ни с сего стало сразу лучше, а сегодня, как видите, и совсем здорова.

– В котором часу, говорите вы, это чудо случилось?

– В десятом часу третьего дня.

Это был день и час, когда о. Варсонофий молился пред иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение.

Со слезами восторженного умиления Елена Андреевна сообщила княжне бывшее и передала ей икону Царицы Небесной. Та молча приняла икону, перекрестилась, приложилась к ней и тут же повесила ее у самой своей постели. С того дня Елене Андреевне уже не было нужды обращаться княжну в Православие: с верою в Пречистую и угодников Божиих дожила княжна свой век и вскоре отошла ко Господу. Жила и умерла по-православному.

У Елены Андреевны при общем слабом состоянии здоровья было очень слабое зрение: один глаз совсем не видел, и лучшие столичные окулисты ей говорили, что не только этому глазу уже никогда не вернуть зрения, но что и другому глазу угрожает та же опасность. И бедная Елена Андреевна с ужасом стала замечать, что и здоровый ее глаз тоже начал видеть все хуже и хуже...

Стоял лютый февраль, помнится, 1911 года. Приезжает в Оптину Елена Андреевна слабенькая, чуть живая.

– Что это с вами, дорогой друг?

– Умирать к вам приехала в Оптину, – отвечает полусерьезно-полушутя всегда и при всех случаях жизни жизнерадостный друг наш, и тут же нам рассказала, что только что перенесла жестокий плеврит (это с ее-то больными легкими).

– Но это все пустяки! А вот nelaды с глазами – это будет похуже. Боюсь ослепнуть. Ну, да на все воля Божия!

На дворе снежные бури, морозы градусов на пятнадцать – среденские морозы, а приехала она в легком не то ваточном, не то “на рыбьем меху” пальтишке, даже без теплого платка; в руках старенькая, когда-то каракулевая муфточка, на голове такая же шапочка – все ветерком подбито... Мы с женой с выговором, а она улыбается:

– А Бог-то на что? Никто как Бог!

Пожила дня три-четыре в Оптиной, отговелась, причастилась, пособоровалась. Уезжает, прощается с нами и говорит:

– А наш батюшка (о. Варсонофий) благословил мне по пути заехать в Тихонову пустынь и там искупаться в источнике преподобного Тихона Калужского³⁴².

Если бы мы не знали великого дерзновения крепкой веры Елены Андреевны, было бы с чего прийти в ужас, да к тому же и Оптина от своего духа успела нас многому научить, и потому мы без всякого протеста перекрестили друг друга, расцеловались, распрощались, прося помянуть нас у преподобного Тихона.

Вскоре после отъезда Елены Андреевны получаем от нее письмо из Петербурга, пишет:

“Дивен Бог наш и велика наша православная вера! За молитвы нашего батюшки – о. Варсонофия – я купалась в источнике преподобного Тихона при 10 градусах Реомюра в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги я ехала на извозчике в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои, мокрые от купанья, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и – даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и угодника преподобного Тихона, это то, что не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, прозрел, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами!..”³⁴³

СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Беседа старца Варсонофия с С.А. Нилусом

«Ходили вчера вместе с женою в Скит, к нашему духовнику и старцу, скитона начальнику, игумену о. Варсонофию.

³⁴² Тихонова пустынь Калужской епархии славится чудотворным источником, подобным источнику преподобного Серафима Саровского.

³⁴³ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 3. С. 39–44. – *Примеч. ред.*

Перед тем как идти в Скит, я прочел в “Московских ведомостях” статью Киреева, в которой автор приходит к заключению, что ввиду все более учащающихся случаев отпадения от Православия в иные веры, и даже в язычество, обществу верных предстоит необходимость поставить между собою и отступниками резкую грань и выйти из всякого общения с ними. В конце этой статьи Киреев сообщает о слухе, будто бы один из наиболее видных наших отступников имеет намерение обратиться вновь к Церкви...

Не Толстой ли?

Я сообщил об этом о. Варсонофию.

– Вы думаете на Толстого? – спросил Батюшка. – Сомнительно! Горд очень. Но если это обращение состоится, я вам расскажу тогда нечто, что только один грешный Варсонофий знает. Мне ведь одно время довелось быть духовником сестры его, Марии Николаевны, что живет монахиней в Шамординой.

– Батюшка, не то ли, что и я от нее слышал?

– А что вы слышали?

– Да про смерть брата Толстого, Сергея Николаевича, и про сон Марии Николаевны.

– А ну-ка расскажите! – сказал Батюшка.

Вот что слышал я лично от Марии Николаевны Толстой осенью 1904 года. “Когда нынешнюю осенью, – говорила мне Мария Николаевна, – заболел к смерти брат наш, Сергей, то о болезни его дали мне знать, в Шамордино, и брату Левочке, в Ясную Поляну. Когда я приехала к брату в имение, то там уже застала Льва Николаевича, не отходившего от одра больного. Больной, видимо, умирал, но сознание было совершенно ясно, и он еще мог говорить обо всем. Сергей всю жизнь находился под влиянием и, можно сказать, обаянием Льва Николаевича, но в атеизме и кощунстве, кажется, превосходил и брата. Перед смертью же его что-то таинственное совершилось в его душе, и бедную душу эту неудержимо повлекло к Церкви. И вот у посте-

ли больного мне пришлось присутствовать при таком разговоре между братьями:

– Брат, – обращается неожиданно Сергей к Льву Николаевичу, – как думаешь ты: не причаститься ли мне?

Я со страхом взглянула на Левушку. К великому моему изумлению и радости, Лев Николаевич, не задумываясь ни минуты, ответил:

– Это ты хорошо сделаешь, и чем скорее, тем лучше!

И вслед за этим сам Лев Николаевич распорядился послать за приходским священником.

Необыкновенно трогательно и чистосердечно было покаяние брата Сергея, и он, причастившись, тут же вслед и скончался, точно одного только этого и ждала душа его, чтобы выйти из изможденного болезнью тела.

И после того мне вновь пришлось быть свидетельницей такой сцены: в день кончины брата Сергея, вижу, из комнаты его вдовы, взволнованный и гневный, выбегает Лев Николаевич и кричит мне:

– Нет! Ты себе представь только, до чего она ничего не понимает! “Я, – говорит, – рада, что он причастился, по крайности, от попов теперь придирок никаких не будет!” В исповеди и Причастии она только одну эту сторону и нашла!

И долго еще после этого не мог успокоиться Лев Николаевич и, как только проводил тело брата до церкви (в церковь он, как отлученный, не вошел), тотчас же и уехал к себе в Ясную Поляну.

Когда я вернулась с похорон брата Сергея к себе в монастырь, то вскоре мне был не то сон, не то видение, которое меня поразило до глубины душевной. Совершив обычное свое келейное правило, я не то задремала, не то впала в какое-то особое состояние между сном и бодрствованием, которое у нас, монахов, зовется тонким сном. Забылась я и вижу... Ночь. Рабочий кабинет Льва Николаевича. На письменном столе лампа под темным абажуром. За письменным столом, облокотившись, сидит Лев Николаевич, и на лице его отпечаток такого тяжкого раздумья, такого отчаяния, какого я еще у него никогда не видала... В кабинете густой,

непроницаемый мрак; освещено только то место на столе и лицо Льва Николаевича, на которое падает свет лампы. Мрак в комнате так густ, так непроницаем, что кажется даже как будто чем-то наполненным, насыщенным чем-то, материализованным... И вдруг, вижу я, раскрывается потолок кабинета, и откуда-то с высоты начинает литься такой ослепительно чудный свет, какому нет на земле и не будет никакого подобия; и в свете этом является Господь Иисус Христос, в том Его образе, в котором Он написан в Риме, на картине “Видения святого мученика архидиакона Лаврентия”: пречистые руки Спасителя распростерты в воздухе над Львом Николаевичем, как бы отнимая у незримых палачей орудия пытки. Это так и на той картине написано. И льется, и льется на Льва Николаевича свет неизобразимый, но он как будто его и не видит... И хочется мне крикнуть брату:

– Левушка, взгляни, да взгляни же наверх!..

И вдруг сзади Льва Николаевича, – с ужасом вижу, – из самой гущины мрака начинает вырисовываться и выделяться иная фигура, страшная, жестокая, трепет наводящая; и фигура эта, простирая сзади обе свои руки на глаза Льва Николаевича, закрывает от них свет этот дивный. И вижу я, что Левушка мой делает отчаянные усилия, чтобы отстранить от себя эти жестокие, безжалостные руки... На этом я очнулась и, как очнулась, услышала как бы внутри меня говорящий голос:

– Свет Христов просвещает всех!”

Таков рассказ, который я лично слышал из уст графини Марии Николаевны Толстой, в схимонахинях Марии.

– Не это ли вы мне хотели рассказать, Батюшка? – спросил я о. Варсонофия. Батюшка сидел задумавшись и ничего мне не ответил... Вдруг он поднял голову и говорит:

– Толстой – Толстым! Что будет с ним, один Господь ведает. Покойный великий старец Амвросий говорил той же Марии Николаевне в ответ на скорбь ее о брате: “У Бога милости много: Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно по-

каяться, и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен”. Но когда говорят о милости Божией люди, то о правосудии Его забывают, а между тем Бог не только милостив, но и правосуден. Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари, во исполнение правосудия, отдал! Ведь тайне этой преславной и предивной не только земнородные дивятся, но и все воинство Небесное постичь глубины этого правосудия и соединенной с ним любви и милости не может. Но *страшно впасть в руке Бога Живаго* (Ср.: Евр. 10, 31). Вот сейчас, перед вами, был у меня один священник из Жиздринского уезда и сказывал, что у него на этих днях в приходе произошло. Был собран у него сельский сход; на нем священник, вместе с прихожанами своими, обсуждал вопрос о постройке церкви-школы. Вопрос этот обсуждался мирно, и уже было пришли к соглашению, по сколько обложить прихожан с души на это дело. Как вдруг один из членов схода, зараженный революционными идеями, стал кощунственно и дерзко поносить Церковь, духовенство и даже произнес хулу на Самого Бога. Один из стариков, бывших на сходе, остановил богохульника словами:

– Что ты сказал-то! Иди скорее к батюшке, кайся, чтобы не покарал тебя Господь за твой нечестивый язык: *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7).

– Много мне твой Бог сделает, – ответил безумец. – Если бы Он был, то Он бы мне за такие слова язык вырвал. А я – смотри – цел, и язык мой цел. Эх вы, дурачье, дурачье! Оттого, что глупы вы, оттого-то попы и всякий, кому не лень, и ездят на вашей шее.

– Говорю тебе, – возразил ему старик, – ступай к батюшке каяться, пока не поздно, а то плохо тебе будет!

Плюнул на эти речи кощунник, выругался скверным словом и ушел со сходки домой. Путь ему лежал через полотно железной дороги. Задумался он, что ли, или отвлечено было чем-нибудь его внимание, только не успел он перешагнуть первого рельса, как на него налетел

поезд и прошел через него всеми вагонами. Труп кощунника нашли с отрезанной головой, и из обезображенной головы этой торчал, свесившись на сторону, огромный, непомерно длинный язык.

– Так покарал Господь кощунника... И сколько таких случаев, – добавил к своему рассказу Батюшка, – проходит как бы незамеченными для так называемой большой публики, той, что только одни газеты читает. Но их слышит и им внимает простое народное сердце и сердце тех, – увы, немногих! – кто рожден от одного с ним духа. Это истинные знамения и чудеса православной живой веры; их знает народ, и ими во все времена поддерживалась и укреплялась народная вера. То, что отступники зовут христианскими легендами, на самом деле суть факты ежедневной жизни. Умей, душа, примечать только эти факты и пользоваться ими, как маяками бурного житейского моря, по пути в Царство Небесное. Примечайте их и вы, Сергей Александрович, – сказал мне наш Старец, провожая меня из келлии и напутствуя своим благословением.

О, река моя Божья! О, источники воды живой, гремучим ключом бьющие из-под камня оптинской старческой веры!..»³⁴⁴.

*Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого (Выдержка из книги И.М. Концевича)*³⁴⁵

Эта книга была написана с целью противостать клеветникам старца о. Варсонофия, утверждавшим, будто он был отправлен в Астапово к умиравшему Толстому не в качестве доброго пастыря, а как правительственный агент с целью вынудить Толстого принести церковное покаяние. Вот как пишет Маклаков³⁴⁶: «Когда в Астапове Толстой умирал, и к нему приезжали туда представители Церкви,

³⁴⁴ *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Т. 1. С. 86–90 (запись 20 марта 1909 г.).

³⁴⁵ *Концевич И.М.* Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого. Мюнхен, 1960. – *Примеч. ред.*

³⁴⁶ Вероятно, Концевич имеет в виду Василия Алексеевича Маклакова (1870–1957), видного деятеля либерального движения конца XIX – начала XX в., близкого семье Толстых, посвятившего Л.Н. Толстому несколько работ. – *Примеч. ред.*

как будто для того, чтобы его в лоно Церкви вернуть, они им не были приняты... Из постановления Синода об “отлучении” для всех было ясно, что к умиравшему их приводило не христианское чувство, а желание представить свое посещение как покаяние Толстого, т. е. то же самое чувство, которое теперь диктует советским властям их старания добиваться от подсудимых признания. От Толстого такого притворства ожидать было нельзя»³⁴⁷.

Толстой покидает Шамордино в конце октября 1910 года...

«Вся жизнь Толстого, – пишет И.М. Концевич, – прошла в скитаниях по бесплодным пустыням отвлеченного разума, в напрасных поисках истины, и теперь, в последние минуты, он надеялся почерпнуть из этого благодатного источника той живой воды, которой так жаждала истомившаяся, мятущаяся его душа. Но не сбылись эти последние надежды».

Еще 30 октября вечером в Шамординой Л.Н. Толстой «жаловался на некоторую слабость и недомогание, но тем не менее 31-го утром, несмотря на дурную погоду, в сопровождении своей дочери и ее подруги В.М. Феоктистовой, приехавших к нему накануне, и Д.П. Маковицкого, который его сопровождал все время, уехал на лошадях в Козельск (18 верст отсюда по Рязанско-Уральской железной дороге по направлению на Богоявленск), чтобы далее следовать в Ростов-на-Дону... Ввиду лихорадочного состояния Льва Николаевича решено было оставить поезд и высадиться на ближайшей большой станции. Этой станцией оказалось Астапово»³⁴⁸.

Согласно цитированному выше протоколу, Толстой был уже так слаб, что с трудом дошел до кровати. Здесь он сделал разные распоряжения, и затем с ним произошел непродолжительный, около минуты, припадок судороги в левой руке и левой половине лица, сопровождавшийся обморочным состоянием.

³⁴⁷ Возрождение. 1954. № 31 (янв.–февр.). С. 154.

³⁴⁸ Выписка из «Протокола» за подписью врачей (Новое Время. 1910. 12 ноября. № 12454).

По всем данным, те «распоряжения», о которых упоминает рапорт врачей, включают в себя и отправку телеграммы в Оптину с вызовом старца Иосифа. Но вызов Толстым Старца был скрыт толстовцами от русской общественности. Открылось это только в 1956 г., когда на страницах «Владимирского вестника» игумен Иннокентий рассказал подробно об этом. Как работающему в канцелярии, ему было известно все, что через нее проходило. Вот что он рассказывает:

«Спустя немного времени по отъезде графа из Шамордина в Оптиной была получена телеграмма со станции Астапово с просьбой немедленно прислать к больному графу старца Иосифа. По получении телеграммы был собран совет старшей братии монастыря: настоятель – архимандрит Ксенофонт, настоятель Скита, он же старец и духовник всего братства монастыря – игумен Варсонофий; казначей – иеромонах Иннокентий; эконо́м – иеромонах Палладий; благочинный – иеромонах Феодот; ризничий – иеромонах Феодосий; уставщик – иеромонах Исаакий, впоследствии настоятель; иеромонах Сергей; иеромонах Исаия – бывший келейник старца Амвросия; заведующий больницей, монастырский врач – иеромонах Пантелеимон; письмоводитель – монах Эраст и другие. На этом совете решено было вместо старца Иосифа, который в это время по слабости сил не мог выходить из келлии, командировать старца игумена Варсонофия в сопровождении иеромонаха Пантелеимона. Но, как известно, окружением Толстого они не были допущены к больному, несмотря на все усилия с их стороны. Когда старца Варсонофия окружили корреспонденты газет и журналов и просили: “Ваше интервью, Батюшка!” – Старец им ответил: “Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана”».

Вызов Толстым Старца подтверждается и воспоминаниями служащего Рязано-Уральской железной дороги Павлова, напечатанными в «Православной Руси» (1956. № 11). Он рассказывает, что

на станции Астапово служил буфетчиком добрый знакомый семьи Павловых – Сергей Моревич, человек пожилой, обликом похожий на Толстого и сам ярый толстовец, организатор кружка, ездивший с этим кружком ежегодно на сенокос в Ясную Поляну. Вот слова Сергея Моревича: «Факт посещения Толстым Оптиной Пустыни и вызова Старца был взрывом бомбы в толстовском кружке, который не мог выдержать этого удара и распался». Из этого вытекает, что телеграмма Толстого о вызове Старца стала общеизвестной среди служащих в Астапове, а затем и среди прочих служащих-толстовцев по всей линии железной дороги.

Не могла этого не знать и вся газетная пресса, но, очевидно, левая цензура решила это замолчать как факт, развенчивающий их божество...

Присланный властями на станцию Астапово жандармский рот-мистр Савицкий совсем не разобрался в обстановке, и его донесения страдают ошибками и вымыслами... Не соответствует ни облику Оптинского старца Варсонофия, ни другим историческим данным и то, что Савицкий приписывает ему в своем рапорте. По его словам, о. Варсонофий написал письмо Александре Львовне, в котором он предупредил, что никаких, способных волновать Толстого, разговоров о религии не будет и что если бы он услышал от Толстого только одно слово: «Каюсь», то в силу своих полномочий считал бы его отказавшимся от своего лжеучения и напутствовал бы его перед смертью, как православного. Все это неверно.

В действительности о. Варсонофий приехал именно для беседы с Толстым, на чем он и настаивал в своем письме к Александре Львовне после того, как он получил от нее отказ в просьбе допустить его к больному. Приведем его слова: «Почтительно благодарю Ваше сиятельство за письмо Ваше, в котором пишете, что воля родителя Вашего и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а Вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами».

Беседа была необходима, потому что «когда человек вознамерится оставить богохульное учение и принять учение, содержимое Православной Церковью, то он обязан по правилам Православной Церкви предать анафеме лжеучение, которое он доселе содержал во вражде к Богу, в хуле на Святаго Духа, в общении с сатаной»³⁴⁹.

Таковы были взгляды о. Варсонофия на условия покаяния Толстого. Он их выразил в беседе с С.А. Нилусом, приводя слова старца Амвросия: «Как грешил на весь свет, так и каяться перед ним должен».

Как видно из этих слов, а также из приведенного письма, о. Варсонофий не мог и не собирался ограничиться одним словом «каюсь» в силу каких-то полномочий – очевидно, Синода, – как приписывает ему Савицкий.

Что касается свидетельства Савицкого, будто о. игумен «по секрету» сообщил ему, что он прислан Синодом, то теперь уже окончательно выяснилось, что это выдумка. По свидетельству Ксюнина в его книжке «Уход Толстого», изданной в Берлине после революции³⁵⁰, сам о. Варсонофий в Оптиной Пустыни в 1910 г. говорил ему о неправильности утверждения многих, будто он ездил в Астапово по распоряжению Синода.

Того же мнения придерживался и писатель Бунин в своем «Освобождении Толстого»: «Приказ из Петербурга выходит, таким образом, выдумкой», – выводит он свое заключение после разбора этого вопроса. «Но что было бы, если бы Александра Львовна допустила его (Старца) к отцу?» – спрашивает дальше Бунин. «Можно предположить примирение умирающего с Церковью»³⁵¹, – полагает он. Будучи вольнодумцем, Бунин все же готов рассуждать беспристрастно.

Иначе толкует Маклаков мотивы присутствия священника в Астапове, когда умирал Толстой. В своей статье Маклаков не останавли-

³⁴⁹ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Сочинения. СПб., 1867. Т. 3. С. 85.

³⁵⁰ *Ксюнин А.* Уход Толстого. СПб., 1911 (2-е изд. Берлин, 1935). – *Примеч. ред.*

³⁵¹ *Бунин И.А.* Освобождение Толстого // *Собр. соч.* М., 1988. Т. 6. С. 24. – *Примеч. ред.*

вается перед извращением всем известных обстоятельств и событий, сопровождавших смерть Толстого. Окружение скрыло от умирающего прибытие о. Варсонофия из боязни, что Толстой отречется от своего учения. Между тем Маклаков утверждает, будто *сам* Толстой отказал в приеме: «Он – Толстой – не принял их» – представителей Церкви.

Ненависть к Церкви настолько ослепляет Маклакова, что он уже переходит границы здравого смысла и своей явной ложью и клеветой желает унижить Церковь, а ее врага – толстовство – реабилитировать, так как этому последнему бегство Толстого в Оптину, и в особенности телеграмма, нанесли непоправимый удар.

Тайна вызова Старца Толстым была крепко запечатана, и кто бы мог подумать, что через пятьдесят лет она раскроется.

Итак, пастырь добрый, истинный служитель Христов стоял у дверей Толстого в Астапове. Неудачу, постигшую его, он пережил тяжело. «Отцу Варсонофию всегда было трудно рассказывать об этом, он очень волновался», – пишет его ученик о. Василий Шустин в своих воспоминаниях.

В заключение приводим отрывок из книги Ксюнина «Уход Толстого», передающий беседу Старца об этом. «Меня проводили к о. Варсонофию, ездившему в Астапово с о. Пантелеимоном, которого сестра Толстого называла хорошим врачом. Вот низкая калитка Скита, около которой в последний раз стоял Толстой. Два раза подходил – думал: войти или не войти – Толстой, приехавший в Скит за тишиной. За палисадником домик с крытой галереей, а в домике комната с низким потолком. В углу большой образ Спасителя в терновом венце. Перед образом лампада, наполняющая келлию бледным светом. Отец Варсонофий, теперешний скитоначальник, глубокий старец с длинной белой бородой, с бескровным лицом и бездонными, светлыми, отрешенными от мира глазами...

Келейник объяснил Старцу, зачем я приехал. Старец стоял на молитве. Он по двенадцать часов сряду стоит на коленях. Поднялся и вышел, несмотря на поздний час. “Ездил я в Астапово, – говорит

тихим голосом о Варсонофий, – не допустили к Толстому. Молил врачей, родных – ничего не помогло... Железным кольцом сковало покойного Толстого, хотя и Лев был, но ни разорвать кольца, ни выйти из него не мог... Приезду его в Оптину мы, признаться, удивились. Гостиник пришел ко мне и говорит, что приехал Лев Николаевич Толстой и хочет повидаться со старцами.

– Кто тебе сказал? – спрашиваю.

– Сам сказал.

– Что же, если так, примем его с почтением и радостью. Иначе нельзя.

Хоть Толстой был отлучен, но раз пришел в Скит, иначе нельзя. У калитки стоял, а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал... А жалко... Как я понимаю, Толстой искал выхода, мучился, чувствовал, что перед ним вырастает стена, – старец Варсонофий помолчал, потом добавил. – А что из Петербурга меня посылали в Астапово, это неверно. Хотел напутствовать Толстого: ведь сам он приезжал в Оптину, никто его не тянул»³⁵².

«ОСЕНЬ». ОПТИНСКАЯ СМУТА И КОНЧИНА СТАРЦА

Ветер, дождь и холод,
И мятеж души, и голод,
И былого думы и мечты,
Как с деревьев спадшие листья...
Грустна эта жизнь земная!
Но за нею есть другая –
Область вечного блаженства, рая,
Царства невечерней красоты!³⁵³

Приступая к последней главе жития старца Варсонофия – осени его жизненного пути – невольно напрашивается предварить

³⁵² Ксюнин А. Уход Толстого. Берлин, 1935. – *Примеч. ред.*

³⁵³ Преподобный Варсонофий Оптинский. Св.-Введенская Оптина Пустынь, 2005. С. 467. – *Примеч. ред.*

оную этими простыми стихами, написанными им еще в годы его затвора, в 1902 году. Будучи человеком одаренным, он не был лишен способности писать стихи. Но только малая доля посмертного издания (1914) ³⁵⁴ находится в нашем распоряжении. Однако, применяя лирический образ багряной осени к последним грустным годам жизни Старца, мы отнюдь никак не разделяем мнения автора «Оптиной Пустыни», издание YMCA ³⁵⁵, что якобы после кончины старца Амвросия наступает осеннее увядание благодати старчества в Оптиной Пустыни. Протоиерей С. Четвериков ошибается, когда говорит, что после о. Амвросия старчество хотя и «не угасло, но не имело прежней силы и славы» ³⁵⁶.

Эту ошибку повторяют с его слов и современные агиографы, в том числе и профессор Игорь Смолич в своем обширном труде на немецком языке: «Russisches Mönchtum» (Wurzburg, 1953).

Всю силу и полноту благодатных дарований имели и последующие старцы. К этому убеждению приходишь хотя бы при ознакомлении с жизнеописанием старца Иосифа, непосредственного ученика и преемника о. Амвросия. Всею полнотою «славы» и неизбежного авторитета пользовались среди верующих также и другие старцы, например о. Варсонофий, которого почти замолчали наши агиографы, также о. Нектарий. Уменьшились не «сила и слава» старцев, а число верующих.

Возникновение оптинской смуты берет начало с далеких времен, а именно с момента кончины великого старца о. Амвросия.

Калужский епископ Виталий был враждебно настроен по отношению к покойному старцу Амвросию из-за своего непонимания сущности старчества. Как было сказано, он намеревался вывести насильно из Шамордина о. Амвросия, который там

³⁵⁴ Имеется в виду изд.: Духовные стихотворения Оптинского старца схииеромандрита Варсонофия, скончавшегося настоятелем Старо-Голутвина монастыря. Шамордино, 1914. – *Примеч. ред.*

³⁵⁵ Четвериков С., прот. Оптина Пустынь. Париж, 1926. – *Примеч. ред.*

³⁵⁶ Там же. С. 95. – *Примеч. ред.*

отдавал свои последние силы на созидание этой обители. И застал Старца в гробу.

Такое непонимание постигло и старца о. Анатолия. Это было делом «ревностных» лиц из мирян, которые опасались за судьбу о. Иосифа. Действительно, в эту минуту положение о. Иосифа не имело твердой почвы под ногами, подобно той, какой пользовался о. Амвросий, несмотря на то, что считался по болезни на покое. Его «начальник», о. Анатолий, с благоговением стоял перед ним на коленях и считал себя его учеником. Теперь же отношение к о. Иосифу во многом зависело от о. Анатолия – начальника Скита.

Тихий, смиренный, скромный о. Иосиф казался своим защитникам не способным сам себя отстаивать. В его жизнеописании указано, что еще при жизни старца Амвросия в бытность его в Шамордине прошел слух, будто о. Иосифа хотят выселить из хибарки о. Амвросия. Ему советовали поехать жаловаться Старцу. Однако о. Иосиф отнесся к этим слухам бесстрастно. Эти советы и были началом последующих интриг против скитона начальника о. Анатолия.

Когда же скончался о. Амвросий, эти защитники о. Иосифа нашли способ восстановить епархиального архиерея против о. Анатолия. Из-за того же непонимания природы старчества епископ Виталий не мог судить о духовности о. Анатолия и испытывать к нему уважение подобно епископу Игнатию (Брянчанинову), беседовавшему с ним об умно-сердечной молитве. Он поверил клевете и отстранил о. Анатолия от старчества в Шамордине и даже запретил ему въезд в обитель.

Батюшка о. Анатолий очень тяжело переживал это запрещение. Выедет, бывало, на большую дорогу до того места, откуда видна Шамординская обитель, и велит кучеру остановиться; посмотрит в ту сторону, слезы потекут из глаз, и велит ехать обратно. Отец Анатолий преставился вскоре после о. Амвросия, в 1894 году.

Когда старца Анатолия не стало, положение его ближайших учеников оказалось нелегким. Отец Варсонофий ушел в затвор. В течение десяти лет он занимался изучением святоотеческой литературы и молитвой Иисусовой. В это время его духовником был о. Нектарий, который так же, как и он, в свое время был духовным сыном старца Анатолия. Об этом о. Нектарий свидетельствует сам в жизнеописании о. Амвросия³⁵⁷. Между ним и о. Варсонофием сохранилась близость до конца жизни.

Когда началась японская война, о. Варсонофий был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете имени преподобного Серафима. Как довелось слышать, в Скиту опасались этого умного, образованного и способного быть властным человека. Другой ученик о. Анатолия, о. Венедикт, из белого духовенства, был назначен настоятелем Боровского монастыря³⁵⁸.

Сохранилось в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» «Письмо Оптинского иеромонаха Варсонофия с Дальнего Востока на имя Преосвященного Вениамина, епископа Калужского»:

«Охраняемые Божественною благодатью и покрываемые вашими святительскими молитвами и архипастырским благословением, все мы, пятеро калужских иеромонахов, благополучно прибыли 1 мая в город Харбин и ожидаем указаний о дальнейшем нашем назначении из главной квартиры в Ляояне.

В Москве мы все явились к господину прокурору Московской синодальной конторы и, получивши деньги на путевые расходы, а также и документы, выехали из Москвы 13 апреля. Каждому из нас выдан был ящик с церковною утварью и облачением – походные церкви. Выдали также святые антиминсы, миро и освященный елей.

³⁵⁷ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 134. – *Примеч. ред.*

³⁵⁸ Имеется в виду иером. Венедикт (Дьяков, † 1915), насельник Скита Оптинской Пустыни с 1903 г., архим., настоятель Пафнутьева Боровского монастыря. – *Примеч. ред.*

Нас разместили в вагоне второго класса и разрешили иметь при себе ящики с ризницами, ибо мы заявили, что признаем неудобным помещать их в багаже.

В пути нигде не останавливались, следуя, таким образом, безостановочно с 13 апреля по 2 мая – 19 суток. Только пришлось переждать несколько часов при переправе через озеро Байкал – на пароходах. Там мы встретили министра путей сообщений, князя Хилкова, временно проживающего в Иркутске. 25 апреля наш поезд повстречался с другим, на котором отправляли в Россию пленных японцев, в числе 182 нижних чинов и 18 офицеров. Видели их мы только на ходу в окна вагонов. Почти одновременно следовал с нами воинский поезд с сибирскими казаками. Нам сказали, что за ними следуют оренбургские и уральские казаки, в числе восьми полков и двух конноартиллерийских батарей (две дивизии). Донесся слух о первом нашем сражении на реке Ялу.

28 апреля прибыли в Маньчжурию. На границе – станция, и называется также Маньчжурия. Здесь также встретили задержку: совершалась пересадка. В первый раз мы увидели китайцев. Это все рабочие. С русскими китайцы живут мирно, и русские им нравятся. От станции Маньчжурия дорога, на всем протяжении ее до города Харбина, 85 верст, уже охраняется войсками – разъезжают конные солдаты и казаки. Незадолго до нас изловили японцев, которые хотели взорвать тоннель железной дороги у Хингана, во время хода поезда в 40 вагонов с войсками. Бог спас – взрыв последовал после проследования поезда. Всех их судили военным судом и повесили в Ляояне. На станции Маньчжурия обрадовала нас весточка об удачном нападении на японцев генерала Ренненкампа с двумя полками казаков, причем японцы понесли страшные потери (семь тысяч).

Первый китайский город на пути нашем был Хайлар; но мы его не видели, ибо поезд стоял часа два, не более, а до города было семь верст. Около него строится русский город – пока небольшое селение. Все китайские власти остались в городе, и

до сих пор там живет губернатор – дзянь-дзюнь. Но войска все выведены внутрь Китая.

Утешил нас вид русских церквей на станциях Сибирской железной дороги. Кругом пустыня. Но вот – церковь, и вокруг нее группируется несколько, десятка два-три, домиков. Это Русь Святая в маленьком виде. И светло и отрадно становится на душе. В Харбине с вокзала мы все проехали в здание Красного Креста, где нас приютили и оказали радушный прием. Разместили в номерах и согласились давать рыбную и молочную пищу. Жизнь в Харбине вообще недорого. Рыбы в изобилии, но только дорога. Русский Харбин расширяется, и его можно сравнить с любым небольшим уездным городом. Есть в нем три церкви, деревянные, служба совершается ежедневно».

Когда же, по окончании войны, о. Варсонофий вернулся обратно в Оптину Пустынь, о. Иосиф уже настолько состарился и ослабел, что управлять внешними делами Скита был уже не в состоянии. К тому же некоторые люди делали злоупотребления, пользуясь его добротой и мягкостью, и на Скиту оказались долги. От Синода была прислана ревизия. Он подал на покой, зная, что того желают епархиальные власти. А на его место скитона начальником был назначен о. Варсонофий, возведенный в сан игумена.

Но какой мудростью должны были бы обладать духовные чада о. Иосифа, чтобы взглянуть на эту перемену беспристрастным оком? Ведь о. Иосиф был столпом старчества, непосредственным преемником и учеником о. Амвросия, продолжателем традиций великих старцев. А о. Варсонофий, поступивший уже после кончины о. Амвросия, казался им человеком пришлым, чужим. Почувствовали себя обиженными за своего Старца и шамординские сестры, хотя о. Иосиф продолжал старчествовать и руководить ими. В Оптиной снова стало два старца... Понятно, что при создавшемся положении у о. Варсонофия со многими из старшей братии были лишь официальные отношения, как было с о. Илиодором, которому он дал «на дорогу» горсть леденцов в день его смерти.

Между тем новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в Скиту; он внес в его казну 60 тысяч рублей личного своего капитала, уплатил долги, отремонтировал Скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допускавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии, был полон о них забот. Он не стеснялся смирать, когда это требовалось. Но к кающимся о. Варсонофий был милостив и говорил, что тех, кто не хочет спастись по доброй воле, тех надо спасать силой, и силу эту применять умел. И многие из числа братии, не говоря о тех, которые поступили уже во время его управления, были всецело под его влиянием, испытав на себе всю пользу от его мудрого, благодатного руководства. В Шамордине, куда поступали его духовные дочки, им приходилось смиряться перед иосифовскими «дочками», которые имели над ними старшинство.

Особенно много занимался о. Варсонофий с интеллигентной молодежью, посещавшей Оптину Пустынь, и был единственным старцем оптинского скитского братства. До сих пор дело ограничивалось только натянутыми отношениями между варсонофиевскими и иосифовскими учениками и ученицами. У коренных оптинцев все же царил в конце концов дух смирения, да и влияние оптинских духовников отцов Анатолия (Потапова), Феодосия и Нектария, употреблявших все силы для поддержания мира, делало свое дело. Например, когда о. Варсонофий опасно заболел и послал к о. Иосифу просить благословения на принятие схимы, в этот момент в кельи о. Иосифа оказался его духовник о. Нектарий, который и настоял на том, чтобы это благословение было дано.

Много было у о. Варсонофия неприятностей после кончины о. Иосифа. Разные лица предъявляли свои претензии: кто относительно своих процентных бумаг, кто – вещей, якобы оставленных на хранение у о. Иосифа, и т. п. Были и личные обиды на о. Вар-

сонофия. Например, в Скиту скончался о. Даниил (Болотов)³⁵⁹, родной брат шамординской игумении Софии (шамординские сестры звали его дядюшкой). Он много потрудился в деле христианской проповеди среди интеллигенции. С целью проповеди его часто отпускали из монастыря в мир. Перед смертью он хотел принять схиму. Но о. Варсонофий указал ему несовместимость его апостольского подвига с обетами схимы, требующими полного отречения от мира. Он спросил его, согласен ли он отказаться от своей апостольской проповеди в случае выздоровления. Подумав, о. Даниил отказался от схимы и так скончался простым иеромонахом. Родственники его не могли простить этого о. Варсонофию.

Между тем подземная работа врага рода человеческого не ослабевала. Им подготовлялась катастрофа. С целью добиться упразднения старчества и закрытия Скита новые монахи являлись из упадочного предреволюционного мира. Им дела не было ни до о. Варсонофия, ни до о. Иосифа. Им нужно было свергнуть существующую власть и захватить в свои руки начальственные должности.

Таковыми людьми оказались монах³⁶⁰ Патрикий и монах Георгий. Они затеяли бунт, вещь доселе неслыханную в Оптиной Пустыни. Конечно, это была лишь небольшая горсточка братии. (В Оптиной Пустыни до войны было 300 человек братии.) Настоятель архимандрит Ксенофонт, строгий монах, но несколько слабый в управлении, послал за скитона начальником о. Варсонофием, который сразу усмирил бунт, умиротворил братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта. Последние не сложили оружия и подали жалобу в Синод и одновременно донос на о. Ксенофонта, будто он неправильно ведет лесное хозяйство. Их жалоба и донос нашли в Синоде благоприятную почву. Уже давно находились люди, недовольные о. Варсонофием, пока некая Мария Михайловна Булгак, урожден-

³⁵⁹ Даниил (Болотов, † 1907), иеромонах, насельник Скита Оптиной Пустыни с 1887 г., художник. – *Примеч. ред.*

³⁶⁰ У Концевича ошибочно указан иеромонахом. – *Примеч. ред.*

ная Бартенева, начальница Гродненской гимназии и крайне правая политическая деятельница, не произвела того взрыва, который был причиной отъезда о. Варсонофия из Оптиной Пустыни.

Произошло это так. Сначала эта особа проявила обожание к о. Варсонофию. Она обещала завещать Скиту Оптиной Пустыни свой капитал в сто тысяч рублей³⁶¹. Но на этом основании она решила, что ей дозволено распорядиться в Скиту. Произошел конфликт, и Мария Михайловна возненавидела о. Варсонофия. Одно время она собиралась поступить в Шамординскую обитель. Узнав об этом, о. Варсонофий покачал головой и сказал: «Ох! И набулгачит же там Булгак!» Желая отомстить о. Варсонофию, Булгак явилась в политический петербургский салон графини Игнатъевой, где можно было встретить епископов, членов Синода, и выложила там весь багаж привезенных из Оптиной клевет и сплетен. Проверять слухи поехала в Оптину Пустынь сама графиня Игнатъева. Она сделала визит настоятелю о. Ксенофону и заявила, что также сделает визит и о. Варсонофию, но как скитоначальнику, а не как старцу. Отец Варсонофий попросил М.Н. Максимович, супругу варшавского генерал-губернатора, присутствовать при приеме графини. Последняя почти безвыездно жила в Оптиной Пустыни и была тихая и смиренная старушка. Она вела разговор с графиней, а о. Варсонофий молчал. Вернувшись в Петербург, графиня доложила членам Синода, посещавшим ее салон, что в келлии скитоначальника стояли цветы и что чай разливала дама.

В результате всех этих жалоб и слухов Святейший Синод назначил ревизию. Для ведения следствия был назначен епископ Серафим Чичагов. Он прибыл в Оптину Пустынь под 1 января 1911 г.³⁶² и после всенощного бдения выступил для произнесения проповеди. Он начал с того, что монахи бывают послушными и

³⁶¹ М.М. Булгак оставила свой капитал на содержание и пропитание своих двух собак, о чем, как о курьезе, было написано в газете «Новое Время».

³⁶² Неточность: Преосвященный Серафим прибыл в Оптину Пустынь 30 декабря 1911 г., под 1 января 1912 г. – *Примеч. ред.*

непослушными. Все ожидали, что речь коснется удаленных за бунтарство монахов, их своеволия и непокорности. Но каково было всеобщее горестное изумление, когда он начал громить и поносить о.о. настоятеля и скитона начальника, двух старцев, склонивших перед ним свои убеленные головы и поддерживавших его под руки. «Какой ты старец?» – крикнул епископ на о. Варсонофия. Смиренный о. игумен ответил кратко: «Я не самовольно старчествую, владыка, меня Синод назначил». Народ, свидетель этого, покидал собор возмущенный и взволнованный.

На другой день епископ Серафим собрал братию и поставил вопрос о принятии обратно удаленных за бунт монахов. Отец архимандрит Ксенофонт соглашался их принять, если покаются. Но старец о. Варсонофий отнесся отрицательно, говоря, что он не верит в их покаяние. Но монастырская братия, видя, что обратный прием этих бунтовщиков епископу желателен, стали давать со страху ответы уклончиво. К сожалению, столпы Оптиные, отцы иеромонахи Анатолий, Нектарий и Феодосий, отсутствовали... Смутьяны были не только приняты, но даже один из них был сделан казначеем.

После этого твердая и непоколебимая жизнь в Оптиной Пустыни была нарушена. Старец о. Варсонофий был назначен настоятелем монастыря в Голутвине. Мирянам, жившим вокруг обители, было предложено выехать, и пребывание богомольцев было ограничено десятью днями. Был даже поднят вопрос о закрытии Скита и о прекращении в Оптиной Пустыни старчества. К счастью, это не было исполнено. Отец архимандрит Ксенофонт оправдался от обвинений, но вскоре умер от пережитых огорчений. Его заместителем стал о. Исаакий Второй³⁶³. Скитона начальником был назначен о. Феодосий³⁶⁴, духовный сын старца Варсонофия. С ним вместе старчествовали в Скиту о. Нектарий и бывший келейник старца

³⁶³ Прмч. Исаакий (Бобраков/Бобриков, † 1938), архимандрит, последний настоятель Оптиной Пустыни. – *Примеч. ред.*

³⁶⁴ См. о нем гл. XV наст. изд. – *Примеч. ред.*

Прмч. Исаакий (Бобриков),
старец Оптинский

Амвросия о. Анатолий (Потапов). Между тремя старцами царило братолюбие и согласие. Но отголосок смуты между братией не был изжит до конца существования Оптиной Пустыни.

О судьбе старца Варсонофия, о возведении его в сан архимандрита и назначении в заброшенный Голутвинский монастырь подробно рассказывает о. Василий Шустин: «Отец Варсонофий должен был покинуть Скит. Я как раз к этому времени приехал в Оптину. Батюшка встретил меня с радостью, поведал мне о своих обстоятельствах и рассказал, как накануне диавол ополчился не только на его

имя, но и на его жизнь.

– Приехал сюда один офицер и стал требовать от меня записку в том, что я согласен на его брак с одной девушкой, очень религиозной, но мне незнакомой. Он хотел обманом жениться. Я категорически отказался дать такую записку. Даже надписать Св. Евангелие. Тогда тот начал кричать на меня, наконец выхватил пашку из ножен и стал ею размахивать, наступая на меня, а я, – говорит Батюшка, – скрестив руки, стою перед ним. Он махал, махал, но никак не мог меня задеть. С ругательством вложил пашку в ножны и побежал, но в безумии своем не мог найти выход из Скита. Встретив одного монаха, он велел вывести его из Скита и проводить до гостиницы; тот сказал, что не имеет права выходить без благословения старца. Тогда офицер выхватил револьвер и заставил его идти с ним. Конечно, я мог бы возбудить дело против него, я знаю, какого он полка, и мог бы написать в офицерский суд, но это не наше дело, это не монашеское дело, мы должны сказать: да будет воля Божия.

Потом Батюшка сказал:

– Пойди в келлию отца Нектария и скажи,
что я прислал тебя.

Оптина Пустынь.
Разлив р. Жиздры.
Июнь 1909 г.

В день отъезда Батюшка служил в Скиту Литургию и затем прощался с братией у себя. Прощание было трогательное, почти всем он кланялся в ноги, а некоторым, поклонившись, не хотел и вставать. Много было слез. В три часа совершил напутственный молебен и отправился на вокзал: вещей у него было – один маленький ручной саквояжик. Погода была отчаянная, поднялась страшная вьюга с мокрым снегом. Прямым путем на вокзал нельзя было ехать, так как река Жиздра разлилась. С большой опасностью перебрались мы через реку. С Батюшкой до вокзала провожать на маленьком пароме поехал его духовник и о. Нектарий. Я ехал вместе с духовником Батюшки, о. Феодосием. Он был поражен смирением о. Варсонофия и всю дорогу умилялся. Ехали мы до вокзала, вместо обычного часа, три с половиною часа. Дорогою Батюшка совсем околел. Благодарение Богу, что поезд опоздал и Батюшка мог согреться чаем. Билеты по распоряжению Батюшки были взяты третьего класса. Но

при пересадке я уговорился с обер-кондуктором и не дал Батюшке войти в третий класс, и вместе с двумя келейниками поместились мы в купе второго класса. Дорогой Батюшка почти не спал, но при этом почти не говорил ничего. По приезде в Москву Батюшка направился на подворье, в котором жил епископ Анастасий³⁶⁵. При встрече с епископом Батюшка поклонился ему в ноги. В этом подворье Батюшка прожил шесть-семь дней, пока епископ не возвел его в сан архимандрита.

Я жил в Москве у своих родных и каждый день приходил к Батюшке. Вместе с ним и келейниками мы обошли все святыни города Москвы и приложились к ним. Однажды, возвращаясь от часовенки св. Пантелеимона, Батюшка шел впереди, а я сзади. Вдруг меня останавливает одна незнакомая барышня, очень хорошо одетая, и спрашивает, не отец ли это Варсонофий. Я сказал:

– Да.

Она была удивлена, как Батюшка мог очутиться в Москве. Я в кратких словах рассказал ей, как это случилось. Она забежала вперед и приняла от него благословение и затем проводила до квартиры. Тут, возле ворот, Батюшка велел ей подождать, сам же вошел в столовую, выбрал лучший апельсин и велел мне отнести барышне, но прежде спросил меня:

– Кто эта барышня?

Я ответил, что не знаю. Но Батюшка сказал:

– Ты должен это знать, отнеси апельсин и проводи ее домой.

Я вышел из ворот, передал апельсин и желание Батюшки. Она меня спросила, где я живу.

– Ну, – сказала она, – это и мне по дороге.

Сели мы в один трамвай, он довез меня до моего места, а она поехала дальше. При прощании дала мне номер телефона и просила

³⁶⁵ Анастасий (Грибановский, † 1965), епископ Серпуховской, викарий Московской епархии в 1906–1914 гг. Впоследствии митрополит, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. – *Примеч. ред.*

сообщить ей, когда Батюшку будут возводить в сан архимандрита. Я обещал ей все это сделать и в точности исполнил. Она была в церкви и просила меня передать Батюшке фрукты. На следующий день Батюшка поехал на новое место служения в город Коломну, в Голутвин монастырь.

Когда подъезжали к Коломне, то из окон вагона был виден монастырь. И Батюшка, смотря на монастырь, перекрестившись, сказал:

– Вот здесь мое место упокоения; мне недолго осталось жить, так как приходится нести последние испытания. Исполняется последняя заповедь блаженства: *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжущи, Мене ради* (Мф. 5, 11). При этих словах что-то острое кольнуло в сердце и стало тяжело; но Батюшка смотрел бодро. На вокзале были уже монастырские лошади. Нас встретил эконоом монастыря с золотым наперсным крестом. Он сел с Батюшкой, а я в следующий тарантас с батюшкиным келейником. Еще было далеко до монастыря, как там уже начали перезванивать во все колокола. Батюшка сразу пошел в церковь. Тут собралась вся братия. После молебна Батюшка приветствовал всех и пошел осматривать помещение. При осмотре он везде нашел упущения и даже разорение. Гостиница была не устроена.

– Что же мне делать, – говорит Батюшка, – где же я помещу приезжающих богомольцев?

И вот он велел мне и келейникам ехать в город и купить кроватей, материала для матрацев и подушек и сшить их.

– Денег, – говорит Батюшка, – у меня нет, но найдутся добрые люди, поезжайте.

И вот – дивное дело. Мне, человеку в студенческой форме, дают и кровати, и материал без всякого разговора, с полной готовностью, и без копейки денег. Правда, был со мной келейник батюшкин, но его и меня никто не знал. По приезде в монастырь я принялся шить матрацы и набивать их волосом и работал целый день. Так

как гостиница была не устроена, то я помещался в квартире Батюшки. Батюшка сам был вместо будильника: в 12 $\frac{1}{2}$ часов ночи он приходил и будил меня и заставлял вместе с келейником читать полунощницу и монашеские правила. Это продолжалось часа два. Потом я опять ложился. Но в 5 $\frac{1}{2}$ часов Батюшка опять меня будил, чтобы я собирался с ним вместе к ранней обедне. Так продолжалось около недели. В первое время было очень много работы, и я исполнял роль келейника, убирал комнаты, проветривал. Большие реформы произвел Батюшка и во внутреннем строении монастыря. Установил обязательное посещение церковных служб и сам являлся примером. Раньше и в трапезную не все ходили, а иеромонахи и не заглядывали. Имели при келлиях свои кухни. Эконом так имел повара. Батюшка запретил готовить что-либо на дому, и должны были все есть общую пищу и в определенное время. Когда Батюшка пришел по звонку в трапезную, все простые монахи удивились, что он так близок к ним. Пища была невозможная. Щи были из прелой капусты и рыбы с запахом. Эконом не пришел в трапезную, но Батюшка послал за ним послушника и заставил его есть обед из тех продуктов, которые тот покупал. Эконом отворачивался, а Батюшка его уличал. Недаром эконом носил шелковые рясы, и в его комнате можно было увидеть золотых рыбок.

– Как можно, – говорил Батюшка, – давать такую пищу, такую заразу..

Сразу весь дух монастыря переменился. Батюшка позаботился об одежде и пище монахов, и монахи, увидя такое отеческое отношение настоятеля, не чуждались его, но приходили с любовью и доверием, открывали ему свои души; а он начал их врачевать. Был там один алкоголик иеродиакон; благодаря любви и стараниям Батюшки он умер, как великий христианин. Батюшка своим смирением его возродил. И вообще через два месяца монастырь стал неузнаваем. Много рабочих из Коломенского завода стали приходиться к Батюшке искать утешения. Батюшка благословил открыть при монастыре

школу и обучать детей рабочих христианской жизни. Но не суждено было этому осуществиться.

Меня одолевали все разные болезни. В начале 1913 г. приехал я в Голутвин с больным горлом. Батюшка посмотрел на меня и говорит:

– Жениться тебе надо, и пройдут все твои болезни. – Я посмотрел на него удивленно. Я совсем не думал о женитьбе.

– Есть у тебя невеста? – спросил он.

– Нет, Батюшка.

– Ну, так вот я тебе посватаю одну девушку, чудную. Она в монастырь собирается. Ты видел ее, должно быть. Она так смиренно в темном платочке ходит. Нужно, чтобы она в миру жила и воспитывала благочестивых и честных людей... Нравится ли она тебе? Ведь ты с ней виделся в Москве.

– Да, Батюшка, она мне в Москве понравилась, а здесь я ее не узнал!

– Подвигом постным она себя изнурила. И вот я решил так: завтра утром, за ранней обедней, я буду молиться о вас перед жертвенником, и – что Господь мне откроет. Если угодно Ему мое желание, то я призову ее на клирос, и поговорю с ней относительно тебя и ее самой, а пока ничего не буду говорить...

Такое решение Батюшки меня ошеломило, и я, взволнованный, ушел к себе в гостиницу, намереваясь на следующий день сходить к ранней обедне. Велел гостинику разбудить меня вовремя. Когда стали благовестить, тот постучал ко мне. Я вскочил, скорее начал одеваться... И что же? Мне казалось, что я оделся тотчас же и пошел в церковь. Подхожу к церковным дверям, а те заперты. Спрашиваю первого монаха, почему церковь заперта. Потому, говорит, что служба отошла. А который час сейчас? Одиннадцать часов! Как? Я сейчас только одевался к ранней обедне! Я чуть с ума не сошел – потерял чувство времени, и тотчас же побежал к Батюшке. Я мог входить к нему во всякое время. Келейник впустил меня и сказал, что Батюшка

сейчас отдыхает, но скоро выйдет. Я сел в приемной и волнуясь не знаю как. Спустя минут двадцать вышел Батюшка. Помолился, благословил меня и посадил рядом. Я с испугом говорю Батюшке, что потерял чувство времени. Уснул ли я, потерял ли я сознание – никак понять не мог. А Батюшка и говорит:

– Так и должно быть, в таких вещах любопытствовать нельзя.

И начал мне рассказывать про Серафима Саровского. Я волнуясь, хочу узнать результат, беседовал ли он с этой девушкой, а он испытующе посмотрит на меня и продолжает говорить про Серафима Саровского.

– Пришел к преподобному Серафиму один молодой человек и просит благословения у Преподобного на брак с девушкой, которая осталась в деревне. А преподобный Серафим говорит: “Твоя невеста здесь, в монастыре, ты ее встретишь при входе в гостиницу”. Тот был удивлен и говорит, что ее здесь нет. “Твоя невеста сделалась невестой Христовой, а ты женишься на другой”. Придя в гостиницу, он действительно встретился с одной девушкой, которая пристально на него посмотрела. Войдя в комнату, он нашел на столе письмо, где сообщали, что невеста его нервно заболела и умерла. Он побежал к преподобному Серафиму и со слезами поведал свое горе. И Батюшка устроил новый брак. Вот как воля Божия исполняется.

– Теперь я скажу относительно тебя: как я говорил, я молился перед жертвенником, и после обедни позвал А.С. на клирос. Я охарактеризовал ей тебя, сказал, что я ручаюсь за тебя и хочу вас обоих познакомить ближе. Она и слышать не хочет о замужестве, я ее долго убеждал и предупреждал, что в монастыре она погибнет. Тогда она смирилась и сказала: “Ваша воля, Батюшка, вы знаете лучше”. Я ей назначил час свидания в приемный час, в три часа, также и тебе заповедаю прийти в три часа.

Пошел я к себе в гостиницу и при входе столкнулся с А.С. Она сразу вся покраснела, наклонила голову и прошла мимо меня, и сейчас же вспомнились мне слова Батюшки, как бы от преподобного Сера-

фима: “А при входе в гостиницу ты встретишь свою невесту”. И вот оно так сбывалось. И для чего она, думаю я, пошла в гостиницу (ибо она жила в поселках близ монастыря). Оказалось, что как раз и ее брат со своей невестой приехал просить у Батюшки благословения.

В три часа я пошел в батюшкину приемную. Народу собралось там довольно много. Я сел подальше, в уголок. Пришла и будущая моя невеста с братом, и сели далеко от меня. Посредине стояла женщина с юношей лет 17-ти. С большой печалью на лице она ожидала Батюшку. Наконец, Батюшка показался в дверях. Прежде всего, как он имел обыкновение делать, подошел к образу, помолился, а потом стал всех обходить и благословлять. Благословил меня, по очереди, и пошел дальше. Тут женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась к Батюшке со словами:

– Батюшка, помолитесь! Измучилась я со своим сыном, излечила на него все состояние, а он все остается глухонемым, и так сделалось с ним с 12 лет.

Батюшка благословил, посмотрел на него и говорит:

– Согрешил он одним великим грехом, и ему покаяться и говеть нужно, и снова он будет слышать и говорить.

Мать даже огорчилась тут за сына: как, ведь он примерный мальчик, мог ли он согрешить в 12 лет! Батюшка обратился к юноше и спросил:

– Ты помнишь, что ты сделал? – Тот в недоумении качал головой.

– Да ведь он, Батюшка, не слышит, – говорит мать.

– Да, тебя не слышит, а меня слышит.

Тогда Батюшка наклонился и шепнул ему что-то на ухо, и у того широко раскрылись глаза – он *вспомнил*. Через неделю юноша был здоров.

После разговора с женщиной Батюшка подошел ко мне, взял меня за руку и повел, подошел к моей невесте, взял ее другой рукой и повел обоих в исповедальную. Она очень стеснялась, а он ее

подбадривал. Брат ее глазам своим не верил. (Он знал, что она бесповоротно собралась в монастырь.) Поставил нас Батюшка перед аналоем, соединил наши руки, покрыл епитрахилью своей и стал про себя молиться. Потом он обернулся к нам и сказал:

– Вот вам мое желание, познакомьтесь поближе, и если вы друг другу подойдете, то Бог да благословит ваш брак.

И затем, обратившись к моей невесте, сказал:

– А тебе заповедаю каждый день в пять часов приходиться к В.В. и угощать его чаем. И вы открывайте души свои друг другу.

Потом он нас отпустил, призвал ее брата, который в этот же день уезжал обратно в Москву.

День, в который совершился этот сговор, был для меня замечательен. Это был день смерти моей родной матери 1 февраля. Ровно за год до этого я был в Оптиной и сказал Батюшке, что сегодня день смерти моей матери. Он встал тогда перед образом и начал молиться. Потом, повернувшись ко мне, говорит:

– Смотри, как она кивает головой и как благодарит за то, что ее сын не забыл ее, а вспомнил и помолился. Ты видишь ее радость?

– Батюшка, я ничего не вижу.

А Батюшка смотрит на образ и будто разговаривает. Так вот, прошел год после этого случая, и опять у меня событие. Безусловно, тут было и благословение матери.

В продолжение нескольких дней Анна Сергеевна приходила ко мне в пять часов. Беседуя друг с другом, мы срослись душой. Беседа продолжалась до 10 часов вечера, и я ее провожал домой. Каждый день мы сообщали Батюшке о своей беседе, а он мне говорит:

– Как у меня душа радуется, что так случилось. Но надо все-таки тебе познакомиться с ее родителями. Там будет скоро свадьба у брата Анны Сергеевны, пускай они пришлют тебе приглашение.

Потом Батюшка велел отвези ее в Москву и после свадьбы брата съездить вместе с нею к преподобному Сергию в Троице-Сергиеву Лавру. Батюшка очень почитал преподобного Сергия³⁶⁶.

Я исполнил батюшкино желание, отвез свою невесту в Москву и по получении приглашения приехал на свадьбу... После этого я каждую неделю стал ездить из Петербурга в Москву. Наша помолвка была объявлена. Мы побывали с невестой в Троице-Сергиевой Лавре. И тут, во время молебна, так близко чувствовалось присутствие живого преподобного Сергия, что меня охватила жуть. То же самое чувствовала и моя невеста. Чувствовалось особое единение. Недаром Батюшка направил нас сюда. Настроение было мое радостное. Вдруг получаю телеграмму в Петербург, что Батюшка очень серьезно заболел. Я тотчас же бросил дела, выехал в Голутвин. Батюшка был плох. Он лежал на кровати; при моем приходе сел и меня посадил рядом с собой, обняв рукой. С большим интересом он начал меня расспрашивать о приготовлениях к свадьбе.

– А были ли у преподобного Сергия?

– Да, Батюшка, были, и я ощущал трепет.

– Ну, теперь, значит, все благословлено, и вот через три дня, на Благовещение, пускай будет у вас обручение, а на Красной горке – свадьба, в Петербурге. А после свадьбы – первый визит ко мне.

Тут он задумался, видимо, чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества...

– Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее. Да, великая благодать дается старчеству – это *дар рассуждения*. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них

³⁶⁶ И земная жизнь о. Варсонофия закончилась в обители, основанной Преподобным.

не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь... Когда у тебя будут дети, учи их музыке. Но, конечно, настоящей музыке, ангельской, а не танцам и песням. Музыка способствует развитию восприятия духовной жизни. Душа утончается. Она начинает понимать и духовную музыку. Вот у нас в церкви читают шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из церкви. А ведь не понимают и не чувствуют они, что шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение. Не понимают люди этого. Сердце их каменно. Но музыка помогает почувствовать всю красоту шестопсалмия.

Тут Батюшка опять задумался.

– И вот как я рад, что пристроил тебя. Да поможет вам Господь и да укрепит вас. Болезнь моя мешает мне очень...

Я видел, что Батюшка очень устал, пожелал ему здоровья и попросил благословения на отъезд. Я не знал, что он так близок к смерти, и думал, что он еще поправится, а его через шесть дней не стало.

Только я успел после обручения вернуться в Петербург, как поехал обратно на похороны Батюшки. Все наше свадебное радостное настроение расстроилось. Стоял Батюшка в храме восемь дней. Он заповедал: пока не появится запах тления, не хоронить его. Отпевал его епископ Анастасий³⁶⁷, который поклонился перед гробом в землю и заплакал, что земля лишилась мудрого наставника. Вместе с епископом плакал и весь храм. После отпевания Батюшку повезли на похороны в Оптину Пустынь. Желание Батюшки исполнилось. Прах его упокоился в Оптиной Пустыни.

Я проводил Батюшку только до Москвы; мне надо было держать экзамен, и я отправился в Петербург. На Красной горке, по завещанию Батюшки, состоялась наша свадьба. По случаю траура о Батюшке никаких танцев не было, и в тот же день, вечером, я с

³⁶⁷ Неточность: старца Варсонофия отпевал митрополит Трифон (Туркестанов). – *Примеч. ред.*

женой отправились в Оптину на могилу Батюшки, отдать ему первый свадебный визит.

Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, поговорили и спрашиваем служившего иеромонаха:

– Кто теперь старчествует?

– Отец Нектарий, – ответил тот.

Тут-то я и понял, почему о. Варсонофий, покидая Скит, послал меня к о. Нектарию: чтобы я с ним познакомился поближе; он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти».

На этом заканчиваются записки о. Василия, касающиеся старца Варсонофия. Духовная связь их продолжалась и продолжается, как мы увидим ниже.

Итак, угас великий Старец и упокоился в своей любимой Оптиной Пустыни. Когда-то, восхищаясь Оптиной, он писал:

Мирской ярем нося, и скорбный совершая
Средь мрака и стремнин тернистый жизни путь,
Сподобился я видеть отблеск рая...
Наследие веков, сосновый темный бор
По сторонам ее раскинулся дремучий;
В нем тишина, безмолвию простор,
Свобода полная для чувств святых и дум;
Лишь слышен там порой деревьев шум,
Когда вершины их колеблет ветер летучий.
Ясней здесь небеса и чище их лазурь...³⁶⁸

Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль –
Страны живых, страны обетованья...³⁶⁹

³⁶⁸ Преподобный Варсонофий Оптинский. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. С. 454. – *Примеч. ред.*

³⁶⁹ Там же. С. 458. – *Примеч. ред.*

Глава XV

СТАРЕЦ ФЕОДОСИЙ

Ближайшим учеником о. Варсонофия был о. Феодосий, назначенный на его место скитоначальником и старцем оптинской братии. Сведения о житии его немногочисленны.

Из книги «Немногочеловек» архимандрита Антония (Медведева)³⁷⁰, мы узнаем некоторые черты из жизни о. Феодосия.

«...Про него рассказывали, что он, любя читать акафист Божией Матери, желал знать его наизусть. И когда скончался его наставник, старец Феодосий, завернувшись в его одеяло, вдруг стал читать на память Богородичный акафист, получив этот дар, как Елисей с милостью Илииною».

Несколько кратких черт из жизни о. Феодосия мы почерпаем из устных рассказов шамординской монахини матери Александры (Гурко), как например, о вере о. Феодосия в святость его покойного Старца. Собрался он как-то раз в Калугу, по делам к архиерею. Второпях он не обратил внимания на рясу, которую ему подал его келейник, и тот уже в пути сознался, что подал ему рваную рясу. Отец Феодосий не только не огорчился, но даже обрадовался: ряса принадлежала его Старцу, и о. Феодосий счел этот случай за доброе предзнаменование. И действительно, дело его окончилось так, как он хотел.

Отец Феодосий, будучи духовным сыном о. Варсонофия, был его же духовником. Однажды приходит о. Феодосий к Старцу:

– Батюшка, вот к вам ваш сынок пришел!

– Какой он мне сынок, – возразил, улыбаясь, Старец, – мы с ним ровня.

³⁷⁰ Антоний (Медведев, † 2000), архим., с 1968 г. архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. – *Примеч. ред.*

Улыбнулся и сам о. Феодосий. Оба они знали, что он был именно «сынком» и относился к Старцу с младенческим смирением.

После кончины о. Варсонофий являлся многим из живших в Скиту монахам. Отец Феодосий сильно огорчился, что не удостоен был такого видения. Однажды он прилег на койку днем во время послеобеденного отдыха и вдруг увидел, что прямо против него сидит покойный Старец и пристально на него смотрит. Отец Феодосий не мог пошевелинуться от чувства благоговейной радости. Видение продолжалось довольно долго и оставило надолго в келлии

Феодосий (Поморцев),
старец Оптинский

ощущение благодати, которое сопровождало чудесное видение.

Подобно своему Старцу о. Феодосий обладал редким даром рассуждения. Так же, как и он, о. Феодосий отдавал много времени интеллигентной молодежи. И.М. Концевич присутствовал при том, как о. Феодосий поучал молодых художников, наставляя их против модернизма в живописи. Среди них был молодой Л.А. Бруни³⁷¹.

Следующие рассказы характеризуют отношение старца о. Феодосия к подчиненным ему скитским братьям. Надо сказать, что мать его схимонахиня Анна была похоронена на скитском кладбище. У братии сложилась вера, что мать Анна имеет дар смягчать гнев своего сына на милость в случае всяких провинностей... Поэтому они ходили на кладбище молиться на ее могилу. Однажды скитоначальник сильно пробрал за какую-то вину одного из братии. Тот бросился на кладбище просить заступничества у монахини Анны.

³⁷¹ Бруни Лев Александрович (1894–1948) – русский художник. С 1923 по 1935 г. проводил каждое лето вблизи Оптиной Пустыни. Был духовным сыном Оптинского старца Нектария. – *Примеч. ред.*

Возвращаясь оттуда, он встретил своего только что прогневанного начальника.

– Где ты был? – строго спросил его о. Феодосий.

– У матушки Анны, – пробормотал испуганный брат.

Отец игумен зорко на него посмотрел, осенил его крестным знаменем и прошел молча дальше. О провинности брата он больше не упоминал и вернул ему прежнее благоволение.

В другой раз сильно провинился другой скитский монах. Отец Феодосий сделал ему строгое внушение. Виноватый брат всю ночь не спал, размышляя, как бы ему вымолить прощение. Вдруг под утро дверь его кельи открывается, и к нему входит сам скитоначальник. Не успел перепуганный монах вскочить со своей койки, как Старец упал ему в ноги, прося у него прощения. Монах так и обомлел! Оказалось, что батюшка о. Феодосий, заметив его горе и раскаяние, сам не спал всю ночь, жалея его и упрекая себя в чрезмерной строгости.

Из жизни о. Феодосия известен единственный случай, когда он не поладил с новым Оптинским настоятелем о. Исаакием Вторым. Продолжалось это недолго. Приходит батюшка о. Феодосий к настоятелю и сообщает ему виденный им сон: оба они стояли на коленях перед покойным схимонахом Николаем – отцом настоятеля, – причем умерший на них грозился. Задумался о. Исаакий и произнес одно слово: «Чует». Больше недоразумений между ними не было никогда. С виду высокого роста, полный, тихий и сосредоточенный, о. Феодосий слыл мудрецом. Говорил басом, был смуглый, с проседью. Когда-то, говорят, был келейником у старца Нектария. К нему мало людей ходило. Тяжело переживая революционное лихолетье, доставшееся на его долю скитоначальничества, он скончался в 1920 году.

Глава XVI

СТАРЕЦ АНАТОЛИЙ МЛАДШИЙ

СТАРЧЕСТВО ОТЦА АНАТОЛИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ

«В 1903 г. я должен был ехать на призыв в воинское звание из Петербурга на родину, в Белев Тульской губернии. Поехал я со своим сверстником и товарищем Илюшей Картошкиным. Добрый он был юноша, но не знал духовной жизни, а тем паче монашеской. Говорю ему:

– Илюша, хочешь со мною заехать в Оптину Пустынь, посмотреть монастырь, монашество, великих старцев?

Тот отвечает:

– Да, я ничего ни о монашестве, ни о старцах не знаю, я готов.

Прибыв в город Козельск Калужской губернии, в пяти верстах от Оптиной, мы пошли пешком через прекрасный, покрытый зеленью луг. Он раскинулся перед нашим взором, как прекрасный ковер, украшенный разноцветными цветами. А на склоне горы над рекой Жиздрой виднелась Оптина – эта великая пустынь, Фиваида наша, Заиорданье...

Подошли к Жиздре. Там паром нас ждал, готовый переправить нас через реку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вот вступаем на почву святой обители, где все овеяно трудами, подвигами оптинских пустынножителей, их слезами и молитвой – непрестанной... Сойдя с парома, идем по шоссе к гостиницам; их было шесть. Все было занято, но так как у нас было рекомендательное письмо от баронессы О.П. Менгден, почитательницы старцев, то отвели нам скромный номер, на всякий случай оставленный. Спрашиваем, как пройти в Скит к старцу Анатолию. Тогда он был еще иеродиаконом, но к нему уже ходили за советами и указаниями. Идем к Старцу через монастырский фруктовый сад, минуем ограду монастырскую,

попадаем в монастырский лес – сосновый, величественный, деревья в два-три обхвата. Идем дорожкой, ведущей прямо в Скит.

Вот, наконец, подходим. Видим колокольню Скита. Направо – хибарка. Это дом, где жили великие старцы Оптинские. Еще направо – домик скитоначальника. Подходим к воротам. Стучим. Выходит согбенный монах:

– Что вам надо?

Отвечаем, что пришли передать письмо от О.П. Менгден старцу Анатолию.

Последний принял нас с любовью. В беседе с ним открылся нам дар его прозорливости... На всю жизнь осталась память об этой беседе...

После сего я каждый год посещал Оптину и старцев Пустыни, и память об этих посещениях до сего времени укрепляет и утверждает меня, грешного, в вере и благочестии».

От этого радостного впечатления будущего канадского миссионера архимандрита Амвросия (Коновалова) веет свежестью полевых цветов, солнцем юности и жизнерадостности. Таков и духовный облик великого Оптинского подвижника старца Анатолия (Потапова) по прозвищу «младшего», в отличие от скитоначальника Анатолия «старшего» Зерцалова. Хотя он и вошел в историю оптинского старчества как один из самых известных и любимых старцев, однако биографических сведений о нем почти нет. Но и то малое, что ныне предлагается, чуткому сердцу должно указать на великое.

С юных лет возжелал Александр Потапов стать монахом и уйти в монастырь. Но мать его этого не хотела, и он, подобно преподобному Сергию Радонежскому, поступил в монастырь только после ее смерти. Многие годы он провел в Скиту келейником у великого Амвросия и после его смерти, будучи еще иеродиаконом, уже старчествовал в Скиту и вскоре стал общепризнанным старцем Оптиной Пустыни.

Протоиерей Сергей Четвериков в своей книге об Оптине пишет об о. Анатолии: «Мне пришлось быть у него в 1905 г. в его маленькой,

тесной келлии в глубине Скита. Рядом с ним, в другой келлии, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем за самоваром у о. Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрой речью, увлекающийся, любовный о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в Скиту, а в монастыре, при церкви Владимирской иконы Божией Матери, и пользовался уже большой известностью, как общепризнанный старец. Около него уже создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять – с удержанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых Оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число его посетителей»³⁷².

С юных лет впитал он дух Оптинского подвижничества – суровое напряженное бодрствование духа, скрытого в своей келлии, той расщелины в скале, где Господь говорил к Моисею, по выражению преподобного Исаака Сирина, с одной стороны, и с другой – простое, искреннее отношение ко всему внешнему, видимому, как к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители

Прп. Анатолий (Потапов),
старец Оптинский

³⁷² Четвериков С., прот. Оптина Пустынь. Париж, 1926. С. 97–98. – Примеч. ред.

с ее богослужением, старцами, насыщенной духовно-просветительной деятельностью воспитали в нем внутренне великого аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, а внешне – выдающегося общественного деятеля, воспитавшего тысячи русских душ в основе истинно христианского благочестия. Неспроста он высоко ценил святителя Тихона Задонского и, как величайшую драгоценность, дарил людям его книгу «Об истинном христианстве»³⁷³. Уже почти полвека спустя один его духовный сын с трепетом вспоминает: «Еще в 1921 г., благословляя меня на пастырство, старец Анатолий сказал мне:

– Возьми “Истинное христианство” Тихона и живи по его указанию»³⁷⁴.

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, отец Анатолий властно руководил монашеской внутренней жизнью. Откровение помыслов – самое сильное оружие в руках духовника и старца. Пишущему эти строки не раз приходилось присутствовать в Оптиной Пустыни, когда старец иеросхимонах Анатолий принимал от монахов исповедание помыслов. Эта сцена производила сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к Старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что Старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивое приращение помыслов. Все уходило успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день – утром и вечером. Поистине, житие в Оптиной было беспечальное, и действительно, все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные.

³⁷³ *Тихон Задонский, свт.* Об истинном христианстве. СПб., 1785. Ч. 1–6 (1-е изд.). – *Примеч. ред.*

³⁷⁴ Православная Русь. 1969. № 18.

Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять все его значение.

Настроение святой радости, охватывающее все существо принесшего исповедь старцу, описывает один древний инок в таких словах: «Я исполнился неизглаголанной радости, чувствуя свой рассудок очищенным от всякой скверной похоти. Я наслаждался толикой чистотой, что невозможно сказать. Свидетельствует об этом сама истина, и я укрепился твердой верой в Бога и многою любовью... Я был бесстрастным и бесплотным, осененным Божиим просвещением и созданным Его велением»³⁷⁵.

С посетителями обход был такой. Обычно о. Анатолий выходил в сени и благословлял каждого коротким, быстрым крестным знаменем, слегка ударяя вначале несколько раз по лбу пальцами, как бы внедряя и запечатлевая крестное знамение. Маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях, он, обходя всех, отвечал на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых отдельно для беседы у себя в келлии. Любовь и ласковость обращения привлекали всегда к о. Анатолию толпы людей. Помню, как во время своей болезни о. Анатолий, не выходя из келлии, только подошел к окну и сквозь стекло благословлял стечение народа, сосредоточенное снаружи у окна. Увидев его, вся толпа припала к земле.

У него была грыжа, и часто он принимал, сидя на маленькой скамеечке, а люди наклонялись, подходя вроде очереди. Батюшка постучит по лбу – «цок, цок, цок» и благословит. Тем временем на дворе опять набралось народу, ждут благословения. Ему келейники говорят: «Батюшка, отпустите людей». Встанет к окошку своей кельички и благословит. Народ молча и чинно с благоговением расходится. И на сердце тихо, тихо и мирно.

«Подле келлии о. Анатолия толпился народ, – описывает князь Н.Д. Жевахов, посетивший Оптину Пустынь почти накануне революции в связи со своим назначением товарищем обер-прокурора

³⁷⁵ Палестинский патерик. Вып. 2. С. 95–96.

Святейшего Синода. – Там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собой своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много на лечение... Одна надежда на батюшку Анатолия, вымолит у Господа здравие неповинным.

С болью в сердце смотрел я на этих действительно неповинных, несчастных детей, с запущенными болезнями, горбатых, искалеченных, слепых... Все они были жертвами недосмотра родительского, все они росли без присмотра со стороны старших, являлись живым укором темноте, косности и невежеству деревни... В некотором отдалении от них стояла другая группа крестьян, человек восемнадцать, с зажженными свечами в руках. Они ждали собороваться и были одеты по-праздничному. Я был несколько удивлен, видя перед собой молодых и здоровых людей, и искал среди них больного. Но больных не было: все оказались здоровыми. Только позднее я узнал, что в Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духом люди, придавленные горем, житейскими невзгодами, страдающие запоем... Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где Истинный Врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовную лечебницу, и никогда их вера не посрамляла их, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвою и беседами со старцами.

Вдруг толпа заволновалась, все бросились к дверям келлии. У порога показался о. Анатолий. Маленький, сгорбленный старичок, с удивительно юным лицом, чистыми, ясными детскими глазами, – о. Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Я давно уже знал Батюшку и любил его. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы о. Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старичок Божий не вывел бы свою опытную

рукою заблудившихся в дебрях жизни, запутавшихся в сетях сатанинских... Это был воистину “старец”, великий учитель жизни. При виде о. Анатолия толпа бросилась к нему за благословением, и Старец медленно, протискиваясь сквозь толпу народа, направился к крестьянам, ожидавшим соборования, и приступил к Таинству елеосвящения. Я улучил момент, чтобы просить о. Анатолия принять меня наедине.

– Сегодня, в четыре часа, пред вечерней, – ответил на ходу о. Анатолий.

В начале беседы я сказал Старцу:

– Иной раз так тяжело от всяких противоречий и перекрестных вопросов, что я боюсь даже думать... Так и кажется, что сойду с ума от своих тяжелых дум...

– А это от гордости, – ответил о. Анатолий.

– Какая там гордость, Батюшка, – возразил я. – Кажется мне, что я сам себя боюсь; всегда я старался быть везде последним, боялся людей, сторонился и прятался от них...

– Это ничего; и гордость бывает разная. Есть гордость мирская – это мудрование; а есть гордость духовная – это самолюбие. Оно и точно, люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагают да от него всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, братья не за свое дело.

Бери от него то, что он может дать, а большего не требуй... Наш учитель – смирение. *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4, 6). А благодать Божия – это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись и скажи себе: “Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мной воля Божия”. Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как подобает истинному христианину, положишься на Господа, с твердым намерением безропотно подчиняться воле Божьей, какова бы она ни была, тогда рассеются пред тобою тучи, и выглянет солнышко, и осветит тебя и согреет,

Храм прп. Марии Египетской

и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе.

Я почувствовал, как затрепетало мое сердце от этих слов... “Как глубоко и как просто”, – подумал я.

Отец Анатолий между тем продолжал:

– Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же нам бояться да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать да разгадывать... Чем сложнее и труднее жизнь, тем меньше нужно это делать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами... Оттого и трудною стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что вместо того чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму да на него полагаться... Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких

Владимирская церковь
и Введенский собор

испытаний – все это посещения Божии, тебе же на пользу. Пред кончиною своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу»³⁷⁶.

ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ «ТИХОГО ПРИЮТА ДЛЯ ОТДЫХА СТРАДАЮЩЕЙ ДУШИ»

(Из книги В.П. Быкова)

Помимо главных трех храмов: Введенского, во имя преподобной Марии Египетской и в честь Казанской иконы Божией Матери «есть еще один храм в Оптиной Пустыни – храм в честь Владимирской Богоматери. Он представляет собой для мирских людей главный интерес тем, что при этом храме находится келлия самого популярного

³⁷⁶ Вероятно, *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора. Мюнхен, 1923. – *Примеч. ред.*

из старцев нашего времени – о. Анатолия. Так как этот Старец принимает почти без перерыва и ограничения времени всех, то этот храм бывает почти всегда открыт и постоянно переполнен народом. Бывает нередко так, что в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а около храма в честь Владимирской Богоматери, где келлия старца Анатолия, сидит много народу и ожидают очереди приема... Принимает он, кажется, во всякое время дня, до глубокой полуночи. Так что приходится удивляться, как управляется со своей тяжелой обязанностью этот маленький, тщедушный, богоугодный старичок.

Отличительной чертой этого поистине Божия человека служит его изумительно любовное отношение к людям.

И, глядя на него, невольно хочется воскликнуть: “Какое это великоеместилище любви!”

Вечно приветливый, постоянно ласковый, изумительно сердечный, готовый, кажется, всего самого себя, всю свою душу, всю свою жизнь отдать тому, кто приходит к нему с той или другой нуждой, с той или другой скорбью...

Когда я приехал к Старцу, у него была, как всегда, масса народу. Здесь я встретил совершенно случайно одного своего доброго знакомого...

Разговорились, оказывается, он иногда посещает этого “святейшего из святых при жизни” Старца. Старец Анатолий, помимо слов назидания, привета, любви, очень часто дает посетителям книжечки, которые почти всегда или своим названием, или своим внутренним назиданием отвечают на какой-либо запрос, на какую-либо нужду посетителя, и, присматриваясь к этой раздаче, можно наблюдать феномены провидения Старца в даль грядущего.

Среди никогда не прерывающейся цепи ожидающих приема посетителей всегда идет живой обмен впечатлениями, мыслями по поводу какого-либо предсказания или указания Старца.

Вот, направо, вслушиваемся в рассказ одного крестьянина. Рассказчик, очевидно, здешний ямщик.

– Вот всегда обращаюсь к этому дорогому батюшке. Он мне в трудные минуты все равно, что Ангел-хранитель – как скажет, так уж точно обрежет. Все правильно, по его так и бывает. Я никогда не забуду такой случай. Отделился я от отца, вышел из дому. Всего в кармане денег 50 руб. Жена, ребяташки, а сам не знаю, куда и голову приклонить. Пошел к эконому здешнего монастыря, леску на срок попросить; обитель-то здешняя, дай им Бог доброго здоровья, все-таки поддерживает нас. Возьму, думаю, у него это леску, да кое-как и построюсь. Пришел, но эконом, оказывается, не тут-то было. Что ему попритчилось, Господь его знает. Не могу, – да и только. Я было и так, и сяк – ничего не выходит. Ну, знамо дело, пришел домой, говорю жене:

– Одно нам теперь бесплатное удовольствие предоставлено – ложись и умирай.

Сильно я закручинился, и первым это делом, по-нашему, по-деревенскому, рассчитал пропить все эти деньги, оставить бабу с ребятами в деревне, а самому в Москву – в работники. Но недаром говорят – утро вечера мудренее. Наутро встал, и первая мысль в голову: “Сходи к старцу Анатолию, да и только”. Делать нечего, встал, оделся, иду. Прихожу вот так, как сейчас, народу видимо и невидимо. Где, думаю, тут добратся да побеседовать; хоть бы под благословение-то подойти. Только это я подумал, ан, глядь, отворяется дверь из келлии, и выходит старец Анатолий. Все двинулись к нему под благословение. Протискаиваюсь и я. А у него, у Старца-то, такой уже обычай, когда он осеняет святым благословением, то он в лобик-то так как будто два раза ударяет и кладет благословение медленно, чинно, так что иногда за это время несколько словечек ему сказать можно. Так я решил сделать и здесь. Он благословляет, а я говорю в это время:

– Погибаю я, Батюшка, совсем, хоть умирай.

– Что так?

– Да вот так и так, – говорю, насчет дома.

Покаялся ему, что и деньги пропить решил. Ведь сами знаете, если хочешь правильный ответ от старца получить, должен все ему

сказать по порядку. Остановился это Старец, как будто задумался, а потом и говорит:

– Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь.

Еще раз благословил меня, и, верите ли, вышел я от него, как встрепанный. Совсем другим человеком стал. Ожил. Откуда и как это может случиться, что я через три недели в свой дом войду? Я и не раздумывал, а знал, что это непременно будет, потому что старец Анатолий так сказал. Так что же бы вы думали: вечером этого дня нанимает меня седок в Шамордино. Еду через деревню (следует название деревни), и вдруг меня окликает чей-то голос:

– Слушай, скажи там своим в деревне, не хочет ли кто сруб у меня купить... Хороший сруб, отдам за четвертную, и деньги в рассрочку.

Понимаете, чудо-то какое? Конечно, сруб я оставил за собою, а на другой день опять к отцу эконому; тот на этот раз был помягче, согласился. И через три недели, на четвертую-то, мы с женою ходили уж благодарить старца Анатолия из своего собственного дома... Вот он какой, старец Анатолий-то!..

И много таких рассказов раздается вокруг святой келлии этого подвижника духа.

Наконец, после долгого ожидания, распахнулась дверь келлии, вышел Старец и начал благословлять всех, находившихся здесь. Когда дошла очередь до меня, я со своей спутницей испросил разрешения побеседовать с ним несколько минут. Старец тотчас же принял меня. Мы вошли в большую, светлую комнату, украшенную, конечно, образами, портретами иноков. Старец вступил с нами в беседу.

Он, оказывается, уроженец Москвы, где у него и сейчас имеются родственники. Я ему рассказал все свое прошлое³⁷⁷, деятельность

³⁷⁷ В недавнем прошлом автор воспоминаний был редактором одного спиритического журнала «Спиритуалист: Вестник исследований в области общения с загробным миром», издававшегося в 1905–1909 гг. в Москве. После разрыва со спиритизмом выступал с духовно-просветительскими лекциями, впоследствии собранными в книгу «Тихие приюты для отдыха страдающей души» (М., 1913). – *Примеч. ред.*

своего последнего времени, переживания. Он благословил меня на дальнейшую работу в том же направлении, а затем преподал очень много удивительно ценных советов и назиданий для будущего. Во-первых, меня поразило то, что все эти советы и назидания его с поразительной точностью совпали с назиданиями и советами других старцев в прошлом году; а затем меня тронула та изумительная любовь, теплота и мягкость в обращении, которых я действительно нигде и никогда не встречал.

Какое-то чудное, неотразимое влияние оказывает он этими своими духовными качествами на человека, прямо не хочется уходить из его келлии, отрывать от упоительного созерцания той духовной красоты, находясь под влиянием которой, мне кажется, можно из самого закоренелого грешника превратиться в хорошего, чистого человека.

Каждый его поступок, каждое его движение, каждый его шаг – все как будто говорит само собою за непреодолимое желание его чем-нибудь утешить человека, что-нибудь доставить ему большое, приятное.

Если так можно выразиться, у того Старца в Оптиной Пустыни преизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то *материнской* любви.

В желании сделать приятное и мне Старец подарил мне деревянную чашу работы оптинских монахов с весьма знаменательной надписью на ней: “Бог Господь простирает тебе Свою руку, дай Ему свою”. Затем дал мне книжки: “Некоторые черты из жизни приснопамятного основателя Алтайской духовной миссии архимандрита Макария Глухарева”; потом “Учение о благих делах, необходимое для вечного спасения”; далее “Не осуждать, а молчать – труда мало, а пользы много”; “Как живет и работает Государь император Николай Александрович”; “Молитвы ко Пресвятой Богородице Нила Сорского”.

И все эти книги, когда я их потом просмотрел, действительно оказались чрезвычайно полезными и безусловно необходимыми

именно мне. Как для примера укажу на следующее: имея страшную массу работы по переписке, по подготовке к лекциям, к беседам частного характера, благодаря почти непрерывным посещениям людей, интересующихся совершившимся во мне переворотом, равно как и другими вопросами, я всегда затруднялся, как распределять свое рабочее время и свою работу; и нигде не мог найти на этот предмет прямого указания. Каково же было мое удовольствие, когда в книжке “Как живет и работает Государь император...” я увидел способ равномерного распределения работ в виде записи в начале дня их распорядка. Это сразу устроило меня и избавило от чрезвычайно неприятных затруднений»³⁷⁸.

ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА АНАТОЛИЯ

Рассказ матери Николаи

Мать Матрона (Зайцева), в пострижении в мантию с именем Николаи, ныне здравствующая в Бар-Граде в Италии, сообщила нам следующее.

«Восьми лет я осиротела, четырнадцати я ушла в монастырь по благословию одного прозорливого старца – о. Афанасия. Монастырь был бедный, а я еще беднее. Там прожила пять лет. Поехала в Оптину Пустынь за благословением переменить обитель. В то время был еще жив о. Иосиф. Я спросила его, как и куда лучше, а батюшка Иосиф сидел на диване в белом подряснике, как ангел, и смотрел в крест своих четок и сказал, что нет благословения менять обитель, а надо продолжать жить на месте. И я успокоилась, получив благословение и у о. Анатолия.

Потом поехала в 1909 г. и от радости сказала:

– Видите, Батюшка, я опять приехала?

А Батюшка мне ответил:

³⁷⁸ *Быков В.Л.* Тихие приюты для отдыха страдающей души. М., 1913. С. 125–126, 226–231.

– Это что, что приехала к нам, вот через четыре года пойдешь в Италию.

Вот тут я ничего не ответила, решив хранить это, как тайну, спросить не смела, а думать еще больше. Вот прошло два года. Поехала опять. Заехала в Калугу, там встретила блаженного Никитушку, который мне сказал, что я два года как-нибудь проживу, и велел сказать батюшке Анатолию, что я его встретила. Батюшка удивился и сказал, что он великий человек. А я говорю:

– Вот блаженный Никитушка мне сказал, что я проживу два года. Видимо, я умру.

А батюшка Анатолий отвечает:

– Нет, это не к смерти, а к перемене, через два года будет перемена. Вот наш архимандрит Варсонофий прожил 11 лет, и его перевели в Голутвин. Так и тебе будет перемена.

Но и тут я не сумела спросить, так ведь я помнила о четырех годах, как было ранее сказано, терпела и ждала.

Вот в 1913 г. комитет решил приступить к постройке подворья в Бари. Решили взять меня туда. В это время одна семья поехала в Оптиную Пустынь, с нею батюшка о. Анатолий прислал мне иконку и говорит:

– Скажите ей: ведь не верила, а вот Бог благословит, пусть едет.

Батюшка показал мне адрес, где я буду жить, но я, конечно, не помню.

Прожила год с большим трудом, пишу:

– Батюшка, благословите приехать. Здесь очень трудно, ведь я привыкла быть в монастыре.

Батюшка мне ответил:

– Бог благословит, приезжай.

Я так обрадовалась и даже не стала ждать разрешения от Палестинского Общества – так, думаю, зачем? Ведь я больше не вернусь в Бари. В то время были наши тульские паломники, я уехала в Иерусалим, а потом домой.

Через три дня была уже в Оптиной Пустыни. Прихожу к батюшке Анатолию, первое его слово:

– Ну что, побывала в Иерусалиме?

– Да, Батюшка. Вашими святыми молитвами.

– Ну, вот побудешь у нас, а потом обратно.

– Обратно? Нет, Батюшка, я больше не поеду в Бари. Я уже сдала свой паспорт, да я теперь больше не состою на службе. Ведь я уехала, не получив разрешения.

Батюшка ответил:

– Это ничего, все будет хорошо.

Прожила я в Оптиной почти две недели, и все время Батюшка говорил:

– Ведь твой дом в Бари.

А я все говорю:

– Нет, нет! Я не поеду в Бари!

Наконец, решилась сказать:

– Батюшка, ведь вы меня благословили приехать, а теперь вот надо обратно ехать.

Батюшка ответил:

– Да, очень хорошо, что приехала – нас повидаете и своих родных. Ведь ничего не знаешь, что будет.

И Батюшка сказал, подойдя к образу Божией Матери:

– Матерь Божия! Тебе ее поручаю. Управь Ты Сама.

После этих слов я не смела ничего говорить, а только слушала, и я стала просить благословения уехать. Батюшка спрашивает:

– Куда?

Я отвечаю:

– В Тулу.

– Не в Тулу, а в Бари. Но теперь вот я скажу день, когда надо ехать в Москву к моим духовным детям, войти в три дома, но только не заезжая в Тулу.

Я, конечно, по неопытности заехала на один день в Тулу, а когда приехала в Москву, мне говорят:

– А как жалко, что не приехали вчера, так как был ваш председатель тут.

Ну ничего, стали спрашивать, как и что. Я сказала, что не хотела возвращаться в Бари. Тут, конечно, детки Батюшки стали уговаривать, и что они все устроят, по-старому все будет. Хорошо. Пришлось взять обратно паспорт и ехать. Батюшка говорил, что там князь поможет во всем.

– Где, Батюшка, князь? Ведь князь в Петербурге, а я еду в Бари!

И мы приехали в один день, как будто сговорились».

На этом мы прерываем рассказ матери Николаи и продолжим его в жизнеописании старца Нектария, ибо речь будет идти о нем³⁷⁹.

Рассказ Елены Карцовой (Осень 1916 года)

Написали мне, что старец Анатолий Оптинский собирается в Петербург и остановится у купца Усова.

Все мы втроем – брат, сестра и я – в положенный день отправились к Усовым. Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником Оптинских старцев. Когда мы вошли в дом Усовых, мы увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице до квартиры Усовых и по залам и комнатам их дома. Все ждали выхода Старца. Ожидало приема и семейство Волжиных – обер-прокурора Святейшего Синода. В числе ожидающих стоял один еще молодой архимандрит, который имел очень представительный и в себе уверенный вид. Скоро его позвали к Старцу. Там он оставался довольно долго. Кое-кто из публики возроптал по сему поводу, но кто-то из здесь же стоящих возразил, что Старец не без причины его так долго держит. Когда архимандрит вышел, он был неузнаваем: вошел к Старцу один человек, а вышел совсем другой! Он был низко согнутый и весь в слезах, куда девалась

³⁷⁹ См. в гл. XVII наст. изд. – *Примеч. ред.*

гордая осанка! Их тайный разговор одному Богу известен! Вскоре показался сам Старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов. Отец Анатолий внешнею очень походил на иконы преподобного Серафима: такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая, непередаваемая словами, любовь. Нужно видеть, а выразить в словах – нельзя!

Когда мы шли к Усовым, брат и сестра заявили, что им нужно от Старца только его благословение. Я же сказала им, что очень бы хотела с ним поговорить. Когда до нас дошла очередь, Старец благословил брата и сестру, а мне говорит:

– А ведь ты поговорить со мной хотела? Я сейчас не могу – приди вечером.

Старец уразумел мое горячее желание, хотя я не выразила его словами! Вечером я снова вернулась к Усовым. Много лиц сидело и дождалось очереди быть принятыми Старцем. Члены семьи Усовых стали упрекать сидевшую публику в том, что люди чрезмерно обременяют слабого и болезненного Старца. Принимает он людей все ночи напролет. Нога его в ранах, страдает он грыжей, он чуть живой. Мне стало стыдно отнимать время у Старца, и я ушла домой, не повидавши его. Но теперь думаю, что если прозорливый Старец сказал прийти, надо было не уходить, а дождаться приема. Как мне потом рассказывала моя тетьа Елена Александровна, близко знавшая весь оптинский быт, старец о. Анатолий вообще почти не спал, всего себя отдавая молитве и служению людям. Единственно, когда он себе позволял отдых, – на утрени во время чтения кафизм, когда все в церкви сидели. Тогда Старец позволял себе вздремнуть. Некоторые, не знавшие его повседневной жизни, удивлялись, что Старец спит в церкви, но ведь это были единственные минуты его отдыха за все сутки.

Недаром ноги его были в ранах от стояния и было страдание грыжей от земных поклонов. У меня до сих пор хранится присланный мне в 1907 г. через тетю образ святителя Николая – моего небесного покровителя.

*Из воспоминаний матушки
Евгении Григорьевны Рымаренко*³⁸⁰

Перед своим рукоположением во священники в 1921 г. о. Адриан³⁸¹ тоже побывал в Оптине. Отец Анатолий сказал ему:

– Тебе надо будет поступить на курсы.

И действительно, ему архиепископ Парфений Полтавский сказал:

– У вас хотя и высшее образование, но светское, и потому надо держать экзамен.

Отец Адриан жил в Полтаве один месяц, готовясь к экзамену и занимаясь у профессоров.

Отец Адриан спрашивал у Батюшки благословения на приход в одно село Евлоши, под Ромнами, где была Казанская чудотворная икона Божией Матери.

Батюшка же дал ему яичко для меня, на нем с одной стороны был нарисован храм, а с другой – икона Божией Матери. Батюшка спросил:

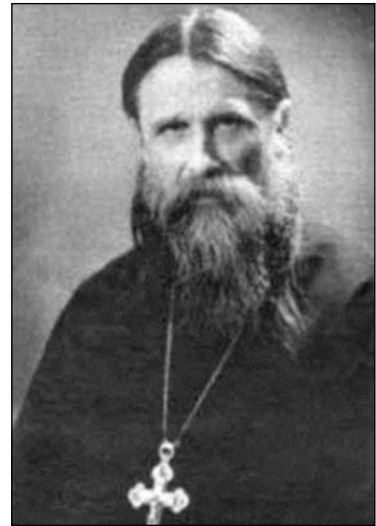
– Какая это иконка?

Отец Адриан сказал:

– Смоленская, кажется.

А Батюшка ответил:

– Нет, Иверская.

Прот. Адриан Рымаренко

³⁸⁰ Матушка Евгения Григорьевна Рымаренко († 1963), супруга прот. А.А. Рымаренко, оставила весьма обстоятельные воспоминания, вернее, дневник всех ее посещений старца Нектария. См.: *Рымаренко Е.Г.* Воспоминания об Оптинском старце иеросхимонахе Нектарии // Православная жизнь. Джорданвилль, 1954. – *Примеч. ред.*

³⁸¹ Адриан Адрианович Рымаренко (1893–1978) окормлялся у Оптинских старцев прпп. Анатолия и Нектария, в 1921 г. принял священство. Во время Второй мировой войны эмигрировал в Германию, потом в США. Принял монашество с именем Андрей, с 1968 г. – епископ Роклендский (с 1973 г. архиепископ). – *Примеч. ред.*

Первый приход о. Адриана был в Ромнах, в храме, в котором был очень чтимый всеми, в большой дорогой ризе под балдахином, образ Божией Матери Иверской.

Из частных писем к И.М. Концевичу

«В 1922 г., когда мы с мамочкой³⁸² в первый раз были в Оптиной, – рассказывал О.³⁸³, – жив был еще старец о. Анатолий. О тебе мы еще не имели никаких сведений, и мамочка спросила у о. Анатолия, как о тебе молиться, о здравии или о упокоении? Отец Анатолий спросил маму, не снился ли ты ей как-нибудь? Мама ответила, что видела во сне сыновей едущими на конях: сначала покойного Володю, а потом тебя. Но кони были разных мастей. Отец Анатолий сказал:

– Ну что ж! Бог милостив, молись о здравии. Бог милостив!

Мама подумала, что о. Анатолий только утешает.

После посещения о. Анатолия мы были у батюшки о. Нектария. Мамочка задает Старцу ряд вопросов о дочерях, о себе, обо мне, а о тебе ничего не говорит, так как знает, что нельзя по одному и тому же вопросу обращаться к двум старцам. Я этого не знал и, полагая, что мамочка забыла о тебе спросить, все время тереблю мамочку и говорю ей:

– А Ваня? А Ваня?

Мамочка продолжает не спрашивать. Тогда Батюшка ей и говорит после одного из моих “а Ваня?”:

– Он жив. Молись о здравии. Скоро получишь о нем известие. Тебе было бесполезно о нем знать.

Приезжаем домой, и мамочка спешит к о. Николаю Загоровскому сообщить, что Ваня жив. Матушка же Екатерина Ивановна, увидев мамочку в окно, выходит к ней навстречу со словами:

³⁸² Мать Ивана и Олега Концевичей, А.К. Концевич – духовная дочь старца Нектария, приняла схиму с именем Нектарии, похоронена в Холмищах, рядом с могилой Старца. – *Примеч. ред.*

³⁸³ Олег Михайлович Концевич (1905–1983), в монашестве Нектарий, с 1962 г. епископ Сеатлийский, викарий Западно-Американской епархии. – *Примеч. ред.*

– Вам письмо от Ванечки».

«Слава Творцу Небесному! Ты жив! – пишет монахиня Нектария сыну. – О твоей жизни мы узнали за три дня до получения твоего письма, от о. Нектария. 14 июля мы вернулись из Оптиной, а 15-го получили твое письмо к Деме. Отец Нектарий сказал: “Он жив, молитесь о здравии, о нем узнаете. Пока не полезно было о нем знать – покоритесь необходимости”».

Пустите детей приходить ко мне

(Выдержки из оптинского дневника С.А. Нилуса и воспоминаний Н.В. Урусовой)

«Сегодня уехала из Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ее пребывания в обители ставшая нам близкой, как сестра родная, ближе еще – как сестра по духу Христову. Назову ее Верой, по вере ее великой³⁸⁴.

В начале января нынешнего года я получил из города Тамбова письмо, в котором чья-то женская христианская душа написала мне несколько теплых слов в ободрение моей деятельности на ниве Христовой. Письмо было подписано полным именем, но имя это было мне совершенно неизвестно.

25 мая стояли мы с женой у обедни. Перед Херувимской мимо нашего места прошла какая-то дама, скромно одетая, и вела за руку мальчика лет пяти. Мы с женой почему-то обратили на нее внимание. По окончании Литургии, перед началом царского молебна³⁸⁵, мы ее вновь увидели, когда она мимо нас прошла к свечному ящичку. Было заметно, что она “в интересном положении”, как говорили в старину люди прежнего воспитания.

“Вот раба-то Божия! – подумалось мне. – Один ее ребенок с детских лет, а другой еще в утробной жизни, оба освящаются

³⁸⁴ Серафима Николаевна Вишневецкая. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

³⁸⁵ 25 мая – день рождения Государыни императрицы Александры Федоровны. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

молитвами и святыми впечатлениями матери, – умница! Благослови ее Господь и Матерь Божия!”

В эту минуту она подошла к иконе Божией Матери “Скоропослушница”, перед которой мы обычно стоим во Введенском храме, и стала перед ней на коленях молиться. Я нечаянно увидел ее взгляд, устремленный на икону. Что это был за взгляд, что за вера излучалась из этого взгляда, какая любовь к Богу, к Божественному, к святыне!.. О, когда б я так мог молиться!.. “Матерь Божия! – помолилось за нее мое сердце. – Сотвори ей по вере ее!”

При выходе из храма северными воротами, у иконы “Споручница грешных”, мы опять встретили незнакомку. В руках у нее была просфора...

– Вы не Сергей ли Александрович Нилус? – обратилась она ко мне с застенчивой улыбкой.

– Да... С кем имею честь?

Оказалось, что это была та, которая мне в январе писала из Тамбова. Эта и была Вера с пятилетним сыном Сережей, которых мы сегодня провожали из Оптиной.

На этой христоролюбивой парочке стоит остановить свое внимание, воздать за любовь любовью, сохранить благодарной памятью их чистый образ, отсвечивающий зорями иного, нездешнего света...

– Сегодня, – сказала нам Вера, – мы с Сержиком поготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а после соборования позвольте навестить вас. Теперь так отрадно и радостно найти людей по духу, так хочется отдохнуть от тягостных мирских впечатлений! Не откажите нам в своем гостеприимстве!

И в какую ж нам радость было это новое знакомство!..

В тот же день, когда у иконы “Споручница грешных” мы познакомились с Верой, мы проходили с женой мимо заветных могил великих Оптинских старцев и, по обычаю, зашли им поклониться.

Входим в часовенку над могилкой старца Амвросия и застаем Веру и ее Сережу: Сережа выставил свои ручонки вперед, ладошками кверху, и говорит:

– Батюшка Амвросий, благослови!

В эту минуту мать ребенка нас заметила:

– Это уж мы с моим Сержиком так привыкли: ведь батюшка-то Амвросий жив и невидимо здесь с нами присутствует, – так надо ж и благословения у него испросить, как у иеромонаха!

Я едва удержал слезы...

На другой день я заходил к бабушке о. Анатолию в то время, когда он соборовал Веру с ее мальчиком. Кроме них соборовалось еще душ двенадцать Божьих рабов разного звания и состояния, собравшихся в Оптину с разных концов России. Надо было видеть, с какой серьезной сосредоточенной важностью пятилетний ребенок относился к совершаемому над ним Таинству елеосвящения!

Вот как благодатные матери от молока своего начинают готовить душу дитяти к Царству Небесному! Не так ли благочестивые бояре Кирилл и Мария воспитывали душу того, кого Господь поставил светильником всея России, столпом Православия, – преподобного Сергия?..

– Когда я бываю беременна, – говорила нам впоследствии Вера, – я часто причащаюсь и молюсь тому угоднику, чье имя мне хотелось бы дать будущему своему ребенку, если он родится его пола. На четвертый день Рождества 1905 г. у меня скончался первенец мой, Николай, родившийся на Пасху 1900 года. До его рождения я молилась дивному святителю Николаю, прося его принять под свое покровительство моего ребенка. Родился мальчик и был назван в честь Святителя. Вот этот, Сержик, родился на первый день Рождества Христова, в 1903 году. О нем я молилась преподобному Сергию... С ним у меня произошло много странного по его рождению и, пожалуй, даже знаменательного. Крестины

из-за его крестного пришлось отложить до Крещения Господня, а обряд воцерковления пришелся на Сретение. И с именем его у меня произошло тоже нечто необычное, чего с другими моими детьми не бывало. Молилась я о нем преподобному Сергию, а при молитве, когда меня Батюшка спросил, какое бы я желала дать ребенку имя, у меня мысли раздвоились, и я ответила: “Скажу при крещении”.

А произошло это оттого, что в том году состоялось прославление святых мощей преподобного Серафима, которому я всегда очень веровала. К могилке его я еще девушкой ходила пешком в Саров из своего города. А тут еще и первое движение ребенка я почувствовала в себе как раз во время всеобщей под 19 июля. И было мне все это в недоумение, и не знала я, как быть: назвать ли его Сергием, как ранее хотела, или же Серафимом? Стала я молиться, чтобы Господь открыл мне Свою волю; и в ночь под Крещение, когда были назначены крестины, я увидела сон, что будто я с моим новорожденным поехала в Троице-Сергиеву Лавру. Из этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя преподобного Сергия. Это меня успокоило, тем более что и батюшка преподобный Серафим очень любил великого этого угодника Божия и с его иконочкой и сам-то был во гроб свой положен...

Я внимал этим милым речам, журчащим тихим ручейком живой воды святой детской веры, и в сердце моем стучались глаголы великого обетования Господня Святой Его Церкви: *И врата адава не одолеют ей* (Мф. 16, 18).

Не одолеют! Истинно, не одолеют, если даже и в такое, как наше, время у Церкви Божией могут быть еще подобные чада.

И опять полилась вдохновенная речь Веры:

– Вам понравился мой Сержик; что бы сказали вы, если бы видели моего покойного Колю! Тот еще и на земле был уже небожитель... Уложила я как-то раз Колюсика своего спать вместе с

прочими детишками. Было около восьми часов вечера. Слышу, зовет он меня из спальни.

– Что тебе, деточка? – спрашиваю.

А он сидит в своей кроватке и восторженно мне шепчет:

– Мамочка моя, мамочка! Посмотри-ка, сколько тут Ангелов летает.

– Что ты, – говорю, – Колюсик! Где ты их видишь?

А у самой сердце так ходуном и ходит.

– Да всюду, – шепчет, – мамочка; они кругом летают... Они мне сейчас головку помазали. Пощупай мою головку: видишь, она помазана!

Я ощупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредит ли ребенок; нет – жару нет, глазенки спокойные, радостные, но не лихорадочные: здоровенький, веселехонький, улыбается... Попробовала головки других детей – у всех сухенькие; и спят себе детки, не просыпаются. А он мне говорит:

– Да как же ты, мамочка, не видишь Ангелов? Их тут так много... У меня, мамочка, и Спаситель сидел на постельке и говорил со мною...

О чем говорил Господь ребенку, я не знаю. Или я не слышал ничего об этом от рабы Божией Веры, или слышал, да не удержал в памяти: немудрено было захлебнуться в этом потоке нахлынувшей на нас живой веры, чудес ее, нарушивших, казалось, грань между земным и небесным...

– Колюсик и смерть свою мне предсказал, – продолжала Вера, радуясь, что может излить свое сердце людям, внимающим ей открытой душой. – Умер он на четвертый день Рождества Христова, а о своей смерти сказал мне в сентябре. Подошел ко мне как-то раз мой мальчик да и говорит ни с того ни с сего:

– Мамочка! Я скоро от вас уйду.

– Куда, – спрашиваю, – деточка?

– К Богу.

– Как же это будет? Кто тебе сказал об этом?

– Я умру, мамочка! – сказал он, ласкаясь ко мне. – Только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду там с Ангелами, и мне там очень хорошо будет.

Сердце мое упало, но я сейчас же себя успокоила: можно ли, мол, придавать такое значение словам ребенка? Но нет! Прошло немного времени, мой Колюсик опять, среди игры, ни с того ни с сего подходит, смотрю, ко мне и опять заводит речь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда он умрет...

– Мне там будет так хорошо, так хорошо, дорогая моя мамочка! – все твердил, утешая меня, мой мальчик. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такие мысли и кто ему сказал об этом, он мне ответа не дал, как-то особенно искусно уклоняясь от этих вопросов...

Не об этом ли и говорил Спаситель маленькому Коле, когда у детской кровати его летали небесные Ангелы?..

– А какой удивительный был этот ребенок, – продолжала Вера, – судите хотя бы по такому случаю. В нашем доме работал старик плотник, ворота чинил, и повредил себе нечаянно топором палец. Старик прибежал на кухню, где я была в то время, показывает мне свой палец, а кровь из него так и течет ручьем. В кухне был и Коля. Увидел он окровавленный палец плотника, с громким плачем кинулся бежать в столовую, к иконе Пресвятой Троицы. Упал на коленки пред иконою и, захлебываясь от слез, стал молиться:

– Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

На эту молитву мы с плотником вошли в столовую, а Коля, не оглядываясь на нас, весь ушедший в молитву, продолжал со слезами твердить свое:

– Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

Я пошла за лекарством и за перевязкой, а плотник остался в столовой. Возвращаюсь и вижу: Колюсик уже слезил в лампадку за маслом и маслом от иконы помазывает рану, а старик плотник

доверчиво держит перед ним свою пораненную руку и плачет, от умиления приговаривая:

– И что ж это за ребенок, что это за ребенок!

Я, думая, что он плачет от боли, говорю:

– Чего ты, старик, плачешь? На войне был, не плакал, а тут плачешь!

– Ваш, – говорит, – ребенок хоть кремень – и тот заставит плакать!

И что ж вы думаете? Ведь остановилось сразу кровотечение, и рана зажила без лекарств, с одной перевязки. Таков был общий любимец, мой Колюсик, дорогой, несравненный мой мальчик... Перед Рождеством мой отчим, а его крестный, выпросил его у меня погостить в свою деревню – Коля был его любимец, и эта поездка стала для ребенка роковой: он там заболел скарлатиной и умер. О болезни Коли я получила известие через нарочного (тогда были повсеместные забастовки, и посланной телеграммы мне не доставили), и я едва за сутки до его смерти успела застать в живых мое сокровище. Когда я с мужем приехала в деревню к отчиму, то Колю застала еще довольно бодреньким; скарлатина, казалось, прошла, и никому из нас и в голову не приходило, что уже на счету последние часы ребенка. Заказали мы служить молебен о его выздоровлении. Когда его служили, Коля усердно молился сам и все просил давать ему целовать иконы. После молебна он чувствовал себя настолько хорошо, что священник не стал его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что он здоров и причащать его нет надобности. Все мы повеселели. Кое-кто, закусив после молебна, лег отдыхать; заснул и мой муж. Я сидела у постельки Коли, далекая от мысли, что уже наступают последние его минуты. Вдруг он мне говорит:

– Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокруг церкви...

– Что ты, – говорю, – Бог с тобой, деточка! Мы еще с тобой, Бог даст, живы будем.

– И крестный скоро после меня пойдет за мной, – продолжал, не слушая моего возражения, Коля.

Потом помолчал немного и говорит:

– Mamочка, прости меня.

– За что, – говорю, – простить тебя, деточка?

– За все, за все прости меня, мамочка!

– Бог тебя простит, Колюсик, – отвечаю ему. – Ты меня прости: я строга бывала с тобою.

Так говорю, а у самой и в мыслях нет, что это мое последнее прощание с умирающим ребенком.

– Нет, – возражает Коля, – мне тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая моя мамочка!

Тут мне что-то жутко стало; я побудила мужа.

– Вставай, – говорю, – Колюсик, кажется, умирает!

– Что ты, – отвечает муж, – ему лучше, он спит.

Коля в это время лежал с закрытыми глазами. На слова мужа он открыл глаза и с радостной улыбкой сказал:

– Нет, я не сплю – я умираю. Молитесь за меня!

И стал креститься и молиться сам:

– Пресвятая Троица, спаси меня! Святитель Николай, преподобный Сергей, преподобный Серафим, молитесь за меня!.. Крестите меня! Помажьте меня маслицем! Молитесь за меня все!

И с этими словами кончилась на земле жизнь моего дорогого, ненаглядного мальчика: личико расцветилось улыбкой, и он умер.

И в первый раз в моей жизни возмутилось мое сердце едва не до ропота. Так было велико мое горе, что я и у постельки его, и у его гробика не хотела и мысли допустить, чтобы Господь решился отнять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Он, Которому все возможно, оживил моего ребенка; я не могла примириться с тем, что Господь может не пожелать исполнить по моей молитве. Накануне погребения, видя, что тело моего ребенка продолжает, несмотря на мои горя-

чие молитвы, оставаться бездыханным, я было дошла до отчаяния. И вдруг у изголовья гробика, где я стояла в тяжелом раздумье, меня потянуло взять Евангелие и прочитать в нем первое, что откроется. И открылся мне 16-й стих 18-й главы Евангелия от Луки, и в нем я прочла: *Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие.*

Для меня эти слова были ответом на мою скорбь Самого Спасителя, и они мгновенно смирили мое сердце: я покорилась Божией воле.

При погребении тела Колюсика исполнилось его слово: у церкви намело большие сугробы снега, и, чтобы гробик пронести на паперть, его надо было обнести кругом всей церкви. Это было мне и в знамение, и в радость. Но когда моего мальчика закопали в мерзлую землю и на его могилку лег холодный покров суровой зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое сердце, и вновь я стала вымаливать у Господа своего сына, не зная покоя душе своей ни днем, ни ночью, все выпрашивая отдать мне мое утешение. К сороковому дню я готовилась быть причастницей Святых Таин и тут, в безумии своем, дошла до того, что стала требовать от Бога чуда воскрешения. И вот на самый сороковой день я увидела своего Колю во сне, как живого. Пришел он ко мне светленький и радостный, озаренный каким-то сиянием, и три раза сказал мне:

– Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!

– Отчего нельзя? – воскликнула я с отчаянием.

– Не надо этого, не проси этого, мамочка!

– Да почему же?

– Ах, мамочка! – ответил мне Коля. – Ты бы и сама не подумала просить об этом, если бы только знала, как хорошо мне там, у Бога. Там лучше, там несравненно лучше, дорогая моя мамочка!

Я проснулась, и с этого сна все горе мое как рукой сняло.

Прошло три месяца – исполнилось и второе слово моего Коли: за ним в обители Царя Небесного следом ушел к Богу и его крестный.

Много мне рассказывала дивного из своей жизни раба Божия Вера, но не все поведать можно даже и своим запискам: живы еще люди, которых может задеть мое слово...

В молчании еще никто не раскаивался: помолчим на этот раз лучше!..

Пошел я провожать Веру с ее Сержиком через наш сад по направлению к монастырской больнице. Это было в день их отъезда из Оптиной. Смотрю: идет к нам навстречу один из наиболее почетных наших старцев, отец А., живущий на покое в больнице. Подошли мы под его благословение; протянул и Сержик свои ручонки...

– Благослови, – говорит, – Батюшка!

А тот сам взял да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился в пояс Сержику...

– Нет, – возразил Старец, – ты сам сперва благослови!

И, к общему удивлению, ребенок начал складывать свою ручку в именованное перстосложение и иерейским благословением благословил Старца.

Что-то выйдет из этого мальчика?»³⁸⁶.

Таким вопросом заканчивает Сергей Александрович Нилус свою запись 1909 года. И вот, спустя полвека, на этот вопрос судил Господь явиться ответу. Узнав, что составляется книга об Оптиной, одна истинная раба Божия прислала свидетельство своей веры и этим снова пролила свет о «невидимой» Руси нашей, находящейся под видимым игом безбожья. По своему складу души уже покойная Наталия Владимировна Урусова³⁸⁷ была глубоко верующей, цельной и любящей натурой, настоящей христианкой; матерью сыновей-мучеников. Ее повесть написана кровью. Господи, благослови.

³⁸⁶ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Ч. 1. С. 367–379 (запись 1 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

³⁸⁷ Урусова Наталия Владимировна (1874–1963) – автор книги «Материнский плач по Святой Руси» (М., 2006). – *Примеч. ред.*

«Когда мои сыновья были в 1937 г. арестованы и по сообщению ГПУ были высланы на 10 лет без права переписки, то о моем материнском горе и говорить нечего. Много, много горьких слез пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утешения в Церкви, а оно могло быть только в катакомбной Церкви, которую я везде искала и милостью Божией всегда находила очень скоро; и горе свое изливала истинным – Богу угодным – священникам, которые там совершали тайные богослужения. Так было, когда после ареста сыновей я из Сибири уехала в Москву. Сестра моя, которая, к ужасу моему, признавала советскую Церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мне указала на одну бывшую нашу подругу детства, с которой она расходилась в вопросах Церкви, так как та принимала горячее участие в тайных богослужениях. Меня встретила эта дама и другие члены этой тайной Святой Церкви с распростертыми объятиями. Жить в Москве я не имела права и поселилась за 100 верст, в городе Можайске... Абсолютно без денег, я взяла патент на право продажи искусственных цветов на московском базаре. Мне разрешалось проживать у сестры не более одних суток, но мне помог дворник. Все дворники назначались от ГПУ для доклада обо всем, что делалось в доме. Дворник того дома жил в сыром подвальном помещении с семьей крайне бедно. Он пришел ко мне и спросил:

– Хочешь ли ты, чтобы я тебе помог? А ты помоги мне! Я обязан по приезде кого-нибудь немедленно сообщать, а ты приезжай и живи хоть по две недели, да сколько хочешь, а я сообщать не буду. Если же придут с обыском или проверкой, то покажу, что ты приехала сегодня утром; а ты мне помогай понемногу от продажи своих цветов.

Я, конечно, согласилась, и так оно и было до 1941 г., когда неожиданно немцы перешли границу, и в тот же день никому, кроме, конечно, слуг сатаны, не был разрешен въезд в Москву. И так, проживая у сестры подолгу, я посещала все богослужения, которые

производились у частных лиц в разных районах Москвы. Был у нас священнослужителем и духовником о. Антоний, уже немолодой иеромонах. Постоянно слышу:

– Как велит старец; что скажет старец и т. д.

Я спросила отца Антония, где могла бы я увидеть этого старца, чтобы излить свое горе и получить утешение? Когда о нем упоминали, то с необычайным благоговением, и называли святым необычайным.

– Нет, – сказал о. Антоний, – этого никак нельзя, и все, что вам потребуется от него, я буду ему передавать.

В 1941 г. в Можайске я познакомилась с одной дамой, высланной из Москвы за арест мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членом катакомбной Церкви и была с самых первых лет священства Старца его духовной дочерью. Она мне сообщила, что Старец (имени не называла) живет сейчас в деревне в двух верстах от Можайска, и она тайно посещает его богослужения. На мой вопрос, нельзя ли ей попросить его принять меня, она ответила:

– Нет, это невозможно, все молящиеся лишены этого, так как ГПУ его 25 лет разыскивает, и он переходит по всей России с одного места на другое, будучи Духом Святым, как видно, оповещаем, когда надо уйти.

Конечно, я скорбела, но делать было нечего.

День Св. Троицы в том году был 7 июня. Как ничего не бывает случайным, так было и тут: я не могла быть в Москве и с грустью сидела вечером накануне одна у себя в комнате. Слышу легкий стук в окошко: взглянула и поразились. Стучит немолодая монахиня, одетая по-монашески, несмотря на строжайшее запрещение носить такую одежду. Дело было под вечер. Я отворила дверь, и она вошла ко мне со словами:

– Батюшка старец о. Серафим приглашает вас завтра рано утром к себе, и если желаете, то можете исповедаться и приобщиться Святых Таин.

Она указала мне, какой дорогой идти, и посоветовала быть осторожной. Перед самой деревней было поле ржи, уже колосившейся; она советовала идти согнувшись. Дорога через это поле как раз упиралась в избу, где жил старец, а прямо напротив через дорогу был исполком. Нечего и говорить о моем чувстве, когда монахиня, крайне приветливая своим светлым лицом, ушла. Звали ее мать Н. При старце были две монахини, другую звали мать В. Они неразлучно были с ним. Старец жил иногда даже месяца два спокойно и совершенно неожиданно в разные часы дня и ночи вдруг говорил:

– Ну, пора собираться!

Он с монахинями надевали рюкзаки, где были все богослужебные предметы, и не медля уходили куда глаза глядят, пока старец не остановится и не войдет в чью-нибудь избу, очевидно, по наитию свыше.

Рано утром я пошла. Вхожу не с улицы, а, как было указано, с проселочной дороги в заднюю дверь. Передо мной – дивный, еще совсем не старый монах. Описать его святую наружность не найду слов. Чувство благоговения было непередаваемо. Я исповедовалась, и дивно было. После совершения богослужения и принятия мною Святых Таин он пригласил меня пообедать. Кроме меня была та дама, о которой я писала выше, обе монахини и еще одна его духовная дочь, приехавшая из Москвы. О милость Божия, я никогда не забуду той беседы, которой он удостоил меня, не отпуская в течение нескольких часов.

Через день после того счастья духовного, что я испытала при посещении о. Серафима, я узнала от той дамы, что на другой день, когда сидели за чаем, о. Серафим встал и говорит монахиням:

– Ну, пора идти!

Они мгновенно собрались и ушли, и через полчаса, не более, пришли из ГПУ, ища его, но Господь его укрыл.

Прошло три месяца, немцы уже были в Можайске, когда вдруг опять легкий стук в окно, и та же монахиня Н. пришла ко мне со словами:

– Отец Серафим в городе Боровске, который сутки был занят немцами (40 верст от Москвы), и прислал меня к Вам передать свое благословение и велел открыть Вам, что он тот Сережа, которому поклонился иеромонах А.».

Не есть ли это луч света на то скрытое от разумных мира сего, что разумели дети духовные, откликнувшиеся на зов Христа, когда Он изрек: *Пустите детей приходить ко Мне?*

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА АНАТОЛИЯ

Последние годы о. Анатолий жил недалеко от церкви, почти напротив, в ограде монастырской. Много народу ходило к нему. Отец Нектарий, живший в Скиту, завидит народ издалека и спрашивает: «Вы к кому?» А сам ведет к о. Анатолию. Тот был помоложе, еще не был «седенький».

Смятенье в народе, вызванное революционным безбожьем, устремляло верующих к старцам за духовной поддержкой. Начались гонения на монахов со стороны властей. В Оптиной устроили музей, позднее советский дом отдыха. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над религией.

Трогательна повесть об о. Никоне³⁸⁸, что пел в хоре. У него была небольшая рыжая бородка. Приехала комиссия; его арестовали и сослали и там предавали мукам и пыткам за веру. Через некоторое время получили его друзья по духу от него радостное, восторженное письмо. «Счастью нет предела, – писал он приблизительно так, – я захлебываюсь от счастья. Только подумать, слова моего Спасителя сказаны мне лично – *блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжущи, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 11–12). И я это испытываю. Жду не дождусь, когда Господь мой решит Свой суд».

³⁸⁸ Вероятно, речь идет об исп. Никоне (Беляеве, † 1931), иеромонахе, Оптином старце. – *Примеч. ред.*

Пришла чреда и о. Анатолия. Его красноармейцы обрили, мучили и издевались над ним. Он много страдал, но когда возможно было, принимал своих чад. К вечеру 29 июля 1922 г. приехала комиссия, долго расспрашивали и должны были Старца арестовать. Но Старец, не противясь, скромно попросил себе отсрочку на сутки, дабы подготовиться. Келейнику, горбатенькому о. Варнаве³⁸⁹, грозно сказали, чтобы подготовил Старца к отъезду, так как завтра увезут, и на этом уехали. Воцарилась тишина, и Старец начал готовиться в путь. На другой день утром приезжает комиссия. Выходят из машины и спрашивают келейника о. Варнаву:

– Старец готов?

– Да, – отвечает келейник, – готов.

И отворив дверь, вводит в покои Старца.

Каково же было удивление их, когда их взору предстала такая картина. Посреди келлии в гробу лежал «приготовившийся» мертвый Старец! Не попустил Господь надругаться над Своим верным рабом и в ту же ночь принял Своего готового раба, что было 30 июля 1922 г., в память перенесения мощей преподобного Германа, чудотворца Соловецкого.

Его духовная дочь Е.Г. Рымаренко свидетельствует: «В 1922 г., перед Успенским постом, получаю от батюшки о. Анатолия письмо, которое оканчивается так: “Хорошо бы было тебе приехать отдохнуть в нашей обители”. Сразу не собралась, не поняла, почему Батюшка зовет приехать; а когда приехала в Оптину – было уже поздно: на другой день был девятый день со дня смерти дорогого Батюшки. Батюшка о. Анатолий скончался 30 июля 1922 г. Грустно было; чувствовалась потеря близкого человека, которого никто заменить

Исп. Никон (Беляев),
старец Оптинский

³⁸⁹ Речь идет об иеромонахе Варнаве (Клыкове, † 1938). – *Примеч. ред.*

не может. К девятому дню съехались различные лица, в разговоре с которыми я узнала, что не я одна опоздала, были и другие опоздавшие, которых Батюшка вызывал или письмом, или явившись во сне. Но были и такие, кто застали еще Батюшку живым».

О погребении старца Анатолия сведений у нас нет, но известно, что его положили рядом с могилой старца Макария. Притом когда копали, то могила старца Макария обвалилась, гроб приоткрылся, и тело блаженного Старца обнаружилось совсем сохранившимся.

В заключение приведем несколько строчек другой духовной дочери старца Анатолия – монахини Марии, писавшей в Бар-Град.

«Как хочется вернуть хоть на месяц то блаженное времечко дорогой и незабвенной духовной моей родины – Оптиной. Когда, будучи уже взрослой, гостя там месяца по два с половиной, чувствовала себя безмятежно счастливой, как ребенок, под нежно любящей опекой старца-отца, заменяющего одновременно и мать, и брата, и друга, и няню, с тою лишь разницею, что в нем, в этом старце-отце, все скреплено и покрыто неземной любовью.

Вспомните, родная, вспомните Владимирскую церковь, а в ней толпу богомольцев 80–70 человек. Кто не был утешен его словом, отеческой улыбкой, взглядом, истовым преподанием святого благословения, его смиренным видом? Кто?.. Только вышел Батюшка – у всех уже лица просияли, несмотря на гнетущее настроение, – с радостью редко кто приезжал туда. Ушел Батюшка – все то же сияние у всех. Крестясь с сердечным успокоенным вздохом с благодарностью к Богу, уходят богомольцы в путь часто далекий, приходя к нему иногда только лишь затем, чтобы принять благословение и получить в наставление что-нибудь сказанное на ходу. Шестнадцать лет жила под руководством незабвенного батюшки Анатолия. Шестнадцать лет сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мне неземную радость: здесь еще, на земле, видеть небесного ангела. В этой тяжелой, скорбной жизни часто воспоминания живые хоть на минуту дают успокоение, и за то благодарение Создателю».

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ САНГУШКО-ЗАГОРОВСКИЙ (В МОНАШЕСТВЕ СЕРАФИМ)

При жизни великого старца Амвросия было несколько смиренных иереев Божиих, на которых Господь пролил особую благодать пророчества, или старчества вне монастыря. Старец Амвросий нескольких таких подвижников провидел даже на расстоянии и благословил старчествовать. Особенно выдавался иерей Егор³⁹⁰ из села Спас-Чекряка Болховского уезда³⁹¹, который, будучи кротким, простым сельским батюшкой, умел так утешать страждущие души, что люди за сотни верст шли к нему, как к духоносному старцу. Сам старец Амвросий отсылал к нему людей.

Известно, что старец Анатолий, следуя своему Старцу, благословлял некоторых принимать на себя этот редчайший путь подвига: духовно окормлять, наставлять и врачевать. Одним из них был отец Николай Сангушко-Загоровский, жизнеописание которого ниже повествуется.

И.М. Концевич поступил в Киевский университет перед войной 1914 г., и, когда этот университет был во время войны эвакуирован далеко в глубь России, он предпочел перейти в Харьковский. В городе Харькове, при содействии коллеги, знакомого семьи Загоровских, он снял в их доме комнату.

Здесь уместно упомянуть об облике о. Николая, каким его застал Иван Михайлович. Батюшка был невысокого роста, широкоплечий и скорее полный. У него была окладистая борода, но волос почти не было. Чертами лица он напоминал греческого философа Сократа. Но выражение его лица было не сравнимым ни с кем. Оно дышало лаской, приветливостью, сияло и светилось необычайной добротой и привлекало всех и каждого.

³⁹⁰ См. о нем: *Нилус С.А.* Великое в малом. М., 1903.

³⁹¹ Св. исп. Георгий (Коссов, 1855–1928) был настоятелем Спасского храма села Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губернии. У Концевича ошибочно указан Волховский уезд. – *Примеч. ред.*

Живя у Загоровских, Иван Михайлович часто прислуживал о. Николаю в церкви и сопровождал его, когда о. Николай служил молебны в частных домах, ограждая его от стекавшегося и теснившего его народа. Был он участником одного из паломничеств, какие от времени до времени организовывал Батюшка.

Таким образом, Ивана Михайловича знали почитатели о. Николая как церковника-студента, что в те времена являлось исключением. Эти почитатели о. Николая, встретив Ивана Михайловича во время гражданской войны и узнав его, оказали ему ценные услуги. Одним из них он был даже спасен от смерти.

И.М. Концевич читал в Сан-Франциско два раза лекцию об о. Н.М. Загоровском. Материалом для этого ему послужили прежде всего его личные воспоминания. Пользовался Иван Михайлович также сведениями, полученными им от дочери покойного о. Николая – Лидии Николаевны Бобрищевой, умершей в Париже в 1964 году. Но главное – это рассказы бывшей послушницы Ульяши Ноздриной, сопровождавшей о. протоиерея в его изгнании и постриженной им с именем Магдалины.

Лекция И.М. Концевича была в свое время записана, и мы здесь представляем ее содержание³⁹².

Отец Николай происходил из древнего княжеского рода, обедневшего и перешедшего в духовное сословие. Отец его, о. диакон Михаил Феоктистович, жил на окраине Ахтырки, называвшейся Гусыницей. Он был человеком мягкого характера, не от мира сего. Кроме церкви ничего для него не существовало, он не входил в вопросы, касающиеся дома и семьи. Зато жена его, Параскева Андреевна, урожденная Роменская, была властной женщиной. Она отличалась исключительным природным умом и большими способностями. Оставшись очень рано вдовою, она поставила на ноги троих детей: Михаила, Анну и самого младшего – Николая.

³⁹² Опубл.: Православный путь. Джорданвилль, 1966. – *Примеч. ред.*

Мать-диаконица была безграмотной, однако понимала значение образования и старалась всеми силами дать таковое детям. Старший сын, Михаил, очень одаренный, окончив семинарию, поступил в Академию, но по бедности не окончил ее и рано умер от чахотки. Младший рос на лоне природы на Гусынице среди крестьянских детей. Его лучший приятель звался Яшко. С ним они потихоньку курили и чуть не устроили пожар на сеновале. Летом ловили раков и рыбу в реке Ворскле. В лесу собирали ягоды и грибы. Коля Загоровский был чрезвычайно живой, веселый, подвижный. С детства любил народные песни, а также свой родной малороссийский язык, на котором впоследствии охотно изъяснялся в домашней обстановке.

Поступив в семинарию, он стал писать стихи. Но учиться не любил, особенно ненавидел математику. И еще в детстве, вместо того чтобы идти в школу, он «ховался», забравшись на грушу или в колоду, которая по-украински называется «жлукто», куда ссыпали золу для стирки белья. Мать, изловив его, накидывала ему веревку на шею и вела с позором по всей деревне в школу. Когда пришло время учиться в семинарии, Коля все же там оказался среди самых лучших учеников, одаренных литературным талантом. В старших классах преподаватель русского языка устраивал спектакли. Молодой Загоровский при этом обнаружил исключительный талант комика. Стоило ему появиться на сцене – это вызывало бурю смеха в рядах публики. Однажды местный архиерей, заинтересованный такой необыкновенной способностью семинариста, пожелал увидеть его игру. Как полагается, владыку усадили в первом ряду в кресле. На сцене появился комик, и сразу же зала разразилась сплошным хохотом. Архиерей смеялся со всеми. Чем дальше продолжалась игра, тем общий смех возрастал. Владыка смеялся и смеялся без удержу, пока его смех не превратился в настоящую истерику. Пришлось его вынести из зала на кресле.

Слава Загоровского как комического актера распространилась далеко за пределами семинарии. Знаменитый на Украине артист-предприниматель приглашал его в состав своей труппы, предлагая

ему завидный оклад. Но Параскева Андреевна слышать не хотела об этом.

– Я хочу тебя видеть в золотых ризах, иначе прокляну! – заявила она сыну.

Пришлось покориться. Супруга отца Николая, Екатерина Ивановна, была образованная, как полагалось – епархиалка. Было у них двое детей. Село, где протекало его пастырство, называлось Малыжино. Это была непроходимая глушь. Отцу Николаю там негде было проявить свою богато одаренную натуру. Драму, которую пережил молодой священник, легко себе представить. Икона Божией Матери, им столь прославляемая, была, несомненно, свидетельницей его горьких слез и душевного страдания. Действительно, как могла такая кипучая натура примириться с прозябанием в глухом и диком захолустье? И как должна была быть глубока внутренняя борьба этого человека, чтобы смогло совершиться превращение артиста-комика в знаменитого духовного проповедника и народного пастыря! Но такое перерождение совершилось в действительности: блестящие душевные таланты преобразились в духовные. Явное чудо было налицо. Икона Божией Матери, почитаемая о. Николаем как чудотворная, написана в итальянском стиле и вовсе не является копией древней иконы «Взыскание погибших». А между тем о. Николай дал ей именно такое наименование! Последнее наводит на мысль, что юный иерей был на краю отчаяния, и Сама Божия Матерь поставила его на правильный путь. Икону «Взыскание погибших» о. Николай впоследствии украсил драгоценными камнями. Народ любил о. Николая и окружил его тесным кольцом, но, когда пришло время дать детям образование, он перевелся в Харьков и стал настоятелем городского больничного храма. Здесь о. Николай продолжал, как и в деревне, служить перед иконой акафисты и произносить проповеди. Его не смущало, что вначале присутствовали одна или две старушки, но, конечно, ему не могло не быть грустно видеть отсутствие народа. Такое положение, однако,

длилось недолго: очень скоро народ повалил валом. Слава о нем, как о Златоусте, распространилась по всему Харькову. Маленький больничный храм стал набиваться так туго, что стены от людского дыхания становились мокрыми. За обедней о. Николай произносил две проповеди, одну из которых посвящал Евангелию дня. Кто-то сказал:

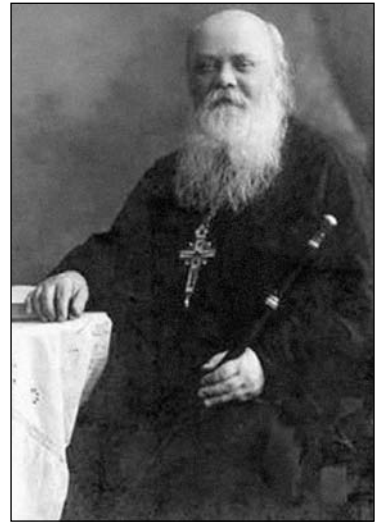
– Батюнечка говорил сегодня недолго, только полтора часа.

Уходил он из храма чуть ли не в три часа дня.

При Батюшке образовался особый хор, с которым он посещал частные дома для служения молебнов. Его приглашали нарасхват. После молебна пили чай и общим хором пели «псалмы» – духовные стихи. Многие из них были написаны самим Батюшкой. И.М. Концевич и молодой человек, которого звали Демочкой, иногда сопровождали Батюшку.

Вокруг о. Николая стал собираться женский монастырь. Устройство его шло полным ходом, и все приготовления были закончены, когда разразилась революция. Официально монастырь так и не был никогда открыт, но существовал тайно. Одной из будущих монахинь была Ульяша Ноздрина. Она было собиралась выйти замуж, но однажды вошла в церковь в то время, когда произносил проповедь о. Николай. Это решило навсегда ее судьбу: жениху она отказала и избрала монашеский путь. Ульяшу выбрал о. Николай в спутницы, когда настало время изгнания.

Как уже было выше сказано, о. Николай устраивал народные паломничества. В одном из них принимал участие И.М. Концевич. В этом паломничестве участвовало несколько тысяч человек. Шли группами и перед каждой несли крест, иконы, хоругви. Шли с пением, но так, чтобы следующая группа не могла слышать пения ей

Прот. Николай (Загоровский)
(в монашестве Серафим)

предшествовавшей. Перед ней несли другой крест, иконы, хоругви, и шло уже свое пение. Таких крестных ходов было множество, сколько их следовало – Иван Михайлович не мог сказать. Незадолго до конца пути о. Николай поднялся на пригорок и обратился к народу со словом. Он сказал, что предстоит моление о дожде, ибо царила злейшая засуха.

Когда пришли на место, народ расположился в лесу вокруг Куряжского монастыря. Так как храмы не могли вместить всех пришедших, всенощная служилась всю ночь на возвышении в лесу. Все это время, до самого рассвета, иеромонахи исповедовали пришедших людей. Когда утром служилась Литургия, причастники причащались из всех чаш, имевшихся в монастыре. Это заняло полдня. Когда Причащение окончилось, о. Николай произнес следующее слово:

– Теперь мы будем служить молебен о дожде. Падите все ниц и молитесь Бога до тех пор, пока не закапают на землю небесные слезы.

Народ упал на землю. И вдруг на чистом небе стали появляться тучи, и на пыльную землю действительно стали капать тяжелые, как слезы, крупные капли дождя, вздымавшие пыль на дороге... Когда начался дождь, народ было кинулся к о. Николаю, но монахи его окружили и увели в монастырь. Все бросились кто куда мог, чтобы укрыться. Когда все укрылись, разразился сильнейший ливень.

После трапезы пришел к о. Николаю звонарь и спрашивает:

– Прикажете ли звонить сбор?

Отец Николай задумался, опустил голову. Потом сказал:

– Звоните!

Дождь продолжал лить как из ведра... Но как только стал раздаваться звон на обратный путь, дождь сразу прекратился. Возвращаясь домой в Харьков, толпа богомольцев шла по улицам с ветвями в руках и с восторженным пением «Христос Воскресе!». Жители города открывали окна, пораженные недоумением при виде такого ликования двигавшейся толпы людей.

Популярность о. Николая среди простого народа была необычайна. В Харькове после японской войны развелось особенно много злоумышленников. Знаменита была Сонька Золотая Ручка. Жили воры на Холодной горе. Но вот кто-то из них смертельно заболевает. Были случаи, что посылали за о. Николаем, которого тогда вели ночью по глухим тропинкам. Псаломщик дрожал и трясся от страха. В пещере, куда их приводили, лежали в углу награбленные шубы. Но никто из грабителей не обижал о. Николая. Только после революции какой-то революционер-бандит сорвал с него золотой крест.

Еще в период жизни в Харькове от стояния на ногах во время долгих служб и молений у о. Николая образовались на ногах раны. Но он над собой острил, говоря, что если ноги его не несут, то ему приходится самому их нести.

С годами о. Николай начал старчевствовать по благословению Оптинского старца о. Анатолия (Потапова).

Началась революция. Массы людей, группировавшиеся вокруг о. Николая, не были, надо думать, революционно настроены. Влияние о. Николая было очень велико и далеко простиралось. Еще в самом начале, учитывая все это, большевики призвали о. Загоровского и предложили ему войти с ними в известное соглашение. От него требовалось только одно: не произносить против коммунистов проповедей. Они даже предлагали ему субсидию золотом на его благотворительность. На это предложение о. Николай ответил, что он служит Единому Богу, и никому больше. Вскоре его арестовали и посадили в тюрьму³⁹³. Как только весть об аресте о. Николая распространилась, площадь перед тюрьмой покрылась вся крестьянскими подводами, полными деревенской провизией. Пока о. Николай содержался в тюрьме, все узники кормились привезенным ему питанием.

³⁹³ Возможно, что арест о. Николая последовал после того, как он с толпой народа отстоял от разгрома монастырь, где находилась резиденция тогдашнего Харьковского архиерея, которым в это время был владыка митрополит Антоний (Храповицкий).

Видя такую великую народную любовь к о. Николаю, власти решили, что спокойнее будет, если его удалить из Харькова. Ему было предложено покинуть город и уехать подальше. Отец Николай, взяв с собой Уляшу, уехал в Петроград. Многие монахини хотели его сопровождать, но выбор его мудро остановился на Уляше – прежде всего из-за ее беззаветной преданности и крепкого здоровья.

В шутку он говорил ей: «У тебя не голова, а котел». Правда, она много не рассуждала, зато была предана не на словах, а на деле. Кто бы мог перенести все то, что она перенесла!

Итак, о. Николай и Уляша оказались в Петрограде. Это было время, когда появилась так называемая «Живая Церковь»³⁹⁴. Ходя по городу, о. Николай с Уляшей кругом обходили места, где стояли живоцерковные храмы. Оба они с интересом осматривали дворцы, и не только в Петрограде, но ездили в Царское Село, Петергоф и проч. Однажды они вошли в церковь, близкую от их жилья. Тут на о. Николая с криком гневно набросилась бесноватая:

– Ах ты, плешивый, ах ты, плаксивый, – и сюда ты явился мучить нас?

Кругом стоявшие люди недоумевали, глядя на скромную фигуру о. Николая, одетого в простое крестьянское платье. Но скоро люди почувствовали, что перед ними находится не совсем обыкновенный человек, как ни старались изгнанники держаться в тени. Вот пример. Отец Николай лежал в тот день больной. Раздался звонок. Уляша открывает дверь и видит – на пороге стоят цыгане.

– Здесь живет батька, который гадает? – спрашивают они.

– Нет, – отвечает Уляша.

– Как же, – говорят цыгане, – нам ведь дали адрес: Боровая, 46.

Скажите батьке, что у нас украли лошадь.

Уляша идет к о. Николаю и говорит:

³⁹⁴ «Живая Церковь» – одна из основных групп обновленческого течения. Создана в 1922 г., распалась после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – *Примеч. ред.*

– Пришли цыгане, но вы их принять не можете. У них украли лошадь. Если вы их примете – мы пропали. Нам же нельзя никого принимать.

– Хорошо, – говорит о. Николай, – принять их нельзя, но все же скажи им, чтобы поискали лошадь у соседа.

Через несколько дней цыгане снова явились, но теперь с кулками провизии. Лошадь была найдена у соседа.

Другой случай был такой. Отец Николай никогда никуда не ходил – только в церковь. Вдруг пришла женщина и умоляет его напутствовать умирающую. Против всех своих правил о. Николай собрался и пошел, взяв с собой им почитаемую икону Божией Матери «Взыскание погибших». В мансарде на кровати лежала молодая женщина без памяти. Из уст ее струилась окровавленная пена. Двое детей горько плакали.

– Деточки, – сказал о. Николай, – молитесь Божией Матери – Она услышит детскую молитву.

Батюшка начал молебен с акафистом перед принесенным им образом. Слезы текли ручьями по лицу о. Николая, он буквально обливался слезами. После молебна ему говорят:

– Батюшка, вы же не прочли отходной!

– Не нужно, – ответил он.

Вскоре пришли к о. Николаю благодарные дети и принесли ему цветы и вышитый пояс, какой носило духовенство в России. После этого пришла и сама выздоровевшая женщина. Она, хотя и была без сознания во время молебна, но чувствовала, как в нее вливалась живая сила. Она стала преданной духовной дочерью о. Николая, пока он жил в Петрограде.

Вот еще достопамятный случай прозорливости о. Николая. Пришлось Батюшке с Уляшей искать новую квартиру, так как к ним стало ходить чересчур много народа. Они нашли прекрасное помещение. Уляша обрадовалась и весело заговорила:

– Вот хорошо! Здесь, Батюшка, поставим вашу кровать, здесь стол.

Но о. Николай стоит бледный и ничего не говорит. Наконец он обратился к хозяйке:

– Скажите, что тут у вас произошло?

Оказалось, что здесь повесился чекист. Конечно, это помещение они не наняли.

Пребывание в Петрограде окончилось для о. Николая знаменитой «святой ночью» – по выражению верующих петербуржцев, когда в одну ночь арестовали пять тысяч человек из тех лиц, кто особо был предан Церкви.

Тюрьма, куда заключили о. Николая, была настолько переполнена, что несчастный иерей Божий простоял на ногах девять дней, пока один урка не сжалился и не уступил ему место под столом, где он мог лечь на пол. После этого о. Николая сослали в Соловки. Матушка Екатерина Ивановна, в сопровождении верной Ульяши, предприняла далекий путь, чтобы навестить Батюшку. Когда они обе прибыли, и им разрешили его увидеть, он вышел к ним бритый, исхудавший. Это было время поста. Но при передаче провизии требовалось, чтобы продукты непременно были мясными. Ульяша состряпала котлеты из чечевицы, которые сошли за мясные.

После пребывания на Соловках о. Николай с другими узниками был отправлен на Крайний Север на поселение. Шли они пешком по тундре, переступая с кочки на кочку. Донимала мошकारа. В одном месте путники заночевали в покинутой часовне. Проснувшись, о. Николай увидел, что он спал под образом «Взыскание погибших». Это его обрадовало несказанно, он почувствовал, что находится под покровом Царицы Небесной. Он лишь один дошел до места назначения: остальные не выдержали и умерли в пути.

Уляша, жертвенная, как всегда, и здесь не оставила Батюшку. Она приехала к нему на телеге одна, везя корзину с провизией. Проехала тысячи верст. Путь шел тайгой. Часто она бывала по-

ражена зрелищем колыхающегося на небе северного сияния. Сам Бог ее хранил, и она добралась благополучно. Батюшка охранялся часовыми. Уляша не потерялась. Солдат она называла Петькой или Ванькой, хлопала их по спине, вспоминала им их собственную мамку.

– Это мой дядька, – говорила она им, – он взял меня к себе, сиротку, и воспитал. У тебя тоже есть мамка – вспомни о ней! Отпусти ко мне дядьку обедать!

Разрешение давалось, и Батюшка ходил обедать к Уляше.

Наконец о. Николай отбыл свой срок наказания. Его отпустили жить, где он захочет, кроме Харьковской губернии. Взглянув на карту, он увидел, что ближайшим городом к Харькову будет Обоянь Курской губернии. Вот они едут в поезде и уже приближаются к цели. Они говорят между собой о том, что, выгрузившись из вагона, совсем не знают, что дальше делать. Их разговор услышала ехавшая с ними просто одетая особа, оказавшаяся женой ссыльного священника, которого она ездила навестить. Зорко всмотревшись, она признала в лице о. Николая духовное лицо. Матушка сообщила своим спутникам, что в Обояни существует тайный женский монастырь. Она дала им его адрес. Добравшись туда, путешественники позвонили. Им открыла двери мать-привратница. Узнав, что они просят их приютить на ночь, монахиня категорически им заявила, что это невозможно: они сами скрываются, и если начнут пускать к себе посторонних, это сейчас же привлечет к ним внимание.

– Все же доложите о нас игумении, – попросил о. Николай.

Мать игумении не заставила себя ждать, она скоро вышла и приветливо их пригласила разделить с монахинями трапезу. Что же оказалось? В ночь их приезда явился игумении во сне преподобный Серафим и сказал:

– К тебе прибудет харьковский Серафим, ты его прими.

Батюшка заплакал и сказал:

– Я о. Николай.

Но в действительности он был в Соловках тайно пострижен и назван Серафимом. Он не ожидал, что еще вернется в мир и что жизнь его продолжится, и принял тайно монашество. В то время Ульяша этого не знала, но впоследствии, уже живя в Обояни, при служении о. Николаем Литургии, она слышала, как он, причащаясь, именовал себя иеромонахом Серафимом.

Квартиру в Обояни они не замедлили найти. Отец Николай днем никогда не выходил на улицу. Только глубокой ночью он выходил на двор подышать свежим воздухом. Он ежедневно служил Литургию. Проскомидия с бесконечным поминовением живых и умерших тянулась часами. Иногда ночью являлись к нему его харьковские монахини, и он так руководил их тайным монастырем.

Ульяша жила в Обояни в полном послушании у Батюшки. Она была им пострижена в монашество и названа Магдалиной. Поступила она работать в госпиталь в качестве санитарки. Неожиданно пришло распоряжение: все малограмотные обяваны сдать экзамен по программе десятилетки – иначе увольнение. На несчастье, учитель русского языка на курсах при госпитале сделал предложение Ульяше; она ему отказала, и он люто ее возненавидел. Отец Николай стал Ульяше давать уроки. Наступили экзамены. Батюшка написал сочинение под заглавием «Утро в поселке» и приказал Ульяше взять его с собой на письменный экзамен и переписать, когда объявят тему. Заданной темой было действительно «Утро в поселке». К устному экзамену о. Николай порекомендовал Ульяше выучить наизусть одно стихотворение.

– Когда спросят, кто его знает, – ты подыми руку.

О нем действительно спросили, и одна Ульяша знала эти стихи наизусть. Так удалось миновать злобу учителя русского языка. С математикой было сложнее. Сам о. Николай был очень плохим математиком. Он пригласил учителя и, раскрыв учебник по алгебре, указал ту страницу, которую Ульяша должна была усвоить. Спро-

силы на экзамене именно это самое. Ульяша сдала десятилетку и из санитарки стала медсестрой.

Наступило время Второй мировой войны. Из госпиталя города Обояни отправлялся на фронт отряд медицинского персонала. В нем была и Ульяша. Отец Николай должен был остаться один – старый, больной, неработоспособный, измученный тюрьмами и ссылками... На железнодорожной платформе происходила посадка медицинского персонала. Поименно всех вызывали и сажали в поезд. Осталась не вызванной одна Ульяша. Поезд ушел... Ульяша поспешила домой. И что же она увидела? Отец Николай стоял на молитве. Коврик, на котором он стоял, был весь мокрый от слез.

Город Обоянь заняли немцы. Солдаты были размещены по всем домам. Захватили они и домик, где помещался о. Николай.

Ему было предложено спать на полу. Однако солдаты были так поражены видом старца, непрестанно пребывающего на молитве, что не только не заняли его ложа, но даже снимали обувь, входя в его комнату, чтобы не потревожить молящегося.

Вскоре на санитарном автомобиле он был перевезен домой, в Харьков. Здесь о. Николай совершал в своем доме богослужения при большом стечении народа. Война кончалась. Началось немецкое отступление. Отец Николай решил двинуться на Запад, ибо, как он говорил, большевиков он не был в силах снова увидеть. Когда он переезжал границу своего отечества, то горько заплакал. Но его уже ожидало Отечество Небесное. Жизнь его оборвалась при приезде в город Перемышль. С ним случился удар. Его положили в больницу, где он прожил несколько дней. Умер он накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

Все произошло точь-в-точь, как он описал свою смерть в одном стихотворении, написанном лет за двадцать перед этим, в бытность его в Петрограде еще в начале революции.

В этом стихотворении описаны последние теплые дни ранней осени. Цветы отцветают. Падают на землю, шурша, осенние листья.

Кротко улыбается умирающая природа, и с ней вместе кончат свои земные дни и сам священнопоэт. Как он описал, так все и произошло в действительности: стояла именно такая осень. Батюшка, который не отличался особой красотой при жизни, на смертном одре был более чем прекрасен. Лик его носил отпечаток нездешнего мира, не передаваемой словами красоты. Приоткрылась как бы дверь в желанную, нездешнюю страну, где *праведницы сияют, яко светила* (Ср.: Мф. 13, 43).

Глава XVII

СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ

Первым старцем в Оптиной был иеросхимонах Лев, сильный и властный: он царственно открывает собою ряд великих старцев. В расцвет жизненных сил России старец Амвросий питает всех духовно божественной пищей – амброзией; а последний старец Нектарий, любимый ученик о. Амвросия, в нестерпимый зной страшных искушений, переживаемых Родиной, утоляет жажду и подкрепляет верующих духовными утешениями – божественным питием, нектаром.

«В Библии название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл, – говорит старец Варсонофий Оптинский, – но и в жизни часто название местности, фамилия лица – словом, всякое имя имеет некий таинственный смысл, уяснение которого иногда бывает не бесполезно»³⁹⁵.

Жития предшественников о. Нектария составлялись сразу же после их смерти их близкими и их учениками, в мирной обстановке, когда все было свежо в памяти современников, когда легко можно было добыть любое сведение. Мы находимся в иных условиях, вдали от Родины, и располагаем немногочисленными источниками, отрывочными сведениями.

Пусть этот труд и послужит материалом будущему составителю жития этого великого старца.

Кроме того, приступая к жизнеописанию батюшки о. Нектария, предупреждаем читателя: кто не видел лично Батюшку, тот по рассказам не сможет ясно представить его образ. Трудно будет судить ему о характере, о качествах Батюшки: смирении, кротости, скромности.

³⁹⁵ Ср. «Язык имен и цифр» в гл. XIV наст. изд. – *Примеч. ред.*

Прп. Нектарий,
старец Оптинский

По некоторым рассказам не видевший Батюшку может вынести неправильное впечатление о нем как о весельчаке и балагуре, чего в действительности не было, да и не могло быть: редкие случаи его «веселости» были весьма своеобразны и трудно передаваемы; их можно воспроизвести только относительно, так как на бумаге не передать ни интонации голоса, ни взгляда его слезящихся глазок, ни скромной улыбки или другого благодатного выражения его лица, свойственного только ему одному, нашему дорогому Батюшке.

Невозможно передать его дивные качества: воплощенного смирения, необычайных кротости и скромности, любви и всего непередаваемого обаяния его благодатной личности.

ЮНЫЕ ГОДЫ ОТЦА НЕКТАРИЯ И ПЕРИОД ДО СТАРЧЕСТВА

Прямых указаний на год рождения о. Нектария нет. Можно полагать, что родился он около 1856 года. Скончался о. Нектарий 29 апреля (12 мая) 1928 г. в селе Холмищи, достигнув 72-летнего возраста.

Родители его, Василий и Елена Тихоновы, были жителями города Ливны, Орловской губернии. Там родился и будущий Старец. Отец его был приказчиком, по другой версии – рабочим на мельнице. Он рано умер. Сам о. Нектарий говорил о себе:

– Было это в ребячестве моем, когда я дома жил сам-друг с маменькой. Нас ведь с маменькой двое только и было на белом свете, да еще кот жил с нами... Мы низкого были звания и притом бедные: кому нужны такие-то?

Похоронив мать в юношеском возрасте и оставшись круглым сиротой, Николай (так звали в миру о. Нектария) потянулся в Оптину Пустынь, находившуюся сравнительно близко от его родных мест и тогда уже славную во всех концах России. Вышел он в путь в 1876 г., двадцати лет, неся с собой одно лишь Евангелие в котомке за плечами.

Вот приближается молодой Николай Тихонов к Оптинскому монастырю, расположенному на правом берегу красавицы реки Жиздры, у опушки векового бора. Один вид обители успокаивает, умиротворяет душу, отрывает ее от суеты мирской жизни. Еще большее впечатление производит Скит, куда приходится идти по лесной тропинке среди многовековых сосен. В Скиту Николая ждет встреча со старцем Амвросием, который в то время находился в зените своей славы.

Приведем тут слова Е. Поселянина. Пусть много позже посещал он Оптинский Скит, но еще застал он старца Амвросия, а потому передает подобие того, что должен был видеть и чувствовать Николай Тихонов в описываемый нами момент.

«В скитской ограде встретят суровые лики великих преподобных пустынножителей, держащих в руках развернутые хартии с каким-нибудь изречением из своих аскетических творений... Вы идете по выложенной плитняком дорожке к деревянной скитской церкви. С обеих сторон от вас цветут, красуются, благоухают на высоких стеблях заботливо выращенные цветы.

Направо и налево от входа, вкрапленные в ограду, стоят два почти одинаковых домика, имеющие по два крылечка, – и с внутренней стороны Скита, и с наружной стороны. В одном из них жил великий старец Амвросий, в другом – скитоначальник Анатолий.

Скит представляет собой просторный отрядный сад с приютившимися в нем там, поближе к ограде, деревянными, большей частью отштукатуренными белыми домиками келлий.

Хорошо тут, в Скиту, в хлопотливый летний полдень, когда тянутся к солнцу и шибче благоухают цветы, и заботливо вьется над

ними торопливая пчела, а солнечное тепло льется, льется волнами на тихий Скит.

Хорошо в лунную ночь, когда звезды с неба точно говорят неслышно со Скитом, посылая ему весть о Боге. И Скит безмолвно отвечает им вздыханием к небу вечному, обетованному жилищу.

Хорошо и в ясный зимний день, когда все блестит непорочным снегом, и на этом снегу так ярко вырезывается зелень невянувших хвойных деревьев...

Вспоминаются дальше счастливые годы, летний вечер первой встречи со старцем Амвросием.

Вот бродит согбенный, опираясь на костыль; быстро подходит к нему народ. Короткие объяснения.

– Батюшка, хочу в Одессу ехать, там у меня родные, работа очень хорошо оплачивается.

– Не дорога тебе в Одессу. Туда не езд.

– Батюшка, да ведь я уже совсем собрался.

– Не езд в Одессу, а вот в Киев или в Харьков.

И все кончено. Если человек послушается – жизнь его направлена.

Стоят какие-то дальние мужики.

– Кто вы такие? – спрашивает Старец своим слабым ласковым голосом.

– К тебе, Батюшка, с подарочком, – отвечают они, кланяясь. – костромские мы, прослышали, что у тебя ножки болят, вот тебе мягкие лапочки сплели...

С каким радостным, восторженным чувством войдешь, бывало, в тесную келлию, увешанную образами, портретами духовных лиц и лампадами, и видишь лежащего на твердой койке, покрытого белым тканевым одеялом отца Амвросия. Ласково кивнет головой, улыбнется, скажет какую-нибудь шутку, и что-то чудотворное творится в душе от одного его взгляда. Словно перед тобой какое-то живое могучее солнце, которое греет тебя, лучи которого забрались

в глубь души, в тайные злые уголки твоего существа и гонят оттуда все темное и грязное, и сугубят в тебе все хорошее и чистое. И часто в каком-нибудь как бы вскользь сказанном слове чувствуешь, как он глубоко постиг всю твою природу. И часто потом, через долгие годы, вспоминаешь предостерегающее мудрое слово Старца. А как умел смотреть, как без слов умел заглядывать одним взглядом во все существо... Чудеса творил невидимо, неслышно. Посылал больных к какому-нибудь целебному колодцу или указывал отслужить какому-нибудь святому молебен, и выздоравливали... И вспоминается он, тихий, ясный, простой и радостный в своем неустанном страдании, как бы отлагающий лучи своей святости, чтобы не смущать нас, пришедших к нему со своими тяготами и грехами. Ведь он стоял в те дни уже на такой высоте, что являлся людям в видениях за сотни верст, зовя их к себе, что временами, когда он слушал богослужение, смотря на иконы, и к нему случайно подходили с каким-нибудь неотложным вопросом, то бывали ослеплены тем благодатным светом, каким сияло его лицо.

И такой человек старался быть только ласковым, приветливым дедушкой, бесхитростно толкуя с тобой о твоих больших вопросах и маленьких делишках!..»

Так должен был воспринять и вновь пришедший юноша Николай святость и духовную красоту Амвросия. Как цельная и прямая натура, он отдался ему всем своим существом. Весь мир для него сосредоточился в отце Амвросии.

О первых шагах молодого послушника Николая мы можем сказать лишь очень немного со слов монахини Нектарии (Концевич), записями которой мы располагаем.

Пришел Николай в Скит двадцатилетним юношей, отличался красотой; у него был прекрасный ярко-красный рот. Для смирения Старец стал называть его «Губошлепом». В Скиту он прожил около 50 лет (с 1876 г. по 1923 г.). Он нес различные послушания, в том числе на клиросе. У него был чудный голос, и когда однажды ему

пришлось петь «Разбойника благоразумного», он спел так прекрасно, что сам удивился – он ли это поет (это сам Старец монахиням рассказывал). Хороших певчих из Скита переводили в монастырь – вот он, спевши «Разбойника», испугался и принялся фальшивить. Его сперва перевели с правого клироса на левый, потом и совсем сместили и дали другое послушание.

Был очень застенчив: когда его назначили заведовать цветами, и Старец послал его вместе с монахинями плести венки на иконы, он очень краснел и не смотрел на них.

Была у него маленькая слабость: любил сладенькое. Старец разрешил ему приходить в его келлию и брать из шкафа нарочно положенные для него сладости. Однажды келейник спрятал в это условленное место обед Старца. Старец потребовал свой обед, а в шкафу пусто!

– Это Губошлеп съел мой обед, – объяснил Старец удивленному келейнику.

Однажды молодому послушнику взгрустилось, что вот все монахи от родных получают посылки, а ему некому послать. Узнали об этом монахини, наварили варенья, закупили сластей и послали ему посылочку по почте. Николай чрезвычайно обрадовался, схватил повестку и бегал в восторге по келлиям, всем показывал, что и ему есть посылка.

Года через два по поступлении Николая в Скит вышло распоряжение начальства о высылке из обители всех неуказных послушников, подлежащих военному призыву.

– И мне, – рассказывает сам о. Нектарий, – вместе с другими монастырский письмоводитель объявил о высылке меня из Скита. Но, к счастью моему, по святым молитвам Старца (о. Амвросия) опасность эта миновала. Письмоводитель вскоре объявил мне, что я отошел от воинской повинности только на двадцать пять дней. Прихожу к Батюшке и благодарю его за его молитвенную помощь, а он мне сказал: «Если будешь жить по-монашески, то и на буду-

щее время никто тебя не потревожит, и ты останешься в обители навсегда». И слова Старца оправдались.

Когда о. Нектарий был на пономарском послушании, у него была келлия, выходящая дверью в церковь. В этой келлии он прожил 25 лет, не разговаривая ни с кем из монахов: только сбегает к Старцу или к своему духовнику и обратно. Дело свое вел идеально, на каком бы ни был послушании: всегда все у него было в исправности. По ночам постоянно виднелся у него свет: читал или молился. А днем часто его заставляли спать, и мнение о нем составили, как о сонливом, медлительном. Это он, конечно, делал из смирения.

Итак, о. Нектарий провел 25 лет в подвиге почти полного молчания. Кто же был его прямым старцем? Отец ли Амвросий или, как утверждает ныне покойный протоиерей С. Четвериков, о. Анатолий Зерцалов?³⁹⁶ На этот вопрос отвечает сам о. Нектарий. Из нижеприведенных его слов рисуется его отношение к этим великим людям: о. Анатолия именует он духовным отцом, а Старец – это исключительно о. Амвросий.

«В Скит я поступил в 1876 году. Чрез год после сего батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться, как к духовному отцу, к начальнику Скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины сего последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны Старца нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их достоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой иеромонах Анатолий отвечал, что причиной сему – моя вера и любовь к Старцу; и что если он относится к другим не с такою любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них

³⁹⁶ См.: Четвериков С., прот. Оптина Пустынь. Париж, 1926. С. 97. – Примеч. ред.

веры и любви к Старцу и что таков общий закон: как кто относится к Старцу, так точно и Старец относится к нему»³⁹⁷.

Старец и его действия не подлежат суду ученика. Его указания должны приниматься без всяких рассуждений. Поэтому даже защита старца воспрещается, так как это уже в каком-то смысле является обсуждением или судом. По неопытности своей о. Нектарий защищал в спорах своего старца, о. Амвросия, от нападков некоторых неразумных и дерзких братьев. После одного из таких споров явился ему во сне его прозорливый духовник о. Анатолий (еще при жизни своей) и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью; старец за свои действия даст отчет Богу; значения их мы не постигаем»³⁹⁸.

Но вернемся к о. Нектарию, который, пробыв два с половиною десятка лет в уединении и молчании, ослабил, наконец, свой затвор. Дневник С.А. Нилуса «На берегу Божьей реки» (1909 г.) дает нам облик будущего Старца, когда он начал изредка появляться среди людей. Мы видим о. Нектария, говорящего притчами, загадками, с оттенком юродства, часто не без прозорливости. «Младенствующий друг наш» – называет его Нилус. Эта манера о. Нектария была формой его вящей скрытности из-за боязни обнажить свои благодатные дары.

Многие страницы этого оптинского дневника содержат записи общения автора с будущим Старцем.

Из этих записей восстает живой облик отца Нектария, выявляются его взгляды и воззрения, а также тут немало есть и его личных рассказов о своем детстве. Поэтому записи его ценны в качестве биографического материала.

«Готовимся к 8-му быть причастниками Святых Христовых Таин. Враг не дремлет и сегодня перед исповедью хотел было уго-

³⁹⁷ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 134.

³⁹⁸ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 57.

стить меня крупной неприятностью, подав повод к недоразумению с отцом-настоятелем, которого я глубоко почитаю и люблю. Но недаром прошли для меня два года жизни бок о бок с монашеским смирением Оптинских подвижников – смирился и я, как ни было это моему мирскому самолюбию трудно. Было это искушение за поздней обедней, после которой мы должны были с женой идти на исповедь к нашему духовнику и старцу о. Варсонофию. Вернулись после исповеди домой, а дома новое искушение: вхожу на подъезд, смотрю – а на свеженаписанном небе моего этюда масляными красками кто-то углем крупными буквами во все небо написал по-французски – “La pluie” (туча).

Я сразу догадался, что виновником этого “озорства” не мог быть никто другой, кроме нашего друга отца Нектария: это так было похоже на склонность его к некоторому как бы юродству, под которым для меня часто скрывались назидательные уроки той или другой христианской добродетели. Это он, несомненно он, прозревший появление тучки на моем духовном небе; он, мой дорогой Батюшка, любящий иногда, к общему изумлению, вставить в речь свою неожиданное французское слово!.. Заглянул я на нашу террасу, а он, любимец наш, сидит себе в уголке и благодушно посмеивается, выжидая, что выйдет из этой шутки.

– Ах, Батюшка, Батюшка! – смеюсь я вместе с ним. – Ну и проказник!

А “проказник” встал, подошел к этюду, смахнул рукавом своего подрясника надпись и с улыбкой объявил:

– Видите – ничего не осталось!

Ничего и в сердце моем не осталось от утренней смуты.

Несомненно, у друга нашего есть второе зрение, которым он видит то, что скрыто для глаза обыкновенного человека. Недаром же и благочестного жития его в монастыре без малого сорок лет»³⁹⁹.

³⁹⁹ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 387–388 (запись 7 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

«Сегодня первый день нового церковного года... Погода сегодня дивная. Солнце по-весеннему греет и заливает веселыми лучами наш садик и чудный оптинский бор, с востока и юга подступивший почти вплотную к нашему уединению. Я вышел на террасу и чуть не задохнулся от наплыва радостно-благодарных чувств к Богу, от той благодати и красоты, которыми без числа и без меры одарил нас Господь, поселив нас в этом раю монашеском. Что за мир, что за безмятежие нашего здесь отшельничества! Что за несравненное великолепие окружающей нас почти девственной природы! Ведь соснам нашим, величаво склоняющимся к нам свои пышно-зеленые могучие вершины, не по полтысячи ли лет будет? Не помнят ли некоторые из них тех лютых дней, когда злые татарове шли на Козельск, под стенами и бойницами которого грозный Батый задержан был на целых семь недель доблестью отцов теперешних соседей оптинских?.. И стою я, смотрю на всю эту радость, дышу и не надышусь, не налюбуюсь, не нарадуюсь...

– И вспомнил Иаков, – слышу я за спиной своей знакомый голос, – что из страны своей он вышел и перешел через Иордан только с одним посохом, и вот – перед ним его два стана. И сказал в умилении Иаков Богу: Господи, как же я мал пред Тобою (См.: Быт. 32, 9–10).

Я обернулся, уже зная, что это он, друг наш. И заплакало тут мое окаянное и грешное сердце умиленными слезами к Богу отцов моих, и воскликнуло оно Ему от всей полноты нахлынувшего на него чувства:

– Господи, как же я мал пред Тобою!

А мой Батюшка, смотрю, стоит тут же рядом со мной и радуется.

– Любуюсь я, – говорит, – на ваше общежитие, батюшка барин, и дивуюсь, как это вы благоразумно изволили поступить, что не пренебрегли нашей худостью.

– Нет, не так, – возразил я, – это не мое, а обитель ваша святая не пренебрегла нами, нашим, как вы его называете, общежитием.

Он как будто и не слышал моего возражения и вдруг, улыбнувшись своей тонкой улыбкой, обратился ко мне с таким вопросом:

– А известно ли вам, сколько от сотворения мира и до нынешнего дня было истинных общежитий?

Я стал соображать.

– Вы лучше не трудитесь думать, я сам вам отвечу – *три!*

– Какие?

– Первое – в Эдеме, второе – в христианской общине во дни апостольские, а третье... – Он приостановился...

– А третье – в Оптиной при наших великих старцах.

Я вздумал возразить:

– А Ноев ковчег-то?

– Ну, – засмеялся он, – какое же это общежитие? Сто лет звал Ной к себе в ковчег людей, а пришли одни скоты. Какое же это общежитие?!

Сегодня, точно подарок к церковному новому году, Батюшка наш преподнес нам новый камень самоцветный из неисчерпаемого ларца, где хранятся драгоценные сокровища его памяти.

– Вот и у нас в моем детстве тоже было нечто вроде Ноева ковчега, только людишечки мы были маленькие, и ковчезек наш был нам по росту, тоже малюсенький: маменька, я – ползунок да котик наш серенький. Ах, скажу я вам, какой расчудесный был у нас этот котик!.. Послушайте-ка, что я вам про него и про себя расскажу!..

– Я был еще совсем маленьким ребенком, – так начал свое повествование о. Нектарий, – таким маленьким, что не столько ходил, сколько елозил⁴⁰⁰ по полу, а больше сиживал на своем седалище, хотя кое-как уже мог говорить и выражать свои мысли. Был я ребенок кроткий, в достаточной мере послушливый, так что матери моей редко приходилось меня наказывать. Помню, что на ту пору мы

⁴⁰⁰ Елозить (орловский говор) – ползать. – *Примеч. С.А. Нилуса.*

с маменькой жили еще только вдвоем, и котка у нас не было. И вот в одно прекрасное время мать обзавелась котенком для нашего скромного хозяйства. Удивительно прекрасный был этот кругленький и веселенький котик, и мы с ним быстро сдружились так, что, можно сказать, стали неразлучны. Елозя ли я по полу – он уж тут как тут и об меня трется, выгибая свою спинку; сию ли за миской с приготовленной для меня пищей – он приспособится сесть со мной рядышком, ждет своей порции от моих щедрот; а сяду на седалище своем – он лезет ко мне на колени и тянется мордочкой к моему лицу, нороя, чтобы я его погладил. И я глажу его по шелковистой шерстке своей ручонкой, а он себе уляжется на моих коленках, зажмурит глазки и тихо поет-мурлычет свою песенку.

Долго длилась между нами такая дружба, пока едва не омрачилась таким событием, о котором даже и теперь жутко вспомнить.

Место мое, где я обыкновенно сиживал, помещалось у стола, где, бывало, шитьем занималась маменька, а около моего седалища, на стенке, была прибита подушечка, куда маменька вкалывала свои иголки и булавки. На меня был наложен, конечно, запрет касаться их под каким бы то ни было предлогом, а тем паче вынимать их из подушки, и я запрету этому подчинялся беспрекословно.

Но вот как-то раз залез я на обычное свое местечко, а вслед за мной вспрыгнул ко мне на колени и котенок. Мать в это время куда-то отлучилась по хозяйству. Вспрыгнул ко мне мой приятель и ну ко мне ластиться, тыкаясь к моему лицу своим розовым носиком. Я глажу его по спинке, смотрю на него и вдруг глазами своими впервые близко-близко встречаюсь с его глазами. Ах, какие это были милые глазки! Чистенькие, яркие, доверчивые... Меня они поразили: до этого случая я и не подозревал, что у моего котенка есть такое блестящее украшение на мордочке...

И вот смотрим мы с ним друг другу в глаза, и оба радуемся, что так нам хорошо вместе. И пришла мне вдруг в голову мысль попробовать, из чего сделаны под лобиком у котика эти блестящие

бисеринки, которые так весело на меня поглядывают. Поднес я к ним свой пальчик – котенок зажмурился, и спрятались глазки; отнял пальчик – они опять выглянули. Очень меня это забавило. Я опять в них – тык пальчиком, а глазки – нырь под бровки... Ах, как это было весело! А что у меня у самого были такие же глазки и что они так же жмурились, если бы кто к ним подносил пальчик, того мне и в голову не приходило... Долго ли, коротко ли я так забавлялся с котенком, уж не помню, но только вдруг мне в голову пришло разнообразить свою забаву. Не успела мысль мелькнуть в голове, а уж ручонки принялись тут же приводить в исполнение. Что будет, подумалось мне, если из материнской подушки я достану иголку и воткну ее в одну из котиковых бисеринок? Вздумано – сделано. Потянулся я к подушке и вынул иголку...

В эту минуту в горницу вошла маменька и, не глядя на меня, стала заниматься какой-то приборкой. Я невольно воздержался от придуманной забавы. Держу в одной руке иголку, а другой ласкаю котенка...

– Маменька! – говорю. – Какой у нас котеночек-то хорошенький!

– Какому же и быть! – отвечает маменька. – Плохого и брать было бы не для чего.

– А что у него, – спрашиваю, – под лобиком – иль глазки?

– Глазки и есть; и у тебя такие же.

– А что, – говорю, – будет, маменька, если я котеночку воткну в глазик иголку?

Мать и приборку бросила. Как обернется ко мне да как крикнет:

– Боже тебя сохрани!

И вырвала из рук иголку.

Лицо у маменьки было такое испуганное, что я его выражение до сих пор помню. Но еще более врезалось в мою память восклицание:

– Боже тебя сохрани!

Не наказала меня тогда мать, не отшлепала, а только вырвала с гневом из рук иголку и погрозила:

– Если ты еще раз вытащишь иголку из подушки, то я ею тебе поколю руку.

С той поры я и глядеть даже боялся на запретную подушку. Прошло много лет. Я уже был иеромонахом. Стояла зима; хороший, ясный выдался денек. Отдохнув после обеденной трапезы, я рассудил поставить себе самоварчик и поблагодарить за ароматическим чайком. В келлии у меня была вода, да несвежая. Вылил я из кувшина эту воду, взял кувшин и побрел с ним по воду к бочке, которая в Скиту у нас стоит обычно у черного крыльца трапезной. Иду себе мирно и не без удовольствия предвкушаю радости у кипящего самоварчика, за ароматной китайской травкой. В скитском саду ни души. Тихо, пустынно... Подхожу к бочке, а уж на нее, вижу, взобрался один из наших старых монахов и тоже на самоварчик достает себе черпаком воду. Бочка стояла так, что из-за бугра снега к ней можно было подойти только с одной стороны, по одной стежечке. По этой-то стежечке я тихохонько и подошел сзади к черпавшему в бочке воду монаху. Занятый своим делом, да еще несколько и глуховатый, он и не заметил моего прихода. Я жду, когда он кончит, и думаю: “Зачем нужна для черпака такая безобразная длинная рукоятка, да еще с таким острым расщепленным концом? Чего доброго, еще угодит и в глаз кому-нибудь!..” Только это я подумал, а мой монах резким движением руки вдруг как взмахнет этим черпаком да как двинет концом его рукоятки в мою сторону! Я едва успел отшатнуться. Еще бы на волосок, и быть бы мне с проткнутым глазом... А невольный виновник грозившей мне опасности слезает с бочки, оборачивается, видит меня и, ничего не подозревая, подходит ко мне с кувшином под благословение...

– Благословите, Батюшка!

Благословить-то его я благословил, а в сердце досаду: экий, думаю, невежа! Однако поборол я в себе это чувство – не виноват же он в самом деле в том, что у него на спине глаз нет, – и на этом умиротворился. И стало у меня вдруг на сердце так легко и радостно, что и передать не могу. Иду я в келлию с кувшином, наливши воды, и чуть не прыгаю от радости, что избег такой страшной опасности.

Пришел домой, согрел самоварчик, заварил “ароматический”, присел за столик... И вдруг как бы ярким лучом осветился в моей памяти давно забытый случай поры раннего моего детства – котенок, иголка и восклицание моей матери:

– Боже тебя сохрани!

Тогда оно сохранило глаз котенку, а много лет спустя и самому сыну...

– И подумайте, – добавил к своей повести о. Нектарий, – что после этого случая рукоятку у черпака наполовину срезали, хотя я никому и не жаловался: видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни нашей от колыбели и до могилы находится у Бога на самом строгом отчете»⁴⁰¹.

«На этих днях наши аввы – о. архимандрит и о. игумен – уезжают в Троице-Сергиеву Лавру на монашеский съезд. Виделся сегодня с о. Нектарием.

– Каковы, – спрашиваю, – мысли ваши о предстоящем монашеском съезде?

– Мои мысли? – переспросил он меня с улыбкой. – Какие мысли у человека, который утром скорбен, а к вечеру уныл? Вы, батюшка барин, сто книг прочли: вам, стало быть, и книги в руки.

Мне было знакомо это присловие о. Нектария, и потому я не отчаялся добиться от него ответа, хотя бы и притчей, любимой формой его мудрой речи. Я не ошибся.

⁴⁰¹ *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 73–81 (запись 1 сентября 1910 г.).

– Помните вы свое детство? – спросил он меня, когда я стал настаивать на ответе.

– Как не помнить – помню.

– Вот и я, – говорит, – тоже помню. Набегаемся мы, бывало, ребятенки, наиграемся; вот и присядем или приляжем где-нибудь там, в укромном местечке, на вольном воздухе, да и давай смотреть на Божие небушко. А по небу-то, глядишь, плывут-бегут легкие облачка, бегут – друг дружку догоняют. Куда, задумаешься бывало, путь они свой держат по голубой необъятной дали?.. Эх, хорошо было бы на облачках этих прокатиться!.. “Высоко дюже – нельзя! – со вздохом решает компания. – Не взберешься... А хорошо бы!” И вот среди нас выискивается один, наиболее смысленный: “Эхва, – говорит, – уж и раскисли! Как так нельзя? Здесь нельзя – над нами высоко, а там, – показывает на горизонте, – там рукой их достать можно. Бегим скорееича туда, взлезем, да и покатым!”

И видим все мы, что “смысленный” наш говорит дело, да к тому же он и коновод наш: ну что ж? – Бежим! И уж готова от слов к делу перейти стайка неоперившихся птенцов-затейников, да вспомнишь про овраг, через который бежать надобно, а в овраге небось разбойники; про дом свой вспомнишь – а в доме у кого отец, у кого мать да бабушка: еще вспорют чего доброго!.. Вспомнишь да и махнешь рукой на свою затею: чем по небу-то летать, давайте-ка лучше по земле еще побегает!

Сказал Батюшка свою притчу и улыбнулся своей загадочной улыбкой: понимай, мол, как знаешь!

Я не удовлетворился таким ответом.

– Вы мне, – говорю, – Батюшка, скажите прямее: неужели толку не выйдет из съезда?

– Осердится на них преподобный Сергей, – ответил о. Нектарий.

– На кого – на них?

– Да на наших, что туда едут. Чего “собираться скопом?” Ведь это запрещено монашеским уставом. Монашеский устав дан Ангелом: не людям же его менять-стать да дополнять своими измышлениями... Плакать надо да каяться у себя в келлии наедине с Богом, а не на позор собираться.

– Как на позор? Что вы говорите, Батюшка?

– На позор – на публику, значит, на вид всем, кому не лень смеяться над монахом, забывшим, что есть монах... Какие там могут быть вопросы? Все дано, все определено первыми учредителями монашеского жития. Выше богоносных отцов пустынных кто может быть?.. Каяться нужно, да в келлии сидеть и носу не высовывать – вот что одно и нужно!

– Что бы, – говорю, – вам сказать все это аввам?

– А вы, – вместо ответа сказал мне Батюшка, – не поскучаете ли еще послушать сказочку?

И Батюшка продолжал: “Жил-был на свете один вельможа. Богат он был и знатен, и было у него много всяких друзей, ловивших каждое его слово и всячески ему угождавших. А вельможа тот был характера крутенького и любил, чтобы ему все подчинялись... Вот, как-то раз на охоте с друзьями отошел к сторонке тот вельможа да в виду всех взял и лег на землю, приник к ней одним ухом, послушал, повернулся на другой бок, другим ухом послушал да и кричит своим приспешникам:

– Идите-ка все сюда!

Те подбежали.

– Лягте – слушайте!

Легли, слушают.

– Слышите? Земля трещит: грибы лезут.

И все закричали в один голос:

– Слышим! Слышим!

Только один из друзей встал с земли молча.

– Что же ты молчишь? – спрашивает вельможа. – Или не слышишь?

– Нет, – отвечает, – не слышу.

И сказал вельможа:

– Э, братец, ты, видно, того – туговат на ухо!

И все засмеялись над ним и с хохотом подхватили слова вельможи:

– Да он не только туговат: он просто-напросто глухой!”

Сказал свою сказочку Батюшка и замолк.

– И все тут? – спрашиваю.

– Все. Чего же вам больше?

И то правда: чего же мне больше?»⁴⁰².

«Продолжаю свою мысленную брань с пороком куренья, но пока все еще безуспешно. А бросать это скверное и глупое занятие надо: оно чувствительно для меня разрушает здоровье – дар Божий, и это уже грех.

Приснопамятный старец батюшка Амвросий как-то раз услышал от одной своей духовной дочери признание:

– Батюшка! Я курю, и это меня мучает.

– Ну, – ответил ей Старец, – это еще беда невелика, коли можешь бросить.

– В том-то, – говорит, – и горе, что бросить не могу!

– Тогда это грех, – сказал Старец, – и в нем надо каяться, и надо от него отстать.

Надо отстать и мне; но как это сделать? Утешаюсь словами наших старцев, обещавших мне освобождение от этого греха, “когда придет время”.

Покойный доброт Оптиной Пустыни и духовный друг ее великих старцев, архиепископ Калужский Григорий не переносил этого порока в духовенстве, но к курящим мирским и даже своим

⁴⁰² Там же. Т. 1. С. 400–403. – *Примеч. ред.*

Какое дивное прозрение и поучение заключаются в этом сказании: как не вспомнить исход вышеизложенной «Оптинской смуты»? Не «осердился» ли преподобный Сергей?

семинаристам, пока они не вступали в состав клира, относился снисходительно. От ставленников же, готовящихся к рукоположению, он категорически требовал оставления этой скверной привычки и курильщиков не рукополагал.

Об этом мне сообщил друг наш о. Нектарий, которому я не раз жаловался на свою слабость.

– Ведь вы, – утешал он меня, – батюшка-барин, мирские, что с вас взять? А вот...

И он мне рассказал следующее: “Во дни архиепископа Григория, мужа духоносного и монахолюбивого, был такой случай: один калужский семинарист, кончавший курс первым студентом и по своим выдающимся дарованиям лично известный владыке, должен был готовиться к посвящению на одно из лучших мест епархии. Явился он к архиепископу за благословением и указанием срока посвящения. Тот принял его отменно ласково, милостиво с ним беседовал и, обласкав отечески, отпустил, указав день посвящения. Отпуская от себя ставленника, он, однако, не преминул спросить:

– А что ты, брате, куревом-то – занимаешься или нет?

– Нет, Высокопреосвященнейший владыка, – ответил ставленник, – я этим делом не занимаюсь.

– Ну и добре, – радостно воскликнул владыка, – вот молодец-то ты у меня!.. Ну-ну, готовься, и да благословит тебя Господь!

Ставленник архиерею, по обычаю, – в ноги; сюртук распахнулся, а из-за пазухи так и посыпались на пол одна за другой папиросы.

Владыка вспыхнул от негодования.

– Кто тянул тебя за язык лгать мне? – воскликнул он в великом гневе. – Кому солгал? Когда солгал? Готовься служить Богу в преподобии и правде?.. Ступай вон! Нет тебе места и не будет...

С тем и прогнал лгуна с глаз своих долой...”

– Так-то, батюшка-барин, – добавил о. Нектарий, глядя на меня своим всегда смеющимся добротой и лаской взглядом.

– А вам чего унывать, что не афонским ладаном из уст ваших пахнет? Пред кем вы обязаны?.. А знаете что? – воскликнул он, и лицо его расцветилось милой улыбкой. – Вы не поверите! Я ведь и сам едва не записался в курильщики. Было это еще в ребячестве моем, когда я дома жил сам-друг с маменькой... Нас ведь с маменькой двое только и было на белом свете, да еще кот жил с нами... Мы низкого были звания, и притом бедные: кому нужны такие-то?! Так вот-с: не уследила как-то за мной маменька, а я возьми да и позаимствуйся от одного-то из богатеньких сверстников табачком. А у тех табачок был без перевода, и они им охотно, бывало, угощают всех желающих. Скрутят себе вертушку, подымят-подымят, да мне в рот и сунут: “На, покури!” Ну, за ними задымишь и сам. Первый раз попробовал – голова закружилась, а все-таки понравилось. Окурок за окурком – и стал я уже привыкать к баловству этому: начал попрошайничать, а там и занимать стал в долг, надеясь когда-нибудь выплатить... А чем было выплачивать-то, когда сама мать перебивалась, что называется, с хлеба на квас, да и хлеба-то не всегда вдоволь было... И вот стала маменька за мной примечать, что от меня как будто табачком припахивает...

– Ты, что это, Коля (меня в миру Николаем звали), никак курить стал поваживаться? – нет-нет да и спросит меня матушка.

– Что вы, – говорю, – маменька! И не думаю! – А сам скорей к сторонке, будто по делу. Сошло так раз, другой, а там и попался: не успел я раз как-то тайком заемным табачком затянуться, а маменька – шась! – тут как тут.

– Ты сейчас курил? – спрашивает.

Я опять:

– Нет, маменька!

А где там – нет! От меня чуть не за версту разит табачищем... Ни слова маменька тут мне не сказала, но таким на меня взглянула скорбным взглядом, что, можно сказать, всю душу во мне перевернула. Отошла она от меня куда-то по хозяйству а я забился в укромный уголок и стал неутешно плакать, что огорчил маменьку,

мало – огорчил, обманул и солгал вдобавок. Не могу и выразить, как было это мне больно!.. Прошел день, настала ночь, мне и сон на ум нейдет: лежу в своей кроватке и все хлюпаю (орловский говор), лежу и хлюпаю... Маменька услышала:

– Ты что это, Коля? Никак плачешь?

– Нет, маменька.

– Чего ж ты не спишь?

И с этими словами матушка встала, засветила огоньюшка и подошла ко мне; а у меня все лицо от слез мокрое и подушка мокрехонька...

И что у нас тут между нами было!.. И наплакались мы оба, и помирились мы, наплакавшись, с родимой, хорошо помирились!

Так и покончилось баловство мое с куреньем»⁴⁰³.

«Заходил проведать давно не бывавший у нас друг наш о. Нектарий.

– Что давно не видать было вас, Батюшка? – встретили мы таким вопросом этого полузатворника, известного всем оптинским монахам сосредоточенностью своей жизни.

– А я думаю, – ответил он с улыбкой, – что грешному Нектариию довольно было бы видеть вас и единожды в год, а я который уже раз в году у вас бываю!.. Монаху – три выхода: в храм, в келлию и в могилу; вот закон для монаха.

– А если дело апостольской проповеди потребует? – возразил я.

– Ну, – ответил он мне, – для этого ученые академисты существуют, а я необразованный человек низкого звания.

А между тем этот “человек низкого звания” начитанностью своей поражал не одного меня, а многих, кому только удавалось приходиться с ним в соприкосновение.

Я рассказывал Батюшке о небесном знамении, бывшем в Москве в начале месяца (ложные солнца и луна).

– Как вы на эти явления смотрите?

⁴⁰³ Там же. Т. 2. С. 68–70 (запись 30 августа 1909 г.). – *Примеч. ред.*

– Э, батюшка-барин, – о. Нектарий иногда меня так называет, – как моему невежеству отвечать на такие вопросы? Мне их задавать, а вам отвечать: ведь вы сто книг прочли; а я человек темный.

– Да вы не уклоняйтесь, Батюшка, от ответа, – возразил я. – В моих ста книгах, что я прочел, быть может, тьма одна, а в вашей одной монашеской, которую вы всю жизнь читаете, свету на весь мир хватит.

Отец Нектарий взглянул на меня серьезно, испытующе.

– Вам, собственно, какого от меня ответа нужно? – спросил он.

– Да такого, который бы ответил на мою душевную тревогу: таковы ли будут знамения на небе, на солнце, луне и звездах, которым, по словам Спасителя, надлежит быть пред кончиной мира?

– Видите ли, чего захотели от моего худоумия! Нет, батюшка-барин, не моей это меры, – ответил на мой вопрос о. Нектарий. – А вот одно, по секрету, уж так и быть, я вам скажу: в прошлом месяце – точно не упомяну числа – шел со мной от утрени отец игумен (старец Варсонофий), да и говорит мне: “Я, о. Нектарий, страшный сон видел, такой страшный, что еще и теперь нахожусь под его впечатлением... Я его потом как-нибудь, расскажу”, – добавил, подумав, о. игумен и пошел в свою келлию. Затем прошел шага два, повернулся ко мне и сказал: “Ко мне антихрист приходил. Остальное расскажу после”.

– Ну и что же, – перебил я о. Нектария, – что же он вам рассказал?

– Да ничего! – ответил о. Нектарий. – Сам он этого вопроса уж более не поднимал, а спросить его я побоялся; так и остался поднесь этот вопрос невыясненным... Что же касается до небесных знамений и до того, как относиться к ним и к другим явлениям природы, выходящим из ряда обыкновенных, то сам я открывать их тайны власти не имею. Помнится, что-то около 1885 г., при ски-тона начальнике отце Анатолии, выдался среди зимы такой необыкновенный солнечный закат, что по всей Оптиной снег около часу

казался кровью. Покойный отец Анатолий был муж высокой духовной жизни, истинный делатель умной молитвы и прозорливец; ему, должно быть, что-нибудь об этом явлении было открыто, и он указывал на него, как на знамение вскоре имеющих быть кровавых событий, предвещающих близкую кончину мира.

– Не говорил ли он вам в то время, что антихрист уже родился?

– Так определенно он, помнится, не высказывался, но прикровенно о близости его явления он говаривал часто. В Белевском женском монастыре у о. Анатолия было немало духовных дочек. Одной из них, жившей с матерью-монахиней, он говорил: “Мать-то твоя не доживет, а ты доживешь до самого антихриста”. Мать теперь умерла, а дочка все еще живет, хоть ей теперь уж под восемьдесят лет.

– Неужели же, Батюшка, так близка развязка?

Отец Нектарий улыбнулся и из серьезного тона сразу перешел в шуточный:

– Это вы, – ответил он, смеясь, – в какой-нибудь из своих книг прочтите.

И с этими словами о. Нектарий перевел разговор на какую-то обыденную житейскую тему»⁴⁰⁴.

То была запись от конца марта, а вот запись от 1 июля.

«Зашел о. Нектарий. Преподав мне благословение, задержал мою руку в своей и говорит серьезно с какой-то торжественной расстановкой:

– В дому Давидову страх велик.

И засмеялся – куда вся серьезность девалась!

– Что это, – спрашиваю, – значит?

Отец Нектарий опять стал серьезен.

– Некто из наших скитян, – ответил он мне, – сон на днях такой видел: будто он оглядывается в сторону царских врат и к ужасу своему видит, что там стоит изображение зверя...

– Какого зверя?..

⁴⁰⁴ Там же. Т. 1. С. 170–173 (запись 23 марта 1909 г.). – *Примеч. ред.*

– Апокалипсического. Вид его был столь страшен, что не поддается описанию. Образ этот на глазах имевшего видение трижды изменил свой вид, оставаясь все тем же зверем.

Сказал это отец Нектарий, махнул рукой и добавил:

– Впрочем, мало ли что монашескому худоумию может присниться или привидеться!

Не придавайте, мол, значения речам моим...»⁴⁰⁵.

16 июня. «Заходил о. Нектарий – и ни с того ни с сего завел речь о какой-то знатной даме, которую нам нужно ждать к себе, – что бы это была за дама? Наш друг спроста не говорит»⁴⁰⁶.

19 июня. «К нам просится Олимпиада Федоровна Рагозина, давнишний наш друг и большая наша любимица. Сегодня от нее получили письмо, – она давно нам не писала, – и в письме этом она умоляет принять ее в общение с нашей жизнью. Пишет, что готова жить хоть в Козельске, лишь бы поближе быть к тому источнику, из которого мы черпаем живую воду, жить тем, чем жива душа наша.

Не наша ли Липочка... та знатная дама, которую нам предвозвестил о. Нектарий? Не знатна она родовитостью и богатством, но душа ее поистине знатная – добрая, любящая, кроткая... Головка вот только у нас путаная: живя постоянно в Петербурге в общении с людьми нового толка, не исключая духовных лиц обновленческого направления, наша Липочка соскочила с оси подлинного Православия и теперь мечется из стороны в сторону, нигде не обретая себе покоя»⁴⁰⁷.

«27 июня. Приехала к нам наша любимица и друг наш Олимпиада Федоровна Рагозина, о которой я уже упоминал раньше, предполагая видеть в ней “знатную даму”, предсказанную о. Нектарием... Ну, и измочалил же ее, бедную, мир...

Давно не бывавший у нас о. Нектарий сегодня пожаловал – точно предвидел приезд своей “знатной дамы” и с места завел раз-

⁴⁰⁵ Там же. Т. 2. С. 7–8 (запись 1 июля 1909 г.). – *Примеч. ред.*

⁴⁰⁶ Там же. Т. 1. С. 390 (запись 16 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

⁴⁰⁷ Там же. Т. 1. С. 393–394 (запись 19 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

говор о звездах, уверяя, что на карте звездного неба он нашел свою “счастливую звезду”.

Наша Липочка слушала его речи не без удивления, затем отвела меня в сторону и тихонько спросила:

– К чему это он все говорит?

– Не знаю.

– Вы ничего ему про меня не рассказывали?

– Нет.

– Странно.

– Что ж странного?

– Да то странно: я – именно я – всю жизнь искала свою “счастливую звезду” и не нашла ее до сих пор.

– А он, – говорю, – видите, нашел!

– Рассказывайте?!

– Присмотритесь поближе к Оптиной, к нашей жизни, к нашим интересам: быть может, и вы свою звезду найдете...

– А вы, – спросила Липочка, – вашу нашли?

– Видите, – говорю, – не ищем – стало быть, нашли!

Липочка задумалась, но, кажется, речам моим не очень поверила»⁴⁰⁸.

«Дошло до моего слуха, что один довольно мне близкий по прежним моим связям с Орловской губернией человек имеет намерение по смерти своей оставить значительный капитал на учреждение при одной из духовных академий кафедры церковного ораторского искусства.

Скорбно мне стало такое извращение понимания хорошим человеком источника церковного проповедничества. Беседовали мы на эту тему с отцом Нектарием... Говорил-то, правда, больше я, а он помалкивал да блестел тонкой усмешкой в глубине зрачков и в углах своих ярких, светящихся глаз.

⁴⁰⁸ Там же. Т. 1. С. 411–412 (запись 27 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

– Ну, а вы, – спрашиваю, – Батюшка, что об этом думаете?

– Мне, – отвечает он с улыбкой, – к вам приникать надобно, а не вам заимствоваться от меня. Простите меня великодушно: вы ведь сто книг прочли, а я-то? Утром скорбен, а к вечеру уныл...

А у самого глаза так и заливаются детским смехом...

– Ну-те, хорошо! (это у о. Нектария такое присловье). Ну-те, хорошо! Кафедру, вы говорите, хотят красноречия завести при академии. Что ж? Может быть, и это к добру. А не слыхали ли вы о том, как некий деревенский иерей, не обучившись ни в какой академии, пронзил словом своим сердце самого царя, да еще царя-то какого – спасителя всей Европы Александра Благословенного!

– Не слыхал, Батюшка.

– Так не поскучайте послушать. Было дело это в одну из поездок царских по России, чуть ли не тогда, когда он из Петербурга в Таганрог ехал. В те времена, изволите знать, железных дорог не было, и цари по царству своему ездили на конях. И вот случилось Государю проезжать через одно бедное село. Село стояло на царском пути, и проезжать его царю приходилось днем, но остановки в нем царскому поезду по маршруту не было показано. Местный священник это знал, но по царелюбию своему все-таки пожелал царский поезд встретить и проводить достойно. Созвал он своих прихожан к часу проезда к храму, у самой дороги царской. Собрались все в праздничном наряде, вышел батюшка в светлых ризах, с крестом в руках, а обок его дьячок со святой водой и с кропилом – и стали ждать, когда запылит дорога и покажется государев поезд. И вот, когда показался в виду царский экипаж, поднял священник крест высоко над головой и стал им осенять грядущего в путь самодержца. Заметил это Государь и велел своему поезду остановиться, вышел из экипажа и направился к священнику. Дал ему иерей Божий приложиться ко кресту, окропил его святой водою, перекрестился сам и сказал такое слово: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Царь земный! Вниди в дом Царя

Небесного, яко твое есть царство, а Его – сила и слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь”.

И что ж вы, мой батюшка Сергей Александрович, думаете? Ведь так пронзило слово это сердце царское, что тут же царь велел адъютанту выдать священнику на церковные нужды пятьдесят рублей. Мало того: заставил повторить слово и еще пятьдесят рублей пожертвовал. Во сто целковых оценил Государь краткое слово сельского батюшки...

Прервал свой рассказ о. Нектарий и засмеялся своим детским смехом...

– Впрочем, – добавил он с серьезным видом, – вы, батюшка-барин, изволили сто книг прочесть – вам и книги в руки.

Потом помолчал немного и сказал:

– Когда посвящал меня в иеромонахи бывший наш благоднейший владыка Макарий, то он, святительским своим прозрением проникнув в мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем тоже краткое и тоже сильное слово, и настолько было сильно слово это, что я его до сих пор помню, – сколько уж лет прошло, – и до конца дней моих не забуду. И много ль всего-то и сказал он мне? Подозвал к себе в алтарь да и говорит: “Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего, иеромонаха Нектария!” Только всего ведь и сказал мне владыка, но слово его спасло меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано с властью.

– Да, – подумалось мне, – власти этой, кроме как от Бога, ниоткуда не получишь»⁴⁰⁹.

«Сегодня тот же о. Нектарий в беседе о тесноте монашеского пути вспомнил об одном своем товарище по Скиту, некоем о. Стефане⁴¹⁰, проводившем благочестное житие в обители двадцать пять лет и все-таки не устоявшем до конца в своем подвиге».

⁴⁰⁹ Там же. Т. 1. С. 394–397 (запись 19 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

⁴¹⁰ Речь идет о рясофорном монахе Стефане (Дерябине). – *Примеч. ред.*

Дело было в том, что о. Стефан без благословения обители издал сделанные им выписки из творений св. Иоанна Златоустого. «Издание это, к слову сказать, в свое время среди мирян имело успех немалый... Дошла эта книжонка и до рук Оптинского настоятеля, архимандрита Исаакия. Позвал он к себе Стефана да и говорит, показывая на книжку:

– Это чье?

– Мое.

– А где ты живешь?

– В Скиту.

– Знаю, что в Скиту. А у кого благословлялся это печатать?

– Сам напечатал.

– Ну когда “сам”, так чтоб твоей книжкой у нас и не пахло.

Понял? Ступай!

Только и было у них разговору. И жестоко оскорбился Стефан на архимандрита, но обиду затаил в своем сердце и даже Старцу о ней не сказал ни слова. Так пришло время пострига – его и обошли за самочиние мантией: взял Стефан да и вышел в мир, ни во что вменив весь свой двадцатипятилетний подвиг. Прожил он на родине, в своем двухэтажном доме, что-то лет с пять, да так в миру и помер.

Рассказал мне о. Нектарий скорбную эту повесть, заглянув мне в глаза, усмехнулся и сказал:

– Вот что может иногда творить авторское самолюбие!

А у меня и недоразумение-то мое с о. архимандритом возникало на почве моего авторского самолюбия... И откуда о. Нектарий это знает? А знает, и нет-нет да и преподаст мне соответственное назидание.

Уходя от нас и благословив меня, о. Нектарий задержал мою руку в своей руке и засмеялся своим детским смехом:

– А вы все это непременно запишите!

Вот и записываю»⁴¹¹.

⁴¹¹ Там же. Т. 1. С. 397–400 (запись 19 июня 1909 г.). – *Примеч. ред.*

СТАРЧЕСТВО ОТЦА НЕКТАРИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

С 1905 г. старец Иосиф, преемник о. Амвросия, стал часто прихварывать и видимо ослабевать. В мае, после серьезной болезни, он сложил с себя должность скитона начальника, и Святейший Синод назначил о. Варсонофия на эту должность, связанную, по оптинским обычаям, и со старчеством. Отец Варсонофий, волевая, яркая личность, являлся также носителем особой благодати Божией.

Отец Нектарий, всегда стремившийся жить незаметно, уступил ему – своему в действительности ученику – первенство.

Через пять-шесть лет старец Варсонофий, вследствие интриг и клевет, был переведен из Оптиной Пустыни настоятелем Голутвинского монастыря, находившегося в полном упадке. Через год схиархимандрит о. Варсонофий преставился.

На нем исполнились слова апостола Павла о том, что во все времена, как и в древности, так и теперь, *рожденные по плоти гонят рожденных по духу* (Ср.: Гал. 4, 29). С уходом из Оптиной о. Варсонофия о. Нектарий не мог уклониться от старчества и волей-неволей должен был его принять. Он, надо думать, пытался достигнуть того, чтобы его освободили от этого послушания. Вот как об этом повествует, со слов очевидцев, монахиня Нектария.

Когда его назначили старцем, он так скоморошничал (юродствовал), что его даже хотели сместить, но один высокой духовной жизни монах сказал:

– Вы его оставьте, это он пророчествует.

Теперь все то сбывается, что он тогда прообразовывал. Например, наденет халатик на голое тело, и на ходу сверкают у него голые ноги: в 1920–1922 гг. у нас даже студенты, курсистки и служащие ходили на службу босые, без белья или в пальто на рваном белье. Насобирает разного хламу, камешков, стеклышек, глины и т. д., устроил крохотный шкафчик и всем показывает, говоря:

– Это мой музей.

Теперь там музей. Взял фонарик электрический, спрятал его под рясу, ходил по комнате и от времени до времени сверкает им:

– Это я кусочек молнии с неба схватил и под рясу спрятал.

– Да это же не молния, а просто фонарь! – говорили ему.

– А, догадались!

Вот и теперь время от времени делает он нам свои небесные откровения, но, по великому своему смирению, весьма редко и по великой нужде.

О первых шагах старчества о. Нектария записала монахиня Таисия со слов Елены Александровны Нилус, жившей несколько лет в Оптиной Пустыни и хорошо знавшей о. Нектария.

Батюшка о. Нектарий был духовным сыном старца о. Иосифа, преемника батюшки о. Амвросия и его же, о. Иосифа, духовником. Принимал он в хибарке покойных своих старцев о. Амвросия и о. Иосифа, где и стал жить сам. Но по глубокому своему смирению старцем себя не считал, а говорил, что посетители приходят, собственно, к батюшке о. Амвросию в его келлию, и пусть келлия его сама говорит с ними вместо него. Сам же о. Нектарий говорил мало и редко, и притом часто иносказательно, как бы полуюродствуя. Часто давал что-нибудь, а сам уходил, оставляя посетителя одного со своими мыслями. Но этот молчаливый прием в обвеянной благодатью келлии величайшего из Оптинских старцев, где так живо ощущалось его личное присутствие как живого, эти немногие слова его смиренного заместителя, унаследовавшего с даром старчества и его дар прозорливости и любви к душе человеческой, это одинокое чтение и размышление оставляли в душе посетителя неизгладимое впечатление.

Был случай, когда посетил о. Нектария один протоиерей-академик.

– Что же я мог ему сказать? Ведь он ученый, – рассказывал после сам Старец. – Я и оставил его одного в батюшкиной келлии. Пусть сам Батюшка его и научит.

Протоиерей же, в свою очередь, горячо благодарил Старца за его прием. Он говорил, что, оставшись один, обдумал всю прошлую свою жизнь и многое понял и пережил по-новому в этой тихой старческой келлии.

Но не всех принимал Старец таким образом. С некоторыми он много и очень оживленно говорил, поражая собеседника своими многими и всесторонними знаниями. В этих случаях он оставлял свою манеру немного юродствовать. После одной из таких бесед его собеседник, также протоиерей с академическим образованием, поинтересовался:

– Какой Батюшка академии?

Еще в другой раз о. Нектарий имел разговор с одним студентом об астрономии.

– Где же Старец окончил университет? – полюбопытствовал этот последний.

К началу старчества относится запись инокини М., духовной дочери митрополита Макария, к которому ее направили Оптинские старцы. Митрополит же переслал ее рукопись в редакцию «Троицкого слова». Воспроизводим эту запись.

«...Судьба кидала меня из стороны в сторону. Причин описывать не буду, но я вела веселую, рассеянную жизнь. Я не добила того, чего хотела; душа моя болела всегда об этом, и я, чтобы найти самозабвенье, искала шумную, веселую компанию, где бы можно было заглушить эту боль души. Наконец это перешло в привычку и так осталось, пока, наконец, в силу некоторых обстоятельств, мне не пришлось вести жизнь в семье, – с год до того времени, как мне поехать в Оптину Пустынь. За этот год я отвыкла от кутежей и поездок в увеселительные места, но не могла свыкнуться с семейной обстановкой, а надо было на что-нибудь решиться и окончательно повести жизнь по одному пути. Я была на распутье – не знала, какой выбрать образ жизни.

У меня была хорошая знакомая, религиозная барышня; и вот однажды она мне сказала, что ей попала в руки книга “Тихая

пристань для отдыха страдающей души” В.П. Быкова⁴¹². В ней говорится про Оптину Пустынь Калужской губернии; какие прекрасные там старцы – духовные руководители, как они принимают на советы к себе всех, желающих о чем-либо поговорить с ними, и как они сами собою представляют пример христианской жизни.

Мы заинтересовались этой Пустынью и решили обе туда съездить. Первой едет на масленой неделе моя знакомая и возвращается оттуда какая-то особенная. Она рассказывает мне, что ничего подобного, что она там увидела и услышала, и представить себе не могла. Она говорит мне о старцах. Первый, к которому она попала, это о. Нектарий, живший в Скиту. Он принимает мало народу в день, но подолгу держит у себя каждого. Сам говорит мало, а больше дает читать, хотя ответы часто не соответствуют вопросам; но читающий, разобравшись хорошенько в прочитанном, найдет в себе то, о чем заставили его читать, и видит, что действительно это, пожалуй, важнее того, о чем он настойчиво спрашивал. Но бывают и такие случаи, когда долго сидят молча и Старец и посетитель, и, не сказав ни слова друг другу, Старец назначает ему прийти к нему в другое время.

Другой старец, о. Анатолий, с иными приемами. Этот успеваешь в день принять иногда по несколько сот человек. Говорит очень быстро, долго у себя не держит, но в несколько минут говорит то, что особенно важно для вопрошающего. Также часто выходит на общие благословения, и в это время быстро отвечает некоторым на вопросы, а иногда просто кому-нибудь делает замечания. Она у него была не более пяти минут. Но он указал ей на главные ее душевные недостатки, которых, как она говорит, никто не знал, – она была поражена. Она бы хотела его еще раз увидеть, дольше поговорить с ним, но не могла, так как у нее уже нанят был ямщик, и она должна была ехать домой. Вот какое впечатление вынесла моя знакомая

⁴¹² Неточность, имеется в виду кн.: *Быков В.П.* Тихие приюты для отдыха страдающей души. М., 1913. – *Примеч. ред.*

и рассказала мне. Мне, конечно, по рассказам ее более нравился о. Анатолий, с ним, мне казалось, лучше можно было поговорить о своей жизни. Хотелось скорее, скорее ехать туда. Но постом ехать бесполезно, так как в это время в Оптиной трудно новенькому человеку добиться беседы со Старцем, потому я отложила до Пасхи. Наконец в Страстную пятницу я выехала, а в субботу рано утром приехала в Козельск. Наняла ямщика и через час подъехала к “благодатному уголку России”. Остановилась я в гостинице около святых ворот у о. Алексея. Привела себя в порядок, выпила наскоро чашку чаю и скорее побежала к о. Анатолию. Дорогой мне кто-то указал могилку почитаемого батюшки о. Амвросия, я припала к холодной мраморной плите и просила его устроить на пользу мне эту поездку. Вот вхожу на паперть храма. Мне указывают на дверь направо – в приемную о. Анатолия. Вхожу туда и вижу, что стоит кучка народу, окружив кого-то, но кто стоит в центре ее – не видать. Только что я хотела перекреститься и не успела еще положить на себе крестное знамение, как вдруг толпу кто-то раздвигает, и маленький старичок с милой улыбкой и добрыми, добрыми глазами вдруг кричит мне:

– Иди, иди скорей сюда, давно ли приехала-то?

Я подбегаю к нему под благословение и отвечаю:

– Только сейчас, Батюшка, приехала, да вот и тороплюсь сюда к вам.

– Ведь у тебя здесь родные, да, да? – спрашивает о. Анатолий.

– Нет, Батюшка, у меня родных нигде нет, не только здесь, – отвечаю я.

– Что ты, что ты, ну пойдем-ка сюда ко мне, – и о. Анатолий, взяв меня за руку, ввел к себе в келлию.

Келлия его была необычайно светла, солнце ее всю заливало своим ярким светом. Здесь Батюшка сел на стул около икон, а я встала пред ним на колени и стала рассказывать ему о своей жизни. Долго рассказывала я, а Батюшка в это время или держал меня руками за голову, или вставал и ходил по комнате, или уходил в

другую комнату, как бы чего ища, и все время тихонько напевал: “Пресвятая Богородице, спаси нас”. Когда я окончила свою повесть, Батюшка ничего определенного не сказал, что надо делать мне дальше, а на вопрос мой, когда он может исповедовать меня, он сказал, что сейчас же. Тут же произошла и исповедь – сначала по книге, а потом так. Но что это была за исповедь! Ничего подобного раньше я и представить себе не могла. Ведь я не исповедовалась и не причащалась уже восемь лет. Теперь я, по неведению своему, не думала, что надо все так подробно говорить, я поражалась, когда сам Старец задавал мне вопросы, вынуждая меня отвечать на них, и тем самым произносить грехи своими устами. Исповедь окончилась. Молитву разрешительную он прочел, но велел пойти еще подумать, не забыла ли еще чего, и в два часа опять прийти к нему на исповедь. При этом он дал мне несколько книжечек и отпустил меня. Пришла я в номер свой, как говорят, сама не своя, и стала все вспоминать с самого начала. И тут только подумала я, как странно встретил меня о. Анатолий, словно мы были давно знакомы.

В 12 часов была обедня. Отстояв ее, я опять пошла к о. Анатолию. Сказала ему кое-что из того, что припомнила; но он опять велел подумать и вечером после вечерни еще прийти на исповедь. Видно было, что он что-то знал, чего я не говорила, но и вечером я не вспомнила и не сказала того, что было нужно. От о. Анатолия я отправилась в Скит к о. Нектарию, чтобы принять только благословение. Но как только увидела я его, так сразу почувствовала, что он мне роднее, ближе. Тихие движения, кроткий голос при благословении: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа” – все у него так священно. Келейник о. Стефан провел меня в келлию к Батюшке. Я не могла удержаться, чтобы не рассказать ему о своей жизни и о цели поездки. Батюшка все время сидел с закрытыми глазами. Не успела еще я закончить свой рассказ, как к Батюшке постучался его келейник и сказал, что пришла братия к Батюшке на исповедь. Батюшка встал и сказал мне:

– Вы придите завтра часов в шесть, и я с вами смогу поговорить часа два. Завтра я буду посвободнее.

Я приняла благословение и ушла. В 12 часов ночи началась полунощница и утренняя. Я все это простояла. После утрени говеющим читали правило. Обедня должна быть в пять часов. После правила я пошла в номер немного отдохнуть, так как сильно устала: во-первых, от бессонной ночи в поезде, а во-вторых, от всех волнений, пережитых за день. Ни звона к обедне, ни стука в дверь будильщика – ничего не слыхала я, и когда проснулась и побежала в церковь, то там в это время только что причастились, и Св. Дары уносили в алтарь. Ах! Как страшно мне стало в эту минуту, и я, стоя на паперти, горько заплакала. Тут только я вспомнила, что приехала говеть без должного к сему приготовления... Тут я почувствовала, что Господь Сам показал на деле, что нельзя к этому великому Таинству приступать небрежно, не очистив себя и духовно, и телесно. Весь день плакала я, несмотря на то, что это был день Светлого Христова Воскресения. Днем я пошла к о. Анатолию со своим горем и спрашивала, можно ли причаститься на второй или третий день праздника? Но о. Анатолий не позволил, а посоветовал поговеть в Москве на Фоминой неделе. На мои вопросы о дальнейшей жизни о. Анатолий отвечал уклончиво: то говорил, что хорошо сделаться доброю матерью чужим детям, то говорил, что лучше этого не делать и жить одной, так как в противном случае будет очень трудно. Затем Батюшка посоветовал мне со своими вопросами обратиться в Москве к указанному им старцу Макарию и все, что он посоветует, исполнить. Так на этом беседа была окончена. Вечером я пошла к о. Нектарию. Там три приемные были заняты народом. Ровно в шесть часов Батюшка вышел на благословение. Я стояла в переднем углу во второй комнате. Батюшка, по благословении всех возвращаясь из третьей приемной, вторично благословил меня и тут же, обратясь к прочим, сказал:

– Простите, сегодня я не могу принять, – и сам пошел к себе в келлию.

Я за ним. Народ стал расходиться. Долго разговаривала я с Батюшкой. Батюшка сказал мне:

– Если бы вы имели и весь мир в своей власти, все же вам не было бы покоя, и вы чувствовали бы себя несчастной. Ваша душа мечется, страдает, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внешними вещами или наружным самозабвением. Нет! Все это не то, от этого она никогда не успокоится... Нужно оставить все...

После этого Батюшка долго сидел, склонив на грудь голову, потом говорит:

– Я вижу около тебя благодать Божию; ты будешь в монастыре...

– Что вы, Батюшка?! Я-то в монастыре? Да я совсем не гожусь туда! Да я не в силах там жить.

– Я не знаю, когда это будет, может быть, скоро, а может быть, лет через десять, но вы обязательно будете в монастыре.

Тут я сказала, что о. Анатолий посоветовал мне сходить в Москве к указанному им старцу митрополиту Макарию за советом.

– Ну что же, сходите к нему и все, все исполните, что батюшка о. Анатолий вам сказал и что скажет старец.

И тут Батюшка опять начал говорить о монастыре, и как я должна буду там себя вести. В девятом часу вечера я ушла от Батюшки. Со мной происходило что-то необычайное. То, что казалось мне таким важным до сего времени, то теперь я считала за пустяки. Я чувствовала, что-то должно совершиться помимо меня, и мне теперь незачем спрашивать о своей дальнейшей жизни. Золото, которое было на мне, жгло мне и руки, и пальцы, и уши, и, придя в номер, я все снимала с себя. Мне было стыдно самой себя. Батюшка о. Нектарий произвел на меня такое впечатление, что я готова была на всю жизнь остаться здесь около него и не возвращаться в Москву – готова терпеть все лишения, но лишь бы быть здесь. Но сделать это сразу было невозможно. Город с его шумом, семья, которая несколько часов тому назад для меня была дорога, – все это стало теперь далеким, чужим... На третий день праздника, во вторник, по благословению о. Нектария

я ездила смотреть Шамординскую женскую пустынь, находящуюся в 12 верстах от Оптиной. Познакомилась с матушкой игуменией Валентиной. Посмотрела келлию батюшки о. Амвросия. Здесь все стоит в том виде, как было при Батюшке. На столе лежит пачка листков для раздачи, издания их Шамординской пустыни. Монахиня, которая все это мне показывала, сказала мне, что почитающие Батюшку кладут иногда эту пачку листков к нему под подушку, потом помолятся и, вынув один листок из-под подушки, принимают его как от Батюшки. Я сделала то же и вынула листок “Отец Амвросий руководитель монашествующих”. Монахиня взглянула на листок и говорит мне:

– Должно быть, вы будете в монастыре?

Я отвечаю:

– Не знаю, едва ли.

– А вот увидите, что будете, – такой листок вышел.

Я не обратила на это внимания, а листочек все-таки припрятала. Все мне понравилось в Шамордине. Вернувшись в тот же день в Оптину, рассказала Батюшке о своем впечатлении и сказала, что буду у старца митрополита Макария просить благословения поступить в Шамордин, чтобы и к Батюшке быть ближе.

В четверг вечером, совершенно изменившаяся, как бы воскресшая духовно, я поехала домой. Тут я вспомнила разъяснение одной дамы – духовной дочери о. Анатолия, – что и в святых вратах Оптиной *при выходе* висит икона Воскресения Христова, – как бы знамение того, что все, побывавшие в Оптиной, выходят оттуда как бы воскресшие.

Через две недели по приезде из Оптиной я собралась идти к указанному старцу. Перед этим я молилась и говорила: “Господи, скажи мне волю Свою устами этого старца”. И вот я услышала от него то, чего и предположить не могла. Он сказал, что в Шамординской пустыни мне будет трудно, но чтобы я ехала лучше на Алтай, и я там буду нужна для Миссии. Так как раньше я решила исполнить все, что он мне скажет, то я тут и ответила ему, что я согласна.

Я стала готовиться к отъезду и ликвидировать свои дела. Через две недели я была уже готова к отъезду, но старец задержал поездку, хотел дать мне попутчицу. В это время я раз успела побывать в дорогой Оптиной Пустыни.

Батюшка о. Нектарий сильно обрадовался моему решению и перемене, происшедшей во мне, а о. Анатолий сначала даже не узнал – так переменялась я и в лице, и в одежде.

Отец Анатолий на мои вопросы о дурных помыслах, могущих приходить ко мне при жизни в монастыре, ответил:

– Помыслы – это спасение для вас, если будете сознавать, что они худы, и бороться с ними, и не приводить их в исполнение.

Отец Нектарий говорил:

– Во всякое время, что бы вы ни делали – сидите ли, идете ли, работаете ли, – читайте сердцем: “Господи, помилуй”. Живя в монастыре, вы увидите и познаете весь смысл жизни. В отношении ко всем наблюдать надо скромность и середину. Когда будут скорби и не в силах перенести их, тогда от всего сердца обратитесь к Господу, Матери Божией, святителю Николаю и своему Ангелу, имя которого носите от святого крещения, и по времени и терпению скорбь облегчится.

На вопрос, можно ли не пускать в свою душу никого, Батюшка ответил:

– Чтобы никаких отношений не иметь – этого нельзя, ибо тогда в вашей душе будет отсутствие простоты, а сказано: *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). Святыня – это простота, рассудительно являемая пред людьми. Рассуждение выше всех добродетелей. Серьезность и приветливость можно совместить, за исключением некоторых обстоятельств, которые сами в свое время объявляются и заставляют быть или серьезнее, или приветливее. В трудные минуты, когда явно вспоминается легкая мирская жизнь, лучше почаще вспоминать имя Божие Святое и просить помощи, а то, что грешно, то, следовательно, и опасно для души. Лучше, хотя и мысленно, стараться не возвращаться вспять.

Не всякому по неисповедимым судьбам Божиим полезно жить в миру. А кто побеждает свои наклонности, удалившись в обитель, ибо там легче спастись, тот слышит глас Откровения Божия: *Побеждающему дам сесть на престоле Моем* (Ср.: Откр. 3, 21).

Эта поездка в Оптину еще более укрепила меня.

Через несколько дней я уехала на Алтай и поступила в монастырь, указанный мне старцем митрополитом Макарием.

Вот как дивно исполнились слова, сказанные батюшкой о Нектарием: “Я вижу около вас благодать Божию, вы будете в монастыре”. Я тогда удивилась и не поверила, а через два месяца после этого разговора я действительно уже надела на себя иноческую одежду. Благодарю Господа, вразумившего меня съездить в этот благодатный уголок – Оптину Пустынь.

Не поехала бы туда – и до сих пор не была бы в монастыре, и до сих пор носилась бы в бурных волнах житейского моря. Слава Богу за все»⁴¹³.

К самому началу периода старчества о. Нектария относится и запись протоиерея о. Василия Шустина, изданная в бытность его в Сербии в 1929 году⁴¹⁴.

Это личные воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском, о старцах Варсонофии и Нектарии, к которым о. Василий, а тогда Василий Васильевич, студент Технологического института, был необычайно близок.

Отец Варсонофий познакомил его с девушкой, собиравшейся в монастырь, и велел ей выйти за него замуж. Для Василия Васильевича это тоже было полной неожиданностью. Вскоре после этого о. Варсонофий умер. Повенчавшись, молодые в тот же день отправились в Оптину. Первый свадебный визит, по завещанию Старца, сделали ему, на его могилку. Приведем полностью рассказ об этой поездке.

⁴¹³ Троицкое слово. 1917. № 354. 22 янв.; № 355. 29 янв.

⁴¹⁴ Шустин В., прот. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Белая Церковь, 1929.

«Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, погоревали и спросили служившего иеромонаха, кто теперь старчествоует.

– Отец Нектарий, – ответил тот.

Тут-то я и понял, почему о. Варсонофий, покидая Скит, послал меня к отцу Нектарию – чтобы я с ним познакомился поближе: он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти. Мы решили после обеда пойти к нему. Все на нас с любопытством смотрели, так как весть о нашей особенной свадьбе разнеслась по Оптиной. Это ведь было предсмертное благословение Батюшки. Итак, в три часа мы пошли по знакомой дорожке в Скит. Отец Нектарий занимал помещение отца Иосифа, с правой стороны от ворот. Я с женой разделился. Она пошла к крылечку снаружи скитских стен, а я прошел внутрь Скита. Келейник, увидав меня, узнал. Он был раньше келейником у старца Иосифа. Он тотчас же доложил Батюшке. Батюшка вышел минут через десять, с веселой улыбкой.

Отец Нектарий в противоположность отцу Варсонофию был небольшого роста, согбенный, с небольшой клинообразной бородой, худой, с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него всегда в руках был платок, который он, свернув уголком, прикладывал к глазам. Батюшка благословил меня и пригласил за собой. Провел он меня в исповедальную комнату, а там я уже увидел мою супругу. Она встала и подошла ко мне, а Батюшка поклонился нам в пояс и сказал:

– Вот радость, вот радость. Я был скорбен и уныл, а теперь радостен (и его лицо сияло детской улыбкой). Ну, как же теперь мне вас принимать. Вот садитесь рядышком на диванчик (и Батюшка сел напротив)... – Ведь вас благословил великий Старец... Старец Варсонофий настолько великий, что я его и кончика ноготка на мизинце не стою. Из блестящего военного в одну ночь, по благословию Божию, сделался он великим старцем. Теперь только, после смерти, я могу рассказать это дивное его обращение, которое он держал в тайне.

И о. Нектарий рассказал историю обращения о. Варсонофия.

– Вот как велик был старец Варсонофий! И удивительно был Батюшка смиренный и послушный. Как-то он, будучи послушником, шел мимо моего крылечка, я ему говорю в шуточку: “Жить тебе осталось ровно двадцать лет”. Я ему говорил в шуточку, а он и послушался, и ровно через двадцать лет, в тот же день, 4 апреля, и скончался. Вот какого великого послушания он был.

Перед такой силой о. Нектария меня невольно передернула дрожь. А он продолжал:

– И в своих молитвах поминайте “блаженного схиархимандрита Варсонофия”. Но только три года поминайте его блаженным, а потом прямо “схиархимандрита Варсонофия”. Сейчас он среди блаженных... Ищите во всем великого смысла. Все события, которые происходят вокруг нас и с нами, имеют свой смысл. Ничего без причины не бывает... Вот для меня великая радость – это ваше посещение. Я был скорбен и уныл. Все приходят люди с горестями и страданиями, а вы имеете только радости. Это посещение Ангела... Сейчас у меня много посетителей, я не могу вас как следует принять. Идите сейчас домой и приходите к шести часам вечера, когда начнется всенощная и все монахи уйдут в церковь. Келейника я своего тоже ушлю, а вы и приходите, пускай другие молятся, а мы здесь проведем время.

Благословил нас, и мы опять разошлись: я пошел через Скит, а жена – через наружное крылечко.

Когда отзвонили ко всенощной, я с женой отправился в Скит. Дверь в доме Старца была заперта. Я постучал, и открыл ее мне сам о. Нектарий. Потом он впустил жену и посадил нас опять вместе в исповедальной комнате.

– Пришли ко мне молодые, и я, как хозяин, должен вас встретить по вашему обычаю. Посидите здесь немножко.

Сказав это, Старец удалился. Через некоторое время он несет на подносе два бокала с темною жидкостью. Поднес, остановился и, поклонившись нам, сказал:

– Поздравляю вас с бракосочетанием, предлагаю вам выпить во здравие.

Мы с недоумением смотрели на Старца. Потом взяли бокалы, чокнулись и стали пить. Но, пригубив, я тотчас же остановился, и моя жена также. Оказалось, что в бокалах была страшная горечь. Я говорю Батюшке:

– Горько.

И моя жена также отвернулась. И вдруг это самое, мною произнесенное, слово “горько” меня ошеломило, и я представил, как на свадебных обедах кричат “горько”, и рассмеялся. И Батюшка прочитал мои мысли и смеется.

– Но, – говорит, – хотя и горько, а вы должны выпить. Все, что я делаю, вы замечайте, оно имеет скрытый смысл, который вы должны постигнуть, а теперь пейте, – и мы с гримасами, подталкивая друг друга, выпили эту жидкость.

А Батюшка уже приносит раскрытую коробку сардин и велит всю ее опустошить. После “горького” мы вкусили сардины, и Батюшка все унес. Приходит снова, садится против нас и говорит:

– А я молнию поймал. Умудритесь-ка и вы ее поймать. Хочешь, покажу?

Подходит к шкафу, вынимает электрический фонарик, завернутый в красную бумагу, и начинает коротко зажигать, мелькая огнем.

– Вот это разве не молния! – и он, улыбаясь, положил фонарик в шкаф и вынул оттуда деревянный грибок, положил его на стол, снял крышку, высыпал оттуда золотые пятирублевые и говорит:

– Посмотри, как блестят! Я их вычистил. Здесь их 20 штук на 100 рублей. Ну, что? Посмотрел, как золото блестит, ну и довольно с тебя. Поглядел, и будет.

Собрал опять монеты и спрятал. И еще Батюшка кое-что говорил. Потом он опять вышел. Смотрим, снова несет нам два больших бокала, на этот раз со светло-желтой жидкостью, и с той же церемонией и поклоном подносит нам. Мы взяли бокалы, смотрели на

них и долго не решались пить. Старец улыбался, глядя на нас. Мы попробовали. К нашей радости, это было питье приятное, сладкое, ароматное, мы с удовольствием его выпили. Это питье было даже немного хмельное. На закуску он преподнес шоколаду «Миньон», очень жирного и очень много, и велел все съесть. Мы пришли прямо в ужас. Но он сам подсел к нам и начал есть. Я посмотрел на Батюшку и думаю: «Как это он ест шоколад, а ведь по скитскому уставу молочное воспрещается?» А он смотрит на меня, ест и мне предлагает. Так я и остался в недоумении. Он велел нам обязательно доесть этот шоколад, а сам пошел ставить самовар...

В 11 часов отец Нектарий проводил нас до наружного крыльца и дал нам керосиновый фонарик, чтобы мы не заблудились в лесу, а шли бы по дорожке. При прощании пригласил на следующий день в шесть часов. Кругом в лесу стояла тишина, и охватывала жуть. Мы постарались скорее добраться до гостиницы. Богомольцы шли от всенощной, и мы вместе с ними, незаметно, вошли в гостиницу.

На следующий день мы опять, в шесть часов вечера, пришли к Батюшке. На этот раз келейник был дома, но Батюшка не велел ему выходить из своей келлии. Батюшка опять пригласил нас вместе в исповедальню, посадил и стал давать моей жене на память различные искусственные цветочки и говорит при этом:

– Когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цветочки, и соберешь целый букет, а плоды получишь потом.

Мы не поняли, на что Батюшка здесь намекает, ибо он ничего праздного не делал и не говорил. Потом он мне объяснил. Цветочки – это печали и горести. И вот их нужно собирать, и получится чудный букет, с которым предстанешь в день судный, и тогда получишь плоды – радости. В супружеской жизни, далее говорил он, всегда имеются два периода: один счастливый, а другой печальный, горький. И лучше всегда, когда горький период бывает раньше, в начале супружеской жизни, но потом будет счастье.

Потом Батюшка обратился ко мне и говорит:

– А теперь пойдем, я тебя научу самовар ставить. Придет время, у тебя прислуги не будет, и ты будешь испытывать нужду, так что самовар придется самому тебе ставить.

Я с удивлением посмотрел на Батюшку и думаю:

– Что он говорит? Куда же наше состояние исчезнет?

А он взял меня за руку и провел в кладовую. Там были сложены дрова и разные вещи. Тут же стоял самовар около вытяжной трубы. Батюшка говорит мне:

– Вытряси прежде самовар, затем налей воды; а ведь часто воду забывают налить и начинают разжигать самовар, а в результате самовар испортят и без чаю остаются. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей.

Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный. Попробовал его подвинуть, нет – силы нету; тогда я хотел поднести к нему самовар и наточить воды. Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет:

– Ты возьми кувшин и налей воду в самовар.

– Да ведь, Батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть.

Тогда Батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит:

– Возьми.

И я поднял и с удивлением смотрел на Батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением удивления на лице. А Батюшка меня спрашивает:

– Ну что, тяжелый кувшин?

– Нет, Батюшка, я удивляюсь: он совсем легкий.

– Так вот и возьми урок, что всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание.

Но я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знаменем! А Батюшка дальше, как будто ничего не слу-

чилось, велит мне наколоть лучинок, разжечь их, и потом положил уголья. Пока самовар грелся и я сидел возле него, Батюшка зажег керосинку и стал варить в котелочке кожуру от яблок. Указывая на нее, Батюшка мне сказал, вот это его кушание, он только этим и питается.

– Когда мне приносят добролюбцы фрукты, то я прошу их съесть эти фрукты, а кожицы счистить, и вот я их варю для себя...

Чай Батюшка заваривал сам, причем чай был удивительно ароматный, с сильным медовым запахом. Сам он налил нам чай в чашки и ушел. В это время к нему пришла, после вечерней молитвы, скитская братия, чтобы принять благословение перед сном. Это совершалось каждый день – утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом некоторые из монахов открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка, как старец, руководитель душ, одних утешал, подбодрял, другим вслед за исповеданием отпускал их прегрешения, разрешал сомнения и всех, умиротворенных, любовно отпускал. Это было умиленное зрелище, и Батюшка во время благословения имел вид чрезвычайно серьезный и сосредоточенный, и во всяком его слове сквозила забота и любовь к каждой мятущейся душе. После благословения Батюшка удалился в свою келью и молился около часу. После долгого отсутствия Батюшка вернулся к нам и молча убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину Пустынь я видел, как о. Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук пятьдесят, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами:

– Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить.

Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма как бы случайно дал моей жене и говорит:

– Вот, почти их вслух. Это будет полезно.

Содержание одного письма забылось мною, а другое письмо было от одной курсистки Высших женских курсов. Она просила Батюшку помолиться, так как мучается и никак не может совладать с собой. Полюбила она одного священника, который увлек ее зажигательными своими проповедями, и вот бросила она свои занятия и бежит к нему за всякими пустяками, нарочно часто говееет только для того, чтобы прикоснуться к нему. Ночи не спит. Батюшка на это письмо и говорит:

– Вы этого священника знаете и имели с ним дело. Он впоследствии будет занимать очень большой пост, о котором ему и в голову не приходило. Он еще ничего не знает об этом, но получит он эту власть вследствие того, что уклонится от истины.

– Какой же это священник, – думаю я, – хорошо известный мне?

Тогда Батюшка сказал, что это тот студент Духовной Академии, который приезжал со мною в Оптину в первый раз и который сватался за мою сестру. Но Господь сохранил мою сестру через старца Варсонофия, ибо он расстроил этот брак... (Теперь он, может быть, действительно находится в обновленческой церкви и властвует там.) Перебирая письма, о. Нектарий говорит:

– Вот называют меня старцем. Какой я старец! Когда буду получать каждый день больше 100 писем, как о. Варсонофий, тогда и можно называть старцем имеющего столько духовных детей...

Отобрав письма, Батюшка отнес их секретарю.

Отец Нектарий советовал моему отцу продать дом в Петербурге и дачу в Финляндии, а то, говорил он, все это пропадет. Но мой отец не поверил и ничего не продал. Это было в начале великой войны.

В 1914 г. мой старший брат поступил послушником в Оптинский Скит и исполнял иногда должность келейника у о. Нектария. Он часто присылал отцу письма с просьбой высылать ему деньги, так как он покупал различные книги духовного содержания и составлял там собственную библиотеку. Я всегда возмущался этим и говорил, что раз ушел из мира по призванию, уже порви со своими страстями. А у моего брата была такая страсть – покупать книги.

Я написал батюшке о Нектарии письмо, и довольно резкое письмо, выражающее мое возмущение и удивление. Батюшка не ответил. Брат продолжал присылать свои просьбы, а иногда прямо требования. Тогда я написал Батюшке еще более резкое письмо, обвиняя его, что он не сдерживает страсти брата, а потакает ей. Батюшка опять ничего не ответил. Но вот мне удалось с фронта, во время отпуска, съездить с женой в Оптину. Это было уже в 1917 г., при Временном правительстве. Приезжаем в обитель, Батюшка встречает нас низким-низким поклоном и говорит:

– Спасибо за искренность. Ты писал без всяких прикрас, а то, что у тебя есть на душе, что волнует. Я знал, что вслед за этими письмами ты и сам пожалуешь, а я всегда рад видеть тебя. Пиши впредь такие письма, а после них являйся и сам сюда за ответом. Вот теперь я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовной книги. Хорошо, что он собирает эту духовную библиотеку – духовное сокровище. Она очень и очень пригодится. Тяжелое время наступает теперь. В мире теперь прошло число шесть и наступает число семь. Наступает век молчания. Молчи, молчи, – говорит Батюшка, и слезы у него текут из глаз... – И вот Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 г. будет еще тяжелее. Государь и вся семья будут убиты, замучены. Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на Престоле, а около Него двенадцать апостолов, и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: “Когда же, Господи, прекратятся эти муки?” И отвечает ему Иисус Христос: “Даю Я сроку до 1922 года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут”. Тут же пред Престолом Божьим предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот Государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится... Наступает время молитв. Во время работы говори Иисусову молитву. Сначала губами, потом умом, а наконец она сама перейдет в сердце...

Батюшка удалился к себе в келлию, часа полтора молился там. После молитвы он, сосредоточенный, вышел к нам, сел, взял за руку меня и говорит:

– Очень многое я знаю о тебе, но не всякое знание будет тебе на пользу. Придет время голодное, будешь голодать... Наступит время, когда и монастырь наш уничтожат. И я, может быть, приду к вам на хутор. Тогда примите меня Христа ради, не откажите. Некуда будет мне деться...

Это было мое последнее свидание со Старцем.

Вспоминается мне еще один случай с о. Нектарием. Моя жена в один из наших приездов в Оптину написала картину: вид из монастыря на реку и на ее низменный берег во время заката солнца, при совершенно ясном небе и яркой игре красок. Поставила она свой рисунок на открытом балконе и пошла со мной прогуляться по лесу. Дорогой мы поспорили, и серьезно, так что совершенно расстроились и не хотели друг на друга смотреть. Возвращаемся домой. Нам сразу бросилась в глаза картина: вместо ясного неба на ней нарисованы грозные тучи и молнии. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали рассматривать. Краски – совершенно свежие, только что наложенные. Мы позвали девушку, которая у нас жила, и спросили, кто к нам приходил. Она отвечает, что какой-то небольшого роста монах что-то здесь делал на балконе. Мы думали, думали, кто бы это мог быть, и из более подробного описания монаха и опросов других догадались, что был о. Нектарий. Это он, владевший кистью, символически изобразил наше духовное состояние с женой. И эта гроза с молниями произвела на нас такое впечатление, что мы забыли свой спор и помирились, ибо захотели, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистым и ясным».

Лично мне⁴¹⁵ привелось быть в Оптиной Пустыни в более поздний период, чем о. Василию Шустину, а именно уже во время Первой мировой войны.

⁴¹⁵ Далее до конца главы воспоминания И.М. Концевича. – *Примеч. ред.*

Преподаватель словесности нашей гимназии рассказывал нам на уроках, как благодаря старцам Гоголь сжег свое гениальное произведение – вторую часть «Мертвых душ»⁴¹⁶. Это вызвало у меня предубеждение против старцев вообще.

Но вот началась война 1914 года. Мой брат Владимир, исключительно одаренный, которого любили все без исключения знавшие его, гордость нашей семьи, глубоко переживал испытания, постигшие нашу Родину. Он ушел с благословения родителей добровольно на войну и вскоре был убит осенью 1914 г., когда ему еще не было и 19 лет.

Это была чистая жертва Богу, он *положил душу свою за други своя* (Ин. 15, 13). Его смерть привела нашу семью в Оптину Пустынь.

Когда мы искали утешения в духовном, то «случайно» наткнулись на книгу Быкова «Тихие приюты для отдыха страдающей души». Там описывалась Оптина Пустынь и ее старцы, о которых до тех пор мы ничего не знали. И я, при первой возможности, как только начались каникулы в университете, где я тогда учился, поехал в Оптину Пустынь. Там я прожил два месяца. Это было в 1916 году. А в следующем 1917 г., тоже летом, пробыл там две недели.

Затем, оказавшись за границей, я имел возможность письменно общаться с о. Нектарием до его смерти. Кроме меня, духовным руководством Старца пользовались и некоторые мои знакомые и друзья. Его благословение приводило всегда к успеху, несмотря ни на какие трудности. Ослушание же никогда не проходило даром.

Монастырь и старцы произвели на меня неожиданное и неотразимое впечатление, которое словами передать нельзя – его понять можно, только пережив на личном опыте. Здесь ясно ощущалась благодать Божия, святость места, присутствие Божие. Это вызывало чувства благоговеинства и ответственности за каждую

⁴¹⁶ Истинное объяснение этого события и его психологический анализ впервые сделал профессор-философ и доктор-психиатр И.М. Андреев.

См.: *Андреев И.М.* Религиозное лицо Гоголя // Православный Путь. Джорданвилль, 1952. – *Примеч. ред.*

свою мысль, слово или действие, боязнь впасть в ошибку, в прелесть, боязнь всякой самости и «отсебятины». Такое состояние можно было бы назвать «хождением перед Богом».

Здесь впервые открылся мне духовный мир, а как антитеза были мне показаны «глубины сатанинские».

Здесь я родился духовно.

В это время в Оптиной старчествовали в самом монастыре – о. Анатолий, а в Скиту – о. Феодосий и о. Нектарий.

Анатолий – утешитель, Феодосий – мудрец и дивный Нектарий, по определению одного священника, близкого Оптиной.

У о. Нектария посетителей было мало; он жил замкнуто в Скиту, в келлии о. Амвросия, и часто подолгу не выходил. Благословлял он широким крестным знаменем; медленный в движениях и сосредоточенный, казалось, он несет чашу, наполненную до краев драгоценной влагой, как бы боясь ее расплескать.

На столе в его приемной часто лежала какая-нибудь книга, раскрытая на определенной странице. Редкий посетитель в долгом ожидании начинал читать эту книгу, не подозревая, что это является одним из приемов о. Нектария – давать через открытую книгу предупреждение, указание или ответ на задаваемый вопрос, чтобы скрыть свою прозорливость.

И он умел окружить себя тайной, держаться в тени, быть мало-заметным. Нет его фотографии – он никогда не снимался; это очень для него характерно.

КОНЕЦ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. ЖИЗНЬ В ХОЛМИЩАХ ⁴¹⁷

Оптина Пустынь продержалась до 1923 г., когда храмы ее официально были закрыты.

Подробная история Оптиной Пустыни со времени революции нам неизвестна. Доходили иногда отрывочные сведения. Одна очевидица

⁴¹⁷ Глава эта составлена преимущественно на основании писем монахини Нектарии (Концевич).

рассказывала, что монахини, подобно птицам из разоряемых гнезд, слетались в Оптину по мере ликвидации женских обителей. Им некуда было деваться, и они тут же ютились. Свое горе несли сюда же и толпы мирян. Спрашивали, как молиться за невернувшихся близких: ужасы революции, гражданская война нанесли потери почти каждому семейству.

После долгого перерыва в 1922 г. прибыла в Оптину А.К. Концевич (впоследствии монахиня Нектария) с сыном-подростком.

«Старец Феодосий скончался (1920); старец Анатолий жив ⁴¹⁸, он много страдал, теперь принимает в своей келлийке (только в другой). В том же здании живет о. Иосиф ⁴¹⁹. Он вывихнул себе ногу и очень печалится, что уже два года не может служить, очень был рад нашему приезду».

«26 апреля 1924 г. Посылаю тебе письмо о. Иосифа. Он существует положительно чудесной милостью Божией, чувствует это и преисполнен радости о Господе. Премудрый и Препоблагий Господь все устроил предусмотрительно о нем. И калечество послужило к его благополучию – никто его не трогает».

«У нас совершается много знамений: купола обновляются, со святого креста кровь потекла, богохульники столбняком наказываются и умирают. К несчастью, народ в массе не вразумляется, и Господь посылает казни Свои. Опять засушливая осень повела к поеданию червями засеянного хлеба. Тех же, кто непоколебимо верует в Господа и надеется на Него, Господь осыпает милостями Своими и щедротами».

С последними днями ликвидации Оптиной Пустыни связан еще такой случай. Советской властью был туда прислан некий барон Михаил Михайлович Таубе, с университетским образованием, протестант.

⁴¹⁸ Отец Анатолий скончался через 15 дней – 30 июля 1922 г.

⁴¹⁹ Иеросхимонах о. Иосиф (Полевой), о котором не раз упоминается, родился в 1852 г., в миру был директором банка в Москве, 46-ти лет ушел в Оптину и пережил ее разгром.

Ему было предписано разобрать оптинскую библиотеку (впоследствии распроданную большевиками заграничным книгопродавцам). Когда Таубе приехал в Оптину и стал заниматься в библиотеке, он начал ко всему присматриваться, познакомился с о. Иосифом (Полевым), затем стал все более и более интересоваться оптинской жизнью и ее старцами. Проник и к о. Нектарию. Подробностей их свидания никто не знает. Очевидным остался только результат: Савл превратился в Павла. Старец сблизил Михаила Михайловича со своим духовником о. Досифеем – «старцем-отроком», о котором еще будет речь дальше, и с о. Агапитом (другом старца Амвросия, глубоким старцем, делателем Иисусовой молитвы, открывшим неправильное учение о молитве Иисусовой в книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа»⁴²⁰). Он вошел в близкое общение с о. Досифеем, принял Православие. Оставаясь на службе в музее, Таубе стал послушником о. Досифея. Был пострижен в Козельске с именем Агапита. Пока еще жил в Оптиной, он помещался в башне над той калиткой, которая вела в Скит. В его келлии лежала лишь одна доска – его ложе. Был делателем Иисусовой молитвы. Он был в ссылке вместе с о. Досифеем и с ним был возвращен в Орел.

Мать Нектария присутствовала при закрытии Оптиной Пустыни в 1923 году. Произошло это следующим образом. «Мамочка, уезжая из Оптиной, – рассказывает Олег Концевич, – имела обыкновение спрашивать у Батюшки, когда он благословит ей приехать в следующий раз. И вот Батюшка отвечает:

– Приезжай на седьмой неделке (поста), поживешь две неделки и не пожалеешь.

Батюшка, когда говорил, улыбался и был очень ласковый. Я в то время учился и поехать с мамочкой не мог, и она поехала одна, условившись, что я приеду под Пасху. Приехав в Козельск, она на вокзале узнала от какой-то женщины, что в Оптиной службы нет,

⁴²⁰ *Иларион, схим.* На горах Кавказа. Баталпашинск, 1907. У Концевича ошибочно автор назван Илиодором. – *Примеч. ред.*

что в монастыре ликвидационная комиссия, что арестованы владыка Михей, настоятель о. Исаакий, о. казначей и др., что батюшка о. Нектарий тоже арестован и находится в тюремной больнице в Козельске. Узнав все это, мамочка тем не менее решила идти в монастырь, мысленно обращаясь к Старцу с просьбой направить ее и указать, к кому пойти, у кого исповедоваться и т. д. Помолившись так Батюшке, она направилась к келлии о. Иосифа (Полевого) – хромого иеромонаха. Мамочка постучала в дверь, которую открыл... вооруженный винтовкой комсомолец.

– Вы к кому?

– К о. Иосифу.

– Откуда?

– Из Н-ска.

– Чего сюда приехали?

– В монастырь молиться Богу.

– Узнали, что закрывается монастырь и примчались за своим золотом! Пожалуйте сюда!

И мамочку арестовывают.

В этом корпусе были арестованы лица, которых я ранее перечислил, и др. Каждый занимал отдельную келлию. Для мамочки не было свободного отдельного помещения, и ее посадили возле часового в коридоре. Был уже вечер, и маме сказали, что ее отправят в Козельск для следствия. Мамочка сидит и молится, веря словам Батюшки, что она пробудет здесь “две недельки и не пожалеет”. Наступил поздний вечер, ночь. Комсомолец-часовой дремлет, борется со сном, ему трудно бодрствовать, он очень хочет спать. Мамочке его становится жалко, она ему ласково говорит, чтобы он прилег на лавке и что, если кто-нибудь будет идти, она его разбудит. Почувствовав доверие, часовой засыпает богатырским сном. Мамочка его караулит. Далеко за полночь. Она молится. Вдруг тихонько открывается дверь одной из келлий, показывается седой старец, владыка Михей, и знаком подзывает ее к себе, спрашивая ее, хочет ли она исповедо-

ваться и причаститься, у владыки с собою имеются Святые Дары. Мамочка с радостью соглашается, входит в келлию, исповедуется и причащается и на седьмом небе возвращается сторожить спящего часового. Отец Нектарий услышал ее молитвенную просьбу! Будучи совершенно уверенной, что “не пожалеет”, что приехала в Оптину, она спокойно дожидалась утра. Утром ее отправили в Козельскую тюрьму. Несколько раз водили на допросы, подозревая, что она приехала в Оптину по какому-то тайному делу. Собирались ее этапом отправить к месту жительства, но из-за отсутствия свободных конвоиров это отменили. Отпустили в Страстной Четверг утром, предупредив, чтобы ноги ее не было в Козельске.

Мамочка пошла на базар и разговорилась с одним мужичком. Он оказался лесником. Имел избу примерно в километре от монастыря в лесу вниз по течению Жиздры. Он пригласил мамочку к себе. Мама накупила на базаре все, что необходимо к празднику, и поехала к нему. На церковные службы приезжала в Козельск, где еще в церквях служили. Потом мамочка узнала, что ее разыскивали в Козельске и в Оптиной, но, переодевшись в одежду жены лесника, она была неузнаваема. В пятницу или в субботу, согласно нашему условию, она меня встретила на вокзале. Я ее не узнал в крестьянском облике: в сапогах или валенках, тулупе, закутанную в большой платок. (Была ранняя Пасха.) Мы с мамочкой встретили Пасху в Козельске. Светлую неделю прожили у лесника. Было очень интересно. Волки подходили к самой избе, выли по ночам».

Таким образом, мать Нектария приобщилась чаши Оптинских исповедников, вместе с ними была *вменена в злодеи* (Ср: Лк. 22, 37), а в результате получилось так, как сказал Батюшка: «Поживешь две недельки и не пожалеешь».

Оптина была закрыта большевиками на Красную горку (Фомино воскресенье) в 1923 году. Храмы запечатаны. Отец Нектарий был арестован и вывезен в Козельск. Об этом моменте сохранились заметки матери Нектарии.

«В келлию свою Старец никого никогда не впускал, так что келейники не знали, что там находится. Когда же пришли описывать его имущество, в первый раз вошли туда и келейники. И что же увидели? Детские игрушки! Куклы, мячики, фонарики, корзинки! Делавшие опись спрашивают:

– Зачем у вас детские игрушки?

А он отвечает:

– Я сам, как дитя.

Нашли у него церковное вино и консервы – он им и говорит:

– Выпейте и закусите.

Они и распили вино. Во время ареста у него распух глаз, и его поместили сначала в монастырскую больницу, а потом в тюремную. Когда он выезжал из монастыря (на санях), последние слова его были:

– Подсобите мне.

Это чтобы ему помогли влезть на сани. Сел, благословил путь свой и уехал. Мы тогда были там, но его не видели».

Слышали мы в 1935 г. в городе Алжире от священника о. Василия Шустина случай, переданный ему кем-то из эмигрантов: «После отъезда о. Нектария из Оптиной в его келлию большевики привели некоего оккультиста для обнаружения, как они думали, скрытых здесь сокровищ. Известно, что они широко пользовались оккультными силами для своих целей. Была ночь, в келлии горела керосиновая лампа. Колдун-оккультист начал свои чародейства, и, хотя лампа продолжала гореть, в комнате наступила мгла. Здесь находилась одна монахиня (их было в это время много в Оптиной). Она взяла четки о. Нектария и ими начертала крестное знамение. Сразу стало светло, а чародей бился на земле в конвульсиях эпилептического припадка».

По выходе из тюрьмы о. Нектарий сначала жил в селе Плохино в близком соседстве от Козельска, а потом перебрался за 50 верст в село Холмищи.

«Милость Божия бесконечна к любящим Его. Теперь ему покойнее, чем было в Скиту. Последнее время к нему приходило множество народа (главным образом монахини). Он всех исповедовал, благословлял и, по-видимому, очень уставал. Кроме того, был игуменом Скита. Теперь ему гораздо покойнее – у него две светлые комнаты и передняя; тепло, монах варит ему обед, а хозяин читает правила. Посетители бывают очень редко. Он такой светленький, радостный, весь преисполнен благодати. Отблеск этой небесной радости изливается и на приходящих к нему, и все уходят от него утешенные, умиротворенные, – так пишет м. Нектария и далее, в письме от 1 декабря 1923 г., подтверждает: – Дедушка (т. е. отец Нектарий⁴²¹) живет в деревне у одного крестьянина. У него две хорошие комнаты: спальня и приемная, с ним живет его келейник Петр, ухаживает за ним и при этом даром работает хозяину. Домик очень хороший: потолки высокие, окна большие, светло и уютно. Дров в лесу сколько угодно – поезжай и набирай. Постоянно Дедушку посещают родные и знакомые со всех сторон. Я прожила у вдовы-матушки вблизи Дедушки два месяца, часто виделась с ним. Меня отвез туда Олежок и потом за мной приехал».

Но далеко не все время жилось Старцу спокойно и хорошо. Из другого источника слышали мы, что хозяин его, грубый материалист, вскоре обнаглел (одна очевидица удивлялась, как Старец поселился у такого человека!) и стал его притеснять, но еще больше стеснили власти, вымогая деньги.

«Дедушку притесняют, – пишет м. Нектария. – Молись о нем ежедневно. Прошлый раз, когда я у него была, он говорил: “У меня все, все плохо”. Видно, он предвидел, как его и его хозяина будут притеснять... В это лето Дедушке грозили Камчаткой, вот он шутит с Олегом, что это за Камчатка, не встречал ли он ее в географии?» В другом письме: «Он просил помолиться о нем самом, так как ему не хочется ехать на Камчатку...»

⁴²¹ Здесь и далее по обстоятельствам времени монахиня Нектария (Концевич) называет в своих письмах старца Нектария Дедушкой. – *Примеч. ред.*

«Пригласил меня Дедушка на каникулах подольше погостить и разрешил на Пасху его навестить, если будем в Оптиной. На сей раз Олег выхлопотал мне и себе билеты, и мы ехали в плацкартном поезде. Не знаю, как будет на Пасху и на следующих каникулах: удастся ли получить билеты. Но во всяком случае я живу мыслью, что Дедушка еще будет жив и что я его увижу. Последнее время Дедушка очень грустит, сказал, что у него “все, все плохо”. Не знаю, свои ли у него душевные переживания, или он страдает за мир, но знаю, что ему очень печально, и прошу тебя усердно поминать его в молитвах и подавать за него на часточку⁴²²» (поминать на проскомидии).

Осенью 1927 г. большевики обложили особенно тяжелым налогом Денежкина, хозяина дома, где жил о. Нектарий. Некто дал знать об этом священнику о. Адриану Рымаренко, прося сделать сбор среди киевлян. Матушка Евгения Григорьевна привезла о. Нектарию очень большую клажу с провизией и собранные деньги. Это было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Ей удалось передать о. Нектарию все, ею привезенное, втайне, – так что даже хозяин не видел. Отец Нектарий тогда благословил их семейство образом преподобного Серафима и передал о. Адриану наперсный крест.

Таким образом, последние годы о. Нектария были сплошным крестоношением, тесним был он отовсюду. К этому прибавить надо его глубоко-старческий возраст и связанные с ним болезни. Но ясность духа его не покидала и в это время. Мать Нектария говорит: «У Дедушки все особенно, – никогда не знаешь, о чем спросить, – вот так и заградит уста, – и не спросишь при всем желании. Или же ответит шуткой. Когда мы были у него осенью, он очень долго с нами разговаривал, много шутил с Олегом, называл его “подходящим для себя учителем”, хотел бы позаимствоваться у него учености, примкнуть к научности. Вообще очень много смеялся и нас смешил, а было уже три часа ночи, и вскоре благословил нас уезжать,

⁴²² Часточка (южный говор) – частичка. – *Примеч. ред.*

так что я не все спросила, но это неспроста: значит, он не хотел на то ответить, потому что, если иногда забудешь что-либо спросить, он вдруг сам скажет... Он достиг высочайших благодатных даров, но умеет так скрывать их, что даже окружающие совершенно не знают о них, а иногда стараются обмануть его, а он виду не подает, что все понимает».

Пробираться от станции до села Холмищи было подчас очень нелегко... Особенно это трудно было при весенней распутице. «Была у Дедушки. По случаю разлива рек и дурной погоды пробыла у него 10 дней, чему была бесконечно рада. Он уже такой хиленький, что удивительно, как он жив. Ножками чуть-чуть передвигает. Шлет тебе благословение и говорит: “Да поможет ему благодать Божия ныне и присно и во веки”. При каждом учении пусть произносит краткое молитвословие: “Господи, отверзи ми ум на учение сие”».

С одной из таких поездок связан следующий случай. «Однажды, – рассказывает Олег, – мамочка была в Холмищах в страшную распутицу и изорвала обувь. Узнав об этом, Батюшка вынес из своей келлии и дал ей пару матерчатых туфель. И сказал: “Это тебе на память, в утешение, и на Пасху будешь в них щеголять”. Но идти в них в обратную дорогу по тающему снегу было невозможно. Пришлось пуститься в путь до железнодорожной станции Думинищи (25 верст) в прежней разорванной обуви. Вскоре и ту пришлось бросить. Чулки превратились в клочья, и на станцию мамочка добралась босая. Здесь она надела батюшкины туфли, и они ей согрели промокшие и озябшие ноги.

Для того чтобы сбылись батюшкины слова: “На Пасху будешь в них щеголять”, мамочка пошла в этих туфлях к Светлой заутрени. Но позже, когда она дома после отдыха проснулась, то оказалось, что ее единственными ботинками воспользовалась ее воспитанница Леля, которая, надев их, ушла. Таким образом, волей-неволей пришлось ей “щеголять” в день Светлого воскресенья в батюшкином подарке. Мама потом говорила:

– Не надо стремиться содействовать тому, чтобы сбывались слова Старца, – это совершается само собою.

Туфли эти мы прозвали “щеголками”, они хранились на память. В них и похоронили маму».

Такие героические путешествия повторялись. «Вчера вернулись мы от Дедушки. Сегодня Вербное воскресенье. Сейчас у нас и весна во всем разгаре: тепло, деревья зеленеют, солнышко сияет. Путешествие к Дедушке было очень трудное. По случаю разлива рек сообщения на лошадях не было, и мы сделали 75 верст пешком (в обход). Ходили по колени в воде, месили невылазную грязь, скользили по мерзлым кочкам. Местами была и хорошая дорога, но в общем устали настолько, что к концу пути, пройдя версту, ложились отдыхать. Зато Дедушка утешал нас все время. У него, кроме нас, никого не было. С ним мы провели полтора дня».

А вот и другого рода трудности: «У нас размножились очень волки, во многих хозяйствах поуничтожили весь скот. Когда мы с Олежком шли к Дедушке, нас тоже в лесу на дороге встретил волк. Он сидел на дороге, по которой мы шли, потом вежливо уступил нам путь, перешел на опушку леса, потом опять сел сзади нас на прежнее место. Смеркалось. Олик немножко струсил: у нас не было даже палочки, а я же не испытывала ни малейшего страха в надежде на дедушкины молитвы. Волки – одно из стихийных бедствий крестьянина».

«От мамы получила утешительное письмо, – пишет М. – Там ей отлично живется, часто сидит у ног о. Нектария и спрашивает все, что ей хочется». Но только немного из того, чему внимала мать Нектария, сидя у ног Старца, могло дойти до нас. Этим немногим мы и делимся с читателем.

НАСТАВЛЕНИЯ ОТЦА НЕКТАРИЯ

(По письмам монахини Нектарии (Концевич))

«Дедушка сказал, что замужество для женщины это есть служение Пресвятой Троице. Вся ее жизнь в замужестве есть служение

Пресвятой Троице – вот как велика для женщины ее участь быть женой и матерью. Это на мой вопрос:

– Чем я бы могла послужить Господу?

Дедушка ответил:

– С тех пор, как ты сочеталась законным браком, ты непрерывно служила Пресвятой Троице. Законный брак для женщины есть начало ее служения Пресвятой Троице.

Дедушка сказал, что тебе лучше жить вдвоем, если найдется сожитель тихий, кроткий, небранчивый: *Со избранным избран будешь* (Пс. 17, 27); а от дурного сожителя самому уходить надо.

Нас очень обокрали! Унесли в окно все зимние вещи и платье. Отец Нектарий сказал, что когда обкрадут, то не надо скорбеть, а решить, что дали милостыню, и Господь вернет в 10 раз. Так что ты не печалься о нас.

Одной знакомой на вопрос, как Христа возлюбить, сказал:

– Взять урок у Самого Христа: *Да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы* (Ин. 13, 34). Прежде всего надо стараться ближнего возлюбить, а с ближнего любовь перейдет на Христа. Но ближнего надо возлюбить искренно, а не с расчетом, – тогда только может быть успех.

– Оттого, что душа мятется и не знает, за что взяться, – помолиться и отговориться с полной верой.

Указаний, как жить, Дедушка не делает совсем. Я думаю, оттого, чтобы не налагать ярма и чтобы вопрошающие не потерпели ответственности за неисполнение того, что он велел. На прямые вопросы он всегда отвечает. Например, я спросила, что делать с помыслами дурными, а он сказал:

– Повторяй “Господи, помилуй!” – и увидишь, как все земное отходит.

В другой раз он мне сказал:

– Не обращай на них внимания.

И по милости Божией, молитвами Дедушки помыслы оставили меня.

Дедушка говорил, что “раньше благодарили Господа, а теперешнее поколение перестало благодарить Господа, и вот оскудение во всем, плоды плохо роятся и какие-то больные”.

Дедушка советует, если кому удастся сделать что-либо доброе или подать милостыню, говорить:

– Твоим благословением, Господи, совершил я это: *Не можете творити без Мене ничесоже* (Ср.: Ин. 15, 5).

Насчет забытого греха Дедушка говорил, что можно его сказать после Причащения, когда опять встретишься с духовником.

Еще Дедушка говорил, что очень хорошо, если Господь долго не слушает молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать:

– Молитва – это капитал: чем дольше лежит капитал, тем больше процентов приносит. Господь посылает Свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда нам *полезно* принять. Если нам что-либо крайне необходимо, тогда следует два-три раза помолиться, и за исполнение просьбы надо благодарить Бога. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример брать надо с Иоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись, и какое послал Господь им утешение!

Посылаю тебе письмо о. Иосифа (Полевого), присланное письмоводителем о. Нектария. От Старца длинное письмо, в котором он отвечает на вопросы. Между прочим: можно ли с товарищами спорить о религии и читать вместе с ними религиозные и антирелигиозные книги? Он не разрешил этого, предупреждая, что может быть нанесена сердечная язва, от которой будет очень трудно избавиться.

Открывать Библию, что откроется, – погрешительно. В сомнительных случаях делать этого нельзя, а нужно только помолиться трижды, и что бы после того ни предпринять, все будет для души полезно, а гадать по Библии – погрешительно, и нужно только читать для поучения в слове Божиим.

Тебе велел передать, что грех забытый хоть и вспомнится до Причастия, можно потом исповедать, в другой раз. Провести с пользой дни, в которые приобщаешься, так: не торопиться на какие-нибудь дела, дать себе льготу до половины дня, пребывать в молитве, молении и благодарении, почитать Священное Писание.

Старец еще сказал:

– Наши самые тяжелые скорби подобны укусам насекомых, по сравнению со скорбями будущего века.

Представь себе мое положение: знаю, что он мысли читает, а тут ужасная мразь лезет в голову. Спрашиваю:

– Что делать?

Говорит:

– Не обращай внимания.

В Дедушке нашла поддержку своего мнения о превосходстве “царского пути” (другими словами, избегать крайностей во всем, в том числе и подвигах). Когда я там жила два месяца около него, ничего не делала и имела возможность молиться и читать Священные книги, тогда на меня свирепо стал нападать злой дух. Наполнил ум мой такими помыслами, что я не могла взглянуть на иконы, и стыдно было у Дедушки сидеть, так как я знала, что он мысли читает. Относительно помыслов он мне ответил, как я уже тебе писала:

– Не обращай на них внимания.

А я пожелала класть поклоны и, чтобы не самовольничать, попросила у него разрешения класть по 100 поклонов в день. Он улыбнулся и спросил:

– А усердие есть?

Я говорю:

– Есть.

Он и разрешил, а через два-три дня послал меня говеть за 50 верст. В пути у меня разболелась нога, и я не в состоянии была класть ни одного поклона. С тех пор я никогда не просила разрешения ни на какие подвиги.

Дедушка написал, что хорошее общение житейское можно иметь с неверующими, только молитвенного общения нельзя с ними иметь и споров о религии нельзя заводить, чтобы имя Божие в споре не оскорблялось.

Часто читаю из шестого часа молитву “Яко не имамы дерзновения за премногия грехи наша”, так как думаю, что в этом и корень наших печалей. Дедушка при всяких неудачах велел говорить: “Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил, но Ты, Господи, по милосердию Твоему прости и помилуй меня”, и так советует повторять несколько раз, пока не почувствуешь мир в душе.

Дедушка как-то от себя сказал:

– Молись телесно – Господь Бог пошлет Свою благодать в помощь тебе.

Это значит, чтобы молиться с поясными поклонами, а когда нужно, то и с земными. Дедушка даже встал перед иконами, положил медленно крестное знамение на себя и поклонился низенько, коснувшись рукой правой до земли, и мне сказал:

– Молись так.

Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоём – тогда преисполнится оно великим ликованием и радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить его. Для этой цели Дедушка советовал молиться так: “Господи, отверзи двери милости Твоей”.

Дедушка велел мне готовиться к постригу. Я очень обрадовалась – правда, как тебе странно это слышать от меня? Помнишь мое отношение к монахам? Как я их жалела, что у них нет своей воли, что они все должны делать так, как им прикажут и т. д. А вот теперь я постигла, что нет большего счастья, как находиться на послушании, когда ты можешь быть уверенной, что исполняешь волю Божию и не отвечаешь за свои поступки.

Дал мне Дедушка маленькое келейное правило: 30 раз – “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную”; 10 раз –

“Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя”; 10 раз – “Святый Ангеле Хранителю мой, моли Бога о мне” и 10 раз – “Все святии, молитесь Бога о мне”. Причем прибавил:

– Как ты скажешь: “Все святии, молитесь Бога о мне” – так все святые скажут на небе: “Господи, помилуй” – и будет тебе приобретение.

Теперь я всякий раз, как говорю: “Все святии, молитесь Бога о мне”, представляю себе, как все святые – все небо – взывают ко Господу: “Господи, помилуй”.

Молись за Дедушку, он сказал:

– Ваши молитвы меня утешают и мне помогают.

Я живу от поездки до поездки. Какая великая милость Божия иметь возможность повидаться с ним и поговорить.

Получил ли ты письмо, в котором я восторгаюсь творением преподобного Исихия? Я его всю жизнь искала, а оно, оказывается, лежало у нас в кладовке, и только чудесным образом я его нашла после того, как спросила у Дедушки: как открыть дверь сердца.

Олегу сказал, что у него есть талант (но не сказал какой), и продолжал:

– Это хорошо – не объявлять талантов, а то могут украсть. Жизнь определяется в трех смыслах: *мера, время и вес*. Самое прекрасное дело, если оно будет выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры, помни эти три смысла, ими определяется вся жизнь.

– О мере и весе я понимаю, но что есть время? Эпоха ли? – Он молча улыбнулся. – Но есть и большее искусство – слово. Слово воскрешающее и убивающее (псалмы Давида). Но путь к этому искусству через личный подвиг – путь жертвы. И один из многих тысяч доходит до него».

На втором Аржеронском (во Франции) съезде Христианского движения, который имел место приблизительно в 1926 г., среди

других докладчиков находился и профессор Бердяев. Преосвященный Вениамин, тогда инспектор Богословского института в Париже, выступил с возражениями, как православный епископ, против некоторых положений доклада Бердяева, противоречивших православному учению. Последний обиделся, сейчас же забрал свои чемоданы и уехал. На другой день на съезд прибыл митрополит Евлогий и сделал епископу Вениамину строгое внушение.

Владыка Вениамин, желая проверить себя, обратился к о. Нектарию (в это время мы имели возможность письменно общаться с о. Нектарием). Старец ответил: «В таких обществах (как Христианское движение) вырабатывается философия, православному духу неприемлемая». Затем пришло подтверждение еще более точное, что он не одобряет именно то общество (т. е. движение), на собрании которого был оскорблен владыка Вениамин.

В тот же период времени некто Г-м обратился к отцу Нектарию за указанием, можно ли ему поступить в Академию (Богословский институт в Париже), выражая опасение, что она еретическая. С последним о. Нектарий согласился, но поступить в Академию благословил и сказал: «Какая бы она ни была, ученому мужу помехи не будет. Знать науку, какую будут преподавать, ему не помешает».

Тогда же произошел один прискорбный случай на Сергиевском подворье: на кухню Богословского института пришел человек, имевший сухую руку, и просил там какой-нибудь работы. Таковой не нашлось; тогда он здесь же в саду застрелился.

Владыка Вениамин очень скорбел, написали о. Нектарию. Церковно поминать самоубийц воспрещено канонами. Отец Нектарий посоветовал владыке Вениамину читать Псалтирь келейно по умершему в течение сорока дней, а также найти еще двух чтецов, чтобы довести их число до трех. При этом о. Нектарий сказал: «Господь отымает разум у человека; на что скот не решается – человек решается».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ НЕКТАРИИ ЕГО ДУХОВНОГО СЫНА ПРОТОПРЕСВИТЕРА АДРИАНА РЫМАРЕНКО

В августе 1925 г. мы с матушкой, как всегда предварительно испросив благословение Старца, быстро собрались в дорогу, с тем чтобы на этот раз встретить день своего Ангела у Старца и вместе помолиться.

В то время Старец был уже в изгнании, в с. Холмищах, и попасть туда было не так легко, да к тому же и следили тщательно за приезжающими. Но вера в молитвы батюшкины и его благословение на проезд совершенно устранили все страхи.

Старец встретил нас очень приветливо, благословил поговеть и причаститься Святых Таин, а накануне моего дня Ангела наказал хозяину достать рыбки на обед и испечь хлеб.

В самый день праздника, после богослужения, нас пригласили к столу. Кроме меня и моей матушки был приглашен к столу и хозяин.

Обычно Батюшка никогда не выходил на общую трапезу, но на сей раз он изменил своему обычаю.

Старец, одетый в рясу и подпоясанный поясом, вышитым золотом, вышел из своей келлии, неся в руках свежеиспеченный белый хлеб.

подавая его мне, Старец сказал:

– Примите этот хлеб, Батюшка, в знак того, что Вы никогда в жизни не будете нуждаться в хлебе насущном. А это, – продолжал Старец, вручая несколько измятый какой-то листок, – в руководство в вашей жизни.

Листок этот содержал «Правила благочестивой жизни» архиепископа Платона Костромского. В то время этот подарок был не совсем понятен для меня, и только уже по кончине Старца я оценил всю его важность как духовного руководства.

Во время трапезы, на которой присутствовали, кроме меня с матушкой, и хозяин Андрей Ефимович, у которого жил Старец, а также монахиня Мария, Батюшка сказал:

– Вот в Москве был случай, когда юная девица, очень хорошей жизни, неожиданно скончалась. И вот, когда она уже была в гробу, вдруг она ожила и немедленно потребовала своего духовника – известного в Москве своей доброй жизнью священника. Прибывший духовник после исповеди ожившей девицы вышел весь в слезах, и когда близкие стали его расспрашивать, о чем он беседовал, то духовник только сказал, что у девицы на совести было одно только темное пятно, и Господь не допустил, чтобы этот грех ушел вместе с ней в Царство света, и через благодать Священства этот грех был снят с ее души, после чего его духовная дочь мирно отошла ко Господу. Вот как важно покаяние на земле, – закончил Старец.

Старец вспоминал и другой бывший в Москве случай, свидетельствовавший о важности проскомидии. «Один очень большой ученый, медик, тяжело заболел. Приглашенные врачи – его друзья – нашли больного в таком состоянии, что было очень мало надежд на выздоровление.

Жил профессор одиноко, только со своей сестрой, старушкой. Был он не то что совсем неверующий, но мало интересовался религиозными вопросами, в церковь не ходил, хотя жил очень недалеко от небольшого храма на его же улице.

После такого медицинского приговора сестра его очень заскорбела, не зная, чем помочь брату. И тут вспомнила: да рядом есть церковь, куда можно пойти и подать на проскомидию о тяжело болящем брате.

Рано утром, не говоря ни слова брату, сестра собралась на раннюю обедню, рассказала священнику о своем горе и просила вынуть частицу и помолиться о здравии брата. А в это же время ее тяжело больной брат видит, что стена его комнаты как бы исчезает и открывается внутренность храма, алтарь. Дальше он видит свою сестру, о чем-то говорящую со священником. Священник подходит к жертвеннику, вынимает частицу, и эта частица ясно, со звоном,

падает на дискос. И в этот же момент больной чувствует, что какая-то сила вошла в его тело, и он невольно встал с постели, чего давно уже не мог сделать.

В это же время входит и сестра и с удивлением смотрит на болящего.

– Где ты была? – восклицает он. – Я все видел, я видал тебя в церкви, говорившей со священником, и я видел, как он вынул за меня частицу.

И тут оба они со слезами возблагодарили Господа за чудесное исцеление.

Профессор еще долго жил после этого случая, уже никогда не забывая о милосердии Божиим, бывшем к нему, грешному».

*Правила благочестивой жизни*⁴²³

(Из сочинений Платона, архиепископа Костромского)

Принуждай себя всегда вставать рано и в определенное время. Без особенной причины не спи более семи часов. Как скоро пробудишься от сна, тотчас вознеси мысль свою к Богу и сделай на себе с благоговением крестное знамение, помышляя о распятом Господе Иисусе Христе, умершем на кресте для нашего спасения. Немедленно встань с постели, оденься и не позволяй себе долго нежиться на постели. Одеваясь, помни, что ты находишься в присутствии Господа Бога и Ангела-хранителя, и вспоминай о падении

⁴²³ «Эти “Правила благочестивой жизни” преподал мне в день моего святого Ангела великий Оптинский старец иеромонах Нектарий с такими словами: “Это тебе мой именинный дар”. Преподал его Батюшка, держа листок приподнятым в руках. На этом листке начертан крест со словами: “Господи, помилуй!” Это было 26 августа 1925 г. Я в первый момент не понял значения для меня этого святого листка, и только после кончины Старца, 9 апреля 1928 г., мне стало ясно значение этого батюшкиного мне дара. Когда скончался Старец, я остался одинок, без старческих указаний, и в тот момент, когда мне была необходима старческая помощь, я нашел этот листок и, перечитав его вторично, понял значение батюшкиного дара: “Правила благочестивой жизни”, в сущности, были для меня живым Старцем». – *Протопресвитер Адриан Рымаренко.*

Адама, который грехом лишил себя одежды невинности, и проси у Господа Иисуса благодати облечься в Него.

Потом немедленно начни молитвы утренние; преклонив колена, молись внимательно, благоговейно и с глубочайшим смирением, как должно пред взором Всемогущего; испрашивай у Него веры, надежды и любви, благословения на наступающий день, также сил к благодушному принятию всего того, что Ему будет благоугодно в тот день послать или попустить, и к перенесению всех тягостей, бедствий, смущений, напастей, скорбей и болезней души и тела – из любви к Иисусу Христу. Прими твердое намерение все делать для Господа Бога, все принимать от отеческой руки Его, и особенную решимость делать именно такое-то добро или избегать именно такого-то зла.

В каждое утро хотя четверть часа посвящай на краткое размышление об истинах веры, особенно о непостижимом Таинстве воплощения Сына Божия и о страшном Втором Пришествии Его, об аде и рае. Размышляй так: может быть, этот день есть последний день моей жизни, – и все так делай, как бы ты захотел делать, готовясь предстать теперь же на суд Божий. Благодарю Господа Бога за сохранение тебя в прошедшую ночь, и что ты еще жив и не умер в грехах. Сколько людей в прошедшую ночь предстали перед страшное судилище Господа! Также возблагодари Бога, что еще есть для тебя время благодати и милосердия и средства для покаяния и приобретения неба. Каждое утро думай о себе, что только теперь начинаешь и хочешь быть христианином; а прошедшее время напрасно погибло.

После молитвы и размышления, если позволяет время, почитай какую-нибудь книгу духовную, например св. Димитрия «Алфавит духовный» и святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое», и читай до тех пор, пока сердце твое придет в умиление. Довольно подумав об одном месте, читай далее и внимай тщательно тому, что Господь говорит твоему сердцу.

После сего займись делами твоими, и все занятия и дела твои да будут во славу Божию, – помни, что Бог везде видит тебя, зрит все

действия, занятия, чувствования, помышления и желания твои и щедро воздаст тебе за все добрые дела. Не начинай ни одного дела, не помолясь Господу Богу, ибо то, что мы делаем или говорим без молитвы, после оказывается или погрешительным, или вредным и обличает нас чрез дела неведомым для нас образом. Сам Господь сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Среди трудов твоих всегда благодушествуй, успех оных поручая благословиению Господа. Исполняй все тяжкое для тебя, как епитимию за грехи твои – в духе послушания и смирения; в продолжение трудов произноси краткие молитвы, особенно молитву Иисусову, и представляй себе Иисуса, Который в поте лица Своего ел хлеб Свой, трудясь с Иосифом.

Если твои труды совершаются успешно по желанию сердца твоего, то благодари Господа Бога; если же неуспешно, то помни, что и это Бог попускает, а Бог делает все хорошо.

Во время обеда представляй, что Отец Небесный отверзает руку Свою, чтобы напитать тебя; никогда не оставляй молитвы пред обедом, уделяй от своего стола и нищим. После обеда считай себя как бы одним из тех, которых в числе пяти тысяч напитал чудесно Иисус Христос; и возблагодари Его от сердца и моли, чтобы Он не лишил тебя небесной пищи, слова Своего и Пречистых Тела и Крови Своих. Если желаешь жизни мирной, то предай всего себя Богу. До тех пор ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в едином Боге, любя Его единого. Всегда и во всем поминай Господа Бога и святую любовь Его к нам грешным. Во всем старайся исполнить волю Божию и угождать только единому Богу, делай и терпи все для Бога. Заботься не о том, чтобы уважали и любили тебя люди века сего, но о том, чтобы угодить Господу Богу и чтобы совесть твоя не обличала тебя во грехах. Бодрствуй тщательно над самим собою, над чувствами, помышлениями, движениями сердца и страстями: ничего не почитай маловажным, когда дело идет о твоём спасении вечном. Во время памятования о Боге умножай молитвы твои, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда ты забудешь о Нем.

Во всем да будет твоим учителем Господь Иисус Христос, на Которого взирая оком ума своего, спрашивай себя самого чаще: что в этом случае помыслил бы и сделал бы Иисус Христос. Будь кроток, тих, смирен; молчи и терпи по примеру Иисуса. Он не возложит на тебя креста, которого ты не можешь понести; Он Сам поможет тебе нести крест. Не думай приобрести какую-либо добродетель без скорби и болезней души. Проси у Господа Бога благодати исполнять как можно лучше святейшие заповеди Его, хотя бы они казались для тебя весьма трудными. Исполнив какую-либо заповедь Божию, ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается чрез преодоление препятствий. И на малое время не оставайся в праздности, а пребудь всегда в трудах и занятиях, ибо не трудящийся недостоин имени человека.

Уединяйся по примеру Иисуса, Который, удаляясь от прочих людей, молился Отцу Небесному. Во время тягости душевной или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям не оставляй дел благочестия; так Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти. Делай все во имя Господа Иисуса, и таким образом всякое дело твое будет делом благочестия.

Убегай даже самых малых грехов, ибо не удаляющийся от малых непременно впадет в большие и тяжкие. Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничтожение души и скорбь телесную, не в одно какое-либо, но во всякое время, во всяком месте и во всяком деле. Всякий помысл, удаляющий тебя от Господа, особенно скверный плотский помысл, изгоняй из сердца как можно скорее, как сбрасываешь с одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда придет такой помысл, то молись крепко: Господи, помилуй. Господи, помоги мне. Господи, не оставь меня, избавь от искушений, или иначе как.

Но среди искушений не смущайся. Кто посылает случай к сражению, Тот даст и силы к победе. Будь спокоен духом, уповай на Бога:

если Бог за тебя, то кто против тебя? Испрашивай у Бога, чтобы Он отнял у тебя все, что питает твое самолюбие, хотя бы это для тебя было и очень горько. Желай жить и умереть для одного Господа Бога и всецело принадлежать Ему. Когда потерпишь какое-либо бесчестие от людей, то подумай, что это послано от Бога к славе твоей, и таким образом в бесчестии будешь без печали и смущения и в славе. Если имеешь пищу и одежду, то и сим будь доволен по примеру Иисуса, нас ради обнищавшего.

Никогда не спорь и слишком много не защищай себя и не извиняйся; ничего не говори против начальников или ближних без нужды или обязанности. Будь искренен и прост сердцем, с любовью принимай наставления, увещания и обличения от других, хотя бы ты был и очень умен.

Не будь ненавистником, завистливым, чрезмерно строгим в слове и делах. Чего не хочешь себе, того не делай другому, и чего себе от других желаешь, то прежде сам сделай для других. Если кто посетит тебя, то возвысь сердце твое к Господу Богу и моли даровать тебе дух кроткий, смиренный, собранный; и будь ласков, скромн, осторожен, благоразумен, слеп и глух, смотря по обстоятельствами. Помышляй, что Иисус находится среди тех, с которыми ты находишься и беседуешь.

Не говори ничего необдуманно, твердо помни, что время кратко и что человек должен дать отчет во всяком бесполезном слове; разговору назначай определенную цель и старайся направлять его к спасению души. Более слушай, нежели говори: во многоглаголании не спасешься от греха. Испрашивай у Господа благодати благовременно и молчать, и говорить. Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух. Если же кому принесешь пользу словами своими, то признай в этом благодать Божию.

Когда ты находишься наедине с собою, то испытывай себя, не сделался ли ты хуже прежнего, не впал ли в какие грехи, которые прежде не делал? Если согрешишь, то немедленно проси прощения

у Бога со смирением, сокрушением и упованием на Его благость и поспеши принести покаяние пред отцом духовным; ибо всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти. Притом если не будешь сокрушаться во грехе, сделанном тобою, то опять в него скоро впадешь. Старайся делать всякому добро, какое и когда только можешь, не думая о том, оценит или не оценит он его, будет ли тебе благодарен. И радуйся не тогда, когда сделаешь кому-либо добро, но когда без злопамятства перенесешь оскорбления от другого, особенно от благодетельствованного тобою. Если кто от одного слова не оказывается послушным, того не понуждай чрез прение – сам воспользуйся благом, которое он потерял. Ибо незлобие принесет тебе великую пользу. Но когда вред от одного распространяется на многих, то не терпи его, ищи пользы не своей, но многих. Общее благо важнее частного.

Во время ужина вспоминай о последней вечери Иисуса Христа, моля Его, чтобы Он удостоил тебя вечери небесной. Прежде, нежели ляжешь спать, испытай твою совесть, проси света к познанию грехов твоих, размышляй о них, проси прощения в них, обещай исправление, определив ясно и точно, в чем именно и как ты думаешь исправлять себя. Потом предай себя Богу, как будто тебе должно в сию ночь явиться пред Ним; поручай себя Божией Матери, Ангелу-хранителю, святому, которого имя носишь. Представляй постель как бы гробом твоим и одеяло – как бы саваном. Сделав крестное знамение и облобызав крест, который на себе носишь, усни под защитою Пастыря Израилева, *иже храняй не воздремлет, ниже уснет* (Ср.: Пс. 120, 4). Если не можешь спать или бодрствуешь во время ночи, то вспоминай слово: *Среди полнощи вопль бысть: се, Жених грядет* (Ср.: Мф. 25, 6), или вспоминай о той последней ночи, в которую Иисус молился Отцу до кровавого пота; молись за находящихся ночью в тяжких болезнях и смертном томлении, за страждущих и усопших, и моли Господа, да не покроет тебя вечная тьма. Среди полночи встань с постели и помолись, сколько сил станет.

Во время болезни прежде всего возложи упование твое на Бога и часто вспоминай и размышляй о страдании и смерти Иисуса Христа – для укрепления духа своего среди болезненных страданий. Непрестанно твори молитвы, какие знаешь и можешь, проси у Господа Бога прощения во грехах и терпения во время болезни. Всячески воздерживайся от ропота и раздражительности, так обыкновенных во время болезни. Господь Иисус Христос претерпел ради нашего спасения самые тяжкие болезни и страдания, а мы что сделали или потерпели ради нашего спасения?

Как можно чаще ходи в храмы к Божественной службе, особенно старайся как можно чаще быть во время Литургии. А воскресные и праздничные дни непременно посвящай делам благочестия; находясь во храме, всегда помни, что ты находишься в присутствии Бога, Ангелов и всех святых; остальное время дня после Литургии посвящай на благочестивое чтение и другие дела благочестия и любви. День рождения и Ангела твоего особенно посвящай делам благочестия. Каждый год и каждый месяц делай строгое испытание твоей совести.

Исповедуйся и приобщайся Святых Таин как можно чаще. К Приобщению Святых Таин приступай всегда с истинным gladом и с истинною жаждою души, с сокрушением сердца, с благоговением, смирением, верою, упованием, любовью. Как можно чаще размышляй о страданиях и смерти Иисуса Христа, умоляя Его ризою заслуг Своих покрыть все грехи твои и принять тебя в Царство Свое. Имя Иисуса всегда имей в устах, в уме и в сердце. Как можно чаще размышляй о великой любви к тебе Господа Бога, в Троице славимого и поклоняемого, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всею душою и всеми силами твоими. Творя сие, будешь вести мирную жизнь на сей земле и блаженную на небе во веки веков. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с тобою. Аминь ⁴²⁴.

⁴²⁴ Платон (Фивейский), архиеп. Правила благочестивой жизни. М., 1887 (1-е изд.). – Примеч. ред.

СЛУЧАИ ПРОЗОРЛИВОСТИ И ЧУДЕСНОЙ ПОМОЩИ

Письма монахини Нектарии (Концевич)

«Чтобы не навести на человека греха непослушания, или забвения, или нерадения, Дедушка не налагает никаких правил ни на кого, но, по его молитвам, человек сам (с помощью, конечно, Господа) наталкивается на подходящие в данное время для него книги, встречает людей, могущих ему в этом помочь. Какое величие смирения и любви к людям! Как дивен Бог во святых Своих!

Я заметила, что если только написать Дедушке просьбу о чем-либо, то в то же время приходит помощь от него. Очевидно, по милости Божией, душа его слышит все просьбы, обращенные к нему.

У Дедушки был такой случай. Одна молодая девица пришла просить благословения на монашество, а он сказал:

– Нет, у тебя будет жених, ты выйдешь замуж, родишь сына, и он будет весить 10 фунтов...

Так и случилось в точности, и она года через два принесла прелестного бутузика к Батюшке на благословение.

Лида Б. искала целый год какого-нибудь места и не могла найти, летом работала поденно на фермах за гроши: пахала, убирала воловники, одним словом, страдала невероятно; хотела наняться кухаркой, прачкой – и нигде не могла. Я посоветовала ей молиться о здравии Дедушки – и вот она через три дня получила в деревне место учительницы. Радость ее неопишима.

Ты просил написать, что говорил в последний раз Дедушка. Когда мы приехали, Олежок был болен. Температура у него была 40 градусов. Я говорю Батюшке:

– Олежок у меня болен.

А он говорит, улыбаясь:

– Хорошо поболеть в добром здоровье.

На другой день дал ему яблочко и говорит:

– Вот тебе лекарство.

А когда благословлял нас в путь, сказал:

– Когда будете лошадей кормить, пусть Олег выпьет кипяточку – и будет здоров.

Мы так и сделали: Олежок выпил кипяточку, заснул и проснулся, говоря:

– Мамочка! Я здоров».

«13 апреля 1924 года. Один мальчик пожаловался Дедушке, что его в школе товарищи обижают, а Дедушка сказал, улыбаясь:

– А ты призови Георгия Победоносца на помощь, так ты всех их победишь, только ножками задрывают.

Так в точности и случилось. Он как ринулся на самого забияку, призвав Георгия Победоносца на помощь, так тот только ногами задрогал, и с тех пор его никто не трогает.

Олежка он благословил хлопотать о жалованье, и вот чудесным, можно сказать, образом он получил его – и не только за этот год, а и за весь прошлый, без всякой протекции; между тем в прошлом году ему отказали. Олежок благословлялся, чтобы ему хорошо учиться, – и до сих пор у него по всем предметам, которые идут в аттестат, весьма удовлетворительно.

Он благословил меня заниматься уроками, и ко мне сами напросились шесть учеников, и все как на подбор детки умные, способные, верующие!

Ах, как печально, что мы живем далеко от Дедушки и редко можем прибегать к его благословению».

Мать двоих из учеников матери Нектарии поручила ей спросить Старца, в какое учебное заведение определить своих сыновей. «Никуда не надо отдавать их: достаточно для них и того, чему ты их учишь». Матери Нектарии неловко было передавать эти слова Старца, так как мало ей знакомая мать этих детей могла подумать, что она говорит это с целью сохранить за собою учеников. Так и вышло: мать только пожала плечами и отослала детей в школу. Там они попали в дурное содружество, развратились, стали воровать

одежду и вещи товарищей, а потом вышли грабить и на улицу и попали в число малолетних преступников.

«Не помню, что тебе писала из разговора с Дедушкой, но из важного для нас он сказал, что Олег окончит учиться, и просил молиться о нем самом, так как ему не хочется ехать на Камчатку.

Дедушка был по обыкновению очень веселый, много шутил и смеялся. На прощанье нам сказал:

– Милости просим, приезжайте еще; хотя вам от меня нет никакой пользы, зато мне от вас есть польза, – намекая на гостинцы, которые мы ему привезли.

У нас есть одна знакомая семья. Жена верующая и хорошая христианка и молитвенница, а муж насмешник над постами и слабо верующий. Вот они были в чрезвычайно бедственном положении, продавали последнее. Она усердно ходила в храм, а муж допекал ее, что она все разносит по попам, и что из-за этого они погибнут с голоду. В отчаянии она была близка к самоубийству и хотела бросить мужа, не будучи в состоянии терпеть его постоянных укоров. В горе обратилась к Дедушке. Он ей через меня передал:

– Пусть отслужит молебен святителю Николаю – Господь ей поможет.

Она в тот же день продала какую-то вещь и отслужила молебен св. Николаю. Спустя два дня муж ее встречает товарища, который ему предлагает службу. Он с радостью соглашается. Но у нас (в СССР) службу нельзя получить не члену союза, а и члены союза тысячами ждут очереди. Он пошел к тому, от кого зависело его назначение. Тот говорит:

– Удивляюсь даже, как вы можете ко мне обращаться, зная правила и видя тысячные очереди, а вы не член.

Он возвращается к товарищу, тот говорит:

– Я без согласия ничего не могу сделать.

Тот идет опять в союз и говорит:

– Я погибаю, сделайте хоть раз в жизни доброе дело – в ваших руках моя жизнь.

В результате получил место: 120 руб. (60 долларов) в месяц и четыре с половиной руб. суточных – всего около 250 руб. (а у нас старые служащие в Управлении железных дорог и в других учреждениях получают 30–40 рублей в месяц). Притом служба разъездная, и он раз в месяц приезжает домой как желанный гость. Всего величия этого чуда ты не можешь понять, не имея представления о том, как трудно здесь вообще попасть на службу, и не зная, что не члену союза это совершенно невозможно и что ежемесячно у нас происходят сокращения штатов, причем десятками увольняются со службы прослужившие даже по 10–15 лет. Жена достигла всего: и его нет дома, так что она беспрепятственно молится, постится, и с мужем отношения наладились, и он, уезжая сказал:

– Молись за меня.

Остается воскликнуть:

– Дивен Бог во святых Своих!»

«Через шесть лет сбылось предсказание о Нектария, что Л. не возьмут на военную службу. Л. с благословения о. Нектария занимался физкультурой и стал инструктором в этой области. И вот на призывной комиссии он произвел на всех впечатление своим атлетическим сложением и здоровьем. Казалось, призыв был неминуем. Вечером Л. должен был прийти в канцелярию за указанием места назначения. Но там ему велели явиться на другой день. И так повторялось несколько раз. Л. и все родные беспокоились, так как, не понимая причины отсрочки, опасались, нет ли политического преследования. Наконец объявили, что Л. освобождается от воинской повинности, как инструктор гимнастики. Оказалось, что в том году инструкторов не хватало, и только единственно в этом призыве их освобождали.

Дедушка разрешил в июне побывать в Саровской пустыни и на возвратном пути посетить и его. Это будет через два месяца. Пиши заранее все, что нужно узнать».

«Спросила я его о кончине мира. Он мне показал письма, которые ему присылают: о видении Спасителя, Который говорил, что вскоре конец мира, о выдержке из газет, что появился Мессия в Индии, а Илия – в Америке и т. п. Много говорил, но и улыбался, а предварительно перед тем, сразу при встрече нас, обратился с такими словами:

– Что это вы все обращаетесь к моему художеству – вот обратитесь к оптинским монахам.

Я улыбнулась, а он говорит:

– Это я вам серьезно говорю, они вам скажут все на пользу.

Когда я повидалась с ними, они и говорят:

– Если люди, которые занимаются изысканиями признаков кончины мира, а о душах своих не заботятся, это все они делают ради других (очевидно, чтобы сообщить сенсационную новость).

Так вот, монахи мне сказали, что людям не полезно знать время Второго Пришествия. *Бдите и молитесь*, – сказал Спаситель (Ср.: Мк. 14, 38). Значит, не надо предугадывать событий, а в свое время верным будет все открыто. Дедушка остался доволен ответом монахов, так как он тоже не сторонник того, когда доверяют всяким фантазиям в этой области.

Я спросила:

– Батюшка, а говорят, что и Иоанн Богослов придет?

Он ответил:

– Все это будет, но это великая тайна.

И еще сказал:

– Во дни Ноя Господь в течение ста лет говорил, что будет потоп, но Ему не верили, не каялись, и из множества людей нашелся один праведник с семейством. *Так будет и в пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 37).

И еще Дедушка много раз повторял:

– Держитесь твердо Православия.

Во время моей исповеди Дедушка много раз повторял:

– Боже, буди ко мне милостив!»

«Вечер» старца Нектария

«Это было летом 1915 г. во время войны с немцами. Нас было трое: мать, сестра – 28 лет и я – 22 лет.

Сестра часто болела приступами слепоты, дурноты и чем-то вроде летаргии. Припадки почти ежемесячные. Болезнь началась, когда ей было 18 лет. За эти прошедшие десять лет ее лечили десять докторов и четыре профессора. И кроме бесконечных денежных трат, поездок за границу и рухнувших надежд – ничего!

Мать моя, очень религиозная женщина, много слышала об Оптиных старцах и решила ехать в Оптину. Она берет с собой меня. Я же рвусь на курсы сестер милосердия, чтобы попасть на войну. Мать меня не пускает и говорит:

– Благословит тебя Старец – отпущу, а нет – не поедешь, а пока мы по дороге еще в Троице-Сергиевскую Лавру заедем помолиться.

Приехали в Оптину через Москву, Козельск, откуда на извозчике в Пустынь и на пароме через Жиздру. Поражает высота деревьев в лесу, окружающем монастырь. Остановились в монастырской гостинице, где узнали, что старец о. Анатолий болен и посетителей не принимает.

– А пока он поправится, ходите в Скит к о. Нектарию, – посоветовал нам гостиник, что мы и сделали.

Говорят, о. Нектарий недавно вышел из затвора и теперь принимает богомольцев у себя в келлии в Скиту.

В приемной у Старца мы застали уже человек тридцать в ожидании его выхода. В толпе кто-то сказал:

– Батюшка сегодня пойдет с нами гулять.

Ждали мы минут 10–15. Вышел небольшого роста старичок и с ним келейник. Большинство из толпы встало на колени, в том числе и моя мать. Старец окинул всех взглядом, подошел к маме и говорит:

– Ты пришла молиться о больной дочери? Она будет здорова, привези ее к нам, а пока приходи сюда под вечер, а сперва прогулка.

Слово “вечер” всех очень удивило, а одна женщина, крестьянка, говорит моей матери:

– Ты, верно, дочь просватанную привезла благословляться к Батюшке?

Всех по очереди Батюшка благословил и ушел к себе в келлию. Вышел келейник и просил всех прийти в шесть часов вечера:

– Батюшка пойдет гулять.

В шесть часов мы все снова пришли. Батюшка вышел, посмотрел на всех, подошел ко мне, взял меня за руку и повел к солдату (жандарму). Захватив его руку вместе с моей, так и повел нас к двери и дальше по дороге по лесу. Вся толпа шла за нами. Так мы гуляли минут 10–20. Солдат, бедный, смущался, краснел, а мне идти было довольно неудобно. Когда пришли обратно, в келлии уже стоял стол под образами, чашки с чаем и пряники и конфеты в бумажках. Отец Нектарий посадил меня и солдата в передний угол под образа, а келейнику велел завести граммофон (какие-то духовные песнопения – не помню что). Я чувствовала себя неловко, как-то странно все казалось. Старец взял со стола семь пряников (белые с розовым пояском; такие продавались по деревням в России) и передал их моей матери со словами:

– Отвези их больной дочери, пусть каждый день съедает по одному и почаще причащается. Будет здорова. Поедете в Петербург – привези ее сюда поговеть.

С этими словами он от нас ушел, и мы все поднялись и ушли. А из толпы многие меня и маму поздравляли, говоря:

– Батюшка-то твою дочь повенчал, увидишь, нынче замуж пойдет. Так оно и вышло!

По приезде домой в имение мы узнали, что в наше отсутствие сестра была все время здорова. Она приняла пряники с верой (их было семь). После седьмого она причастилась. Больше до самой смерти прежние припадки никогда не повторялись. Она смогла закончить консерваторию и после революции преподавать пение.

Осенью того же года мы уже втроем, мать, сестра и я, поехали на зиму в Петроград и по дороге, как велел старец Нектарий, заехали в Оптину. Отдохнувши с дороги, мама повела сестру в Скит к о. Нектарию, я же пошла бродить вокруг монастыря и узнать, принимает ли о. Анатолий, так как нам сказали, что он все еще болен и не выходит к народу. Когда я подошла к келлии Батюшки, я увидела в приемной уже несколько человек – сидят, ждут. Все, конечно, местные крестьяне.

– Это будет первый выход Старца после болезни, – сказал келейник.

Я взошла и села в приемной, а в душе думаю:

– Как хорошо, что я одна попаду к Старцу, без мамы. Старец, конечно, меня благословит идти на войну, когда я попрошу его, а мама поневоле отпустит меня.

Вижу, дверь из келлии в приемную открывается, и выходит маленький старичок-монах в подряснике и широком кожаном поясе, и прямо направляется ко мне со словами:

– А ну-ка, иди ко мне.

У меня, что называется, душа в пятки ушла при этих словах Батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видеть! Я пошла за ним в келлию. Он закрыл за нами дверь, посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрывать что-либо я не могу, он видит меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А он все так же ласково улыбается и говорит:

– А ты почему мать не слушаешься?

Я продолжаю молчать.

– Вот что я тебе скажу: мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры, это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?

Молчу.

– Ты сейчас любишь его за его красоту! Выходи за него замуж тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, его убили; жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи.

С этими словами Старец взял стул, влез на него и достал с верхней полки деревянную иконку, – так, с четверть аршина в квадрате, – Казанской Божией Матери; поставил меня на колени и благословил. Потом сказал:

– Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать – будешь занята.

В первый же день приезда мне позвонила одна знакомая по телефону, прося приходить ежедневно в помощь сестрам милосердия в госпиталь на 200 человек солдат, заменять сестер во время обеда. И второй телефонный звонок – работа в складе императрицы Александры Федоровны (укладка бинтов в медицинском отделе склада).

Слова Батюшки оправдались. С утра я уходила в госпиталь до двенадцати с половиной часов (зал Дворянского собрания), прибегала домой, и к часу ехала в склад в Зимний дворец до шести вечера.

О. Н. Т.

Австралия. Приют для престарелых»

Примечание. Автор этих записок венчалась, когда ее жених носил аксельбанты, будучи адъютантом штаба дивизии, а жандармские солдаты носили рыжие жгуты на плече вроде аксельбантов. Вот в церкви-то она и вспомнила «вечер» о Нектария!

Она дала слово своему жениху задолго до поездки в Оптину. Никто в семье не знал об этом...

Что говорил о Нектарий ее сестре, она никогда не знала. Сестра замуж не вышла, хотя были женихи.

*«Не гонитесь за большим»**(Воспоминания протоиерея Сергия Щукина)*

Впервые я услышал о существовании Оптинских старцев, будучи студентом в Москве. Там я познакомился с молодежью из очень верующей и благочестивой семьи Д. из города Козлова. Двое братьев и две сестры учились в Москве, и один из братьев был моим однокурсником. От них я узнал, что все они – восемь братьев и сестер – были духовными детьми старца Анатолия Оптинского, почти ежегодно посещали его и ничего не делали без его благословения. Они мне очень советовали побывать в Оптиной, но обстановка студенческой жизни как-то всегда мешала мне осуществить эту поездку. Занятия в специальном техническом учебном заведении требовали очень много времени, а на каникулы я всегда уезжал домой или на студенческую практику. И только после окончания курса, уже при большевиках, обстоятельства позволили мне поехать в Оптину.

Летом 1918 г., когда уже вся Русская земля была потрясена до основания, передо мной, как и перед всей интеллигенцией, встал вопрос: что делать дальше? Многие категорически отказывались поступать на службу в новые большевистские учреждения, рассчитывая на скорое падение их власти; другие ждали иностранного вмешательства и выжидали. И когда частные и общественные учреждения закрывались, то безработные интеллигенты предпочитали торговать всяким старьем или жить на продажу своих вещей, чем идти на службу к большевикам.

Наконец наступил и для меня такой момент, когда учреждение, в котором я работал, должно было закрыться. Конечно, имея диплом инженера, я мог бы легко устроиться, но где именно? Возможностей было много, мои товарищи и профессора звали меня в различные, вновь открываемые, советские учебные и научно-технические учреждения. Но меня как-то мало привлекало все это, мне хотелось сохранить свою внутреннюю свободу и укреплять свою

духовную жизнь, еще такую слабую и неустойчивую. Вот в эти-то дни я особенно начал думать о необходимости поехать в Оптину, чтобы посоветоваться со Старцем.

Случилось так, что наше учреждение, объявив свою ликвидацию, предложило своим служащим явиться через три дня за расчетом. Чтобы использовать эти дни, я решил поехать в Оптину со своими знакомыми; это был Миша Д., студент Московского университета, и его земляк, немолодой купец, которому в связи с революцией грозило полное разорение. Словом, все трое мы стояли на распутье и не знали, как действовать дальше в наступившей революционной неразберихе.

С большим трудом удалось нам попасть на товарный поезд, шедший в Калугу, потому что на пассажирские поезда невозможно было сесть. Чтобы иметь право посетить Оптину, надо было являться в городской исполком и получить пропуск, но на этом останавливаться не буду. К вечеру мы, наконец, добрались до монастыря и переночевали в монастырской гостинице. Там было все еще по-старому, но посетителей, ввиду тревожного времени, было немного. В Скиту тогда жили два старца – Анатолий и Нектарий. Большинство приезжих стремилось попасть к старшему – о. Анатолию, но мы почему-то решили обратиться к о. Нектарию. Войдя в Скит, который находился вне монастыря, мы увидели садики и домики старцев, знакомые нам по книге В.П. Быкова «Тихие приюты», а также по описанию Скита в романе «Братья Карамазовы» Достоевского.

Каждый из нас, как, вероятно, и все прочие посетители Оптиной, нес в своей душе смятение, боль и неуверенность, порожденные первыми месяцами революции. Многие из них, подобно нашему старшему спутнику, искали ответа на главный вопрос: долго ли еще продержится советская власть?.. И многие были уверены, что Оптиные старцы это должны точно знать...

К сожалению, я в свое время не записал подробностей нашего посещения о. Нектария; я считал, что память моя и так сохранит

эти незабываемые впечатления. Главное, конечно, сохранилось, но далеко не все. Мы посещали монастырские службы, говели, но больше всего остались в душе впечатления от встречи со Старцем. Мы вошли в приемную комнату Старца в его домике. Нас было человек 10–12 мужчин разного звания. Через несколько минут ожидания из двери быстрыми, неслышными шагами вышел маленький, несколько сгорбленный старичок с небольшой седенькой бородкой, в епитрахили. Помолившись на образа, он благословил всех нас и начал подходить к каждому по очереди. Мы стояли цепочкой вдоль комнаты, а Старец переходил от одного к другому и беседовал. Беседы были короткие, о. Нектарий редко с кем задерживался и, прерывая иногда длинные рассказы посетителя, спешил с ответом; ответы его были быстры и немногословны, после чего он сразу переходил к следующему в очереди.

Меня более всего поразила манера, с которой о. Нектарий беседовал со всеми; он подходил к собеседнику не глядя на него, становился около него несколько боком, вполоборота, и наклонял к нему ухо, как будто плохо слыша или просто давая возможность говорившему не слишком громко излагать свои нужды. Слушая его, о. Нектарий смотрел куда-то вниз, но создавалось впечатление, что он слушает вас не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия; что ему, собственно, важны были не сами ваши слова, а нечто другое, скрывающееся в вашей душе, что Старец и старался уловить...

Когда о. Нектарий подошел ко мне, то я начал как можно короче объяснять ему мое положение; но, как часто бывает в таких случаях, краткости и ясности у меня не получалось. Я попытался объясниться получше, но Старец, уже как бы поняв меня, начал говорить сам. Как я уже упоминал, мои трудности заключались в том, какую выбрать себе службу и чем руководствоваться при этом. А о. Нектарий ответил мне примерно так (подлинных слов не помню, но смысл их таков):

– Да, да, служите, конечно... вы ведь человек ученый. Но только не гонитесь за большим... А так, понемножку, полегоньку...

Вот и все – и он перешел к следующему. На первых порах мне даже показалось, что я не получил никакого ответа на мои нужды; вернее, я ожидал от Старца чего-то большего, чем эти простые слова... Но я вспомнил, что старцы очень часто отвечают не прямо, а иносказательно, заставляя вдумываться в истинный смысл ответа. Действительно, размышляя далее над его ответом, я вскоре убедился, что получил вполне ясный и определенный ответ на мои сомнения. А поняв это, я сразу почувствовал необыкновенную легкость, радость и покой. Вся запутанность и противоречивость окружающей революционной обстановки перестали существовать, а мои личные проблемы стали просты и ясны.

Таковы же были и ощущения моих спутников. Оба они возвращались домой спокойными и укрепленными, хотя, в сущности, они получили тоже не тот ответ, который искали. Старец, например, *никому не подал ни малейшей надежды* на то, что новая власть скоро кончится. Напротив, о. Нектарий многим говорил о необходимости терпения, молитвы, подготовки к еще большим испытаниям... Но тем не менее общее состояние у всех возвращавшихся от него было бодрое и радостное. Мы возвращались из Оптиной, чтобы попасть опять в хаос большевистской революции, но все воспринималось нами совсем иначе. И мне вспоминались слова Евангелия: *Не бойся, малое стадо* (Лк. 12, 32).

Такое впечатление от беседы со Старцем еще более укрепилось во мне после возвращения в Москву и осталось чем-то прочно вошедшим в мою жизнь. Вся моя последующая жизнь послужила непрерывным доказательством мудрости совета о. Нектария. А то, что случилось со мною после возвращения в Москву, еще больше раскрыло мне все значение моей поездки в Оптину. Вот почему обо всем этом необходимо рассказать подробнее.

1 сентября 1918 г. мы приехали в Москву, и я расстался со своими спутниками. Они поехали к себе в Тверскую губернию, а я отправился

домой, чтобы к 12 часам быть в своем учреждении для получения расчета. Но, чтобы понять дальнейшее, надо остановиться и пояснить, какова была политическая обстановка в Москве в эти дни.

Боясь нападения на Петроград, советское правительство летом этого года переехало в Москву. Но и в Москве было беспокойно. В августе месяце начался ряд антибольшевистских выступлений: восстание под Москвой так называемых левых эсеров, убийство бомбой германского посла графа Мирбаха (которому приписывали большое влияние на политику большевиков), наконец, покушение на Ленина, произведенное эсеркой Каплан. Озлобленные большевики в ответ на это объявили “красный террор”: в Москве и провинции свирепствовала ВЧК, всюду шли аресты, облавы и расстрелы; тюрьмы и управления чрезвычайка были переполнены. В эти-то страшные дни мне пришлось со всеми своими сослуживцами угодить в знаменитую Лубянку – внутреннюю тюрьму ВЧК.

Произошло все очень просто. Когда мы собрались в своем учреждении для получения расчета, вдруг оказалось, что весь дом окружен чекистами. Это значило, что мы попали в облаву. Всех нас, человек около восьмидесяти, согнали в одну залу и стали обыскивать и отбирать документы. Затем партиями погрузили на открытые грузовики и под конвоем через всю Москву отвезли на Лубянку. Там нас перерегистрировали вновь и распределили по камерам. Всю ночь внизу во дворе трещали моторы, приезжали и уезжали машины, поступали новые партии арестованных...

Не буду описывать подробно те шесть дней, которые я провел на Лубянке. Скажу лишь, что население нашей камеры ежедневно менялось: одних освобождали, других уводили на расстрел, третьих – нуждавшихся в следствии – переводили в Бутырскую тюрьму, чтобы освободить место для вновь прибывавших. Следует отметить, что в те времена суд ВЧК был хотя и не милостивый, но скорый, арестованных редко держали долго и часто отпускали без всяких последствий...

Среди пестрого населения нашей камеры господствовало, конечно, подавленное, тяжелое настроение. Одни, замешанные в чем-либо, молчали, замкнувшись в себе, другие, попавшие случайно, надоедали всем своими доказательствами, что они ни в чем не виноваты. Иные, тоже не чувствовавшие за собой вины, сильно волновались за себя и за своих близких. Среди арестованных были кадровые офицеры-интеллигенты, купцы, духовные лица, члены большевистской партии, иностранцы и даже один еврейский мальчик 13 лет, арестованный за появление на улице позже установленного часа. Но сам я был среди них, кажется, единственным, кто спокойно переносил и свой внезапный арест, и всю гнетущую обстановку Лубянки. Тот духовный мир, который я вынес из Оптиной, хранил меня от страха, и я совсем не волновался; гораздо больше волновались за меня мои друзья, остававшиеся на свободе. Я же был уверен, что все кончится для меня вполне благополучно.

Среди сидевших со мною мне особенно запомнились два епископа, еще довольно молодых, без единой седины в волосах; к сожалению, их имена я забыл. Они были оба в весьма тяжелом состоянии и больше молчали. Я несколько раз пытался заговорить с ними, рассказывал им, что сам только что вернулся из Оптиной, про свои впечатления там, но они были очень неразговорчивы. Потом я уже понял, что я им мог показаться слишком странным своим спокойствием и откровенными разговорами, так что они могли даже подумать, что я был специально к ним подослан... Дня через два их вызвали ночью на допрос – и они больше не вернулись. На следующий день в камеру явился дежурный за их вещами – на нарах лежали их верхние рясы. Это означало, что они были расстреляны в эту ночь. Такие случаи у нас были каждую ночь, так как особых камер для смертников тогда еще не было.

Меня дважды вызывали на ночной допрос. Следователем был совсем молодой и интеллигентный человек; потом я узнал, что это был один из начинающих поэтов-футуристов тех годов. Он со скучающим

видом изучал мою записную книжку и расспрашивал обо всех, чьи адреса там имелись: но больше всего он интересовался моими политическими убеждениями и тем, с какими политическими организациями я был связан. Я же утверждал, что никогда не имел никаких связей с партиями, а что имел знакомства только в научных и церковных кругах. Об этом в те первые годы революции еще можно было говорить открыто, так как церковные круги еще не рассматривались как контрреволюционные. Но через два-три года этот взгляд изменился, все церковные деятели стали преследоваться.

Ввиду переполнения ВЧК меня вскоре перевели в Бутырскую тюрьму, где я пробыл около 10 дней. Она была также переполнена, в каждой камере людей было вдвое больше нормы.

Кормили гораздо хуже, чем на Лубянке, почему лица, не получавшие передач, через несколько месяцев едва ходили. Тут я стал получать передачи от своих друзей и, между прочим, в первой же передаче получил от них книгу Нового Завета, которую пропустили без задержек. Впоследствии и эта льгота, принятая во всех странах, была отменена.

Когда меня снова перевезли на Лубянку, то объявили, что я освобождаюсь. На следующий день я получил документы, отобранные вещи: часы, перочинный нож и пр. – и пропуск для выхода из здания ВЧК. С чувством облегчения и благодарности Богу я вышел на Малую Лубянку. Светило сентябрьское солнце. Притихшая и плохо убранная Москва ожидала тяжелой, голодной зимы. Сидевшие со мною передали мне ряд адресов для посещения их родственников. Но один из моих сослуживцев просидел еще два месяца в Бутырках, хотя все другие наши служащие были выпущены. Наконец, уже в ноябре, его выпустили; оказалось, что его имя пропустили в списке освобождаемых...

Мои воспоминания не были бы закончены, если бы я не сказал о том, как я осуществил на деле совет о. Нектария. Из практики старчества известно, что совет старца должен быть обязательно вы-

полнен, иначе вас постигнут всякие несчастья. Но если вы следуете совету старца, то Бог помогает вам и как бы *все содействует ко благу* (Рим. 8, 28). Все это я испытал на опыте своей жизни.

Вскоре после освобождения я поступил на службу. Но, помня слова Старца: “Но только не гонитесь за большим... а так, понемножку, полегоньку”, я устроился на место секретаря при техническом совете одного из главков ВСНХ⁴²⁵. Главное преимущество этого места состояло в том, что главк помещался на той же улице, где я жил. Однако многие мои сотоварищи-инженеры и знакомые были весьма изумлены моим выбором, считая, что я мог бы устроиться гораздо лучше. Но уж всегда так бывает, что Божии пути по человеческому рассуждению кажутся по крайней мере странными. Но как только наступила суровая зима, так сейчас же выяснились все преимущества моего выбора. Как только выпал снег, так трамвайное движение прекратилось на всю зиму: некому было расчищать пути. Люди, служившие в разных комиссариатах в центре Москвы, вынуждены были тратить массу сил и времени на хождение. Еще хуже было тем, кто имел две службы и с утра до вечера делал длинные концы пешком. Но еще более я выиграл в чисто духовном отношении. Мои несложные секретарские обязанности не были утомительны, а потому у меня оставалось сравнительно много времени и сил, которые я вкладывал в церковную жизнь. А в этот год, благодаря мудрому руководству Святейшего Патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как Патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты

⁴²⁵ Для незнакомых с советской терминологией поясню: ВСНХ – это Высший совет народного хозяйства, а главки – главные управления отдельных отраслей промышленности.

с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков закона Божия, устраивались беседы с туманными картинами из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением Евангелия, церковного устава и т. п.

Я принимал близкое участие в братстве святителя Алексия, митрополита Московского, во главе которого стоял протоиерей Роман Медведь, бывший настоятель Севастопольского собора. К братству были приписаны еще несколько приходских церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены братства. В самом храме братства ежедневно совершалась ранняя Литургия, и члены братства могли посещать ее еще до своей службы. Три раза в неделю по вечерам были вечерние богослужения с беседами; члены братства старались ежемесячно приступать к Св. Причастию и активно участвовали в работе.

Благодаря моей незагруженности служебными обязанностями я имел возможность посвящать свои силы работе в братстве, а потому это время принесло мне громадную духовную пользу; здесь я окреп духовно и начал жить в ограде Православной Церкви. Тогда же было положено и начало моей проповеднической деятельности, особенно после того как в 1919 г. Святейший Патриарх Тихон посвятил нас, троих членов братства, в чтецов, с наименованием нас «благовестниками»; такие «благовестники» появились тогда во многих братствах и выступали с проповедями с церковного амвона.

Так, исполняя совет о. Нектария, я получил возможность закрепить свою связь с Православной Церковью и получить весьма ценную подготовку к моей дальнейшей миссионерской работе. И во всей моей последующей жизни в Советском Союзе его слова всегда сбывались: как только я начинал подниматься по служебной лестнице, так вскоре у меня появлялись неприятности и осложнения; когда же я довольствовался малым, то жизнь текла более спокойно. Впрочем, это уже особая тема, на которой здесь останавливаться не буду.

В заключение коснусь еще вкратце той дальнейшей духовной связи, которая совсем неожиданно установилась у меня с о. Нектарием и продолжалась до самой его кончины. Хотя моя первая и последняя встреча с ним уже связала меня невидимыми узами со Старцем, но по воле Божией он до конца не оставил меня своими молитвами.

В 1920 г. я уехал из Москвы на родину, на Северный Кавказ, где жил все время. Почти в то же время уехала в Тульскую губернию одна из участниц нашего братства г-жа Т., дочь священника, вскоре принявшая тайное иночество. Проживая недалеко от Оптиной Пустыни, она сделалась духовной дочерью о. Нектария и часто его посещала. Когда же монастырь закрыли, то она не переставала посещать Старца в тех местах, где он потом проживал.

Мы изредка переписывались, и в ее письмах я всегда получал от него благословения. Зная, как я почитаю о. Нектария, она сообщала мне, что он молится за меня и мою семью, а иногда рисковала пересылать мне от него иконки или листки поучений. Таким образом, я еще в течение почти восьми лет продолжал ощущать благодатную поддержку Старца и чувствовал в своей жизни охраняющее действие его молитв. В 1928 г. Т. сообщила мне о смерти этого последнего Оптинского старца. И как раз в последующие годы моя жизнь заметно осложнилась, и наступили весьма тяжелые годы в моей жизни. Мне кажется, что и здесь играло роль прекращение духовной молитвенной поддержки со стороны Старца...

*«...Улетишь, как птичка, у тебя будет много детей»
(Воспоминания монахини Ксении)*

Основоположницы Успенской обители в Южной Америке, в Чили, ведут свое монашеское начало по благословию Оптиных старцев. По нашей просьбе они сообщили несколько случаев явной прозорливости старца Нектария. Их игуменией была матушка Алексия, высокой жизни, ныне уже покойница.

Воспоминания матушки Ксении (в миру Клавдии) записаны матерью Иулианией.

«Мать Алексия моя тетья по матери. Она знала всех старцев, часто посещала Оптину до отъезда в Святую Землю. Была духовной дочерью старца Иосифа. Старец наставлял, как и все старцы: иметь смирение, послушание, сидеть в келлии и заниматься рукоделием – “работа в руках, молитва на устах”.

Батюшка, о. Нектарий, был небольшого роста. Ходил тихо на общее благословение помолиться у Царицы Небесной “Достоинство есть”. Говорил так: “Заступи, спаси, помилуй...” и благословлял народ. Мы часто бывали в Оптине, так как родом из Калуги, и жили там. Оптина от нас в 60 верстах. И пешком ходили, и поездом по железной дороге. Я была больна, и Батюшка принимал ласково, всегда говорил:

– Помолимся.

Мне лично он благословил дорогу – говорил:

– Торопись, Клава, в Святую Землю, иначе не уедешь. Не соглашайся оставаться с родными, – хотя я очень была больна и молода, чтобы ехать одной. – Давай помолимся.

Я стала на колени, Батюшка накрыл голову мою епитрахилью, начал молиться. Крепко, крепко сжал голову и говорит:

– Клавдия, какую ты благодать получишь; ведь враг с детства не любит, а благодать борется за тебя и вырвет тебя!

Потом я ему сказала:

– Как я одна поеду, я такая больная? (С 12 до 23 лет я болела белокровием.)

Он сказал:

– Долетишь, как птичка.

И учил, как я должна вести себя на пароходе. За его святые молитвы я и качки не чувствовала, хоть она и была».

В последний раз, когда мать Ксения была у Старца, он дал ей клубок ниток и говорит ей: «На, намотай этот клубок; видишь,

какой он спутанный». Она помнит, что после болезни белокровия она была очень слаба, и поэтому для нее это было не под силу, а он говорит: «Ничего, ничего, вот так у тебя сложится жизнь; трудно будет тебе вначале, а потом будет хорошо». Так оно и было.

Старец предсказал матушкам Алексии и Ксении, тогда еще молодым, что у них будет много деток. Говорил: «Вот уедешь в Святую Землю, и у тебя будет много детей».

Матушки пришли в ужас, так как думали посвятить свою жизнь Богу, а не иметь семью. И только в 1933 г. пророчество Старца начало приходить в реальность. Привели к ним восьмилетнюю девочку, впоследствии мать Иоанну, и владыка митрополит Анастасий сказал матери Алексии, чтобы она взяла на воспитание арабских детей. Она не хотела, так как все время писала иконы, но не посмела послушаться владыки Митрополита. Но когда после матери Иоанны через полгода привели ее двоюродную сестру и еще других детей, в том числе и трехлетнюю – нынешнюю мать Иулианию – в 1938 г., тогда вспомнила матушка Алексия пророчество старца Нектария. Надо сказать, что в Горненской обители, где они тогда жили, устав был иной, чем на Елеоне и Гефсимании. Обитель была своекоштной, и каждой сестре приходилось зарабатывать на жизнь. Поэтому каждая сестра имела право воспитывать себе послушницу, а то и больше. Вот и имели матушки «много детей». Теперь же, после переезда в Чили, у них организовался приют имени святого праведного батюшки Иоанна Кронштадтского и школа, в которых воспитывалось 89 человек детей обоего пола.

«Мую сестру Лидию он поучал и наставлял уже при большевиках. Она продолжала учить, пока была возможность. Она была тайной монахиней. Из родных никто не знал, так как, думаю, Батюшка ее научил и благословил.

Старец Нектарий говорил моей сестре Лидии:

– Скоро будет книжный голод. Покупайте книги духовные, а то ни за какие деньги не купите.

Говорил также:

– Боюсь красных архиереев.

Владыка Феофан Калужский не верил в святость Старца. Когда он посетил Оптину Пустынь и пришел к Старцу, то Старец не обращал на него никакого внимания и занимался своими куклами (которых ему давали детки, как свое самое драгоценное, по любви к Старцу); начал совать одну в тюрьму, что-то приговаривая, другую бил, третью наказывал. Владыка Феофан решил, что он ненормальный. Когда же владыку взяли большевики и посадили в тюрьму, тогда он понял все и сказал:

– Грешен я перед Богом и перед Старцем: все, что говорил, это было про меня, а я думал, что он ненормальный.

Живя в ссылке, владыка очень страдал от хозяина, но не жаловался. Жил в семье Плохиных.

Еще старец Нектарий говорил:

– Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов».

«Ты еще ничего не знаешь, что будет»

(Продолжение рассказа матери Николаи из Бар-Града.

Из писем монахини Марии) ⁴²⁶

В письме к нам от 20 августа 1955 г. мать Николая писала:

«Теперь скажу о дорогом батюшке Нектарии. В то время, как я жила в Оптиной Пустыни, я вышла за ворота, вижу – толпа шла по дороге в Скит, и я решила подойти поближе. Посреди толпы был о. Нектарий. Он увидел меня, подозвал, и я получила благословение. Батюшка стал спрашивать:

- Ну вот расскажи, как живут в Италии. А какая ты счастливая!
- Ну что вы, Батюшка! Одно горе.
- О, нет! Ты ничего не знаешь, что еще будет.

⁴²⁶ Начало см. в гл. XVI наст. изд. – *Примеч. ред.*

И вот идем за пастырем до самого Скита. Батюшка нас угостил всех. По дороге Батюшка сказал, что ему холодно и чтобы я дала ему мой платок. И я этот платок берегу как память. Батюшка нас угостил сладеньким. Мне сказал, чтобы я пришла на другой день в четыре часа. Так я с радостью пошла. Приема не было. Я одна только. Келейник мне открыл. Я вошла. Батюшка сидел и писал, благословил и сказал, чтобы я окончила этот стишок, а сам ушел. Когда я окончила, Батюшка сказал:

– Напиши число и возьми на память.

И подарил мне четки и сказал:

– Пока возьми эти, а потом будешь выбирать из 12-ти. А в Бари надо ехать. Там твой дом, и много там проживешь, а потом придет время, скажут: *“Теперь можно ехать и в Россию”, – но когда приедешь, тебя едва можно будет узнать.*

Вот эти слова тоже, как “через четыре года поедешь в Италию”, приходится держать про себя. Откровенно вам скажу – люблю говорить о том, что уже сбылось, а так говорить прямо боюсь. Батюшка Анатолий показал мне адрес, где я буду жить, но я, конечно, не помню».

Еще при жизни старца Нектария мать Николая имела общение с ним посредством ее близкого друга – матери Марии, которая, живя в тяжелых условиях Советского Союза, посещала Старца в его изгнании и писала об этом в Бар-Град. Вот часть этой переписки:

«...Вы при храме почти живете – это великое счастье для человека. Очень сожалею и горько оплакиваю потерянное счастье – жизнь в монастыре. Ничто не может заменить мне эту утрату. В материальном отношении я благодарю Господа Бога за Его щедрые милости ко мне, недостойной. Но в духовном – я нищий, жалкий человек. Время от времени бываю у батюшки Нектария, но что это за поездки?! Один час или два-три увидишь, и то с большими трудностями. Конечно, и утешение получишь такое, что со страхом и радостью долго помнишь и живешь им... А поскорбеть мне есть о чем: совсем оторвана от людей, единомысленных со мною, и сестер своих о Христе. Живу одна

в квартире. Может быть, это так тяжело для меня, что за послушание живу здесь. За послушание трудно ведь и пальцем шевельнуть. Другое дело по своей воле – и гору своротишь, и горя мало.

Так вот, родная, я вижу, и Вам за послушание большого труда стоит выбраться на родину. Когда не было на то воли Божией, рвалась, ни с чем не считаясь, а теперь сказали: “Можно,” – рассуждает, вперед мыслями забегают, что да как... Хлопочите о паспорте в Советском посольстве, как и должно быть по порядку. О каком возврате может быть речь, когда сказано: “Пусть пополнит число...”⁴²⁷ Если цело письмо, прочитайте-ка! Ваше письмо будет отослано с оказией, так как в настоящее время у нас весенняя распутица. Попрошу ответа для Вас».

«Святками я видела Батюшку. Слабенький, маленький стал на вид, но духовная мощь слышится в каждом произнесенном слове. Голосок при пении совсем юношеский. На мысли отвечает, страшно и подумать. Осенью частенько прихварывал Батюшка. К Рождеству был лучше, а потом опять прихварывал. Скоро будет годовщина, как я пешком, в полуую воду, 45 верст шла к нему: 32 версты шоссейной дорогой, а 10 верст проселочной. Эти 10 верст шла 10 часов: одну ногу вытянешь из полуаршинной глинистой топи, другая ушла еще глубже, а то без сапог выскакивает. Ничего – дошла.

Спрашиваете о моем здоровье? Вследствие сырой квартиры за полгода много ушло здоровья. Боюсь нажать ревматизм. Уже побаливают руки, ноги, голова. От головной боли очень страдала до Рождества. По приезде к Батюшке я умоляла его помочь мне. Взяла его ручки и положила себе на голову, а он, смеясь, говорил мне рецепты, как лечить голову. Все рецепты вылетели у меня из головы, ни одного не помню, но и голова, слава Богу, за милосердие ко мне, недостойнейшей, не так уж беспокоит. Только вот чувствительна к холоду, и всегда шумит в ней.

⁴²⁷ «Пополнить число» – значит пополнить число мучеников. Мать Николая, тогда мать Матрона, не решилась вернуться в Россию.

Мое письмо Вы получите, когда у нас будет Светлое Христово Воскресение – Пасха. Буду кричать Вам: Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!»

Рассказ актера Михаила Чехова

О своих поездках в Холмищи, где пребывал старец Нектарий после своего изгнания из Оптиной Пустыни, рассказывает Михаил Чехов. «Несмотря на слезку, установленную за ним, – говорит он, – до самой смерти Старца посещали его ученики, знавшие его еще в Оптиной Пустыни, и не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему. Дорога к нему шла через густые леса. От маленькой станции железной дороги до первой деревни было 25 верст. Крестьяне довозили посетителя до этой деревни и там, в одной из хат, держали его до темноты. Оставшиеся несколько верст пути проезжали уже ближе к ночи.

Попал и я к Старцу, и вот как это случилось. Русская поэтесса Н.⁴²⁸, находясь в общении с ним, сказала мне однажды, что во время ее последнего посещения Старец увидел у нее мой портрет в роли Гамлета. Посмотрев на портрет, он сказал:

– Вижу проявление духа. Привези его ко мне.

Тогда же, благодаря Н., я впервые и узнал о существовании старца Нектария и, собравшись, поехал к нему.

Ночью поезд подошел к маленькой, темной станции, где уже ждали крестьянские розвальни, чуть прикрытые соломой и запряженные тощей, старенькой лошадежкой. Стояли жестокие морозы. Дорога была долгая и трудная. После пятичасового пути, уже на рассвете, в первой деревне меня ввели в избу и до темноты велели лежать на печи. В избу же Старца я прибыл только к ночи и на следующее утро был принят им.

Он жил в маленькой комнатке за перегородкой. Не без волнения вошел я в комнатку, ожидая его появления. Ко мне вышел монах

⁴²⁸ Имеется в виду Надежда Александровна Павлович (1895–1980). – *Примеч. ред.*

в черном одеянии. Он был мал ростом и согнут в пояснице. Лица его я не мог разобрать сразу – уж очень вся фигура Старца была пригнута к земле.

– Здравствуйте, Михаил Александрович, – сказал он, кланяясь мне.

Меня поразило обращение на «вы» и по отчеству. Он сел, и я увидел светлые, радостные голубые глаза, его реденькую, седую бородку и правильной формы нос. Видимо, о. Нектарий был красив в дни своей молодости. Прежде, чем я успел понять, как мне следует держать себя, он весело улыбнулся и сказал:

– Да, много есть на свете, друг Гораций, что и во сне не снилось нашим мудрецам.

Затем, помолчав, прибавил:

– Я ведь тоже приникаю к научности. Слежу за ней. А известно ли Вам, Михаил Александрович, когда была представлена первая трагедия? – спросил меня он, лукаво глядя на меня.

Я должен был сознаться, что не знаю.

– Когда прародители наши, Адам и Ева, появились на сцене!

Он весело засмеялся и продолжал:

– Когда я был еще мальчиком, в деревню к нам заехал такой ловкий фокусник – ходит по канату, а сам шапку подкидывает да ловит.

Так занимал меня Старец театральными разговорами. Он быстро снял с меня тот не нужный ему налет на мне «мистицизма», который я привез с собою. Он встал и, еле передвигая больными ногами, ушел за перегородку. Оттуда он вынес коробку с конфетами, положил одну из конфет мне в рот. Все, что приносили ему его посетители, он раздавал им же самим или угощал вновь приезжающих. Затем он сразу переменял тон и начал серьезный разговор со мной. Разговор имел личный характер. Окончив его, Старец благословил меня и отпустил от себя, сказав, что позовет в другой раз вечером. После меня к нему вошли один за другим еще несколько посетителей; когда стемнело, он опять послал за мной.

– Вы не беспокойтесь о вашей супруге, – сказал он вдруг. – Она здорова, и дома у вас все благополучно.

Я, действительно, уже начал сильно волноваться о том, что делается дома, в Москве. Сыщики, всегда и всюду следовавшие за мной, не могли не знать, казалось мне, о моей поездке к Старцу и могли явиться в мою квартиру без меня. Я еще утром видел его прозорливость и знал, что он говорит правду.

Несколько раз удалось мне посетить старца Нектария. Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему и проводил с ним хотя всего несколько минут. Он конкретно брал на себя грехи, тяжести и страдания других – это чувствовали все, соприкасавшиеся с ним, как почувствовал это и я. Когда спросили об этой способности его давать облегчение приходившим к нему, он, отвечая, сказал:

– Когда наберется много тяжести на спине моей, то приходит благодать Божия и, как сухие листья, разметывает ее, и опять легко.

Два или три раза, уже после смерти Старца, я видел его во сне, и каждый раз он давал мне советы, выведившие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами.

Однажды, когда я ночевал в избе Старца, меня положили довольно близко к той перегородке, за которой спал он сам. И я слышал, как горько плакал он ночью. Наутро же был весел и радостен, как всегда.

– Наш путь, – сказал он как-то о старчестве, – как и у канатоходцев: дойдешь – хорошо, а свалишься на полпути – вот будут смеяться!

Уезжая в последний раз, я ждал разрешения и благословения Старца на отъезд. Запряженные дровни уже стояли на дворе. Времени до отхода поезда оставалось мало, и я, признаюсь, стал уже нервничать, боясь опоздать. Двадцать пять верст, ночь, мороз, худая деревенская лошаденка – скоро ли довезет она! Но Старец медлил. Я попросил хозяина напомнить ему о моем отъезде, но крестьянин с укоризной взглянул на меня, маловерного, усомнившегося. Старец тут же сидел у стола и как бы рассматривал будильник, стоявший перед ним.

Я понял, что успеть на поезд уже невозможно, и думал с неудовольствием о тех последствиях, которые может вызвать в Москве мое опоздание. Время все шло. Вдруг Старец взглянул на меня и ясно и твердо, как бы отвечая на мои беспокойные мысли, сказал:

– Даю вам Ангела в сопровождение. Ни о чем не беспокойтесь.

Время ли растянулось, дорога ли сократилась, но, к великому моему удивлению (и стыду!), на поезд я не опоздал.

Старца я больше не видел. Он умер незадолго до моего отъезда за границу. Жене моей удалось еще послать гроб для его тела и немного денег на похороны».

СТАРЕЦ И ПАТРИАРХ ТИХОН

Приводим случаи прозорливости о. Нектария, переданные нам профессором И.М. Андреевым.

Профессора Комарович и Аничков во время путешествия к о. Нектарию (к этому посещению мы еще вернемся в дальнейшем) спорили об имяславии, причем один из профессоров, возражая против имяславия, привел пример, когда имя Божие произносится попугаем или граммофонной пластинкой.

Когда эти профессора прибыли к о. Нектарию с желанием выяснить этот вопрос у Старца, то последний предупредил их и, прежде чем они успели спросить его об этом, предложил им выслушать «сказочку». Смысл этой сказки был такой. В одном доме в клетке жил попугай. Горничная этого дома была очень религиозная и часто повторяла краткую молитву: «Господи, помилуй!» Попугай научился тоже повторять эту молитву. Однажды, когда горничная вышла, забыв закрыть клетку, вбежала в комнату кошка и бросилась к клетке. Попугай в ней заметался и закричал голосом горничной: «Господи, помилуй!» Так как кошка очень боялась горничной, то, услышав голос последней, со страху убежала. Оба профессора были очень потрясены этим рассказом о. Нектария.

Однажды в 1927 г. о. Нектарий дал указание одному своему духовному сыну прийти к своим знакомым, жившим на Аптекарском

острове в Петрограде, и при этом сказал: «Там встретитесь с бухгалтером деревообделочного завода, который вам достанет работу». Придя к своим знакомым, этот человек, действительно, встретил там бухгалтера такого завода. Они познакомились, и этот последний устроил его на работу на своем заводе.

Профессор И.М. Андреев в течение 1927 г. находился в переписке с о. Нектарием через одного монаха Э., жившего в Козельске. Отец Нектарий, давая свои указания, предсказал профессору, что ему предстоят очень тяжкие испытания и страдания, но что в конце концов все кончится благополучно, он выйдет на свободу и будет иметь возможность активно служить Православной Церкви. В феврале 1928 г. этот профессор был арестован за участие в катакомбной Церкви, сослан в Соловецкий концлагерь, а затем был в ссылках. Но кончилось все это благополучно, и после войны 1941–1945 гг. профессор эмигрировал в Америку.

Один из постоянных посетителей о. Нектария рассказывает об этом следующее.

Патриарх Тихон не был у батюшки о. Нектария, и Батюшка не был у Патриарха. Кажется, не было и переписки между ними, однако многие вопросы решались Патриархом в соответствии с мнением Старца. Это происходило через лиц, близких к Патриарху и общавшихся с Батюшкой. Последний на тот или иной вопрос высказывал свою точку зрения или говорил иносказательно, рассказывая о каком-либо случае. Эта беседа передавалась Патриарху, который всегда поступал по совету Батюшки.

Положение Патриарха было чрезвычайно тяжелым. Власть стремилась разбить христианские устои. Организовывался раскол,

Свт. Тихон (Белавин),
Патриарх Московский
и всея России. 1920-е

выразившийся в так называемом обновленчестве; образовывались и другие группы, основанные не на чисто христианских, а на политических соображениях. В то же время Оптина, находясь под руководством старцев вообще и последнего старца батюшки о. Нектария в особенности, шла по твердому пути, не уклоняясь в стороны. Оптина авторитетом Старца распространяла свое влияние во все уголки России, так как к ней текли со всех сторон преданные Церкви люди, несмотря на трудности и опасности. Архиереи, священники и миряне и лично, и письменно, и устно – через других лиц – обращались к Старцу за разрешением духовных, церковных и житейских вопросов. Взгляд Старца на тот или иной вопрос был абсолютным авторитетом и быстро распространялся среди истинно верующих людей, которые и являлись опорой Патриарху во всех его начинаниях.

Совсем иное положение создалось с приходом к власти митрополита Сергия: между последним и о. Нектарием общения не было.

Еще до выхода Декларации митрополита Сергия, тем же летом 1927 г., старец Нектарий в беседе с посетившими его профессорами Комаровичем и Аничковым назвал митрополита Сергия обновленцем. На их возражение, что последний покаялся, Старец ответил им: «Да, покаялся, но яд в нем сидит».

С момента выхода этой декларации, предавшей Церковь в руки врагов, начался отход от митрополита Сергия лучших епископов и стойких верующих.

Процесс был длителен: некоторые медлили с отходом, надеясь, что благодаря обличениям митрополит Сергей образумится; но, наконец, процесс закончился в 1929 г., когда катакомбную Церковь возглавил митрополит Кирилл, вознося имя митрополита Петра⁴²⁹.

⁴²⁹ См.: *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1952. С. 51. К этому времени относится предсказание о. Нектария, сделанное летом 1923 г., о закрытии всех церквей. Приводим его полностью. «19 марта 1924. Летом (1923) Дедушка говорил, что церкви на время откроют, но через пять лет все церкви закроют. Первое сбылось у нас, так что мы наслаждаемся чудным церковным пением».

Старец не дожил до этого события. Последний год своей жизни отец Нектарий был очень слаб и почти никого не принимал. Его силы заметно угасали. В декабре 1927 г. думали, что Старец умирает, однако наступило временное улучшение.

Но в конце апреля 1928 г. стало ясно, что конец приближается.

КОНЧИНА ОТЦА НЕКТАРИЯ

О последних часах жизни о. Нектария записано со слов протоиерея о. Адриана Рымаренко, ныне епископа Андрея, лично присутствовавшего при кончине Старца. По нашей просьбе о. Адриан любезно сообщил нам свои воспоминания, за что приносим ему нашу благодарность.

С 1927 г. о. Нектарий стал серьезно недомогать, состояние его здоровья резко ухудшилось.

В апреле 1928 г., 27-го числа, о. Адриан получил открытку от Василия Петровича Осина, что о. Нектарий теперь действительно умирает.

Отец Адриан немедленно выехал и добрался до села Холмищи 29 апреля, несмотря на трудности в связи с весенней распутицей.

В доме его встретили Софья Александровна Энгельгард, хозяйин дома Денежкин и его дочь Мария Ефимовна. Отец Нектарий, хотя иногда и приходил в сознание, но говорить уже не мог.

Во время вечерней трапезы на половине дома, которую занимал хозяйин, о. Адриану рассказывали о ходе болезни и о последних событиях, о том, как о. Нектария спрашивали, кого вызвать для напутствования. Предлагали о. Валентина Свенцицкого⁴³⁰. Батюшка категорически сказал: «Нет».

«Кого же? – продолжали спрашивать. – Может быть, о. Досифея?»

⁴³⁰ Прот. Валентин Павлович Свенцицкий (1882–1931), духовный писатель и проповедник, духовное чадо Оптинского старца Анатолия (Потапова). В 1917 г. по благословению старца Анатолия принял священный сан. – *Примеч. ред.*

«Нет, – возразил Батюшка. – Если вызовите отца Досифея, то в Козельске будут аресты, надо вызвать отца Сергия Мечева»⁴³¹.

Дали знать об этом о. Сергию. Он приехал, исповедовал и причастил Батюшку и уехал утром в день приезда о. Адриана. Последний уже не застал о. Сергия.

В половине девятого вечера Мария Ефимовна спешно позвала о. Адриана к больному: «Батюшка, скорее, скорее!» Когда туда вошел о. Адриан, она закрыла дверь на ключ и больше никого не пустила.

Батюшка был покрыт мантией и лежал вполборота к стене. Перед его глазами стояли икона святителя Николая и именной образ преподобного Нектария в серебряной ризе. На столике возле кровати лежали требник и епитрахиль. В обеих комнатах этой половины горели свечи. Батюшка тяжело дышал. Мария Ефимовна резко сказала: «Читайте отходную!» Отец Адриан облачился в епитрахиль и начал читать отходную. Читал медленно, взглядывая по временам на Батюшку. Казалось, будто из глаз Батюшки шла слеза. Батюшка смотрел на образ: очевидно, он был в сознании. Когда кончилась отходная, Батюшка еще дышал, но дыхание становилось все медленнее, все с большими промежутками. Отец Адриан прочел разрешительную молитву и, став на колени, покрыл лицо умиравшего мантией. После этого дыхание продолжалось еще долго, минут сорок, может быть, и час.

«Тихое, тихое дыхание с интервалами, – рассказывает о. Адриан, – наступил момент, когда я почувствовал, что это последние вздохи, и я поднялся и положил епитрахиль на батюшкину голову. Мне были видны рот и шея. После некоторого промежутка времени полного покоя было заметно некоторое движение в горле. На губах появилась улыбка. Это был последний вздох. В это время Батюшка был покрыт епитрахилью.

⁴³¹ Сщмч. прот. Сергей Алексеевич Мечев (1892–1942), сын известного московского священника св. прав. Алексия Мечева. В 1918 г. получил благословение старцев Анатолия и Нектария на принятие священного сана, служил с отцом в храме свт. Николая на Маросейке. – *Примеч. ред.*

Когда Батюшка замер, я снял епитрахиль с его головы и закрыл ему глаза, которые были полуоткрыты. Мария Ефимовна с трепетом сказала мне:

– Какой, Батюшка, Старец был прозорливец? Ведь Батюшка начал умирать при мне, я хотела остаться совсем одна, но вспомнила, как Батюшка еще в январе говорил: “Маня, позови отца Адриана!” И когда я объяснила, что о. Адриана здесь нет, Батюшка категорически ответил: “Позови! Его забрали на другую половину!” Я вспомнила это теперь и задрожала от мысли, что нарушаю батюшкин завет, и позвала вас!»

Как только открыли дверь комнаты, явился агент ГПУ и отобрал у о. Адриана документы.

Вызвали о. Тихона, местного священника. Он и о. Адриан приготавливали тело к облачению.

На другой день рано утром о. Тихон ушел готовиться к Литургии, а о. Адриан остался читать над Батюшкой Евангелие, которое читал без перерыва до восьми вечера воскресенья, когда стали подходить из Козельска и прибывать из Москвы и Смоленска первые группы людей. Приехали и священники и начали служить парастас.

«Монахи, о. Севастиан и келейник о. Петр, облачили Батюшку по-монашески. С погребением задержались в ожидании всех вызванных, а также прибытия колоды-гроба.

Наконец, в два часа ночи, с понедельника 2 мая на вторник 3-го, приехала последняя группа людей из Москвы с колодой.

Вынос тела Батюшки начался в пять часов утра. Собралось такое количество людей, что впечатление было какого-то громадного торжества. Со всех окрестных сел собрался народ; как мы узнали потом, прибыло ГПУ из Москвы.

Перенос Батюшки из квартиры в Покровскую Холмищенскую церковь продолжался не менее часа из-за непрерывных литий. Люди бросали в гроб куски полотна, клубки ниток.

Когда Батюшку принесли в храм, началась соборная панихида. В погребении участвовал Плохинский благочинный о. Алексей. Он был настолько деликатен, что председательство уступил о. Сергию Мечеву. После панихиды началась Литургия. Было очень много священников. Слово произнес местный священник о. Тихон, так как по обстоятельствам иначе и не могло быть. После Литургии началось отпевание по монашескому чину, затем вынос на кладбище с литиями. Мы вернулись домой только в пять часов вечера. В доме Денежкина был устроен поминальный обед, причем москвичи устроили такое изобилие, что нужно поражаться. Из Москвы как будто был привезен большой крест и поставлен у изголовья. На другой день началось мытарство с ГПУ».

Ночью же произошел интересный случай. У Старца было два келейника: отец Севастиан и простец отец Петр, пламенно любивший своего Старца. Будучи лишенным своей дорогой Оптины, он скрывался в лесу. Увидав, что крест поставлен не на восток в ногах на могиле своего Старца и что Батюшка лежит не лицом ко кресту, его ревность вознегодовала. Ночью пришел, сломал поставленный крест, срубил топором новый и поставил у ног Старца на восток. Наутро обнаружили новый крест. Но не хотелось и прежнего удалять, а поэтому его стянули и восстановили на прежнее место. Таким образом, у Старца на могиле два креста. Два креста! Два креста на месте земного упокоения того, кто всю свою многострадальную жизнь нес не только свой иноческий крест, но и крест людской, крест ближнего, брата своего! И конечно не забыт он! Во всем его кротком облике кроется что-то напоминающее Преображение: блистающее, но не поддающееся умственному глазу человеческому, но только сердцем осязаемое ликующее торжество!

Так это ощущается и носится в себе теми, кто совершает хождение на могилку к Старцу, как это видно из писем монахини Марии, посланных ею в Бар-Град.

*На могилке батюшки Нектария**(Из писем монахини Марии)*

«Здесь сельское кладбище в двух-трех верстах от села. Придешь, бывало, только к дверцам оградки и чувствуешь, что без монашеского молитвословия немислимо войти. Сердцем услышишь: “Аминь”. Входишь как бы в хибарку. Припадешь головой к холму могильному и не в силах оторваться от земли. Распределишь принесенные цветочки, сядешь на скамейку у холмика – и вся в воспоминаниях ярких и живых: вот как будто сам Батюшка стоит в своей комнатке у Андрея Ефимовича – теперь домик его сломан и перевезен в другое село. Мертвым его никогда никак нельзя себе представить, хотя сидишь у могилки его. А природа! Тут же, на кладбище, красота неопишная. Вековые сосны, ели и березы дают много тени и прохлады, сквозь их густые вершины нежно проглядывает солнышко. Зато поля, окружающие кладбище, и деревушки, прихотливо прикорнувшие на склонах холмов, ярко залиты летним палящим солнцем, а горизонт окаймлен кругом зеленым бархатом соснового леса. В серенькую погоду весь горизонт застилается сизо-дымчатой пеленой, деревушки глядят сереньким пятнышком: здесь не встретишь белых каменных домов – все из дерева; а на могилке, у Батюшки за оградкою, тогда становится еще теплее, еще роднее».

«Приехала в Козельск 18 июля под праздник преподобного Серафима. Погода не давала нам выйти на дорогу: был дождь, были лужи. Через три-четыре дня установилась погода, и мы вчетвером отправились с сумочками за 45 верст к дорожному батюшке о. Нектарии. После козельской пыли, грохота всевозможных машин деревенская тишина особенно была приятна. Природа в Калужской губернии отличается особенной красотой. Горизонт весь окаймлен лесами. Тропинки по песчаной почве очень мило выются по зеленой травке. Помнишь дорогу через оптинский луг к парому? Благодаря песчаной почве они всюду ласкают взор. Вышли мы в четыре часа вечера с тем расчетом, чтобы пройти 13 верст и переночевать. Так оно и вышло.

Остановились у знакомых и родных по духу – все дети одного отца, а потому воспоминаниям и разговорам не было конца. Отдохнули; часиков в 10 утра мы вышли в дальнейший путь. Я по слабости не могла идти быстро, и одна из спутниц по чрезмерной полноте не могла идти быстро, словом, благодушествовали и прошли еще 13 верст во второй день. Переночевали в той местности, где одна из спутниц учительствовала по благословию Батюшки. Опять воспоминания о далеком прошлом. Наконец, последние 19 верст, и мы достигли желаемой цели, т. е. пришли в село, где жил наш родной. Побросав дорожные сумочки, не отдохнув с дороги, мы побежали на кладбище. Было уже девять часов вечера. К нам присоединилась по дороге молодая барышня, которая два дня тому назад была на могилке. Она вызвалась показать нам дорогу. Идем... Оставалось еще три версты. Мы отпустили провожатую. Уже стало темнеть. Небо заволкло тучами, и мы потеряли правильную дорогу. Бежали, бежали, а кладбище от нас убежало. Решили было вернуться домой, но сердце горело желанием скорее прильнуть к дорогому холмику.

Наконец мы у цели. В темноте рельефно выделялась четырехугольная площадь, заросшая вековыми елями, соснами и березами. Обойдя кладбище с северной стороны, мы повернули на западную. Сейчас же по дороге нужно свернуть влево – и мы у дорогой оградки. Не передаваемые словом чувства нахлынули на каждую из нас. Мы, не сговорившись, остановились у оградки, не решаясь войти без благословения, как бывало прежде. Как-то не верилось – неужели уже у дорогого? Испросив благословения, не хотели оторваться от дорогой могилки; собрались переночевать на ней, но устали, и ночная свежесть напомнила о благоразумии. Была уже глухая полночь, ни звука, кроме топота наших шагов.

...Всею существом своим я отдохнула в эту поездку. Глядя на окружающую природу этого края, сердцем восклицаешь:

– Господи, недостойна я видеть земными очами красоту Твоего творения. И если у Тебя так хорошо на земле, то каково же у Тебя

в раю?! И невольно вспомнишь стихиру на Прощальное воскресение “Плач Адама”: “Седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше... О, раю!..”

Из села от Батюшки нам указали кратчайший путь, вместо 12 верст – шесть-семь. Для меня это было великим благом. Правда, устала нога. Я старалась делать большие привалы. Расстелю непромокаемое пальто, вытянусь во весь рост (только так отдыхала нога), полежу долго-долго, поедим – со мной была все время одна из моих оптинских подруг, я ее возила на свой счет, – да с палочкой в путь потихоньку. Семь верст шли с первого часу дня до восьми вечера. Вся дорога ничего особенного не представляла, окружающая красота стала привычна нашему взору. Вот подходим мы к одному большому селу. Золотые кресты двух колоколен церковных ярко блестели в лучах заходящего солнца. Грандиозный, вчерне отстроенный храм в форме корабля выпукло рисовался на фоне золотисто-красных закатных лучей. Он как-то сквозил своими еще не застекленными узкими оконными нишами. Невысокий купол над трапезой представлял собою корону, увенчанную крестом. Я насчитала 16 окон, над ними кружевной бордюром из сточенных красных кирпичей. Эта незаурядная архитектура для деревенского храма заставила нас долго любоваться.

Как вдруг глазам нашим, сразу под ногами, открылась целая картина: влево овраг, переходящий в долину. Мы должны были забрать вправо, чтобы пройти на противоположный край этого оврага, который широкой выпуклостью поднимался вверх, устланный яркой изумрудной зеленью, при нежном освещении заходящего солнца, и манил нас к себе. Не успели мы пройти и ста шагов, как картина еще более живописная привела нас в еще большее изумление. Сейчас же под ногами, с севера на юг, показался овраг, поросший кое-где кустарником, а большей частью – только травой. Сверху восточные края этого оврага все еще освещались прощальными лучами заходящего солнца, а внизу уже ложились вечерние тени. Совсем козы тропинки вели на дно этого оврага. На мое счастье, я вскоре увидела

ложбинку, вероятно, оставшуюся после весеннего водопада; по ней я благополучно и сошла на дно оврага. Здесь под ногами протекала чистенькая, светленькая водичка, но очень узенькой полоской, которую без всяких затруднений мы и перешагнули. Сейчас же начался крутой подъем, и мы стали подниматься узенькой, извилистой тропинкой. Нам пришлось раза два-три остановиться передохнуть, пока мы поднялись. Но что это за вода в огражденных водоемах, откуда она может быть на высоком косогоре?!

Смотрим, а перед нами бежит тоненькой струйкой один ручеек, другой, а там третий, а вот здесь образовался крошечный водопад. Оказалась прекрасная родниковая вода, чистая, как хрусталь, вкусная-вкусная, без всякой примеси какого-либо запаха. Мы поднялись наверх, оглянулись назад. Солнце ушло за горизонт, пурпурные облака догорали, и на землю тихо спускались вечерние сумерки. “Господи, Господи, – думалось мне, если бы эта земная красота навсегда приковала мое сердце к созерцанию вечной, невянущей красоты!” В уме проносились картины Священной истории одна за другой. И долина Иорданская, и гора Фавор. Не выдержала и запела: “На Фавор взошел еси... – Поят три Своя ученики, на Фавор взошел еси...” Благодарные Господу всей душой и сердцем, мы повернулись, чтобы продолжать свой путь. Но он уже близился к концу, так как околица села началась и своими прихотливыми зигзагами ввела нас в центр селения. Околица простая – изгородь из жердей, за которыми высоко-высоко поднимались верхушки душистой конопли. Раскаленный дневным солнцем воздух не успел еще остыть, а потому весь был насыщен сладко-душистым запахом конопли, которую, кстати сказать, я очень люблю.

Описывая виденную красоту, я вновь переживаю и ощущаю ту радость и ту благодарность Господу за доставленное мне великое утешение. И все это по заботе о мне дорогих моих отцов. Царствие им Небесное! Два года тому назад случайно была раскопана могила батюшки Нектария. Белье и чулочки истлели, а тело белое. Мир праху твоему, дорогой Батюшка!»

ОБРАЩЕНИЕ СПИРИТА

(Из книги В.П. Быкова

«Тихие приюты для отдыха страдающей души»)

В настоящее время Иоанно-Предтеченский Скит Оптиной Пустыни... представляет собою центральный пункт для оптинских богомольцев.

И действительно: и по внешнему виду и по внутреннему укладу эта святыня является поистине красотой всей России. Достаточно выйти из Пустыни на ту очаровательную дорожку, которая идет к Скиту, чтобы вашу душу охватило какое-то исключительное по своему настроению чувство.

Перед вами разворачивается с обеих сторон чудная, густая сосновая аллея, и вы сразу чувствуете, что переходите в какой-то совершенно иной мир.

Обыкновенно – поразительная тишина. Святая тишина в самом точном смысле этого слова. Такой тишины, я уверен, многие не наблюдали нигде.

По обеим сторонам, в начале аллеи, стройно стоят фруктовые деревья. Если вы приехали во второй половине июля, то ваш взгляд падает на необычайное изобилие яблок и других фруктов. Если же вы приехали ранней весной, вы идете под сенью какого-то неземного сада, покрытого белым цветом фруктовых деревьев.

Наконец как-то незаметно эта аллея соединяется с просекой обыкновенного леса, обильного стройно вытянувшими свои вершины богатырями-деревьями, которые, как стражи-исполины доброго старого времени, мирно пропускают вас к Скиту. То тут, то там, в глубоком безмолвии, с каким-то очевидно исключительным благоговением, тянутся длинные вереницы богомольцев, направляющихся к старцам. Сто семьдесят сажений – расстояние между Пустынью и Скитом – пройти, само собою разумеется, очень скоро. И вы сожалеете, что эта чудная дорога не выросла в 170 верст.

Перед вами, направо, сначала показывается колодезь во имя Амвросия Медиоланского, куда два раза в день выходят с небольшими глиняными кувшинами из скитских ворот скитонасельники, – очевидно, за водой для утреннего и вечернего чая.

Еще несколько шагов, и перед вашими глазами развертываются святые ворота Предтечева Скита, по обеим сторонам которых вы видите два домика с выходящими наружу маленькими крыльцами, в отворенные двери которых почти беспрерывно то входят, то выходят пришедшие богомольцы.

И у келлии направо, на длинной скамейке, которая рядом с входом, а иногда и на ступенях крыльца, сидит большая группа ожидающих очередного входа в келлию.

Эти два домика – келлии старцев, куда является свободным доступ снаружи Скита только лишь для женщин. Мужчины же входят к старцам через святые ворота, через внутренний вход.

Если вы оглянетесь в сторону леса, по направлению от правой келлии, то вы увидите в хорошую, ясную погоду массу самой разнородной публики, которая находится в ожидании очередного входа в келлии. С этой же стороны помещается длинная скамья.

Главная масса богомольцев тянет⁴³² в келлию направо. Такое изобилие народа вблизи правой келлии объясняется тем, что в этой келлии на протяжении многих лет сряду помещались два великих старца: Амвросий и Иосиф.

Удивительным свойством обладает это место перед святыми воротами Скита.

Не говоря уже о своих личных переживаниях около этих святых стен, когда я, – преисполненный чувством великого благоговения к тем, кто живет за стенами этой обители, а в особенности к тем, кто живет в этих выбеленных, чистеньких двух домиках у ворот, – целыми днями просиживал здесь, я знаю очень многих людей, которые приходили сюда для того, чтобы в этой изумительной, святой, без-

⁴³² Тянет – здесь: стремится, идет вереницей. – *Примеч. ред.*

молвной тишине, я даже не скажу – отдохнуть, а чтобы совершенно забыть обо всем, оставленном там, далеко, за этим дивным лесом, за этой дивной дорожкой, в тлетворном мире со всеми его заботами.

Здесь переживается человеком какой-то особенный процесс внутреннего умиротворения и самоанализа.

Здесь, мне кажется, впервые, из прикованных к этому мест, распознают «самого себя», свое внутреннее «я», и здесь, у этих самых святых келлий, у порога этих великих ворот, совершался великий процесс обновления тех душ, которые навсегда оставили здесь свое прежнее, безобразное, уродливое, отвратительное «я» и ушли отсюда совершенно другими людьми.

Не знаю почему, но мне в этом месте, у стен этой обители, стал понятен великий евангельский факт возрождения Закхея.

Только здесь я понял, какую огромную роль в человеческой жизни вообще, и в Православии в особенности, играют великие подвижники, праведные и святые.

Помимо молитв за грешный мир, помимо великого значения, как живой иллюстрации возможного проведения в жизнь евангельских истин Божественного Спасителя мира, – эти святые, эти подвижники, эти яркие светильники, на наших глазах горящие огнем Божественной правды, не только они сами, но и их великие уюты, хижины, обители, – дороги и неопенимы для нас тем, что в их присутствии, около тех мест пребывания великих подвижников, которые иллюстрируют и их образ жизни, и их взгляды и привычки, – как яркое зеркало, мгновенно ослепляют нас таким лучистым светом, что на фоне его проектируются сразу все наши отрицательные стороны, все наши недостатки, весь позор и вся неприглядность наших внутренних привязанностей к миру и к похотям его.

Как Закхей, который влезал на дерево ради простого любопытства, как только лишь увидел Божественного Спасителя мира, от Которого ему ничего не было нужно, к Которому привлекали его только лишь слухи о Его великой святости, о Его неземной правде;

к Которому его влекло только лишь одно человеческое желание подивиться людскому удивлению, поблагоговеть с благоговением массы, наконец, просто чтобы самому иметь понятие, Кто Он, Что Он, получилось совершенно неожиданное для Закхея; и как достаточно было Закхею увидеть это воплощенное смирение, эту идеальную кротость, чтобы на фоне яркого света, излучаемого Им, он мгновенно увидел все свое несовершенство, всю свою греховность и, пораженный всем этим, мгновенно воскликнул: *Господи, половину имени моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо, а Иисус сказал ему: Ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19, 8–9). Точно такой же психологический процесс совершился у этих скитских стен и с душами... Гоголя, Киреевского и др.

И как только я узнал Оптину Пустынь, – когда Господь помог мне здесь, недостойному, под сенью обители этих молитвенников-старцев, увидеть святую правду и смысл жизни; когда в течение нескольких дней созерцательного многочасового пребывания здесь, у этих небольших по величине, но неограниченных по вмещаемой ими духовности хибарок – келлий старцев, мне пришлось увидеть самому в себе то, на что у меня раньше никогда не открывались глаза; покаяться самому перед собой в самых мелких и в самых крупных греховных деяниях, – я сразу разрешил ту психологическую загадку, которую ставило перед моим умом какое-то странное, необъяснимое состояние, даже во время моего неверия; которое всегда охватывало мою душу при чтении высоких мест Божественного слова; при трогательной молитве кого-нибудь из встречающихся в храме, в часовне; при посещении жилищ таких великих подвижников духа, как Серафим Саровский чудотворец; при встрече с такими великими иноками, полными удивительной кротости, какого-то нечеловеческого смирения и любви...

Тотчас же по прибытии, как только я узнал о том, что в Оптиной старчествоуют три старца: Феодосий (скитоначальник), о. Нектарий и о. Анатолий, я решил прежде всего отправиться к о. Феодосию.

Как я сказал уже выше, прием старцами мужского элемента производится изнутри Скита. Я вошел в святые ворота, отворил их, и предо мной открылась чудная картина роскошного, обильного цветами сада, которые доходили своим ростом до полного роста человека и насыщали воздух таким ароматом, что можно забыть в буквальном смысле слова все окружающее.

Прямо против меня стояла небольшая деревянная, но чрезвычайно своеобразной архитектуры церковь – это храм Предтечева Скита, отличительная особенность которого заключается в том, что внутри его все решительно сделано из дерева и, как говорят, самими монахами. Кроме того, все иконы в церкви не имеют на себе так называемых риз, а открыты всей своей живописью.

По обеим сторонам дорожки, от святых ворот к скитской церкви, в начале ее, на одной стороне, направо – келлия о. Нектария, а налево – келлия скитонаачальника старца Феодосия. Направившись к последнему, я позвонил. Выходит келейник и просит меня войти. Когда я вошел, предо мною был длинный, очень чистый коридор, увешанный всевозможными текстами из Св. Писания, поучений монахам и приходящим мирянам. Направо была большая комната. Я вошел в нее. Передний угол наполнен образами, налево у стены – большой кожаный диван, над ним портреты: большой портрет старца Амвросия, лежащего на кровати, затем Варсонофия, а дальше различных епископов и вообще лиц, известных как в Оптиной Пустыни, так и в других обителях. Через короткий промежуток времени ко мне вошел старец Феодосий, человек высокого роста, с очень густыми, с большой проседью волосами, с небольшой бородкой и очень красивыми, глубокими, вдумчивыми глазами.

Необходимо заметить... я и здесь, из ложного опасения и считая для себя вопрос о спиритизме уже законченным, приступил к Старцу, ничего не говоря о своей деятельности по спиритизму, с вопросами, тесно связанными с моей литературной и лекционной деятельностью.

И здесь я, как и у старца Герасима⁴³³, снова самолично наблюдал поразительную силу духовного опыта и провидения старцев.

Передо мной был человек огромного духовного опыта и широко образованный. Благословляя меня на работу популяризации христианско-нравственной этики, он преподал мне чрезвычайно много ценных советов; снабдил меня указаниями и назиданиями, которые, как уже я вижу теперь, были так необходимы, так нужны мне.

А когда я предложил ему целый ряд вопросов, касающихся переустройства моей личной жизни, то чувствовалось, – по крайней мере, у меня осталось такое впечатление, – что Старец какими-то внутренними импульсами проник в мое прошлое, оценил мое настоящее и, преподавая советы для будущего, из чувства деликатности, а быть может, и сожаления, не хочет касаться больных вопросов моей сущности. Преподав мне свое благословение, он предложил мне побывать у старца Нектария.

Я сначала было отказывался от этого; во-первых, из опасения, чтобы не нарушить то впечатление, которое создалось у меня от этой беседы, а во-вторых, опять-таки в силу... разъяснения преподавших отцов Варсануфия Великого и Иоанна, что переспрашивать по два раза старцев об одном и том же, равно как и переходить от одного старца к другому не следует; ибо в первом случае старец, несомненно, говорит по наитию свыше, а во втором примешивается работа рассудка.

Тем более это я понял из беседы старца Феодосия по его ответам на чрезвычайно сжатые вопросы – на вопросы, в которых, хотя я тщательно обходил все, что касается моей бывшей постыдной деятельности, этот широко развитой, озаренный благодатною силою Христа ум дал мне то, что не мог дать простой человек.

И я был умиротворен, поражен и изумлен.

⁴³³ Иеромонах Герасим, основатель Сергиевского скита при Калужской Тихоновой пустыни, прозорливый старец.

Но старец Феодосий как будто даже настаивал на том, чтобы я непременно побывал у старца Нектария.

– Знаете, если вы даже побудете на порожке у этого великого по смирению Старца, то и это, кроме Божия благословения, ничего не даст вам.

Я решил исполнить то, на чем настаивал Старец.

Перейдя через дорожку, я направился к подъезду старца Нектария. Позвонил. Передо мной тотчас же отворилась дверь. Когда я вошел в коридор, я увидел много мужчин, сидевших и стоявших, очевидно, в ожидании Старца.

Необходимо заметить, что в это время был особенно большой наплыв посетителей у старцев, поэтому, как говорится, все было переполнено.

Келейник провел меня в особую комнату, где я сел в ожидании о. Нектария.

Я ожидал очень недолго. Через каких-нибудь 10–15 минут я услышал, как в передней все зашевелились. Встал и я, приблизился к двери и вижу, как, направляясь ко мне, идет Старец, человек очень невысокого роста, в таком клобуке на голове, в каком обыкновенно пишется и рисуется старец Амвросий. Это был старец Нектарий.

Благословивши всех, он подошел ко мне и со словами:

– Пожалуйста, – ввел меня в свою келлию.

Точно такая же обстановка, как и в келлии старца Феодосия: иконы, портреты, направо большой старинный развалистый диван, накрытый чехлом. Неподалеку столик, на котором лежат несколько книг духовной литературы. Старец Нектарий усадил меня на диван, а сам сел со мной рядом в кресло.

По виду старцу Нектария нельзя дать много лет. Небольшая бородка почти не изменила своего природного цвета.

Странное впечатление на посетителей производят глаза Старца, в особенности во время беседы. Они у него очень маленькие; вероятно, он страдает большой близорукостью, но вам часто кажется,

в особенности когда он сосредоточенно вдумывается, что он как будто впадает в забытие. По крайней мере, таково было мое личное впечатление.

В то время как старец Феодосий вырисовывается в ваших глазах человеком живым, чрезвычайно скоро реагирующим на все ваши личные переживания, о. Нектарий производит впечатление человека более флегматичного, более спокойного и, если хотите, медлительного.

Так как посещение этого Старца послужило окончательным разрешением всех моих переживаний, я постараюсь по возможности точно *воспроизвести смысл* моей беседы с ним.

– Откуда вы изволили пожаловать к нам? – начал медленно, тихо, спокойно говорить о. Нектарий.

– Из Москвы, дорогой Батюшка!

– Из Москвы?..

В это время келейник Старца подал ему чай и белый хлеб.

– Не хотите ли со мной выкушать стаканчик чайку? Дай-ка еще стаканчик!.. – обратился он к уходившему келейнику.

Я было начал отказываться, говоря, что ему нужно отдохнуть, что я не смею нарушать его отдыха. Но Батюшка, очевидно, вовсе не имел в виду отпустить меня и со словами: «Ничего, ничего, мы с вами побеседуем» – придвинул ко мне принесенный стакан чая, разломил надвое булку и начал так просто, ровно, спокойно вести со мной беседу, как со своим старым знакомым.

– Ну, как у вас в Москве? – было первым его вопросом.

Я, не зная, что ответить, сказал ему громкую фразу:

– Да как вам сказать, Батюшка; все находимся под взаимным гипнозом.

– Да, да... Ужасное дело этот гипноз. Было время, когда люди страшились этого деяния, бегали от него, а теперь им увлекаются... извлекают из него пользу... – И о. Нектарий в самых популярных выражениях прочитал мне целую лекцию, в самом точном смысле

этого слова, о гипнотизме, ни на одно мгновение не отклоняясь от сущности этого учения в его новейших исследованиях.

Если бы я пришел к Старцу хотя бы второй раз и если бы я умышленно сказал ему, что я – спирит и оккультист, что я интересуюсь, между прочим, и гипнотизмом, я, выслушавши эту речь, мог бы со спокойной душой заключить, что Старец так подготовился к этому вопросу, что за эту подготовку не покраснел бы и я, человек вдвое почти моложе его.

– И ведь вся беда в том, что это знание входит в нашу жизнь под прикрытием, как будто могущим дать человечеству огромную пользу... – закончил о. Нектарий.

В это время отворилась дверь, вошел келейник и заявил:

– Батюшка, вас очень ждут там.

– Хорошо, хорошо, сейчас, – проговорил Старец, а затем, немножко помедлив, продолжал, обращаясь лично ко мне:

– А вот еще более ужасное, еще более пагубное для души да и для тела увлечение – это увлечение спиритизмом...

Если бы в этой келлии, где перебивал целый ряд подвижников-старцев Оптиной Пустыни, раздался сухой, металлический, – знаете, бывает иногда такой, в жаркие летние июньские грозовые дни, – раскат оглушающего удара грома, он бы не произвел на меня такого впечатления, как эти слова боговдохновенного Старца.

Я почувствовал, как у меня к лицу прилила горячая волна крови, сердце начало страшно усиленными ударами давать знать и голове, и рукам, и ногам, и этому дивану и даже, кажется, самому Старцу, о своем существовании. Я превратился в одно сплошное внимание. Замер от неожиданности. И мой привыкший к подобного рода экстравагантностям рассудок, учтя все те физиологические и психологические импульсы, которые мгновенно дали себя знать при первых словах Старца, сказал мне: «Слушай, это для тебя».

И действительно – это было для меня.

А Старец продолжал:

– О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и... появляется на спиритических сеансах – незаметно для человека – он, сатана, сатанинскую лестью древнего змия заводит его в такие ухабы, в такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил не только выйти самому, а даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает через это Богом проклятое деяние человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным и естественным...

В моей голове, с быстротою молнии, встал целый ряд моих личных деяний и деяний других, отдавшихся этому учению, которые именно прошли при указанном Старцем освещении.

Что может быть, с точки зрения истинного, неповрежденного христианина, более преступным такого деяния, как например, – да простят меня очень многие спириты, – поблажка такого страшного греха в семье, между супругами, как прелюбодеяние и уклонение одной из сторон для сожительства с третьим? Проникшиеся же сатанинским учением в спиритизме «о перевоплощении душ», по которому человек появляется на земле неоднократное число раз, будто бы для искупления грехов своего минувшего существования, *оправдывают* это явное нарушение седьмой заповеди, скрепленной Божественными словами Христа: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6), и узаконенное Самим Творцом Вселенной на первых страницах Библии: *Посему, оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью* (Ср: Быт. 2, 24), – тем ни на чем не основанным доводом, что вновь сходящиеся были в прежнем перевоплощении мужем и женой, и вспыхнувшая между ними любовь *сейчас* только лишь доказывает, что они не dokonчили в прошлом существовании какую-то возложенную на них задачу и должны ее кончить совместно теперь?..

Или, что может быть противозаконнее – я знаю, и это не простят мне мои бывшие коллеги по несчастью, – с христианской точки зре-

ния, безбрачного сожительства, а оно введено почти в догмат в целой массе спиритических организаций только лишь потому, что эротизм в спиритизме считается самым верным импульсом для проявления медиумических способностей. И т. д., и т. д. – без конца.

– Ведь стоит только поближе всмотреться во многих спиритов, – продолжал Старец, – прежде всего, на них лежит какой-то отпечаток, по которому так и явствует, что этот человек разговаривает со столами; потом у них появляется страшная гордыня и чисто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им...

И это удивительно точно и верно подмечено. *Злоба отчаянная, нетерпимость поразительная, а уж гордыня* – о ней очень много говорит даже известный спиритический ересиарх и апостол спиритизма Кардек, как об одной из ужасных и пагубных особенностей спиритических пророков (медиумов).

Ведь одна эта злоба и гордыня, кажется, могли бы служить лучшим доказательством того, что все это учение от сатаны, ибо то же слово Божие указывает на эти два качества, а особенно на злобу, как на явные признаки указанного сейчас источника их происхождения: *Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец* (1 Ин. 4, 20); *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15); *...Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза* (1 Ин. 2, 11); *Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего* (1 Ин. 3, 10). Но увы, сами спириты, как зачумленные, не хотят видеть этого.

А о нетерпимости спиритов и говорить нечего; когда меня обличал, быть может, очень резкий, быть может, тоже страдающий нетерпимостью, но человек безусловно ревностный и искренний в своем служении, известный миссионер И.Е. Айвазов, – я готов был, как говорится, уничтожить его и только теперь с уважением и признательностью отношусь к нему, так как он этою своею резко-

стью намного ближе подвинул меня к правде. Далее, когда выступил с обличением меня ныне почивший С.Д. Волков-Давыдов под псевдонимом Серапион Волкович, правда, с обличением довольно утрированным, в своей брошюре «Спиритизм – яд интеллекта»⁴³⁴, я дал ему такую отповедь, что мне за нее сейчас более чем стыдно. Наконец, когда выступил в борьбу против распространяемой мною ереси известный миссионер о. Черкасов в журнале «Кормчий», в деликатной и высоко христианской форме, – о, как я резко отвечал ему и как недостойно защищал сатану!

А между тем, до вступления в сферу спиритизма, я был человек очень деликатный и терпимый по отношению к людям.

– И таким образом, незаметно, – медленно, с большими паузами, продолжал свою обличительную, обращенную ко мне, *именно ко мне*, святую речь этот великий прозорливец, – последовательно, сам того не замечая, – уж очень тонко, нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме, – отходит человек от Бога, от Церкви, хотя, заметьте, в то же время дух тьмы настойчиво, через своих духов, посылает запутываемого им человека в храмы Божии служить панихиды, молебны, акафисты, приобщаться Святых Христовых Таин и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли: «Ведь все это мог бы сделать ты сам, в своей домашней обстановке, и с бóльшим усердием, с бóльшим благоговением и даже с бóльшей продуктивностью в смысле получения исполнения прошений!..»

Мне пришел на память неоднократно слышанный мною в Петербурге из чрезвычайно достоверных источников, с указанием имен и фамилий, рассказ о трех оккультистах и спиритах, которые по отношению к духовенству стоят на совершенно диаметрально противоположном конце и которые тем не менее со своим собственным священническим облачением, кадилами, крестом и Евангелием, церковными книгами самолично совершают различ-

⁴³⁴ Неточность, имеется в виду кн.: *Волкович С. Спиритизм как яд интеллекта*. М., 1908. – *Примеч. ред.*

ные церковные служения и даже ездят по домам для совершения молебных песнопений...

– И по мере того как невдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих падений, – продолжал о. Нектарий, – все больше и больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Его преследуют неудачи. У него расшатывается благосостояние. Если бы он был еще не поврежденный сатанюю, он бы прибег за помощью к Богу, к святым Божиим угодникам, к Царице Небесной, к Святой Апостольской Церкви, к священнослужителям, и они бы помогли ему своими святыми молитвами, а он со своими скорбями идет к тем же духам – к бесам, и последние еще больше запутывают его; еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия...

О, как правдивы были и эти слова! Старец, как по книге, читал скорбные страницы моей жизни, а мои воспоминания в это время только лишь иллюстрировали его слова.

По мере того как все у меня валилось из рук, когда я везде и во всем сразу, как из рога изобилия несчастий, стал получать только лишь одни неудачи и разочарования, – я, вместо того чтобы усилить свои прошения к Господу, усиливал свои общения с духами. И как коварно, как дипломатично эти псевдоотошедшие друзья и покровители старались завоевать мои дурные наклонности, говоря, что огонь этих испытаний имеет своей целью *еще более усовершенствовать* меня, *еще более улучшить* мою душу, чтобы еще ближе подвести ее к Творцу Вселенной и потом вознаградить благами мира сего. При этом предлагались такие советы, которые еще больше разрушали мое благосостояние; и когда я искал у них оправдания этой лжи, они объясняли, что это произошло не по их вине, а по вине низших духов, которые начинают бояться моего духовного роста. И все это скреплялось какими-нибудь поразительными феноменами физического и психического свойства.

– Наконец, от человека отходит совершенно Божие благословение. Гангрена его гибели начинает разрушающе влиять на всю его семью, у него начинается необычайный, ничем не мотивируемый развал семьи. От него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди!..

Мурашки забегали у меня по спине. Мучительный холод охватил всю мою душу и все мое тело, потому что я почувствовал, что стою накануне этого страшного, этого мучительного переживания.

В этот момент я был готов броситься к ногам Старца, пролить на его груди обильные слезы, покаяться ему во всем и просить его помощи, но отворилась дверь, и снова вошел келейник и уже с видимым нетерпением в голосе повторил: «Батюшка, ведь там масса народа, вас страшно ждут». Старец смиренно и спокойно сказал: «Хорошо, хорошо, я сейчас», а потом продолжал:

– ... Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней степени своего, с помощью сатаны, самозапутывания, она или теряет рассудок, делается человеком неменяемым в самом точном смысле этого слова, или же кончает с собою. И хотя и говорят спириты, что среди них самоубийств нет, но это неправда; самый первый вызыватель духов, царь Саул, окончил жизнь самоубийством за то, что он *не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице* (1 Пар. 10, 13).

И здесь живая правда, и здесь святая истина: я лично знаю одну спиритку с юга, человека очень культурного, широко образованного, занимавшего видное место в педагогическом мире, которая, увлекшись спиритизмом, сначала получала от духа в высокой степени красивые и глубокие по мысли откровения, а потом прислала мне для издания, по указанию духа, целых два тома философского трактата, из которого вытекало, что диавол и Бог – одна сущность.

Несомненно, бедняга сделалась не совсем нормальной.

В другом случае один казачий офицер, занимавший хорошее положение и в обществе, и по службе, после восьмилетнего усилен-

ного общения с духами совершенно сошел с ума и два года назад скончался в одной из московских психиатрических лечебниц.

Дышали глубокою правдивостью слова Старца и о самоубийствах от спиритизма. Немало есть таковых, как я уже говорил в самом начале этой лекции, и среди спиритов, и хотя спириты особенно тщательно, вероятно, тоже под воздействием духа тьмы, скрывают все такие случаи, мотивируя охранение этой тайны тем, что-де «единственно только спиритическое учение о самоубийцах, состоящее из загробных сообщений самих самоубийц, и может служить истинным противодействием этому распространяющемуся по земле злу, и потому говорить “о самоубийстве в спиритизме” – значит уничтожить единственное средство в борьбе с этим бичом человечества»⁴³⁵. Так как, когда я ближе и беспристрастнее стал всматриваться в спиритическое учение за последние три-четыре года, мне лично пришлось зарегистрировать пять случаев самоубийства спиритов, из которых один был совершен председателем петербургского кружка спиритов О.Ю. Стано, много лет работавшим в области спиритизма.

–...Словом, совершается с человеком, вызывающим духов, которые пророчествуют именем Божиим, а Господь не посылает их, то, что предрекал когда-то пророк Иеремия: *Мечем и голодом будут истреблены эти пророки, и народ, которому они пророчествуют, разбросан будет по улицам города от голода и меча... и Я изолью на них зло их* (Ср.: Иер. 14, 15–16).

После этих слов Старец закрыл глаза, тихо склонил на грудь голову. Я же, не могу даже сейчас подыскать подходящего слова, был в каком-то непривычном для меня, непонятном мне состоянии.

Да и неудивительно: вероятно, это состояние испытывал бы всякий человек, которому перед его глазами выложили бы всю его душу, все его затаенные мысли и желания.

⁴³⁵ Новый факт, свидетельствующий о том, что спиритическое учение само в себе носит начало, аннулирующее и могущество, и милосердие Божие, и любовь к человечеству искупившего его Христа. – *Примеч. В.П. Бькова.*

Нарисовали бы перед ним картину всего его печального будущего. В особенности если принять во внимание, что я многого из того, что говорил мне Старец на протяжении трех-четырех часов, не мог запомнить, и вышеприведенную беседу передаю конспективно.

Словом, я решительно не могу сейчас ясно, сознательно сказать, что я пережил, о чем я думал в эту небольшую паузу. Помню только одно, что я инстинктивно предчувствовал, что это еще не все, что будет еще что-то «последнее», «самое большое» и «самое сильное» для меня.

И я не ошибся.

Старец, не открывая глаз, как-то особенно тихо, особенно нежно нагнулся ко мне и, поглаживая меня по коленам, тихо-тихо, смиренно, любовно проговорил:

– Оставь... брось все это. Еще не поздно... иначе можешь погибнуть... мне жаль тебя...

Великий Боже! Я никогда не забуду этого поразившего мою душу и сердце момента. Я не могу спокойно говорить об этом без слез, без дрожи и волнения в голосе, когда бы, где бы и при ком бы я ни вспоминал этого великого момента духовного возрождения в моей жизни...

Если Савл, увидевши свет Христа, упал на землю; Савл, который шел и открыто вязал и отдавал в темницы исповедующих Христа; от которого могли при его приближении прятаться, бежать, – то что должен был чувствовать я, который предательски духовно грабил и убивал человеческие души, пользуясь их доверием, их жаждой правды, которым в раскрытые уста, ожидавшие благотворной росы от источника живой воды, медленно вливал капли страшного яда; что должно было быть со мной при этом поразившем мою душу и сердце, озарившем меня неземном свете, я предоставляю судить каждому из вас, милостивые государыни и милостивые государи, так как пытаться передать это словами – значит исказить этот великий и серьезный факт.

Когда я пришел в себя, первым моим вопросом к Старцу было:

– Что мне делать?

Старец тихо встал и говорит:

– На это я тебе скажу то же, что Господь Иисус Христос сказал исцеленному гадаринскому бесноватому: *Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог* (Ср.: Мк. 5, 19). Иди и борись против того, чему ты работал. Энергично и усиленно выдергивай те плевелы, которые ты сеял. Против тебя будет много вражды, много зла, много козней сатаны, в особенности из того лагеря, откуда ты ушел, и это вполне понятно и естественно... но ты иди, не бойся... не смущайся... делай свое дело, что бы ни лежало на твоём пути... и да благословит тебя Бог!..

Когда я вышел, к очевидному удовольствию келейника и ожидавших Старца посетителей, я уже был другим человеком.

Со старым все порвано. Передо мною стояла одна задача: скорее, как можно скорее ликвидировать все прошлое.

Я чувствовал и знал, чувствую и знаю это и сейчас, что все мои ошибки, все заблуждения и грехи прошлого, как бы я, с помощью Господа, ни силился уничтожить их, будут, как сорная трава, долго еще встречаться на моем пути и иногда случайно спутывать мои ноги.

Будут вылезать на поверхность моей работы против того, чему служил я на протяжении многих лет, и будут всячески тормозить мне мою новую деятельность.

Я знал и знаю, что родоначальник этого учения – дух тьмы – через армию его несчастных воинов будет всеми силами препятствовать моему служению правде, дискредитировать меня моими же прошлыми грехами и заблуждениями. Люди не скоро поймут, что то была ужасная, мучительная школа...

Когда я вышел из Скита, когда за мной затворились его святые ворота, я понял, что теперь все, что нужно было для меня, дано мне...⁴³⁶

⁴³⁶ *Быков В.П.* Тихие приюты для отдыха страдающей души. М., 1913. С. 145–149, 212–226. – *Примеч. ред.*

Глава XVIII

УЧЕНИКИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

ЕПИСКОП ИОНА ХАНЬКОУСКИЙ⁴³⁷

От святого корня срубленного уже оптинского древа произросла дивная поросль в лице святителя Ионы, епископа Ханькоуского.

В миру владыку звали Владимиром Покровским, и был он калужанином, происходя из бедной семьи духовного звания.

Рано осиротев и натерпевшись много горя, он окончил духовное училище и Калужскую семинарию. С какого именно момента начинается его личная связь с Оптиной Пустынью – мы не знаем, но она была давнишняя и крепкая.

Поступив в Казанскую Духовную Академию, он на третьем курсе принимает монашество с именем Ионы. В это время его духовником стал великий старец Гавриил, сам положивший начало своей монашеской жизни в Оптиной Пустыни еще при старце Амвросии. Он тогда – во времена студенчества о. Ионы – был настоятелем Седмиозерной пустыни возле Казани.

Вскоре о. Иона был посвящен в сан иеромонаха.

Во время окончания им курса в 1914 г., после смерти профессора, освободилась кафедра Священного Писания Нового Завета. Заместителем его был избран только что окончивший курс со степенью магистранта иеромонах Иона, находившийся в это время у своего старца в Оптиной Пустыни, издавна славившейся опытными руководителями монашеской жизни, к числу каковых

⁴³⁷ Иона (Покровский, 1888–1925), епископ Ханькоуский, прославлен в лике святых Русской Зарубежной Церковью. – *Примеч. ред.*

относятся старцы Леонид, Макарий и Амвросий. Получив такое неожиданное для себя известие и считая преподавание столь важного предмета в учебном заведении, которое он только что окончил, непосильным, он, не долго раздумывая, послал отказ. По правилам иноческим находящийся под руководством старца инок должен открывать своему старцу не только о своих поступках, но и о своих желаниях и помыслах. Ревностно исполняя эту иноческую обязанность, о. Иона открыл своему старцу-духовнику о своем отказе от предложенного ему занятия, приведя все доводы, по которым он считал для себя преподавание Священного Писания в высшем учебном заведении непосильным. Старец его, однако, посмотрел на это дело совсем иначе: он увидел в этом руководящую волю Божию и приказал ему взять свой отказ обратно, а за неразумную поспешность с отказом положить триста земных поклонов с молитвой Иисусовой. Как ни трудно было о. Ионе взять на себя преподавание в Академии Священного Писания, однако он, послушания ради своему старцу, соглашается взять на себя звание доцента Духовной Академии, в каковом и остается до 1918 г., когда по обстоятельствам политической жизни в стране должен был оставить Казань.

Четыре года, проведенные им в должности доцента Академии, в обществе ученых людей, оставили глубокий след на его духовной стороне. Помимо своих ученых занятий, он с юношеской преданностью трудился на поприще церковно-богослужебном и проповедническом, участвуя в совершении уставных богослужений, проповедничестве и устройстве богословских чтений.

Первая мировая война, а затем революция не могли не отразиться на дальнейшей жизни молодого доцента. В 1918 г. он, преследуемый революционной властью, должен был выехать из Казани, был арестован в Перми и избит до потери сознания и отправлен затем для революционного суда в Тюмень. Из Перми ему вместе с другими арестованными пришлось ехать по старинному сибирскому тракту,

Еп. Иона Ханькоуский

называемому Бироновским, перевалить Урал и в Тобольской губернии по реке Тавде ехать на пароходе, где он, при впадении этой реки в Тобол, был освобожден белыми войсками. Дальше начинается для него скитальческая жизнь, полная всевозможных лишений и трудностей, сопряженных с опасностью для жизни. Из Тобольска по Иртышу удалось ему добраться до Омска, где Высшим церковным управлением он был возведен в сан игумена и назначен главным священником Южной армии.

После поражения противобольшевистского движения в Сибири ему вместе с армией атамана Дутова пришлось отступить в пределы

Западного Китая. Позже в своей речи при наречении во епископа он, тогда архимандрит Иона, вспоминал о тех необычайных трудностях, которые ему вместе с другими приходилось переносить при перевале отрогов Памира, взбираться, при холодном бурном ветре, по обледенелым скалам, на высоту в 11–12 тысяч футов, хватаясь руками, с ободранной кожей и ногтями, за выступы скал и колючий редкий кустарник. «Господь сохранил меня, – говорил он, – видимо, для того, чтобы послужить Ему и в высоком звании епископа».

Из Западного Китая игумен Иона приехал в Шанхай, затем в Пекин, где и был принят на службу в Российской духовной миссии и вскоре возведен в сан архимандрита, а в 1922 г., 11 сентября, возведен в Пекине в сан епископа Тяньзинского. В хиротонии епископа Ионы принимал участие архиепископ Иннокентий, начальник Миссии, епископ Мелетий Забайкальский и вновь хиротонисанный в Харбине 4 сентября того же 1922 г. епископ Шанхайский Симон.

С принятием сана епископа и назначением настоятелем св. Иннокентиевской миссионерской церкви в Маньчжурии для еписко-

па Ионы открывается новое обширное поле деятельности, где он проявил свои высокие пастырско-административные способности. Ревностный служитель Церкви и выдающийся проповедник, епископ Иона прежде всего почитается за устройство своей паствы в религиозно-нравственном отношении. Кроме того, он взял на себя преподавание Закона Божия в местной гимназии.

В Маньчжурию стекались со всех сторон беженцы из Европейской России, многие из которых испытывали бедственное положение и нужду... Это заставило епископа Иону приступить к развитию обширной благотворительной деятельности. Он основывает начальное училище, где учится до 200 детей. Там помимо наук преподают детям всевозможные ремесла.

Епископ Иона выступил с публичными лекциями и основал богословско-философские курсы в Харбине. Там он устроил литературный вечер в пользу своих учреждений.

Особенно заботился он об основанном им детском приюте.

Его трудам принадлежит ремонт св. Иннокентиевского храма и устройство придела во имя св. Николая.

Незадолго до смерти он ухаживал за умирающим священником о. Михеем и, когда хоронил его, надорвал свои силы, не оправившись сам от болезни паратифа. Это явилось причиной летального исхода. Описание праведной кончины великого оптинского питомца, духовного архиерея Божия, было сделано доктором В. Ляпустиным⁴³⁸, лечившим владыку Иону.

«Теперь я приступлю к описанию последних часов жизни покойного и его святой кончины. Начну с 10 часов вечера. Пульс в это время доходит до 160 с перебоями, температура 39,8°. Владыка сидит в кресле, разговаривает с окружающими, причем мысль о смерти не приходит ему в голову. Все время говорит, что ему лучше,

⁴³⁸ Вероятно, Ляпустин Василий Алексеевич († 1942) – хирург, профессор. Присутствовал при смерти Льва Толстого в 1910 г. на станции Астапово. – *Примеч. ред.*

что температура ниже; единственно, что удивляет его, – это народ в коридоре и слезы на глазах окружающих. Так длится время до 11 часов, когда я предлагаю ему, воспользовавшись присутствием архиепископа, исповедаться и причаститься. Владыка испытующе смотрит на меня; поняв по моему лицу близкий исход, говорит:

– Раз вы, врач, предлагаете это мне, – часы мои сочтены.

Торопит с исповедью, совершаемой его духовником о. Алексием. Окончив исповедоваться, облачается в новый подрясник, епитрахиль и сам причащается, кланяясь земно Дарам; сам укладывает лжицу и сосуд, завертывает пелену, молится, кланяясь земно.

А затем совершается нечто небывалое... Разоблачившись, идет в кабинет, садится в кресло и печатает завещание:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Слишком неожиданно узнал я о предстоящей смерти моей. Мысли путаются... Что скажу? Что завещаю вам?.. мои милые и дорогие дети Маньчжурии и Ханькоу..

Начал я у вас со словами апостола Любви: Дети, *любите друг друга* (Ин. 13, 34) и кончаю я этими словами: *Любите друг друга*. Вот заповедь вашего архипастыря...

С душевной радостью прощаю тому, кто обидел меня. Да и есть ли такие? И слезно на коленях прошу и становлюсь перед каждым, кого я обидел.

Не оставляйте детишек. Слышите ли мой предсмертный зов, дорогая Елисавета Николаевна? Ведь на вас теперь вся надежда.

Заместителем моим рекомендую вызвать из Чаньчуня протоиерея Извольского, на него указывал и начальник Миссии.

Простите меня ради Христа; да не забывайте в своих святых молитвах... Напишите в помянничек... И так на вечные времена, пока не предстанем все у Страшного Судии.

Иона, епископ Ханькоуский.

Окончив печатание, свертывает его аккуратно и передает мне с наказом отправить Е.Н. Литвиновой. Затем возвращается в спаль-

ню, садится на кровать и допускает к себе проститься всех присутствующих – человек 30–40. С каждым говорит в отдельности, каждому находит приветливое слово и слово благодарности за помощь ему в его делах, просит помогать детишкам, благословляет и лобызает всех в голову. Заботится о том, не подвел ли он кого в денежных делах своей смертью. Призывает директора Русско-Азиатского банка г-на Химикуса, просит простить его, отворяет сам сейф, вынимает деньги, данные ему на сохранение ф-ром Волыннец, говорит о них Химикусу и просит передать по назначению; сует директору банка подписанные им бланки векселей на сумму долга; вообще, все время беспокоится о других; при виде слез на лицах просит не плакать, так как “на все воля Божия, и он повинуется ей, и ему умирать не страшно”. На мое предложение прилечь говорит:

– Я всю жизнь говорил с народом, дайте поговорить эти последние часы, умру я часом раньше, часом позже – это не важно.

Переговорив со всеми, благословив всех, просит у всех прощения, не забыв ни одно лицо из окружающих. Требуя регента о. Павла, говорит ему, что не успел надеть на него наперсного креста, но пусть возьмет себе крест покойного о. Михея, а архиепископ наденет его. Все плачут, рыдают, владыка же успокаивает. Так длится до 12.30. Владыка встает, надевает епитрахиль и поручи старца Амвросия и, стоя на ногах, делая даже земные поклоны, громко читает себе отходную. Окончив чтение, садится на кровать, приглашает архиепископа, просит похоронить его по монашескому обряду; идет к аналою, достает чин погребения и передает книгу архиепископу. Затем говорит окружающим, во что одеть его: в митру, подаренную прихожанами, в белое вышитое облачение, епитрахиль и поручи старца Амвросия. Похоронить его около церкви, рядом с о. Михеем; не ставить памятника, а простой дубовый крест; не делать помпы из похорон, дабы не говорили в народе, что раз умер архиерей, так его хоронят по-богатому, а не так, как о. Михея; указывает, какую положить с ним панагию, крест и икону. Окончив с этим, вновь прощается

и благословляет окружающих, нервы которых не выдерживают, слышатся плач и рыдание; владыка уговаривает подчиниться воле Божией. Приблизительно в это время или немного раньше в церкви служат молебен о здравии болящего, где присутствует уже много народа и дети приюта. Нужно было слышать иступленные крики детей: “Боженька, оставь нам владыку”, крики взрослых с мольбой о чуде, о спасении пастыря, чтобы понять ту любовь, то почитание, которым пользовался умирающий. Между тем владыка все еще прощается; наступает 1.30 ночи, владыка вдруг вскакивает с кровати, на которой сидел, выходит к дверям, идущим в коридор, кланяется земно народу, прося простить его, не забывать в своих молитвах, не бросать детишек; поднявшись с колен, благословляет; быстро поворачивается, устремляется в кабинет к выходу из дома со словами:

– Иду умирать в церковь!

Причем эти слова твердит все время; остановившись и шатаясь на ногах, просит духовенство облачить его в епитрахиль и поручи старца Амвросия, что и исполняется, но окружающие уговаривают его собороваться; поддерживаемый, подходит к кровати, пробует сам снять валенки, но их снимает один из врачей; ложится на кровать со словами:

– На все воля Божия! Сейчас я умру, – держа в правой руке крест и икону, а в левой – зажженную свечу, и все время благословляет себя, шепча молитвы.

Окружающие громко плачут. Хриплое дыхание заменяется ровным, покойным... руки движутся медленней... лицо слегка синее, и через три минуты дыхание внезапно прекращается. Я говорю о наступившей смерти архиепископу. Архиепископ читает последнюю молитву, после окончания которой владыка еще вздохнул раз и затих. Протоиерей Маковеен закрывает глаза, и из них выкатываются слезы. Правая рука твердо держит крест, так и оставшийся у покойного.

Слезы горя, отчаяния окружающих, пока одевают покойного, в состоянии растопить самое твердое, жестокое сердце. Усопшего переносят в церковь. У меня не хватает слов для описания творящегося в церкви при облачении и первой литии, для описания того душевного переживания, той скорби, которая овладела народом, собравшимся по звону. Всю ночь народ остается в церкви, будучи не в силах расстаться с телом боготворимого пастыря и смириться с утратой его. Утром совершается заупокойная обедня и панихида; произносит, рыдая, проникновенное слово проповедник протоиерей Демидов, в котором, указывая, кого потеряла Маньчжурия, в конце концов говорит, что потеряла... святителя... Дикий, иступленный рев массы народа сопровождает эту речь, и один из почитателей – некто Гантимуров, – будучи не в силах перенести утрату, падает, умирая от разрыва сердца. Целый день и ночь народ толпами ходит поклониться праху усопшего... А что творится во время похорон, когда все население Маньчжурии, без различия вероисповедания, стеклось и заполнило церковь и церковную ограду... всего до 6000 человек. Завещания, отпечатанного в 3000 экземпляров, не хватает и половине присутствующих. Целые дни теперь идут панихиды и идут толпы народа поклониться своему незабвенному пастырю. Как будто смерти своей владыка заставил всколыхнуться у каждого загложшие в его душе в погоне за благами мира стремления к Высшему, веру в Промысл Божий.

А тут еще совершается чудо: исцеление мальчика Дергачева, 10 лет от роду. Мальчик болел четыре месяца обезображивающим воспалением обоих коленных суставов. В начале болезни месяца два я лечил его сам, а затем, когда боли уменьшились, остались опухоли суставов и сведение ног, я передал его для лечения массажем своей фельдшерице-акушерке Беловой. За день до смерти владыки Белова была у больного, причем его ноги были полусогнуты в суставах, болей при покойном положении не было, при попытке насильственно распрямить – резкая болезненность; стоять, а тем более ходить не

в состоянии. И вот в ночь похорон владыки мальчик видит под утро сон: подходит к нему владыка и говорит:

– На, возьми мои ноги, они мне больше не нужны, а свои отдай мне.

Мальчик проснулся, встал на ноги и пошел к двери в кухню, крича:

– Мама! Мама! Отвори двери.

Мать в это время принесла в кухню дрова, услышала крик, бросилась к двери, отворившейся в этот момент, и увидела своего сына идущим к ней; последний рассказал матери сон и описал владыку, его одеяние – именно то, в котором похоронен усопший. Мать привезла сына к вечерней панихиде в церковь. Мальчик сам взошел по ступеням в храм, отстоял вечерню, сошел с крыльца, подошел к могиле, встал на колени, молился и плакал; сам поднялся с колен. Мать рассказала о чуде окружающим. Начали расспрашивать мальчика, видал ли он владыку. Он отвечал, что видал, но плохо помнит. На вопрос, узнает ли он на портрете покойного, ответил утвердительно, и когда ему показали портрет, он вскрикнул, покраснев:

– Он!

Я немедленно отправил к нему на квартиру Белову для осмотра, и она подтвердила, что мальчик не только ходит, но и бегаёт без болей. Вот что совершилось, и чему я был свидетелем.

Скончался владыка 7 октября 1925 года.

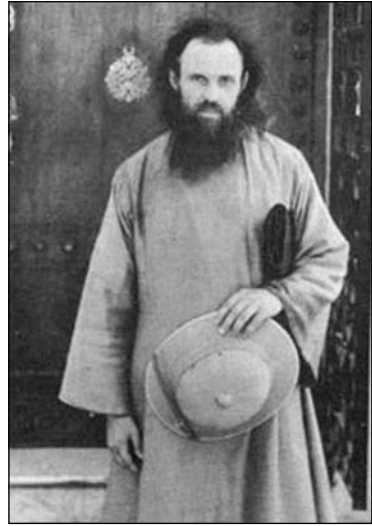
Доктор Ляпустин».

В девятый день кончины епископа Ионы вечером в общественном собрании было устроено членами Комитета торжественное заседание, посвященное памяти почившего архипастыря. Зал был украшен портретом почившего владыки; пред открытием заседания архиерейским служением была совершена лития и при участии хора певчих; зал был переполнен народом. Было произнесено несколько речей и пропето несколько любимых покойным церковных песнопений.

Упокой, Господи, праведную душу верного раба Твоего, епископа Ионы, и его святыми молитвами помилуй нас. Аминь.

ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ ШУСТИН

Другим близким по духу о. Варсонофию его духовным сыном был о. Василий Шустин. Жизнь отца Василия была сплошным подвигом, тяжелым и настойчивым, но зато он был очень близок к святине и ею освятился! Он оставил бездонную замечательную «Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптиных старцах», по которой можно и судить о нем. С раннего детства его семья была в теснейшей связи со св. праведным о. Иоанном Кронштадтским, который исцелил его отца, болевшего безнадежно горловой чахоткой, и был крестным отцом его

Прот. Василий Шустин
в Алжире

сестры. При втором его посещении Оптиной о. Варсонофий сказал ему: «А мне явился о. Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство», – и добавил потом: «Вижу я батюшку о. Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается за облака, так не видать и конца ее. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот Батюшка довел меня до одной площадки и говорит: “А мне надо выше, я там живу” – и при этом стал быстро подниматься кверху...»

Согласно предсказанию о. Варсонофия, о. Василию не пришлось окончить инженерный институт. Он попал на фронт и сражался в Добровольческой армии. После эвакуации из Крыма он попал на Балканы. В Болгарии ему вначале пришлось работать в качестве слуги у католических монахов. В России осталась горячо любимая им семья: жена и двое детей. Он потерял с ними связь. На его душе лежала тяжелым камнем жгучая тоска. Однажды среди дня он был послан на почту отнести телеграмму. Он стал пересекать площадь, и вдруг как бы с неба спустилось облако, и в нем он увидел живого о. Варсонофия, фигура которого видна была только по пояс. Это

видение укрепило и поддержало о. Василия в его горестном положении. Следующей службой о. Василия была какая-то должность в беженском русском приюте. Он рассказывал трогательные истории о любви своей к детям и об их любви к нему. Затем он принял священство и был послан в Алжир. Здесь мы его застали, когда еще не было там церкви. Он служил в помещении австрийского консульства в зале в мавританском арабском стиле. Единственно, что было церковного, – это икона Божией Матери, которая стояла на столике. Со временем вокруг о. Василия образовался приход в 100 человек. Был куплен церковный дом, и в нем устроена прекрасная церковь. Отец Василий также объезжал другие города и обслуживал нужды православных людей. Дважды ему на улице были нанесены раны фанатиками-мусульманами. С провозглашением арабской независимости и отъездом в Европу всех прихожан ему пришлось перебраться в Европу, в город Канны. Здесь он скончался 6 августа 1968 года.

После его кончины был получен ряд писем от его сестры Марии Васильевны. Она пишет: «Сбылись слова о. Иоанна Кронштадтского: “Ты доживешь до глубокой старости, но умрешь в больших муках”. Так оно и было: он тяжело страдал от нескольких болезней одновременно, многие годы не мог литургисать и материально бедствовал».

В другом письме она пишет о том, что гроб с останками о. Василия был вырыт из могилы Каннского кладбища и перевезен в Ниццу, где погребен на кладбище возле русской церкви в склепе с другими православными священниками. Она пишет: «Странно! Батюшку два раза хоронили, и он два раза умирал. В первый раз он умер в России после третьего тифа. У него была большая температура, и он лежал без сознания. Видит он доктора, который щупал пульс, и сестру. Доктор сказал:

– Умер.

Душа брата летела ввысь, очутился в чудном саду, где его встретил о. Варсонофий Оптинский, говоря:

– Хочешь быть в этом саду после смерти?

– Да.

– Тогда возвращайся обратно, ты не готов, перемучайся, переживи все, тогда вернешься сюда.

Брат со страхом вошел в свое тело. Пришли его обмыть, принесли гроб и поразились, что теперь он жив».

На сороковой день Мария Васильевна увидела во сне своего брата в том саду, куда его призывал о. Варсонофий. «Иду я в саду по дорожке одна, но чувствую, что о. Василий идет сзади. Дорожка заворачивает вправо, образуя угол. Брат меня перегоняет, подходит к углу, где растут необыкновенные цветы, срывает распустившийся цветок, а мне пальцем указывает на другой, наполовину распустившийся. Я протягиваю руку, чтобы сорвать, и все исчезает».

Когда-то в своей скромной, миру неведомой душе слагал питомец оптинских лесов о. Варсонофий эти стихи, назвав их «Весна».

Еще покрыты белой пеленой
Поля; стоит безмолвно лес
В своем серебряном уборе.
Но всюду веет силой творческой – весной,
И ярче и светлее свод небес,
И тонет взор в его просторе.
Когда ж, о Господи, в моей душе больной,
Немоществующей, унылой и скорбящей
Повеет Святы́й Дух животворящий
Ликующей, духовною весной?..⁴³⁹

⁴³⁹ Преподобный Варсонофий Оптинский. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. С. 470. – *Примеч. ред.*

Глава XIX

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ПИСАТЕЛИ, ЕЕ ПОСЕЩАВШИЕ

Со времени старца Макария, привлечшего к переводам святоотеческой литературы ряд лиц, принадлежавших к образованным слоям общества, Оптина Пустынь стала известна в кругу современных писателей. С тех пор цвет мыслящей России стал посещать Оптину Пустынь и ее Скит. Это общение со старцами оставляло тот или иной отпечаток на душах посетителей.

В тексте настоящей книги мы уже касались имен братьев Киреевских, Леонтьева и под конец Толстого в связи с жизнеописанием старца Варсонофия.

Но нами не были упомянуты имена двух знаменитых писателей XIX века, какими были Н.В. Гоголь и после него Ф.М. Достоевский, неоднократно посещавшие Оптину Пустынь.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Николай Васильевич Гоголь был большим почитателем Оптиной Пустыни и ее старцев.

Кроме своей поездки в Оптину Пустынь летом 1850 г.⁴⁴⁰ Гоголь был там в 1852 г., когда он вернулся после своего паломничества в Святую Землю и ездил в Калугу к друзьям своим Смирновым. На пути его лежала Оптина Пустынь.

Сохранились два письма Гоголя, адресованные в Оптину Пустынь. Первое – записочка к отцу игумену Моисею: «Так как всякий дар и лепта вдовы приемлется, примите и от меня небольшое

⁴⁴⁰ Об этой поездке см. в гл. III наст. изд. – *Примеч. ред.*

приношение по мере малых средств моих (двадцать пять рублей серебром). Употребите их по усмотрению Вашему на строительство обители Вашей, о которой приятное воспоминание храню всегда в сердце своем»⁴⁴¹.

Другое письмо, от 25 июля 1852 г., более значительное: «Ради Самого Христа молитесь обо мне, отец Филарет. Просите Вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо и силы мои не только ничтожны, но их и нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа обо мне молитесь. Покажите эту мою записочку отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен Милосердый сделать все и меня черного, как уголь, убелить и вознести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа молитесь: мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной Пустыни. Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше доброе дело. *Ваш всюю душою Николай Гоголь*»⁴⁴².

Эти мысли Гоголя об ответственности писателя перед Богом возникли не без влияния бесед со старцем Макарием, перед прозорливым суждением которого он повергал свои сомнения.

Еще до личного знакомства с Гоголем старец Макарий прочел «Переписку с друзьями» и вложил свой письменный отзыв внутрь

⁴⁴¹ Цит. по: *Вытropicкий Е.К.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. Сергиев Посад, 1902. С. 102. – *Примеч. ред.*

⁴⁴² Там же. С. 103. – *Примеч. ред.*

этой книги, стоявшей на полке оптинской библиотеки. Вот подлинные слова Старца: «...Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *Истина свободит вас* (Ср.: Ин. 8, 32). В другом месте Писания сказано: *Слово Твое истина есть* (Ср.: Ин. 17, 17). Посему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувства. Тогда он возможет отделить в себе правильные и добрые мысли и чувства от поддельных и мнимо добрых и неправильных. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением истины: *Вы чисти есте за слово, еже рех вам* (Ср.: Ин. 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтоб светил фонарь, недостаточно одного чистого вымывания стекол – нужно, чтоб внутри его была зажжена свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До принятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты. Сей ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истиною, а потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек будет руководствоваться, прежде очищения его истиною, своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце

его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни на себя и поверь сердечным опытом слова мои: увидишь, как они точны и справедливы, скопированы с самой природы. Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголют* (Ср.: Мф. 12, 34), или: сочинение есть непреходящая исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы, то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению к религии заниматься единственно чтением святых отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые сообщают читателям вдохновение Святаго Духа. Вне сего пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти. Аминь»⁴⁴³.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

Федор Михайлович Достоевский, наиболее прославленный из русских писателей, был переведен на многие иностранные языки и признан всемирным гением. Он старался насадить в мире *добро* и искренно считал себя членом Православной Церкви. Известно, что он умер, напутствуемый Святыми Тайнами. Образ Христа был чрезвычайно дорог душе Достоевского. Однако он не разделял

⁴⁴³ Цит. по: *Богданов Д.П.* Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. № 10. С. 332–334. – *Примеч. ред.*

традиционных верований Православной Церкви, запечатленных в Символе веры. Известно влияние на Достоевского В.С. Соловьева, а также его увлечение идеями Н.Ф. Федорова, утверждавшего, что если человечество объединится в любви, не будет катастрофического конца света и Страшного Суда. Достоевский вполне воспринимает идеи Федорова: «Скажу, что я, в сущности, совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как свои». И далее: «Мы здесь, т. е. я и Соловьев, по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле»⁴⁴⁴. Другими словами, что это воскресение и жизнь будущего века произойдет иначе, чем нас учит Евангелие (См.: Мф. 25, 31–46), и не так, как учит апостол Павел (См.: 1 Кор. 15, 49–55)⁴⁴⁵.

О том, что мировоззрение Достоевского расходится с традиционными верованиями Церкви, единогласно свидетельствуют все до одного литературоведы, посвятившие свои труды раскрытию личности Достоевского и его творчества. Мы здесь назовем их:

1. Профессор протоиерей В.В. Зеньковский. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1.
2. Профессор Л. Зандер. Достоевский. Париж, 1946. 176 с. (на франц. яз.).
3. Н. Бердяев. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1963. 238 с.
4. К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1948. 561 с.

В своем инакомыслии Достоевский был прежде всего последователем теории Руссо, отрицавшего наличие у человечества первородного греха. На основании этого Достоевский проповедует морализм и уклоняется от мистического богословия. Из этого вытекает, что созданный им тип о. Зосимы не совпадает не только с Оптински-

⁴⁴⁴ *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. // Полн. собр. соч. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 14–15.

⁴⁴⁵ *Мочульский К.* Достоевский: Жизнь и творчество. Париж, 1948. С. 467.

ми старцами, но даже с ликом всех преподобных Православной Церкви, цель которых состоит в стяжании даров Святаго Духа. В моралистическом же, иначе в «натуральном», христианстве, где все явления объясняются естественным, натуральным образом, нет ничего выше естественного. Здесь можно найти параллель с «отцом Сергием» Льва Толстого: у него прозорливость, как и у о. Зосимы, действует на основании памяти, опыта, наблюдательности. А помощь в лечении недугов – в знании лечебных средств.

При «натуральном» христианстве отпадает необходимость в соблюдении правил святоотеческой аскетике. Так, о. Зосима велит своему ученику: «Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои»⁴⁴⁶. Не говоря о том, что все это наставление идет в прямой разрез с правилами святых отцов, можно особенно сослаться на слова преп. Иоанна Лествичника, который говорит, что нельзя доверять слезам прежде очищения сердца⁴⁴⁷.

Однако пленительно изображенный образ о. Зосимы многократно приводит читателей к познанию веры. Этого нельзя не приветствовать. Но пусть таковые лица знают, что, по заповеди Апостола: *Забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3, 13), им должно отныне искать подлинный духовный жемчуг «маргарит», оставляя позади всякое подражание, искусственную подделку.

Достоевский был в Оптиной Пустыни и описал в своем романе «Братья Карамазовы» все, что видел и слышал, создавая внешнюю картину для своего романа. Но он остался чужд внутреннему духу этой обители.

⁴⁴⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. М., 1958. Т. 9. С. 403 (Ч. 2. Кн. 6. Гл. 2). – Примеч. ред.

⁴⁴⁷ «Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей; ибо то вино еще ненадежно, которое прямо из точила заключено в сосуд» (Иоанн Лествичник, прп. Лествица, в русском переводе... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 81. Слово 7, отд. 35). – Примеч. ред.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1972 г. исполнилось 250 лет со дня многознаменательного рождения старца схиархимандрита Паисия Величковского, покинувшего свою родину, чтобы плодом всей своей жизни явить на ней обновление монашеского духа. Мощи старца Паисия покоятся в Румынии в Нямецком монастыре открыто. Наступление большевизма помешало канонизации. Однако 15 ноября в день успения Преподобного ежегодно правится посвященная ему служба, как местно прославленному святому.

В ранее вышедшей книге «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси», которая служит как бы первым томом к настоящей книге, говорится о внутреннем делании и о тяге русских паломников на Ближний Восток, откуда они приносили с собой на родину учение святых отцов Православной Церкви. Ряд неблагоприятных условий помешал созданию самобытной русской духовной культуры. Только монастыри служили главными светочами для народных масс.

Настоящая книга «Оптина Пустынь и ее время» вначале повествует о сущности старчества – вопросе, доселе не затронутом в богословской науке. Эта книга посвящена петербургскому периоду в истории.

С возникновением империи были внезапно введены бытовые реформы, в корне отменившие прежние обычаи и нравы. Ряд введенных новшеств дал понять обществу, что все на свете относительно. Гром с небес не грянул, а посему со всеми переменами изменилось отношение и к страху Божию. Это отразилось на нравах, которые стали легкомысленными и порою безнравственными. Многие волевые люди ушли в дремучие леса в старообрядчество. С той поры было положено начало той роковой двойственности, которая мешала истинному процветанию в последующее время. При Екатерине

появилось вольтеррианство и вольнодумство. О гонении на Церковь при Екатерине хорошо сказано у Пушкина: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии... Завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно (духовенство) всегда было посредником между народом и Государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды»⁴⁴⁸.

После смерти Екатерины в начале царствования императора Павла началось духовное возрождение в монашестве, речь о котором идет в этой книге. Это время от преподобного Серафима до блаженного о. Иоанна Кронштадтского. Бесчисленное число еще поныне не прославленных подвижников заблестало подобно звездам на духовном небе России. В XIX веке Петр Киреевский, собирая народные песни, настаивал на необходимости предания. С ним были его единомышленники, как Пушкин, Гоголь и многие другие. Речь тогда шла об оградительном национализме. Теперь же, если по милости Божией возможно станет возрождение, все делание должно исключительно заключаться в крепком хранении святоотеческого Православия, на котором созидалась и зиждилась великая Россия. Отнюдь не в искании новых путей, а в твердом пребывании в той вере, в которой жили и действовали Оптинские старцы – эти истинные стяжатели даров Духа Святаго.

⁴⁴⁸ *Пушкин А.С.* Собр. соч. СПб., 1887. Т. 5. С. 13.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А., иером. – 450, 454

А., о. – см. *А., иером.*

А.С. – см. *Шустина Анна Сергеевна*

Абросим, батюшка – см. *Амеросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*

Августин (Виноградский) († 1819), еп. – епископ Дмитровский, викарий Московской епархии в 1804–1818 гг. 142

Авдотья – жительница г. Воронежа 290

Авдотья Петровна – см. *Елагина Авдотья (Евдокия) Петровна*

Авраам (V) – пустынножитель египетский, ученик прп. Сисоя Великого 33

Авраам, прав., св. праотец – ветхозаветный патриарх 366, 367

Авраамий († 1817), иером. – строитель Оптиной Пустыни в 1797–1817 гг., с 1801 г. в сане игумена 58, 96, 97

Агав (I), ап. от 70-ти, сщмч. – новозаветный пророк 318

Агапит (Беловидов) († 1922), архим. – насельник Оптиной Пустыни, составитель жизнеописаний Оптинских старцев 237, 522

Агапит Валаамский – подвижник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 27

Агапит, о. – см. *Агапит (Беловидов), архим.*

Агафия – см. *Мошкина Агафия*

Агриппина, монахиня – насельница Шамординской Казанской общины 286

Адам, св. праотец – первочеловек 539, 570, 581

Адриан, о. – см. *Рымаренко Адриан Адрианович, прот.*

- Айвазов И.Е.* – вероятно, *Айвазов Иван Георгиевич (1872–1964)* – миссионер, профессор Московской и Санкт-Петербургской Духовных Академий 593
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886)* – публицист, общественный деятель 266
- Александр* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*
- Александр (Подгорычан) († 1845), иером.* – насельник Новоспасского монастыря в Москве, с 1810 г. архимандрит Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря 59, 140, 142–144, 190
- Александр I (1777–1825)* – российский император с 1801 г. 80, 115, 117, 148, 268, 272, 205, 496
- Александр II (1818–1881)* – российский император с 1855 г. 150
- Александр III (1845–1894)* – российский император с 1881 г. 244
- Александр Арзамасский, о.* – см. *Александр (Подгорычан), иером.*
- Александр Благословенный* – см. *Александр I*
- Александр Михайлович* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*
- Александр Невский († 1263), блгв. вел. кн.* – защитник Руси от Крестовых походов, великий князь Владимиро-Суздальский с 1252 г. 268
- Александр Павлович* – см. *Александр I*
- Александр Свирский († 1533), прп.* – пустынножитель, основатель Александро-Свирского Спасо-Троицкого монастыря 77
- Александр, архим.* – см. *Александр (Подгорычан), иером.*
- Александр, иером.* – см. *Александр (Подгорычан), иером.*
- Александр, схимонах* – подвижник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 41
- Александра* – см. *Леонида (Литовкина), монахиня*
- Александра (Гурко), монахиня* – насельница Шамординской Казанской пустыни 306, 363, 418
- Александра Львовна* – см. *Толстая Александра Львовна*
- Александра Федоровна († 1918), страстотерпица* – российская императрица, супруга императора Николая II 322, 441, 553

- Александра, мать* – см. *Александра (Гурко), монахиня*
- Алексей Михайлович (1629–1676)* – Русский царь с 1645 г. 244
- Алексей, о.* – настоятель церкви в с. Плохино Калужской губернии 578
- Алексей, о.* – насельник Оптиной Пустыни, гостинник 503
- Алексий* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич), прп.*
- Алексий († 1378), свт.* – митрополит Московский и всея Руси с 1355 г. 562
- Алексий (Мечев) († 1923), св. прав.* – протоиерей, настоятель храма свт. Николая в Кленниках в Москве, отец сщмч. Сергия Мечева 576
- Алексий, о.* – вероятно, *Алексий (Блинов) († 1900), иеросхим.* – насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 57
- Алексий, свящ.* – духовник еп. Ионы (Покровского) 604
- Алексия, игуменья* – настоятельница Успенского монастыря в Чили (Южная Америка) 563, 565
- Алеша Попович* – герой русских былин, богатырь 255
- Алипия, схимонахиня* – насельница Борисовской пустыни 314
- Альфieri Витторио (1749–1803)* – граф, итальянский драматург 243
- Амвросий* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*
- Амвросий (Гренков Александр Михайлович) (1812–1891), прп.* – иеросхимонах, духовник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 16, 35, 94, 95, 123, 129, 132, 133, 173, 183, 192, 236, 237, 239, 268–280, 282–284, 286–297, 300, 301, 303, 304, 307, 311, 312, 314–317, 324, 326–333, 339, 341–343, 359, 366, 394, 397–399, 401, 406, 422, 424, 443, 457, 471, 473–478, 488, 499, 500, 503, 507, 520, 522, 584, 587, 589, 600, 601, 605, 606
- Амвросий (Коновалов), архим.* – канадский миссионер 422
- Амвросий (Подобедов Андрей Иванович) († 1818), митр.* – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1801 г. 120, 121
- Амвросий Медиоланский († 397), свт.* – епископ Миланский, отец Церкви 584

- Амвросий Оптинский* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович)*, *прп.*
- Амвросий, иеросхим.* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович)*, *прп.*
- Амвросий, митр.* – см. *Амвросий (Подобедов)*, *митр.*
- Амвросий, о.* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович)*, *прп.*
- Амвросий, старец* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович)*, *прп.*
- Амвросия (Ключарева) († 1881), монахиня* – монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря, владелица усадьбы Шамордино, духовная дочь прп. Амвросия Оптинского 299–301
- Анастасий (Грибановский) († 1965), митр.* – епископ Серпуховской, викарий Московской епархии в 1906–1914 гг., впоследствии митрополит, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей в 1938–1964 гг. 408, 416, 565
- Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич) (1824–1894), прп.* – иеросхимонах, начальник и духовник Иоанно-Предтеченского Скита с 1873 г., старец Оптиной Пустыни 95, 129, 303, 317, 324–334, 339, 343, 352, 398, 399, 405, 422, 473, 477, 492, 493
- Анатолий (Потапов Александр Алексеевич) (1855–1922), прп.* – иеромонах, насельник Иоанно-Предтеченского Скита и Оптиной Пустыни, духовник мирян с 1908 г., старец Оптиной Пустыни 27, 95, 303, 324–333, 339, 343, 352, 398, 399, 402, 405, 406, 421–428, 430–432, 434, 435, 437–440, 443, 454–457, 463, 502–508, 520, 521, 550, 552, 554, 555, 567, 575, 576, 586
- Анатолий младший* – см. *Анатолий (Потапов Александр Алексеевич)*, *прп.*
- Анатолий старший* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич)*, *прп.*
- Анатолий, иеросхим.* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич)*, *прп.*
- Анатолий, о.* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич)*, *прп.*
- Анатолий, о.* – см. *Анатолий (Потапов Александр Алексеевич)*, *прп.*
- Андреев Иван Михайлович (1894–1976)* – филолог и богослов, преподаватель Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (США) 519, 572–574

- Андрей Ефимович* – см. *Денежкин Андрей Ефимович*
- Андрей Первозванный* († 62), ап. из 12-ти – брат ап. Петра 61
- Андрей, еп.* – см. *Рымаренко Адриан Адрианович, прот.*
- Андроник (Никольский)* († 1918), *сицм.* – епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии в 1908–1913 гг., архиепископ Пермский и Соликамский с 1915 г. 372
- Аничков* – вероятно, *Аничков Евгений Васильевич* (1866–?) – филолог, профессор Санкт-Петербургского университета 572, 574
- Анна* – см. *Сангушко-Загоровская Анна Михайловна*
- Анна (Поморцева), схимонахиня* – мать иером. Феодосия (Поморцева) 419, 420
- Анна Иоанновна* (1693–1740) – российская императрица с 1730 г. 52
- Анна, м.* – см. *Анна (Поморцева), схимонахиня*
- Анна, св. прав.* – мать Пресвятой Богородицы 531
- Антон Иванович* – валаамский Христа ради юродивый 120
- Антоний* († 1073) и *Феодосий* († 1074) *Печерские, Киевские, прп.* – основатели Киево-Печерской Лавры 236
- Антоний (Бочков)* († 1872), *игум.* – духовный сын прп. Льва Оптинского, путешественник в Палестину и на Афон, с 1861 г. игумен Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря, духовный писатель 100, 194
- Антоний (Знаменский)* († 1824), *еп.* – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии в 1799–1802 гг. 65
- Антоний (Медведев)* († 1877), *архим.* – строитель Высокогорской Вознесенской пустыни, с 1831 г., наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 31, 139, 150–161, 163, 165, 166, 168, 170, 171, 174, 223, 309, 339
- Антоний (Медведев)* († 2000), *архиеп.* – архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Русской Православной Церкви за границей 418
- Антоний (Путилов Александр Иванович)* († 1865), *прп.* – начальник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни, в 1839–1853 гг.

- игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря, старец Оптиной Пустыни 60, 98, 105, 106, 108–113, 128, 129, 165, 166, 168, 174, 190, 272, 324, 325
- Антоний (Смирницкий) († 1846), архиеп.* – епископ (с 1832 г. архиепископ) Воронежский и Задонский, проповедник 45, 60
- Антоний (Храповицкий) († 1936), митр.* – митрополит Харьковский и Ахтырский с 1917 г., Киевский и Галицкий с 1918 г., впоследствии первоиерарх Русской Православной Церкви за границей 463
- Антоний Великий († 356), прп.* – основатель пустынножительства 27, 28, 36, 397
- Антоний Воронежский* – см. *Антоний (Смирницкий), архиеп.*
- Антоний Киевский* – см. *Антоний († 1073) и Феодосий († 1074) Печерские, Киевские, прпп.*
- Антоний Малоярославецкий, о.* – см. *Антоний (Путилов Александр Иванович), прп.*
- Антоний, архим.* – см. *Антоний (Медведев), архим.*
- Антоний, игум.* – см. *Антоний (Бочков), игум.*
- Антоний, игум.* – см. *Антоний (Медведев), архим.*
- Антоний, игум.* – см. *Антоний (Путилов Александр Иванович), прп.*
- Антоний, иером.* – неустановленное лицо 452
- Антоний, иером.* – см. *Антоний (Путилов Александр Иванович), прп.*
- Антоний, иеросхим.* – см. *Антоний (Путилов Александр Иванович), прп.*
- Антоний, монах* – келейник архимандрита Феофана (Соколова) 80
- Антоний, о.* – см. *Антоний (Медведев), архим.*
- Антоний, о.* – см. *Антоний (Путилов Александр Иванович), прп.*
- Антоний, Преосвященный* – см. *Антоний (Знаменский), еп.*
- Аня* – см. *Шустина Анна Васильевна*
- Апеллий* – древний пустынножитель 31
- Аполлинарий (Пуляшкин) († 1818), иером.* – насельник Московского Симонова монастыря, брат иером. Филарета (Пуляшкина) 140
- Аполос, авва* – древний пустынножитель 34
- Арбенева Н.П.* – см. *Киреевская Наталья Петровна*

- Арсений († до 1893), о.* – насельник Всесвятского скита Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 57
- Арсений († 1822), монах* – насельник Симонова монастыря в Москве 59
- Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813–1879)* – публицист, издатель 189
- Астафьева Софья Михайловна* – см. *София (Астафьева) (урожд. Болотова), схимонахиня*
- Афанасий* – см. *Афанасий (Захаров), схимонах*
- Афанасий († 1830), архим.* – наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 154
- Афанасий (Захаров) († 1823/1825), схимонах* – насельник Нямецкого монастыря, ученик прп. Паисия Величковского, насельник Флорищевой Успенской и Площанской Богородицкой пустыней 59, 113, 140, 182, 184
- Афанасий (Охлопков) († 1811), схимонах* – бывший сенатский секретарь, насельник Нямецкого монастыря, ученик прп. Паисия Величковского, доставил митрополиту Гавриилу «Добротолюбие» и участвовал в его издании, с 1804 г. насельник Свенского Успенского монастыря 58, 59
- Афанасий (Протопопов) († 1842), еп.* – епископ Нижегородский и Алатырский в 1826–1832 гг. 157
- Афанасий (Степанов) († 1843/1844), иеросхим.* – насельник Оптиной Пустыни, пустынножитель рославльский с 1805 г., насельник Свенского Успенского монастыря с 1826 г. 59, 105, 106, 190
- Афанасий Афонский († 1000), прп.* – основатель Лавры прп. Афанасия Афонского 377, 379
- Афанасий Великий († 373), свт.* – архиепископ Александрийский, отец Церкви 29, 36, 37
- Афанасий, Пресвященный* – см. *Афанасий (Протопопов), еп.*
- Афанасий, св.* – см. *Афанасий Великий, свт.*
- Афанасий, старец* – неустановленное лицо 434

- Б. Лидия* – неустановленное лицо 545
- Барсов Николай Иванович (1839–1889)* – историк 135
- Барсуков Николай Платонович (1838–1906)* – археограф, историк 92
- Батый (1208–1255)* – монгольский хан, военачальник 480
- Белкин* – мнимый автор произведения А.С. Пушкина «Повести Белкина» 242
- Белова* – фельдшер 607, 608
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), граф* – шеф жандармов, начальник III собственной е. и. в. канцелярии с 1826 г., генерал 243
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948)* – религиозный философ 307–309, 535, 616
- Бессонов Петр Алексеевич (1828–1898)* – фольклорист 246, 255
- Бобрищева Лидия Николаевна (урожд. Сангушко-Загоровская) (?–1964)* – дочь прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 458
- Богданов Д.П.* – автор статьи «Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей» 615
- Бруни Лев Александрович (1894–1948)* – художник 419
- Булгак Мария Михайловна (урожд. Бартенева) (?–1914)* – начальница женской гимназии г. Гродно 403, 404
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953)* – русский писатель 394
- Бурачок Степан Онисимович (1800–1876)* – генерал-лейтенант, издатель журнала «Маяк» 189
- Быков В.П.* – публицист, автор книги «Тихие приюты для отдыха страдающей души» 429, 434, 502, 519, 555, 583, 597, 599
- В.В.* – см. *Шустин Василий, прот.*
- В., монахиня* – неустановленное лицо 453
- Валентина (Соколова) († 1919), игуменья* – третья начальница Шамординской Казанской общины и первая настоятельница Шамординской Казанской пустыни 302, 507
- Валуев Дмитрий Александрович (1820–1845)* – историк, фольклорист 261

- Ванечка, Ваня* – см. *Концевич Иван Михайлович*
- Ваня* – см. *Иосиф (Литовкин Иван Ефимович), прп.*
- Ваня* – см. *Киреевский Иван Васильевич*
- Варлаам (Давыдов) († 1848), игум.* – настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря в 1830–1833 гг., насельник Скита Оптиной Пустыни 272
- Варнава (Клыков) († 1938), монах* – келейник прп. Анатолия (Потопова) Оптинского, впоследствии иеромонах 455
- Варнава Гефсиманский († 1906), прп.* – старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры 16, 27, 40, 41, 45, 339
- Варнава, о.* – см. *Варнава (Клыков), монах*
- Варнава, старец* – см. *Варнава Гефсиманский, прп.*
- Варсануфий Великий († 563), прп.* – подвижник монастыря аввы Сериды, богослов 28–30, 34, 35, 191, 193, 588
- Варсис, иером.* – насельник Оптиной Пустыни 338
- Варсонофий († после 1911), иеродиакон* – насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 378
- Варсонофий (Плиханков Павел Иванович) (1845–1913), прп.* – начальник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 16, 32, 37, 95, 129, 237, 327, 332, 336–340, 342–345, 347–349, 351, 358–360, 362–368, 370, 373–375, 378–386, 388, 390, 392–397, 399, 401–408, 414, 416–419, 435, 471, 479, 492, 499, 509–511, 516, 587, 609–612
- Василий († 1238), князь* – удельный князь г. Козельска 95
- Василий (Кишкин) (1745–1831), иеросхим.* – насельник многих монастырей России и Афона, настоятель Белобережской пустыни в 1800–1804 гг. 60, 119
- Василий Васильевич* – см. *Шустин Василий, прот.*
- Василий Великий († 379), свт.* – архиепископ Кесарийский, богослов, Вселенский учитель 55, 137, 209
- Василий Иоаннович (1505–1533)* – великий князь Московский 20
- Василий Казимирович* – герой русских былин, богатырь 255

- Василий Поляномерульский* († 1767), схимонах – духовник нескольких мол-
довлахийских скитов, старец прп. Паисия Величковского 74, 192
- Василий, о.* – см. *Шустин Василий, прот.*
- Василий, послушник* – см. *Варнава Гефсиманский, прп.*
- Василий, св.* – см. *Василий Великий, свт.*
- Вассиан (Гаврилов)* († 1857), схимонах – насельник Оптиной Пустыни
с 1812 г. 129
- Вельтман Александр Фомич* (1800–1870) – русский писатель 252
- Веневитинов Дмитрий Владимирович* (1805–1827) – русский поэт и
литературный критик 247
- Венедикт (Дьяков)* († 1915), архим. – насельник Иоанно-Предтеченского
Скита Оптиной Пустыни, настоятель Боровского Пафнутьева
монастыря с 1903 г. 289, 297, 399
- Вениамин (Муратовский)* († 1930), еп. – епископ Калужский и Боров-
ский в 1901–1910 гг. 399
- Вениамин (Федченков)* († 1961), архиеп. – епископ Севастопольский, с
1920 г. в эмиграции, инспектор Свято-Сергиевского богословского
института в Париже, с 1932 г. архиепископ, управляющий епар-
хией Московской Патриархии в США, впоследствии митрополит
Саратовский и Балашовский, духовный писатель 28, 535
- Вениамин, Пресвященный* – см. *Вениамин (Федченков), архиеп.*
- Вера* – см. *Вишневская Серафима Николаевна*
- Вера* – см. *Ключарева Вера Васильевна*
- Виталий (Иосифов)* († 1892), еп. – епископ Калужский и Боровский
с 1890 г. 397, 398
- Вишневская Серафима Николаевна* – знакомая семьи Нилусов 441–
446, 450
- Вишневский Николай* (?–до 1909) – сын С.Н. Вишневской 443–449
- Вишневский Сергей* (в монашестве *Серафим*) († после 1941) – сын
С.Н. Вишневской 442–444, 450, 452–454
- Владимир Храбрый* (1353–1410) – удельный князь Серпуховско-
Боровский 95

Волжины – 437

Волков-Давыдов С.Д. (псевдоним – *Серапион Волкович*) – публицист 594

Волкович Серапион – см. *Волков-Давыдов С.Д.*

Володя – см. *Концевич Владимир Михайлович*

Вольфганг – неустановленное лицо 605

Вольтер (наст. имя – *Мари-Франсуа Аруэ*) (1694–1778) – французский писатель 216

Воронова Елена Андреевна (?–1916) – помощница председательницы Санкт-Петербургского дамского благотворительного тюремного комитета 380–385

Воронцов Роман Иларионович (1707–1783) – наместник Владимирской губернии, отец кн. Е.Р. Дашковой 74

Вытронский Е.К. – см. *Эраст (Вытронский), монах*

Гавриил (Зырянов) († 1915), *схиархим.* – настоятель Богородичной Седмиозерной пустыни Казанской епархии 600

Гавриил (Петров) († 1801), *митр.* – архиепископ (с 1783 г. митрополит) Санкт-Петербургский и Новгородский в 1770–1799 гг. 16, 38, 53, 57, 58, 60–63, 65, 76–79, 136, 140, 143, 164

Гавриил, старец – см. *Гавриил (Зырянов), схиархим.*

Гаврюша – орловский Христа ради юродивый 289

Гамлет – герой одноименной трагедии В. Шекспира 569

Гантимуrow († 1925) – неустановленное лицо 607

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ 221

Гелен, прп. – древний пустынножитель 30

Геннадий († 1846), *иером.* – насельник Оптиной Пустыни с 1834 г. 272

Георгий (Коссов) († 1928), *пресвитер, исп.* – настоятель Спасского храма села Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губернии 45, 457

Георгий Алексеевич Машурин (в монашестве *Стратоник*) († 1836), *послушник* – насельник Богородицкого Задонского монастыря 162, 164

- Георгий Затворник* – см. *Георгий Алексеевич Машурин*
- Георгий Победоносец* († 303), вмч. – небесный покровитель воинов 546
- Георгий, иеродиакон* – насельник Оптиной Пустыни 369, 403
- Георгий, монах* – см. *Георгий, иеродиакон*
- Герасим* († после 1907), иером. – основатель и строитель Калужского Сергиевского скита 281
- Герасим, монах* – насельник Богородицкой Сретенской Санаксарской пустыни 67
- Герасим, монах* – ученик прп. Паисия Величковского, подвижник Молчанской Софрониевой пустыни 60
- Герасим, о.* – насельник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1850-х гг. 176
- Герман* – см. *Герман Валаамский*
- Герман Аляскинский* († 1837), прп. – подвижник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, основатель монастыря «Новый Валаам» на острове Еловый (Аляска) 78, 272
- Герман Валаамский* († ок. 1353), прп. – один из основателей Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 77
- Герман Константинопольский* († 740), свт. – Патриарх Константинопольский в 715–722 гг. 39
- Герман Соловецкий* († 1479), прп. – один из основателей Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря 455
- Герман, монах* – см. *Герман Аляскинский, прп.*
- Геронтий, иером.* – насельник Оптиной Пустыни 332
- Герцен Александр Иванович* (1812–1870) – писатель и философ, один из идеологов западничества 227, 265, 266
- Гершензон Михаил Осипович* (1869–1925) – историк русской литературы и общественной мысли, биограф И.В. Киреевского 255
- Гёррес (Иоганн) Иосиф фон* (1776–1848) – немецкий публицист, историк и теолог 248
- Гизо Франсуа* (1787–1874) – французский историк и государственный деятель 146, 256

- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887)* – историк, публицист, издатель 52
- Гирс А.Ф.* – офицер Преображенского полка 244
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857)* – русский композитор 243
- Глухарев* – см. *Макарий (Глухарев), архим.*
- Г-м* – неустановленное лицо 535
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852)* – русский писатель 91, 189, 242–244, 252, 519, 586, 612, 613, 615, 619
- Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь* – министр духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. 117, 121, 147, 148
- Голубинский Федор (1797–1854), прот.* – философ и богослов, профессор Московской Духовной Академии 169
- Гораций* – герой трагедии В. Шекспира «Гамлет» 570
- Горький Максим (наст. имя – Пешков Алексей Максимович) (1868–1936)* – русский, советский писатель, публицист 367
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855)* – историк, профессор Московского университета, общественный деятель 227, 266
- Грасье А.* – французский филолог-славист 228
- Гренков Александр Михайлович* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*
- Гренков Михаил Федорович* – отец прп. Амвросия Оптинского 268
- Гренков Николай Михайлович* – брат прп. Амвросия Оптинского 269
- Гренков Петр Михайлович* – брат прп. Амвросия Оптинского 269
- Гренков Феодор, свящ.* – настоятель Троицкого храма с. Большая Липовица Тамбовской губернии, дед прп. Амвросия Оптинского 268
- Гренкова Марфа Николаевна* – мать прп. Амвросия Оптинского 268
- Григорий (Ермаков) († 1938), рясофорный монах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни с 1910 г., келейник прп. Варсонофия Оптинского, впоследствии иером. Геронтий 347

- Григорий (Миткевич) (1807–1881), архиеп.* – епископ (с 1869 г. архиепископ) Калужский и Боровский с 1851 г. 488, 489
- Григорий Богослов, Назианзин († 389), свт.* – архиепископ Константинопольский, богослов, Вселенский учитель 137, 159
- Григорий Палама († ок. 1360), свт.* – архиепископ Солунский, богослов, отец Церкви 90
- Григорий Синаит (XIV), прп.* – подвижник монастырей Синая, Афона и Фракии, богослов 192, 206
- Григорий († 1862), схимонах* – подвижник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 40
- Григорий, архиеп.* – см. *Григорий (Миткевич), архиеп.*
- Григор-Клочко Иоанн (1892–1973), прот.* – священник православного храма в г. Савоие (Франция) 306
- Грозный* – см. *Иван IV Васильевич Грозный*
- Д.* – 554
- Д. Михаил* – студент Московского университета в 1918 г. 555
- Давид († 950 до Р.Х.), прор.* – царь Израильский, Псалмопевец, пророк 35, 212, 367, 493, 534
- Давыдов Денис Васильевич (1784–1839)* – герой Отечественной войны 1812 г., русский поэт и писатель 242
- Даль Владимир Иванович (1801–1872)* – русский писатель, языковед и этнограф 252
- Дамиан, бесср. и чудотв.* – см. *Косма и Дамиан Азийские, св.*
- Даниил († 1835), игум.* – строитель Оптиной Пустыни в 1819–1825 гг. 97, 105
- Даниил († 1865), монах* – подвижник Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 41
- Даниил (Болотов) († 1907), иером.* – художник, насельник Оптиной Пустыни с 1886 г. 302, 403
- Данило Ловчанин* – герой русских былин, богатырь 255
- Дантес Жорж Шарль (Геккерен) (1812–1895), барон* – французский монархист, убийца А.С. Пушкина 244

- Дашкова Екатерина Романовна (урожд. Воронцова) (1743–1810), княгиня* – директор Петербургской Академии Наук и президент Российской Академии в 1783–1796 гг. 61
- Демидов, прот.* – неустановленное лицо 607
- Демочка* – см. *Дёма*
- Денежкин Андрей Ефимович* – вероятно, сын Е. Денежкина 536
- Денежкин Ефим* – хозяин дома в с. Холмищи Калужской губернии, где жил прп. Нектарий Оптинский 527, 575, 578
- Денежкина Мария Ефимовна* – дочь Е. Денежкина 575–577
- Дергачев* – мальчик, исцеленный по молитвам еп. Ионы (Покровского) 607
- Дёма* – адресат и друг И.М. Концевича 441, 461
- Диадок Фотикийский (V), свт.* – епископ Фотики, духовный писатель 29
- Димитрий Ростовский († 1709), свт.* – митрополит Ростовский и Ярославский, духовный писатель 182, 232, 233, 539
- Дионисий Ареопагит († 96), ап. от 70-ти, сщмч.* – первый епископ Афинский, богослов 90
- Дмитриев Иван Иванович (1760–1837)* – поэт, баснописец 219
- Дмитриев-Мамонов Эмануил (Мануил) Александрович (1823/24–1880/83)* – русский художник, портретист 260
- Добрыня Никитич* – герой русских былин, богатырь 255, 259
- Долгов Афанасий Иванович* – московский купец, благотворитель Московского Симонова и Нямецкого монастырей 76
- Дондукова-Корсакова Мария Михайловна (1828–1909), княжна* – председательница Санкт-Петербургского дамского благотворительного тюремного комитета 381–383
- Дорофей* – вероятно, *Досифей († 1828), монах*
- Дорофей Палестинский († 620), прп.* – подвижник монастыря аввы Серида, основатель монастыря близ Газы, богослов, отец Церкви 102, 131, 186, 193, 211, 212
- Дорофей, авва* – см. *Дорофей Палестинский, прп.*

- Дорофей, св.* – см. *Дорофей Палестинский, прп.*
- Досифей* – см. *Досифей, монах*
- Досифей († 1900), архим.* – настоятель Оптиной Пустыни в 1894–1899 гг. 370
- Досифей († 1828), монах* – пустынножитель рославльский 60, 106, 190
- Досифей, о.* – неустановленное лицо 522, 575, 576
- Досифей, старец* – см. *Досифея (Тяпкина), прп.*
- Досифей, схимник* – см. *Досифея (Тяпкина), прп.*
- Досифея (Тараканова/Разумовская) († 1810), монахиня* – затворница Московского Ивановского монастыря 98, 141, 142
- Досифея (Тяпкина) († 1776), прп.* – Киевская затворница, известная под именем старца Досифея 57, 68, 83
- Досифея, старица* – см. *Досифея (Тараканова/Разумовская), монахиня*
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881)* – русский писатель 129, 236, 310, 555, 612, 615–617
- Дроздов Василий* – см. *Филарет (Дроздов), свт.*
- Дунай Иванович* – герой русских былин, богатырь 255
- Дутов Александр Ильич (1879–1921)* – генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, с 1917 г. председатель Всероссийского союза казачьего войска 602
- Ева, св. праматерь* – жена Адама 366, 570
- Евагрий* – древний пустынножитель 29, 30
- Евдоким (в схиме Евфимий) († 1829), иером.* – насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, впоследствии духовник монастыря 120
- Евдоким, о.* – см. *Евдоким (в схиме Евфимий), иером.*
- Евлогий (Георгиевский) († 1946), митр.* – митрополит Волынский и Житомирский, управляющий русскими приходами в Западной Европе с 1921 г. 535
- Евпраксия, монахиня* – насельница Дивеевской общины 83

- Евфимий* († 1792), архим. – настоятель Тихвинского Успенского монастыря в 1766–1788 гг. 75
- Евфимий*, иером. – насельник Оптиной Пустыни 180
- Евфросиния* (Розова), монахиня – начальница Шамординской Казанской общины с 1888 г. 302, 304
- Евфросиния*, игуменья – см. *Евфросиния* (Розова), монахиня
- Егор Чекряковский* – см. *Георгий* (Коссов), пресвитер, исп.
- Егор*, иерей – см. *Георгий* (Коссов), пресвитер, исп.
- Екатерина* – см. *Екатерина II*
- Екатерина II* (1729–1796) – российская императрица с 1762 г. 52, 61, 63, 78, 80, 141, 618, 619
- Екатерина Ивановна* – см. *Сангушко-Загоровская Екатерина Ивановна*
- Елагин Алексей Андреевич* (1790–1846) – участник Отечественной войны 1812 г., отчим И.В. и П.В. Киреевских 220, 246, 261, 264
- Елагин Василий Алексеевич* (1818–1879) – единоутробный брат И.В. и П.В. Киреевских, историк, публицист 267
- Елагин молодой* – см. *Елагин Василий Алексеевич*
- Елагина Авдотья* (Евдокия) *Петровна* (урожд. Юшкова, в первом браке *Киреевская*) (1789–1877) – мать братьев И.В. и П.В. Киреевских, хозяйка литературного салона 219, 220, 250, 260
- Елагина Екатерина Ивановна* (1820–1890) – супруга В.А. Елагина 267
- Елагины* – 267
- Елена Александровна* – см. *Нилус Елена Александровна* (урожд. *Озерова*)
- Елисавета Николаевна* – см. *Литвинова Елисавета Николаевна*
- Елисавета Петровна* (1709–1761) – Российская императрица с 1741 г. 141, 244
- Елисей* (IX до Р.Х.), прор. – ветхозаветный пророк 274, 418
- Ефрем Сирин* († ок. 373/379), прп. – подвижник Низибийский и Едесский, богослов и гимнограф, отец Церкви 71

- Жевахов (Джавахишвили) Николай Давидович (1874–1938)*, князь – товарищ обер-прокурор Святейшего Синода в 1916–1917 гг. 425, 429
- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852)* – русский поэт 220, 221, 250
- Жуковский Николай Архипович* – житель г. Голутвина Московской губернии 361
- З., монах* – бывший насельник Оптиной Пустыни 573
- Загоровские* – см. *Сангушко-Загоровские*
- Загоровский Коля* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Загоровский Николай, прот.* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Загоровский* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Зайцева Матрона* – см. *Николая (Зайцева), монахиня*
- Закхей* – евангельский мытарь 585
- Зандер Лев Александрович (1893–1964)* – философ и литературовед, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже 616
- Затворник Вышенский* – см. *Феофан Затворник Вышенский, свт.*
- Зедергольм Карл* – см. *Климент (Зедергольм), иером.*
- Зеньковский Василий (1881–1962)*, прот. – религиозный философ, богослов 224–226, 229, 230, 616
- Зерцалов Алексей Моисеевич* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич), прп.*
- Златоуст* – см. *Иоанн Златоуст, свт.*
- Зосима (VI), прп.* – епископ Вавилона Египетского, духовный писатель 206
- Зосима, св.* – см. *Зосима, прп.*
- Зосима, старец* – персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 236, 340, 616, 617
- Зюсьбир* – управляющий сахарным заводом Киреевских 218

И.М. – см. *Концевич Иван Михайлович*

Иак. – см. *Иаков, ап. от 70-ти, сщмч.*

Иаков († ок. 63), *ап. от 70-ти, сщмч.* – первый епископ Иерусалимский, брат Господа нашего Иисуса Христа по плоти 200, 212, 427

Иаков (Миляев) (в монашестве *Иоаким*), *рясофорный монах* – келейник прп. Льва Оптинского 131

Иаков, монах – насельник Оптиной Пустыни 291, 293, 294

Иаков, о. – см. *Иаков (Миляев)* (в монашестве *Иоаким*), *рясофорный монах*

Иаков, св. праотец – сын св. праотца Исаака, ветхозаветный патриарх 480

Иассон (в схиме *Иоанн*), *игум.* – подвижник Глинской Богородицкой пустыни, составитель жизнеописаний глинских старцев 60

Иван – см. *Иосиф (Литовкин Иван Ефимович)*, *прп.*

Иван – см. *Киреевский Иван Васильевич*

Иван Васильевич – см. *Иван IV Васильевич Грозный*

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) – первый русский царь с 1547 г. 255

Иван Годинович – герой русских былин, богатырь 255

Иван Гостиный сын – герой русских былин, богатырь 255

Иван Михайлович – см. *Концевич Иван Михайлович*

Иван, рясофорный монах – см. *Иаков, монах*

Иванов Николай Михайлович (?–1806) – отец прп. Макария Оптинского 181

Иванова Елисавета Алексеевна (?–1797) – мать прп. Макария Оптинского 181

Игнатий († 1796), *архим.* – насельник Санаксарской и Введенской Островской пустыней, с 1778 г. строитель Введенской Островской пустыни, строитель Пешношского Николаевского монастыря с 1781 г., настоятель (в сане архимандрита) Тихвинского Успенского монастыря с 1788 г., Московского Симонова монастыря с 1795 г. 58, 59, 67, 68, 70, 75, 76

- Игнатий (Брянчанинов) († 1867), свт.* – епископ Кавказский и Черноморский в 1857–1861 гг., духовный писатель 18, 19, 45, 131, 325, 394, 398
- Игнатъева Софья Сергеевна (1852–1944), графиня* – хозяйка политического салона в Петербурге 404
- Иеремия (VI до Р.Х.), прор.* – великий ветхозаветный пророк 597
- Иероним (Соломенцев) († 1885), иером.* – духовник русского Пантелеимонова монастыря на Афоне 307, 309
- Иероним, еп.* – неустановленное лицо 68
- Извольский Владимир (1890–1930), прот.* – священник из г. Чаньчуня (Маньчжурия) 604
- Иларион (в монашестве Иоанникий, в схиме Иларион) († 1860), рясофорный монах* – пустынножитель рославльский, один из первых насельников Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 60, 105
- Иларион (Пономарев Родион Никитич) (1805–1873), прп.* – начальник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 42, 43, 176–178
- Иларион Троекуровский († 1853), прп.* – затворник в с. Троекурово Тамбовской губернии 271
- Иларион, Затворник* – см. *Иларион Троекуровский, прп.*
- Иларион, о.* – см. *Иларион (Пономарев Родион Никитич), прп.*
- Иларион, схимонах* – автор книги «На горах Кавказа» 522
- Илиодор († 1908), иером.* – насельник Оптиной Пустыни, благочинный 368–370, 401
- Илиодор (Голованицкий) († 1879), схиархим.* – насельник Глинской Богородицкой пустыни 60
- Илидор, архим.* – см. *Илиодор (Голованицкий), схиархим.*
- Илия (IX до Р.Х.), прор.* – великий ветхозаветный пророк 418, 549
- Илия Муромец († ок. 1188), прп.* – подвижник Киево-Печерской Лавры, герой русских былин, богатырь 255

- Ильин Иван Александрович (1882–1954)* – религиозный философ, правовед, публицист 256
- Ильин Павел* – юноша, исцеленный по молитвам св. прав. Иоанна Кронштадтского и прп. Варсонофия Оптинского 375–379
- Илья* – кучер императора Александра I 121
- Илья Муромец* – см. *Илия Муромец, прп.*
- Илюша* – см. *Картошкин Илья*
- Ин.* – см. *Иоанн Богослов, ап. из 12-ти*
- Иннокентий († 1861), иером.* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни с 1843 г. 272
- Иннокентий (Морувев) († 1828), игум.* – настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря в 1801–1823 гг. 77, 120
- Иннокентий (Павлов) († 1961), игум.* – насельник Оптиной Пустыни, в эмиграции жил в Германии и Бразилии 362, 365, 392
- Иннокентий (Смирнов) († 1819), еп.* – епископ Пензенский в 1819 г. 117, 139, 144, 145
- Иннокентий (Фигуровский) († 1931), архиеп.* – начальник Китайской духовной миссии с 1896 г., архиепископ Пекинский с 1918 г. 602
- Иннокентий Пензенский* – см. *Иннокентий (Смирнов), еп.*
- Иннокентий, архиеп.* – см. *Иннокентий (Фигуровский), архиеп.*
- Иннокентий, архим.* – см. *Иннокентий (Смирнов), еп.*
- Иннокентий, игум.* – см. *Иннокентий (Морувев), игум.*
- Иннокентий, иером.* – насельник Оптиной Пустыни, казначей 392
- Иннокентий, инок* – вероятно, *Иннокентий (Морувев), игум.*
- Иоаким, иером.* – см. *Иаков (Миляев) (в монашестве Иоаким), рясофорный монах*
- Иоаким, св. прав.* – отец Пресвятой Богородицы 531
- Иоанн* – см. *Иоанн Предтеча, Пророк и Креститель Господень*
- Иоанн* – см. *Иоанн Пророк, Безмолвник, прп.*
- Иоанн (Малиновский) († 1849), иеросхим.* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни с 1834 г., расколовед 166, 272

Иоанн Богослов († нач. II), ап. из 12-ти – апостол, евангелист 15, 19, 27, 28, 36, 43, 137, 139, 148, 199, 211, 234, 335, 530, 531, 540, 549, 593, 614

Иоанн Златоуст († 407), свт. – архиепископ Константинопольский, богослов, Вселенский учитель 22, 104, 203, 209, 461, 498

Иоанн Креститель – см. *Иоанн Предтеча, Пророк и Креститель Господень*

Иоанн Кронштадтский († 1908), св. прав. – протоиерей, настоятель Андреевского собора в г. Кронштадте, проповедник, духовный писатель 32, 45, 129, 169, 170, 319, 322, 332, 337, 338, 340, 351, 374–381, 509, 565, 609, 610, 619

Иоанн Лествичник († 649), прп. – настоятель Синайского монастыря, богослов, отец Церкви 33, 71, 94, 101, 205, 206, 209, 212, 275, 276, 281, 315, 617

Иоанн Пешношский – подвижник Пешношского Николаевского монастыря 96

Иоанн Предтеча († ок. 29), Пророк и Креститель Господень – святой покровитель Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 27, 44, 107, 341, 377

Иоанн Пророк, Безмолвник (VI), прп. – ученик и сподвижник прп. Варсануфия Великого 28–30, 34, 191, 193, 588

Иоанн Рыльский († 946), прп. – пустынножитель, основатель Рыльского монастыря в Болгарии, небесный покровитель св. прав. Иоанна Кронштадтского 377, 379

Иоанн, иеросхим. – см. *Иоанн (Малиновский), иеросхим.*

Иоанн, монах – прадед прп. Макария Оптинского 181

Иоанн, о. – см. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.*

Иоанн, прп. – древний пустынножитель 30

Иоанна, монахиня – насельница Успенского монастыря в Чили (Южная Америка) 565

Иоанникий († 1913), архим. – настоятель Тихвинского Успенского монастыря 374

- Иоасаф (Болотов) († 1799), архим.* – насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, начальник духовной миссии на Алеутских островах 78
- Иоасаф, иером.* – насельник Саровской пустыни, ложный ученик прп. Серафима Саровского 162
- Иов (Потемкин) († 1823), еп.* – епископ Екатеринославский с 1812 г. 145
- Иоиль (Токарев), монах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 328, 330
- Иона* – см. *Исаия (Путилов), игум.*
- Иона (Василевский) († 1849), митр.* – епископ Тамбовский в 1812–1821 гг., архиепископ (с 1828 г. митрополит) Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии с 1821 г. 164
- Иона (Покровский) († 1925), еп.* – епископ Ханькоуский с 1922 г. 600–604, 608
- Иона Ханькоуский* – см. *Иона (Покровский), еп.*
- Иона, митр.* – см. *Иона (Василевский), митр.*
- Иона, о.* – неустановленное лицо 75
- Иона, о.* – см. *Иона (Покровский), еп.*
- Иосиф* – см. *Иосиф (Литовкин Иван Ефимович), прп.*
- Иосиф (I), св. прав.* – Обручник Пресвятой Богородицы 540
- Иосиф (Литовкин Иван Ефимович) (1837–1911), прп.* – иеросхимонах, келейник прп. Амвросия Оптинского, начальник Иоанно-Предтеченского Скита с 1894 г., старец Оптиной Пустыни 95, 279, 287, 292, 312–319, 321, 322, 327, 330, 341–343, 392, 397, 398, 401–403, 434, 499, 500, 510, 584
- Иосиф (Невский) († после 1927), архим.* – настоятель Валдайского Иверского монастыря, с 1921 г. епископ Валдайский, викарий Новгородской епархии 374
- Иосиф (Полевой), иеродиакон* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 287, 521–523, 531
- Иосиф Волоцкий († 1515), прп.* – основатель Иосифо-Волоцкого монастыря, духовный писатель 20

Иосиф Чудотворец – см. *Иосиф Волоцкий, прп.*

Иосиф, иером. – строитель Оптиной Пустыни в 1794–1795 гг. 96

Иосиф, о. – см. *Иосиф (Полевой), иеродиакон*

Иринеи (Клементьевский) († 1818), архиеп. – архиепископ Псковский и Рижский в 1798–1814 гг. 64

Исаак Сирин († VI), прп. – епископ Ниневийский, богослов, отец Церкви 28, 94, 188, 194, 203, 205, 207, 208, 212, 423

Исаак Сирский – см. *Исаак Сирин, прп.*

Исаак, старец – см. *Исаак Сирин, прп.*

Исаакий (Антимонов Иван Иванович) (1810–1894), прп. – настоятель Оптиной Пустыни с 1862 г. в сане игумена (с 1885 г. в сане архимандрита), старец Оптиной Пустыни 42, 278, 369, 370, 498

Исаакий (Бобраков/Бобриков Иван Николаевич) (1865–1938), прмч. – иеромонах Оптиной Пустыни, уставщик, архимандрит, последний настоятель Оптиной Пустыни, старец Оптиной Пустыни 392, 405, 406, 420, 523

Исаакий Второй, о. – см. *Исаакий (Бобраков/Бобриков Иван Николаевич), прмч.*

Исаакий, игум. – см. *Исаакий (Антимонов Иван Иванович), прп.*

Исаакий, иером. – см. *Исаакий (Бобраков/Бобриков Иван Николаевич), прмч.*

Исаия († 1913), иером. – келейник прп. Амвросия Оптинского 392

Исаия (VIII до Р.Х.), прор. – великий ветхозаветный пророк 26, 37

Исаия (Путилов) († 1858), игум. – настоятель Саровской Пустыни с 1842 г., родной брат прпп. Моисея и Антония Оптинских 98, 142, 165

Исаия Нитрийский († 370), прп. – пустынножитель египетский, богослов 193

Исаия, авва – см. *Исаия Нитрийский, прп.*

Исидор – см. *Мошкин Исидор*

Исихий Пресвитер, Богослов († 432/434), прп. – пресвитер Иерусалимский, духовный писатель, проповедник 192, 534

- Иуда Искариот* – предатель Господа нашего Ииуса Христа 198
- Иулиания, монахиня* – насельница Успенского монастыря в Чили (Южная Америка) 565
- Иустина Антиохийская († 304), мц.* – молитвой и крестным знаменем боролась с чародейством 174
- К.* – неустановленное лицо 78, 79
- К.* – неустановленное лицо 142
- К., о.* – неустановленное лицо 180
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885)* – историк, правовед, профессор Санкт-Петербургского университета, мемуарист 252, 266, 267
- Кавелин Л.* – см. *Леонид (Кавелин), архим.*
- Казанский Петр Симонович (1819–1878)* – историк, профессор Московской Духовной Академии 36, 38, 151, 157
- Калашников* – герой произведения М.Ю. Лермонтова «Песнь о купце Калашникове» 243
- Каллиник, монах* – пустынножитель молдавлахийский и российский, пострижник прп. Паисия Величковского 145
- Калыгин Василий Полиевктович (1795–1878)* – калужский помещик, бывший владелец усадьбы Шамордино 299
- Каплан Фанни Ефимовна (1890–1918)* – революционерка-анархистка 558
- Карамазовы* – 236, 240, 617
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826)* – историк, писатель, критик 219
- Карбоньер А.Д.* – жительница г. Козельска, исцеленная по молитвам прп. Амвросия Оптинского 289
- Кардек Алан (наст. имя – Ипполит Леон Денизар-Ривайль) (1804–1869)* – французский спирит, педагог 593
- Карташев Антон Владимирович (1875–1960)* – публицист, историк Церкви 46, 48
- Картошкин Илья* – знакомый архим. Амвросия (Коновалова) 421

- Карцова Елена* – см. *Концевич Елена Юрьевна*
- Китриан (Керн) († 1960), архим.* – богослов, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже 90
- Киреев Александр Алексеевич (1838–1910)* – генерал от кавалерии, писатель, публицист 386
- Киреевская Авдотья Петровна* – см. *Елагина Авдотья (Евдокия) Петровна*
- Киреевская Мария Васильевна (1811–1859)* – сестра И.В. и П.В. Киреевских 246, 262
- Киреевская Наталья Петровна (урожд. Арбенева) (1809–1900)* – супруга И.В. Киреевского – 143, 190, 191, 221, 222, 237–239
- Киреевские* – 58, 189, 190, 194, 220, 227, 246, 247, 249, 266, 612
- Киреевский* – см. *Киреевский Иван Васильевич*
- Киреевский Василий Иванович (1773–1812)* – помещик с. Долбино, отец И.В. и П.В. Киреевских 216–220
- Киреевский Иван Васильевич (1806 – 1856)* – философ, литературный критик, публицист 91, 94, 140, 143, 169, 189, 215, 216, 220, 222–232, 234–240, 246, 247, 249, 253, 255, 259–261, 264, 267, 307, 364, 586
- Киреевский Петр Васильевич (1808–1856)* – фольклорист, археограф, публицист 222, 227, 239, 241, 242, 246–267, 619
- Кирилл* – см. *Кирилл Радонежский, прп.*
- Кирилл (Смирнов) († 1937), смчч.* – митрополит Казанский и Свияжский с 1920 г. 574
- Кирилл Белозерский († 1427), прп.* – основатель Кирилло-Белозерского Успенского монастыря 74
- Кирилл Радонежский († ок. 1337), прп.* – схимонах, отец прп. Сергия Радонежского 443
- Кирилл, митр.* – см. *Кирилл (Смирнов), смчч.*
- Клава, Клавдия* – см. *Ксения, монахиня*
- Клеона († 1778), иером.* – настоятель Введенской Островской пустыни в 1761–1760 и в 1777–1778 гг., ученик прп. Паисия Величковского 58, 59, 70, 71, 73, 82, 114

- Клеопа* († 1816), *иеросхим.* – насельник молдавляхийских и русских монастырей, ученик прп. Паисия Величковского, духовный отец прп. Льва Оптинского 57, 98, 113, 114, 117, 120, 145
- Клеопа, о.* – см. *Клеопа, иеросхим.*
- Клеопа, старец* – см. *Клеопа, иером.*
- Клеопа, старец* – см. *Клеопа, иеросхим.*
- Климент* (*Зедергольм Карл Густав Адольф, в Православии Константин*) († 1878), *иером.* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита с 1862 г. 189, 192, 279, 311, 325
- Ключарев Василий Федорович* – калужский помещик, сын Ф.З. Ключарева 299
- Ключарев молодой* – см. *Ключарев Василий Федорович*
- Ключарев Федор Захарович* (?–1872) – калужский помещик, супруг А.Н. Ключаревой, послушник Иоанно-Предтеченского Скита с 1860 г., духовный сын прп. Амвросия Оптинского 299
- Ключарева Александра Николаевна* – см. *Амвросия (Ключарева), монахиня*
- Ключарева Вера Васильевна* (?–1883) – дочь В.Ф. Ключарева 300, 301
- Ключарева Любовь Васильевна* (?–1883) – дочь В.Ф. Ключарева 300, 301
- Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) – историк, профессор Московской Духовной Академии и Московского университета 258
- Кольцов Алексей Васильевич* (1809–1842) – русский поэт 252
- Колосик, Коля* – см. *Вишневикий Николай*
- Коля* – см. *Нектарий (Тихонов Николай Васильевич), прп.*
- Коля* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Комарович Василий Леонидович* (1894–1942) – литературовед, фольклорист, профессор Санкт-Петербургского университета 572, 574
- Комаровский Егор Евграфович* (1802–1875), *граф* – друг братьев Киреевских 247

- Константин (Зайцев) († 1975), архим.* – экономист, юрист, филолог, богослов, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (США) 135
- Концевич А.К.* – см. *Нектария (Концевич), монахиня*
- Концевич Владимир Михайлович (?–1914)* – брат И.М. Концевича 440, 519
- Концевич Елена Юрьевна (урожд. Карцова) (1893–1989)* – супруга автора книги И.М. Концевича 323, 437
- Концевич Иван Михайлович (1893–1965)* – автор книги 127, 179, 195, 229, 287, 323, 390, 391, 419, 440, 441, 457, 458, 461, 462, 518
- Концевич Олег Михайлович (в монашестве Нектарий) (1905–1983)* – брат И.М. Концевича, впоследствии епископ Сеатлийский, викарий Западно-Американской епархии 440, 522, 526–529, 534, 545–547
- Копьев Алексей Моисеевич* – см. *Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич), прп.*
- Копьев Моисей, диакон* – отец прп. Анатолия (Зерцалова) Оптинского 324
- Копьева Анна Сергеевна* – мать прп. Анатолия (Зерцалова) Оптинского 324
- Корнилий Комельский († 1537), прп.* – основатель Корнилиева Комельского Введенского монастыря 74
- Косма и Дамиан Азийские (III), св.* – врачи, родные братья, бессеребренники и чудотворцы 219
- Кошелев Александр Иванович (1806–1883)* – общественный деятель, публицист, друг И.В. Киреевского 220, 223, 226, 247, 264
- Крутиков Павел Алексеевич* – послушник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни с 1903 г. 365
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844)* – русский писатель, баснописец 243, 280
- Ксения, монахиня* – насельница Успенского монастыря в Чили (Южная Америка) 563–565

- Ксенофонт* – раскольник, перешедший в Православие, впоследствии насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 62
- Ксенофонт* († 1914/1915), архим. – настоятель Оптиной Пустыни (с 1904 г. в сане архимандрита) с 1899 г. 362, 369, 392, 403–405
- Ксюнин Алексей Иванович* (1880–1937) – писатель и журналист 394–396
- Кукша Печерский* (XIII), иером., сщмч. – просветитель вятичей 95
- Кульнев Николай Яковлевич* – генерал 125
- Л.* – математик, приват-доцент Московского университета, духовный сын прп. Варсонофия Оптинского 354
- Л.* – неустановленное лицо 548
- Лабзин Александр Федорович* (1766–1825) – поэт, издатель, деятель Библейского общества 147
- Лаврентий Калужский* († 1515), блж. – Христа ради юродивый 366
- Лаврентий Римский* († 258), сщмч. – архидиакон 388
- Ларина Татьяна* – героиня произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 247
- Лебедев Петр Николаевич* (1866–1912) – математик, физик, профессор Московского университета 354
- Лев* (*Наголкин Лев Данилович*) (*в монашестве Леонид*) (1768–1841), прп. – иеросхимонах, духовник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 16, 42, 57, 94, 98, 99, 113, 116–127, 129–132, 133, 145, 164, 165, 176, 182, 184, 235, 238, 239, 272–274, 276, 310, 312, 343, 471, 600
- Лев V Армянин* (?–820) – византийский император с 813 г., иконоборец 24
- Лев Армянин* – см. *Лев V Армянин*
- Лев Николаевич* – см. *Толстой Лев Николаевич*
- Лев, о.* – см. *Лев* (*Наголкин Лев Данилович*) (*в монашестве Леонид*), прп.
- Левашев Павел* (1866–1937), прот. – духовный писатель, ученик св. Иоанна Кронштадтского, духовный писатель 319, 322, 323

- Левочка, Левушка* – см. *Толстой Лев Николаевич*
- Лея* – воспитанница А.К. Концевич 528
- Ленин (наст. имя – Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924)* – политический деятель, лидер партии большевиков 558
- Леонид (Кавелин) († 1891), архим.* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита в 1852–1857 гг., впоследствии наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в сане архимандрита, историк Церкви, духовный писатель, автор «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной Пустыни» 126, 189, 192
- Леонид (Краснопевков) († 1876), еп.* – епископ Дмитровский, викарий Московской епархии в 1859–1876 гг., с 1876 г. архиепископ Ярославский 138, 146, 153, 154, 159, 172
- Леонид, в схиме Лев (Наголкин), иером.* – см. *Лев (Наголкин Лев Данилович) (в монашестве Леонид), прп.*
- Леонид, о.* – см. *Леонид (Кавелин), архим.*
- Леонид, о.* – см. *Лев (Наголкин Лев Данилович) (в монашестве Леонид), прп.*
- Леонида (Литовкина), монахиня* – насельница Борисовской пустыни, сестра прп. Иосифа Оптинского 313, 316
- Леонтьев Константин Николаевич (в монашестве Климент) (1831–1891)* – русский писатель и философ, публицист, литературный критик 226, 227, 236, 307–311, 364, 612
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841)* – русский поэт 243, 311
- Ливерий († 1824), иеросхим.* – пустынножитель молдовлахийский и российский, постриженник прп. Паисия Величковского 60, 145
- Лидя Б.* – см. *Б. Лидия*
- Лидия, монахиня* – духовная дочь прп. Нектария Оптинского 565
- Липочка* – см. *Рагозина Олимпиада Федоровна*
- Литвинова Елисавета Николаевна (1868–1946)* – общественная деятельница русской эмиграции 604
- Литовкин Семен Ефимович* – брат прп. Иосифа Оптинского 313
- Лк.* – см. *Лука, ап. от 70-ти*

- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765)* – ученый и общественный деятель, поэт, художник, историк 258
- Лопухин* – супруг С.М. Лопухиной 361
- Лопухина София Михайловна (урожд. Осоргина)* – духовная дочь прп. Варсонофия Оптинского 361
- Лосский Владимир Николаевич (1903–1958)* – философ, богослов 136, 137
- Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965)* – философ, автор «Истории русской философии» 215, 216
- Лот (2000 г. до Р.Х.), св.* – племянник св. праотца Авраама 288
- Лука (I), ап. от 70-ти* – апостол, евангелист 102, 148, 201, 207, 208, 289, 371, 449, 524, 557, 586
- Лука, о.* – ученик иером. Клеопы, впоследствии насельник Давидовой пустыни 73
- Любовь* – см. *Ключарева Любовь Васильевна*
- Ляпунтин* – вероятно, *Ляпунтин Василий Алексеевич († 1942)* – хирург 603, 608
- Лясковский Валерий Николаевич (1858–1938)* – историк, писатель-краевед, биограф братьев Киреевских 227, 249, 260–262, 266
- М.* – неустановленное лицо 529
- М., инокия* – духовная дочь свт. Макария (Невского) 501
- Магдалина, монахиня* – насельница Свято-Троицкого Серафимов-Дивеевского монастыря 85
- Магдалина, монахиня* – см. *Ноздрина Ульяна*
- Маевский В.* – историк, публицист 146
- Макарий* – см. *Макарий (Брюшков), схиархим.*
- Макарий* – см. *Макарий (Иванов Михаил Николаевич), прп.*
- Макарий (Брюшков) († 1811), схиархим.* – насельник Санаксарской и Введенской Островской пустыней, Пешношского Николаевского монастыря, настоятель Пешношского Николаевского монастыря с 1788 г. 58, 67, 70, 96, 97

- Макарий (Глухарев) († 1847), архим.* – основатель Алтайской духовной миссии, настоятель Болховского Свято-Троицкого Оптиного монастыря 60, 137, 139, 145, 146, 433
- Макарий (Иванов Михаил Николаевич) (1788–1860), прп.* – иеросхимонах, начальник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 42, 58, 94, 98, 111, 114, 122, 123, 131, 132, 146, 165–168, 176–184, 187–192, 194–196, 198, 214, 215, 223, 235, 237–239, 260, 272–278, 307, 312, 324–326, 331, 343, 354, 364, 366, 456, 600, 612, 613
- Макарий (Невский) († 1926), свт.* – митрополит Московский и Коломенский в 1912–1917 гг. 501, 505–507, 509
- Макарий (Сушкин) († 1889), архим.* – настоятель русского Пантелеимонова монастыря на Афоне 307, 309
- Макарий (Троицкий) († 1906), еп.* – епископ Калужский и Боровский в 1895–1901 гг. 497
- Макарий Великий, Египетский († 390/391), прп.* – пустынножитель египетский, отец Церкви 29, 89, 94, 182, 204, 206
- Макарий Пешиношский* – см. *Макарий (Брюшков), схиархим.*
- Макарий, архим.* – см. *Макарий (Глухарев), архим.*
- Макарий, владыка* – см. *Макарий (Троицкий), еп.*
- Макарий, митр.* – см. *Макарий (Невский), свт.*
- Макарий, о.* – см. *Макарий (Брюшков), схиархим.*
- Макарий, о.* – см. *Макарий (Иванов Михаил Николаевич), прп.*
- Макарий, о.* – см. *Макарий (Сушкин), архим.*
- Макарий, св.* – см. *Макарий Великий, Египетский, прп.*
- Макарий, старец* – см. *Макарий (Иванов Михаил Николаевич), прп.*
- Макарий, старец* – см. *Макарий (Невский), свт.*
- Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957)* – адвокат, один из лидеров партии кадетов 390, 394, 395
- Маковеев, протодиакон* – неустановленное лицо 606
- Маковицкий Душан Петрович (1866–1921)* – врач семьи Л.Н. Толстого 391
- Максим Исповедник († 662), прп.* – богослов, учитель Церкви 90, 193

- Максим циник* – пресвитер Александрийский, ложный ученик свт. Григория Богослова 159
- Максимилла, монахиня* – насельница Московского Вознесенского монастыря 103
- Максимович М.Н.* – супруга варшавского генерал-губернатора К.К. Максимовича 341, 404
- Максимович Михаил Александрович (1804–1873)* – биолог, историк и филолог, профессор Киевского университета 91, 189, 221, 247
- Малинин Василий Николаевич* – филолог, профессор Киевской Духовной Академии 19
- Маня* – см. *Денежкина Мария Ефимовна*
- Мария* – см. *Мария Радонежская, прп.*
- Мария (Ушакова) († 1904), игуменья* – последняя начальница Дивеевской общины и первая игуменья в Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря 162
- Мария Васильевна* – см. *Шустина Мария Васильевна*
- Мария Египетская († 522), прп.* – пустынножительница египетская 429
- Мария Ефимовна* – см. *Денежкина Мария Ефимовна*
- Мария Николаевна* – см. *Толстая Мария Николаевна*
- Мария Радонежская († ок. 1337), прп.* – схимонахиня, мать прп. Сергия Радонежского 443
- Мария, монахиня* – духовная дочь прпп. Анатолия и Нектария Оптинских 456, 536, 566, 567, 578, 579
- Марк († 63), ап. от 70-ти* – апостол, евангелист 148, 149, 549, 599
- Марк († 1817), схимонах* – подвижник Саровской Пустыни, пустынножитель 83, 162, 164, 200
- Марк (Чебыкин) († 1909), игум.* – постриженник Оптиной Пустыни, настоятель Мещовского Георгиевского, Боровского Пафнутьева монастырей, на покое насельник Оптиной Пустыни с 1882 г. 277, 278, 298

- Марк Подвижник* († кон. IV–нач. V), *прп.* – пустынножитель египетский, богослов 193, 196, 197, 201
- Марк, игум.* – см. *Марк (Чебыкин), игум.*
- Марк, о.* – см. *Марк, схимонах*
- Маркелл* († после 1819), *иером.* – строитель Оптиной Пустыни в 1817–1819 гг. 97
- Маркович Александр Михайлович* (1790–1865) – историк, этнограф 266
- Мармонтель Жан Франсуа* (1723–1799) – французский писатель 61
- Матвеев* – московский купец 72
- Матфей* († 60), *ап. из 12-ти* – апостол, евангелист 66, 71, 84, 148, 170, 187, 196–198, 200, 209, 210, 212, 289, 321, 366, 367, 375, 409, 444, 454, 470, 543, 549, 592, 615, 616
- Матфей, о.* – ученик иером. Клеопы, впоследствии насельник Афонской горы 73
- Мелетий (Заборовский)* († 1946), *еп.* – епископ Забайкальский и Нерчинский в 1916–1929 гг. 602
- Мельхиседек (Короткий)* († 1841), *архим.* – настоятель Моденского Николаевского, Арзамасского Спасского, Суздальского Спасо-Ефимьева монастырей, на покое насельник Оптиной Пустыни с 1824 г. 272
- Мельхиседек (Сокольников)* († 1852), *архим.* – настоятель Московского Симонова монастыря в 1821–1851 гг. 165
- Мельхиседек, архим.* – см. *Мельхиседек (Сокольников), архим.*
- Мельхиседек, о.* – см. *Мельхиседек (Сокольников), архим.*
- Менгден О.П., баронесса* – неустановленное лицо 421, 422
- Мерзляков Алексей Федорович* (1778–1830) – поэт и переводчик, критик, декан Московского университета 247
- Мефодий (Шкломбовский)* († 1862), *иеродиакон* – насельник Оптиной Пустыни 272
- Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист 259

- Мирбах Вильгельм (1871–1918), граф* – немецкий дипломат 558
- Митрофан Воронежский († 1703), свт.* – первый епископ Воронежский с 1682 г. 153, 286
- Михаил* – см. *Макарий (Иванов Михаил Николаевич), прп.*
- Михаил* – см. *Сагушко-Загоровский Михаил Михайлович*
- Михаил Александрович* – см. *Чехов Михаил Александрович*
- Михаил Архангел* – Архистратиг Небесных Сил бесплотных 170
- Михаил Тверской († 1399), блгв. вел. кн.* – мученик, великий князь Владимиро-Суздальский с 1304 г. 181
- Михаил Федорович (1596–1645)* – русский царь с 1613 г., родоначальник царской династии Романовых 96
- Михаил Феокистович, диакон* – см. *Сангушко-Загоровский Михаил Феокистович, диакон*
- Михаил, иеродиакон* – келейник прп. Амвросия Оптинского 652
- Михаил, о.* – см. *Михаил, иеродиакон*
- Михей († до 1925), свящ.* – неустановленное лицо 603, 605
- Михей (Алексеев) († 1931), еп.* – епископ Уфимский в 1912–1913 гг., на покое насельник Оптиной Пустыни 523
- Мицкевич Адам (1798–1855)* – польский поэт 249
- Миша Д.* – см. *Д. Михаил*
- Мк.* – см. *Марк, ап. от 70-ти*
- Моисей († 1531 до Р.Х.), прор.* – предводитель израильского народа при исходе из Египта, законодатель и писатель священной истории 134, 148, 423
- Моисей (Антипов-Платонов), архим.* – см. *Моисей (Богданов-Антипов-Платонов), архим.*
- Моисей (Богданов-Антипов-Платонов) († 1834), архим.* – ректор Киевской семинарии, с 1832 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии 148
- Моисей (Путилов Тимофей Иванович) (1782–1862), прп.* – архимандрит, настоятель Оптиной Пустыни с 1825 г., основатель Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 42, 58–60, 91,

97–108, 110–114, 122, 128–131, 142, 165, 166, 168, 179, 190, 192, 193, 272, 279, 612

Моисей, игумен – см. *Моисей (Путилов Тимофей Иванович), прп.*

Моисей, о. – см. *Моисей (Путилов Тимофей Иванович), прп.*

Моревич Сергей – последователь учения Л.Н. Толстого 393

Мотовилов Николай Александрович (1809–1879) – симбирский и арзамасский помещик, собеседник и первый биограф прп. Серафима Саровского 88–90, 162

Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – историк литературы, эссеист, литературный критик 235, 616

Мошкин Исидор (?–1762) – отец прп. Серафима Саровского 156

Мошкина Агафия – мать прп. Серафима Саровского 156

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) – духовный писатель 172, 189

Мф. – см. *Матфей, ап. из 12-ти*

Н. – см. *Павлович Надежда Александровна*

Н., монахиня – неустановленное лицо 453

Назарий (Кондратьев) († 1809), игум. – настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, подвижник Саровской пустыни 53, 57, 66, 75–80, 83, 84

Никита Иванович – герой русских былин, богатырь 255

Наталья Петровна – см. *Киреевская Наталья Петровна*

Нектарий (Тихонов Николай Васильевич) (1853/1856–1928), прп. – иеросхимонах, духовник Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 32, 42–44, 95, 339, 399, 402, 405, 407, 417, 419, 420, 423, 437, 439–441, 454, 471–473, 475–479, 481, 485, 486, 489–502, 505, 506, 508–511, 513, 515–520, 522–527, 529–531, 535, 536, 538, 548, 550–553, 555–557, 560, 562, 563, 565–567, 569–576, 579, 582, 586–591, 595

Нектария (Концевич), монахиня – мать И.М. Концевича, духовная дочь прп. Нектария Оптинского 440, 441, 475, 499, 520–522, 524, 526, 529, 545, 546

- Никанор (Клементьевский) († 1856), еп.* – епископ Калужский и Боровский в 1831–1834 гг., с 1848 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский 127
- Никита* – см. *Нифонт (Пономарев), монах*
- Никитушка (?–после 1911)* – калужский Христа ради юродивый 435
- Никифор Исповедник († 828), свят.* – Патриарх Константинопольский 24
- Никодим (Кононов) († 1918), сщмч.* – архимандрит, с 1913 г. епископ Белгородский, автор «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков» 87, 128, 141, 174, 179, 181, 188
- Николай* – см. *Вишневский Николай*
- Николай* – см. *Нектарий (Тихонов Николай Васильевич), прп.*
- Николай († до 1822), иеросхим.* – пустынножитель молдавский, ученик прп. Паисия Величковского 115, 118
- Николай (Абрулах) († 1893), схимонах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 355, 353
- Николай (Бобраков/Бобриков), схимонах* – отец прмч. Исаакия Оптинского 420
- Николай (Соколов) († 1851), еп.* – епископ Калужский и Боровский с 1834 г. 110, 127, 274
- Николай I (1796–1855)* – российский император с 1825 г. 185
- Николай II († 1918), страстотерпец* – российский император с 1894 г. 244, 433
- Николай Александрович* – см. *Николай II, страстотерпец*
- Николай Загоровский* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Николай Мирликийский († ок. 345), свят., чудотв.* – архиепископ Мир Ликийских 350, 438, 443, 448, 508, 547, 576, 603
- Николай Павлович* – см. *Николай I*
- Николай Турок* – см. *Николай (Абрулах), схимонах*
- Николай, о.* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*

- Николай, Преосвященный* – см. *Николай (Соколов), еп.*
- Николай, пустынный* – см. *Николай, иеросхим.*
- Николай, свт.* – см. *Николай Мирликийский, свт.*
- Николай, схимонах* – см. *Николай (Бобраков/Бобриков), схимонах*
- Николая (Зайцева), монахиня* – служащая подворья при храме свт. Николая Мирликийского в г. Бари (Италия) 434, 437, 566–568
- Николушка* – см. *Кульнев Николай Яковлевич*
- Николь Дональд* – английский историк 128
- Никон* – вероятно, *Никон (Беляев) († 1931), исп.* – иеромонах Иоанно-Предтеченского Скита, старец Оптиной Пустыни 454, 455
- Нил († 1869), монах* – келейник прп. Илариона Оптинского 43
- Нил Сорский († 1508), прп.* – пустынножитель, основатель Сретенской Сорской пустыни 54, 192, 193, 433
- Нилов* – воевода Темниковского уезда 69
- Нилус Елена Александровна (урожд. Озерова) (1855–1938)* – супруга писателя С.А. Нилуса 322, 360, 438, 500
- Нилус Сергей Александрович (1862–1929)* – писатель, публицист, автор книг об Оптиной Пустыни 37, 43, 88, 114, 165, 169, 178, 180, 237, 239, 240, 296, 318, 322, 327, 330, 357, 360, 364, 365, 367–369, 371–375, 380, 381, 385, 390, 394, 441, 442, 450, 478, 481, 485, 497
- Нилусы* – 375
- Нифонт (Пономарев) († 1849), монах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни, отец прп. Илариона Оптинского 176, 177
- Нифонт Цареградский († после 1504), свт.* – Патриарх Константинопольский в 1488–1490 и 1499–1500 гг., подвижник Афонский, духовный писатель 102
- Нифонт, игумен* – неустановленное лицо 62
- Нифонт, св.* – см. *Нифонт Цареградский, свт.*
- Ноздрина Ульяна (в монашестве Магдалина) († после 1943)* – келейница прот. Н.М. Сангушко-Загоровского (в монашестве Серафима) 458, 461, 464–469

- Ной, св. праотец* – ветхозаветный патриарх 481, 549
- Норов Авраам Сергеевич (1795–1869)* – сенатор, писатель и филолог, министр народного просвещения в 1853–1858 гг. 189
- О.* – см. *Концевич Олег Михайлович (в монашестве Нектарий)*
- О.Н.Т.* – посетительница Оптиной Пустыни 553
- Одоевский Владимир Федорович (1812–1881), князь* – писатель и музыкальный критик, друг братьев Киреевских 247
- Озерова Елена Александровна* – см. *Нилус Елена Александровна (урожд. Озерова)*
- Ознобишин Дмитрий Петрович (1804–1877)* – литератор, поэт 252
- Окен Лоренц (1779–1851)* – немецкий естествоиспытатель, философ 247–249
- Олег, Олешок, Олик* – см. *Концевич Олег Михайлович (в монашестве Нектарий)*
- Онегин Евгений* – герой произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 247
- Онуфрий, схимонах* – пустынножитель молдавский, ученик прп. Паисия Величковского 115
- Опта* – раскаявшийся разбойник, легендарный основатель Оптиной Пустыни 95
- Орсисий Тавеннисийский († 380), авва, прп.* – настоятель Тавеннисийского монастыря в Фиваиде, богослов 193
- Осин Василий Петрович* – неустановленное лицо 575
- П.* – помещик, посетитель Оптиной Пустыни 124
- Павел* – см. *Павел I*
- Павел († 67), ап. из 12-ти* – первоверховный апостол 14, 15, 28, 103, 200, 318, 336, 499, 522, 616
- Павел († после 1812), монах* – ученик прп. Паисия Величковского, насельник Московского Симонова монастыря 58
- Павел I (1754–1801)* – российский император с 1796 г. 65, 78, 80, 216, 619
- Павел Крутиков* – см. *Крутиков Павел Алексеевич*

- Павел Фивейский* († 341), *прп.* – первый христианский монах, пустынножитель 377, 379
- Павел, о.* – неустановленное лицо 605
- Павел, о.* – см. *Левашов Павел, прот.*
- Павлов* – служащий Рязано-Уральской железной дороги 392
- Павлов Михаил Григорьевич* (1793–1840) – физик и агробиолог, профессор Московского университета 220
- Павлович Надежда Александровна* (1895–1980) – русская поэтесса 569
- Павловы* – 393
- Павский Герасим* (1787–1863), *прот.* – филолог, духовный писатель, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии 148
- Паганини Никколо* (1782–1840) – итальянский скрипач, композитор 249
- Пазухин Алексей Дмитриевич* (?–1891) – правитель Канцелярии министра внутренних дел, один из авторов реформ эпохи императора Александра III 308
- Паисий Величковский* († 1794), *прп.* – схииеромандрит, настоятель и духовник Секульского и Нямецкого монастырей в Молдовлахии, переводчик святых отцов 13, 16, 53–58, 60, 70, 74, 78, 79, 84, 88, 94, 99, 106, 114, 115, 119, 128, 130, 140, 141, 143, 145, 150, 162, 164, 182, 183, 188–190, 192, 193, 222, 618
- Паисий, иером.* – насельник Введенской пустыни 73
- Паисий, старец* – см. *Паисий Величковский, прп.*
- Палладий Еленопольский* († 430), *еп.* – церковный писатель, автор «Лавсаика» 34
- Палладий* († 1861), *иеродиакон* – насельник Оптиной Пустыни с 1815 г. 272
- Палладий, иером.* – эконоом Оптиной Пустыни в 1910-х гг. 392
- Пантелеимон* († 305), *вмч.* – св. целитель 408
- Пантелеимон* († после 1910), *иером.* – насельник Оптиной Пустыни, заведующий больницей 392, 395
- Параскева Андреевна* – см. *Сангушко-Загоровская Параскева Андреевна* (урожд. *Роменская*)

- Параскева Дивеевская* († 1915), блж. – Христа ради юродивая 45
- Парфений* († 1868), иером. – насельник афонских и русских монастырей, духовный писатель 126
- Парфений (Левицкий)* († 1921), архиеп. – архиепископ Полтавский и Переяславский с 1920 г. 439
- Парфений Полтавский* – см. *Парфений (Левицкий)*, архиеп.
- Парфений, о.* – насельник Саровской пустыни 85
- Парфений, о.* – см. *Парфений, иером.*
- Патрикий, монах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 369, 403
- Пафнутий Боровский* († 1477), прп. – основатель и игумен Боровского Пафнутьева монастыря 366
- Пахомий (Леонов)* († 1794), иером. – строитель Саровской пустыни с 1777 г. 83, 84
- Пахомий Великий* (ок. 348), прп. – пустынножитель фиваидский, египетский 30
- Пахомий, о.* – см. *Пахомий (Леонов)*, иером.
- Паша* – см. *Трунова Паша*
- Пашков Василий Александрович* (1831–1905) – основатель секты евангельских христиан («пашковцев») 382
- Перевозчиков* – вероятно, *Перевощиков Дмитрий Матвеевич* (1788–1880) – астроном, ректор Московского университета 254
- Перлов Сергей Васильевич* (1836–1910) – московский предприниматель, чаеоторговец 306
- Перлова Анна Яковлевна* (1843–1919) – супруга С.В. Перлова 306
- Пет.* – см. *Петр, ап. из 12-ти*
- Петерсон Александр Петрович* (?–после 1877) – историк 218
- Петр* – см. *Киреевский Петр Васильевич*
- Петр* – см. *Петр I*
- Петр* († 67), ап. из 12-ти – первоверховный апостол 101, 199, 201, 212, 288, 517, 598

- Петр (Могила) († 1647), митр.* – архимандрит Киево-Печерской Лавры с 1627 г., устроитель и начальник духовного училища при Киево-Печерской Лавре, митрополит Киевский и Галицкий с 1633 г. 49
- Петр (Полянский) († 1937), сщмч.* – митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего престола с 1925 г. 574
- Петр I (1672–1725)* – русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 49, 51, 52, 70, 96, 128, 134, 188, 234, 242, 244, 255
- Петр Алексеевич* – см. *Петр I*
- Петр Васильевич* – см. *Киреевский Петр Васильевич*
- Петр Великий* – см. *Петр I*
- Петр Дамаскин († после 1157), сщмч.* – подвижник Дамасский, богослов 206, 210
- Петр, митр.* – см. *Петр (Полянский), сщмч.*
- Петр, рясофорный монах* – келейник прп. Нектария Оптинского 526, 577, 578
- Петрик* – см. *Киреевский Петр Васильевич*
- Пимен (Мясников) († 1880), прп.* – архимандрит, настоятель Николо-Угрешского монастыря 327, 478
- Платон (Левшин) († 1812), митр.* – митрополит Московский (Московский и Коломенский с 1799 г.) в 1787–1811 гг., духовный писатель и проповедник 63, 96, 141, 142
- Платон (Фивейский) († 1877), архиеп.* – епископ (с 1868 г. архиепископ) Костромской и Галичский с 1857 г., духовный писатель 536, 538, 544
- Платон Костромской* – см. *Платон (Фивейский), архиеп.*
- Платонида († ?), схимонахиня* 86–88
- Платонов Сергей Федорович (1860–1933)* – историк 244
- Плиханков Павел Иванович* – см. *Варсонофий (Плиханков Павел Иванович), прп.*
- Плохины* – 566
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875)* – историк, профессор Московского университета 92, 189, 222, 244, 254, 256, 257, 265

- Подмошенский Глеб (в монашестве Герман)* – публицист, издатель 188
- Покровский Владимир* – см. *Иона (Покровский), еп.*
- Покровский Павел Степанович (в монашестве Платон)(?–после 1873)* – товарищ по семинарии прп. Амвросия Оптинского, впоследствии иеромонах Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 271
- Поликарп (Гайтанников) († 1837), архим.* – ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии, впоследствии ректор Московской Духовной Академии, духовный писатель 148
- Пономарев Никита* – см. *Нифонт (Пономарев), монах*
- Пономарев Родион* – см. *Иларион (Пономарев Родион Никитич), прп.*
- Пономаревы* – 177, 178
- Попов Александр Николаевич (1820–1877)* – юрист и историк, друг братьев Киреевских 252, 261
- Попов Константин Дмитриевич* – церковный историк 15, 29
- Поселянин Е. (наст. имя – Погожев Евгений Николаевич) (1870–1931)* – духовный писатель и публицист 80, 173, 184, 473
- Потапов Александр* – см. *Анатолий (Потапов Александр Алексеевич), прп.*
- Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), князь* – генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в русско-турецкой кампании 1787–1791 гг. 72
- Поток* – герой русских былин, богатырь 255
- Прасковья Ивановна* – см. *Параскева Дивеевская, блж.*
- Прохор* – см. *Серафим Саровский, прп.*
- Псевдо-Дионисий* – см. *Дионисий Ареопагит, ап. от 70-ти, сщмч.*
- Путилов Иван Григорьевич (1752–1809)* – отец прпп. Моисея и Антония Оптинских и игумена Исаии (Путилова) 98
- Путиловы* – 58, 59, 98
- Путьята* – герой русских былин, богатырь 259
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837)* – русский поэт 221, 242, 243, 247, 248, 252, 253, 359, 619

- Р., монахиня* – духовная дочь прп. Антония Оптинского 112, 174
- Рагозина Олимпиада Федоровна* – знакомая семьи Нилусов 494, 495
- Разумовская, княжна* – см. *Досифея (Тараканова/Разумовская), монахиня*
- Разумовский Алексей Петрович (1709–1771), граф* – генерал-фельдмаршал 244
- Рафаилов* – купец 313
- Редсток Гренвиль Вальдигрев (XIX), лорд* – пропагандист, религиозный реформатор 382
- Реннекампф Павел Карлович фон (1854–1918)* – русский генерал от кавалерии, участник русско-японской войны 400
- Реомюр Рене-Антуан де (1683–1757)* – французский натуралист и физик 385
- Родион* – см. *Иларион (Пономарев Родион Никитич), прп.*
- Рожалин Николай Матвеевич (1805–1834)* – писатель, переводчик, друг братьев Киреевских 249
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919)* – русский писатель, публицист, философ 307
- Роман (Медведь) († 1937), прот., исп.* – настоятель Адмиралтейского Свято-Владимирского собора г. Севастополя 562
- Руссо Жан Жак (1712–1778)* – французский писатель, педагог, философ 616
- Руфин († 410), пресвитер* – пустынножитель египетский, церковный писатель 30
- Рымаренко Адриан Адрианович (в монашестве Андрей) (1893–1978), прот.* – духовный сын последних Оптинских старцев, впоследствии деятель Русской Православной Церкви за границей, епископ (с 1973 г. архиепископ) Роклендский 439, 440, 527, 536, 538, 575, 576
- Рымаренко Евгения Григорьевна (?–1963)* – супруга прот. Адриана Рымаренко 439, 455, 527

- Рюрик (IX)* – варяг, родоначальник русской княжеской династии Рюриковичей 258
- Рязановский Валентин Александрович (1884–после 1956)* – правовед, деятель русской эмиграции 258
- Савва († 1908), иером.* – духовник Оптиной Пустыни 369
- Савватий († 1833), рясофорный монах* – пустынножитель рославльский, один из первых насельников Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 105
- Савватий Соловецкий († 1435), прп.* – один из основателей Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря 77
- Савицкий* – жандармский ротмистр 393, 394
- Савл* – см. *Павел († 67), ап. из 12-ти*
- Самарин Юрий Федорович (1819 –1876)* – общественный деятель и публицист, славянофил 49, 51, 52
- Самарина С.Ф.* – неустановленное лицо 361
- Самуил (Колесницын) († 1829), иером.* – строитель Бобренево-Голутвина монастыря с 1800 г. 96
- Сангушко-Загоровская Анна Михайловна* – сестра прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 458
- Сангушко-Загоровская Екатерина Ивановна* – супруга прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 440, 460, 466
- Сангушко-Загоровская Параскева Андреевна (урожд. Роменская)* – мать прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 458, 460
- Сангушко-Загоровские* – 457, 458
- Сангушко-Загоровский Михаил Михайлович* – брат прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 458, 459
- Сангушко-Загоровский Михаил Феокистович, диакон* – отец прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 458
- Сангушко-Загоровский Николай Михайлович (в монашестве Серафим) (1872–1943), прот.* – настоятель больничного храма в Харькове, духовный сын прп. Анатолия (Потапова) Оптинского 27, 440, 457–469

- Сарра, прав.* – жена ветхозаветного патриарха Авраама 366
- Саул (XI до Р.Х.)* – царь, основатель израильско-иудейского государства 596
- Саша* – см. *Амвросий (Гренков Александр Михайлович), прп.*
- Свенцицкий Валентин (1882–1931), прот.* – духовный писатель, поповедник 575
- Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874)* – литератор, дипломат 261
- Севастиан (Фомин) Карагандинский († 1966), схиархим., исп.* – келейник прп. Нектария Оптинского с 1912 г., впоследствии архимандрит 504, 577, 662
- Семен* – см. *Литовкин Семен Ефимович*
- Серафим (Чичагов) († 1937), смчм.* – епископ (с 1912 г. архиепископ) Кишиневский и Хотинский в 1908–1914 гг., с 1921 г. митрополит Варшавский и Привислинский, с 1929 г. митрополит Ленинградский 404, 405
- Серафим Саровский († 1833), прп.* – подвижник Саровской пустыни 16, 27, 30, 32, 44, 45, 79, 83–86, 88–90, 98, 129, 140, 150, 154–165, 169, 223, 271, 309, 310, 334, 340, 352, 368, 385, 399, 405, 412, 415, 423, 438, 444, 448, 467, 527, 579, 586, 619
- Серафим Харьковский* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Серафим, иером.* – см. *Сангушко-Загоровский Николай Михайлович, прот.*
- Серафим, о.* – см. *Вишневецкий Сергей (в монашестве Серафим)*
- Серафим, прп.* – см. *Серафим Саровский, прп.*
- Сергей Александрович* – см. *Нилус Сергей Александрович*
- Сергий (Мечев) († 1942), смчм.* – протоиерей, с 1823 г. настоятель храма свт. Николая в Кленниках в Москве, сын св. прав. Алексия Мечева 575, 578
- Сергий (Страгородский) († 1944), митр.* – митрополит Нижегородский, заместитель патриаршего Местоблюстителя в 1925–1934 гг., впоследствии Патриарх Московский и всея Руси 574

- Сергий Валаамский* († ок. 1353), *прп.* – один из основателей Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 77
- Сергий Радонежский* († 1391), *прп.* – пустынножитель, основатель и игумен Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 128, 154, 161, 318, 337, 422, 443, 444, 448, 486, 488
- Сергий, игум.* – настоятель Оптиной Пустыни до 1629 г. 96
- Сергий, игум.* – неустановленное лицо 57
- Сергий, иером.* – насельник Оптиной Пустыни 392
- Сергий, митр.* – см. *Сергий (Страгородский), митр.*
- Сергий, о.* – герой повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий» 617
- Сергий, прп.* – см. *Сергий Валаамский, прп.*
- Сергий, прп.* – см. *Сергий Радонежский, прп.*
- Серебрянский Николай Ильич (1872–1940)* – славист, краевед 16
- Сережа, Сержик* – см. *Вишневецкий Сергей (в монашестве Серафим)*
- Серид (VI), авва* – пустынножитель, основатель монастыря близ Газы Палестинской 30
- Серов Иван Михайлович* – студент Горного института в 1910-х гг. 340
- Сильвестр (Кулябка)* († 1761), *архиеп.* – ректор Киевской Духовной Академии, впоследствии архиепископ Санкт-Петербургский, духовный писатель 54, 72
- Симеон* († после 1661), *свящ.* – основатель Белобережской пустыни 184
- Симеон Новый Богослов* († 1021), *прп.* – настоятель монастыря мч. Маманта Кесарийского в Константинополе, богослов 89, 90, 104, 193
- Симеон, прп.* – см. *Симеон Новый Богослов, прп.*
- Симон (Виноградов)* († 1933), *еп.* – сотрудник Китайской духовной миссии с 1902 г., епископ Шанхайский с 1922 г. 602
- Сисой Великий* († 429), *прп.* – пустынножитель египетский 33
- Скворцов В.М.* – заведующий миссионерским отделом Святейшего Синода 372

- Скотт Вальтер (1771–1832)* – английский писатель 253
- Смарагд (Крыжановский) († 1863), архиеп.* – архиепископ Орловский и Севский в 1844–1858 гг. 146
- Смирдин Александр Филиппович (1795–1857)* – издатель, книготорговец 253
- Смирнов Сергей Иванович (1870–?)* – церковный историк, профессор Московской Духовной Академии 16, 17, 21–24, 26, 28, 30, 35, 38–40
- Смирновы* – 612
- Смолич Игорь Корнильевич (1898–1970)* – историк, филолог 132, 397
- Снегирев Иван Михайлович (1793–1868)* – филолог, этнограф, археолог и искусствовед, профессор Московского университета 247, 252
- Соковнины* – 219
- Сократ (ок. 470–399 до Р.Х.)* – древнегреческий философ 457
- Соловей Будимирович* – герой русских былин, богатырь 255
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900)* – религиозный философ, поэт, публицист 235, 236, 616
- Сонька Золотая Ручка* – 463
- София (Астафьева) (урожд. Болотова) († 1888), схимонахиня* – первая начальница Шамординской Казанской общины 302–304, 403
- София, игуменья* – см. *София (Астафьева) (урожд. Болотова), схимонахиня*
- София, м.* – см. *София (Астафьева) (урожд. Болотова), схимонахиня*
- Софья Константиновна* – знакомая семьи Нилусов 360, 361
- Софроний († после 1804), архим.* – настоятель Нямецкого монастыря (Молдовахия) по кончине прп. Паисия Величковского 59, 115
- Спиридович Александр Иванович (1873–1952)* – жандармский офицер, начальник дворцовой охранной агентуры, генерал-майор, автор нескольких трудов об истории революционного движения 245
- Ставр Годинович* – герой русских былин, богатырь 255
- Станевич Евстафий Иванович (1775–1835)* – писатель, переводчик с французского 144

- Стано О.Ю.* – председатель петербургского кружка спиритов 597
- Стахович Михаил Александрович (1862–1923)* – орловский губернский предводитель, политический деятель 372
- Стефан (Дерябин), рясофорный монах* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни в 1860–1870-х гг. 497, 498
- Стефан (Яворский) († 1722), митр.* – митрополит Рязанский, духовный писатель 49, 51, 52
- Стефан Савваит (IX), прп.* – подвижник лавры св. Саввы в Палестине, гимнограф 31
- Стефан, о.* – см. *Севастиан (Фомин) Карагандинский, схиархим., исп.*
- Стефан, о.* – см. *Стефан (Дерябин), рясофорный монах*
- Сумароков Е.* – историк 136
- Сушков Николай Васильевич (1796–1871)* – литератор, автор книги «Записки о жизни и времени святителя Филарета» 137, 138
- Сцилла и Харибда* – персонажи древне-греческой мифологии, олицетворяющие морские пучины, в которых гибли корабли 308
- Т.* – неустановленное лицо 563
- Таисия (Карцова) († 1995), монахиня* – родная сестра Е.Ю. Концевич (урожд. Карцовой), автор книги «Русское православное женское монашество XVIII–XX вв.» 361, 363, 500
- Таня* – см. *Ларина Татьяна*
- Тараканова Августа Тимофеевна* – см. *Досифея (Тараканова/Разумовская), монахиня*
- Тарасов Василий Прокопович* – студент Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1910-х гг. 340
- Татаринова Екатерина Филипповна (1783–1856)* – глава секты хлыстов в Санкт-Петербурге 147
- Таубе Михаил Михайлович (в монашестве Агапит) (?–1936), барон* – сотрудник Главнауки, духовный сын прп. Нектария Оптинского 521, 522
- Тим.* – см. *Тимофей, ап. от 70-ти, сщмч.*

- Тимон Надеевский* († 1840), прп. – иеромонах Костромской Николо-Надеевской пустыни, собеседник прп. Серафима Саровского 367, 368
- Тимофей* – см. *Моисей (Путилов Тимофей Иванович)*, прп.
- Тимофей* (ок. † 96), ап. от 70-ти, сиѡч. – епископ Ефесский 35, 212, 213, 233
- Тири Фридрих-Вильгельм* (1784–1860) – немецкий филолог 247, 248
- Титов Владимир Павлович* (1807–1891) – дипломат и литератор, друг братьев Киреевских 247, 265
- Тихон Воронежский* – см. *Тихон Задонский*, свт.
- Тихон Задонский* († 1783), свт. – епископ Воронежский и Елецкий в 1763–1767 гг., богослов и проповедник 60, 65, 71, 149, 184, 272, 291, 292, 424, 539
- Тихон Калужский* († 1492), прп. – чудотворец, основатель Тихоновой пустыни 286, 287, 366, 385
- Тихон Московский* († 1925), свт., исп. – Патриарх Московский и всея России с 1917 г. 561, 562, 572, 573
- Тихон, Патриарх* – см. *Тихон Московский*, свт., исп.
- Тихон, свящ.* – настоятель Покровской церкви в с. Холмищи Калужской губернии 577, 578
- Тихонов Василий* – отец прп. Нектария Оптинского 472
- Тихонов Николай* – см. *Нектарий (Тихонов Николай Васильевич)*, прп.
- Тихонова Елена* – мать прп. Нектария Оптинского 472
- Толстая Александра Львовна* (1884–1979), графиня – дочь Л.Н. Толстого, общественный деятель, литератор 393, 394
- Толстая Мария Николаевна* (1830–1912), графиня – монахиня, насельница Шамординской Казанской пустыни, сестра Л.Н. Толстого 386, 388, 393
- Толстой Александр Петрович* (1801–1873), граф – обер-прокурор Святейшего Синода в 1856–1862 гг. 91
- Толстой Лев Николаевич* (1828–1910), граф – русский писатель 237, 346, 385–388, 390–396, 603, 612

- Толстой Сергей Николаевич (1826–1904), граф* – старший брат Л.Н. Толстого 386, 387
- Трифон (Туркестанов) († 1934), митр.* – епископ (с 1923 г. архиепископ, с 1931 г. митрополит) Дмитровский, викарий Московской епархии с 1901 г. 416
- Трубецкие* – 245
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь* – философ, правовед, исследователь древнерусской иконописи 245
- Трунов Павел* – духовный сын прп. Льва Оптинского 129
- Трунова Паша* – сестра П. Трунова 129
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883)* – русский писатель 266
- Тургеневы* – 219
- Тьерри Амадей (1797–1873)* – французский историк 256
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873)* – русский поэт и публицист, дипломат 247
- Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф* – историк, министр народного просвещения в 1833–1849 гг., президент Академии наук с 1818 г. 254
- Ульяша* – см. *Ноздрина Ульяна*
- Урусова Наталия Владимировна (1874–1963)* – автор книги «Материнский плач по Святой Руси» 441, 450
- Усов* – санкт-петербургский купец, духовный сын прп. Анатолия (Потапова) Оптинского 437
- Усовы* – 437, 438
- Ушакова Елисавета* – см. *Мария (Ушакова), игуменья*
- Фалассий Ливийский († ок. 660), прп.* – настоятель монастыря в Ливийской пустыни, отец Церкви 191, 193
- Фасмер Максимилиан Романович (1886–1962)* – русский, немецкий языковед, славист 21
- Федоров Николай Федорович (1829–1903)* – религиозный мыслитель и философ 616
- Феодор* – см. *Феодор (Перехватов), схимонах*

- Феодор* – см. *Феодосий (Попов), игум.*
- Феодор (Перехватов) († 1822), схимонах* – пустынножитель молдовлахийский и российский, постриженник прп. Паисия Величковского 57, 98, 113–122, 130, 133, 145, 183, 184
- Феодор Едесский (IX), свт.* – епископ Едесский, духовный писатель 202
- Феодор Освященный († 368), прп.* – пустынножитель, ученик прп. Пахомия Великого 30, 35–37
- Феодор Санаксарский († 1791), прп.* – игумен Богородицкой Сретенской Санаксарской пустыни 61–71
- Феодор Студит († 826), прп., исп.* – настоятель Студийского монастыря, отец Церкви 38, 39, 193
- Феодор Эдесский* – см. *Феодор Едесский, свт.*
- Феодор, о.* – неустановленное лицо 159
- Феодор, о.* – см. *Гренков Феодор, свящ.*
- Феодор, старец* – см. *Феодор (Перехватов), схимонах*
- Феодорит, иером.* – строитель Оптиной Пустыни в 1629–1631 гг. 96
- Феодосий (XVI), архиеп.* – неустановленное лицо 20
- Феодосий (Маслов) († 1802), архим.* – настоятель Тисманского монастыря (Молдовлахия) с 1772 г., настоятель Софрониевой Рождества Богородицы Молчанской пустыни с 1779 г. 60, 74
- Феодосий (Поморцев) († 1920), иером.* – ризничий Оптиной Пустыни, с 1912 г. начальник Иоанно-Предтеченского Скита 392, 402, 405, 407, 418–420, 520, 521, 586–590
- Феодосий (Попов) († 1903), игум.* – постриженник Оптиной Пустыни, настоятель Перемышльского Лютикова монастыря в 1876–1894 гг. 176
- Феодосий Киевский* – см. *Антоний († 1073) и Феодосий († 1074) Печерские, Киевские, прпт.*
- Феодосий, игум.* – см. *Феодосий (Маслов), иером.*
- Феодосий, иером.* – см. *Феодосий (Поморцев), иером.*
- Феодосий, о.* – см. *Феодосий (Поморцев), иером.*

- Феодосий, монах* – насельник Оптиной Пустыни, пономарь 42, 43
- Феодосий-мудрец* – см. *Феодосий (Поморцев), иером.*
- Феодот, иером.* – благочинный Оптиной Пустыни в 1900-х гг. 392
- Феоктистова В.М.* – подруга А.Л. Толстой 391
- Феофан († 1819), иеросхим.* – келейник прп. Досифеи, затворницы Киевской, после 1776 г. насельник Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря 57
- Феофан (Быстров) († 1940), архиеп.* – епископ (с 1918 г. архиепископ) Полтавский и Переяславский в 1913–1918 гг. 375
- Феофан (Некрасов) († 1817), архим.* – настоятель Калужского Лаврентиева монастыря в 1786–1799 гг. 181
- Феофан (Прокопович) († 1736), архиеп.* – епископ (с 1720 г. архиепископ) Псковский в 1718–1725 гг., архиепископ Новгородский и Великолуцкий с 1725 г., государственный и церковный деятель, писатель 49–52, 56
- Феофан (Соколов) († 1832), архим.* – келейник митрополита Гавриила с 1784 г., настоятель Кириллова Новоезерского монастыря в 1793–1829 гг. 38, 58, 62, 63, 65, 66, 70, 74–76, 80–82
- Феофан (Талунин) († 1819), монах* – постриженник Оптиной Пустыни, пустынножитель рославльский 190
- Феофан (Туляков) († 1937), еп.* – епископ Калужский и Боровский в 1916–1927 гг. 566
- Феофан Вышенский* – см. *Феофан Затворник Вышенский, свят.*
- Феофан Затворник Вышенский († 1894), свят.* – епископ Тамбовский и Шацкий, затворник Вышенской Успенской пустыни, богослов, духовный писатель 26–28, 162
- Феофан Калужский* – см. *Феофан (Туляков), еп.*
- Феофан Новоезерский, архим.* – см. *Феофан (Соколов), архим.*
- Феофан Полтавский, архиеп.* – см. *Феофан (Быстров), архиеп.*
- Феофан, архим.* – см. *Феофан (Некрасов), архим.*
- Феофан, архим.* – см. *Феофан (Соколов), архим.*

- Феофан, монах* – см. *Феофан (Талунин), монах*
- Феофан, старец* – см. *Феофан (Соколов), архим.*
- Феодания (Готовцева), игуменья* – настоятельница Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря с 1845 г. 80
- Феофил († после 1893), иером.* – начальник Всесвятского скита Валаамского Спасо-Преображенского монастыря 57
- Ферапонт* – персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 129
- Филарет († после 1858), иером.* – насельник Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни, адресат Н.В. Гоголя 613
- Филарет (Амфитеатров) († 1857), свт.* – епископ Калужский и Боровский в 1819–1825 гг., митрополит Киевский и Галицкий с 1837 г., устроитель Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни 16, 60, 105–107, 119, 122, 127, 129, 131, 164
- Филарет (Данилевский) († 1841), игум.* – строитель Глинской Богородицкой пустыни с 1817 г. 60, 182
- Филарет (Дроздов) († 1867), свт.* – архиепископ с 1821 г. (митрополит с 1826 г.) Московский и Коломенский, богослов, духовный писатель 16, 31, 110, 112, 117, 127, 131, 134–139, 143–146, 148–153, 157, 158, 161–165, 168–175, 189–191, 235, 309
- Филарет (Пуляшкин) († 1842), иером.* – старец Московского Новоспасского монастыря 58, 59, 139–144, 184, 190
- Филарет Киевский* – см. *Филарет (Амфитеатров), свт.*
- Филарет Московский* – см. *Филарет (Дроздов), свт.*
- Филарет Новоспасский* – см. *Филарет (Пуляшкин), иером.*
- Филарет, митр.* – см. *Филарет (Дроздов), свт.*
- Филарет, о.* – см. *Филарет, иером.*
- Филарет, Преосвященный* – см. *Филарет (Амфитеатров), свт.*
- Филарет, старец* – см. *Филарет (Данилевский), игум.*
- Филарет, старец* – см. *Филарет (Пуляшкин), иером.*
- Филиппов Третий Иванович (1825–1899)* – публицист и историк, сенатор 189

- Филофей* († 1505), *игум.* – настоятель Псковского Спасо-Елиазарова монастыря, духовный писатель 19, 21
- Филофей Синайский* (IX), *игум.* – настоятель Синайского монастыря, духовный писатель 192
- Флоровский Георгий* (1893–1979), *прот.* – историк, духовный писатель 50, 52, 54, 56, 89, 90, 144, 146, 147
- Фотий* (Спасский) († 1838), *архим.* – настоятель Новгородского Юрьева монастыря в 1822–1838 гг. 148
- Харибда* – см. *Сцилла и Харибда*
- Харлампович Константин Васильевич* (1870–?) – церковный историк 146
- Херасков Михаил Матвеевич* (1733–1807) – издатель, литератор 305
- Хилков Михаил Иванович* (1843–1909), *князь* – министр путей сообщения 1895–1905 гг. 400
- Химикус* (?–после 1925) – директор Русско-Азиатского банка 605
- Хитров Михаил Иванович* (?–1899), *прот.* – филолог, духовный писатель 367, 368
- Хлюстин Николай Иванович* (?–1852) – помещик с. Кожемякино близ Оптиной Пустыни 168
- Хомяков Алексей Степанович* (1804–1860) – поэт и публицист, один из основоположников славянофильства 195, 215, 226, 228, 234, 254, 260, 261, 265
- Хомяковы* – 247
- Черкасов, о.* – неустановленное лицо 594
- Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) – публицист, литературный критик, писатель 149
- Четвериков Сергей* (1867–1947), *прот.* – церковный историк, духовный писатель, автор жизнеописания прп. Амвросия Оптинского 16, 56, 132, 397, 422, 423, 477
- Чехов Михаил Александрович* (1891–1955) – режиссер, педагог 569, 570
- Шаляпин Федор Иванович* (1873–1938) – русский певец 350

- Шевырев Степан Петрович (1806–1864)* – критик, историк литературы, поэт, профессор Московского университета 189, 190, 252, 261
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф (1775–1854)* – немецкий философ 220, 221, 247–249
- Шепелев Андрей (XVIII)* – козельский стольник 96
- Шепелевы* – 96
- Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф* – историк, писатель, коллекционер, член Государственного Совета 244
- Шишков Александр Семенович (1754–1841)* – вице-адмирал, писатель, с 1824 г. министр народного просвещения 148
- Шлёцер Август Людвиг фон (1735–1809)* – немецкий историк, исследователь русских летописей 257
- Шпенглер Освальд (1880–1936)* – немецкий философ, историк 308
- Штиллинг* – см. *Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих*
- Шустин Василий Васильевич (1886–1968), прот.* – духовный сын прп. Варсонофия Оптинского 32, 336, 337, 359, 373, 395, 405, 414, 417, 509, 518, 525, 609–611
- Шустина Анна Васильевна (?–ок. 1921)* – сестра прот. В. Шустина 359, 360
- Шустина Анна Сергеевна* – супруга прот. В. Шустина 412, 414
- Шустина Мария Васильевна (?–после 1968)* – сестра прот. В. Шустина 359, 360, 610, 611
- Щукин Сергей Сергеевич (1892–1977), прот.* – духовный сын прп. Нектария Оптинского 554
- Энгельгард Софья Александровна* – духовная дочь прп. Нектария Оптинского 575
- Эраст (Вытронский) († 1913), монах* – насельник Оптиной Пустыни, письмоводитель, автор «Исторического описания Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита» 191, 392, 613
- Ювеналий († 1796), иеромонах* – насельник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, миссионер, просветитель алеутов 78

- Ювеналий (Половцев) († 1904), архиеп.* – насельник Оптиной Пустыни в 1847–1857 гг., архиепископ Литовский и Виленский с 1893 г., духовный писатель 192, 310
- Ювеналий, о.* – см. *Ювеналий (Половцев), архиеп.*
- Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих (1740–1817)* – немецкий писатель, профессор Гейдельбергского университета, мистик 147
- Юшкова Авдотья Петровна* – см. *Елагина Авдотья (Евдокия) Петровна*
- Языков Николай Михайлович (1803–1846/1847)* – русский поэт 241, 242, 252, 253, 264, 265
- Якимов* – неустановленное лицо 253
- Яковлев* – неустановленное лицо 218
- Якушкин Павел Иванович (1822–1872)* – писатель, фольклорист, этнограф 252, 255, 266
- Янсон Михаил Алексеевич* – писатель, педагог, автор книги «Большой скит на Валааме» 57
- Яша* – см. *Иаков (Миляев) (в монашестве Иоаким), рясофорный монах*
- Яшко* – друг детства прот. Н.М. Сангушко-Загоровского 459
- Arsenief N.S.* – 172
- Gratieux A.* – см. *Грасье А.*
- Khomiakov A.* – см. *Хомяков Алексей Степанович*
- Lossky N.O.* – см. *Лосский Николай Онуфриевич*
- Migne J.P.* – 33

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
ОБ АВТОРЕ	8
ВВЕДЕНИЕ	13
Глава I	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА	14
Глава II	
РАСПРОСТРАНЕНИЕ УМНОГО ДЕЛАНИЯ НА РУСИ	46
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР	56
МИТРОПОЛИТ ГАВРИИЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ	61
АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН НОВОЕЗЕРСКИЙ	65
<i>Наставления архимандрита Феофана</i>	81
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ	83
Глава III	
ИСТОРИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.	
АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ	91
ОПТИНА ПУСТЫНЬ. ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДУХОВНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ	91
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ	95
АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ	98
<i>Письмо отца архимандрита Моисея Оптинского к сестре своей монахине Максимилле</i>	103
Глава IV	
ОСНОВАНИЕ СКИТА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.	
ИГУМЕН АНТОНИЙ	105
Глава V	
НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА.	
ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ	113

НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА	113
СХИМОНАХ ФЕОДОР	114
ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ – ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ	118
ПОСЛЕСЛОВИЕ	132
Глава VI	
МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ	134
Глава VII	
СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ	176
ОПТИНСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО	188
ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ	194
<i>Введение</i>	196
<i>Семь писем старца Макария к мирянину</i>	198
<i>Письмо 1</i>	199
<i>Письмо 2</i>	200
<i>Письмо 3</i>	202
<i>Письмо 4</i>	209
<i>Письмо 5</i>	210
<i>Письмо 6</i>	211
<i>Письмо 7</i>	213
Глава VIII	
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ	215
АНТРОПОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ КИРЕЕВСКОГО	229
ПИСЬМО И.В. КИРЕЕВСКОГО К СТАРЦУ МАКАРИЮ	237
Глава IX	
ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ – ПРАВЕДНИК В МИРУ	241
Глава X	
СТАРЕЦ АМВРОСИЙ	268
ОСНОВАНИЕ ШАМОРДИНСКОГО МОНАСТЫРЯ И КОНЧИНА СТАРЦА	299
Глава XI	
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ	307
Глава XII	
СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ ИОСИФ	312

Глава XIII

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ СТАРШИЙ	324
ПИСЬМА СТАРЦА АНАТОЛИЯ	333

Глава XIV

СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ	336
«ВОЗРОЖДЕНИЕ»	336
ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ	358
ЗАПИСИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НИЛУСА	364
<i>Язык имен и цифр</i>	366
<i>Встреча в трамвае</i>	367
<i>Смерть оптинского благочинного о. Илиодора</i>	368
<i>Рестаурация Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери</i>	371
ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВЕДНЫМ ОТЦОМ ИОАННОМ КРОНШТАДТСКИМ И СТАРЦЕМ ВАРСОНОФИЕМ	374
СЛУЧАИ ИСЦЕЛЕНИЙ	381
СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ	385
<i>Беседа старца Варсонофия с С.А. Нилусом</i>	385
<i>Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого</i>	390
«ОСЕНЬ». ОПТИНСКАЯ СМУТА И КОНЧИНА СТАРЦА	396

Глава XV

СТАРЕЦ ФЕОДОСИЙ	418
-----------------------	-----

Глава XVI

СТАРЕЦ АНАТОЛИЙ МЛАДШИЙ	421
СТАРЧЕСТВО ОТЦА АНАТОЛИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ	421
ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ «ТИХОГО ПРИЮТА ДЛЯ ОТДЫХА СТРАДАЮЩЕЙ ДУШИ»	429
ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА АНАТОЛИЯ	434
<i>Рассказ матери Николаи</i>	434
<i>Рассказ Елены Карцовой</i>	437
<i>Из воспоминаний матушки Евгении Григорьевны Рымаренко</i>	439
<i>Из частных писем к И.М. Концевичу</i>	440
<i>Пустите детей приходить ко мне</i>	441
БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА АНАТОЛИЯ	454

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ САНГУШКО-ЗАГОРОВСКИЙ (В МОНАШЕСТВЕ СЕРАФИМ) ...	457
Глава XVII	
СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ	471
ЮНЫЕ ГОДЫ ОТЦА НЕКТАРИЯ И ПЕРИОД ДО СТАРЧЕСТВА	472
СТАРЧЕСТВО ОТЦА НЕКТАРИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ	499
КОНЕЦ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. ЖИЗНЬ В ХОЛМИЩАХ	520
НАСТАВЛЕНИЯ ОТЦА НЕКТАРИЯ	529
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ НЕКТАРИИ ЕГО ДУХОВНОГО СЫНА ПРОТОПРЕСВИТЕРА АДРИАНА РЫМАРЕНКО	536
<i>Правила благочестивой жизни</i>	538
СЛУЧАИ ПРОЗОРЛИВОСТИ И ЧУДЕСНОЙ ПОМОЩИ	545
<i>Письма монахини Нектарии (Концевич)</i>	545
«Вечер» старца Нектария	550
«Не гонитесь за большим»	554
«...Улетишь, как птичка, у тебя будет много детей»	563
«Ты еще ничего не знаешь, что будет»	566
<i>Рассказ актера Михаила Чехова</i>	569
СТАРЕЦ И ПАТРИАРХ ТИХОН	572
КОНЧИНА ОТЦА НЕКТАРИЯ	575
<i>На могилке батюшки Нектария</i>	579
ОБРАЩЕНИЕ СПИРИТА	583
Глава XVIII	
УЧЕНИКИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ	600
ЕПИСКОП ИОНА ХАНЬКОУСКИЙ	600
ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ ШУСТИН	609
Глава XIX	
ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ПИСАТЕЛИ, ЕЕ ПОСЕЩАВШИЕ	612
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	612
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ	615
ПОСЛЕСЛОВИЕ	618
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	620

Концевич Иван Михайлович
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
И ЕЕ ВРЕМЯ

Ответственный за выпуск *С. Дмитриева*
Редакторы *Н. Лазарева, Е. Нечаева*
Корректор *Ю. Вишнякова*
Художник обложки *Е. Гончарова*
Компьютерная верстка *Д. Жуков*

Издательство Свято-Введенской Оптиной Пустыни
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь.
Тел./факс: (48442) 50-117.
E-mail: optina_is@rosmail.ru

Подписано в печать 01.08.2008. Формат 70x100^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 43,0 печ. л. Тираж 10 000 экз.
Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93